

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 12

Издается с 2005 года



2019

УДК 930
ББК 63я54
М630

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *В.И. Разумов*;
д-р ист. наук, доц. *В.Н. Ерохин*

Ответственные за выпуск:

канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.), д-р ист. наук, проф. *С.Б. Крих*,
канд. ист. наук, доц. *О.В. Метель*

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.), д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*, д-р ист. наук, проф. *С.Б. Крих*,
канд. ист. наук, доц. *М.А. Мамонтова*, д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мягков*,
д-р ист. наук, проф. *В.Г. Рыженко*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Свешиников*

М630 **Мир историка** : историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. – Вып. 12. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – 512 с.

ISBN 978-5-7779-2316-5

Очередной выпуск историографического сборника посвящен юбилеям трех крупных ученых, занимающихся в том числе историографией и науковедением – В.П. Корзун, В.Г. Рыженко и А.П. Толочко. Помимо библиографии указанных авторов, сборник содержит материалы дискуссии об издании архивных документов по истории науки и исследовательские статьи широкого круга российских историографов.

Раздел документов традиционно знакомит с неизвестными ранее историографическими источниками.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930
ББК 63я54

ISBN 978-5-7779-2316-5

© ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2019
© Общество интеллектуальной истории, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. НАУКА – ЭТО ПОИСК. ВОЗМОЖНО, БЕЗ ОТВЕТА...	5
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (2008–2018 гг.) доктора исторических наук, профессора кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета <i>Корзун Валентины Павловны</i>	10
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (2008–2018 гг.) доктора исторических наук, профессора кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета <i>Рыженко Валентины Георгиевны</i>	22
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (1972–2018 гг.) доктора исторических наук, профессора кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения исторического факультета <i>Толочко Анатолия Павловича</i>	38
Раздел 1. ИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ, ЧАСТНЫЕ АСПЕКТЫ	60
<i>Алеврас Н.Н.</i> Профессорское наследство как феномен «продленной гениальности»: взгляд на семью А.С. Лаппо-Данилевского (перечитывая книгу В.П. Корзун).....	60
<i>Вишленкова Е.А., Ильина К.А.</i> Университетское время домодерновой России	73
<i>Кузнецов А.А.</i> Миф о провинциальном историке в XX в. (на примере С.И. Архангельского)	103
<i>Лубский А.В.</i> К истории источниковедения в России в советской историографии	132
<i>Мамонтова М.А.</i> «Исключительная для осмысления современности»: проблема взаимодействия региональной власти и профессионального сообщества историков	168
<i>Мягков Г.П., Сыченкова Л.А.</i> Русская медиевистическая культурология: опыт актуализации непризнанного наследия.....	179
<i>Репина Л.П.</i> От «истории графств» к «новой региональной истории»: пути трансформации провинциальной историографии.....	207
<i>Сидорова Л.А.</i> Стихи российских историков как исторический и историографический источник	227
<i>Чеканцева З.А.</i> Мир историка и антропологизация историографии в XXI веке	244
Раздел 2. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ	266
<i>Матханова Н.П.</i> Так ли уж всё плохо? (Размышления оптимиста).....	266

<i>Метель О.В.</i> Институциональная структура советской исторической науки 1920–1930-х гг. по материалам источников личного происхождения (заметки и размышления).....	278
<i>Антощенко А.В.</i> О письмах Г.П. Федотова и не только.....	292
<i>Крих С.Б.</i> Юность историка: неопубликованные письма М.А. Коростовцева.....	308
Раздел 3. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	315
<i>Волошина В.Ю., Корзун В.П.</i> Классики в историографическом дискурсе Е.Ф. Максимовича.....	315
Е.Ф. Максимович «М.Н. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский».....	322
<i>Антощенко А.В.</i> «Своими статьями я приобрел сейчас так много врагов, что каждый друг или единомышленник на счету».....	328
Письма Г.П. Федотова Г.П. Струве. 1931–1950 гг.....	331
<i>Бухерт В.Г.</i> «Он действительно фанатик науки в буквальном смысле этого слова».....	340
Письма В.Д. Бонч-Бруевича о А.И. Клибанове. 1948–1953 гг.....	345
<i>Галчева Таня, Ковалев М.В.</i> Переписка А.П. Мешерского с А.В. Флоровским (1956–1967).....	363
<i>Метель О.В.</i> «...убить Виппера»: рецензия Н.М. Никольского на монографию Р.Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы» (М.; Л., 1946).....	400
<i>Тихонов В.В.</i> «...Древний восток в своих пережитках встречается на каждом шагу»: письма египтолога В.И. Авдиева из Ташкента (1941–1943 гг.).....	433
<i>Попова А.А.</i> Две беседы об А.С. Шофмане.....	445
Интервью с Е.А. Чиглинцевым.....	446
«Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым.....	449
<i>Федосеева К.В.</i> «...Как вы живете в Горьком и не собираетесь ли все-таки в Ленинград?..» (переписка Сергея Ивановича Архангельского с Инной Ивановной Любименко. 1933–1945 гг.).....	470
Переписка С.И. Архангельского с И.И. Любименко (1933–1945).....	484
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	509

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Наука – это поиск. Возможно, без ответа...

Этот очередной, уже двенадцатый по счету, выпуск «Мира историка» изначально задумывался как своего рода подарок, приношение к юбилею трех наших замечательных коллег, стоящих у истоков самого нашего издания и, в значительной степени, традиции историографических исследований в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского – докторов исторических наук, профессоров кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета ОмГУ – Валентины Павловны Корзун и Валентины Георгиевны Рыженко и доктора исторических наук, профессора кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Анатолия Павловича Толочко. В сравнении со многими другими академическими центрами Омский университет и его научные традиции еще относительно молоды и, соответственно, хотя это и создает определенные неудобства для историков, к каковым, например, можно отнести скудость архива, и даже порождает определенные комплексы, эта молодость (как и все другие) дает определенные преимущества. По крайней мере, у нас была возможность общаться с теми, кто стоял у истоков нашего университета и, даже, как в нашем конкретном случае, сказать слова благодарности.

Настоящий сборник, хотя и юбилейный по своему характеру, изначально задумывался не как простой *Festschrift*. Нам не хотелось ваять памятник или создавать миф (см. об этом статью А. Кузнецова в настоящем издании). Следуя традиции всех предыдущих выпусков нашего издания, среди которых были и юбилейные, мы решили попытаться и этот выпуск превратить в дискуссионную площадку для обсуждения различных, в первую очередь теоретических проблем современного исторического знания. Только в этот раз в центре нашего внимания оказались сюжеты,

непосредственно связанные с кругом научных интересов наших юбиляров.

Первая проблема, которая была предложена нами для обсуждения – это проблема гетерогенности исторической науки. Нам казалось, что для практики и теории современной историографии как формы рефлексии академического знания весьма продуктивным будет попробовать отказаться от редуцирующего холлизма, попытаться сменить оптику и посмотреть на историческую науку не как на монолитную систему, а как на некое сложное поле взаимодействия (взаимовлияния и борьбы) различных акторов с постоянно переконструируемыми в ходе этого взаимодействия дискурсами и ресурсами, с мейнстримом и периферией, мифами и подпольем. В первую очередь, в качестве маркера неоднородности нами был взят «географический фактор». Исходя из этого и был сформулирован круг возможных вопросов для рассмотрения. Мы предлагали авторам показать на конкретных примерах проблему развития региональных историографических исследований и школ, провокационно предполагая, что историография в нашей стране развивается в значительной мере в процессе взаимодействия «центра» и «периферии». Означает ли это, писали мы для «затравки», что в провинции историография играет ту же роль, что и краеведение? Имеет ли шансы локальная историографическая школа развиваться как самостоятельное явление в контексте отечественной науки, или лучшие ее представители неизбежно будут инкорпорированы в столичные круги, а остальные завязнут в воспроизведении однажды достигнутого? Какие факторы могут изменить или улучшить сложившуюся модель взаимодействий, и следует ли в принципе ее улучшать?

Сам выбор именно этой проблемы был далеко не случаен. Дело не только в том, что разговор давно назрел, а проблема совсем не является надуманной, но и в том, что обе виновницы торжества достаточно интенсивно занимаются изучением этой проблематики. Как В.Г. Рыженко, так и В.П. Корзун внесли заметный вклад в изучение региональных интеллектуальных сообществ, посвятив не одну работу их локальным, «периферийным» и даже маргинальным «разновидностям». Мы очень надеялись, что идеи, высказанные в работах наших героинь, будут востребованными в

ходе обсуждения заявленной проблемы, и это удалось. Независимо от тематики и подхода, выбранных авторами статей, включенных в первый блок, Валентина Павловна и Валентина Георгиевна оказались для них актуальными собеседниками. А статьи, действительно, очень разнообразны. Их авторы анализируют достижения русской историографии в международном контексте (статья Л. Сыченковой и Г.П. Мягкова), отталкиваясь от вопроса о ее периферийности, рассматривают причины и механизм конструирования «локального мифа об историке» (статья А. Кузнецова), интерпретируют в контексте «больших интеллектуальных трендов» достижения локальной школы «истории источниковедения» (статья А.В. Лубского), обосновывают новые теоретические подходы к изучению «локальной истории» как научного направления (статья Л.П. Репиной). Блок о гетерогенности, как и должно быть, получился очень гетерогенным.

Вторая проблема, предложенная редакцией для обсуждения, была связана с использованием в историографических исследованиях источников личного происхождения. Открытие архивов и возможность более свободно писать (или рассказывать) воспоминания, поясняли мы наш замысел в информационном письме, дали шанс отечественным историографам ввести в оборот огромный пласт источников самых разных эпох, в том числе крайне близких современности. Объем этого материала уже огромен, но все еще не исчерпан. Это заставляет поставить вопрос о соотношении количества и качества, возможностей и потребностей, и, наконец, объема проделанной работы и уровня достигнутых результатов или, другими словами, спросить себя и других: стоят ли затраченные усилия тех выводов, которые получают читатели в результате ознакомления с новым материалом? И какова вообще роль публикатора в подготовке к изданию нового текста?

Выбор этой проблемы для юбилейного выпуска тоже был не случаен. И Валентина Георгиевна, и Валентина Павловна немало внимания уделяют источникам личного происхождения, интерпретируя, анализируя, публикуя и вводя в оборот все новые тексты подобного характера.

Этот блок (статьи Н.М. Матхановой, О.В. Метель, А.В. Антощенко и С.Б. Криха) получился самым целостным, небольшим

по объему, но наиболее полемичным по исполнению и содержанию. Он такой, к которому в определенных изданиях принято добавлять ремарку: «Позиция авторов может не совпадать с позицией редакционной коллегии». Отдельные положения статей этого блока выглядят чересчур резко, отдельные представляются спорными и недостаточно обоснованными, однако, смеем полагать, что этим они и интересны.

И наконец, третий блок выпуска, казалось бы, самый традиционный – публикации источников. Этот блок есть во всех выпусках «Мира историка», укладывается он и в выбранную нами логику построения настоящего издания. Может быть, даже лучше, чем другие. И это вполне понятно. В свое время, когда задумывался первый выпуск, именно Валентина Павловна и Валентина Георгиевна были инициаторами включения в него на постоянной основе «без-идейного» блока с публикацией архивных материалов. Дело в том, что обе они, здесь вполне солидарно выступают вместе с А.П. Толочко, при всем стремлении к расширению проблемного поля и использованию в практике исторического и историографического письма различных методологических новаций, осознают всю важность скрупулезной работы с документом. Сам Анатолий Павлович приложил немало усилий как к становлению направления документоведения как на бакалавриате, так и в магистратуре исторического факультета ОмГУ, прилагал активные усилия к публикации многих документов, теоретическому и практическому введению их в научный оборот. Не случайно и то, что все юбиляры до сих пор продолжают активно работать в архивах, открывая и вводя в оборот новые и крайне любопытные тексты.

Не исключено, что именно по этой причине блок получился достаточно объемным. Среди публикуемых материалов есть действительно уникальные находки. Например, письма В.Д. Бонч-Бруевича руководителям советских государственных органов с просьбой освободить из заключения молодого историка А.И. Клибанова или письма известного востоковеда В.И. Авдиева из Ташкента, куда он был эвакуирован в военные годы. Хочется надеяться, что эти публикации будут востребованными исследователями истории отечественной исторической науки.

Несколько лет назад один из наших коллег защитил диссертацию в совете Томского университета. На банкете, слегка охме-

лев от успеха защиты и прочих побочных факторов, он поднял тост за членов диссертационного совета. Глядя на них, людей, действительно, очень немолодых, он произнес: «Да, вы – настоящие мастодонты!» Членам совета это не понравилось, и хотя конфликт удалось замять, но, как говорится, анекдот остался. Полагаем, что ни Валентине Павловне, ни Валентине Георгиевне, ни Анатолию Павловичу подобное обращение тоже бы не понравилось. Они не мифологические герои, принадлежащие к давно ушедшим векам становления омской историографии, напротив, они живые, активные, энергичные темпераментные, заражающие своим непосредственным интересом ко всему новому в науке, поражающие увлеченностью и работоспособностью, которой могут только позавидовать более молодые коллеги. Они постоянно рвутся в архивы, участвуют в конференциях, пишут статьи и монографии. Они постоянно в поиске. И мы желаем им – пусть он продолжается столько, сколько они сами захотят. Нам важны и интересны их книги, статьи, доклады, и идеи, которые в них содержатся. Мы ждем от них новых идей и новых текстов.

А получилось ли нам при составлении этого выпуска хоть в какой-то степени приблизиться к ответам на те вопросы, которые мы предлагали для обсуждения? Скорее, нет. Но мы понимали, что это маловероятный план. Ведь наука – это не формулирование «окончательных» ответов, а постоянный поиск все новых и новых ответов на новые и новые вопросы. Только в поиске наука и жива. Этому нас в свое время научили наши юбиляры, которые до сих пор своей «жизнью в науке» подтверждают правоту этих слов. И потому, исходя из того, что живой букет лучше гербария, мы и рискуем им преподнести этот сборник в качестве подарка, добавляя к нему в душе самые добрые пожелания и слова благодарности. С юбилеем!

Редколлегия, авторы и примкнувшие к ним коллеги

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (2008–2018 гг.)¹
доктора исторических наук, профессора
кафедры современной отечественной истории
и историографии исторического факультета
Корзун Валентины Павловны

1. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие (трансформация историографических координат) / соавт. Д.М. Колеватов // Исторический ежегодник. 2008. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 114–134.

2. Изоляционизм как черта образа сталинской науки / соавт. Д.М. Колеватов // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Ом. гос. аграр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Зап. Сибири (27–28 марта 2008 г., Омск). Омск: Изд-во Ом. аграр. ун-та, 2008. Ч. 2. С. 68–70.

3. «Интересно бы посмотреть на этот инкубатор, где выращиваются историографы...». Рец. на кн.: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. 536 с. // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С.388-398.

4. [Рецензия на книгу] // Исторический ежегодник. 2008. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та. Вып. 2. С. 111–114. Рец. на кн.: Захарова И.В. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2007. 400 с.

5. По пути погружения в специфику «Культуры места» (к 15-летию работы сектора динамики локальных культурно-исторических процессов) / соавт.: В.Г. Рыженко, О.В. Петренко, Е.В. Мельникова // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 2. С. 60–72.

6. «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...»: (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подгот. его матерью Еленой Дмитриевной) // Мир историка: историогр. сб. /

¹ Список научных трудов за 1998–2008 гг. опубликован: Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. 2008. С. 521–531.

редкол.: С.П. Бычков [и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 455–467.

7. Научная повседневность провинциального города позднего сталинизма (историографические заметки) // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VII Всерос. науч. симпозиума (Омск, 23–24 окт. 2008 г.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 104–108.

8. К вопросу об историографической контекстуальности (научное сообщество и «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в первое послевоенное десятилетие) / соавт. Д.М. Колеватов // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Междунар. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 277–279.

9. Коллективная идентичность и героизация отечественной истории в первое послевоенное десятилетие / соавт. Д.М. Колеватов // Катанаевские чтения: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 195-летию Ом. кадет. корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Георгия Ефремовича Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.) / редкол.: О.В. Гефнер [и др.]. Омск: Наука, 2008. С. 190–194.

10. Жизненный мир и наука: отец и сын Лаппо-Данилевские // Cogito. Альманах истории идей: [сб. ст.]. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. Вып. 3. С. 129–148.

11. На первый – второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект / соавт. Д.М. Колеватов // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 342–357.

12. Вместо предисловия. Научная конференция «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» / соавт.: М.П. Лаптева, Г.П. Мягков, И.Ю. Николаева, О.С. Поршнева, М.С. Петрова, В.Г. Рыженко, З.А. Чеканцева // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 5–15.

13. Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации / соавт. Д.М. Колеватов // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан: материалы VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 окт. 2009 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 197–200.

14. Образ отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм: поиск подходов к изучению / соавт. В.Б. Шепелева // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 359–363.
15. Трансформация ценностных ориентаций в отечественной гуманитаристике в период борьбы с космополитизмом /соавт. Д.М. Колеватов // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия: материалы Всерос. науч. конф., Казань, 13–14 окт. 2009 г. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 111–114.
16. Категория «образ исторической науки» в современной когнитивной ситуации / соавт. Ю.П. Денисов // Исторический ежегодник. 2009. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 105–113.
17. [Рецензия] // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 188–190. Рец. на кн.: Захарова Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / Н.А. Захарова, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2007. 400 с.
18. «Мир историка» – кредо Школы / соавт. А. Свешников // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С. 569–577.
19. Из опыта подготовки магистров по программе «История исторической науки. Историография» в Омском государственном университете / соавт. А.В. Свешников // V Всерос. науч.-метод. совещание деканов и заведующих кафедрами классических университетов и педагогических вузов (31 марта – 1 апр. 2009 г.): тезисы. М.: ИВИ РАН, 2009.
20. Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского (продолжение) // Мир историка: историогр. сб. / редкол.: В.П. Корзун [и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 316–353.
21. Герои и антигерои в историко-биографическом кинофильме второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. / соавт. Н.А. Кныш // Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: от века XX к веку XXI: сб. материалов регион. науч. семинара (Омск, 2 февр., 15 июня 2007 г.). Омск: Наука, 2009. Вып. 5. С. 119–125.
22. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие (границы нового проблемного поля) // Личность. Культу-

ра. Общество: сб. науч. ст. к 85-летию проф. В.Л. Соскина / отв. ред. Н.Н. Аблажей. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 170–191.

23. Эволюция науки: от космополитической к национально-государственной (историографический аспект) // Национальный / социальный характер. Археология идей и современное наследство: материалы Всерос. науч. конф., Нижний Новгород, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2010. С. 101–103.

24. Профессорская семья: стиль жизни, ролевые функции в поле научной повседневности / соавт. Д.М. Колеватов // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования: [сб. ст.] / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. С. 226–248.

25. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 59–85.

26. В поисках новой истории науки: гипотезы и опыты омских историографов / соавт. М.А. Мамонтова // Вестник Омского университета. 2010. № 4. С. 304–308.

27. Бриколаж по-советски: размышления о книге А.В. Гордона / соавт. З.А. Чеканцева // Новое литературное обозрение. 2010. № 4 (104). С. 351–356. Рец. на кн.: Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии / А.В. Гордон. М.: Наука, 2009. 377 с. То же [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/ko39.html> (дата обращения 28.06.2018).

28. «Опустела без тебя земля...». Несколько слов о коллеге // II Омские исторические чтения, [посвященные памяти профессора кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Генриха Кутдусовича Садретдинова]: сб. воспоминаний и ст. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 21–22.

29. Жизненный мир и наука: отец и сын Лаппо-Данилевские // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2010. Вип. 4. С. 395–416.

30. Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского. (Продолжение). «Невыносимая легкость бытия»: Гиссен. Письма И.А. Лаппо-Данилевского Е.А. Лаппо-Данилевской (1030–1931 гг.) // Мир историка: историогр. сб. / редкол.: С.П. Бычков [и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 411–426.

31. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские: (монография). СПб.: Алетейя, 2011. 191 с.

32. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.: (монография) / соавт.: Н.А. Кныш, Д.М. Колеватов, М.А. Мамонтова, В.Г. Рыженко, А.В. Свешников. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.
33. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания / соавт. В.Г. Рыженко // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24–44.
34. Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки / соавт.: М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 339–341.
35. Биография ученого в интерьере профессорской культуры: случай И.А. Лаппо-Данилевского // Право на имя. Биографика XX века: восьмые чтения памяти Вениамина Иофе, 20–22 апр. 2010 г. СПб., 2011. С. 90–102.
36. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки как проблема современной историографии / В.Г. Рыженко // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории: сб. науч. ст. / ред.: А.В. Якуб, В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 67–83.
37. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. / ред.: Н.Н. Алеврас [и др.]. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290–302.
38. Опыты историко-научных исследований в творчестве Н.А. Томилова // Этнограф, культуролог, историк...: к 70-летию проф. Николая Аркадьевича Томилова: [сб. науч. материалов] / сост. С.Н. Корусенко. Омск: Наука, 2011. С. 221–226.
39. Концепт «образ исторической науки»: интеллектуальная традиция и современная когнитивная ситуация / соавт. Ю.П. Денисов // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2011. Вип. 5. С. 306–319.
40. Учитель–ученик: последние письма (В.О. Ключевский и П.Н. Милюков) // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. Вып. 7. С. 453–456.

41. Новое проблемное поле современной историографии (к характеристике коммуникативного пространства) / В.Г. Рыженко // Историк Є.М. Щепкін (1860–1920). Постать в контексті епохи: матеріали міжнар. наук. конф. «IV Історіографічні читання», посвяч. 150-й річниці з дня народження проф. Є.М. Щепкіна, Одеса, 21–22 травня 2010 р. / ред.: В.М. Хмарський; Т.М. Попова. Одеса: ТЕС, 2012. С. 35–53.

42. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского университета. История. 2012. Вып. 51, № 16 (270). С. 99–109. То же [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/270/tog.pdf> (дата обращения: 29.06.2018).

43. Историография как интеллектуальная генеалогия: особенности формирования корпоративной памяти / соавт. Д.М. Колеватов // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ: материалы Всерос. науч. конф. / редкол.: Л.П. Репина [и др.]. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 218–221.

44. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна: судьба книги как зазеркалье историографии / соавт. Д.М. Колеватов // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Книга в історії культури: [міжвуз. зб. наук. праць] / редкол.: А.Г. Болєбрух [та ін.]. Днепропетровск: Вид-во Днепропетр. нац. ун-ту, 2012. С. 87–111.

45. Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества / соавт. Д.М. Колеватов // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред.: О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 257–273.

46. Коммуникативное поле исторической науки (историографические практики современных исследователей) // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций: материалы VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках программы подгот. к 300-летию Омска и празднования юбилейн. событий рос. истории (Омск, 16–18 окт. 2012 г.) / отв. ред. В.Г. Рыженко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 5–7.

47. Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие / соавт. Ю.П. Денисов, Н.А. Коновалова, М.А. Мамонтова. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 144 с.

48. Новая книга по истории российского офицерства, русской революции и не только... // Культурологические исследования в Сибири. 2013. № 1. С. 82–85. Рец. на кн.: Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 260 с.

49. Антропологическая модель научной школы: современные исследовательские практики // ESSE QUAM VIDERI к 90-летию Ю.И. Серого (1922–1986). Вып. 2. Ростов-на Дону: Изд-во «Антей», 2013. С. 10–33.

50. Жены ученых и творение «мест памяти» (об особенностях складывания личных фондов А.С. и И.А. Лаппо-Данилевских) // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г.) / [отв. ред. В.Ю. Афиани]. М., 2013. С. 352–356.

51. «На классиков – равняйся!» Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие / соавт. Д.М. Колеватов // История и историки в прошлом и настоящем [сб. ст. / под общ. ред. Л.П. Репиной]. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 330–356.

52. А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // Клио. 2013. № 12. С. 77–82.

53. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) / соавт. Г.П. Мягков // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Vol. 6, Is. 1. С. 158–201.

54. Историческая библиография как форма трансляции интеллектуальной культуры: меняющиеся функции дисциплины в первой трети XX в. (на материале Сибири) / соавт. Т.В. Бернгардт // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 186–205.

55. Биографический жанр в современном историографическом нарративе // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со

дня рождения проф. А.С. Шофмана, Казань, 13–15 нояб. 2013 г. / [сост. и отв. ред.: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев]. Казань: Яз, 2013. С. 232–235.

56. К вопросу об образе советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие (итоги и перспективы изучения) // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: сб. ст.: в 2 т. М.: РГГУ, 2013. Т. 1. С. 307–327.

57. «Позвольте Вам выразить искреннюю признательность комиссии...» / соавт. В.Г. Бухерт // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 65–69.

58. Семья Лаппо-Данилевских: семейный контекст в историографическом нарративе // История и историки: историогр. вестник. 2011–2012 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 135–166.

59. Интервью с Константином Юрьевичем Лаппо-Данилевским // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 70–80.

60. Речь А.С. Лаппо-Данилевского на диссертационном диспуте / соавт. Н.Н. Алеврас // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 41–50.

61. «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...» / соавт. В.Г. Бухерт // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 60–64.

62. А.С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 17–40.

63. От редколлегии / соавт. С.П. Бычков // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 6–16.

64. Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: очерки / соавт.: С.П. Бычков, В.Ю. Волошина, О.А. Гайлит, М.А. Жигунова, М.А. Мамонтова, О.В. Петренко, В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2014. 377 с.

65. Университетская корпорация и практики консолидации: локальная версия исследования в контексте истории молодого университета (Омский государственный университет, 1974–2014) / соавт. В.Г. Рыженко // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы Всерос. науч. конф.

с междунар. участием, посвящ. 210-й годовщине основания Казан. ун-та, Казань, 27–29 нояб. 2014 г. Казань: Яз, 2014. С. 36–41.

66. А.А. Кизеветтер о начальных страницах истории Казанского университета в контексте образовательной политики российского государства первой четверти XIX века / соавт. В.Ю. Волошина // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 210-й годовщине основания Казан. ун-та, Казань, 27–29 нояб. 2014 г. Казань: Яз, 2014. С. 218–223.

67. Университетская корпорация как научная проблема / соавт. В.Г. Рыженко // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 окт. 2014 г.). Омск, 2015. С. 28–30.

68. Особенности складывания университетской корпорации в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского / В.Г. Рыженко // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 окт. 2014 г.). Омск, 2015. С. 8–9.

69. Концепции истории науки в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Development of Russian science and learning» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2015. № 6 (361). С. 124–131.

70. Творчество Сергея Сергеевича и Александра Александровича Лаппо-Данилевских в социокультурном контексте эпохи // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 143–146.

71. Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» / соавт.: С.П. Бычков, С.Б. Крих // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Вып. 10. С. 12–28.

72. От редколлегии // Мир историка: историогр. сб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. Вып. 10. С. 5–11.

73. Н.М. Карамзин в отечественных учебниках по историографии: особенности освоения корпоративной памяти // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы Междунар. конф. (Москва, 3–4 окт. 2016 г.). М.: Аквилон, 2016. С. 209–213.

74. В.О. Ключевский как историограф: история исторической мысли в контексте отечественной культурной традиции // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского (Пенза, 29–30 сент. 2016 г.). Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 117–120.

75. Н.М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти // Преподаватель XXI век. 2016. № 4, ч. 2. С. 459–470.

76. «На местах у лекционного бюро должны быть так называемые щупальцы»: история создания лекционного бюро при Комитете по делам Высшей школы / соавт. М.А. Мамонтова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 743–753.

77. Изломанная судьба: память и профессионализм историка // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 362–370.

78. Дискуссия о периодизации истории советской исторической науки в интерьере коммуникативного поля / соавт. В.С. Груздинская // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 58–67.

79. Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 378–388.

80. Размышляя над опытом участия в Российском обществе интеллектуальной истории / соавт.: О.В. Метель, А.В. Свешников, Т.Н. Иванова, Н.Н. Алеврас, Г.П. Мягков, Н.В. Гришина, В.Г. Рыженко // Мир историка: историограф. сб. / редкол.: В.П. Корзун [и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. Вып. 11. С. 11–34.

81. Портрет корпорации историков в интерьере сибирского университетского города рубежа XX–XXI вв. (историографический ракурс) // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): VII Арсентьев. чтения: сб. ст. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Среда, 2017. Т. 1. С. 44–48.

82. О бунтарстве в науке и особенностях коммуникативного поля советской историографии: отзыв офиц. оппонента о дис.

М.А. Базанова... // Мир историка: историограф. сб. / редкол.: В.П. Корзун [и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. Вып. 11. С. 459–468.

83. Вотчинная теория: траектория движения в историографическом пространстве // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2017. № 2 (194). С. 105–109. Рец. на кн.: Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной историографии XIX–XXI вв. Ростов на Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 138 с.

84. Международная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения Василия Осиповича Ключевского // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 1. С. 18–20.

85. Историк в смутное время: 1917 год в дневниках М.М. Богословского и А.Н. Савина [Электронный ресурс] / соавт. Д.М. Колеватов // Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (21 сент. 2017 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 40–45. URL: <http://www.omsu.ru/science/materialy-konferentsiy/2017/index.php> (дата обращения: 05.07.2018).

86. Н.М. Карамзин и профессиональная идентичность историка: («круглый стол», посвящ. 250-летию Н.М. Карамзина) // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 406–411.

87. Изменения институционального ландшафта исторической науки в 1990–2000-е гг.: Омский вариант // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4. С. 294–301.

88. Выступление на научном семинаре ««Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – начала XX вв.: опыт и перспективы изучения» [Электронный ресурс], Челябинск, 18 нояб. 2016 г. // *Magistra Vitae*. 2017. № 2. С. 233–240, 243, 246. URL: <http://magistravitaejournal.ru/ru/archive/19-1.html> (дата обращения: 05.07.2018).

89. Отзыв официального оппонента на диссертацию В.В. Митрофанова // *Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: сб. ст. к юбилею д-ра ист. наук В.В. Митрофанова*. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 249–254.

90. Историк на рубеже эпох: варианты личностной и профессиональной самоидентификации (М.А. Гудошников, С.А. Пионтовский, А.Г. Маньков) / соавт. Д.М. Колеватов // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України*. Историк на зламах

історії: досвід переживання: міжвуз. зб. наук. праць / редкол.: О.І. Журба [та ін.]. Дніпро, 2017. С. 129–147.

91. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) / соавт. Г.П. Мягков // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной): [сборник] / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 364–409.

92. Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры» / соавт. В.Ю. Волошина // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 39–70.

93. О соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: дефиниции как исследовательская опция // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара). Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 19–25.

94. Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла / соавт. Д.М. Колеватов // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею профессора Н.Н. Алеврас / под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 118–132.

95. Советский историк в фокусе культурологической парадигмы (размышления о новой книге Л.А. Сидоровой) / соавт. В.Г. Рыженко // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 1. С. 115–117. Рец. на кн.: Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитар. инициатив, 2017. 248 с. (Historia Russica).

96. Замысел еще не точка... Сборник «Русская наука» в реалиях социального экстрима // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 347–356. Размышления над кн.: Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (К столетию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): ст. и док. / отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.; М., 2016. 848 с.

Выражаем благодарность зав. сектором информационных технологий библиотеки ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Е.С. Блохиной и зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Т.В. Бернгардт за библиографическую подготовку материала

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (2008–2018 гг.)¹
доктора исторических наук, профессора
кафедры современной отечественной истории
и историографии исторического факультета
Рыженко Валентины Георгиевны

1. «Знание своей родины есть сила...» (о ранних сибиреведческих экспериментальных опытах изучения региона) // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию профессора, д-ра ист. наук А.П. Толочко / под ред. Ю.А. Сорокина. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 315–328.

2. «Числюсь по России». Состав и интересы локального общества историков: от послевоенных лет до современности // Пишем времена и случаи: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.) / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. С. 186–190.

3. Востребованность музейных ресурсов в интересах исторической науки и образовательной практики – характерная черта современного этапа истории музейного дела // Музейные ценности в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию Омского государственного историко-краеведческого музея (Омск, 14–17 мая 2008 г.). Омск, 2008. С. 147–149.

4. Служа Отечеству, науке и родному краю (вступительная статья) // Пора вам должное воздать... Сборник об архивистах и для архивистов / глав. ред. Г.Ю. Бородина. Автор проекта, сост., отв. ред. Т.А. Терехина. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 4–6.

5. Историк – человек своего времени: ценностные установки сибирских историков в первое послевоенное десятилетие // Исторический ежегодник. 2008. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 1. С. 43–56.

6. О конференции «Степной край Евразии» / соавт. Н.А. Томилов // Исторический ежегодник. 2008. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 1. С. 67–70.

¹ Список научных трудов за 1998–2008 гг. опубликован: Мир историка: историографический сборник. Вып. 4. 2008. С. 532–552.

7. Образы российских городов XX века: линии конструирования современных междисциплинарных исследовательских моделей // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VII Всерос. науч. симпозиума (Омск, 23–24 октября 2008 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. Омск: Изд-во ОмГПУ: Изд. дом «Наука», 2008. С. 3–8.

8. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 12–14 ноября 2008 г.) / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 214–216.

9. Возможности междисциплинарных моделей изучения историко-культурной среды, этнокультурного и социокультурного потенциала регионов (из опыта современных сибирских исследователей) // Актуальные проблемы Отечественной истории на современном этапе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2008. С. 21–26.

10. Художник и творчество в пространстве культуры XX века: новаторский опыт регионального научно-справочного издания (Художники Алтайского края: биобиблиогр. словарь в 2 т.) / Алт. краев. универ. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова, Алт. орг. ВТОО «Союз художников России», Гос. худож. музей Алт. края. Отв. ред. В.С. Олейник, науч. ред. Т.М. Степанская. Т. 1. А–Л, Барнаул, 2005. Т. 2. М–Я, Барнаул, 2006 // Культурологические исследования в Сибири. 2008. № 2 (24). С. 119–124.

11. Вместо предисловия. Научная конференция «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» / соавт.: В.П. Корзун, М.П. Лаптева, Г.П. Мягков, И.Ю. Николаева, О.С. Поршнева, М.С. Петрова, З.А. Чеканцева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2009. № 27. С. 5–15.

12. Диалоги художественных музеев в современном этно- и поликультурном пространстве: возможности взаимодействия науки и творческих практик для интеграции в евразийском регионе // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. VI Междунар. науч. конф., посвящ. 35-летию Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского и 70-ле-

тию Костанайского гос. пед. ин-та / под ред. А.П. Толочко, А. Кузембайулы. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 197–201.

13. Исследователь в современном междисциплинарном пространстве: возможности изучения образов и пространства города советской эпохи // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 3. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 85–112.

14. Современные энциклопедии крупных городов России: пример краеведческого городоведения или исторической урбанистики? (На примере энциклопедий Новосибирска и Челябинска) // Первые Всерос. краевед. чт.: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.). Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта. М.: АНО ИЦ «Москвоведение». ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. С. 499–506.

15. Диалоги исследователей в интеллектуальном пространстве «без границ» в условиях смены познавательных парадигм (о концепции омских научных конференций по культуре и интеллигенции) // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 5–8.

16. Университеты в исследовательской матрице образа города (историк в условиях новых познавательных поворотов) // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 108–111.

17. Забытые опыты сибирской историографии XX в. (по материалам личных архивных фондов Г.Г. Жерновкова и В.И. Шемелева) // II Омские исторические чтения, посвященные памяти профессора кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Генриха Кутдусовича Садретдинова: сб. воспоминаний и ст. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 165–175.

18. Краеведение и «новая локальная история» (современные дискуссии в условиях смены познавательных парадигм) // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII–XX вв.): материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию доктора исторических

наук, профессора А.Д. Колесникова (8–9 декабря 2009 г.). Омск: СибАДИ, 2009. С. 313–320.

19. Роль художественного музея в пространстве современного города и в межрегиональных диалогах (возможности взаимодействия науки и творческих практик: опыт пограничных территорий) // Сб. науч. тр. Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля / науч. ред. Ф.М. Буреева. Омск: ООО «Издат. дом “Наука”». Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 55–59.

20. Роль «монографических» музеев в культурном пространстве и в «ментальной карте» региона // Музей – Дом Мастера. К 100-летию народного художника РСФСР А.Н. Либерова: сб. материалов Всерос. культурно-образовательного проекта (Омск, 24–25 сентября 2009 г.). Омск, 2009. С. 34–38.

21. Университеты в городском пространстве и в образе города // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 1 (27). С. 95–99.

22. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект): монография / науч. ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с. (Тр. ученых Ом. ун-та. Серия «История»).

23. Интеллигенция и инновационные практики / соавт.: Н.А. Томилов, А.В. Жидченко // Вестник Омского университета. 2010. № 1 (55). С. 201–204.

24. Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города / соавт.: Н.А. Томилов, А.В. Жидченко // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 112–114.

25. [Рецензия на книгу] // Исторический ежегодник. 2008. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та. Вып. 2. С. 111–114. Рец. на кн.: Захарова И.В. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2007. 400 с.

26. Новый этап научно-коммуникативного проекта «Культура и интеллигенция России» / соавт.: З.Г. Сактаганова, А.В. Жидченко // Вестник Карагандинского университета. № 1 (57), 2010. Серия ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ПРАВО. С. 334–339.

27. Исследователь в современном междисциплинарном пространстве: возможности изучения образов и пространства города советской эпохи. Блок 2. Историографический // Регіональна історія

України. Збірник наукових статей. Вип. 4. К.: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 193–216.

28. Историк советской культуры в современном пространстве интеллектуальных диалогов: выбор и позиция Мастера / соавт. В.Ш. Назимова // Личность. Культура. Общество: сб. науч. ст. к 85-летию проф. В.Л. Соскина. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 12–28.

29. Коммуникативная и исследовательская роль в конструировании образов Сибири межрегиональных и всероссийских научно-художественных проектов начала XXI в. // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета (17–19 ноября 2010 г.) / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. С. 40–43.

30. Историко-культурная среда российской провинции и социокультурный потенциал отдельных регионов: перспективные исследовательские модели // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 20–23.

31. Художники-сибиряки на фронте и в тылу: творческая деятельность Ивана и Василия Титковых // Культурологические исследования в Сибири. Омск. 2010. № 1(31). С. 50–59.

32. «Столицы» в российской «глубинке»: к проблеме сотворения статусного образа (XX век) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Вып. 2. Сб. науч. тр. / под ред. К.В. Фадеева. Томск: Изд-во ООО «Оптимум». 2010. С. 194–199.

33. Выбор пути в науку и подготовка кадров историков в Республике Казахстан в начале XXI в. (заметки «инострannого» члена диссертационного совета) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 200–219.

34. Память о Петре Великом в современном пространстве сибирских «городов Петра»: возможные исследовательские практики в контексте проблем идентификации // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): материалы Всерос. науч. конф. (Омск, 11–14 октября

2010 г.) / под ред. П.П. Вибе, А.А. Кильдюшевой, Т.М. Назарцевой. Омск: ОГИК музей, 2010. С. 43–46.

35. Юбилей города: современные исследовательские практики конструирования исторической памяти и коллективной идентичности (на материалах Сибири) // Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период: сб. науч. тр. II Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 3–4 декабря 2010 г.). Новокузнецк, 2010. С. 76–84.

36. «Воображая Россию и Сибирь...»: конференция «Образы территорий как социокультурный ресурс: изучение, конструирование, репрезентация» в межрегиональном научно-художественном проекте «Сибирь: собирательный образ // Сибирь: собирательный образ: альбом-каталог межрегиональной выставки-конференции (Омск, 4–21 ноября 2008 г.). Омск, 2010. С. 90–106.

37. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.: (монография) / соавт.: Н.А. Кныш, Д.М. Колеватов, М.А. Мамонтова, В.П. Корзун, А.В. Свешников. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

38. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания / соавт. В.П. Корзун // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 37. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 24–44.

39. Изменения в социокультурном облике и повседневной жизни советской женщины-горожанки в период «оттепели» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). С. 46–50.

40. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки как проблема современной историографии / В.П. Корзун // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории: сб. науч. ст. / ред.: А.В. Якуб, В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 67–83.

41. Новое проблемное поле современной историографии (к характеристике коммуникативного пространства) / соавт. В.П. Корзун // Є.М.Щепкін: постать на тлі доби. Збірник наукових праць. – Одеса: ТЕС, 2011. С. 97–107.

42. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 330–342.

43. Возможности историко-культурологической модели изучения музеев в пространстве современного города и в «ментальной карте» региона // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.) / отв. ред. В.А. Ламин, Н.М. Щербин. Новосибирск, 2011. С. 237–247.

44. Вспоминая уроки гармонии «ученого» и «женского»: к образу советского историка В.М. Селунской / соавт.: М.Р. Зезина, И.Е. Кознова, Н.Л. Рогалина, Т.А. Сивохина // На крутых поворотах истории: материалы конф. «Актуальные проблемы методологии отечественной истории»: сб. науч. тр. М., 2011. С. 6–25.

45. Михаил Ефимович Бударин – журналист, историк, родиневед, культуролог (заметки историографа и коллеги) // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: сб. науч. статей и материалов III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения М.Е. Бударина (Омск, 29–30 октября 2010 г.) / ред. И.Е. Скандаков и др. Омск: Изд-во «Амфора», 2011. С. 8–18.

46. Александр Покрышкин – «Парень из нашего города»: локальные варианты сохранения памяти о героях Великой Отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 3 (34). С. 62–69.

47. Имя художника в культурном пространстве региона: к проблеме конструирования региональной идентичности и брендов территорий // Творчество А.Н. Либерова и российская пастель: история и современность (Омск, 26 марта 2011 г.): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 26 марта 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 39–45.

48. Н.А. Томилов – известный российский музеевед / соавт. Г.М. Патрушева // Этнограф, культуролог, историк... К 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / сост. С.Н. Корусенко. Омск, 2011. С. 227–235.

49. Историко-культурологическая модель конструирования образа индустриального города советской эпохи и его отражения

в произведениях искусства (региональный аспект) // Феномен индустриального города в контексте истории: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Череповец, 6–8 октября 2011 г.) / отв. ред. О.Ю. Солодянкина. Череповец: ЧГУ, 2011. С. 133–140.

50. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. А.Ф. Палашенкова (1886–1971) (Омск, 27–29 октября 2011 г.). Омск: ОГИК музей, 2011. С. 39–47.

51. Возвращенное наследие историков XX века в коммуникативном поле современной российской исторической науки: приглашение к дискуссии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XXI вв.: материалы Междунар. науч. конф. (Челябинск, 17–19 ноября 2011 г.). Челябинск, 2011. С. 372–382.

52. История повседневности XX века в англоязычной историографии / соавт. А.В. Жидченко // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 3. 2012. С. 172–178.

53. Советская мода в контексте повседневной жизни городского района в 1950–1960-е гг. (по материалам Омского городка нефтяников) / соавт. А. В. Жидченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3 ч. Ч. I. С. 197–202.

54. Новый этап научно-коммуникативного проекта «Культура и интеллигенция России» (Омск, 16–18 октября 2012 г.) / соавт. О.В. Петренко // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 99–101.

55. Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова в профессиональной судьбе современного профессора Российского университета (заметки к истории научно-образовательных связей университетов пограничных территорий Казахстана и России в конце XX – начале XXI вв.) // Университет, общество, инновационное развитие: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова и высшего об-

разования в Акмолинской области (на казахском и русском языках). Кокшетау, 2012. С. 254–256.

56. Корпоративная культура профессионального сообщества российских историков в условиях смены «вызовов времени» и трансформаций коммуникативного поля науки // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ: материалы Всерос. науч. конф. М., 2012. С. 158–160.

57. Историческая наука и образование в России: судьбы историков и научных школ (К 175-летию В.И. Герье и 140-летию МПГУ) / соавт.: О.В. Воробьева, Т.Н. Иванова, М.П. Лаптева, О.Б. Леонтьева, Г.П. Мягков, М.Ф. Румянцева // Преподаватель XXI в. 2012. Т. 1. № 3. С. 195–200.

58. Личностный аспект в формировании современных горизонтальных научных коммуникаций: Л.П. Репина и омские историки // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 360–374.

59. Современные конференции как коммуникативная площадка и особое звено интеллектуального пространства «без границ» / соавт. О.В. Петренко // Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций: материалы VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.) / отв. ред. В.Г. Рыженко, О.В. Петренко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 14–18.

60. Историография отечественной культуры: вариант построения университетского учебного курса для магистрантов в современной познавательной ситуации // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 22–23 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 198–203.

61. Перечитывая вместе: наследие А.Н. Седельникова в университетском курсе по историческому краеведению / соавт. Л.И. Келлер // История образования и просвещения в Западной Сибири: сб. науч. ст. и материалов VIII регион. науч.-практ. конф.,

посвящ. 135-летию со дня рождения А.Н. Седелникова. Омск, 2012. С. 19–25.

62. Значение творческой деятельности художников в культуре региона и в университетской образовательной практике // Образование. Досуг. Творчество: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 17 ноября 2011 г.). Омск, 2012. С. 276–284.

63. Образы урало-сибирских регионов в «Фигурах Памяти»: возможности междисциплинарных моделей и современные практики трансляции // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: материалы Всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения» / отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган, 2012. С. 213–214.

64. Фигуры памяти в междисциплинарной модели «Матрица культурно-цивилизационного ландшафта современного города» // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики: материалы IX Всерос. науч. симпозиума. Омск, 2012. С. 80–83.

65. Оглядываясь в начало 1990-х годов: образ Н.М. Ядринцева в материалах научной конференции в Омске, посвященной его памяти // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894). Омск, 2012. С. 74–76.

66. Культура сибирского города в университетских курсах для магистров и бакалавров // Культура и искусство сибирского города: традиции и современность: материалы Всерос. науч. конф. 4–5 октября 2012 г. Красноярск, 2012. С. 258–261.

67. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–1960-е гг.: (монография) / соавт. А.В. Жидченко. Омск: Изд-во «Амфора», 2013. 444 с.

68. Историография отечественной культуры: вариант построения университетского учебного курса для магистрантов в современной познавательной ситуации // Диалог со временем. Вып. 44. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 379–390.

69. Этапы и особенности трансформации родиноведения в краеведение в XX – начале XXI в. (региональный аспект) // Шестые Всерос. краевед. чт. (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.). М., 2013. С. 344–347.

70. Художник как знаковая фигура и его наследие в структуре символических ресурсов для конструирования локальных брендов // Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог: тезисы докладов и сообщений IX Междунар. соц.-культ. форума. Кунгур, 2013. С. 233–235.

71. В поисках бренда и имиджа юбилейных городов: возможности современных исследовательских практик / соавт. А.М. Избушева // Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог: тезисы докладов и сообщений IX Междунар. соц.-культ. форума. Кунгур, 2013. С. 236–240.

72. Забытые имена в истории сибирского краеведения и музейного дела: Александр Васильевич Харчевников // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 18. Омск, 2013. С. 195–203.

73. «ПРОСМОТРЕНО – ИСКЛЮЧИТЬ...» (о переходе к идеологическому наступлению на историков в провинции в начале 1930-х гг.) // История и историки в прошлом и настоящем. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 269–289.

74. Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: очерки / соавт.: С.П. Бычков, В.Ю. Волошина, О.А. Гайлит, М.А. Жигунова, В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, О.В. Петренко, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2014. 377 с.

75. Межвузовские научные центры в интеллектуальном и образовательном пространстве постсоветской России (материалы круглого стола) / соавт.: В.С. Волков, Э.Б. Ершова, И.В. Купцова, О.Ю. Олейник, Е.М. Раскатова, С.С. Садина, И.В. Сибиряков, Ф.Х. Соколова // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. НИИ Интеллигентоведения при ИвГУ. Иваново, 2014. № 1. С. 30–46.

76. В поисках «Духа Места»: штрихи к портрету искусствоведа-культуролога В.Ф. Чиркова // Культурологические исследования в Сибири. Омск: Издат. дом «Наука», 2014. № 2 (43). С. 5–11. То же. // Биобиблиографический указатель публикаций и научных трудов Владимира Федоровича Чиркова / отв. ред. Е.Н. Турицына, сост. О.М. Галыгина. Красноярск, 2018. С. 34–37.

77. Проект «Сибирский тракт» как ресурс развития районных краеведческих музеев / соавт. Л.И. Рыженко // Вторые Ядринцев-

ские чтения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.). Омск: ОГИК музей, 2014. С. 240–243.

78. Университетская корпорация и практики консолидации: локальная версия исследования в контексте истории молодого университета (Омский государственный университет, 1974–2014) / соавт. В.П. Корзун // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 210-й годовщине основания Казан. ун-та, Казань, 27–29 нояб. 2014 г. Казань: Яз, 2014. С. 36–41.

79. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–1960-е гг.: (монография) / соавт. А.В. Жидченко. 2-е изд., испр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015 (серия ОмГУ – 300-летию Омска). 481 с.

80. Университетская корпорация как научная проблема / соавт. В.П. Корзун // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 окт. 2014 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 28–30.

81. Особенности складывания университетской корпорации в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского / соавт. В.П. Корзун // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 окт. 2014 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 8–9.

82. История городской повседневности послевоенных лет в советской газетной рекламе // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 октября 2014 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 152–154.

83. Связывая времена и пространства: А.П. Чехов и Сибирь – «Фигуры Памяти» в современной культуре России // Маршрутом А.П. Чехова по Сибири на Сахалин: научно-популярный сборник / под ред. В.Г. Рыженко. Тюкалинск: Ассоциация «Сибирский тракт», 2015. С. 5–13.

84. Из опыта использования экспозиции Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского в образовательных про-

граммах для неисторических факультетов // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования: сб. научных трудов / отв. ред. Г.М. Патрушева, Н.А. Томилов. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 189–194.

85. Ученый, краевед, хранитель исторической памяти: к юбилею П.П. Вибе / соавт. Н.А. Томилов // Антология омского краеведения. Т. 2. Омск: Омскбланкиздат, 2015. С. 8–18. То же // Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: Избранные научные работы: в 2 ч. / отв. ред.: П.П. Вибе, В.Г. Рыженко, А.В. Якуб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. Ч. 1. Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты, 2016. С. 316–327.

86. Тара на карте современных инновационных краеведческих проектов / соавт. Л.И. Рыженко // Вагановские чтения: материалы VIII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения (г. Тара, 11–12 марта 2016 г.). Омск: ООО «Амфора», 2016. С. 146–150.

87. Друзья, возможен ли союз? Локальные научные сообщества – художественные музеи – личные инициативы // 100 художников Сибири – II: материалы Всерос. науч.-практ. конф. IX Сибирские искусствоведческие чтения «Инновационные практики в современном искусстве Сибири: галереи, частные и корпоративные собрания, коллекционеры». Омск, 22–23 марта 2016 г. / ред.-сост. В.Ф. Чирков. Омск, 2016. С. 18–19.

88. Образы «Белой столицы»: мифы и реалии // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов. отв. ред. О.В. Гефнер, И.А. Селезнева. М.: Институт Наследия, 2016. С. 304–309.

89. О возможностях изучения культуры Омска на современном этапе // Омск – 300: Прошлое, Настоящее, Будущее. Секция «Омск в панораме трех столетий»: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред.: А.П. Толочко, А.В. Якуб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. Ч. 1. С. 25–28.

90. История «малой Родины» и историко-культурное наследие региона: перспективы креативных молодежных проектов // Мосты мира: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19–

20 апреля 2016 г.) / под ред. Т.Н. Золотовой. Омск: Сибирский филиал Института наследия, 2016. С. 7–8.

91. От города-крепости к мегаполису: Омск в калейдоскопе менявшихся образов // *Время и город: Омск XVIII – середины XX в. в описаниях современников / Ом. гос. обл. науч. б-ка им. А.С. Пушкина. сост. Е.Н. Турицына. отв. ред. А.В. Ремизов. Омск, 2016. С. 3–8.*

92. Музеи в исследовательской модели «Культурно-цивилизационный ландшафт – опорная матрица образа города» // *Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Ю. Смирнова, Н.А. Томилов. Омск: Изд. дом «Наука», 2016. С. 280–283.*

93. Заметки по концепции экспозиции Тюменского областного краеведческого музея по истории Тюменского края / соавт. Н.А. Томилов // *Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: Избранные научные работы: в 2 ч. / отв. ред.: П.П. Вибе, В.Г. Рыженко, А.В. Якуб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. Ч. 1. Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты, 2016. С. 250–254.*

94. Музееведческая конференция в Омске / соавт.: Г.М. Патрушева, Н.А. Томилов // *Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: Избранные научные работы: в 2 ч. / отв. ред.: П.П. Вибе, В.Г. Рыженко, А.В. Якуб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. Ч. 1. Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты, 2016. С. 263–269.*

95. Н.А. Томилов – известный российский музеевед / соавт. Г.М. Патрушева // *Томилов Н.А. Музееведение и музеи России: Избранные научные работы: в 2 ч. / отв. ред.: П.П. Вибе, В.Г. Рыженко, А.В. Якуб. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. Ч. 1. Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты, 2016. С. 355–364.*

96. Забытое наследие региональной историографии (по материалам личных фондов сибирских историков Г.И. Жерновкова и В.И. Шемелева) // *Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 471–485.*

97. Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства города / соавт. К.В. Демьянов // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 73–80.*

98. Сибирские художники в послевоенной повседневности: вариант использования региональных газет // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 8. 2017. Вып. 1. С. 10–18.

99. Воскрешая наследие ученых переломной эпохи: М.М. Рубинштейн о роли культуры и образованности для будущего России // Дела и дни: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти профессора Е.И. Соловьевой (Новосибирск, 13–14 апреля 2017 г.) / под ред. В.А. Зверева. Мин-во обр. и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т истории, гуманитарит. и социал. обр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 13–22.

100. «Человечество состоит из отдельных людей»: М.В. Муратов «Передуманое» // Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия [Электронный ресурс]: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (21 сентября 2017 г.). / [редкол. В.Л. Кожевин (гл. ред.) и др.]. Электрон. текст. дан. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 58–61.

101. Возможности актуализации историко-культурного наследия в рамках партнерской программы «Сибирский тракт» / соавт. Л.И. Рыженко // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.). / отв. ред. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 2017. С. 38–42.

102. Образ участников революции и гражданской войны в трудах местных историков и писателей-краеведов (вторая половина XX в.) / соавт. Л.И. Келлер // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г.). / отв. ред. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 2017. С. 397–400.

103. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР / соавт. К.В. Демьянов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 153–160.

104. Размышляя над опытом участия в Российском обществе интеллектуальной истории / соавт.: О.В. Метель, А.В. Свешников, Т.Н. Иванова, Н.Н. Алеврас, Г.П. Мягков, Н.В. Гришина,

В.П. Корзун // Мир историка: историогр. сб. / редкол.: В.П. Корзун [и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. Вып. 11. С. 11–34.

105. Интеграционный потенциал программы «Сибирский тракт» в культурном пространстве малых городов / соавт. Л.И. Рыженко // Вагановские чтения: материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвящ. 425-летию города Тары (г. Тара, 5–6 апреля 2018 г.). Омск: ООО «Амфора», 2018. С. 418–423.

106. Советский историк в фокусе культурологической парадигмы (размышления о новой книге Л.А. Сидоровой) / соавт. В.П. Корзун // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 1. С. 115–117. Рец. на кн.: Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гуманитар. инициатив, 2017. 248 с. (Historia Russica).

*Выражаем благодарность А.В. Кузнецовой
за подготовку и редактирование материала*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ (1972–2018 гг.)
доктора исторических наук, профессора
кафедры дореволюционной отечественной истории
и документоведения исторического факультета
Толочко Анатолия Павловича

1. О профсоюзах торгово-промышленного пролетариата Сибири накануне империалистической войны (1912–1914 гг.) // Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию образования СССР. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. Вып. 3. С. 84–85.

2. Ленские события 1912 г. на страницах большевистских легальных газет // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. Вып. 2. С. 57–64.

3. Движение торговых служащих Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. Вып. 8. С. 186–208.

4. Движение рабочих-железнодорожников Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 г.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. Вып. 14. С. 122–146.

5. Рабочий класс и организации РСДРП Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 164–213.

6. О рабочей кооперации в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Материалы третьей отчетной науч.-метод. конф. Омского университета. Омск, 1977. С. 154–156.

7. Рабочее движение в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 1977. 19 с.

8. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. 323 с. (В соавторстве).

9. Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917). Библиографический указатель. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. 211 с. (В соавторстве).

10. Рабочие Сибири в предвоенный период 1910–1914 гг. (некоторые аспекты социальной характеристики сибирских рабо-

чих в оценке советских авторов) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. С. 71–93.

11. К истории профсоюзного движения рабочих и служащих в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 130–152.

12. О политических выступлениях рабочих Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 155–163.

13. Из истории кооперативного движения в Барнауле в годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) // Барнаулу 250 лет: тез. докл. и сообщ. к науч. конф. Барнаул, 1980. С. 113–115.

14. К характеристике стачечного движения рабочих Сибири накануне первой мировой войны (апрель 1912 г. – июль 1914 г.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 279–300.

15. Советская историография рабочего движения в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Рабочий класс центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 179–186.

16. Деятельность большевиков в Сибири по осуществлению ленинской тактики в легальных рабочих организациях в 1907–1914 гг. // Большевики Сибири в трех революциях. Омск: Кн. изд-во, 1981. С. 117–123.

17. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. Гл. 10. Разделы «Наращение борьбы в период нового революционного подъема» (С. 334–348) и «Организации РСДРП в годы нового революционного подъема» (С. 348–357).

18. Эсеры и революционное движение в Сибири в 1907–1914 гг. (К историографии и проблематике вопроса) // Россия и социально-экономическое развитие Сибири: тез. докл. и сообщ. зональной науч. конф., посвящ. 60-й годовщине образования СССР и 400-летию присоединения Сибири к России. Тюмень, 1982. Ч. 1. С. 76–78.

19. Роль нелегальных изданий в борьбе большевиков Сибири против оппортунизма // Второй съезд РСДРП и борьба с оппортунизмом в местных партийных организациях: тез. докл. науч. конф., посвящ. 80-летию второго съезда РСДРП. Омск, 1983. С. 104–106.

20. К истории эсеровских организаций в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. С. 119–136.

21. Борьба большевиков в Сибири за вовлечение в революционное движение студенческой и учащейся молодежи (1907–1914 гг.) // Борьба большевиков Сибири за массы в период первой русской революции и нового революционного подъема. Омск: ОГПИ, 1984. С. 64–79.

22. Большевицкая печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895–1917 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. Гл. 5. (С. 123–155). (В соавторстве).

23. К характеристике архивных источников по истории рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. С. 169–175.

24. Использование большевиками Сибири опыта революции 1905–1907 гг. в борьбе с идеологией и тактикой кадетов за влияние на массы в период реакции // Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: тез. науч. конф., посвящ. 80-летию революции 1905–1907 гг. в России. Омск: ОГПИ, 1985. С. 144–148.

25. О деятельности эсеров в Тюмени в период реакции (1907–1910 гг.) // 400 лет Тюмени: история и современность: тез. докл. и сообщ. город. науч. конф. Тюмень, 1986. С. 38–39.

26. Роль рабочих-партийцев в укреплении социал-демократического подполья в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Рабочие-партийцы и их роль в освободительной борьбе трудящихся Сибири против царизма. Омск: ОГПИ, 1986. С. 83–100.

27. Политические партии и борьба за массы в Сибири в 1907–1914 гг. (Современная историография проблемы) // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири: тез. докл. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Омск. 1987. С. 33–37.

28. К истории революционного движения и общественно-политической жизни в Тобольске в годы реакции (1907–1910 гг.) // Роль Тобольска в освоении Сибири: тез. област. науч. конф., посвящ. 400-летию Тобольска. Тобольск, 1987. С. 89–90.

29. История Сибири: учебное пособие. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. Раздел 3. Глава 5. § 2. (С. 380–395).

30. Ссылные большевики и социал-демократическое подполье в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1988. С. 98–107.

31. К характеристике политической деятельности либералов в Западной Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // История Западной Сибири в дореволюционный период. Омск, 1988. С. 75–77.

32. Борьба большевиков в Сибири против либералов за влияние на массы на начальном этапе нового революционного подъема (1910 г. – апрель 1912 г.) // Борьба большевиков в Сибири против либералов и областников (1905 – февраль 1917 гг.). Омск: ОГПИ, 1989. С. 83–96.

33. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. 220 с.

34. К вопросу об изучении в советской историографии непролетарских партий в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск: ОмГУ, 1990. С. 122–130.

35. К характеристике нелегальных изданий эсеровских организаций в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Вопросы историографии и общественно-политической

истории Сибири: тез. докл. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения В.И. Ленина. Омск, 1990. С. 65–67.

36. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.): автореф. дис... докт. ист. наук. Томск, 1990. 38 с.

37. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: в 3 т. Т. 3. Июнь 1907 – февраль 1917 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. 344 с. (В соавторстве).

38. О деятельности анархистов в Сибири (1905 – февраль 1917 г.) // История политических партий в вузовском курсе политической истории. Проблемы теории, методологии, методики: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-метод. конф. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. Вып. 1. С. 146–148.

39. Черносотенно-монархическое движение в Омске в начале XX в. // Област. науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию г. Омска. Секция: История Омска и Омской области. Омск, 1991. С. 79–81.

40. О деятельности максималистов в Сибири на демократическом этапе революции // Политические партии в трех российских революциях (материалы конф.). М., 1991. С. 41–43.

41. Омск: историческая ретроспектива // Вечерний Омск. 1992. 24 марта.

42. Годовые отчеты общества изучения Сибири – малоизученный источник по истории культурной и общественной жизни края в начале XX в. // Политическая история России в мемуарах и документальных публикациях новейшего времени: тез. докл. межвуз. науч. конф. Омск, 1992. С. 15–17.

43. Черносотенно-монархическое движение в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.) // Науч. конф. памяти Н.М. Ядринцева. Секция: Проблемы отечественной истории. Омск, 1992. С. 66–68.

44. К характеристике основных этапов развития Омска в дооктябрьский период (1716–1917 гг.) // Науч. конф. памяти Н.М. Ядринцева. Секция: История культуры Сибири – опыт, традиции, проблемы развития. Омск, 1992. С. 24–27.

45. Организация учебного процесса и подготовка кадров на Сибирских высших женских курсах в Томске (1910–1920 гг.) // Роль науки в освоении восточных районов страны: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1992. С. 71–73.

46. К истории кооперативного движения рабочих и служащих в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. С. 134–143.

47. История Омска (краткий указатель литературы): пособие для работников культуры и краеведов. Омск, 1992. 58 с. (В соавторстве).

48. Общества обывателей и избирателей в Сибири как форма организации периферийного отряда российских либералов в начале нового революционного подъема // Русский вопрос: история и современность: материалы докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1993. С. 59–63.

49. Черносотенно-монархическая периодическая печать в Сибири как источник по истории общественного движения в крае в 1907–1914 гг. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. науч.-метод. конф. Омск, 1993. С. 93–96.

50. О деятельности эсеров в Омске в период реакции (1907–1910 гг.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. науч.-метод. конф. Омск, 1993. С. 135–137.

51. О тактике эсеров в Сибири в период реакции (1907–1910 гг.) // История общественных движений и политических партий России: материалы респуб. науч. конф. Томск: Томск. ун-т, 1993. С. 43–45.

52. Деятельность сибирского научного студенческого кружка при Петербургском университете по исследованию природы, экономики и истории восточных районов России в начале XX в. // Университеты и общественная жизнь Сибири. Омск: ОмГУ, 1993. С. 57–64.

53. Организации черносотенно-монархических и буржуазных партий в Омске (1905 г. – февраль 1917 г.) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв.). Краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 76–87.

54. Преодолевая мифотворчество, создается научная история Омска // Вестник культуры. 1994. № 3.

55. Города как центры партийно-политического движения в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.)

// Таре – 400 лет: материалы науч.-практ. конф. Ч. 1. Омск, 1994. С. 98–102.

56. Хроника черносотенно-монархического движения в Сибири. 1905 – февраль 1917 г. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: Томск. ун-т, 1994. С. 45–60.

57. Листая страницы истории // Вестник культуры. 1994. № 5.

58. Становление высшего женского образования в Сибири в начале XX в. // Русский вопрос: история и современность: материалы докл. Второй Всерос. науч. конф. Ч. 1. Омск, 1994. С. 211–214.

59. Деятельность эсеров в Сибири среди солдат в период реакции (1907–1910 гг.) // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.). Омск: ОмГУ, 1994. С. 104–112.

60. Рецензия на кн.: Черняк Э.И. Политические партии в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Съезды, конференции, совещания. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993 // Гуманитарные науки в Сибири. Серия филологическая. Новосибирск, 1994. № 4. С. 77–78.

61. Непролетарские партии в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.): учебное пособие. Омск: Омск. ун-т, 1995. 83 с.

62. Демократическая интеллигенция и эсеровское подполье в Сибири в период реакции (1907–1910 гг.) // История российской интеллигенции: материалы и тезисы науч. конф. Ч. 1. М., 1995. С. 79–80.

63. Либерально-оппозиционное движение в Сибири на демократическом этапе революции (итоги изучения и нерешенные проблемы) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. Второй регион. науч.-метод. конф. Омск, 1995. С. 51–54.

64. Новая книга о гражданской войне и становлении Советской власти па Дальнем Востоке // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. Второй регион. науч.-метод. конф. Омск, 1995. С. 62–65.

65. Хроника военной работы революционного подполья в Сибири (1907–1914 гг.) // Материалы к хронике общественного дви-

жения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: Томск. ун-т, 1995. Вып. 2. С. 62–76.

66. Вопросы тактики и организационной работы на съездах Сибирского союза ПСР в период отступления первой российской революции // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск: ОмГУ, 1995. С. 107–116. (В соавторстве).

67. Дореволюционный Омск (очерки истории города): изучение проблемы и подготовка издания // 280 лет Омску: история и современность: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Омск, 1996. С. 3–7.

68. Идеиные позиции и тактика максималистов в Сибири (1906–1909 гг.) // По страницам российской истории. Омск: ОГПУ, 1996. С. 45–49.

69. К истории Сибирских высших женских курсов в Томске (1910–1920 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII–XX вв.). Омск: ОмГУ, 1996. С. 91–103.

70. К характеристике идейных позиций и тактики эсеровских организаций в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.) // Из истории России. XX в. М.: МАДИ(ТУ), 1996. Вып. 3. С. 65–89. (В соавторстве).

71. Проблемы социально-экономического развития Омска в XIX – начале XX вв. в исследованиях отечественных авторов // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 1. Омск, 1996. С. 97–103. (В соавторстве).

72. Социально-экономическое развитие Омска в XIX – начале XX вв. (итоги и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Специальный выпуск 3. С. 46–47. (В соавторстве).

73. Хроника общественного движения в Сибири. 1895 – февраль 1917 гг. Кн. 1. Общественное движение в Омске. Томск: Томск. ун-т, 1996. 171 с. (В соавторстве).

74. К выходу в свет «Очерков истории города Омска» // История и культура Сибири. Омск, 1996. С. 105–109. (В соавторстве).

75. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск: Омск. ун-т, 1997. 82 с. (В соавторстве).

76. Новая книга по истории анархистского движения в Сибири в 1-й четверти XX в. // Проблемы историографии, источни-

коведения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. Третьей регион. науч.-метод. конф. Омск, 1997. С. 43–45.

77. Рабочий вопрос па строительстве Амурской железной дороги (1908–1916 гг.) // Россия и Восток: история и культура: материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 121–124.

78. Проблемы хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока в реформаторской деятельности П.А. Столыпина // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рождения П.А. Столыпина. Омск, 1997. С. 34–39.

79. О расстановке партийно-политических сил в революционно-демократическом лагере Сибири до Февраля 1917 г. // Революции 1917 г. в России: история, современность, поиски путей примирения и согласия: материалы регион. науч. конф. Омск, 1997. С. 54–56.

80. О роли террора в деятельности эсеровского подполья в Сибири (1905 – февраль 1917 гг.) // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX в. Омск: ОмГУ, 1997. С. 14–24. (В соавторстве).

81. Некоторые вопросы организации городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 2. 1997. С. 74–78. (В соавторстве).

82. Очерки истории города Омска. Том первый. Дореволюционный Омск. Омск, 1997. Глава V. Раздел 2. От реакции к новому революционному подъему (1907–1914 гг.). С. 247–260.

83. П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России (научная конференция в Омске) // Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 1998. С. 162–165.

84. Второе рождение «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея» // Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 1998. С. 168–169.

85. Сибирский Азеф // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 3. Омск, 1998. С. 112–114.

86. Использование мемуарных источников при изучении общественного движения в Сибири в 1907–1914 гг. // Царизм и рос-

сийское общество в начале XX века. Ч. 2. М.: МАДИ(ТУ), 1998. С. 36–37.

87. Среднее специальное образование в Омске в конце XIX – начале XX вв. // Музей и общество на пороге XXI века: материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1998. С. 102–104.

88. Воспоминания участников общественного движения в Сибири в 1907–1914 гг. как исторический источник // Русский вопрос: история и современность: материалы III Всерос. науч. конф. Омск, 1998. С. 61–63.

89. Степное генерал-губернаторство (Степной край). 1882 – февраль 1917 г.: из истории социально-экономического развития, культурной и общественной жизни // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Омск: ОмГУ, 1998. С. 21–25.

90. Участие православного духовенства в черносотенно-монархических организациях в Сибири в начале XX в. // Сибирь: XX в. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 19–23.

91. Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.). Омск: ОмГУ, 1999. 123 с.

92. Территориальное размещение, численность и социальный состав черносотенных организаций в Сибири в начале XX в. // Человек в истории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. С. 198–206.

93. Российско-казахстанская конференция в Омске // Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 1999. С. 165–168.

94. Исследования по истории России на кафедре дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета // Современное общество: науч. конф., посвящ. 25-летию Омского государственного университета. Вып. 1. Омск: ОмГУ, 1999. С. 57–58.

95. Важное событие в научной и культурной жизни Омска // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 7. Омск: ОГИК музей, 1999. С. 397–398.

96. Творческие связи сибирских и белорусских ученых-историков // Славянское единство: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. 2000-летию Рождества Христова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 88–93.

97. К истории открытия учительской семинарии в Семипалатинске // Валихановские чтения – 5. Т. 2. Кокшетау, 2000. С. 97–99. (В соавторстве).

98. Организационное оформление черносотенного движения в Сибири в начале XX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 4. Омск, 2000. С. 121–126.

99. Российско-казахстанская научная конференция в Омске // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 4. Омск, 2000. С. 215–216.

100. О книге Н.А. Миненко и С.В. Федорова «Омск в панораме веков» (Омск, 1999. 352 с.) // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 4. Омск, 2000. С. 229–231. (В соавторстве).

101. Современная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. IV регион. науч.-метод. конф. Омск: ОмГУ, 2000. С. 20–24.

102. Православное духовенство и правомонархическое движение в Сибири в начале XX в. // Судьба России: образование, наука, культура: тез. IV Всерос. конф., посвящ. 80-летию Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 342–343.

103. Непролетарские партии в Сибири в начале XX в. (Итоги изучения проблемы) // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 23–27.

104. Реформы П.А. Столыпина и Сибирь // Россия на пути реформ: XXI век – камо грядеши?: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2000. С. 24–25.

105. Историография либерально-оппозиционного движения в Сибири начала XX века // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 5. Омск, 2000. С. 146–154.

106. Проблемы славянского единства на Международной научной конференции в Омске // Исторический ежегодник. Омск: ОмГУ, 2000. С. 122. (В соавторстве).

107. К изучению в отечественной историографии черносотенно-монархического движения в Сибири в начале XX в. // Сибирь: XX в. Вып. 3. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 33–39.

108. Управление Степным краем во второй половине XIX – начале XX в. // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 196–201.

109. XX век в истории города на Иртыше (о подготовке второго тома «Очерков истории города Омска») // Омск. XX в. (веки истории). Краеведческий сборник. Омск: ОмГУ, 2001. С. 4–6

110. К истории становления и развития педагогических учебных заведений в Степном крае (конец XIX – начало XX вв.) // Валихановские чтения – 6. Т. 1. Кокшетау, 2001. С. 6–8. (В соавторстве).

111. Подвижник этнографической науки в Сибири // Томилов Н.А. К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности ученого и педагога. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 3–6.

112. Развитие русского образования в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. № 6. Омск, 2001. С. 51–54.

113. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск: ОмГУ, 2001. 140 с.

114. К истории открытия русско-казахских школ в Степном крае в начале XX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): тез. докл. и сообщ. II Междунар. науч. конф. Омск – Кокшетау, 2001. С. 16–19.

115. Независимость Казахстана и история развития экономических, культурных и общественных связей русского и казахского народов (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Кокшетауского университета им. Ш.Ш. Уалиханова. 2001. № 1–2. С. 23–25.

116. Развитие материальной базы низших и средних специальных учебных заведений в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Сибирь XX в. Вып. 4. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 33–41. (В соавторстве).

117. Ярмарки Акмолинской области в конце XIX – начале XX вв. // Валихановские чтения – 7. Т. 1. Кокшетау, 2002. С. 12–14.

118. Городское самоуправление в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (К историографии и проблематике темы) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.): материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 202–205.

119. Международные научные конференции в Омске – вклад в укрепление творческих связей ученых-историков стран Содружества // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): сб. науч. тр. Омск: ОмГУ, 2002. С. 4–10. (В соавторстве).

120. На пути к концептуальному обновлению истории сибирской социал-демократии: Рецензия на монографию С.П. Исачкина «Очерки историографии социал-демократического движения Сибири (1907–1917 гг.)». Омск: ОмГУПС, 2001. 184 с. // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. Омск: ОмГУ, 2002. С. 174–176.

121. Омск в системе русско-казахских культурных связей (конец XIX – начало XX вв.) // Евразийство и Казахстан. Т. 1. Астана, 2003. С. 159–166.

122. К истории создания и деятельности Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (1902 – февраль 1917 гг.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): межвуз. сб. науч. тр. Омск: ОмГУ, 2003. Вып. 2. С. 64–69.

123. Педагогическая и научная деятельность А.Е. Плотникова в Омском университете // Омские исторические чтения, посвященные памяти доцента кафедры дореволюционной отечественной истории ОмГУ Александра Ермолаевича Плотникова: сб. воспом., ст., тез. выступлений. Омск: ОмГУ, 2003. С. 11–14.

124. Социалистические партии в общественном движении Сибири в начале XX в. (современная историография проблемы) // Социал-демократия: революция и эволюция: материалы Междунар. науч. конф. Омск: ОмГТУ, 2003. С. 39–44.

125. Роль Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в исследовании Степного края (конец XIX – начало XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. III науч. конф. Астана – Омск – Томск, 2003. С. 98–99.

126. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: ОмГУ, 2003. 196 с. (В соавторстве).

127. Педагог, исследователь, товарищ (Ю.П. Родионову 50 лет) // Исторический ежегодник. 2002–2003. Омск: ОмГУ, 2003. С. 183.

128. Научные связи ученых-историков Омска и Кокшетау // Социально-экономические приоритеты развития стран СНГ: Международный. науч.-практ. конф. Алматы, 2003. С. 15–17.

129. «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность» – научный форум российских и казахстанских историков // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: материалы V регион. науч.-метод. конф. Омск: ОмГУ, 2004. С. 82–85.

130. Научные исследования по истории Казахстана в Омском госуниверситете // Содружество Казахстана и России – залог создания Евразес: материалы Международ. науч. конф. Кокшетау, 2004. С. 3–4.

131. Изучение истории общественно-политической жизни Степного края (методологические аспекты) // Сотрудничество Казахстана и России – залог создания Евразес: материалы Международ. науч. конф. Кокшетау, 2004. С. 171–175. (В соавторстве).

132. Черносотенные организации в Степном крае в начале XX века // Валихановские чтения – 9. Т. 1. Кокшетау, 2004. С. 16–19. (В соавторстве).

133. Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 130 с. (В соавторстве).

134. К вопросу численности и сословном составе учащихся низшей и средней профессиональной школы в Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Сибирь в социокультурном пространстве России: история и современность. Омск, 2004. С. 113–115. (В соавторстве).

135. Омск в судьбах казахской демократической интеллигенции (конец XIX – начало XX вв.) // Валихановские чтения – 10. Кокшетау, 2005. С. 16–19.

136. Агитационная кампания в Степном крае на выборах в I Государственную думу // Валихановские чтения – 10. Т. 1. Кокшетау, 2005. С. 318–322. (В соавторстве).

137. Таинчикульская ярмарка и ее место в ярмарочной сети Северного Казахстана (вторая половина XIX – начало XX в.) //

Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): межвуз. сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 3. С. 25–29.

138. Степной край Евразии – научный проект российских и казахстанских ученых // Евразия: народы, культура, социумы: труды Четвертого Международного Евразийского научного форума. Астана, 2005. С. 150–152.

139. К вопросу о злоупотреблениях должностных лиц Омского городского самоуправления в начале XX века // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 417–424.

140. Омск в истории русско-казахских общественных связей (конец XIX – начало XX вв.) // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. IV Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 41–45.

141. Профессиональное образование в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (к историографии и проблематике вопроса) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2005. С. 329–336.

142. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (опыт истории в контексте современности). Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 223 с. (В соавторстве).

143. Очерки истории города Омска. Том второй. Омск. XX в. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Введение (С. 3–5) и заключение (С. 380).

144. Характеристика преподавательского корпуса средней и низшей профессиональной школы в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Евразийский ежегодник. Астана, 2005. С. 334–342. (В соавторстве).

145. Совместная работа российских и казахстанских исследователей по изучению Степного края Евразии // Абылай-хан – история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск, 2006. С. 107–108.

146. Развитие историко-краеведческих исследований в омском регионе на рубеже XX–XXI вв. // Емельяновские чтения: материалы I межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2006. С. 184–185.

147. Участие А.Н. Букейханова в общественном движении в Степном крае в период первой российской революции 1905–1907 гг. // Вестник Кокшетауского университета им. Ш.Ш. Уалиханова. 2006. № 3 (12). С. 24–25.

148. Развитие специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» на историческом факультете Омского госуниверситета // Документ в контексте истории: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. С. 8–11.

149. Рецензия на книгу: История общественного самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX в. / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова, Е.А. Дегальцева, А.К. Кириллов, Г.А. Ноздрин, М.В. Шиловский, Л.Б. Ус. Новосибирск, 2006. 351 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 138–139. (В соавторстве).

150. От Омска до Караганды (российско-казахстанские научные конференции по истории «Степного края Евразии») // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. V Междунар. науч. конф. Омск; Караганда, 2007. С. 25–27.

151. Толочко А.П. К характеристике источников по истории либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX в. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век: Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. Вып. 8. С. 132–137.

152. Толочко А.П. Алихан Нурмухамедович Букейханов в Омске: страницы биографии // Личность в истории Сибири XVIII – XX веков. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. С. 130–135.

153. Низшее и среднее профессиональное образование в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (к историографии и проблематике вопроса) // Сибирь XX век. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. Вып. 6. С. 22–29. (В соавторстве).

154. Словник энциклопедического словаря Омской области. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. 64 с. (В соавторстве).

155. Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в. (К историографии и проблематике вопроса) // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 220–241. (В соавторстве).

156. Городское и крестьянское самоуправление Западной Сибири XIX – начала XX в. в современной историографии: проблемы и перспективы изучения // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская кампания», 2008. С. 79–96. (В соавторстве).

157. Современное омское историческое краеведение: итоги и задачи исследовательской работы // Валихановские чтения – 13. Кокшетау, 2008. С. 11–13.

158. Омские исследователи Степного края // Актуальные проблемы отечественной истории на современном этапе. Кокшетау, 2008. С. 7–12.

159. Новые исследования в серии «Азиатская Россия» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». № 1. Иркутск: ИГУ, 2009. С. 297–303. (В соавторстве).

160. Кафедре дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета 30 лет // Документ в контексте истории: материалы II Междунар. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 9–16.

161. Омск в системе правительственной политики по управлению казахской степью (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: тез. докл. и сообщ. VI Междунар. науч. конф. Омск; Костанай: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 21–25.

162. Слово о друге (вместо предисловия) // II Омские исторические чтения. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 4–5.

163. Серия «Азиатская Россия»: новые исследования иркутских историков // II Омские исторические чтения. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 183–192. (В соавторстве).

164. А.П. Щапов: психологический портрет и идейные искания (рецензия на монографию А.С. Маджарова «Афанасий Петрович Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории»». (Иркутск, 2005) // Александр Станиславович Маджаров: к 60-летию со дня рождения. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009. С. 84–89. (В соавторстве).

165. Общества обывателей и избирателей // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. К–Р. С. 522.

166. Омск // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. К–Р. С. 540–542. (В соавторстве).

167. Партия социалистов-революционеров // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. К–Р. С. 584–587. (В соавторстве).

168. Черносотенцы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С–Я. С. 481–482.

169. Омск – административный центр Западной Сибири и Степного края (XIX – начало XX века) // Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: ИД «Лео», 2009. С. 41–50. (В соавторстве).

170. Становление и развитие органов городского самоуправления // Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: ИД «Лео», 2009. С. 146–164. (В соавторстве).

171. Развитие общего и профессионального образования // Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: ИД «Лео», 2009. С. 165–179. (В соавторстве)

172. Общественное движение в XIX – начале XX века // Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: ИД «Лео», 2009. С. 213–232. (В соавторстве).

173. Российское «окно» в Центральную Азию: генерал-губернаторская власть в Омске в XIX – начале XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. СПб., 2010. Вып. 3. С. 98–113. (В соавторстве).

174. А.Н. Букейханов: личность и судьба // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): межвуз. сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. Вып. 4. С. 79–92. (В соавторстве).

175. Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 176 с.

176. Проблемы шоқановедения на международных научных конференциях по истории «Степного края Евразии» // Алтаистика и тюркология. Кокшетау, 2010. № 3–4. С. 69–71.

177. Омское направление русско-казахских культурных связей (конец XIX – начало XX в.) // Независимый Казахстан и научное наследие академика М. Козыбаева: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск, 2011. Т. 5. С. 186–190.

178. Общественное движение в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). К проблематике и историографии вопроса // III Омские исторические чтения. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 162–186.

179. Букейханов Алихан Нурмухамедович // Энциклопедия города Омска. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 1. А–К. Омск: ООО «Издатель – Полиграфист», 2011. С. 161–162.

180. Колпаковский Герасим Алексеевич // Энциклопедия города Омска. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 1. А–К. Омск: ООО «Издатель – Полиграфист», 2011. С. 553–554. (В соавторстве).

181. Надаров Иван Павлович // Энциклопедия города Омска. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Л–Я. Омск: ООО «Издатель – Полиграфист», 2011. С. 153–154.

182. Сухотин Николай Николаевич // Энциклопедия города Омска. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Л–Я. Омск: ООО «Издатель – Полиграфист», 2011. С. 459–460. (В соавторстве).

183. Таубе Максим Антонович // Энциклопедия города Омска. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Л–Я. Омск: ООО «Издатель – Полиграфист», 2011. С. 470.

184. Шмит Евгений Отгович // Энциклопедия города Омска. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Л–Я. Омск: ООО «Издатель – Полиграфист», 2011. С. 637–638.

185. Некоторые аспекты современной отечественной историографии городского самоуправления в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Валихановские чтения – 16. Кокшетау, 2012. С. 249–252. (В соавторстве).

186. Стачечные выступления рабочих в Сибири в начале нового революционного подъема (июнь 1910 – апрель 1912 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3 (19). С. 14–17.

187. Характер и формы аграрного движения в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Университет, общество, инновационное развитие: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Кокшетауского государственного университета. Кокшетау, 2012. С. 263–265.

188. Общественное движение в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 260 с.

189. К истории организационной деятельности либералов в Сибири в 1907–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 133–137.

190. 10 лет специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» на историческом факультете Омского государственного университета // Документ в контексте истории: материалы III Междунар. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. С. 78–82.

191. Средние городские слои населения Сибири в общественном движении в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Конкретно-исторические и историографические аспекты проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1; <http://www/science-education.ru/107-8159>. (В соавторстве).

192. Омское историческое краеведение накануне 300-летнего юбилея города на Иртыше // Валихановские чтения – 17. Кокшетау, 2013. С. 289–292.

193. Страницы истории дореволюционного Омска: краеведческие записки. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 176 с.

194. Омск как центр хозяйственной жизни Степного края (конец XIX – начало XX в.) // Колонизация Азиатской России (конец XIX – начало XX вв.): институции и практики: материалы регион. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. С. 159–166.

195. Деятельность сибирских организаций социалистических партий среди местного крестьянства в 1910–1914 гг. // Актуальные проблемы истории и социально-гуманитарных наук: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Кокшетау, 2014. С. 208–211.

196. Экспедиции и научные издания Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в дореволюционный пе-

риод // Козыбаевские чтения – 2014: роль Казахстана в интеграции евразийского пространства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Петропавловск, 2014. С. 148–152.

197. Омск // Большая Российская Энциклопедия. Т. 24: Океаниум – Оясио. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2014. С. 179–182 (в соавторстве).

198. Генерал-губернатор Степного края М.А. Таубе (биографический очерк) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 397–402.

199. История дореволюционного Омска в исследованиях отечественных авторов // Омск – 300: Прошлое. Настоящее. Будущее. Секция «Омск в панораме трех столетий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. С. 10–19.

200. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества как научный центр по исследованию омского региона и сопредельных территории в дореволюционный период // Омск-300: Прошлое. Настоящее. Будущее. Секция «Омск в панораме трех столетий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. С. 132–136.

201. Научная и культурно-просветительская деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в дореволюционный период // В поисках истины: сб. ст. и воспом. памяти профессора Н.В. Блинова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 195–205.

202. «Хоть с небольшой, но ухватистой силою» (Ю.А. Сорокину 60 лет) // IV Омские исторические чтения: материалы регион. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 6–14 (в соавторстве).

203. Исследовательская и просветительская деятельность Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в дореволюционный период // IV Омские исторические чтения: материалы регион. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 126–133.

204. Осмысливая документы по истории Отечества (Омские исторические чтения в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (15). С. 479–481 (в соавторстве).

205. Документные ресурсы федеральных и региональных архивов по истории рабочего движения в Сибири в начале XX в. // Омские научные чтения [Электронный ресурс]: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Электрон. текстовые дан. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 209–211.

206. *Толочко А.П.* Местные подотделы Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в дореволюционный период: история создания и деятельности // V Омские исторические чтения: материалы регион. науч. конф. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. С. 47–60.

**ИСТОРИОГРАФИЯ:
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ,
ЧАСТНЫЕ АСПЕКТЫ**

Н.Н. Алеврас

**Профессорское наследство
как феномен «продленной гениальности»:
взгляд на семью А.С. Лаппо-Данилевского
(перечитывая книгу В.П. Корзун)***

Предлагаемый текст можно отнести к разновидности историографического эссе, в котором автор пытается раскрыть свои впечатления при повторном обращении к содержанию известной монографии, посвященной профессорской семье Лаппо-Данилевских. Не ставя задач выяснения «сильных» и «слабых» сторон исследования, автор предлагаемого эссе преследует цель акцентировать внимание на анализе сюжетных линий, подходов и методов оригинальной по замыслу и исполнению книге В.П. Корзун. Она обращена к изучению уникального опыта культурных традиций семьи Лаппо-Данилевских, в частности, специфике трансляции интеллектуального наследия от отца к сыну.

Ключевые слова: профессорская культура, профессорская семья, А.С. Лаппо-Данилевский, И.А. Лаппо-Данилевский, история науки, В.П. Корзун.

N.N. Alevras

**Professor's legacy as a phenomenon of "prolonged
genius": view of the Lappo-Danilevsky's family (Re-
reading the book of V.P. Korzun)**

The article can be attributed to a kind of historiographical essay, wherein the author tries to reveal her impressions while re-reading of

* Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-03-00264.

the well-known monograph devoted to the professorial family of Lappo-Danilevsky. Not trying to define the "strong" and "weak" aspects of the research, the author of the proposed essay pursues the goal of focusing on the plot lines' analysis, approaches and methods of the original concept and execution of the Korzun's book. It devoted to study of the unique experience of the cultural traditions of the Lappo-Danilevsky's family and, in particular, the specifics of the translation of the intellectual heritage from father to son.

Key words: professorial culture, professorial family, A.S. Lappo-Danilevsky, I.A. Lappo-Danilevsky, the history of science, V.P. Korzun.

Читайте и перечитывайте <...>.

И. Волгин

Ракурсы, задаваемые историографом в область изучения научного творчества и особенностей судеб ученых, неминуемо разворачиваются в сферу бытийного, личностного, индивидуального, в конечном итоге – неповторимого в их интеллектуальном опыте. В идеале, целостная человеческая сущность поддается познанию лишь в проявлениях всех ее ипостасей и контекстов, в выражениях разнообразного спектра ценностных ориентиров. Семейный стиль и контекст жизни ученого, становясь предметом изучения, позволяют воспринимать его образ в проявлениях повседневной жизни и деятельности, делая его личность доступной для понимания не только на научно-исследовательском, но и на культурно-эмоциональном уровне.

Взгляд на семью Лаппо-Данилевских, представленный в книге известного историографа – Валентины Павловны Корзун¹ (далее: В.П.), не только уловил момент возраставшего в течение первого десятилетия XXI в. внимания к великому ученому А.С. Лаппо-Данилевскому, но и выразил возможности создания особого стиля историографического письма. Давний интерес В.П. к творческой жизни историка и методолога, реализовывался глубоким изучением его опубликованных трудов и тщательной работой с

¹ См.: *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: «Алетейя», 2011. 192 с. Ссылки на страницы книги даются внутри текста публикуемого отзыва.

рукописями его личного архивного фонда². Личность и история жизненного пути А.С. Лаппо-Данилевского в процессе расширения и усложнения историографических интересов автора потребовали создания портрета его семьи. Семейный контекст постепенно стал приобретать очертания отдельного предметного поля исследования.

В указанной монографии автор презентует новый концептуально-исследовательский замысел, потребовавший разработки аспектов и сюжетных линий, не имевших прямых аналогий в историографической практике. Его реализация потребовала выработать особый жанр, архитектонику и стилистические приемы, которые позволили войти в духовный мир членов семьи Лаппо-Данилевских и выразить собственное творческое настроение, ориентированное, как мне кажется, на использование герменевтических способов постижения их жизненного опыта в виде «понимания», «вчувствования», «вживания». Язык автора богат метафорами, оригинальными определениями личностных характеристик и семейных феноменов, в том числе примененное к судьбе сына Лаппо-Данилевских определение «продленная гениальность», использованное в названии данного отклика на книгу В.П.

Насколько и каким образом историограф-исследователь способен подняться на уровень «понимания» творческих мотиваций и изучаемых интеллектуальных явлений в науке? В их ряду находится распознавание порой трудноуловимых интенций и целеполаганий, становящихся основой личностных стратегий научной жизни и стилей их реализации. Опыт Другого, как предметная область исследования историка/историографа, требует от субъекта познания выработки особой историографической тактики. Аналитические штудии научного наследия ученого-историка в виде изданных произведений, составляя ядро интересов историографа,

² См., например: *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): монография. Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000 (3.3. Единство логического и исторического в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского); *Ее же.* Теоретико-методологические и исторические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун.* Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 178–232; *Ее же.* А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // *КЛИО, журнал для ученых.* СПб.: Изд-во «Полторак», 2013. № 12 (84). С. 77–82.

могут быть недостаточны, если автор целеустремлен к созданию интеллектуального образа своего героя, представленного в многообразии контекстов прожитой и пережитой исторической культуры-реальности, в том числе, в пространстве семьи.

Автор позиционирует свою монографию как разновидность биографического исследования (с. 9–11), но находящегося в границах различных полей, образующих особое синтетическое пространство научной, интеллектуальной, личностно-персональной биографии, проникнутое специфической сетью коммуникаций, которые можно было бы обозначить как коммуникации семьи (или: семейные коммуникации). Но задачи исследования – сложнее, поскольку объектом является семья особого типа – «профессорская». Подобный специфический тип семьи, исходя из идей автора, порождается «профессорской культурой», представляющей корпоративную субкультуру научного сообщества (с. 14). Подчеркивает автор и «уникальность» предмета своего исследования, связанную с тем, что семья Лаппо-Данилевских была представлена учеными различных областей знания – «великим гуманитарием XX в.» и «знаменитым представителем точных наук» (с. 17). Но уникальность этой семьи и в том, что она, создала неповторимый опыт некоего эталона профессорской культуры. И к тому же сумела не предать этот опыт забвению.

Тема «профессорской культуры», едва намеченная еще в 1970-е гг. (В.К. Кантор), стала возрождаться в середине 1990-х, встретив со стороны омского историографического сообщества, и, прежде всего, В.П., понимание ее актуальности для развития историографии. История истории на рубеже XX–XXI в. начинает восприниматься как дисциплина, обращенная среди прочих аспектов к изучению научных коммуникаций и разработке схолярной проблематики³. Научные школы, рассмотренные как историко-научные/университетские феномены, логично породили интерес к личностям ученых-профессоров их создававших. Выстроен-

³ См., например: Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 34–232; см. также: Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник ЧелГУ. История. 2012. Вып. 51. С. 99–110.

ная таким образом цепочка интересов стала ориентиром для проникновения в область истоков и смысла профессорской культуры. Историографический и свой собственный опыт изучения профессорской культуры дал основание автору книги осуществить своеобразный эксперимент – развернуть ракурс этого схолярно-институционального сегмента университетской жизни в пространство семейных традиций ученых.

Заметим, мир семьи ученого («профессорской семьи»), как предметную область истории науки, нельзя отнести к освоенной историко-историографической проблематике. Между тем, именно коммуникации семейного круга, интересовавшие автора монографии, позволяют при благоприятной ситуации с источниковым обеспечением конструировать процессы рецептивной природы в виде: трансляции, восприятия, заимствования, адаптации, закрепления системы ценностей профессорской культуры в межпоколенном пространстве семьи.

Фокусом внимания автора являются отец и сын Лаппо-Данилевские. Несомненно, первая партия в этом дуэте принадлежала представителю старшего поколения, выступавшему зачинателем и коммуникативным центром семейных духовно-интеллектуальных традиций жизни Лаппо-Данилевских-петербуржцев, прямо и опосредованно связанных с университетской и академической средой мира ученых конца XIX – первых десятилетий XX века. Хорошо известно, что среди российских историков рубежа XIX–XX в. фигура А.С. Лаппо-Данилевского занимает особое место. Его, не единожды изгонявшегося из историографии советского времени, вызволяли из тенет забвения преданные ему ученики, позднее – ученые: методологи, философы, историографы, археографы, источниковеды. Но сразу подчеркнем: первым хранителем памяти историка выступила его семья.

На фоне теперь уже развитой историографии об А.С. Лаппо-Данилевском⁴ исследований о его старшем сыне практически не

⁴ В.П. Корзун представляет во Введении краткий историографический обзор, освещающий, преимущественно, исследования о петербургской школе историков и об А.С. Лаппо-Данилевском (с. 14–24). Можно заметить, что уже после издания книги в связи со 150-летием со дня его рождения прошла серия юбилейных конференций с публикацией соответствующих научных материалов. Сошлемся на конференцию, в которой приняла участие В.П. Корзун – «Академик А.С. Лаппо-

было. Автор книги одной из первых прокладывала путь к архивным фондам, в которых отложились документальные свидетельства об Иване Александровиче. Сюжетные линии исследования, посвященные ему, в информативном отношении имеют инновационный характер, поскольку существенная часть фактического материала впервые была введена ею в научный оборот. Первопроходческая роль В.П. выразилась и в интерпретационных попытках обобщить и осмыслить документальные пласты архивных материалов. В результате ей удалось впервые представить интеллектуальный образ сына Лаппо-Данилевских, ставшего, несмотря на весь драматизм его жизненной ситуации, известным и признанным математиком. Немаловажное значение для понимания его образа имеет не только изучение, но и предпринятая автором монографии презентация архивных материалов о нем, в том числе, его переписки с родными за 1922–1931 гг., представленной в виде Приложения (с. 118–189).

Автор раскрывает сложный процесс передачи и усвоения общекультурных традиций семьи Лаппо-Данилевских в виде принятых привычек и образцов профессиональной деятельности (*habitus*) в неординарной ситуации социокультурной драмы общественной жизни начала XX века. Жанровое построение и соответствующие названия структурных частей книги ориентированы на проникновение в сферу личностных опытов представителей профессорской семьи и способов организации ими жизненного пространства. Особое настроение для читателя создают заголовки разделов книги, составленные, преимущественно, из фрагментов писем Лаппо-Данилевских. Переписка, как внутрисемейная, так и внесемейная, а также записи дневникового типа (например, хранящийся в архиве А.С. Лаппо-Данилевского «Альбом с записями,

Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения), проходившей в Санкт-Петербургском университете 4–5 октября 2013 г. Материалы конференции см.: КЛИО, журнал для ученых. СПб.: Изд-во «Полторак», 2013. № 12 (84). 163 с. Среди публикаций названного журнала выделим статью одного из потомков рода Лаппо-Данилевских – Константина Юрьевича Лаппо-Данилевского, близкую интересам В.П. Корзун. Она посвящена семейному клану предков и сосредоточена на создании историко-генеалогического контекста семьи А.С. Лаппо-Данилевского. См.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // Там же. № 12 (84). С. 83–101.

цитатами, афоризмами)), становятся важнейшими источниками и интеллектуальными инструментами для В.П., чтобы проникнуть в мир духовных и семейных ценностей Лаппо-Данилевских.

Предпринятая автором публикация переписки Лаппо-Данилевского-младшего является поводом остановить внимание на личности супруги Александра Сергеевича и матери Ивана Александровича – Елены Дмитриевны Лаппо-Данилевской (в девичестве – Бекарюковой). Автор книги, подчеркивая, что женщины семьи Лаппо-Данилевских (имеются в виду Елена Дмитриевна и Ольга Алексеевна – жена Ивана Александровича) могут оказаться в тени своих «великих мужчин» (см.: с. 24), сосредоточилась на выявлении их многострадальной роли в драматической семейной истории Лаппо-Данилевских-петербуржцев. В контексте содержания книги становится ясно, что именно Елена Дмитриевна, представленная в книге в образе «идеальной профессорской жены – помощницы в научных проектах, собеседницы-интеллектуалки» (с. 71), выступает в роли и медиатора семейных коммуникаций, и духовного центра семьи, что стало особенно актуальным для ее членов после смерти Александра Сергеевича.

Она же явилась первым экспертом научного наследия мужа и сына, выполнив свою главную – коммеморативную, по сути, функцию, нацеленную на сохранение документального комплекса семейного архива, в частности, переписки сына (см.: с. 18–20). Пережив в условиях революционной разрухи трагизм безвременных утрат (кончины мужа в 1919 г. и младшего сына Александра в 1920 г.), стойчески преодолевая драматические обстоятельства повседневной жизни семьи 1920–1930-х гг., она совершила свой семейный и гражданский подвиг. Полагаю, что Елена Дмитриевна вышла за пределы возможной «банальной ситуации» своей собственной биографии, в которой могла бы оказаться, выступив лишь «фигурой второго плана» (см.: с. 24). Очевидно, что она может восприниматься в роли созидательницы «мест памяти», осознававшей значимую роль мужа и сына в науке и культуре. Поистине, вслед за Ф. Анкерсмитом можно повторить: «<...> травма служит делу памяти <...>»⁵.

⁵ Анкерсмит Франклин Рудольф. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 434.

Это ее стараниями были тщательно отобраны, систематизированы и подготовлены для архивного хранения бумаги «великих мужчин» ее семьи, в том числе указанная переписка Ивана Александровича, снабженная ею кратким биографическим очерком о сыне и примечаниями к текстам писем. В результате современные архивные фонды отца и сына Лаппо-Данилевских сохранились для исследователей в тех объемах и структурах, которые выражали этическую позицию Елены Дмитриевны и понимание ею ценности их интеллектуального наследия в виде скомплектованных коллекций рукописей⁶.

Они (отец и сын) соединены не только семейным кругом и семейным архивом, но и тем наследием – зримым и незримым, которое явно и неявно передал Лаппо-Данилевский-старший Лаппо-Данилевскому-младшему. В.П. подчеркивает особую ролевую функцию в семье Александра Сергеевича, ставшего для сыновей ориентиром в выборе «стиля жизни». Сам он предстает как создатель «культурного капитала», «который циркулирует в пространстве профессорской семьи, пронизывая ее». «Профессорская культура, в известном смысле, структурирует стиль жизни [семьи]», – резюмирует В.П. (с. 70).

Изучение процессов семейных взаимоотношений в академической/профессорской среде и вопросы о социокультурных механизмах трансляции и рецепции опыта научной жизни и жизни как таковой в межпоколенном семейном пространстве является не простой задачей. Историографы подходили к подобной проблематике, что подчеркивается в специальном разделе рассматриваемой книги (с. 54–57). Однако уровень погружения автора в драматические судьбы своих героев в попытках проникнуть в мир их ценностей, являвшихся нередко спасательным кругом выживания и творчества в исторических реалиях первых десятилетий XX в., до сих пор не находит прямых аналогий.

«Жизненные миры» отца и сына Лаппо-Данилевских представлены в монографии как «экзистенциальные» опыты, сформировавшиеся в сложном и противоречивом пространстве российских и советских реалий первых десятилетий XX в. С одной сто-

⁶ О роли и принципах комплектования семейного архива Е.Д. Лаппо-Данилевской см. также: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Указ соч. С. 83, 95 (сноска 2).

роны, семейная традиция была нацелена на последовательную передачу ценностных ориентиров от старшего поколения к младшему. С другой – неотвратимая другая реальность заставляла новое поколение адаптироваться к ситуации, формировать не пережитый прежними поколениями Лаппо-Данилевских опыт выбора приоритетов и способов выживания. Иван Александрович столкнулся с тем, чего не знал Александр Сергеевич – иным «уровнем житейской повседневности» (с. 41). Вставала задача: на основе сопоставления линий жизни отца и сына, посредством использования переписки, содержащей признания о внутренних переживаниях, а также интерпретации мотиваций их научной деятельности и поведенческих стереотипов восприятия мира в целом уловить наследуемые от отца принципы жизни – в ее обыденном повседневном выражении и, конечно, в отношении к научному творчеству.

Одна из важнейших сторон замысла монографии В.П., как мне представляется, стала, в некотором смысле, апробация понятия «профессорская культура» на опыте изучения истории профессорской семьи Лаппо-Данилевских. Авторский опыт, основанный не только на свидетельствах источников, но и на сопереживании участникам жизненной драмы семьи Лаппо-Данилевских, позволил В.П. рассматривать профессорскую семью в нескольких измерениях. Во-первых, как малую социальную группу духовно и неразрывно связанных людей, во-вторых как специфическую коммуникационную систему с повышенным интеллектуальным капиталом, в-третьих, как важнейшее и оптимальное в социальном смысле условие трансляции духовно-культурного опыта. Автор показывает, что в ситуации устойчивости сформированных в семейном опыте традиций интеллектуальной жизни, семейная коммуникация оказывалась способной даже в экстремальных общественно-политических условиях находить способы не только адаптироваться к реальности, но и порождать феномен внутреннего выхода за ее пределы на основе саморегуляции эмоциональной энергии человека, порождающей творческий и жизненный оптимизм. Именно такая адаптационная стратегия была выработана Иваном Александровичем и, вероятно, его матерью Еленой Дмитриевной.

Понятно, что научные стези, личностные качества, семейные истории отца и сына соединяла общая драматическая линия изве-

стного политического и культурного перелома 1917 года, воспринятого многими современниками как культурная катастрофа. Далеко не всем представителям науки удалось ее пережить. Трансформационный историко-культурный излом, по сути, преждевременно оборвал жизненный путь 56-летнего, давно признанного современниками историка и академика А.С. Лаппо-Данилевского, еще полного планов и замыслов. Ивану Александровичу Лаппо-Данилевскому досталась, вероятно, еще более трагическая линия жизни: одаренный ученый-математик, получавший университетское образование в контексте советских реалий 1920-х гг., но с тяжелым заболеванием, диагностированным еще в 1916 г., скончался на взлете своих первых научных открытий, не дожив до 35 лет.

Обращаясь, без сомнения, к сложной в концептуальном замысле задаче, В.П. стремится проникнуть в корневую систему сходных интеллектуальных устремлений того и другого и раскрыть общность их интеллектуальной культуры. Один из подходов реализации замысла, предложенных ею, преподносится как «рабочая гипотеза». Автор обращается к теме «генетической одаренности» Ивана Александровича. С учетом методов психологии, с опорой на источники личного происхождения, при помощи анализа социокультурной ситуации и динамики его творческой активности автор пытается установить модель его генотипа и особенности его взаимодействия с социальной средой (с. 43–45). Как и некоторые другие творческие натуры периода социальных трансформаций 1920-х гг., И.А. Лаппо-Данилевский воспринимается автором как личность с ярко выраженной «волей к творчеству» (с. 46). Наука и научная стезя, как и для Лаппо-Данилевского-старшего, становится частью его жизненного мира, приходит к выводу В.П. (с. 53). Известный интерес к математике у Александра Сергеевича передался сыну, сделавшему эту научную область предметом своих профессиональных занятий.

Изучение обстоятельств научного взлета Ивана Александровича позволяет автору видеть в нем ученого, целеустремленного в область разработки новых аналитических методов математики. Методологическая ориентация Лаппо-Данилевского-младшего сопряжена с энциклопедизмом его познаний и интересов. Методология, как система познавательных процедур, и энциклопе-

дизм, как стиль мышления, характеризуют научное родство душ отца и сына. В.П. делает акценты на возвышенных чувствах того и другого, когда они вели речь о науке. Для Александра Сергеевича наука сопрягалась с миром идеального – истиной, стремление к которой органически встраивалось им в жизненное пространство. «Я хочу жить по правде и истине» – цитирует В.П. признание Александра Сергеевича в одном из его писем (с. 28). В алгоритме с настроением отца передает свои ощущения и восприятие мира науки сын в одном из своих писем жене. Он пишет: «<...> абсолютная гармония и красота может осуществляться только в реальностях идеального порядка, в то время как все эмпирические реальности всегда характеризуются некоторым моментом условности и относительности <...>. «Никакую красоту мира эмпирического, конечно, нельзя сравнить с красотой мира математического<...>» (с. 130).

Отца и сына соединял и мир музыки! Хорошо известны музыкальные способности и пристрастия Александра Сергеевича. Но трудно представить, как в столь катастрофичной обстановке жизни Ивана Александровича, можно было сохранять устойчивые эстетические чувства и настроения: любовь к опере, музыке Р. Вагнера, игре на фортепиано. Несомненно, сын был похож на отца и в этой, привитой еще матерью Александра Сергеевича – Натальей Федоровной, музыкальной семейной культуре.

Но рассматривая «жизненные миры» отца и сына, В.П. приходит к выводу, что в определенных условиях прежний опыт семьи может подвергаться сомнению как приемлемый, и даже отвергаться представителями ее младших поколений, если внешняя среда не соответствует полученному по наследству интеллектуальному капиталу. «Жизненные миры отца и сына Лаппо-Данилевских сходны, но не тождественны», – делает вывод В.П. (с. 113).

Иван Александрович, в отличие от отца, который с юных лет воодушевлялся идеей веры в «абсолютного Божества Бога» (с. 29), предстает в образе ученого-рационалиста, имевшего «возражения Евангелию» и утверждавшего, что его «бог <...> есть принцип» (с. 100, 101). Этим принципом для него, по определению В.П. становится «волевой импульс», ориентированный на «самоутверждение», что позволило автору монографии в этом призна-

нии уловить интенции «героического» типа личности и применить к Ивану Александровичу метафору «прометеевский человек», ставивший разум в основу постижения истины (с.101).

Обращаясь к книге В.П. и вновь погружаясь в мир семейной истории Лаппо-Данилевских (мой экземпляр книги, подаренной автором, пестрит закладками и карандашными пометами 2011 года), возникает убеждение не только верности призыва «перечитывать» книги, поскольку на каждом новом витке жизни читатель открывает в известном, казалось бы, тексте новые ракурсы и смыслы. Но обостряется осознание того, как важен авторский опыт осмысления и «прочувствования» представленного пространства семейного «жития» Лаппо-Данилевских, если учитывать абсолютную редкость появления подобных научных проектов. Перечитывая книгу, ощущаешь, что «профессорская культура», рождавшаяся в институциональном пространстве университетской истории, поистине предстает в историко-антропологическом ее измерении. В ситуации подобного восприятия мыслей и наблюдений в книге В.П. еще более глубоко осознаешь, что наука это часть культуры. И, как оказывается – нередко семейной культуры.

Профессорскую семью Лаппо-Данилевских с учетом специфических линий жизни ее представителей можно, вслед за автором, отнести к «уникальному» (и драгоценному) историко-культурному опыту. Полагаю, одновременно, что данное исследование не может не породить желаний использовать исследовательский опыт В.П. в изучении иных семейных феноменов в науке. Кроме того, книга В.П. не может оставить равнодушными тех, кого интересует тема отцов и детей, в том числе применительно к общекультурной современной ситуации. Этот аспект делает данный труд универсальным произведением, выступающим не только в сложном пространстве пересечения жанров – историко-биографического, историко-научного и историко-историографического, но имеющим глубокий педагогический смысл для опыта любой семьи.

Замечу в завершении, что впечатление от содержания интересующего нас труда не может, вероятно, во всем объеме выразить представленной гаммы информации, интерпретационного анализа объекта изучения, авторских рефлексий и авторского эмоционального настроения, придающего неповторимый колорит науч-

ному исследованию. Именно к типу *проникновенных* научных трудов относится книга В.П. о семье Лаппо-Данилевских. Комментатор же, вольно или невольно, в благих попытках передать свои впечатления от прочитанного редуцирует богатство исследовательского материала, глубину авторского погружения в исследуемый феномен. Поэтому: читайте и перечитывайте хорошие книги!

Анкерсмит Франклин Рудольф. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. 612 с.

КЛИО, журнал для ученых. СПб.: Изд-во «Полтораки», 2013. № 12 (84). 163 с.

Корзун В.П. А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // КЛИО, журнал для ученых. СПб.: Изд-во «Полтораки», 2013. № 12 (84).

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник ЧелГУ. История. 2012. Вып. 51.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): монография. Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.

Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: «Алетейя», 2011. 192 с.

Корзун В.П. Теоретико-методологические и исторические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Семья А.С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции // КЛИО, журнал для ученых. СПб.: Изд-во «Полтораки», 2013. № 12 (84).

Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 684 с.

Университетское время доmodерной России*

Анализируется институциональное время в российских университетах XVIII – первой половины XIX в. Авторы прослеживают изменения в границах академического года, полугодий и каникул, сравнивают различия университетов в длительности лекций, показывают регулятивные функции расписаний занятий. На основе этих данных выявляется тенденция от университетских локальностей (возможности саморегулирования академического времени) к государственной унификации университетского времени. Особое внимание обращено на способы административного контроля и управления временем студентов и преподавателей. Авторы пришли к выводу, что эта административная практика позволила безвозмездно наращивать занятость университетских людей, их вовлеченность в созданное бюрократами самописание университетов как способа управления и оценивания службы ученого сословия.

Ключевые слова: академические времена, режимы темпоральности, Российская империя, университетская культура.

Е.А. Vishlenkova, K.A. Il'ina

University Time of the Pre-Modern Russia

The article analyzes the institutional time in the Russian universities of the XVIII – first half of the XIX century. The authors trace the changes in the boundaries of the academic year, semi-years and holidays, compare the differences in the duration of universities academic lectures, show the regulatory functions of class schedules. On the basis of these data they have revealed the tendency from University localities (possibility of self-regulation of academic time) to the state unification of University time. Special attention is paid to the methods of administrative control and time management of students and teachers. The authors came to the conclusion that this administrative practice allowed to increase free of charge the employment of

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

University persons, their involvement in the self-description of universities created by bureaucrats as a way of management and evaluation of the service of the academic estate.

Key words: academic times, temporal modus, Russian empire, University culture.

Темпоральные режимы давно являются объектом изучения философов, антропологов, исторических социологов, историков повседневности и сторонников культурной антропологии, но пространство их интересов, как правило, не смещается в прошлые столетия. Проблема интенсивности, ненормированности рабочего дня университетских преподавателей, а также сверхзагруженности студентов обсуждается сейчас социологами и исследователями высшего образования как новая и инструментально (без обращения к теориям социального времени). Ее увязывают с введением информационных технологий, с расширением объема знаний и неолиберальными управленческими практиками в университетах. Считается, что именно они привели к ускорению и интенсификации университетской жизни, хронической нехватке времени на выполнение основного назначения университетского человека – осваивать, производить и транслировать знание. Обсуждение этой проблемы привело к формулированию новой образовательной задачи – научиться управлять множественностью темпоральных режимов и структур¹. Сегодня time management стал одной из важных компетенций, формируемых университетским образованием².

Отсутствие у участников этих дискуссий исторического контекста поддерживает, с одной стороны, виктимное сознание у современных интеллектуалов, зажатых между желанием реализовать в избранной профессии и массой ограничений в своей жизни? а с другой стороны, риторику эффективности, неизбежности и соответствия «духу времени» в диалогах с ними бюрократов.

¹ Lesourd F. Éducation, santé et temporalités // Les Sciences de l'éducation – Pour l'Ère nouvelle, 2006/1. Vol. 39. P. 55–73.

² Guzmán-Valenzuela C., Di Napoli R. Competing narratives of time in the managerial university: the contradictions of fast time and slow time // Universities in the Flux of Time: An exploration of time and temporality in university life / Ed. P. Gibbs, O.-H. Ylijoki, C. Guzmán-Valenzuela, R. Barnett London: Routledge, 2015. P. 154–167.

Историки университетов сравнительно недавно обратились к подходам и достижениям антропологии времени³. В большинстве своем сделанные в этом русле исследования оказались сосредоточены на проблеме поколений и восприятия времени. Но и этого хватило для того, чтобы заметить, что университетская жизнь является сложно организованным континуумом, в котором институциональное время пересекается с экологическими, социальными, психологическими и прочими темпоральными пластами⁴.

В данной статье мы сосредоточимся на институциональном времени и постараемся ответить на вопросы: насколько интенсивной была жизнь профессоров и студентов в российских императорских университетах? Сколько лекций должен был читать преподаватель первой половины XIX века, сколько статей или книг он должен был издавать? Сколько отчетов должен был производить факультет и университетский совет за год? Какая продолжительность была у студенческих каникул и профессорских отпусков? Сколько длился академический год и как сегментировался академический день?

Обобщающие ответы на эти вопросы нам не удалось найти в одном месте – в исследовательской работе или историческом источнике. Но их оказалось возможным собрать по крупицам из

³ Universities in the Flux of Time: An exploration of time and temporality in university life / Ed. P. Gibbs, O.-H. Ylijoki, C. Guzmán-Valenzuela, R. Barnett London: Routledge, 2015; *Русанов А.В.* Антропология университетского времени в испано-португальязычных исследованиях // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 170–189.

⁴ *Malyseva S., Sal'nikova A.* Die russische akademische Kultur im 20. Jahrhundert: Kontinuitäten und Brüche am Beispiel der Universität Kazan' // Geistes- und sozialwissenschaftliche Hochschullehre in Osteuropa III. Transformation und Stagnation an postsowjetischen Universitäten. Mit einem Geleitwort von Michael Daxner / Hrsg M. Buerger, A. Umland. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2007. S. 41–68; *Гришунин П.В.* Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820–1880-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2005; *Жуковская Т.Н., Казакова К.С.* Русский студент дореформенной эпохи: нормы и практики корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76; *Костина Т.В.* Мир профессора Казанского университета в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007; *Вишленкова Е.А.* Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Ч. 1) // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое издание. 2011 № 1 (3); *Дмитриев А.Н.* Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 41–64.

свидетельств, рассыпанных по университетским уставам, правилам для студентов, расписаниям, министерским предписаниям и университетским отчетам. Собранные вместе они позволяют понять причину различий в научных достижениях, репутациях и качестве образования университетов в диахронной и синхронной перспективах.

Задавшись этими вопросами, мы вряд ли сможем в формате статьи описать все разнообразие ситуаций во всех университетах Российской империи, на всех их факультетах и применительно ко всем группам учащихся и учащихся. Однако, проблематизировав институциональное время, контроль над ним и темпоральные режимы университетской жизни, можно надеяться на появление у нас последователей и коллективный результат.

Академический год, день и час

До 1830-х годов в правовых текстах, регулирующих время российской университетской жизни, зафиксировано многообразие. В правление Александра I в империи появилось Министерство народного просвещения, вся территория страны была разделена на шесть учебных округов, во главе пяти из них были поставлены университеты. Первое десятилетие новые ученые сословия (как их тогда называли в официальных документах) жили автономно друг от друга, от локальных сообществ и даже центральных властей: создавали собственные постановления, придумывали правила присуждения ученых степеней, этику корпоративного взаимодействия, договаривались о разделении функций и распределении учебной нагрузки. В итоге этих соглашений получилось вот что.

Как и в XVIII веке преподавание в старых и новых университетах делилось на полугодия, наполнялось полугодичными курсами⁵. Законодатели просили профессоров равномерно распреде-

⁵ См., напр.: Об учреждении Московского университета и двух гимназий, 24 января 1755 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 14. № 10346. С. 290; Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1 Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 32. Стб. 157, 159; Правила для учащихся в Императорском Дерптском университете, 21 февраля 1834 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855.

лять учебный материал во времени и заканчивать свои курсы вовремя, дабы не перегружать студентов в конце полугодия⁶. С 1804 по 1835 гг. у профессоров Московского, Казанского и Харьковского университетов была возможность самостоятельно регулировать продолжительность учебных курсов⁷. Даты начала и окончания академических полугодий и года зафиксированы в индивидуальных уставах этих университетов. В тех случаях, когда они не указаны, их можно определить по датам вакансий или «университетских роздыхов» (документальный термин первой трети XIX в.).

В проекте Московского университета 1755 года зимние и летние вакансии рекомендовалось проводить с 18 декабря по 6 января и с 10 июня по 1 июля⁸. В уставе Виленского университета (1803) ничего не сказано о продолжительности академического года и сроках каникул⁹. С 1803 года в Дерптском университете полугодия соединялись двумя «роздыхами», предназначенными для студентов и преподавателей: «весь месяц январь и весь месяц

Отделение 1 1825–1839. СПб., 1864. № 251. Стб. 519; Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 363. Стб. 758.

⁶ См., напр.: Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 32. Стб. 159; Устав Императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 431. Стб. 1400; Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 363. Стб. 758.

⁷ Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 63. Стб. 301.

⁸ Об учреждении Московского университета и двух гимназий, 24 января 1755 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 14. № 10346. С. 290.

⁹ Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа, 18 мая 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 18.

июль»¹⁰. В 1820 году, после утверждения нового устава, зимние каникулы в Дерпте сократились на две недели и занимали две первые недели января, а летние, напротив, увеличились, и длились с 10 июня до 22 июля¹¹. В следующем году, по предложению министра народного просвещения, зимние каникулы стали завершать, а не открывать гражданский год. Студенты отправлялись по домам 19 декабря, чтобы провести Рождество в семье¹².

В правилах Петербургского педагогического института, преобразованного в 1803 году из Учительской гимназии и замышлявшегося как структурная часть будущего Санкт-Петербургского университета, служба преподавателей и обучение студентов измерялись гражданскими годами: от 1 января до 31 декабря¹³. Учащимся предоставлялось «время для роздыха по примеру других училищных заведений, а именно: с 1 июля по 1 августа»¹⁴. Эксперимент с использованием бюрократического времени оказался не удачным. В 1816 году Главный педагогический институт присоединился к академическому измерению времени европейских университетов. Учебный год в нем начинался 1 августа и завершался 1 июля¹⁵.

В уставах Московского и Харьковского университетов (1804) задекларировано: «время отдохновения от трудов университетских бывает дважды» летом – с 30 июня по 17 августа, и зимой – с 24 де-

¹⁰ Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 32. Стб. 159.

¹¹ Устав Императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 431. Стб. 1400–1401.

¹² О взыскании со студентов Дерптского университета за непосещение лекций и о времени зимних каникул, 26 октября 1821 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. № 216. Стб. 460.

¹³ Об учреждении Педагогического Института в С.-Петербурге, 16 апреля 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 44. Стб. 234–235.

¹⁴ Там же. Стб. 236.

¹⁵ Образование Главного Педагогического Института, 23 декабря 1816 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. Изд. 2. СПб., 1875. № 334. Стб. 922.

кабря по 8 января¹⁶. В уставе Казанского университета указание на зимние вакации такое же, но границы учебного года раздвинуты: с 12 августа по 11 июля¹⁷.

В историографии российских университетов есть публикации, посвященные правилам и наказаниям за самовольные отлучки студентов из университета, их несвоевременным возвращениям с вакаций и прошениям об отъезде во время каникул. Исследователи пишут о патриархальном характере университетской культуры, инфантилизирующей учащихся. При этом мало кто обращал внимание на то, что сходными ограничениями были обставлены вакации преподавателей. Отпускное и вакационное время преподавателя российские бюрократы не рассматривали как приватное пространство. Это было время, предназначенное либо для восстановления сил служащего, либо для его подготовки к учебным или научным занятиям. Поэтому министр допускал, что «вакационное

¹⁶ Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 63. Стб. 309; Высочайше утвержденный устав Императорского Московского университета, 5 ноября 1804 // ПСЗ-1. Т. 28. № 21498 С. 577; Высочайше утвержденный устав Императорского Харьковского университета, 5 ноября 1804 // ПСЗ-1. Т. 28. № 21499 С. 596. Обзорение преподаваний в Московском университете свидетельствует, что во второй половине 1820-х – начале 1830-х годов учебный год начинался 17 августа, а заканчивался 28 июня. См.: Обзорение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1827го по 28й Июня 1828 года. М., 1827; Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1831го по 28й Июня 1832 года. М., 1831; Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1832го по 28е Июня 1833 года. М., 1832.

¹⁷ Высочайше утвержденный устав Императорского Московского университета, 5 ноября 1804 // ПСЗ-1. Т. 28. № 21500. С. 614. Соблюдение указанных в уставе сроков подтверждает и расписание публичных преподаваний Казанского университета на 1812/13 и 1813/14 учебные года. См. Обзорение публичных преподаваний в Императорском Казанском университете, начавшихся с 12 августа 1812 года и имеющих продолжаться по 10 июля 1813 года, по постановлению Совета университета. К., 1813. Обзорение публичных преподаваний в Императорском Казанском университете, начавшихся с 12 августа 1813 года и имеющих продолжаться по 10 июля 1814 года, по постановлению Совета университета. К., 1813.

время можно употребить на отдохновение, но и в продолжение оною желающий отлучиться должен о том предупредить»¹⁸, чтобы не происходила остановка в делах государственного присутственного места.

В 1829 году в университеты было разослано циркулярное отношение министра народного просвещения, в котором он информировал попечителей округов, что «отлучки преподавателей в вакационное время с позволения начальства не могут считаться отпусками». Уехавший из университетского города профессор был обязан вернуться до окончания каникул, иначе его отсутствие считалось «отпуском» и записывалось в формулярный список. Он не мог самовольно отправиться куда-либо, если имел административные обязанности. Ректора, деканы, профессора, избранные в «особые должности», могли уезжать только с разрешения попечителя и найдя себе замену¹⁹.

Синхронизация академического года в российских императорских университетах произошла в начале 1830-х годов. Внимание правительственных чиновников к контролю за временем служащих и вообще к управлению временем университетских людей, в частности, росло по мере расширения пространства и объема государственной власти. В Российской империи модернизация государственного управления сопровождалась введением железнодорожного расписания и единого имперского времени («пулковское время»), ограничением сферы применения локальных часов.

В этом контексте, в 1833–1835 годы комплексом постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения были установлены единые границы академического года и сроки вакаций. В уставе университета Святого Владимира, который был учрежден в 1833 году в Киеве, закреплены следующие даты начала и окончания каникул: летние с 10 июня по 22 июля (в их рамках 15 июня проводился торжественный акт), зимние – с 20 де-

¹⁸ Относительно отлучки преподавателей и чиновников на вакационное и в другое время, 28 августа 1811 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. № 71. Стб. 196.

¹⁹ Циркулярное предложение относительно увольнения в отпуск преподавателей в вакационное время, 2 марта 1829 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866. № 340. Стб. 699.

кабря по 12 января²⁰. Такая же продолжительность каникул зафиксирована в правилах для учащихся Дерптского университета (1834)²¹. На следующий год эти нормы вошли в Общий устав (1835)²², нормы которого распространялись на Санкт-Петербургский, Московский, Казанский и Харьковский университеты.

Установленные в 1830-е годы границы академического года пошатнулись лишь в начале царствования Александра II. В мае 1858 г. по предложению Главного правления училищ была сдвинута дата окончания летней вакации с 22 июля на 1 августа «для устранения встречаемых в университетах затруднений к своевременному началу лекций»²³. Через пять лет Устав 1863 года (определявший жизнь Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского и Киевского университетов) еще более увеличил летние каникулы: с 1 июня по 15 августа²⁴.

Университетское законодательство начала XIX века предоставляло профессорам и адъюнктам возможность взять 28 дней отпуска – «по самым необходимым (нужным) обстоятельствам»²⁵.

²⁰ Об уставе университета Святого Владимира, 25 декабря 1833 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 232. Стб. 486, 491.

²¹ Правила для учащихся в Императорском Дерптском университете, 21 февраля 1834 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 251. Стб. 521.

²² Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 363. Стб. 758.

²³ О сроке летней вакации в университетах, 2 мая 1858 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II: 1855–1864. СПб., 1865. № 130. Стб. 258.

²⁴ Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II: 1855–1864. СПб., 1865. № 472. Стб. 947.

²⁵ Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 32. Стб. 147–148; Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвеще-

Для бюрократов империи это было непонятное время. Споры о его назначении и условиях предоставления не однажды возникали в Главном училищ правлении, а также в переписке с министрами. Попечители искали и находили случаи скомпрометировать и отменить эту практику. Так, в июне 1810 г. попечитель Дерптского учебного округа Ф.И. Клингер сообщил министру о прошении профессора-классика Карла Моргенштерна выплатить ему жалованье и квартирные деньги за два года его пребывания за границей по болезни²⁶. Попечитель просил разъяснить назначение такой льготы. Сам он считал, что удовлетворение данного ходатайства приведет к шквалу прошений подобного рода: «таким примером всякому члену оно дан будет повод предпринять долговременное путешествие и требовать полного жалованья за время его отсутствия»²⁷.

Дерптский попечитель рассматривал академический отпуск как развлечение или возможность воспользоваться выгодами университетской службы без реальной службы. Он предлагал хотя бы обставить его некоторыми невыгодными условиями, чтобы уменьшить желание профессоров просить эти дни: «производить увольняемым в отпуск половину получаемого ими жалованья, если отпуск их продолжается не более шести месяцев»²⁸ или не выплачивать ничего. Квартирные деньги (т. е. арендуемое жилье) предлагалось во время отпуска сохранять. Но если отпуск затянется и выйдет за пределы шести месяцев, то уехавший профессор рисковал остаться без содержания и даже быть уволенным²⁹.

ния. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 63. Стб. 309; Образование Главного Педагогического Института, 23 декабря 1816 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 334. Стб. 938; Устав Императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 431. Стб. 1392.

²⁶ О невычитании квартирных денег при увольнении преподавателей в отпуск, 11 июня 1810 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 179. Стб. 609.

²⁷ Там же. Стб. 610.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Стб. 611.

Очевидно, эти меры были актуальны в условиях найма в университеты иностранных профессоров, их частых отъездов домой, а также плохих почтовых сообщений. В те годы розыск пропавшего без каких либо известий профессора занимал у попечителей немало времени и съедал большие деньги на переписку с различными ведомствами.

В 1811 г. разъяснение о назначении отпусков запросил попечитель Казанского учебного округа. В ответе ему министр рекомендовал следить, чтобы профессора и преподаватели университета никогда не отлучались из города, «не предварив о том Совет». Впоследствии процедура предоставления 28-дневного «творческого» отпуска была бюрократизирована. Устав Главного Педагогического института (1816) требовал от профессора, желавшего воспользоваться такой льготой, предоставить согласие всех членов Конференции. Если предполагалось отсутствие в пределах четырех месяцев без сохранения содержания, то окончательное решение принимал попечитель. Если же при длительном отпуске предполагалось сохранение жалования (научные экспедиции, участие в борьбе с эпидемиями и прочее) или предполагаемый отпуск был более четырех месяцев, то дело рассматривал сам министр³⁰.

В уставах 1830-х годов было закреплено право попечителей отправлять профессоров и адъюнктов в 28-дневный отпуск «при крайней надобности»³¹. Уставом 1863 года это право перешло от попечителей к ректорам. Попечитель рассматривал прошения на более длительные отпуска и стажировки³².

³⁰ Образование Главного Педагогического Института, 23 декабря 1816 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 334. Стб. 938.

³¹ Об уставе университета Святого Владимира, 25 декабря 1833 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 232. Стб. 486; Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 363. Стб. 751.

³² Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II: 1855–1864. СПб., 1865. № 472. Стб. 932.

Судя по сохранившимся каталогам лекций, занятия в императорских университетах первой половины XIX в. начинались, в основном, в восемь или девять часов утра и заканчивались в семь вечера. Основная часть лекций читалась до обеда (с 9.00 до 14.00), потом студентам предоставлялось время для самостоятельного обучения в «занимательных комнатах», а в вечерние часы (в 17.00 и 18.00) проводились занятия «искусствами» (музыка, рисование, танцы).

Университетский день сегментировался временем преподавания разных учебных дисциплин. Поскольку объемом времени можно было замерить только обучение, осуществляемое в классах или аудиториях, то появилось понятие «академический» или «классный час». Его бюрократический статус был выше времени, потраченного на домашние занятия (например, профессорские семинары), беседы в ботаническом саду, у постели больного в университетской клинике, в научном кабинете, библиотеке, на диспут, помощь в письменных заданиях и прочие формы общения преподавателей с учащимися. Администраторы предпочитали учитывать только время, проведенное в официально определенном месте (аудитории), что позволяло минимизировать компенсацию трудозатрат профессоров.

Длительность академического часа различалась в университетских городах Российской империи. Например, в отличие от Московского, где занятия длились один час, в Санкт-Петербургском и Казанском университетах до середины 1830-х годов лекции шли по два часа³³. Иногда преподаватель читал две лекции подряд, то есть сидел за кафедрой четыре часа без перерыва. Так, расписание за 1827/1828 учебный год предлагало учащимся лекции по общей физике кандидата Николая Щеглова под руководством профессора Чижова. Они длились с восьми утра до полудня³⁴.

³³ См.: Объявления публичного преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на сей 1827 год от ректора и совета университета. СПб., 1827; Объявления публичного преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на сей 1831 год от ректора и совета университета. СПб., 1831.

³⁴ Объявления публичного преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на сей 1827 год от ректора и совета университета. СПб., 1827. С. 9.

Каталоги лекций свидетельствуют, что к середине 1830-х годов сократилась продолжительность лекций в Санкт-Петербурге и Казани. В Казани они стали часовыми³⁵, а в Санкт-Петербурге полуторачасовыми³⁶. Какого бы то ни было правового решения по этому поводу нам обнаружить не удалось. Видимо, в первой трети XIX века академический час регулировался решениями профессорских советов.

Это предположение косвенно подтверждает расписание лекций университета Святого Владимира за 1843/1844 учебный год, в котором есть два вида «академических часов» – по 60 и 90 минут. Так, проректор и декан словесного отделения И.Я. Нейкирх читал часовые лекции по четвергам и субботам (с 12.00 до 13.00), полуторачасовые лекции – по понедельникам и пятницам (с 11.30 до 13.00), полуторачасовые занятия по практике перевода – по средам (с 11.30 до 13.00), часовые практикумы для казеннокоштных студентов – по средам и субботам³⁷.

Профессорские советы управляли служебным временем преподавателя посредством расписания. Это были таблицы с пространственными и временными маркерами, в которые вносились названия читаемых в данное время и в данном месте дисциплин. В начале века расписания составляли факультетские советы, затем их переправляли ректору и согласовывали на университетском совете. Как явствует из устава Главного педагогического института (1816), конференция местных профессоров составляла к началу академического года две таблицы: одну как навигатор для студентов – «дней и часов преподавания», вторую как контрольную ведомость посещаемости для преподавателей – распределение «воспитанников по лекциям, основываясь на их выборе»³⁸. Впоследствии эти

³⁵ Каталог лекций в Императорском Казанском университете на 1838–1839 учебный год. К., 1838.

³⁶ См., напр., табели лекций в: Объявления публичного преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1838–1839 академический год от Ректора и совета. СПб., 1838; Объявления публичного преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1844–1845 учебный год. СПб., 1844.

³⁷ Обзорение преподавания наук в Императорском университете св. Владимира во втором полугодии 1843–44 учебного года. Киев, 1843. С. 1.

³⁸ Образование Главного Педагогического Института, 23 декабря 1816 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 334. Стб. 923.

данные соединились в одну общую таблицу – расписание лекций, в котором указывались фамилии преподавателей, номер аудитории и маркер группы слушателей. В таком виде ею могли пользоваться студенты для передвижений в университетском времени и пространстве, а также администраторы – для контроля за организацией преподавания.

Начиналось сотворение расписания с факультетских советов. Из созданных ими таблиц составлялось «общее расписание университетского учения», которое утверждал попечитель³⁹. После этого расписание печаталось в университетской типографии и отдавалось студентам. Судя по всему, для «высшего начальства» в Москве выпускалась богато украшенная брошюра, репрезентирующая университетское обучение. Так, «Обзорение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17го дня августа 1827го по 28й Июня 1828 года» издано на латинском и русском языках, переплетено в зеленый шелк с золотым тиснением. В нем перечислены лекции по четырем отделениям, названы регалии всех профессоров, указаны дни недели, по которым читаются их лекции, место и временные промежутки по локальным часам⁴⁰.

В 1832–33 учебном году по университетам была разослана составленная министерством единая форма расписания учебных занятий. В это время российские университеты отказались от циклических профессорских лекций (с первого по последний год обучения) и перешли к годовым учебным курсам. Каждый факультет утверждал последовательность преподаваемых дисциплин для студентов первого, второго и третьего годов обучения. Она оформлялась в виде таблицы, в которой указывались (столбцы – часы, строки – дни недели) учебный предмет и фамилия лектора⁴¹.

³⁹ Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 63. Стб. 308.

⁴⁰ Обзорение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1827го по 28й Июня 1828 года. М., 1827.

⁴¹ Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1832го по 28е Июня 1833 года. М., 1832.

В середине 1830-х годов генеральное расписание обросло несколькими дополнительными таблицами. Сходная информация в них организована в соответствии с интересами адресата. В одной из таблиц сообщалось, какие дисциплины, в каком полугодии и кому будут прочитаны. В другой таблице указывался объем учебной дисциплины в часах; в третьей – показана временная последовательность занятий на первом году обучения: в четвертой – последовательность занятий у студентов разных факультетов⁴². С 1836 года учебного года расписание Московского университета перестало издаваться на латинском языке.

Оценка профессорской службы в часах

В отличие от чиновников, чья ревность к службе оценивалась количеством «решенных дел», усердие университетского чиновника высшее начальство мерило объемом академических часов, а качество преподавания цифрами экзаменационных оценок у студентов. Объем достаточной и избыточной нагрузки преподавателя менялся вместе с ростом университетов и желанием министерских чиновников сделать университеты максимально эффективными и малозатратными для империи.

В 1803 году устав Виленского университета предписывал профессорам читать лекции, вести учебные курсы (главный и дополнительный) «лучшим и удобнейшим способом» и участвовать в университетских советах, заседаниях, экзаменационных комиссиях⁴³. Никто в Вильно не определял, сколько учебных курсов должен иметь каждый польский лектор. Видимо, это решалось на университетском совете ситуативно. В немецкоязычном Дерптском университете этот вопрос решался более формально. Специальный раздел его устава (1803) предписывал ординарным и экстра-

⁴² См.: Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 22го Июля 1836 го по 10 Июня 1837 года. М., 1836; Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 22го Июля 1837 го по 10 Июня 1838 года. М., 1837; Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете в 1846–1847 гг. М., 1846.

⁴³ Устав или общие постановления Императорского Виленского университет и училищ его округа, 18 мая 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 18. Стб. 56.

ординарным профессорам вести занятия в каждом полугодии («в каждой половине года обязаны пройти по крайней мере два курса науки, предназначенной к преподаванию»⁴⁴). Чтение каждого курса занимало три-четыре часа в неделю⁴⁵. Таким образом, предписанная нагрузка преподавателя составляла приблизительно шесть-восемь часов в неделю. Ректор имел право на вдвое меньшую нагрузку. Эти нормативы воспроизведены и в дерптском уставе 1820 года⁴⁶.

В уставах Московского, Казанского и Харьковского университетов (1804) учебная нагрузка преподавателей никак не нормируется, за исключением того, что профессора, задействованные в работе педагогического института, раз в неделю в течение часа должны наставлять кандидатов⁴⁷. Их нагрузку можно реконструировать по «Обозрениям публичным преподаваний» и каталогам лекций. Из них явствует, что в 1812–1813 учебном году профессор латинского языка и древностей Мартин Герман (ординарный профессор и член трех комитетов) читал лекции по понедельникам и четвергам с 9.00 до 11.00 часов, то есть четыре часа в неделю⁴⁸. У всех его коллег, за исключением профессоров технологии Филиппа Брейтенбаха и умозрительной и опытной физики Франциска Броннера, нагрузка была такой же⁴⁹. Так, Брейтенбах читал лекции по вторникам, четвергам и пятницам с 7.00 до 9.00. Кроме того, в его расписании заявлен курс «для желающих». Броннер преподавал два больших курса (химическую физику и минералогию) и занимался со студентами четыре раза в

⁴⁴ Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 32. Стб. 157.

⁴⁵ Там же. Стб. 158.

⁴⁶ Устав Императорского Дерптского университета, 4 июня 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. Изд. 2. СПб., 1875. № 431. Стб. 1399.

⁴⁷ Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 63. Стб. 301–302.

⁴⁸ Обзорение публичных преподаваний в Императорском Казанском университете, начавшихся с 12 августа 1812 года и имеющих продолжаться по 10 июля 1813 года, по постановлению Совета университета. К., 1813. С. 3.

⁴⁹ Там же. С. 11–12.

неделю по два часа (вторник, среда, пятница, суббота с 9.00 до 11.00), то есть восемь часов в неделю⁵⁰. Кроме того, он проводил экскурсии в физическом кабинете⁵¹.

Судя по заявленному публике «Обозрению публичных преподаваний в Императорском Московском университете», профессор словесности А.Ф. Мерзляков намеревался читать в 1827 г. лекции три раза в неделю с 10 утра⁵². Такой же (три часа в неделю) была нагрузка и у его коллег – словесника М.М. Снегирева, естественника Г.И. Фишера и химика Ф.Ф. Рейса⁵³. Последние двое заведовали научными музеями, а Рейс управлял библиотекой. Профессора и преподаватели отделения врачебных наук преподавали по шесть часов в неделю. Часто у них были сдвоенные занятия трижды в неделю⁵⁴.

На этом фоне неожиданно высокой выглядит учебная нагрузка преподавателей Главного педагогического института в уставе 1816 года. «Каждый профессор ординарный за штатное жалованье и другие выгоды <...> обязан принимать на себя, в случае надобности, до 6 часов в неделю, – предписывал документ, – для преподавания предметов, к его кафедре относящихся; экстраординарный – до 8-ми, адъюнкт – до 12, магистр и прочие учителя – до 14, исключая учителей гимнастических упражнений»⁵⁵. Вероятно, дело в том, что кроме студенческих лекций, профессора и преподаватели Педагогического института вели занятия для чиновников, желавших получить университетский диплом. Лекции для них читались с мая по ноябрь в вечернее время шесть дней в неделю (с четырех до семи часов)⁵⁶.

⁵⁰ Обозрение публичных преподаваний в Императорском Казанском университете, начавшихся с 12 августа 1812 года и имеющих продолжаться по 10 июля 1813 года, по постановлению Совета университета. К., 1813. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 10.

⁵² Обозрение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1827го по 28й Июня 1828 года. М., 1827. С. 30.

⁵³ Там же. С. 21, 30–32.

⁵⁴ Там же. С. 25, 29.

⁵⁵ Образование Главного Педагогического Института, 23 декабря 1816 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 334. Стб. 935.

⁵⁶ Образование Главного Педагогического Института, 23 декабря 1816 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствова-

Часы лекций не исчерпывали весь объем занятости преподавателей. Согласно университетским уставам начала XIX века, они были обязаны обновлять свои лекции, руководить адъюнктами⁵⁷, заниматься хозяйственным обеспечением университета, объезжать с визитациями учебные заведения округа, рецензировать рукописи, публикуемые в университетской типографии, собирать отчеты с директоров гимназий и училищ, составлять на их основе «исторические записки» о развитии образования в Российской империи.

Кроме того, уставы требовали от преподавателей участия в заседаниях совета и факультетов, в училищных комитетах, университетском суде и прочих комиссиях. Они собирались с разной периодичностью. Например, заседания университетских и факультетских советов должны были происходить раз в месяц⁵⁸. Специальные «академические заседания» в Виленском университете собирались также каждый месяц⁵⁹. Университетский суд в Дерптском университете, в который входили ректор, три декана и синдик, планировалось собирать не реже раза в неделю по средам⁶⁰.

В «Обзрении преподаваний Московского университета» за 1831/1832 учебный год зафиксирован график предполагаемых заседаний советов и комиссий («присутственных мест»). Судя по нему, университетский совет планировал свои заседания по средам, правление – по понедельникам и четвергам, училищный комитет – по вторникам и пятницам, комитет для производства эк-

ние императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 334. Стб. 925; К ст. 152. Росписание часов для публичных курсов при Главном педагогическом институте // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения : Т. 1 1802–1834. СПб., 1866. Паг. 2. С. 8.

⁵⁷ См., напр.: Уставы императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 63. Стб. 301.

⁵⁸ Там же. Стб. 304, 308.

⁵⁹ Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа, 18 мая 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 18. Стб. 48.

⁶⁰ Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 32. Стб. 149.

заменов чиновникам собирался по назначению ректора. Ежемесячно проводились заседания отделений (факультетов). Цензурный комитет работал «по утрам в зданиях университета». Кроме того, профессора участвовали в заседаниях Общества испытателей природы, физико-медицинском, истории и древностей российских, обществе любителей российской словесности. Время их заседаний назначалось председателями обществ⁶¹.

При всем желании министерским чиновникам первой трети XIX века не удавалось зафиксировать все виды занятости университетских преподавателей и измерить их в часах. Кроме регулярных заседаний в университетах часто случались чрезвычайные заседания советов, комитетов и комиссий, которым преподаватели отдавали часы своей приватной жизни. В большинстве случаев они это делали добровольным коллективным решением, руководствуясь просветительским альтруизмом или ревностью к службе. Например, созданное в 1811 г. при Московском университете Общество истории и древностей российских потребовало от своих членов обязательного присутствия на заседаниях. Беспричинный пропуск трех ежемесячных собраний карался исключением⁶². И таких комиссий, мероприятий, обществ и заседаний с каждым годом становилось все больше. А открытие в империи новых пансионов, гимназий и народных училищ увеличило продолжительность и частоту их визитаций, затраты времени на сбор и изучение отчетов.

И уж, конечно, никакому канцеляристу не удавалось измерить трудо- и времязатраты преподавателей на исследования. В начале века университетские люди обязывались распространять науки, а не создавать их, поэтому исследования не занимали в жизни ученого сословия много места. Но ситуация менялась. В университетах вырастало поколение россиян, желавших научной славы и признания, да и амбиции министерских чиновников росли. Тот же М.Л. Магницкий, встав во главе слабого Казанского университета, потребовал от его профессорского совета публикаций, исследу-

⁶¹ Обзорение публичных преподаваний в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1832го по 28е Июня 1833 года. М., 1832.

⁶² Устав Общества истории и древностей Российских, 21 января 1811 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I: 1801–1825. 2-е изд. СПб., 1875. № 205. Стб. 681.

дований, участия в кругосветных путешествиях, издания научно-го журнала и книг⁶³.

Неспособность контролировать исследовательское время порождала у бюрократов ощущение бесконтрольности университетской службы и плохого управления. Потребность найти релевантный инструментарий для измерения научной работы оправдывалась разными аргументами: необходимостью достойно оценить ревностную службу, усилить качество обучения, поднять с его помощью международную репутацию Российской империи⁶⁴. В отличие от преподавания, усердие университетских чиновников в этой области министерские чиновники измеряли не часами, а количественным результатом – публикациями, выздоровевшими больными или выросшим урожаем. Но этот измерительный прибор не позволял сравнивать и контролировать усердие исследователей в разных науках.

Осудивший на себе последствия политического вольномыслия, Николай I потребовал в 1826 г. от министерских чиновников установки «должного и необходимого единообразия» в российских школах⁶⁵. Его достижение следовало начинать с создания общих для всех учебных заведений уставов и унификацию обучения в них. Для этого был учрежден Комитет устройства учебных заведений, в который кроме министра вошли С.С. Уваров, М.М. Сперанский и С.Г. Строганов⁶⁶. В ходе их заседаний Сперанский последовательно отстаивал принцип формализации отношений в университетах и разделения труда. Именно он предложил отстра-

⁶³ Вишленкова Е.А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 года // Отечественная история. 2002. № 4 С. 22–35.

⁶⁴ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Наука управлять: господство через знание и реформа управления российским образованием в первой половине XIX века // Ab Imperio. 2017. № 4. С. 79.

⁶⁵ Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1827. Кн. 2. С. 7; Об учреждении комитета для сличения и уравнивания уставов учебных заведений и определения курсов учения в оных, 14 мая 1826 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 10. Стб. 22.

⁶⁶ Об учреждении комитета для сличения и уравнивания уставов учебных заведений и определения курсов учения в оных, 14 мая 1826 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 10. Стб. 22–24.

нить профессоров от управления училищами округа и от решения хозяйственно-экономических вопросов в университетах, освободить их время для подготовки лекций и обучения⁶⁷.

По уставу 1835 года учебная нагрузка университетских преподавателей повсеместно выросла: профессора должны были читать курсы лекций «не менее восьми часов в неделю»⁶⁸. Ректор мог иметь половинную от этого нагрузку. При этом лекторы должны были предоставить в совет, а затем и в министерство не только программу своей дисциплины, но и составить обзор международных исследований по данной науке, дабы доказать свою компетентность⁶⁹.

Реальная картина занятости была сложнее и разнообразнее министерских планов. Поскольку устав изменил число факультетов, отделений, кафедр и учебных курсов, это привело к формальному увеличению объема аудиторных часов для каждого лектора. Однако в действительности многие из них и ранее читали лекции не только по своему предмету (то есть закрепленному за должностью), но выполняли сверхнагрузку за дополнительную плату, совмещая по несколько должностей⁷⁰. После принятия нового устава их жалование по основной должности увеличилось. При этом совместительство было запрещено, а читаемые дополнительно курсы были введены в основную персональную нагрузку. «Старые профессора» (так в николаевскую эпоху называли профессоров, поступивших на службу в правление Александра I) не ощутили благодаря этому радикального улучшения качества своей жизни, но и не возмущались росту собственной трудовой загруженности.

«Молодые профессора» не занимались учебными заведениями округа, но административной работы у них было не меньше, чем у их «старых» предшественников. С развитием факультетов

⁶⁷ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 52. Л. 71–74 об.

⁶⁸ Общий устав императорских российских университетов, 26 июля 1835 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I: 1825–1855. Отделение 1. 1825–1839. СПб., 1864. № 363. Стб. 756.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Костина Т.В.* Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. С. 262–269.

университетская жизнь сегментировалась, что увеличило включенность профессоров в различные университетские органы самоуправления. Особенно интенсивной была включенность в небольших провинциальных университетах⁷¹. В 1838 году в Казани состоялось 129 заседаний строительного комитета, 48 заседаний Отделения словесных наук, 41 – Отделения математических наук, 16 – Отделения юридических наук, 29 – Отделения врачебных наук. 9 заседаний издательского комитета, 5 – испытательного комитета для поступающих студентов, 20 – испытательного комитета для домашних учителей⁷². И поскольку ректор был обязан присутствовать, как минимум, на заседаниях строительного комитета, совета своего факультета, правления и совета, то оказывается, что за год незаурядный математик Н.И. Лобачевский принимал участие в 300 заседаниях. Очевидно, эта работа должна была парализовать его дидактическую и исследовательскую деятельность.

Падение значимости университетского самоуправления и сосредоточение профессоров на внутренних исполнительских заботах отражает изменившееся соотношение заседаний совета и правления. Орган принятия административных решений (совет) с каждым годом становился пассивнее и заседал все реже, зато исполнительный орган (правление) увеличивал активность. Так, в 1834 г. совет Московского университета собирался 48 раз, а правление – 91 раз⁷³; в 1844 г. – 9 и 59⁷⁴, в 1856 г. – 9 и 91, в 1859 г. – 15 и 105⁷⁵. Подобная же тенденция просматривается и в отчетах Харьковского университета: в 1838 г. – 46 и 106⁷⁶, в 1849 г. – 9 и 107⁷⁷, в 1857 г. – 13 и 143⁷⁸.

Впрочем, распределение нагрузки не было равномерным ни в рамках одной специальности, ни тем более у преподавателей разных факультетов. Многие московские профессора физико-математического и словесного отделений сохранили в 1830-е годы ми-

⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 195. Л. 25.

⁷² Там же. Д. 528. Л. 109.

⁷³ Там же. Д. 194. Л. 26 об.

⁷⁴ Там же. Д. 216. Л. 35 об.

⁷⁵ Там же. Д. 250. Л. 32 об.

⁷⁶ Там же. Д. 668. Л. 75 об.

⁷⁷ Там же. Д. 733. Л. 85.

⁷⁸ Там же. Д. 787. Л. 148 об.

нимальную нагрузку в три лекционных часа в неделю. С развитием профессионализации медицины и быстрым ростом врачебных факультетов профессора-медики оказались завалены большим объемом лекций и анатомических демонстраций, обучением студентов в клиниках⁷⁹. Интенсивность их труда оказалась, таким образом, много выше, чем у прочих университетских коллег.

К середине 1850-х годов средняя аудиторная нагрузка преподавателя Московского университета составляла от шести до двенадцати и более часов в неделю⁸⁰. Так, например, профессор истории С.С. Шевырев читал восемь часов лекций⁸¹ и, как свидетельствовали объявления, «сверх того, занимает их (студентов – *Е.В., К.И.*) практическими упражнениями в изустном и письменном изложении рассуждений по разным частям наук, равно и преподавании гимназических учебных предметов в зале Педагогического института и у себя на дому более шести часов в неделю»⁸².

В 1860-е годы ответственность за распределение нагрузки министерство передало университетским советам. В уставе 1863 года декларировалось: «штатные преподаватели должны употреблять на изложение своего предмета столько часов в неделю, сколько, на основании представленных ими соображений и по рассмотрении всех обстоятельств, назначит им факультет, с утверждения совета»⁸³.

Бюрократическая интенсификация университетской жизни

По мере становления современного государства, время университетского человека в России стало сжиматься как «шагреновая кожа» в результате новых бюрократических инициатив. В уваровские времена выполнение адъюнктами и профессорами адми-

⁷⁹ Например, Василий Котельницкий: Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17го дня Августа 1831го по 28й Июня 1832 года. М., 1831. С. 10.

⁸⁰ Обзорение преподавания наук в Императорском Московском университете в 1856–57 академическом году. М., 1856.

⁸¹ Там же. С. 2–3.

⁸² Там же. С. 3.

⁸³ Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II: 1855–1864. СПб., 1865. № 472. Стб. 945.

нистративных обязанностей стало фиксироваться в их послужных списках как дополнительное достоинство, а освоение канцелярского искусства и создание бюрократических документов считалось необходимым профессиональным навыком. Втягивание преподавателей в бюрократическую культуру сделало возможным альянс чиновников университета и министерства в деле модернизации образования. При этом делопроизводство оказалось инструментом интенсификации службы университетского преподавателя и средством для безвозмездного передачи ему аналитических функций министерских чиновников.

В правление Александра I профессорские советы могли писать ежегодные отчеты об университетской жизни в произвольной форме, рассказывая правительству о том, как они содействуют распространению наук в своем учебном округе и как тратят выделенные им казенные деньги. Довольно часто профессора даже позволяли себе не откликаться на запросы министерства на справки и документы. Хранимые в архиве Департамента народного просвещения отчеты первых трех десятилетий не регулярны, разрознены, различаются по объему и описанным объектам.

В 1830-е годы уваровские сотрудники создали для всех типов школ единые формы отчетности и добились своевременности их заполнения⁸⁴. Их создание потребовало от профессоров и адъюнктов большой работы по инвентаризации и обсчету университетского хозяйства. Типовой текст состоял из трех глав и восьми ведомостей⁸⁵. Все собранные цифровые показатели необходимо было соотнести с министерским нормативом (указанном в штатном расписании) и с предыдущими показателями, то есть провести аналитическую работу, которая ранее была закреплена за министерскими канцеляристами. Чтобы облегчить работу столичного начальства, профессорский совет должен был обозначить в отчете изменения и объяснить их. К нарративной части сводного отчета прилагались десятки ведомостей, в графы и колонки кото-

⁸⁴ Анализ данного отчета см.: *Булгакова Л.А.* Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 10. Л.: Наука, 1978. С. 246–248.

⁸⁵ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 234. Л. 1–157; НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3823. Л. 1–131.

рых переписывали данные из разных документов, что позволяло провести перекрестную проверку цифр.

Изготовленная министерскими чиновниками матрица университетского самоописания упаковала его в образ правильно устроенного ведомства (чиновники так и писали: «ведомство Университета»). Она оставляла за пределами его функций внеаудиторное общение профессоров со студентами, с коллегами по профессии, их корпоративные конфликты и научные дебаты, а также любую несанкционированную правительством просветительскую деятельность в городе и округе. Все это было либо запрещено, либо отнесено в сферу частной жизни.

Выполняя циркулярные предписания С.С. Уварова, университеты ежемесячно присылали в министерство мемории о делах совета. Каждую треть года профессора отсылали в Петербург ведомости о пожертвованиях, поступивших в университет и «сведения о выдержавших в университетах испытание для получения аттестатов на вступление в 1й и 2й разряды гражданских чиновников», а также «списки о выбывших студентах». Каждые полгода они составляли «списки об учащихся»⁸⁶, «списки дворян, достигших сего звания по чину VIII класса или по ордену», «ведомости о потомственных и личных дворянах, состоящих на службе в ведомстве университета», «списки о молодых дворянах», «списки о камергерах и камер-юнкерах», по два экземпляра «списков о кавалерах и лицах, имеющих знаки отличия беспорочной службы», «реестры и билеты кредитных установлений». Университет был обязан дважды в год предоставлять в III-е Отделение С.Е.И.В. Канцелярии «списки о нижних служителях». Кроме того, ежемесячно профессора отправляли в столицу ведомости о полученных указах правительствующего Сената. Ежегодно в трех экземплярах они делали формулярные списки чиновников университета. Каждый квартал канцелярия подавала министру сведения о «переменах медицинских чиновников, служащих по ведомству Министерства народного просвещения и о произведенных университетом вновь в разные медицинские, фармацевтические и ветеринарные звания»⁸⁷. Три раза в год профессора отсылали в столицу

⁸⁶ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 4, 7, 9, 18–18 об.

⁸⁷ Там же. Л. 27 об.

ведомости о расходах экономических сумм и ведомости о пропущенных преподавателями уроках. С 1834 г. министерство требовало от советов сведений о расписании чтения лекций⁸⁸, ведомостей о пожертвованиях⁸⁹.

Поскольку университет и министерство отмеряли время разными годами, то отчет изготовляли в двух вариантах: за академический и за гражданский год.

Требую точного соблюдения форм отчетности и сроков их предоставления, министр уверял подчиненных, что все эти усилия направлены на ускорение решения дел и «уменьшение занятий канцелярских служащих»⁹⁰. В реальности же занятость всех университетских чиновников – от канцеляриста до ректора – выросла в разы.

Министерство постоянно сокращало сроки и увеличивало формы и объем отчетности. Замедление темпа документооборота, несвоевременное предоставление справок и отчетов каралось административными и финансовыми мерами. Как и от всех канцелярий империи, от университетского совета требовалось соблюдение баланса «решенных, входящих, исходящих и неисполненных бумаг». Если министерство обнаруживало в отчете преобладание неисполненных дел, это был признак плохой организации делопроизводства и значит – управления в целом, то есть служил поводом к принятию кадровых решений. В течение года ректор должен был проводить ревизию дел в канцеляриях совета, правления и факультетов, следить, чтобы в них не скапливались решенные дела за более чем три последних года⁹¹.

Тотальную бюрократизацию университетов Уваров оправдывал намерением «возвысить университетское учение до рациональной формы»⁹², то есть, говоря современным языком, поднять качество обучения и эффективность университетов. И поскольку

⁸⁸ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 3.

⁸⁹ Там же. Л. 4.

⁹⁰ Цит. по: *Сокова А.Н.* О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII – начала XX веков // Труды ВНИИДАД. Т. 5. Ч. 1. М., 1974. С. 221.

⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 787. Л. 149.

⁹² *Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2009. С. 355.

бюрократии рациональность виделась столбиками выверенных цифр и легко контролируемых структур, то целый штат профессиональных чиновников добивался от профессоров перманентной и понятной отчетности, делающей любой отдаленный университет хорошо просматриваемым из Петербурга.

Постепенно такая система управления стала менять академическую культуру в России. Раз целью всего, что делалось в университете, становился отчет, все, что в него не входило, представлялось напрасным. Для преподавателей было ясно, что показателями их преданности и усердия является не качество лекций, не интерес воспитанников к их предмету, не романтика научного поиска, а цифры приема студентов, штаты чиновников, объемы клиник, бюджет, сумма аудиторных часов и количество публикаций, частота заседаний и наличие всех протоколов в канцелярии. Поэтому качественные характеристики университетской жизни все реже обсуждались на советах.

Довольно скоро скрученная спираль бюрократизации академической жизни стала разворачиваться по инерции и даже вопреки желанию министерских чиновников. Перестраховывающиеся попечители дублировали и пересылали в министерство все свои распоряжения и ответы на них отчитывающихся инстанций, запрашивали у министра разрешения по любому частному поводу, а университетские советы направляли в Петербург уведомления о мельчайших происшествиях. Эскалация недоверия между начальниками и подчиненными, между профессорами и министерскими чиновниками, между преподавателями и студентами выражалась в постоянном производстве отчетных и справочных текстов, в пересылке документов, подтверждающих отчеты, в перепроверке цифр ведомостей. Достигнув пика формализации, цифровая система парализовала сама себя. Министерство было завалено неразобранной почтой.

Почти сразу после падения всесильного министра подчиненные ему чиновники приступили к демонтажу его системы⁹³. Необходимость этого тем легче было обосновать, что отставка Уварова совпала с изменением политического курса в стране после

⁹³ Об отмене «системы» Уварова см: *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 258.

европейских революций 1848 года. В связи с этим весной 1851 года в Петербурге был создан «комитет для изыскания мер к сокращению делопроизводства по гражданскому ведомству». Его задачей была оптимизация и реструктурирование государственного управления. Для этого члены комитета анализировали мнения заинтересованных сторон о необходимых и лишних бумагах⁹⁴. Видимо, предчувствуя какой поток негативных эмоций выльется на них от пострадавших университетов и какими радикальными могут быть предложения профессоров, комитетчики предупредили респондентов, что считают увеличившийся объем делопроизводства и выросший штат чиновников естественными следствиями прироста населения и усложнения управления.

По всей видимости, министерские чиновники сами задышались от порожденных ими документальных потоков. В документах канцелярии попечителя Московского учебного округа в Центральном государственном архиве Москвы сохранилась переписка по этому поводу министра П.А. Ширинского-Шахматова и попечителя В.И. Назимова. «Главнейшею причиною, по которой делопроизводство и письменный труд развились у нас в таких огромных размерах, — заверял попечитель, — я почитаю неравномерное распределение власти в разных инстанциях одного и того же ведомства»⁹⁵. Теперь неэффективным представлялось сосредоточение инициативы и контроля над университетами в правительственных структурах, в частности в министерстве. Российские академические сообщества обличались как инфантильные сословия, не отягощенные самоадминистрированием и ответственностью. Именно этот порок профессоров породил неимоверный поток письменной работы и необходимость содержать такое количество министерских чиновников⁹⁶.

В свою очередь ректора провинциальных университетов и директора училищ просили Ширинского-Шахматова отменить хотя бы промежуточные формы отчетности или свести все многочисленные разновидности отчетов в один⁹⁷. Проанализировав

⁹⁴ ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Л. 51–51 об.

⁹⁶ Там же. Л. 51–51 об.

⁹⁷ Там же. Л. 38.

доводы и предложения, министр соблаговолил отменить составление меморий о делах университетских советов, срочные ведомости, сократить количество и объем писем, приходящих из канцелярий попечителей. Столичные чиновники верили в то, что предоставление ведомости не раз в квартал, а раз в полгода является серьезным послаблением для профессоров и демократизацией университетского управления. В январе 1852 г. Государственный совет постановил сократить делопроизводство и переписку по гражданскому управлению, а Министерство народного просвещения расширило полномочия попечителей, университетских советов и отменило многие виды отчетов⁹⁸.

Итак, в первой половине XIX века в российских университетах жило автономное от гражданского и бюрократического – академическое время. Оно сегментировалось академическими годами, полугодиями, академическими часами и ваканциями, управля-

⁹⁸ Циркулярное предложение о прекращении доставления меморий о делах, производившихся в высших учебных заведениях, 13 мая. 1851 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3 1850–1864. СПб., 1866. № 53. Стб. 50–51; О прекращении доставления ведомостей о Высочайших повелениях, 17 мая 1851 // Там же. № 54. Стб. 51; Циркулярное предложение о прекращении доставления ведомостей о пожертвованиях, 17 мая 1851 // Там же. № 55. Стб. 51–52; Циркулярное предложение о доставлении сведений о выдержавших в Университетах испытание для получения права на производство в классные чины, 24 мая 1851 // Там же. № 56. Стб. 52; Циркулярное предложение об основаниях сокращения деловодства, относящихся собственно к канцелярскому порядку, 24 мая 1851 // Там же. № 58. Стб. 54–55; Циркулярное предложение о перемене сроков доставления списков об учащихся в высших учебных заведениях и о выбывающих из оных, 14 июня 1851 // Там же. № 59. Стб. 55–56; Циркулярное предложение о доставлении сведений о переменах в службе медицинских чиновников непосредственно в Медицинский Департамент Министерства Внутр. дел, 17 июня 1851 // Там же. № 60. Стб. 56–57; Циркулярное предложение о прекращении особых донесений о деньгах, выдаваемых на погребение, 20 июля 1851 // Там же. № 62. Стб. 57–58; Циркулярное предложение относительно доставления ведомостей о пансионерах, содержащихся училищными чиновниками, 20 июля 1851 // Там же. № 63. Стб. 58; Циркулярное предложение относительно доставления ведомостей о пропущенных преподавателями уроках, 20 июля 1851 // Там же. № 64. Стб. 58; Циркулярное предложение о введении печатных бланков для однообразной переписки, 21 августа 1851 // Там же. № 67. Стб. 60; Циркулярное предложение о сокращении делопроизводства и переписки, 25 февраля 1852 // Там же. № 92. Стб. 81–82; О расширении власти Попечителей Учебных Округов, 9 июня 1862 // Там же. № 516. Стб. 493–499.

лось коллективными решениями профессоров через расписание занятий и заседаний корпоративных органов (советов, ученых обществ, комиссий и комитетов).

Контроль и управление временем обеспечил разные группы университетских людей (студентов, преподавателей, администраторов) разными ресурсами власти⁹⁹. Возможность подчинять студентов определенному движению во времени (установление лекционных часов, учет посещаемости занятий, контроль за временем для самостоятельных занятий, занятий искусствами, вакансий, университетскими праздниками и пр.) позволяла профессорам направлять их физические перемещения тоже (в аудитории, «занимательные комнаты», столовую, танцевальный зал или рисовальные классы, разрешение на поездки к родителям и т.д.) Временем можно было поощрять (освобождение от занятий) или наказывать (время в карцере, дополнительные занятия латынью, сокращение вакансий или отмена выходных).

Время «старых профессоров» в николаевское правление оказалось подчинено контролю министерских чиновников и все меньше оставалось в ведении университетских советов. Больше всего именно в этом, а не в правовых решениях, проявилось сокращение университетской автономии. Когда профессора и адъюнкты практически перестали определять самостоятельно «свое» время (распределение учебной нагрузки, периодичность заседаний университетских советов и научных обществ, темп делопроизводства и продолжительность научных исследований (на которые тратились «отпуска»), они перестали ощущать Университет как «свое» пространство и ощутили себя наемными чиновниками.

⁹⁹ Плешков А.А. Университетское время – чье время? (неопубликованная рукопись) // Окна Роста. 2018.

А.А. Кузнецов

**Миф о провинциальном историке в XX в.
(на примере С.И. Архангельского)**

Статья посвящена проблеме мифов о провинциальных ученых России в XX в. Рассмотрены особенности складывания этих мифов и их воздействия на историографию науки. Как пример проанализирован миф об С.И. Архангельском (1882–1958). Он был крупным историком и деятелем нижегородского высшего образования. Показывается, что тексты об Архангельском подчинены логике мифа в архаическом и классическом его понимании. Важные аспекты мифа были подвергнуты критике. Вместо них были предложены гипотезы и факты биографии С.И. Архангельского как предмета исторического исследования. В частности, были исследованы проблемы отношения С.И. Архангельского к марксизму, учителей Архангельского в Московском университете, соотношения исследования нижегородской истории и истории Англии.

Ключевые слова: миф, история науки, С.И. Архангельский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, В.О. Ключевский, Московский университет, Нижний Новгород, локальная история, история Нижнего Новгорода, история Англии, марксизм, биография.

A.A. Kuznetsov

The myth of a provincial historian in the twentieth century (by the example of S. I. Arkhangel'sky)

The article deals with myths about the provincial scientists of Russia in the XX century. In the article the peculiarities of folding these myths and their impact on the historiography of science. As an example, analyzed the myth of the S. I. Arkhangel'sky (1882-1958). He was a great historian and statesman of Nizhny Novgorod higher education. The article shows that the texts about Arkhangel'sky are subject to the logic of myth in its archaic and classical understanding. Important aspects of the myth have been criticized. Instead, hypotheses and facts of S. I. Arkhangel'sky's biography as a subject of historical research were proposed. In particular, the problems of the relationship of S. I. Arkhangel'sky to Marxism, teachers of Arkhangel'sky at the Moscow University, the relationship of the study of Nizhny Novgorod history and the history of the England were investigated.

Key words: myth, history of science, S.I. Arkhangel'skii, N.I. Kareev, P.G. Vinogradov, V.O. Klyuchevsky, Moscow University, Nizhny Novgorod, local history, history of Nizhny Novgorod, history of England, Marxism, biography.

Статьи В.А. Свешникова и Н.В. Гришиной, посвященные мифам о Т.Н. Грановском и В.О. Ключевском соответственно¹, являются плодотворными в изучении истории науки и истории высшей школы в СССР – России XX в.

Это столетие оказалось временем становления высших учебных заведений и академических центров во всех республиканских, краевых, областных и даже районных центрах и развития там научных направлений. Во втором десятилетии XXI в. многие из этих учебных заведений отмечают полувековые, вековые и «между ними» юбилеи. При подведении итогов организаторами празднеств на передний план выдвигаются фигуры тех, кем гордятся вузы и научные центры по причине того, что они были первыми, что они стали отцами-основателями вузов, институтов, факультетов и научных школ.

Юбилеи и процесс обретения исторических корней сходятся в точке персонализации – обретения биографий своих патриархов. Как следствие получается так, что исключительно их замыслами, усилиями закладываются фундаменты образовательных институций и научных структур современной России. Кроме того, что эта тенденция гипертрофирует субъективный фактор, создает «культ личности» в истории высшей школы и науки СССР – России XX в., она способствует мифологизации каждой биографии. Выставленные на передний план личности становятся главными, если не основными, акторами формирования евразийского культурно-образовательного ландшафта от Тихого океана до Балтики, Черного моря, от Северного Ледовитого Океана до Закавказья и Средней Азии в XX в. И у истоков данного потока оказываются деятели высшей школы. Так закрепляются определенные этой

¹ *Свешников А.В.* Миф о Грановском: попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. М., 2006. С. 69–81; *Гришина Н.В.* Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX–XX вв. // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX – XXI вв. Чебоксары, 2010. С. 115–124.

коммеморацией черты деятелей науки и образования и стереотипы их восприятия и репрезентации. Поэтому выхолащиваются человеческие черты, «нерв» и остается монумент. Импульсы к этому идут из среды не-историков и не-гуманитариев. Ведь биографии великих ученых пишут представители их наук. Кроме историков, литературоведов, социологов, философов, ни математики, ни химики, ни биологи, ни физики не обладают человекоориентированной методой написания биографии ученого своей корпорации и действуют в рамках устаревших образцов. Вот поэтому предложения А.В. Свешникова и Н.В. Гришиной являются многообещающими для биографики ученых вообще.

Возвращаясь же к проблеме научной биографики деятелей образования и науки в российской (советской) провинции XX в., можно констатировать в ней возрождение стиля исторического монументализма, господствовавшего в древнерусской литературе в XI–XIII вв.² Являясь «сборкой» исключительно положительных черт и качеств, биографический миф в рамках этого стиля противостоит современным требованиям интеллектуальной биографии, не отвечает вызовам историографии. Для устранения крена в методологическую архаику надо выправлять многие диспропорции. В этом заключается методическое отличие в подходах к изучению мифа об ученом XIX в. и мифа об ученом XX в. В первом случае миф – социально и исторически обусловленное, неотрефлексированное знание (А.В. Свешников), во втором – смещение точки зрения, искажающее реальную картину.

Для анализа любого аспекта мифа об ученом XX в. не подходят как основные составляющие мифа о Т.Н. Грановском, сложившегося в середине XIX в. (прогрессивность мировоззрения и практики, социальный резонанс лекций – учебных и просветительских, будирование интереса молодежи к себе, безупречная этика и смерть «на взлете»)³, так и – составляющие мифа о В.О. Ключевском рубежа XIX–XX вв. (профессор – общественный деятель и популяризатор науки, интеллектуальное лидерство, представление об ученом-историке как о пророке в Отечестве своем и «своеобыч-

² Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. СПб., 2015. С. 42–107.

³ Свешников А.В. Миф о Грановском: попытка дискурсивного анализа... С. 70–74.

ность» и уникальность, проявляемые зачастую в неоднозначных личных качествах)⁴. Многие из этих маркеров обусловлены социальными направленностью и общественно-актуальной заданностью канона об ученом-историке. Данный признак практически не проявляется в стереотипах о великих математиках и «естественниках»: они не гуманитарии, и их глубокие, интересные идеи не вызовут публичного внимания без должной популяризации. Однако, и историкам, и остальным гуманитариям XX в., о которых сложились мифы, тоже надо отказать в наличии такого проявления. Отказать по причине соответствия официальной идеологии марксизма-ленинизма и распространенной практики лекционной работы среди населения, где не только пророчество, но и любые свежие мысли были девальвированы почти конвейерным характером такой работы.

Созданию мифа о провинциальном ученом и/или педагоге высшей школы в разных локусах способствовали разные наборы факторов. И своеобразие каждого мифа могло определяться временем жизни, авторством мифа об ученом, его политическим и социальным долголетием, достижением признания научных, организационных и педагогических заслуг в виде академического статуса, советского ордена. Общим в данном процессе видятся определенная «технологическая» лояльность Советской власти и связь между мифом и юбилеем институции. Прежде всего, связь временная и поколенческая. Между активной деятельностью героя и юбилеем должна быть далекая связь, пунктирная и подорванная дискретностью. Важно, чтобы персонаж мифа действовал или проявился в начале юбилейного цикла, и чтобы память о нем передавалась изустно. Ранний уход с авансцены или смерть здесь являются факторами, препятствующими образованию мифа. Например, преподававший в 1919–1921 гг. и возглавлявший кафедру в Нижегородском университете великий А.Ф. Лосев не оставил там после себя мифа. К 1990-м гг., когда начала расти посмертная слава А.Ф. Лосева, не было уже в живых его тогдашних студентов. Стремление забыть о А.Ф. Лосеве, когда его репрессировали, а потом клеймили как философа-идеалиста, вплоть до его смерти не

⁴ Гришина Н.В. Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX–XX вв... С. 116–124.

могло сделать его популярной фигурой в Горьком. В.Л. Гинзбург, по совместительству с основной работой в Москве заведовавший кафедрой на первом в СССР радиофизическом факультете в Горьковском университете в 1945–1961 гг., остался в памяти как профессор, преподаватель только у тех, кого он учил. Когда в 2003 г. В.Л. Гинзбург стал Нобелевским лауреатом, то время для создания мифа в Нижегородском университете ушло, поскольку рассказчиков о его деятельности, освященной крупной международной наградой, не было.

В таких условиях многофакторного, многолокусного и поливариантного рождения мифов о провинциальных ученых их анализ надо производить с точки зрения препарирования основных элементов – дома, семьи в генеалогическом и схолярном смысле, места в науке и в истории учреждения и др. Это требование актуально и для анализа мифов о провинциальных историках XX в.

Указанные выше искажения присущи и репрезентациям деятелей Нижегородского (Горьковского) государственного университета. Первый (ди)ректор университета советского периода Д.Ф. Сеницын, инициативный академик А.А. Андронов (открыватель радиофака, давший имя Н.И. Лобачевского университету), бесстрашный генетик С.С. Четвериков... В этой галерее по праву находится и основатель историко-филологического факультета Горьковского государственного университета – Сергей Иванович Архангельский (1882–1958).

Созданию мифа об С.И. Архангельском невольно способствовали его ученики. По устным воспоминаниям Е.В. Кузнецова, ставшего аспирантом С.И. Архангельского в год его смерти, именно старшее поколение учеников С.И. Архангельского вместе с его вдовой провело работу по подготовке и сдаче в архивы его документов. Одна часть бумаг была отправлена в Архив Академии Наук СССР. Другая часть была передана в Государственный архив Горьковской области (ныне – Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО)). Изучение дел в фонде С.И. Архангельского в ЦАНО⁵ и соотнесение его результатов с наименованием дел

⁵ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1.

в Архиве РАН⁶ приводят к выводу, что фондосдатчики провели селекцию огромного документального массива. В академический архив попали материалы, соответствующие канону советского академика – его труды (в т. ч., ненапечатанные), деловая, товарищеская, и личная (без каких-либо двусмысленностей) переписка, методические материалы и пр. В архиве на исторической родине историка оказались бумаги, позволяющие судить о сложных процессах в нижегородском и центральном краеведении (1920-х гг.), в отечественной исторической науке 1920–1950-х гг., черновики трудов, свидетельствующие о замыслах, письма Н.И. Кареева, Д.М. Петрушевского и др. персон нон грата для советской историографии конца 1950-х гг., часть переписки с видными историками, а также родными и близкими людьми, в которой обсуждалась Советская власть, репрессии и др.

Единый фонд С.И. Архангельского был разделен на легальный (Москва) и «опасный» (Горький) части. Легальные документы подкрепляли, уточняли публичный биографический нарратив об С.И. Архангельском, который сложился еще при его жизни⁷ и закреплялся после его смерти. «Опасный» архив был предназначен для сокрытия неудобных фактов. Более того, для доступа к нему были установлены ограничения (видимо, вдовой). По устным воспоминаниям ученицы С.И. Архангельского И.В. Кетковой, ей в 1980-е гг. пришлось писать особое заявление, чтобы изучать документы из фонда наставника не в читальном зале горьковского архива, а в специальном помещении. Ограничений доступа к фонду С.И. Архангельского уже не было в начале 2000-х гг. Отсюда проистекает ответ на вопрос, заданный в 2010 г. В.П. Корзун автору этих строк, когда он докладывал о письмах Н.И. Кареева в фонде С.И. Архангельского: «Почему никто до доклада не изучал письма Кареева?». Потому что были ограничения.

Естественно, что такое долгое существование рогаток на пути к документам из архивного фонда в Горьком существенно снизило накал живого, лично мотивированного интереса к

⁶ URL: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=D67603C2-857D-27CD-F811-9F4E6962C255&ida=1>.

⁷ См. напр.: С.И. Архангельский // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 3. М., 1950.

С.И. Архангельскому. А интересен он был, прежде всего, в Горьком. Московский фонд С.И. Архангельского в силу удаленности, некоторого времени, требовавшегося для разбора и описи дел, и информационно-технологических реалий 1960–1980-х гг., оказался отрезанным для исследователей из Горького.

Искусственное разделение цельного фонда, естественное и волевое ограничение доступа к его частям и способствовали укреплению мифа об Архангельском.

Биографический миф о нижегородском-горьковском историке к моменту его смерти был сформирован. В основе его был текст энциклопедий. Он проявился и в некрологе⁸. В нем использованы материалы, поданные С.И. Архангельским для участия в выборах в АН СССР, и последующие официальные анкеты и справки второй половины 1940-х гг. Природа этих документов не оставляла возможности несанкционированной информации.

Сам С.И. Архангельский был весьма сдержанным человеком в рассказах о себе. Наверное, это проистекало и из его темперамента. Но свой отпечаток оставила эпоха: в 1922 г. в Моршанской тюрьме умер его коллега А.К. Кабанов, во второй половине 1920-х гг. в Нижнем Новгороде громится краеведческое движение, одним из организаторов которого в начале 1920-х гг. был С.И. Архангельский, в 1929–1930 гг. по «Академическому делу» в лагерь и ссылки отправляются многие знакомые и учителя С.И. Архангельского, в 1933 г. за прошлое до 1917 г. жестокой одиссеей от Пятигорска до Барнаула был наказан двоюродный брат историка (этот брат в 1940 г. сядет в тюрьму за неосторожный анекдот), в 1937 г. в Горьковском пединституте, рядом с Архангельским, прошла волна политических арестов, в 1941 г. 10 лет получил пасынок, в 1949 г. Архангельского обвинят в космополитизме и начнут его прорабатывать⁹... В силу этих фактов, вскрытых уже после ут-

⁸ С.И. Архангельский (некролог) // Вопросы истории. 1958. № 12.

⁹ Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Чтения памяти А.Я. Садовского: материалы II Нижегород. архивоведческой конф. Нижний Новгород, 2006. С. 160–164; Кузнецов А.А., Уткина Н.А. Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому и С.И. Архангельскому как источник по истории краеведческого движения в Нижнем Новгороде в 1920 – первой половине 1930-х гг. // Человек и документ: материалы VI Нижегород. межрегион. архивоведческой конф. Нижний Новгород, 2011. С. 154–163; Кузнецов А.А.

верждения мифа, подчеркивавшиеся в мемориях доброжелательность, ровность и сдержанность С.И. Архангельского в общении с людьми можно расценить и как средство спасения от любых конфликтов. Неминуемые стрессы, возникавшие как следствия подавления эмоций, компенсировались уходом с головой в научную работу (так было после смерти второй жены, ареста пасынка, смерти родного сына в 1943 г.). Таким образом, герой конкретного мифа невольно стал его соавтором.

Под сложившийся «причесанный» биографический канон С.И. Архангельского подгонялись воспоминания его коллег, учеников. Они вносили дополнительные подтверждения тех позитивных личных, научных и преподавательских качеств «монумента» историка. Правда, коллеги не опубликовали в свое время тексты об Архангельском. С уходом коллег С.И. Архангельского из жизни начинается этап локального развития мифа о нем. Четверть века спустя после смерти С.И. Архангельского и год спустя после его векового юбилея выходит статья специалиста по аграрной истории Нижегородского края рубежа XIX–XX вв. А.В. Седова¹⁰. Он, будучи студентом-историком Горьковского пединститута, учился у С.И. Архангельского в первой половине 1940-х гг. При том, что в статье подчеркивается, что история английской буржуазной революции была главным научным интересом С.И. Архангельского, упор сделан на его вкладе в краеведение, изучение аграрной истории Нижегородской губернии и формирования нижегородского пролетариата. В очерке С.И. Архангельский подан основоположником подлинного научного нижегородского краеведения.

А.В. Седов представил основные положения канона о С.И. Архангельском (в данном случае клише советского обрамления не фиксируются): родился в семье мелкого служащего, рано

За малейшее проявление протеста следовала ругань..., ответ, что нужно смотреть на нас как на арестованных, лишенцев (документ о высылке из Пятигорска в 1933 г.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь, 2011. С. 285–292; Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени Вып. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 70–91.

¹⁰ Седов А.В. С.И. Архангельский // Записки краеведов. Вып. 6. Горький, 1983. С. 72–80.

осиротел и был взят на воспитание теткой; блестящая учеба в Нижегородском дворянском институте и в Московском университете, где уже стал публиковать научные работы; студент С.И. Архангельский в 1902 г. участвовал в политической борьбе, отсидел три месяца в тюрьме, был временно отчислен из университета; как преподаватель литературы и истории в Мариинской женской гимназии Нижнего Новгорода, затем – пединститута и университета «снискал непререкаемый авторитет и всеобщее уважение»; «будучи учителем, он стал активно заниматься историей нашего края, быстро завоевал авторитет у краеведов и был избран членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии»; организатор высшей школы в Нижнем Новгороде (Горьком) (заместитель директора пединститута по учебной работе – в 1920-е гг., 1930-е гг. – декан исторического факультета пединститута, автор первого советского учебника по истории Средних веков (1937 г.), после войны – инициатор создания и первый декан историко-филологического факультета в университете); «научное дарование С.И. Архангельского раскрылось при Советской власти по двум основным направлениям: краеведению и медиевистике»: работая на краеведческом поприще, ученый выполнял социальный заказ по изучению производительных сил губернии – истории крестьян и пролетариата, изучением аграрного законодательства английской революции был совершен научный подвиг; в статье «Локальный метод в исторической науке» С.И. Архангельский рассматривал краеведение как локальный этап исторического исследования; исследования по краеведению и истории Англии у С.И. Архангельского связаны с вопросом о революции; общественная активность С.И. Архангельского (публичные лекции; патриотические статьи в годы Великой Отечественной войны); оценка труда С.И. Архангельского советскими грамотами, медалями и орденами.

В 1988 г. Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ГГУ) отмечал свое 70-летие (во второй половине 1990-х гг. рождение Университета буде сдвинуто на 1916 г.). В ознаменование этого события в ГГУ вышел сборник биографий «Выдающиеся ученые». За редким исключением все персоналии и теперь входят в своеобразный пантеон Университета, являя собой конкретное личностное начало факультетов или крупных научных

школ. Биография С.И. Архангельского была написана А.В. Седовым и ученицей С.И. Архангельского – Э.П. Телегиной¹¹. В основу статьи положен очерк А.В. Седова пятилетней давности. Из нового были рассказы о точности и пунктуальности С.И. Архангельского, его пристрастиях к книгам, русской классической музыке и разведению цветов, отзыв Е.А. Косминского о коллеге, а также детали, очеловечивающие монумент («В редкие дни, когда ему это не удавалось, он говорил с глубоким сожалением: «Потерял день, не смог написать ни строчки»»; «Если бы я не был историком, – говорил он, я стал бы биологом»). Яркой детали из этого текста суждено будет пополнить миф и повторяться при его изложении – «С.И. Архангельский скончался скоропостижно, выверяя корректуру очередной монографии¹²». Если в статье А.В. Седова исподволь проводилась мысль об органичности следования С.И. Архангельским плодотворному учению марксизма-ленинизма, то в очерке 1988 г. подчеркнута: «Марксистско-ленинская методология была для Сергея Ивановича, по его выражению, «путеводной нитью». Во всех своих исследованиях ученый опирался, прежде всего, на марксистско-ленинское учение о борьбе и революции и выработал свою систему конкретных методов исторического исследования».

Обратим внимание на устойчивые детали подачи биографии С.И. Архангельского. Сиротские детство и юношество сами по себе, без указания на то, что мальчик рос под опекой тетушек, дядюшек и бабушек, в равном положении со своими двоюродными братьями, что ему сразу же был предназначена доля дома, в котором он прожил всю жизнь и пр., предугадывают образ личности *self-made*. Этот архетип М.В. Ломоносова, примененный к С.И. Архангельскому, весьма значим в представлении жизни и творчества человека, которым гордится советская наука. Отсутствие корней и родовых связей демонстрировало прочную сцепленность человека с народом, совершившим революцию и строящим новое общество, и то, чего может достигнуть человек из народа, заранее из-

¹¹ Седов А.В., Телегина Э.П. Сергей Иванович Архангельский // Горьковский государственный университет: Выдающиеся ученые. Горький, 1988. С. 22–8.

¹² Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х гг. XVII в. М., 1960.

виняло принадлежность к интеллигенции. Увлеченное следование этому достаточно архаичному топосу, в XX в. наполнившемуся новым культурным значением, до сего времени отложило исследования душевной травмы С.И. Архангельского, его семейно-брачной стратегии, выстраиванию отношений с родственниками.

«Потерял день, не смог написать ни строчки» – результат сложения двух латинских фраз (*Carpe diem* из Горация и *Nulla dies sine linea* из Плиния Старшего), которые эрудированный Архангельский мог сделать своим девизом. В мифе об ученом этот «кентавр» наполняется новым смыслом за счет актуализации мифа об античности как фундаменте традиции научного исследования. Приведенный неофразеологизм сопрягается и с картиной смерти историка над рукописью. Даже последний день его жизни не был потерянным. Образованный читатель позднесоветской эпохи увидел бы здесь и фатализм античного мировоззрения, и добродетели стоицизма, и советские ценности пожизненного служения своему делу. Тема судьбы развивается и сентенцией о возможной альтернативе «ремеслу историка» в биологической науке. Не разбирая возможные коннотации ответа Цезаря Гая Аврелия Валерия Диоклетиана Августа («Если бы вы видели, какую капусту я вырастил...»), надо отметить, что в этих словах Архангельского присутствует тема обреченности на напряженный интеллектуальный труд, который доставляет удовольствие (в случае с биологией – цветоводство). Зато советский, прошедший через курс «История КПСС», человек не мог не соотнести цветочную и биологическую альтернативу с воспоминанием М.И. Ульяновой о В.И. Ленине, которому в 1922 г. врачи запретили заниматься политикой. Тогда он заявил, что будет заниматься сельским хозяйством. Все эти фразы, восходящие к откровениям мэтра своим ученикам, помещают биографию С.И. Архангельского в мифологический культурно-временной континуум от высокой античности с ее мифами до советской мифологии. Такой текст об Архангельском игнорирует те факты, что последовательно и систематически наукой он стал заниматься, и ежедневно писать, после сорока лет. Примерно тогда же началось его увлечение цветоводством. Распространение этих представлений на деятельность С.И. Архангельского до 1922 г. не корректно. И, к тому же, здесь проявляется

высказанная ученикам самооценка крупного историка после семидесяти лет. Именно тогда их могли услышать ученики ученого.

Невольное расширение биографии С.И. Архангельского за счет глубоких культурных аллюзий блокировало постановку и решение ряда проблем. В стороне остался вопрос о том, что стимулировало напряженную научную деятельность С.И. Архангельского. Не было ли это бегством от гнетущей действительности, добровольным замыканием себя в «башню из слоновой кости»? И не были ли занятия С.И. Архангельского уходом в «места отдохновения» – интеллектуального, душевного, морального – где он мог общаться с С.В. Ешевским, К.Н. Бестужевым-Рюминым, Кромвелем, английскими и венецианскими дипломатами? Насколько занятия наукой давали силы историку пережить смерти жен и детей, репрессии близких родственников, беды коллег, нападки недругов?

Завершенный в 1980-е гг. текст о С.И. Архангельском дожил до 1990-х гг., и в начале 2000-х гг. он стал основной фигурой нижегородского историографического мэйн-стрима. Это проявилось в статье учениц С.И. Архангельского¹³ и в сборнике, посвященном 120-летию рождения историка¹⁴. Все тексты сборника, за исключением статьи М.В. Белова, развивали либо краеведческую линию, либо линию всеобщей истории. Идеи вышеуказанных публикаций нашли отражение и в обзорном коллективном труде, посвященном исторической науке в Нижегородском университете¹⁵. Там С.И. Архангельский оказался патриархом, отцом, дающим жизнь историко-филологическому факультету: он инициировал его открытие (и лишь затем пишется о приказе министра высшего образования СССР), он приглашал («старался подбирать») вид-

¹³ *Кеткова И.В., Телегина Э.П.* Сергей Иванович Архангельский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 187–196.

¹⁴ Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения): межвуз. сб. Нижний Новгород, 2002.

¹⁵ Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. С. 10, 18 (автор – Е.А. Молев), 34, 36 (авторы – А.В. Махлаюк, Е.А. Молев), 69–72 (авторы – В.А. Блонин, Е.А. Молев), 115 (автор – В.Н. Русинов), 120–121 (авторы – А.А. Миронос, Ф.А. Селезнев), 142 (О.А. Колобов), 148 (автор – Е.А. Молев), 172 (автор – А.А. Миронос), 212 (И.В. Кеткова),

ных специалистов на факультет, «подготовил хорошую научную школу» англоведения, активно занимался разработкой краевой истории и выступил как теоретик краеведения, представлял «традиции новаторства и свободомыслия русской интеллигенции», заложил «основы университетской традиции региональных исследований» и пр. Везде использованы глаголы, наполненные смыслом активной креативной деятельности.

Если прибегнуть к категориям альтернативной истории исторической науки, то надо сказать, что формирование знания об Архангельском могло пойти и по другому пути. Такой вариант был бы определен при условии включения в число источников спокойного и деловито-сдержанного некролога в «Средних веках»¹⁶, хотя его влияние на миф прослеживаются тоже. Еще одним условием было бы то, если почин изучения и репрезентации биографии и научного творчества С.И. Архангельского принадлежал его коллегам и непосредственным учениками в 1960–1970-е гг. Вне мифа о С.И. Архангельском оказались воспоминания его младшего коллеги В.Т. Илларионова. В них он представил живой образ С.И. Архангельского, дал адекватную содержанию оценку его трудов. Эти тексты не получили распространения и отложились в фонде Илларионова¹⁷.

Начало деконструкции мифа о С.И. Архангельском было положено, не считая указанного текста М.В. Белова, блоком статей в «Диалоге со временем» к 120-летию юбилею С.И. Архангельского¹⁸ (автором этих строк тогда был поставлен (но не разработан) вопрос о мифе о С.И. Архангельском).

В мегатексте биографии С.И. Архангельского обнаруживаются черты мифа. Главным его персонаж имеет черты демиурга, культурного героя, первопредка¹⁹ «нижегородского историческо-

¹⁶ Сергей Иванович Архангельский // Средние века. Сборник. Вып. XIII. М., 1958. С. 183–184.

¹⁷ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 4. Д. 156. Л. 1–6.; Д. 173. Л. 8–12.

¹⁸ К юбилею С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267–366.

¹⁹ Демиург; Культурный герой; Первопредки // Мифологический словарь. М., 1991. С. 662, 665–666, 668.

го племени», действующих в рамках космогонических и этиологических мифов. Есть еще один признак мифа в нарративе об Архангельском – его вневременной, предельно обобщенный характер с точки зрения истории. Повествование об Архангельском лишено связи со временем, в котором он жил, и само лишено времени²⁰. Такая предельная обобщенность оказалась обусловленной рамкой энциклопедических статей об Архангельском и его некролога в «Вопросах истории». Они построены по логике: имя и годы жизни ученого – образование – профессиональная деятельность – труды. И поэтому биография С.И. Архангельского как история жизни оказывается лишенной историзма: весь корпус его текстов оказался созданным в период 1905–1958 гг. – без выделения периодов и соотнесения с жизненными, социально-политическими обстоятельствами. Нарративу об Архангельском присуща и черта древнего мифотворчества – соединение противоречий. С одной стороны, С.И. Архангельского чествуют как историка-медиевиста, изучавшего революционную Англию, а с другой – он удостоен исключительных похвал за вклад в нижегородское краеведение. Такая дихотомичность, характерная для мифологического сознания, отставляет в сторону проблему соотнесенности разных направлений научного поиска историка. Сама форма мифа об Архангельском архаична и представляет собой матрицу, организующую и структурирующую многие стереотипы и клише его биографии.

В силу предельной обобщенности миф об Архангельском легко пережил смену социалистического строя строем постсоветской России. В первом случае вклад С.И. Архангельского в науку был обусловлен его следованию «путеводной нитью» марксистско-ленинской методологии, в другом – традициям классической, университетской исторической науки в России. Как следствие, долгое время неисследованным оставался вопрос «С.И. Архангельский и марксистская методология».

Поставил эту проблему и высказал свое мнение о ней М.В. Белов. Действуя на поприще исторических науки и образования в 1920–1930-е гг., С.И. Архангельский обстоятельно изучал труды Маркса, Ленина и Сталина, творчески соотносил мысли первых двух с идеями Каутского, Гильфердинга, Зомбарта и др.

²⁰ Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 31–38.

и на этом строил свои лекции. До завершения этот творческий процесс не был доведен, поскольку сталинское время не предполагало даже спектра трактовок²¹. И.В. Кеткова указала, что труды С.И. Архангельского по истории Английской революции созданы «на платформе марксистской методологии», но вписываются и в культурно-цивилизационную проблематику. Однако отдельные факты, приведенные С.И. Архангельским посредством историко-материалистического подхода, противоречили сложной и многообразной картине жизни, им же представленной²². И эти противоречия не были результатом подлаживания С.И. Архангельского под идеологические требования времени. И.В. Будцын продемонстрировал, как С.И. Архангельский, следуя, казалось бы, Марксу и Ленину, утверждает консервативный характер Английской революции в отличие от Французской. На самом же деле, Маркс и Ленин относились более сложно к этому вопросу, а сама идея о консерватизме Английской революции принадлежит Гизо²³.

Эти наблюдения позволяют сказать, что С.И. Архангельский работал над задействованием в своих исследованиях исторического материализма, цельной системы которого в 1920–1950-е гг. не было. Кроме того, опыт изучения автором деятельности, поступков и эго-документов Архангельского не дает оснований упрекнуть его в непорядочности, моральной нечистоплотности. В силу своей цельности и честности он не мог с кафедры вещать то, чего он не разделял. В партийных документах пединститута 1929 г. есть примечательное сведение, позволяющее судить о бескомпромиссности С.И. Архангельского. Он называл себя марксистом, преподавал с опорой на него, но категорически отказывался вещать по антирелигиозным вопросам (С.И. Архангельский был верующим)²⁴.

²¹ Белов М.В. Теоретические вопросы в материалах С.И. Архангельского к лекциям по новой истории // Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения)... С. 7–16.

²² Кеткова И.В. Научное наследие С.И. Архангельского и современная историческая мысль // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 335, 343.

²³ Будцын И.В. Концепция решения аграрного вопроса С.И. Архангельского в свете проблемы завершенности раннебуржуазных революций // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 319–328.

²⁴ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 932. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

Можно говорить о том, что С.И. Архангельский принимал только гносеологическую потенцию марксизма. Поэтому упрощенный *стереотип о том, что Архангельский был убежденным марксистом или только отдавал дань ему, не работает.*

Усвоение историко-материалистического подхода С.И. Архангельским было противоречивым и потому, что он в конкретно-исторических исследованиях должен был задействовать методики и практики, полученные им в стенах Московского университета в 1900–1907 гг. Сопряженным с этим оказывается *стереотип об учителях Архангельского* и принадлежности его к какой-либо школе. В Автобиографии 1946 г., подготовленной для выборов в АН СССР, С.И. Архангельский осторожно писал о сильном влиянии, оказанном на него П.Г. Виноградовым, Р.Ю. Виппером и В.О. Ключевским, и о том, что слушал курсы А.Н. Савина²⁵, никого не называя прямо учителем. Этот документ является основополагающим в мифе об Архангельском в презентации его учителей. Не вникая в детали, биографы 1980–2000-х гг. оказались зачарованными именами В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова, А.Н. Савина и зачислили их в учителя Архангельскому. Мотивация понятна: если Архангельский имел таких учителей, то историческая наука Нижегородских госуниверситета и педуниверситета принадлежит к этой славной традиции. Но Архангельский в первой половине 1920-х гг. обращался к М.М. Богословскому «в память о тех годах, когда я занимался под Вашим руководством русской историей»²⁶. В 1921 г. С.И. Архангельский писал о себе: «При переходе на 3-й курс избрал историческое отделение, где работал по всеобщей истории под руководством Виппера и Герье, по русской истории под руководством Любавского, Богословского и Кизеветтера»; в 1923 г. – «На мои научные интересы и занятия оказал большое влияние Р.Ю. Виппер»; в 1928 г. «Готовился к магистерским экзаменам, консультируя с Виппером Р.Юр. и Петрушевским Д.М., но их не держал»; «Примыкая по своему научному историческому мировоззрению к той школе, которая была

²⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 1. Л.1.

²⁶ Письма С.И. Архангельского М.М. Богословскому // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Вып. 9. Нижний Новгород, 2005. С. 187.

представлена в Московском университете Р.Ю. Виппером (до перелома его взглядов) и Н.А. Рожковым»²⁷.

В.О. Ключевский стал упоминаться С.И. Архангельским в автобиографиях лишь с 1946 г. Это обстоятельство позволяет предполагать, что «влияние» В.О. Ключевского заключалось в слушании лекций именитого историка. На одной из конференций возник вопрос о том, как П.Г. Виноградов, в 1901 г. уехавший из России, мог повлиять на С.И. Архангельского, ставшего студентом в 1900 г. Объяснение содержится в сведениях С.В. Бахрушина, однокурсника С.И. Архангельского до 1902 г. (приведено Н.В. Гришиной): лекции П.Г. Виноградова, среди прочих, дали Бахрушину «первое представление о научной работе над источниками»²⁸. То есть, П.Г. Виноградов читал лекции и у С.И. Архангельского. Этого было достаточно, чтобы он, избравшийся в АН СССР как англовед, указал в анкете 1946 г. и Виноградова, и Савина. В решении же вопроса о наставниках С.И. Архангельского решающими оказываются разночтения в указании Архангельским на своих учителей и вывод Н.В. Гришиной. Согласно ему, система подготовки будущих историков во времена С.И. Архангельского была в Московском университете непоследовательной, неровной и не выражавшейся индивидуально²⁹. Поэтому С.И. Архангельский сообразно тому или иному жизненному моменту мог указывать любого из своих преподавателей как научного руководителя. Но какого-либо одного наставника он в Московском университете не имел. И когда он, через 17 лет после окончания университета, выбрал тему аграрного законодательства Английской революции, то изучал методики А.Н. Савина, Д.М. Петрушевского, П.Г. Виноградова. Поэтому и мог заявить об их влиянии. Возможно, влияние историков Московского университета в научном творчестве С.И. Архангельского проявилось в задействовании им позитивистского подхода при выработке локального метода. Ведь локальный ме-

²⁷ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5; 13; 36 об.; 46 об.

²⁸ *Гришина Н.В.* Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX в. (на примере Московского университета) // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 293.

²⁹ *Гришина Н.В.* Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX века... С. 293–295.

тод предполагает обработку большого количества данных в рамках определенной местности³⁰.

Развитие С.И. Архангельского как ученого шло в плотном диалоге с Н.И. Кареевым. К нему обратился в 1924 г. Архангельский. Несмотря на то, что Н.И. Кареев поначалу отказывался читать тексты настойчивого нижегородца и считал себя не вправе что-либо ему советовать, именно ему принадлежит заслуга делания» С.И. Архангельского историком³¹. Реалия «Кареев – наставник Архангельского» осталась вне мифа об Архангельском. К числу учителей С.И. Архангельского надо отнести С.В. Ешевского и, отчасти, К.Н. Бестужева-Рюмина. Испытывая недостаточность научного наставничества, С.И. Архангельский не мог не размышлять о том, в какой традиции постижения прошлого он находится. Его тексты о С.В. Ешевском и К.Н. Бестужева-Рюмине, и собиравшиеся о них источники на протяжении всей его научной деятельности в 1916–1958 гг.³² свидетельствуют о том, что эти крупные историки были больше чем фигуры историографии. Личная заинтересованность С.И. Архангельского, эмоциональная нагруженность его текстов о С.В. Ешевском, позволяет видеть в нем и К.Н. Бестужева-Рюмине его прямых предков по научной генеалогии. С ними же историка связывало нижегородское происхождение.

Заслоненным легким решением мифа (*стереотип о том, что Архангельский сразу завоевал научный авторитет в Нижнем Новгороде, прибыв из университета и последовательно с того времени занимался наукой*) остался вопрос и о движении С.И. Архангельского в науку. К 1920 г. он имел 4 печатных работы, посвященные сочинению Адама Шлейсинга, истории Флоренции и Макиавелли, С.В. Ешевскому и нижегородскому ополчению 1812 г. Статьи о Макиавелли и Ешевском были опубликованы в «Журнале Министерства Народного просвещения», очевидно, в связи с подготовкой к магистерскому экзамену. Два других сочинения

³⁰ Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-н/Д., 2011. С. 432–447.

³¹ Кузнецов А.А. Письма Н.И. Кареева С.И. Архангельскому // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 88–104.

³² Кузнецов А.А. С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 204–212.

увидели свет в «Действиях» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). Кроме того, С.И. Архангельский в соавторстве с еще одним выпускником Московского университета, А.К. Кабановым, готовил к изданию переписку С.В. Ешевского и Бестужева-Рюмина. В нижегородской периодике 1912–1920 гг. появлялись статьи Архангельского о Смуте, о революционных событиях Европы Нового времени.

В связи с этим утверждение о признании НГУАК гимназического преподавателя С.И. Архангельского авторитетом выглядит натяжкой. Нижегородские архивисты тогда вместе с учениками С.Ф. Платонова готовили большой проект по 300-летию юбилею преодоления Смуты, описывали и публиковали документы по нижегородской истории, проводили большие исследования. И пока что С.И. Архангельскому удивить их было нечем, кроме того, что он один из немногих имел профильное историческое образование.

Последнее сработало, когда в 1916 г. в Нижнем Новгороде открылся Народный университет, и С.И. Архангельский стал там преподавать вместе с представителями Московского университета и нижегородцами-выпускниками университетов. Следующим шагом к усилению значимости фигуры С.И. Архангельского стало его вовлечение в дело переустройства средней школы в России после февраля 1917 г., что выделяло его среди пожилых архивистов, чьей повседневностью была атмосфера провинциального Нижнего Новгорода Российской империи. Затем в первые годы Советской власти С.И. Архангельский включился в краеведческое движение, которому были поставлены задачи изучения производительных сил губернии (в этом видится еще один источник интереса к марксизму)³³. Отсюда – и историко-краеведческие исследования С.И. Архангельского 1920-х гг. Вел он их в статусе преподавателя педагогического института и историко-филологического факультета университета (работал и в других образовательных учреждениях). Все это придавало ему больший вес, нежели у

³³ Кузнецов А.А. Научная и организационная деятельность Сергея Ивановича Архангельского в Нижегородском научном обществе по изучению местного края // Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль: материалы V Нижегород. межрегион. архивоведческой конф. Нижний Новгород, 2010. С. 156–171.

деятелей краеведческого движения, ранее бывших адвокатами, чиновниками городского управления. Выдвинувшись на лидерские позиции, С.И. Архангельский попал в неявный конфликт поколений нижегородского краеведения.

Тогда в среде молодых нижегородских краеведов – историков, филологов, географов, археологов, биологов и пр. – начинает звучать словосочетание «локальный метод». И С.И. Архангельский поставил вопрос о его применении в исторической науке. В 1925 г. прозвучал в Нижегородском научном обществе по изучению местного края (ННОИМК) доклад его руководителя С.И. Архангельского о локальном методе в науках об обществе. Он сопрягался с докладом еще одного члена правления ННОИМК А.И. Порхунова «Краеведческий метод в естествознании»³⁴. Близость тем концептуальных докладов С.И. Архангельского и И.И. Порхунова, их синхронность свидетельствует о тенденции в среде молодых нижегородских краеведов. В 1928 г. вышла статья нижегородца А.Н. Свободова, посвященная вопросу о разработке литературоведческой методики привлечения материала местных музеев³⁵.

Рекомендации к публикации статьи С.И. Архангельского о локальном методе дали академик С.Ф. Ольденбург и организатор научного краеведения Н.П. Анциферов³⁶. И при этом статья С.И. Архангельского о локальном методе попадает в общий историографический контекст отечественных теоретических исследований в области краеведения 1920 гг.³⁷. И не является сверхвы-

³⁴ Год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1925. Нижний Новгород, 1926. С. 7, 11, 13.

³⁵ Свободов А. Н. Литературный и мемориальный материал в областных музеях // Краеведение. Т. V. 1928. № 7. С. 392–396.

³⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 37. Л. 30, 34.

³⁷ Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. Т. V. 1928. № 6. С. 321–328; Богданов В.В. Культурно-исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов // Вопросы краеведения: сб. докл., сделанных на Всерос. конф. науч. обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. Нижний Новгород, 1923. С. 125–132; Чернов С.Н. Краеведение и архивное дело // Краеведение. Т. V. 1923. № 1. С. 14–19; Лосиевская В. А. Краеведение и статистика // Краеведение. Т. II. 1925. № 4. С. 205–209 и др.

дающимся исследованием, определившим пути развития нижегородского краеведения. Внимательное изучение статьи позволяет усомниться в той ее интерпретации, что предлагает миф об Архангельском. До начала 2000-х гг. нет ни одного нижегородского краеведческого текста, кроме работ самого Архангельского, построенного на локальном методе! Причина заключается в том, что локальный метод предполагает детальное изучение нескольких локусов, а затем – синтез и обобщение в рамках большой истории. Нижегородское краеведение, как и любое другое, нацелено на изучение локуса в своих замкнутости и самодостаточности. Статья писалась Архангельским о новом методе изучения истории и России, и Запада. Это уловил в В.Т. Илларионов, заявив, что этой статьей С.И. Архангельский осуществил бросок от изучения нижегородского крестьянства и пролетариата к исследованию проблем английской истории³⁸. Отказ от *стереотипа о локальном методе как вкладе Архангельского в нижегородское краеведение* ставит проблему актуализации данного подхода в большой исторической науке.

Наряду с исследованиями по нижегородике С.И. Архангельский в 1925 г. перевел труд Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли», подготовил публикацию закона Диоклетиана о налогах. Возникает ощущение, что нижегородец на пятом десятке лет для себя утвердился в науке и искал тему большого исследования.

«И вдруг неожиданно в 1926 г. начинается... переписка с библиотеками и ведомствами... по поду поиска пересылки и покупки за рубежом серийных изданий документов и специальной литературы, касающихся аграрной истории Английской революции. Нельзя игнорировать и факт первого издания «Лекций по истории Английской революции» А.Н. Савина в 1924 г. Стало очевидным, что исследование аграрного законодательства Английской революции представляет собой сплошную лакуну...»³⁹. На самом деле, еще в первом письме С.И. Архангельскому от 21 декабря 1924 г. Н.И. Кареев писал: «Дело в том, что аграрная исто-

³⁸ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 4. Д. 173. Л. 9.

³⁹ Кеткова И.В. Научное наследие С.И. Архангельского и современная историческая мысль... С. 335.

рия Англии в эпоху первой революции остается почти совсем неизвестной, по крайней мере, в общей литературе Ваш вопрос не привлекал к себе такого внимания исследователей, как аграрная история реформационной эпохи», что историография больше занималась аграрной историей Англии XVI в., что лишь покойный А.Н. Савин затронул аграрную историю Англии XVII в. в статье «Журнала Министерства Народного Просвещения», но мало сказал об этом в «Лекциях по истории английской революции» 1924 г.»⁴⁰. Не зная того, что писал С.И. Архангельский, из ответного письма Н.И. Кареева видно, что тема была выбрана в 1924 г. и без влияния лекций А.Н. Савина (на него внимание Архангельского как раз обратил Кареев). Что же побудило С.И. Архангельского обратиться к этой проблеме? Прямого ответа нет, но обстановка и идеи того времени выталкивали на эту проблематику.

Изучая нижегородское крестьянство как производительную силу губернии, постигая основу марксизма-ленинизма, С.И. Архангельский должен был обратить внимание на роль этого класса в революции. А из ленинских трудов следовало, что аграрный вопрос является главным вопросом – «гвоздем» – русской революции. На французском материале данная проблема была изучена Н.И. Кареевым. Оставалась еще одна революция – в Англии. Тема изучения революционного опыта других стран была востребована в России-СССР 1920-х гг. Возможно, тут сказался и кадетский опыт С.И. Архангельского 1917 г. Идеалом кадетов была Британия. И все сошлось: и начало изучения марксизма С.И. Архангельским, и исследования нижегородского крестьянства и формирования нижегородского пролетариата, и локальный метод, и стремление изучать большую неосвоенную тему, которая вписывалась в научный революционный дискурс, и притягательность Англии. Проблема источников решалась относительной близостью Ленинграда и Москвы по железной дороге, поддержкой московских коллег, которые на временное пользование привозили Архангельскому источники по истории Англии из библиотек и хранилищ Москвы. Уже в 1928 г. английский исследователь проявил интерес к публикациям С.И. Архангельского, и тогда же об-

⁴⁰ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–2.

зор его работ появился в *Economic History Review*⁴¹. Короткая дистанция между началом работ и признанием в Британии свидетельствует, что С.И. Архангельский «созрел» для изучения этой темы во всеоружии.

Защита докторской диссертации С.И. Архангельским (минуя кандидатскую стадию) по аграрному законодательству Английской революции, избрание в члены-корреспонденты АН СССР за его англоведческие работы, наличие учеников, изучавших историю Англии, заслонили тот факт, что английское направление было не единственным в штудиях С.И. Архангельским. Еще до революции он начал и до конца жизни вел историографические исследования научного наследия С.В. Ешевского и К.Н. Бестужева-Рюмина. История Нижегородского края как часть истории России никогда не отпускала Архангельского. В 1930–1950-е гг. он готовил труд по формированию нижегородского пролетариата. В этой книге он последовательно применил и гносеологию марксизма, и локальный метод. Тогда же ученый задумался о большой истории Нижнего Новгорода-Горького с XII в. по середины XX в. Из всего этого проекта удался только сборник документов «Нижний Новгород в XVII веке», подготовленный совместно С.И. Архангельским и его ученицей 1920-х гг. Н.И. Приваловой⁴². Она уже после его смерти довела сборник до логического завершения и поставила при публикации в 1961 г. имя С.И. Архангельского в редакторы (это не всегда учитывается многими исследователями, и они называют С.И. Архангельского автором сборника и даже ставят его в таком качестве в выходных данных; и здесь проявляется инерция мифа об Архангельском как основоположнике нижегородского краеведения). *На самом деле, эти направления научного поиска были тесно связаны всей эволюцией С.И. Архангельского как историка.*

⁴¹ *Косминский Е.* Отзыв о научных трудах С.И. Архангельского // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск, 2011. С. 252.

⁴² *Кузнецов А.А.* Научно-образовательный проект нижегородской истории С.И. Архангельского // Региональная, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 338–345.

Миф об Архангельском, оперируя его монографиями, проигнорировал неоднородность его англоведческих успехов. В конце 1930-х гг. С.И. Архангельский решил включиться в изучение истории внешней политики Оливера Кромвеля. Об этом намерении он оповестил коллег, в том числе, и британского историка Кристофера Хилла. К сожалению, этот научный поиск выразился в серии статей, посвященных международным отношениям в Европе и внешней политике Англии⁴³. Обобщающий текст Архангельского по этой проблеме вышел недавно⁴⁴, и мысли ученого о том, что Английская революция вызвала революционные подвижки в дипломатии Европы, что во внешней политике Оливера Кромвеля закладывались основы Британской империи, остались незамеченными и не повлияли своевременно на историографию. *А оформившийся миф об Архангельском не позволил обобщить его штудии по внешней политике и международным отношениям, построенные на основе системного анализа.*

Миф оперирует устойчивой характеристикой «медиевист», но из перечня всех трудов Архангельского можно найти лишь 4–5 работ, относящихся к медиевистике. Исследования по истории Англии относятся к стыку Средних веков и Нового времени. На представления Архангельского медиевистом могли повлиять его участие в редколлегии «Средних веков», некролог, помещенный туда (Архангельский назван медиевистом) и, возможно, «Курс по истории Средних веков»⁴⁵. До выхода полноценных всесоюзных учебников этот курс был очень востребован студентами разных вузов СССР. В текстах мифа можно встретить характеристику «Курса» как первого советского учебника, хотя таковым он не являлся. А сам Архангельский не соответствует по совокупности трудов нынешним критериям историка-медиевиста. Он более – историк Нового времени (в том числе, и по отечественной истории).

⁴³ Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 280–281.

⁴⁴ Архангельский С.И. Внешняя политика Англии в эпоху Протектората 1654–1659 // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 91–117.

⁴⁵ Архангельский С.И. История средних веков. Том первый. Горький, 1937.

Миф об Архангельском подспудно построен на гордости за то, что он был единственным нижегородским историком-академиком (Бестужев-Рюмин не в счет, его научная жизнь прошла в Санкт-Петербурге). И с этим эмоциональным моментом связано ощущение того, что нижегородские исследования Архангельского были не случайны. Он, любя свой город, по зову души постигал его историю. Между тем, в 1930-е гг. Архангельский стремился перебраться в Ленинград, в 1941–1942 гг. хотел уехать подальше на восток или на Северный Кавказ, став членом-корреспондентом, он зондировал почву о получении жилья в Москве⁴⁶. Получается, что *Архангельский на протяжении своего советского периода жизни рвался из Горького и особой укорененности он там не чувствовал*. Это могло быть связано и с тем, что родные дети ученого умерли, что после того, как его формально лишили фамильного дома, что после смерти второй жены и ареста его племянника эмоционально Архангельского ничего не связывало. Узким был круг общения на профессиональные темы. Столичные же Москва и Ленинград тянули массой своих библиотек, обилием коллег.

Миф об Архангельском представляет его вполне благополучным и состоявшимся, упуская из виду его личную жизнь и профессиональное бытие в пединституте и университете. Между тем, они полны утрат, ударов судьбы. Деканом исторического факультета в пединституте Архангельский стал после волны отставок и арестов среди коллег. Заметим, что это совпало с разгромом «школы Покровского». Тогда же начали выдвигаться на передний план профессиональные историки, уцелевшие в жерновах «Академического» и схожих дел. Архангельский уцелел и, будучи беспартийным, возглавил факультет. Несмотря на значимость его как ученого, *нельзя говорить, что он создал или инициировал создание историко-филологического университета*. Решение об этом принималось во Всесоюзном министерстве и согласовывалось с университетом. Да, здесь учитывалось и то, что в 1946 г. Архангельский стал членом-корреспондентом АН СССР, и под него создавалась структура. Им было позволено, вероятно, сформировать коллектив факультета, что он и сделал, приведя из пединститута

⁴⁶ Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского... С. 279.

самых профессиональных коллег. Тем самым, были обеспечены перспективы исторических науки образования в университете и их девальвация в пединституте.

Лишь с 1946 г. Архангельский статусно выделится среди коллег и его заметят областные власти⁴⁷.

Общие сущностные черты мифа об С.И. Архангельском сыграли свою роль в деле пропаганды его имени и наследия. На сегодняшний же день этот миф играет тормозящую и искажающую исследовательское зрение роль. Снятие этих черт после тщательной проверки и выдвижение научных гипотез вместо исторического монумента С.И. Архангельского выдвигает на *передний план человека, деятеля науки в рефлексиях, ответах на вызовы и удары судьбы*, сделавшим свою биографию в трудных условиях строительства и утверждения высшего исторического образования и исторической науки в провинциальном Горьком. Рассмотрение в развитии биографии и научного творчества С.И. Архангельского с учетом всех жизненных, повседневных обстоятельствах только усиливает впечатление о масштабности и величии им сделанного.

Какие пути преодоления мифа о провинциальном историке или деятеле науки образования в XX в. можно предложить. Во-первых, это – историческая просопография. Помещение биографии С.И. Архангельского в контекст биографий его коллег-сверстников (+- 5 лет) позволяет увидеть его уникальность лишь типическим явлением поколения. Во-вторых, это – локальный метод. Изучив комплексы биографий отдельных провинциальных центров, их надо соотнести друг с другом. Выделив общие черты, можно выявлять и особенности.

Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. Т. V. 1928. № 6. С. 321–328.

Архангельский С.И. Внешняя политика Англии в эпоху Протектората 1654–1659 // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 91–117.

⁴⁷ *Левин Авраам.* Не подводя итоги... // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 93.

Архангельский С.И. История средних веков. Том первый. Горький, 1937.

Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х гг. XVII в. М., 1960.

Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // *Cogito*. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-н/Д., 2011. С. 432–447.

Белов М.В. Теоретические вопросы в материалах С.И. Архангельского к лекциям по новой истории // Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения). Нижний Новгород, 2002. С. 7–16.

Богданов В.В. Культурно-исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов // Вопросы краеведения: сб. докл., сделанных на Всерос. конф. науч. обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 г., созданной Академическим центром. Нижний Новгород, 1923. С. 125–132.

Будцын И.В. Концепция решения аграрного вопроса С.И. Архангельского в свете проблемы завершенности раннебуржуазных революций // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 317–331.

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 932.

Год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1925. Нижний Новгород, 1926.

Гришина Н.В. Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX–XX вв. // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. Чебоксары, 2010. С. 115–124.

Гришина Н.В. Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX века (на примере Московского университета) // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 283–297.

Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006.

Кеткова И.В. Научное наследие С.И. Архангельского и современная историческая мысль // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 332–344.

Кеткова И.В., Телегина Э.П. Сергей Иванович Архангельский // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 187–196.

Косминский Е. Отзыв о научных трудах С.И. Архангельского // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. Челябинск, 2011. С. 251–252.

Кузнецов А.А. За малейшее проявление протеста следовала ругань..., ответ, что нужно смотреть на нас как на арестованных, лишенцев (документ о высылке из Пятигорска в 1933 г.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь, 2011. С. 285–292.

Кузнецов А.А. С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 204–212.

Кузнецов А.А. Научная и организационная деятельность Сергея Ивановича Архангельского в Нижегородском научном обществе по изучению местного края // Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль: материалы V Нижегород. межрегион. архивоведческой конф. Нижний Новгород, 2010. С. 156–171.

Кузнецов А.А. Научно-образовательный проект нижегородской истории С.И. Архангельского // Региональная, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 338–345.

Кузнецов А.А. Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267–282.

Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени Вып. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 70–91.

Кузнецов А.А. Письма Н.И. Кареева С.И. Архангельскому // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 88–104.

Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Чтения памяти А.Я. Садовского: материалы II Нижегород. архивоведческой конф. Нижний Новгород, 2006. С. 160–164.

Кузнецов А.А., Уткина Н.А. Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому и С.И. Архангельскому как источник по истории краеведческого движения в Нижнем Новгороде в 1920 – первой половине 1930-х гг. // Человек и документ: материалы VI Нижегород. межрегион. архивоведческой конф. Нижний Новгород, 2011. С. 154–163.

Левин Авраам. Не подводя итогов... // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 91–96.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. СПб., 2015.

Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.

Лосиевская В. А. Краеведение и статистика // Краеведение. Т. II. 1925. № 4. С. 205–209.

Мифологический словарь. М., 1991.

Письма С.И. Архангельского М.М. Богословскому // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. ст. Вып. 9. Нижний Новгород, 2005. С. 187–190.

С.И. Архангельский // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 3. М., 1950.

С.И. Архангельский (некролог) // Вопросы истории. 1958. № 12.

Свешников А.В. Миф о Грановском: попытка дискурсивного анализа // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. М., 2006. С. 69–81.

Свободов А. Н. Литературный и мемориальный материал в областных музеях // Краеведение. Т. V. 1928. № 7. С. 392–396.

Сергей Иванович Архангельский // Средние века. Сборник. Вып. XIII. М., 1958 С. 183–184.

Седов А.В. С.И. Архангельский // Записки краеведов. Вып. 6. Горький, 1983. С. 72–80.

Седов А.В., Телегина Э.П. Сергей Иванович Архангельский // Горьковский государственный университет: Выдающиеся ученые. Горький, 1988. С. 22–8.

Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения). Нижний Новгород, 2002.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6161.

ЦАНО. Ф. 6299.

ЦАНО. Ф. 2734.

Чернов С.Н. Краеведение и архивное дело // Краеведение. Т. V. 1923. № 1. С. 14–19.

К истории источниковедения в России в советской историографии

В статье рассматривается ситуация, существовавшая в советской исторической науке в 60–80-х гг. прошлого века, в контексте которой была актуализирована проблематика, связанная с изучением истории источниковедения в России в рамках историографической рефлексии. В связи с этим критическому анализу подвергается первая в советской историографии двухтомная работа А.П. Пронштейна, посвященная истории источниковедения в дореволюционной России. Выявляются методологические установки и особенности стиля историографического мышления автора, который, продолжая источниковедческие традиции академика М.Н. Тихомирова, в 70-х был основателем школы источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин в Ростовском государственном университете.

Ключевые слова: источниковедение, история источниковедения в России, историография, классическая историческая наука, история исторической науки как «история идей», история исторической науки как «история людей».

A.V. Lubskii

The history of source studies in Russia in soviet historiography

The article considers the state of the Soviet historical science in the 60-80's, when the problematic, connected with the study of the history of the Source Studies in Russia within the framework of historiographic reflection, were actualized. Consequently the first in Soviet historiography, the two-volume work by A.P. Prinstein is analyzed critically. It is devoted to the history of Source Studies in pre-revolutionary Russia. The methodological attitudes and peculiarities of the author's style of historiographical thinking are revealed. A.P. Prinstein, continuing the Source Studies' traditions of Academician M.N. Tikhomirov, in the 70's was the founder of the Source Studies school, the methodology of history and special historical disciplines in Rostov State University.

Key words: Source Studies, history of Source Studies in Russia, historiography, classical historical science, history of historical science as "history of ideas", history of historical science as "history of people".

Историческая наука как социальный институт представляет собой систему формальных и неформальных ограничений, обусловливающих в ней научно-исследовательскую деятельность. Институциональную эволюцию исторической науки можно описать в рамках неоинституциональной теории «path dependence», базирующейся на идее важности институционального наследия прошлого для понимания современного институционального контекста. Согласно этой теории содержание новых институтов в исторической науке определяется траекторией предшествующего ее развития. Поэтому в истории исторической науки, с одной стороны, воспроизводятся неформальные институты прошлого, а с другой – в ее институциональную систему вносятся (постепенно или радикально) определенные изменения. В этой системе быстрее всего изменениям поддаются те формальные институты, которые относятся к внешнему, поверхностному слою, тогда как неформальные институты проявляют наибольшую устойчивость. В связи с этим одной из задач историографии как научной дисциплины является выявление такого рода неформальных институтов, которые формируют научную культуру историка, определяющую его научно-исследовательскую деятельность, опираясь на принятые в академическом сообществе представления о ее легитимности.

Историческая наука представляет собой также систему различных научных отраслей и дисциплин: во-первых, это отрасли, изучающие непосредственно историческую реальность; во-вторых, это такие научные дисциплины, как историография, предметом которой является история исторической науки, источниковедение, изучающее возможности и способы использования исторических источников в исторических исследованиях, и методология истории, предмет которой – способы и методы исторического исследования. Развитие этих отраслей и дисциплин, обусловленное общим состоянием исторической науки и ее институциональной системой, вместе с тем носит диахронный характер. В этом плане, например, источниковедение в России в конце XIX – начале XX в. или в СССР в конце 60-х – 80-х гг. по инновационности теоретико-методологических идей опережало развитие исторической науки в целом. В этом плане особый познавательный интерес вызывает история источниковедения в России в контексте ис-

ториографической рефлексии на различных этапах развития отечественной исторической науки. Эта рефлексия, являясь одним из показателей ее теоретического уровня, позволяет не только понять развитие источниковедения, но и увидеть исторические корни многих его современных теоретико-методологических проблем.

Однако советскому периоду в развитии источниковедения явно не повезло. Так, рецензенты, высоко оценивая теоретический уровень и практическую значимость одного из лучших учебных пособий по источниковедению, опубликованных в современной России¹, пишут, что «параграф, посвященный источниковедению в СССР, трудно оценить даже эпитетом "скромный". Он занимает лишь три с небольшим страницы (с. 86–89), основное содержание которых представляет обширная ссылка с перечнем публикаций, посвященных изучению российских исторических источников различных периодов. Конечно, в 1930-е гг. произошла серьезная деформация в развитии теоретических проблем отечественного источниковедения: утвердилось положение о необязательности документального обоснования выводов историка, постепенно был утрачен академический профессионализм, абсолютизировался партийный и классовый подход, исключались элементарные аналитические приемы в отношении советских документов и т. п. Но не стоит отрицать, что отечественное источниковедение прошло определенные этапы в своем развитии»².

В этом плане в развитии советского источниковедения рубежом оказался конец 60-х гг., связанный с выходом в свет сборника статей «Источниковедение: теоретические и методические проблемы», положившим начало формированию особого направления, в центре внимания которого оказались теоретико-методологические проблемы исторического источниковедения³. В рамках этого направления стал формироваться такой неформальный институт, который позволял советским историкам, отбросив

¹ Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высш. школа экономики». М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2015. 685 с.

² Аракчеев В.А., Редин Д.А., Русина Ю.А. Не объяснить, а понять // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 288.

³ Источниковедение: теоретические и методические проблемы / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1969. 511 с.

«идеалистическую методологию» буржуазных ученых, использовать накопленный ими опыт в области методики исторического источниковедения.

В 70-х гг. прошлого века в Ростовском государственном университете стала складываться научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин, основателем которой был А.П. Пронштейн, создавший в 1972 г. кафедру источниковедения истории СССР и вспомогательных исторических дисциплин. До этого в стране существовали подобные кафедры только в Московском и Киевском государственных университетах. Научная школа А.П. Пронштейна, признанная вскоре в академическом сообществе, относилась к такому типу, который, как отмечают исследователи, характеризовался «дисциплинарной принадлежностью» и «персональным лидерством»⁴. Как педагог А.П. Пронштейн видел свою задачу в обучении студентов-историков основам научно-исследовательского ремесла. В связи с этим он обращался к теоретическим проблемам исторической науки, прежде всего к вопросам теории и методики исторического исследования. В 1971 г. он опубликовал монографию «Методика исторического исследования», которая была рекомендована Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для высших учебных заведений по специальности «История»⁵. Собственно это была не методика исторического исследования, а методика исторического источниковедения. Именно под таким названием учебное пособие А.П. Пронштейна с дополнениями и исправлениями было переиздано в 1976 г.

А.П. Пронштейн, творческая деятельность которого началась после Великой отечественной войны, был советским историком-марксистом, прошедшим школу профессионального мастерства у академика М.Н. Тихомирова, известного специалиста в области истории средневековой Руси и источниковедения. Обращая

⁴ Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 100.

⁵ Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1971. 468 с.; Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1976. 480 с.

внимание на заложенные академиком традиции в подготовке историков, его ученик С.О. Шмидт писал, что в сознании М.Н. Тихомирова, источниковедческое исследование и собственно историческая работа были неотделимы одно от другого⁶.

Интерес А.П. Пронштейн к теоретическим и методологическим проблемам исторической науки во многом возник под влиянием «шестидесятников». В эпоху интеллектуального «ренессанса» шестидесятников проблемы переосмысления истории вращались в основном, как считают многие исследователи, вокруг «нового прочтения марксизма» и «возвращения к марксизму подлинному и неискаженному» и «стремления к научности в исследованиях»⁷. Однако такой взгляд несколько упрощает методологическую ситуацию, сложившуюся в советской исторической науке в 60–70-х гг. прошлого века. Стремление шестидесятников к «новому прочтению марксизма», сопровождалось не просто появлением в нем новых методологических оттенков, но таких, за которые ранее, в 30-х гг., могли вполне «поставить к стенке». Теоретико-методологические поиски шестидесятников, направленные на рационализацию марксистского понимания истории, вскоре столкнулись с границами такого понимания, а в ряде случаев и перешагнули границы дозволенного в советской исторической науке. Поэтому уже в начале 70-х гг. был введен запрет на какое бы то ни было частное толкование марксизма. Было подтверждено исключительное право идеологов из ЦК КПСС на понимание марксизма и его творческое развитие. В эти годы оформляется и образ исторической науки как государственного института с соответствующими функциями, а не как социального института по производству научного исторического знания⁸.

⁶ Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 349.

⁷ Новые подходы к изучению истории: По материалам «круглого стола» в Институте всеобщей истории АН СССР, 25–26 октября 1988 г. // Общественные науки. 1989. № 2. С. 114–124; Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 3–9; Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3–31.

⁸ Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» вовремя историографической «оттепели» // Образы историографии: сб. ст. М.: РГГУ, 2000. С. 49.

Методологические поиски в исторической науке были не запрещены, однако соответствующие идеологические органы строго следили за тем, чтобы эти поиски велись в русле официального марксизма, а не очередного «нового его прочтения». Поэтому разработка методологических проблем истории в 70-х гг. разрешалась в русле марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций, ленинской теории отражения, развития принципов объективности, историзма и партийности, в контексте непримиримой борьбы с буржуазной методологией истории. Руководствуясь принципом, «если не можешь остановить движение, то его надо возглавить», идеологический аппарат ЦК КПСС пошел по пути актуализации методологической проблематики в советской исторической науке. В активизации интереса к методологическим проблемам истории большую роль сыграл также международный контекст, связанный с выходом советской исторической науки на международную арену. Советская историческая наука стала постепенно переходить от самоизоляции и теоретического высокомерия к сотрудничеству. Правда, диалога, как правило, не получалось, и сотрудничество превращалось в методологическую конфронтацию. Однако регулярное участие отечественных историков в Международных исторических конгрессах, проведение в Москве в 1970 г. XIII Международного конгресса исторических наук, материалы которого были опубликованы на русском языке, создавали интеллектуальную основу для обмена методологическими идеями, несмотря на всю ригористическую риторику адептов марксистско-ленинского учения.

В конечном счете, все это способствовало складыванию в советской исторической науке такой ситуации, применительно к которой можно использовать понятие «методологический бум». В годы этого «бума» я работал доцентом на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, которую возглавлял А.П. Пронштейн, который поначалу достаточно осторожно отнесся к идее разработки на кафедре методологических вопросов исторического исследования. Однако после того, как в середине 70-х гг. в журнале «Вопросы истории КПСС» была начата дискуссия по проблемам методологии истории, мы написали совместную статью «О некоторых вопросах методологии истории»

КПСС», которая была опубликована в журнале в 1977 г.⁹ Почему дискуссия по методологическим вопросам истории была начата в журнале «Вопросы истории КПСС», а не в журнале, например, «Вопросы истории»? Это было обусловлено тем, что журнал «Вопросы истории КПСС» был печатным органом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Тем самым дискуссии придавался официальный характер и, следовательно, итоги дискуссии надо было рассматривать в качестве обязательной установки познавательной деятельности в исторической науке, в плане того, что изучать и как изучать. Идеологи ЦК КПСС еще раз напомнили академическому сообществу историков, кто есть «истина» в последней инстанции. Кроме того, такая дискуссия позволяла выяснить, где «жмет» методологический «башмачок».

В заключительной статье, подводившей итоги дискуссии, написанной Н.Н. Масловым (видным в то время «теоретизирующим» историком партии), он нас «пожурили», отметив, что А.В. Лубский и А.П. Пронштейн «выдумывают» какую-то особую методологию истории, отличную от исторического материализма. В результате поиски методологических оснований конкретного исторического исследования закончились для нас неожиданно, но вполне предсказуемым образом. Для А.П. Пронштейна это был сигнал быть более осторожным в обсуждении уже «решенных вопросов» в советской исторической науке, поэтому он полностью сосредоточился на вопросах теории и методики исторического исследования¹⁰. В связи с этим надо отметить, что в 80-х гг. в советской исторической науке источниковедение становилось тем пространством научного дискурса, в рамках которого можно было вне ангажированного идеологического контекста обсуждать не только методические, но и методологические проблемы исторического исследования. Именно источниковедение, предполагавшее наличие у историков специальной подготовки и профессиональной компетентности оказалось в то время менее доступным для идеологического контроля.

⁹ Лубский А.В., Пронштейн А.П. О некоторых вопросах методологии истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1977. № 6. С. 103–108.

¹⁰ Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1986. 208 с.

Во второй половине 80-х гг. А.П. Пронштейн задумался над новым научным проектом – историей источниковедения в России, который ему удалось реализовать на рубеже 80–90-х гг. прошлого века¹¹. Были опубликованные две монографии, ставшие, как отмечают исследователи, «заметным явлением в развитии исторической науки в последний период существования советской историографии». Это было «первое в историографии фундаментальное комплексное исследование процесса развития в отечественной исторической науке источниковедческой мысли»¹².

Для А.П. Пронштейн, как историка-марксиста особенно важным было изучение путей, ведущих исследователя к получению достоверного знания об объективной реальности и к достижению истинного результата. Критикуя представления буржуазных историков о том, что факты являются не исторической реальностью, а продуктом сознания историка, он считал, что исторические факты обладают объективным содержанием, независимо от тех эволюций, которые происходят в сознании познающего субъекта. Поэтому А.П. Пронштейн, придерживаясь методологических предписаний «ленинской теории отражения», выделял три категории исторических фактов: 1) объективно существующие факты действительности, содержание которых не зависит от их толкования; 2) факты, отраженные в источнике, информация о событиях; научные факты – добытые и описанные историком. При этом он подчеркивал, что научные факты – это уже не само событие, а его отражение в специфической форме, где чувственное и рациональное знание находятся в единстве. Исторические факты, как отмечал А.П. Пронштейн, составляют содержание исторических описаний. Именно они дают возможность отделить в источнике достоверное от недостоверного, эмпирическое от неэмпирического, исторически значимые события от не имеющих исторического значения¹³.

¹¹ *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха феодализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 416; *Его же.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1991. С. 472.

¹² *Мининков Н.А.* Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна. С. 101.

¹³ *Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. С. 16–17.

В первом томе работы А.П. Пронштейн, анализируя истоки исторического источниковедения, показывал, как использовались источники в летописный период русской историографии и изменялись приемы работы с ними в ходе создания первых исторических сочинений («Синописис» И. Гизеля, «Скифская история» А. Лызлова, «Ядро Российской истории» А. Манкиева). Прослеживается также зарождение «практической дипломатики» в XV–XVII вв. Основное внимание в этом томе уделяется освещению вклада в развитие источниковедения таких крупнейших ученых XVIII – первой половины XIX в., как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, А.Л. Шлецер, Н.М. Карамзин, М.Т. Каченовский, М.П. Погодин, Н.В. Калачов и Н.И. Надеждин. Раскрыты также достижения в области частного источниковедения, развитии археографии, палеографии, нумизматики, генеалогии, геральдики, хронологии, в изучении летописей, законодательных и документальных памятников.

Во втором томе автор показывал творчество тех историков, взгляды которых сыграли большую роль в развитии источниковедческой мысли во второй половине XIX – начале XX в., способствуя накоплению конкретных знаний о различных видах и комплексах источников и развитию на этой основе теории и методики источниковедения. В этом плане работа состоит как бы из двух разделов. В первом разделе подробно рассматривалась роль в развитии источниковедения таких исследователей, как С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, И.Е. Забелин, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.О. Ключевский, М.О. Коялович, Д.А. Корсаков, Д.И. Багалей, Ф.Я. Фортинский, Д.Я. Самоквасов, С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, В.И. Сергеевич, А.А. Шахматов, Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский. Во втором разделе автор показывал, как изучались конкретные виды и комплексы исторических источников (летописи, законодательные документы, актовый материал, писцовые книги, литературные памятники).

В работе А.П. Пронштейна был собран и осмыслен огромный эмпирический материал, потребовавший от ученого и большого кропотливого труда, и значительных интеллектуальных усилий. Эта работа как бы подводила итог историографическим изысканиям в области источниковедения, имевшим к тому времени

в России уже давнюю традицию. Начало этим изысканиям было положено знаменитой полемикой И.Н. Болтина и М.М. Щербатова в конце XVIII в. В первой половине XIX в. отдельные историографические сюжеты источниковедения рассматривались в трудах А.Л. Шлецера, И.Г. Эверса, М.Т. Каченовского, Н.И. Надеждина, П.Г. Буткова, М.П. Погодина, Н.В. Калачова, А.Н. Попова. Во второй половине XIX в. эти сюжеты получили осмысление в исследованиях С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.О. Ключевского, В.С. Иконникова, М.О. Кояловича, И.В. Лашникова, Ф.Я. Фортинского. Большое внимание историографическим вопросам источниковедения в начале XX в. уделяли Н.И. Кареев, П.Н. Милюков, Д.И. Багалей, П.К. Хитрово, А.С. Лаппо-Данилевский.

После революции 1917 г., в 20-х – начале 30-х гг., эти вопросы рассматривались прежде всего в работах С.Н. Валка, Н.Н. Авдеева, З.П. Бузескула, Г.Е. Кочина, С.Н. Быковского и С.И. Ковалева. В 30–50-х гг. XX в. советской исторической науке утвердился вульгарно-марксистский, догматический стиль исторического мышления. Отличительной чертой этого стиля было крайне отрицательное отношение к немарксистской, в первую очередь неокантианской историографии. В связи с этим следует отметить, что именно с деятельностью историков этого течения в дореволюционной России были связаны наибольшие успехи в разработке теоретических проблем источниковедения¹⁴. Дореволюционная источниковедческая мысль в целом была обьявлена методологически порочной и научно-несостоятельной, «вредной» с идеологической точки зрения. Все это привело к тому, что на долгие годы в советской исторической науке был утрачен интерес к теоретико-методологическим проблемам источниковедения и его истории. Источниковедение стало рассматриваться не как научная дисциплина, а номинация для обозначения совокупности вспомогательных дисциплин, занимающихся методикой изучения источников.

Пробуждение научного интереса к истории источниковедения в России началось во второй половине 50-х гг. прежде всего в

¹⁴ Казаков Р., Румянцева М. Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (РГГУ, 6 апреля 2013 г.) // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/39k.html>.

рамках такой дисциплины, как историография. В многотомной истории исторической науки в СССР в специальных разделах, написанных К.В. Сивковым, М.Н. Тихомировым, С.М. Каштановым, В.А. Кондратьевым и В.Л. Яниным, рассматривались такие проблемы, как изменение источниковой базы исторических исследований в дореволюционной России, совершенствование приемов работы дворянских и буржуазных историков с историческими источниками¹⁵. Начинают появляться также статьи, посвященные изучению источниковедческих взглядов отдельных отечественных историков¹⁶. Однако эти взгляды настолько были подвержены идеологизации, что выхолащивалось всякое позитивное их содержание. Это способствовало, как отмечалось в литературе, «созданию неправильного впечатления об историческом развитии методики источниковедческого исследования, вело к недопониманию и к недооценке роли выдающихся отечественных ученых в развитии отечественного и мирового источниковедения»¹⁷.

В 60-х гг. нигилистические отношение к «буржуазному источниковедению» стало сменяться осторожными высказываниями о возможности использования в марксистской историографии отдельных методов работы буржуазных ученых с источниками и, следовательно, необходимости обобщения предшествующего источниковедческого опыта. В качестве теоретического обоснования такой возможности был выдвинут тезис о «нейтральности» техники исторического исследования по отношению к его методологии¹⁸. Этот тезис вызывал критические возражения, но так или иначе брешь в негативном отношении к «буржуазным источниковедам» была пробита и была осознана потребность в создании обобщающих трудов по историографии источниковедения в России. Эта задача становилась все более актуальной, по мере усиления в 70-х гг. интереса к теоретическим проблемам источникове-

¹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 550–568; Т. II. 1960. С. 575–614; Т. III. 1963. С. 565–586; 615–634.

¹⁶ Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30–51; Пауцто В.Т. А.А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 47–73.

¹⁷ Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 55.

¹⁸ Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения. С. 54.

дения и восстановления ею статуса как самостоятельной научной дисциплины. Так, выступая в 1979 г. на Всесоюзной научной конференции, В.И. Буганов, подводя итоги источниковедческих исследований в стране, отметил, что уровень источниковедения «требует создания коллективного труда по историографии отечественного источниковедения в целом»¹⁹. Однако первой попыткой создания такого труда стало монографическое исследование А.П. Пронштейна, что подтверждает мысль об огромном значении в исторической науке индивидуального творчества, в котором огромную роль играет не кооперация людей, а кооперация идей. Работа А.П. Пронштейна, с одной стороны, продолжала уже сложившиеся исследовательские традиции, а с другой – в ней предлагались новые подходы к изучению проблем, которые не только расширяли или уточняли научные представления по истории отечественного источниковедения, но и в известной мере изменили представления о развитии источниковедческой мысли в России.

Обстоятельный труд А.П. Пронштейна создал новую гносеологическую ситуацию в историографии источниковедения. Она может быть сравнима с той ситуацией, которая сложилась после выхода «Очерков по истории исторической науки», которые дали мощный толчок для более углубленного изучения историографических проблем, но уже на ином теоретическом уровне. Поэтому следует согласиться с оценкой работы А.П. Пронштейна, данной ее ответственным редактором, академиком И.Д. Ковальченко. «Монография, – писал он, охватывает длительный период в истории отечественного источниковедения. Много усилий потребовалось исследователю, чтобы охватить многочисленную историческую литературу и выявить основные закономерности в развитии отечественного источниковедения. Трудно было представить эту картину во всей полноте и многообразии. Это может быть достигнуто в последующих историографических исследованиях. Но основы для этого заложены в содержательной монографии автора данной книги»²⁰.

¹⁹ Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: тезисы докладов III Всесоюзной конференции: в 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, 1979. С. 84.

²⁰ Ковальченко И.Д. От редактора // Источниковедение в России. Эпоха феодализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 5–6.

Работа А.П. Пронштейна написана в русле сциентистской методологии классической модели исторического исследования²¹, в котором особое внимание уделяется проблемам социального детерминизма, законам прогрессивного развития, а также задачам получения объективно истинного знания²². Исходя из этого, автор считал, что, с одной стороны, источниковедение в России развивалось, прежде всего, по законам идеологической и социокультурной преемственности, ибо смена форм жизни всегда оказывала большое влияние на состояние исторической науки и ее составной части источниковедение. С другой стороны, развитие этой дисциплины было обусловлено «законами познавательной преемственности». Такое представление о детерминистском и прогрессистском развитии источниковедческой мысли являлось характерными для тех ученых, которые в советское время работали в рамках научной парадигмы, абсолютизовавшей познавательные возможности материалистического понимания истории и предполагавшей ее монистическую интерпретацию.

В контексте современного методологического плюрализма, историографическое исследование А.П. Пронштейна следует рассматривать как одну из возможных интерпретаций истории источниковедения в России, аутентичной прежде всего методологической культуре самого автора, придерживавшегося принципов материалистического понимания истории, традиционно еще ставившего перед собой задачу выявления закономерностей развития источниковедческой мысли, но в то же время уже в некоторой степени осознававшего недостатки таких методологических ориентаций. Поэтому в соответствии с общей методологической установкой в исследовании А.П. Пронштейна обстоятельно рассматриваются общие условия возникновения и развития источниковедения в России на том или ином этапе его развития. К таким условиям автор относил как изменения в общественном строе России, так и непосредственно в исторической науке. Однако эти условия

²¹ Лубский А.В. Модели исторического исследования // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 295–298.

²² Лубский А.В. Рецензия: А.П. Пронштейн. Источниковедение в России. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989 // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 174.

в целом подавались лишь как внешний фон развития источниковедения. Поэтому вне поля зрения оказался анализ «механизма» интериоризации социокультурных факторов в научное знание, превращения их из внешних условий развития источниковедения в обуславливающие его предпосылки. Изучение этого «механизма» предполагало использование методологического и культурологического подходов, учитывающих не только методологические ориентации историков, но и особенности их ментальных программ научно-исследовательской деятельности. Решение этой задачи в то время затруднялось тем, что в историографии того времени еще отсутствовали специальные исследования, посвященные изучению методологических основ исторической науки в России и смены в ней стилей исторического мышления. В специальной литературе подход, акцентирующий внимание только на описании внутренних механизмов изменения научных знаний, получил название «рациональной реконструкции исторического преобразования научного знания»²³. Метод «рациональной реконструкции» обладает тем достоинством, что позволяет выявить внутренние закономерности развития источниковедения. С его помощью достигается не простое эмпирическое описание различных познавательных структур в источниковедении на различных этапах его истории, а теоретическое исследование самой сущности познания как исторически развивающегося процесса, в котором каждый тип познавательной деятельности предстает в виде определенной степени его развития. Метод «рациональной реконструкции» позволяет понять каждую ступень источниковедения как исторически необходимую, а следовательно, ограниченную и преходящую.

Описание А.П. Пронштейна познавательных структур в источниковедении как прогрессивных ступеней его развития давало ему возможность последовательно проводить в историографическом исследовании принцип историзма. В истории источниковедения в России он выделял три периода. Первый, донаучный, возникший в начале феодальной эпохи, отличался накоплением практических навыков в работе с источниками. Начало второму, научному, положили труды В.Н. Татищева. Этот период характери-

²³ Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С. 8.

зовался постепенным развитием научных знаний и навыков в области источниковедения. В конце XIX – начале XX в. начинается третий период в истории источниковедения, когда оно оформилось в самостоятельную научную дисциплину. Периодизация истории источниковедения в России, предложенная автором, совпадает с периодизацией исторической науки, принятой в то время в советской историографии. В ней отмечалось, что «вторая часть XVIII столетия является временем становления исторической науки в нашей стране», а до этого шло «накопление исторических знаний»²⁴. При этом предполагалось, что «историческая наука рождается в тот момент, когда освободившись от провиденциализма историческая теория соединяется со знанием исторических фактов. В России свидетельством такого слияния, – как считали историографы, – явилась "История Российская" В.Н.Татищева», которому удалось впервые соединить «эрудитское» и «философское» направления в русской историографии»²⁵.

А.П. Пронштейн также считал рационалистическую переориентацию исторического сознания одним из критериев «превращения исторических знаний в науку». Однако к этому он добавлял еще и зарождение в историческом познании «науки критики» источников и сделал вывод о том, что «отец русской историографии В.Н.Татищев потому и именуется так, что наряду с прочим заложил основы научного источниковедения в России». По мнению автора, заслуги В.Н.Татищева состояли, во-первых, в том, что он «значительно расширил источниковую базу». Во-вторых, В.Н.Татищеву принадлежит «попытка критически оценить значение русских летописей и законодательных актов как источников, использования хронологии и метрологии в качестве вспомогательных знаний для историка». И, в-третьих, как считал А.П. Пронштейн, историк «требовал проверки надежности источника в целом еще до выяснения достоверности содержащихся в нем фактов». Однако последнее утверждение автора нам представляется

²⁴ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: учебник / под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1971. С. 7.

²⁵ Аллатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII – первая четверть XVIII века. М.: Наука, 1976. С. 3.

спорным и в определенной мере противоречащим содержанию самой монографии. В ее специальной главе, посвященной источниковедческим взглядам В.Н. Татищева, автор сделал более убедительный вывод о том, что «критерием надежности источников, по В.Н. Татищеву, является достоверность сообщаемых в них фактов. На этом основании базировалась и предположенная им первая в отечественной исторической науке классификация источников, сохранившая свое значение в течение всего XVIII в.»

В исследовании А.П. Пронштейн предпринял попытку разрешить дискуссионный вопрос о времени осознания в отечественном источниковедении проблемы, чем определяется степень доверия к известию источника – ценностью источника в целом или вероятностью содержащихся в нем исторических известий. Одни исследователи считали, что этот вопрос стал волновать историков в первой половине XIX столетия²⁶. Другие утверждали, что он был поставлен еще В.Н. Татищевым в начале XVIII в.²⁷. Мы полагаем, так же как и А.П. Пронштейн, что перед В.Н. Татищевым такой вопрос не стоял. Историка не интересовала «ценность источника в целом», его занимали лишь «вероятность известий источника» и «приметы», с помощью которых можно судить о степени доверия к этим известиям²⁸.

Таким образом, представление об историческом источнике и собственно источниковедческие знания, как показал А.П. Пронштейн, появляются во второй четверти XVIII в. При этом он подчеркивал, что одним из первых, кто «всерьез задумался об источниках истории» был В.Н. Татищев, «хотя он и не употреблял этого слова в данном контексте»²⁹. А.П. Пронштейн начинал научное источниковедение с В.Н.Татищева еще и потому, что исто-

²⁶ *Илизаров С.С.* О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. 1984. М.: Наука, 1986. С. 200.

²⁷ *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. С. 30.

²⁸ *Антипов Г.А.* Исторический источник и его функции в историческом познании // Проблемы исследования структуры научного познания. Новосибирск: [б. и.], 1970. С.206.

²⁹ *Илизаров С.С.* О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. С. 200.

рик, по его мнению, стремился обобщить накопленный опыт работы с источниками. Несомненно, в трудах В.Н. Татищева мы действительно впервые сталкиваемся с элементами обобщения такого опыта. Но это всего лишь размышления историка, которого интересует прежде всего «приметы», позволяющие устанавливать степень доверия к сведениям источника. В.Н. Татищев также, как и его предшественники, еще не относился к «историческому памятнику как объекту оперирования»³⁰. Вместе с тем эта сознательная рефлексия по поводу надежности сведений, безусловно, порождает знания источниковедческого характера. Поэтому следует согласиться с тем, что во второй четверти XVIII в. в России появляются источниковедческие знания, однако вопрос в другом – можем ли мы эти знания считать научными.

Во второй половине XIX в. в рамках позитивистской историографии ее представители, придерживаясь идеи тождества исторического и естественно-научного познания, при определении критерия «научности» историографии руководствовались установкой «фундаментализма», которая была положена в основу позитивистского «классического образа науки». Согласно этой установке научное знание характеризуется прежде всего эмпирической обоснованностью. Поэтому методологическое решение проблемы «начала» науки сводилось к обнаружению того «надежного эмпирического фундамента», на котором строилась вся система знаний. В историографии таким «эмпирическим фундаментом» для историков-позитивистов была репрезентативная источниковая база в виде различного рода нарративных и документальных источников. Поскольку В.Н. Татищев первым из историков в России по существу стал придерживаться фундаменталистской парадигмы, то, естественно, он и был признан «отцом русской научной историографии»³¹. Надо отметить, что в советской историографии 70–80-х гг. возникновение исторической науки в России в XVIII в. также связывали не столько с переходом от провиденциализма к рационализму, сколько с деятельностью «российских

³⁰ *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 30.

³¹ *Ключевский В.О.* И.Н. Болтин // *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. Т. VIII. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 134.

эрудитов», на пути собирания и издания огромной массы исторических источников, среди которых первое место по праву принадлежало В.Н.Татищеву³².

Однако в науковедении того времени представления о фундаменталистской парадигме как основе «научности» некоторыми исследователями признавалось недостаточными³³. Проблема, следовательно, состояла в том, что же выбрать в качестве идеала научной деятельности в источниковедении, осознавая при этом опасность архаизации и модернизации источниковедческого процесса. Тенденция архаизации прослеживалась прежде всего в том, что элементы научного источниковедения находили уже в деятельности древнерусских летописцев. Так, например, в обстоятельной работе В.Г. Мирзоева, посвященной историографии в Древней Руси, явно, на наш взгляд, переоценивались возможности критического отношения летописцев к историческим источникам. У автора «элементарные предпосылки исторической критики», которые находил Д.С. Лихачев еще у летописцев, превращаются чуть ли ни в систему исторических методов³⁴. Мы согласны с В.Г. Мирзоевым в том, что «так или иначе летописцы пользовались различными историческими методами»³⁵, но ничего общего с научными эти методы не имели. Крайностью, однако, является и другое мнение, основанное на пренебрежительном отношении к историописателям той эпохи, сопровождавшееся отрицанием у них вообще каких-либо методов. Г. Бокль, Е. Бернгейм, Б. Лашна Западе, Н.Л. Рубинштейн и И.П. Еремин в нашей стране утверждали, что будто бы критицизм вообще был не свойственен древним хронистам и летописцам³⁶.

³² *Шати́ро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. С. 130, 134–152.

³³ *Швы́рев В.С.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. С. 6–25.

³⁴ Повесть временных лет / подготовка текста Д.С. Лихачева. Ч. 1–2. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 134; *Мирзоев В.Г.* Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1978. С. 205–233.

³⁵ *Мирзоев В.Г.* Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. С. 227.

³⁶ *Косминский Е.А.* Историография средних веков. М.: Изд-во Московского университета, 1963. С. 11; *Рубинштейн Н.Л.* Летописный период русской историогра-

В связи с этим, на наш взгляд, представляет интерес замечание Е.И. Косминского о том, что «средневековые историки применяли известные приемы исторической критики». Но эта критика «была очень наивна и слаба», и поэтому «мы не можем говорить об их произведениях как о научных в полном смысле слова. Однако это вовсе не лишает их права на наше внимание и изучение»³⁷. Поэтому представляется вполне оправданным то, что историю источниковедения в России А.П. Пронштейн начинал именно с древнерусских летописцев. При этом ему удалось преодолеть обе крайности в оценке их деятельности. Мы согласны с его критикой и «гиперкритицизма» по отношению к летописцам, и вывода о применении ими научных методов изучения исторических источников.

Вместе с тем важно разобраться в причинах архаизации научного источниковедения. Одна из этих причин гносеологического характера, связана с «расширением образа науки до эталона объективного знания вообще». Истоки такого расширительного образа науки восходят к Г. Спенсеру и Б. Малиновскому, но имели теоретическое обоснование и в отечественной науковедческой литературе³⁸. Стремление к расширению образа науки до эталона объективного знания подвергалось критике, в процессе которой было достаточно аргументировано показана несводимость знания к объективному знанию вообще, хотя появление и развитие последнего явилось предпосылкой и условием формирования науки. Это же подтверждает и исследование А.П. Пронштейна, в котором обосновывается вывод о том, что накопление навыков работы с источниками у древнерусских летописцев и писателей XVI–XVII в. явилось той необходимой предпосылкой, на основе которой в последствии стало возможно научное источниковедение в России. Но при этом, как нам представляется надо добавить, что у древних авторов эти навыки еще не получили адекватного вы-

фии // Учен. зап. Моск. ун-та. 1946. Вып. 2. С. 3–19. С. 6–7; Еремин И.П. Повесть временных лет. Л.: Издательство ЛГУ, 1947. С. 88, 52–57.

³⁷ Косминский Е.А. Историография средних веков. С. 11.

³⁸ Спенсер Г. Происхождение науки. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1898. Малиновский Б. Научная теория культуры: (фрагмент) // Вопросы философии, 1983. № 2. С. 116–124. Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2. С. 19–30.

ражения в собственно источниковедческих знаниях, поскольку для них исторический памятник не являлся собственно историческим источником. Вторая причина архаизации «научности» в источниковедении лежит вне рамок самой науки: это – продолжение «патриотического» направления в отечественной историографии, основанного на пиетете перед «отеческими» древностями и всей русской историей.

Опасность модернизации «научности» в источниковедении связана с тем, что в качестве «эталона» научного источниковедения берется современный его образ. Надо отметить, что стремление рассматривать в качестве идеала научности ее наиболее развитую форму было распространенным явлением в марксистской историко-научной, в том числе и историографической литературе, исходящим из знаменитого высказывания К. Маркса о том, что «ключом к анатомии обезьяны является анатомия человека». Так, И.И. Колесник в статье, специально посвященной проблемам генезиса историографии в России, писала, что только «развитые формы историографии дают представление о прошлом этой научной области изучения, природе историографического знания, его месте и функциях в структуре исторического познания»³⁹. А.Г. Голиков, рецензент монографии А.П. Пронштейна, также писал, что «с позиций современного источниковедения можно глубже понять результаты, полученные в области этой дисциплины во второй половине XIX – начале XX в. Многие из того, что было достижением в то время, стало анахронизмом. Соотнесение достижений отечественного источниковедения второй половины XIX – начала XX в. с современным уровнем этой дисциплины дает возможность представить, что сохранило значение, пройдя испытание временем, а что оказалось преходящим»⁴⁰.

Основу такого подхода составляет уверенность в интеллектуальном превосходстве современной культуры над культурой прошлого. Вместе с тем историк не прокурор и не судья, а исследователь, задача которого, завязав диалог с культурой прошлого,

³⁹ Колесник И.И. Когда зародились историографические знания в России? Пути исследования проблемы // История СССР. 1989. № 4. С. 149.

⁴⁰ Голиков А.Г. – А.П. Пронштейн. Источниковедение в России. Эпоха капитализма // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 180.

понять ее. Не стоит упрощать и проблему преемственности знаний, сводя ее только к последовательной прогрессивной смене старого новым, в «результате чего старое включается в новую науку в преобразованном виде». Дело в том, что в одном и том же социокультурном пространстве обычно сосуществует несколько парадигм исторического познания, и поэтому старые и новые исторические знания находятся в более сложных отношениях, чем преемственность. Кстати, это хорошо показал А.П. Пронштейн, описавший различные подходы к рассмотрению проблем источниковедения, характерные для того или иного течения исторической науки во временном разрезе.

Таким образом, представления о том, что только «развитые формы историографии» являются ключом для понимания исторических знаний в прошлом, сопровождающиеся модернизацией историографического процесса, способствуют формированию упрощенного понимания прогресса в историческом познании как процесса постепенного накопления положительного знания. Согласно такому кумулятивистскому подходу любая последующая ступень в развитии научного знания обязательно втягивает и развивает все лучшее, что было достигнуто в предшествующее время, и следовательно каждая последующая ступень является с гносеологической точки зрения высшей по сравнению с предыдущей. Тем самым абсолютизируется такая сторона историографического процесса как преемственность в научном познании.

Несомненно, традиции играют большую роль в процессе развития науки. Именно наличие в ней механизма преемственности знаний, навыков исследования позволяет использовать, по выражению К. Маркса, «труд предшественников»⁴¹. Вместе с тем процесс исторического познания имеет и другую сторону – появление инноваций. История исторической науки, в том числе и источниковедения, свидетельствует о существовании глубоких разрывов в познавательном опыте и научном знании, о существенных различиях в стилях исторического мышления и в научных картинах прошлого. Не случайно, проблема соотношения преемственности и возникновения нового в познании уже в 80-х гг. прошло-

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 т. Т. 25. Ч. I. М.: Издательство политической литературы, 1961. С. 116.

го века стада привлекать пристальное внимание советских философов и методологов науки⁴².

В связи с этим надо отметить, что в исследовании А.П. Пронштейна также была предпринята попытка решения этой проблемы. Автор, ссылаясь на К. Маркса, считавшего, что «наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения»⁴³, отмечал, что новое знание не перечеркивает старое, но и не сводится к механическому добавлению его к уже имеющемуся. Поэтому в процессе конкретно-исторического изучения автор акцентировал внимание, прежде всего на том новом, что вносилось в источниковедение на каждом этапе его развития в России. Однако на практике это новое по существу оказывалось у А.П. Пронштейна лишь продолжением традиции. Инновации как моменты прерывистости в познании оказались вне предмета его исследования. Поэтому в истории источниковедения в России автор выделял только один «прорыв»: источниковедческие взгляды В.Н. Татищева, ознаменовавшие переход от донаучного источниковедения к научному. Далее, хотя А.П. Пронштейн и рассматривал в научном источниковедении еще несколько этапов, представленный трудами М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера; М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Л. Шлецера и Н.М. Карамзина; М.Т. Каченовского и М.П. Погодина; Н.В. Калачева и Н.И. Надеждина, однако их взгляды рассматривались автором в русле преемственности, главным образом как развитие источниковедческих идей, возникших в начале XVIII в. Поэтому источниковедческий процесс в XVIII – первой половины XIX в. в исследовании А.П. Пронштейна оказался, на наш взгляд, логически выпрямленным, «зигзаги» источниковедческой мысли остались в стороне. Обойти все «подводные камни» кумулятивистского подхода в историко-источниковедческом исследовании оказалось делом достаточно сложным.

⁴² *Касавин И.Т., Филатов В.П.* Преемственность знания и научные революции в контексте познавательных традиций // *Диалектика. Познание.* Наука. М.: Наука, 1988. С. 199–206; *Кравец А.С.* Традиции и инновации в становлении стиля научного мышления // *Философия, естествознание, социальное развитие.* М.: Наука, 1989. С. 161–197.

⁴³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.: в 50 т. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 568.

В результате, изучая развитие научного источниковедения в России, автор постоянно ориентировался на современный его образ в качестве идеала источниковедческой деятельности, поэтому наибольшее внимание исследователя привлекли как раз те источниковедческие идеи, которые вписывались в этот идеал как его предшественницы. Выявить инновации в источниковедческом процессе оказалось для него делом затруднительным также потому, что в советской историографии того времени еще слабо был изучен вопрос о развитии идей в отечественном источниковедении. В связи с этим А.П. Пронштейн пошел по другому пути: в основу своего исследования он положил принцип «монографического изучения творчества отдельных представителей исторической науки, которые в тот или иной период ее развития уделяли внимание разработке проблем источниковедения». Такой подход к изучению истории науки через призму внимания к ее «человеческому элементу» в то время признавался достаточно актуальным и перспективным⁴⁴.

Вместе с тем уместно будет вспомнить известный афоризм А. Эйнштейна о том, что «история науки – это не драма людей, а драма идей». Драма источниковедческих идей в России заключалась в том, что взаимодействие традиций и инноваций в нем сопровождалось не только движением вперед, но и интеллектуальным воспроизводством устаревших познавательных принципов. Развитие источниковедения сопровождалось не плавным накоплением позитивных знаний, а прорывами в познавательных структурах, приводивших к возникновению новых источниковедческих парадигм.

Таким образом, решение вопроса о генезисе научного источниковедения и его развитии в России во многом зависело от взглядов на то, что такое наука вообще. Однако при этом исследователей подстерегала вполне реальная методологическая ловушка «круга»: «Для уразумения того, где начинается наука, – следует знать, что она такое, но выяснить, что такое наука, не впадая при этом как в ее архаизацию, так и модернизацию, невозможно, не опираясь на твердое предварительное понятие о начале науки»⁴⁵.

⁴⁴ Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (Методологические проблемы). М.: Наука, 1982. С. 4–5.

⁴⁵ Ильин В.В. Проблема начала науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2. С. 34.

Избегание данной ловушки возможно, при «установлении коррелятивной и постоянно уточняемой связи между неким предельным, наиболее гибким представлением о науке и ее возможным историческим первоначалом. Представление выступает в виде исходного теоретико-познавательного эталона соотносимого – и коррелируемого – с реализованными в истории познавательными формами»⁴⁶.

В 80-х гг. прошлого века в отечественной литературе существовало представление о том, что «научное познание – это специализированный специфический вид познавательной деятельности, который предполагает в качестве результата выработку особого типа знания, руководствуется особыми нормами и идеалами, использует особые средства и методы и связан с определенными социально-историческими условиями для своего возникновения и развития»⁴⁷. При этом предлагались самые различные «универсальные критерии научности»⁴⁸. Однако всеми признавалось, что научное познание формируется прежде всего в лоне теоретического сознания, практика которого невозможна без соответствующего нормирования теоретической деятельности и без ее рефлексивного оформления. Этот принципиальный момент был осознан и получил реализацию в соответствующей методологической литературе, в которой констатировалось, что «наука – это система, которая включает в себя свое собственное осознание. Иными словами, наука – это "система с рефлексией"»⁴⁹. В связи с этим возникновение научно-теоретической форм познания и ее автономизации в системе культуры связано с соответствующей рефлексией, направленной на формирование системы особых познавательных ценностей и установок. Это позволяло утверждать, что наука появляется тогда, когда «процесс получения знаний становится содержанием самостоятельной теоретической деятельности», наука появляется тогда, когда «нормы познавательной деятельности становятся предметом аналитической работы ума»⁵⁰.

⁴⁶ Швырев В.С. Анализ научного познания. С. 113.

⁴⁷ Там же. С. 28.

⁴⁸ Кезин А.В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. С. 26–36.

⁴⁹ Кузнецова Н.И. Наука в ее истории. С. 7.

⁵⁰ Кукушкина Е.И., Логунова Л.П. Мироззрение, познание, практика. М.: Политиздат, 1989. С. 149–150.

В целом научное источниковедение, как считал А.П. Пронштейн, зарождается уже в первой половине XVIII в. в трудах В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера, а затем нашло свое продолжение в первой половине XIX в. в сочинениях М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Л. Шлецера и Н.М. Карамзина. «Между тем в первой половине XIX в. источниковедение, как считал А.П. Пронштейн, еще не стало самостоятельной, хотя и вспомогательной научной дисциплиной. Оставались неясными его предмет и методы, не сложилось представление о законах его развития. Все это складывалось постепенно трудами ученых второй половины XIX в.». Заметное место в развитии источниковедения в этот период, как подчеркивал автор, принадлежало С.М. Соловьеву, который «приложил много сил для введения в научный оборот всех доступных историкам источников и искал в них отражение закономерного хода истории, подвергая их с этой целью всесторонней критике».

С таким выводом А.П. Пронштейна можно согласиться, но частично. Действительно, реализуя некоторые позитивистские установки, С.М. Соловьев стремился к как можно большему охвату исторических источников, однако «всесторонней критике» их он не подвергал, так как практически не занимался установлением степени достоверности содержания источников. Кроме того, историка не особенно интересовали и теоретико-методологические аспекты источниковедения. Поэтому нам представляется, что заслуга в становлении источниковедения как научной дисциплины в России принадлежит, прежде всего, Н.И. Надеждину и К.Н. Бестужеву-Рюмину, а источниковедения как учебной дисциплины – В.О. Ключевскому.

В самостоятельную научную дисциплину источниковедение превращается в России, как отмечал А.П. Пронштейн, во второй половине XIX – начале XX в.⁵¹ Активизация источниковедческих исследований в то время сопровождалась «уходом многих ученых исключительно в специальные источниковедческие проблемы», а «углубленная источниковедческая работа значительно опережала разработку общих концептуальных проблем». К тако-

⁵¹ Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. С. 4.

му выводу пришли некоторые советские историографы еще до А.П. Пронштейна. Первым, кто сделал такой вывод, был известный в то время историограф А.М. Сахаров, который при этом считал, что это «было естественным проявлением развивавшегося кризиса идейно-теоретических основ буржуазной историографии»⁵². А.П. Пронштейн, также отмечая непрерывный рост источниковедческих исследований, писал, что «трудно назвать какую-нибудь страну, где источниковедение стояло бы в это время на таком же высоком уровне, как в России». Однако он не рассматривал это как проявление с кризиса исторической науки, придерживаясь, по-видимому, той его концепции, в рамках которой кризис рассматривается как негативное явление.

В работе А.П. Пронштейна отчетливо прослеживается наличие двух тенденций в развитии отечественного источниковедения в конце XIX – начале XX в. Первая тенденция была связана с решением таких прикладных задач, как расширение источниковой базы исторических исследований и систематизация исторических источников. Эта тенденция доминировала среди позитивистски ориентированных источниковедов. Вторая тенденция была связана с рассмотрением методологических проблем источниковедения, которая отчетливо проявлялась в то время в работах историков-антипозитивистов.

Рассматривая гносеологические предпосылки генезиса научного источниковедения в России, А.П. Пронштейн вступал в область выяснения вопроса о взаимодействии исторического познания и источниковедения. При этом он придерживался представления о том, что «источниковедение, неразрывно связанное с исторической наукой, развивалось вместе с ней»⁵³. Поэтому автор считал, что процессы зарождения исторической науки и научного источниковедения в России хронологически совпадают между собой. При этом развитие научного источниковедения, как считал он, было обусловлено тем, что «новые условия существования исторической науки, увеличение количества и видов источников тре-

⁵² Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978. С. 210.

⁵³ Стрельский В.Н. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 8.

бовали разнообразия приемов их изучения, а накопление опыта работы с ними влекло за собой стремление обобщить его». В связи с этим надо отметить, что представление об одновременном возникновении исторической науки и научного источниковедения в России было в то время настолько расхожим в советской историографии, что его априорно придерживались даже специалисты по истории вспомогательных дисциплин, которые также утверждали, что эти дисциплины становятся научными уже во времена В.Н. Татищева⁵⁴. Правда, С.М. Каштанов в работе, посвященной русской дипломатике, считал, что научные ее основы были заложены только во второй половине XVIII в. трудами Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова и В.В. Крестинина. Однако возникновение научной дипломатики в России автор непосредственно связывал с такими социокультурными факторами, как развитие буржуазных отношений и становление «особой формы буржуазно-дворянского мирозерцания, которая была обусловлена эволюцией дворянства в направлении утраты им черт средневекового феодального класса»⁵⁵.

Однако в то время существовал и другой взгляд на вопрос о взаимодействии исторического познания и источниковедения. В частности, авторы введения к учебнику по источниковедению истории СССР (И.Д. Ковальченко, С.В. Воронкова, А.В. Муравьев) отмечали, что хотя «формирование научных знаний об источниках обусловлено общим процессом эволюции исторической науки», но только «до известных пределов совпадает с основными этапами ее истории». При этом они подчеркивали, что «только к концу XIX – началу XX в. относится появление в зарубежной и русской историографии специальных работ, содержащих теоретическое осмысление накопленного опыта изучения источников»⁵⁶. На наш взгляд, вопрос о начале научного источниковедения в России и сегодня еще нуждается в серьезном обсуждении, прежде

⁵⁴ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1974. С. 20–21.

⁵⁵ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. С. 54.

⁵⁶ *Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко.* 2-е изд., перераб. и доп. С. 4.

всего с теоретической точки зрения, поскольку решение его зависит от представлений о том, как взаимодействуют в своем развитии на методологическом уровне источниковедение и историческая наука и каковы критерии «научности» источниковедческих знаний.

В монографии А.П. Пронштейна вопрос о взаимодействии исторической науки и источниковедения на методологическом уровне решается однозначно: методологические основания источниковедения непосредственно выводятся из теоретических принципов исторического познания. Надо сказать, что такое решение вопроса, являясь традиционным в советской историографии, имело реальные гносеологические основания, поскольку источниковедение в значительной мере обусловлено принципами интеллектуальной деятельности, присущими тому или иному стилю исторического мышления. Однако ограничиваться такой констатацией, это значит абсолютизировать лишь один из моментов взаимосвязи исторического познания и источниковедения, которое развивалось, наряду с этим, и по «законам собственной преемственности». Поэтому источниковедение обладает определенной методологической автономией в системе исторического познания, оказывая в свою очередь влияние на развитие исторической науки.

Правда, в историко-философской литературе в то время существовало и другое мнение, с одной стороны, признавшее автономность методологии источниковедения, но, с другой – отрицавшее ее влияние на развитие исторической науки. «Как бы ни были велики успехи "технической" методологии исторических исследований, – писал В.Ф. Асмус, – они ни в малейшей мере не решают судьбы исторической науки в целом. Филологическая и историческая критика источников и методика их изучения, какого бы совершенства они не достигли, не возвышаются как таковые даже над порогом исторического знания»⁵⁷. Однако в исследовании А.П. Пронштейна, хотя и не ставился вопрос о методологической автономии источниковедения, но было показано влияние его достижений на развитие исторической науки в России. В советской историографической литературе доминировал несколько

⁵⁷ Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм // Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 352–353.

упрощенный взгляд на прогресс в историческом познании и, соответственно, в источниковедении, абсолютизирующий представления, согласно которым любая последующая их форма обязательно втягивает и развивает все позитивное, что было достигнуто в предшествующее время. Такой подход, логически выпрямляя историографический процесс, не позволял рассматривать взаимодействие источниковедения и стилей исторического мышления в их конкретной форме.

Так, в развитии исторического познания в дореволюционной России обычно выделяли три этапа: 1) IX–XVII вв. – накопление исторических знаний; 2) XVIII–XIX вв. – возникновение и развитие исторической науки; 3) конец XIX – начало XX в. – кризис исторической науки. Соответственно с этими этапами историю источниковедения разделяли на три периода: 1) накопление источниковедческих знаний; 2) возникновение научного источниковедения; 3) формирование источниковедения как самостоятельной научной дисциплины.

В связи с этим, на наш взгляд, важно подчеркнуть, что историческое познание и источниковедение в России изменялись не одновременно и отнюдь не параллельно, а то отставая, то опережая друг друга в процессе взаимодействия. Поэтому следует признать плодотворной мысль о том, что «формирование научных знаний об источниках» лишь «до известных пределов» совпадало с основными этапами истории исторической науки в России⁵⁸. Поэтому в развитии исторического познания в России можно выделить несколько интеллектуальных кризисных ситуаций, выход из которых сопровождался сменой стилей исторического мышления. В X–XI вв. мифологический стиль уступил место провиденциалистскому, авторитарно-прагматическому с элементами исторической рациональности. В XVIII в. формируется рационально-аксиологический, эмпирико-прагматический, в конце XVIII – начале XIX в. – рационально-теоретический, априорно-спекулятивный, в середине XIX в. – сциентистский, позитивистско-эмпирический, а в конце XIX в. складывается рефлексивный, теоретико-методологический стиль исторического мышления.

⁵⁸ Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. С. 4.

Представления об историческом источнике и собственно источниковедческие знания появляются в России в XVIII в. Эти знания еще не были научными, поскольку носили рецептурно-технологический и эмпирический характер. Научные знания формируются в источниковедении в связи с теоретико-методологической рефлексией в конце XVIII – начале XIX в. Это положило начало складыванию источниковедения в России как научной дисциплины. В середине XIX в. рационально-теоретическое источниковедение уступает место сциентистскому и внимание историков начинает сосредоточиваться на решении задач, связанных с эмпирическим обеспечением исторической науки и соответственно на разработке методических приемов изучения различных видов источников. Вместе с тем источниковедение начинает утрачивать статус самостоятельной научной дисциплины, превращаясь в номинацию для обозначения различных вспомогательных дисциплин, связанных с «приведением источников в известность» и их «исторической критикой». В начале XX в. наблюдается переориентация источниковедения с эмпирической проблематики на теоретическую, и методологическая рефлексия вновь «собирает» источниковедение в самостоятельную научную дисциплину.

Такая концепция развития источниковедения в России позволяет, с одной стороны, показать взаимосвязь его со стилями исторического мышления, а с другой – выявить влияние источниковедения на эти стили. Так, утверждение рационально-аксиологического, эмпирико-прагматического стиля исторического мышления сопровождалось осознанием необходимости установления достоверности исторических источников. Это привело к развитию первоначально на эмпирическом, а затем и теоретическом уровне таких направлений в источниковедении, как «эвристика», «экзегетика», «историческая критика». Рационально-теоретический, априорно-спекулятивный стиль исторического мышления не испытывал особой необходимости в критическом отношении к историческим источникам. Крайним проявлением этого в источниковедении был вообще сознательный отказ от внутренней критики источников. Сциентистский, позитивистско-эмпирический стиль исторического мышления создавал благоприятные предпосылки для развития научных источниковедческих знаний, но су-

губо эмпирического характера, что сопровождалось снижением общего теоретического уровня источниковедения. Рефлексивный, теоретико-методологический стиль исторического мышления вызвал в источниковедении в конце XIX – начале XX в. новый «теоретико-методологический бум», завершившийся превращением источниковедения в самостоятельную научную дисциплину.

В свою очередь развитие источниковедения оказывало влияние на стили исторического мышления. Так, достижения в области эмпирического и теоретического источниковедения в первой половине XIX в. способствовали кризису рационально-теоретического, априорно-спекулятивного стиля исторического мышления. Сциентистское источниковедение второй половины XIX в., первоначально укреплявшее позитивистско-эмпирический стиль исторического мышления, в конечном счете, привело его к кризису, который сопровождался распространением в историческом познании неокантианских идей, что способствовало формированию рефлексивного, теоретико-методологического стиля исторического мышления.

Работа А.П. Пронштейна позволяет провести также сравнительный анализ советской историко-научной литературы и историографических исследований в источниковедении во второй половине XX в. Если в 60–70-х гг. в историко-научной литературе преимущественное внимание уделялось анализу причин прерывности в научном познании, природе научных революций, то в 80-х гг. особое внимание стали уделять объяснению «механизмов» устойчивости и преемственности познавательной деятельности⁵⁹. В историографии источниковедения в 60–80-х гг. внимание уделялось в основном преемственности в истории источниковедения⁶⁰. Проблемы прерывности, смены парадигм, взаимодействия источниковедения и исторического познания на методологическом уровне в исследовательской практике, как правило, не рассматривались.

⁵⁹ *Касавин И.Т., Филатов В.П.* Преемственность знаний и научные революции. С. 199.

⁶⁰ *Николаева А.Т.* Методология и методика русского источниковедения в период его становления (к вопросу о преемственности) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: Изд-во МГИАИ, 1967. Т. 25. С. 48–52.

В историко-научных исследованиях того времени можно выделить три этапа в изменении основного содержания исторического описания науки. На первом этапе происходила преимущественно хронологическая систематизация успехов той или иной отрасли науки. На втором основное внимание уделялось описанию развития научных идей и проблем. Третий этап характеризовался усилением внимания к «человеческому элементу» науки⁶¹. В советском источниковедении в начале также занимались в основном описанием успехов в области отдельных вспомогательных дисциплин и частного источниковедения⁶². Затем стали появляться работы, посвященные описанию отдельных идей и проблем в истории источниковедения в России⁶³. Однако большого развития это направление в изучении истории источниковедения не получило. В советской историографии источниковедения особое внимание всегда уделялось «человеческому измерению» источниковедения⁶⁴. Это присуще и монографии А.П. Пронштейна, и историографическим исследованиям, посвященным отдельным этапам в развитии источниковедения в России и истории отдельных вспомогательных исторических дисциплин⁶⁵. Вместе с тем эти исследования, раскрывая роль «людей» в развитии источниковедения, показывали также необходимость изучения истории и «драмы» источниковедческих идей в России.

Критический анализ фундаментального исследования А.П. Пронштейна позволяет сделать вывод о том, что его результаты не утратила пропедевтического значения и в настоящее время в условиях методологического плюрализма, многообразия стилей исторического мышления, одновременного существования классической, неклассической, постмодернистской и неоклассической моделей исторического исследования и соответствующих им классического, неклассического, постмодернистского и нео-

⁶¹ Кузнецова Н.И. Наука в ее истории. С. 4–5.

⁶² Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. I. С. 550–568; Т. II. С. 575–614; Т. III. С. 565–586, 615–634.

⁶³ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.

⁶⁴ Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М.: Наука, 1970. 224 с.

⁶⁵ Николаева А.Н. Русское источниковедение XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 34 с.

классического источниковедения⁶⁶. Ретроспективная апелляция к истории источниковедения в России показывает прежде всего условность и относительность того или иного способа трактовки современных источниковедческих проблем, претендующего на то, чтобы быть универсальным и поэтому единственно правильным.

Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: тез. докл. III Всесоюз. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, 1979. 142 с.

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII – первая четверть XVIII века. М.: Наука, 1976. 425 с.

Антипов Г.А. Исторический источник и его функции в историческом познании // Проблемы исследования структуры научного познания. Новосибирск: [б. и.], 1970. 246 с.

Аракчеев В.А., Редин Д.А., Русина Ю.А. Не объяснить, а понять // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 277–295.

Асмус В.Ф. Маркс и буржуазный историзм // Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1971. 442 с.

Голиков А.Г. Рецензия: А.П. Пронштейн. Источниковедение в России. Эпоха капитализма // Вопросы истории, 1993. № 10. 179–180 с.

Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2. С. 19–30.

Еремин И.П. Повесть временных лет. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. 92 с.

Илизаров С.С. О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. 1984. М.: Наука, 1986. 324 с.

Ильин В.В. Проблема начала науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2. С. 31–42.

Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 3–31.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: учебник / под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1971. 458 с.

Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. 496 с.

Источниковедение: теоретические и методические проблемы / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1969. 511 с.

⁶⁶ Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. С. 18.

Источниковедение: учебное пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.

Казаков Р., Румянцева М. Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (РГГУ, 6 апреля 2013 г.) // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/39k.html>.

Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1974. 264 с.

Касавин И.Т., Филатов В.П. Преемственность знания и научные революции в контексте познавательных традиций // Диалектика. Познание. Наука. М.: Наука, 1988. С. 199–206.

Кацманов С.М. Русская дипломатика: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 230 с.

Ключевский В.О. И.Н. Болтин // Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. VIII. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 133–163.

Ковальченко И.Д. От редактора // Источниковедение в России. Эпоха феодализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 3–6.

Колесник И.И. Когда зародились историографические знания в России? Пути исследования проблемы // История СССР. 1989. № 4. С. 136–151.

Косминский Е.А. Историография средних веков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 430 с.

Кравец А.С. Традиции и инновации в становлении стиля научного мышления // Философия, естествознание, социальное развитие. М.: Наука, 1989. С. 161–197.

Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (Методологические проблемы). М.: Наука, 1982. 128 с.

Кукушкина Е.И., Логунова Л.П. Мировоззрение, познание, практика. М.: Политиздат, 1989. 303 с.

Лубский А.В. Рецензия: А.П. Пронштейн. Источниковедение в России. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989 // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 174–175.

Лубский А.В. Модели исторического исследования // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 295–298.

Лубский А.В., Пронштейн А.П. О некоторых вопросах методологии истории КПСС // Вопросы истории КПСС. 1977. № 6. С. 103–108.

Малиновский Б. Научная теория культуры: (фрагмент) // Вопросы философии, 1983. № 2. С. 116–124.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 т. М.: Издательство политической литературы, 1955. Т. 1. 698 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 т. М.: Издательство политической литературы, 1961. Т. 25. Ч. I. 546 с.

Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 98–119.

Мирзоев В.Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1978. 257 с.

Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 3–9.

Николаева А.Н. Русское источниковедение XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 34 с.

Николаева А.Т. Методология и методика русского источниковедения в период его становления (к вопросу о преемственности) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: Изд-во МГИАИ, 1967. Т. 25. С. 48–52.

Новые подходы к изучению истории: По материалам «круглого стола» в Институте всеобщей истории АН СССР, 25-26 октября 1988 г. // Общественные науки. 1989. № 2. С. 114–124;

Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. I. М.: Издательство АН СССР, 1955. 696 с.

Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. II. М.: Издательство АН СССР, 1960. 832 с.

Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. III. М.: Издательство АН СССР, 1963. 830 с.

Пашуто В.Т. А.А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 47–73.

Повесть временных лет / подготовка текста Д.С. Лихачева. Ч. 1–2. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 554 с.

Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1991. 472 с.

Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма / отв. ред. И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989. 416 с.

Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1971. 468 с.

Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1976. 480 с.

Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1986. 208 с.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.

Рубинштейн Н.Л. Летописный период русской историографии // Ученые записки Московского ун-та. М.: Изд-во МГУ, 1946. Вып. 2. С. 3–19.

Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978. 256 с.

Спенсер Г. Происхождение науки. СПб.: Типография И. Гольдбрга, 1898. 324 с.

Стрельский В.Н. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М.: Соцэкгиз, 1962. 603 с.

Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30–51.

Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М.: Наука, 1970. 224 с.

Шатино А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 241 с.

Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. 176 с.

Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 7–58.

Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М.: Языки славянских культур, 2012. 646 с.

Юдельсон А.В. Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» ввремя историографической «оттепели» // Образы историографии: сб. стй. М.: РГГУ, 2000. С. 147–172.

**«Исключительная для осмысления современности»:
проблема взаимодействия региональной власти
и профессионального сообщества историков***

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме взаимодействия корпорации историков и представителей региональной власти. Представлены результаты проведенного анкетирования региональной политической элиты города Омска, которые выявили отсутствие определенного механизма сотрудничества с профессиональным сообществом историков, фрагментарность в привлечении историков к проведению исторических мероприятий, но одновременно устойчивую направленность элиты на сотрудничество с научной корпорацией и выстраивание долговременных связей. Одновременно показана значимая роль профессионального научного сообщества вузовских центров в формировании и обновлении местной политической элиты, «производстве» исторического знания на региональном уровне.

Ключевые слова: корпорация историков, региональная власть, историческая память, образ региона.

М.А. Mamontova

**"Exclusive for comprehending modernity":
the problem of interaction between regional authorities
and the professional community of historians**

The article is devoted to the actual problem of interaction between the corporation of historians and representatives of regional authorities. The results of the survey of the regional political elite of the city of Omsk, which revealed the absence of a certain mechanism of cooperation with the professional community of historians, fragmented involvement of historians in carrying out historical events, but also the stable focus of the elite on cooperation with a scientific corporation and the building of long-term relationships are presented. At the same time, the important role of the professional scientific community of university centers in the formation and renewal of the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 17-11-55004-ОГН.

local political elite, the "production" of historical knowledge at the regional level is shown.

Key words: corporation of historians, regional authority, historical memory, image of the region.

Для современной отечественной исторической науки проблема советского наследия, а особенно воздействия политической власти на научное сообщество является одной из дискуссионных и часто обсуждаемых. Взаимодействие этих двух важных акторов, участвующих в формировании исторической памяти, вызвало наибольший интерес у отечественных и зарубежных историков, что стало предметом жарких споров ряда научных конференций¹ и круглых столов². На одной из них, состоявшейся в феврале 2010 г., В.А. Тишков обозначил один из аспектов данной проблемы: пределы домена историков и возможности власти. Как верно заметил докладчик, «профессиональные историки не могут считать себя исключительными владельцами знания прошлого без учёта общественных настроений, символических ценностей, группового достоинства, интересов формирования национального самосознания или идентичности»³, историки вынуждены учитывать подобные «вызовы времени». Но насколько возможен подобный компромисс?

По поводу сотрудничества и противостояния политической власти и научного сообщества историков вышли интересные исследования А.М. Дубровского⁴, Г.А. Бордюгова⁵, С.А. Кислицы-

¹ Конференция Национального комитета российских историков «История, историки и современное общество: в поисках взаимопонимания» (Москва, ноябрь 2010 г.); 28 и 29 апреля 2017 г. в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС состоялась международная научная конференция «Власть и общество: трансформации столетия (1917–2017 гг.)» и др.

² Ученый и власть: круглый стол, 12 ноября 2009 г. СПб.: СПбГУП, 2010; История, историки и власть: Круглый стол Франко-российского центра и РАН, 2 февраля 2010 г. М., 2010.

³ *Тишков В.А.* Выступление на международном круглом столе «История, историки и власть». Москва, 2 февраля 2010 г. // История, историки и власть: Круглый стол Франко-российского центра и РАН, 2 февраля 2010 г. М., 2010.

⁴ *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск, 2005. 800 с.

⁵ *Бордюгов Г.А.* Сообщество историков России: от прошлого к будущему // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 7–14; Бор-

на⁶, В.В. Тихонова⁷, коллектива омских авторов⁸ и других исследователей⁹. Основным предметом их исследования стала советская историческая наука, на примере которой авторы пытались показать разные варианты взаимодействия политической власти и ученых. Одни из них усматривали в данной взаимосвязи разрушение непосредственно научного знания, подмену его политическим заказом и партийными шаблонами¹⁰. Другие представляли взаимоотношения как сложный взаимовыгодный процесс, который, с одной стороны, позволяет власти контролировать воспроизводство научной элиты, а, с другой, – предоставляет ученым возможность принимать непосредственное участие в формировании

дюгов Г.И., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. 352 с.; Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. 1039 с.

⁶ *Кислицын С.А.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. Ростов н/Д., 2009. 538 с.; *Кислицын С.А.* Научная элита в системе политической власти. М., 2008. 282 с.

⁷ *Тихонов В.В.* Историки и советская власть в 1920–1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. 2014. № 19. С. 193–204; *Тихонов В.В.* Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров vs И.И. Минц (1949 г.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76–80.

⁸ *Корзун В.П., Кныш Н.А., Колеватов Д.М., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г., Свешников А.В.* Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х годов. М., 2011. 472 с.

⁹ Ученый и власть. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов // Человек. 2010. № 3; *Неретина С.С., Огуцов А.П.*, Институт философии (Российская академия наук). Подвладная наука? Наука и советская власть. М., «Голос», 2010. 814 с.; Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. 520 с.; *Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б.* Актуальные проблемы взаимодействия элиты и политической власти (на материалах истории науки России и США) // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2010. № 3. С. 73–84; *Федосеева К.В.* Историк и власть: формы взаимодействия на примере научной биографии д-ра ист. наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (1882–1958) // Актуальные проблемы новейшей истории и историографии. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(3). С. 112–116 и др.

¹⁰ *Бордюгов Г.И., Козлов В.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. 352 с.; Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. 1039 с.

государственной национальной политики¹¹. Более того, ученые нередко использовали властные механизмы для реализации собственных научных интересов: «Для достижения своих целей ученые старались убедить власти в необходимости финансировать научные проекты, подогревая их утилитарные настроения. В тех случаях, когда государственный бюджет становился единственным источником финансирования научных исследований, конкуренция внутри научного сообщества за покровительство власть предержащих неизбежно резко обострялась, а лоббирование научных проектов во властных структурах становилось необходимым для выживания»¹².

Тема, поднятая на всероссийском уровне, особо заинтересовала коллектив омских историков, который в рамках изучения изменения конфигурации и самоидентификации сообщества историков в интеллектуальном пространстве сибирского города (города Омска) в качестве одной из составных частей обозначил проблему взаимопонимания и противоречий региональной власти и научного сообщества в формировании исторической памяти горожан. К исследованию данного среза подтолкнули также юбилейные мероприятия (проведение 300-летнего юбилея основания города Омска, 100-летия революции и гражданской войны) и дискуссии, разгоревшиеся по поводу сохранения исторических памятников (памятник В.И. Ленину на одноименной площади), восстановления разрушенных (Воскресенского собора, Ильи-пророка и др.) и возведения новых (таких как памятник А.В. Колчаку).

Одна из задач проекта состояла в выяснении востребованности научного ресурса корпорации историков представителями региональной власти. Для этого было проведено анкетирование представителей местной политической элиты. Вопросы анкеты были сгруппированы в четыре раздела, первый из которых включал персональные данные анкетиремого (фамилия, имя, отчест-

¹¹ Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б. Актуальные проблемы взаимодействия элиты и политической власти (на материалах истории науки России и США) // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2010. № 3. С. 73–84; Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016. 424 с.

¹² Колчинский Э.И. Наука, власть и общество в периоды кризисов: историко-сравнительный анализ // Эпистемология & философия науки. Т. XV. № 1. С. 147.

во, дата и место рождения, место работы, название должности, образование по диплому), второй раздел выявлял уровень знакомства представителя региональной власти с корпорацией профессиональных историков (какие имена омских историков известны анкетированному, с кем из них он сотрудничает и по каким вопросам; название учреждений или организаций, связанных с производством научного исторического знания, в том числе по истории края), третий раздел был направлен на определение уровня взаимодействия местной власти с сообществом ученых-историков (по вопросам составления календаря значимых для региона исторических событий, по привлечению профессиональных историков к подготовке и проведению исторических мероприятий, в частности, недавно прошедшего 300-летнего юбилея города Омска) и, наконец, четвертый раздел предлагал представителям политической элиты высказать свое видение миссии историка в современном обществе, особенно в региональном срезе, и определить формы и направления сотрудничества с политической властью.

В анкетировании принял участие 21 человек, одна из анкет оказалась нерезультативной, так как респондент отказался отвечать на вопросы последних трех блоков, поэтому в обработке оказалось 20 анкет. Среди анкетированных были представители местной власти городского и регионального уровней: Городской совет, Министерство образования Омской области, Главное управление внутренней политики Омской области, Министерство культуры Омской области, Министерство по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области, Администрация г. Омска, Департамент образования г. Омска и др. Опрос проводился в период кардинальной смены политических элит, связанной на муниципальном уровне с проведением выборов мэра г. Омска¹³, на региональном уровне – с назначением временно исполняющим обязанности Губернатора Омской области¹⁴. Это обстоятельство значи-

¹³ В ноябре 2017 г. впервые в современной истории г. Омска проходили выборы его главы не путем всенародного голосования, а на заседании городского Совета. И впервые же на эту должность была избрана женщина – Оксана Николаевна Факина, чья биография и профессиональная деятельность были тесным образом связаны с Омском.

¹⁴ 9 октября 2017 г. временно исполняющим обязанности губернатора Омской области до проведения выборов в сентябре 2018 г. был назначен Алек-

тельно затруднило сбор необходимой информации, потому как старая администрация города и области, покидая свои посты, отказывалась давать интервью, либо, оставаясь на своих местах, крайне неохотно шла на диалог в новых политических условиях; новая же команда либо еще не имела опыта административной работы и не могла предметно ответить на поставленные вопросы, либо также проявляла осторожность в анкетировании. Выборка для проведения опроса носила случайный характер, тем не менее, здесь можно выделить некоторую закономерность. Во-первых, по гендерному признаку респонденты разделились ровно пополам: 10 мужчин и 10 женщин. Во-вторых, также поровну распределились представители региональных и городских властей. В-третьих, среди респондентов, получивших высшее образование впервые, оказалось 7 выпускников ОмГУ им. Ф.М. Достоевского¹⁵ и 7 выпускников ОмГПУ (ОГПИ)¹⁶. По возрастному составу в выборку попала наиболее активная часть трудоспособного населения: 12 человек 1970–1980-х гг. рождения, 6 человек – 1950–1960-х гг., 2 человека – 1990-х гг. Причем большая часть из них родилась в городе Омске (7 человек) или Омской области (5 человек)¹⁷. Как мы видим, большинство из представителей власти являются коренными омичами, получившими образование в двух крупных омских университетах с гуманитарных профилем. Возможно, эти обстоятельства повлияли на содержание ответов, на выбор фамилий ученых-историков и учреждений, связанных с формированием исторической памяти горожан. Однако, доля историков среди

сандр Леонидович Бурков, ранее депутат Государственной думы V, VI и VII созывов (2007–2017), председатель Свердловского регионального отделения политической партии «Справедливая Россия», член и первый заместитель председателя фракции «Справедливая Россия».

¹⁵ Среди респондентов восьмой выпускник ОмГУ им. Ф.М. Достоевского получал второе высшее образование.

¹⁶ Также среди респондентов оказались два выпускника ОмГТУ, один – ОмГАУ, один – СиБАДИ, один – Алтайского государственного университета, один – Уральского государственного университета, причем последний из них получал второе образование на историческом факультете ОмГУ.

¹⁷ При этом 6 человек в ходе анкетирования не указали место своего рождения. Из них двое, согласно информации из других источников, родились в Омске. Из всех опрошенных удалось установить только двоих, приехавших в регион из Башкортостана и Петропавловска.

опрошенных составляет всего 45–55 % (9 человек по первому образованию «Историк» или «Преподаватель истории», 2 – по второму образованию).

Второй раздел определял уровень знакомства представителей местной политической элиты с научным сообществом историков и его институтами. Четверо из анкетированных отказались отвечать на вопрос об известных им историках, причем среди них были как выпускники исторических факультетов, так и неисторики. Среди часто упоминаемых историков Н.А. Томилов (назвали 8 респондентов), П.П. Вибе (6), А.П. Сорокин (6), Б.А. Конилов (4), А.В. Ремизов (4), В.Г. Рыженко (4)¹⁸. Широта поставленного вопроса позволяла респондентам вспоминать в первую очередь своих наставников по университету, а также своих коллег и тех, с кем установлено тесное сотрудничество (например, Н.А. Томилов – президент Ассоциации этнографов и антропологов России, председатель Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Министерстве культуры России, председатель Омского областного отделения Российского фонда культуры, П.П. Вибе – директор ОГИК музея). Однако, круг тех историков, с которыми установлено тесное сотрудничество, был уже более узким. Сюда попали руководители музеев, центров, активные участники исторических мероприятий, такие как П.П. Вибе (5), А.В. Ремизов (4), А.П. Сорокин (6). Об этом свидетельствует и форма их сотрудничества: подготовка коллектив-

¹⁸ В скобках указано количество респондентов, назвавших историка. Алисов Д.А. (2), Ахметова Ш.К. (2), Балакин Ю.В. (2), Безродная О.А., Бударин М.Е., Бычков С.П. (2), Валиханов Ч., Величко С.А., Вибе П.П. (6), Волошина В.Ю., Горелова Н.М., Жигунова М.А., Жук А.В., Золотова Т.И., Касьян А.К., Кожевин В.Л., Козлова Н.И., Колесников А.Д., Конников Б.А. (4), Коновалов И., Корзун В.П. (3), Крих С.Б., Кротт И.И., Лосунов А.М. (2), Мальшенко Г.И., Мамонтова М.А. (3), Матюшенко В.И. (3), Минжуренко А.В. (2), Мулина С.А., Новиков С.В. (3), Палашенков А.Ф., Петин Д.И., Потемин Г.Н., Ремизов А.В. (4), Ремнев А.В. (2), Родионов Ю.П., Ротермель Л.Р., Рыженко В.Г. (4), Сатретдинов Г.К., Свешников А.В., Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Селюк В.И., Скандарков И.Е. (2), Смирнова Т.Б. (3), Соловьев А.А., Сорока С.Н., Сорокин А.П. (6), Сорокин Ю.А. (3), Талапин А.Н., Татауров С.Ф. (2), Титов Е.В., Толочко А.П. (3), Томилов Н.А. (8), Худорожков И.В., Худяков В.Н. (3), Чуркин М.К. (3), Чуркин К.А. (2), Шепелева В.Б. (3), Штырбул А.Н., Ядринцев Н.М., Якуб А.В., Яшин В.Б. (2).

ных монографий и учебных пособий, проведение совместных мероприятий (конференций, семинаров, лекториев, круглых столов), консультационная поддержка. Причем сфера сотрудничества была весьма разнообразна: по вопросам национальной политики и религии, истории Среднего Прииртышья, сохранения объектов культурного наследия, развития системы государственного управления, краеведения, археологии и этнографии, истории политических движений, в профориентационной деятельности и олимпийском движении, даже в области развития туризма.

Количество институтов, о которых упоминают респонденты в анкетах, не столь многочисленно, как количество имен историков. Вырисовывается ограниченный круг учреждений, с которыми анкетированные связывают производство научного исторического знания, в том числе по истории края. Среди них упоминаются как научно-исследовательские и академические центры (Омский филиал ФГБУН Институт археологии и этнографии СО РАН, Сибирский филиал ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева»), так и библиотеки (Библиотека им. А.С. Пушкина), архивы (БУ ОО «Исторический архив Омской области»), музеи (Историко-краеведческий музей, Музей им. М.А. Врубеля, музей Просвещения), вузы. Причем представители политической элиты акцентировали внимание не только на традиционных институтах, но и на новых быстро развивающихся центрах, таких как Центр изучения истории Гражданской войны, Исторический парк. Интересно, что в ответах на вопрос: «Какие учреждения, по Вашему мнению, играют значимую роль в изучении истории края», – чаще упоминались местные неформальные и формальные институты, чья деятельность самым тесным образом связана с изучением и реконструкцией истории края (Общество коренных омичей, Губернаторский яхт-клуб, Комплекс «Омская крепость», Омское отделение РГО, Тарская районная общественная организация «Историко-краеведческий центр «Тарский уезд») и др.)

Но основную функцию в формировании исторической памяти горожан, особенно краеведческих знаний, респонденты все-таки возлагают на высшие учебные заведения (исторические факультеты и кафедры при них), упоминание о которых имеется в

каждой анкете. Среди всех названных институтов лидируют два гуманитарных вуза в регионе: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (о нем в своих анкетах упомянули 12 респондентов) и ОмГПУ (10 респондентов).

Третий раздел анкеты выявил очень интересную закономерность в особенностях взаимодействия местной власти с сообществом ученых-историков. В первую очередь у большинства респондентов вызвал затруднение вопрос о том, кто «составляет календарь исторических дат, юбилеев, значимых событий для истории города и области». Лишь пятеро из анкетированных сразу же назвали Библиотеку им. А.С. Пушкина, четверо упомянули ее наряду с другими учреждениями (Историческим архивом, Историко-краеведческим музеем, специальными отделами Администрации города и области), остальные затруднились ответить на этот вопрос однозначно. При общей неосведомленности о том, кто же составляет план подобных мероприятий для города и области, представители местных властей практически единодушно отметили, что ни разу не обращались за помощью к историкам при планировании исторических мероприятий¹⁹, однако, охотно привлекали историков к разного рода работам: экспертная деятельность, консультирование, проведение конференций, семинаров, форумов, экскурсий, редактирование и написание энциклопедических статей²⁰. Но такие формы сотрудничества отметила только половина из анкетированных, остальные по роду своей деятельности либо не привлекали историков, либо не задумывались о таких формах взаимодействия.

Закономерность же просматривается в том, что три четверти из анкетированных отметили высокую (даже с перечислением кон-

¹⁹ Только в одной из 20 анкет упоминается привлечение А.П. Сорокина при составлении плана исторических мероприятий.

²⁰ В одной из анкет представитель политической элиты поделился планами развития подобного рода сотрудничества: «... в настоящее время в Историческом парке разрабатывается ряд проектов, к реализации которых планируется привлечь омских историков как на этапе планирования (в составе рабочей группы), так и на этапе реализации, в частности, в качестве гостей «Омской гуманитарной школы» и научного клуба для школьников «Наследие». Оба проекта позволят объединить интересующуюся историей молодёжь и наладить контакт между ними и ведущими историками региона. По сути, сверхзадача – консолидация усилий по «выращиванию» нового поколения исследователей региона».

кретных достижений) роль в организации и проведении 300-летнего юбилея города Омска. В основном указывали на публикаторскую деятельность историков, на их неоценимый вклад в открытие и введение в научный оборот ценных исторических источников по истории региона, на установку исторических памятников. Лишь немногие (двое из 20) обратили внимание на популяризаторскую функцию историка, связанную с презентацией профессионального исторического знания в СМИ, на дискуссионных площадках и т. д. Столько же респондентов подчеркнули, что как раз в этой сфере в ходе юбилейных мероприятий историки себя никак не проявили.

Последний из разделов предлагал анкетировемым самостоятельно предложить необходимые формы сотрудничества с научным сообществом, а также охарактеризовать миссию историка в современном мире, особенно в срезе региональной политики. И именно данный раздел вызвал наиболее эмоционально окрашенную и детализированную оценку со стороны представителей политической элиты. Наряду с традиционными, уже существующими формами взаимодействия (публикация исследований, консультирование, сохранение памятников культуры, профилизация: проведение олимпиад, конкурсов) предлагались и нетрадиционные (проведение мероприятий для молодежи, проведение совместных грантов, включение специалистов-историков в органы государственной власти, отвечающие по своему профилю за сохранение культурного наследия, внутреннюю политику и межнациональные отношения, образование и воспитание патриотизма), а порой даже неожиданные для ученого-историка формы сотрудничества (организационно-кадровая, для формирования лица города и области, которое будет понятно и интересно не только гостям, но и самим омичам, локальная территориальная самоидентификация омичей и жителей Омской области). Интересно было услышать от чиновников те мысли, которые в тренде у самих историков, например, как «изучение роли личностей в развитии области».

И, наконец, самый популярный вопрос в данной анкете о миссии историка. Представители политической элиты охотно делились своим видением предназначения историка в современном обществе. Помимо сохранения и приумножения исторического

знания, истории региона, трансляции исторического опыта и патриотического воспитания, респонденты указывали на формирование исторического самосознания общества, миропонимания подрастающего поколения, на что обращает внимание и профессиональное историческое сообщество. Примечательно, что в данных ответах звучало не потребительское отношение к профессии историка, а глубокое понимание роли этого представителя науки в развитии современного социума, его самоидентификации. И в этом отношении оказалось весьма уместным сравнение профессии историка со «стратегическим оружием», которое не только обеспечивает нравственную духовную безопасность нации, но и формирует «интересную, увлекательную и – самое главное – очень полезную для повседневной жизни людей информационную среду».

Последние два раздела позволили увидеть, что представители политической элиты отводят историку важную роль в жизни региона, но при этом слабо используют этот потенциал, не имея хорошо отработанных методов сотрудничества с профессиональным сообществом. Но политическая элита готова к диалогу, предлагает свои формы взаимодействия, осознает многогранную и неповторимую миссию историка. Причем такое видение предназначения ученого-историка близко к взглядам самого профессионального сообщества. Эти общие основания далеко не случайны, ведь сама политическая элита сформировалась в тех научных центрах, в которых происходит «производство» исторического знания, в которых идет трансляция модели поведения профессионального историка, его миссии в научном сообществе и вне его.

Г.П. Мягков, Л.А. Сыченкова

**Русская медиевистическая культурология:
опыт актуализации непризнанного наследия**

В статье исследуется становление и развитие российской медиевистической культурологии первой трети XX в. Авторы расширяют границы традиционной историографии и истории культурологии, обращаясь к наследию таких российских и советских историков, искусствоведов, культурологов, как П.М. Бицилли, Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин, И.И. Иоффе, Ф.И. Шмит. Переосмысливается существующее представление о «провинциальности» русской медиевистической культурологии и показывается реальное место ее в ряду направлений культуральной истории XX века.

Ключевые слова: медиевистическая культурология, историография, история культурологии, теория искусства, визуальные источники, культурно-исторический синтез, Ф.И. Шмит, П.М. Бицилли, Л.П. Карсавин, Н.И. Кареев, И.И. Иоффе.

G.P. Myagkov, L.A. Sychenkova

**Russian medieval cultural studies:
experience of recovering unrecognized heritage**

The present article is dedicated to the genesis and development of Russian medieval cultural studies in the early 20th century. The authors expand the borders of traditional historiography and history of cultural studies by referring to the legacy of such Russian and soviet historians, art historians and cultural historians as P.M. Bitsilli, N.I. Kareev, L.P. Karsavin, I.I. Ioffe, F.I. Shmidt. They reconsider the existing tradition to describe Russian medieval cultural history as “provincial”, and demonstrate its real position in cultural history of the 20th century.

Key words: medieval cultural studies, historiography, history of cultural studies, theory of art, visual sources, cultural and historical synthesis, P.M. Bitsilli, N.I. Kareev, L.P. Karsavin, I.I. Ioffe, F.I. Shmid.

«...должно думать о культуре, когда постоянно слышишь о ее сумерках, о наступающей ночи..., когда происходит роковой перелом истории, кризис быта и кризис мирозерцания, всеобщий надрыв».

*И.М. Гревс*¹

В современном историческом и историографическом знании проблема изучения культуры стала одной из животрепещущих. Дань ей в XX веке отдали крупнейшие западные ученые многих исторических школ. Достаточно вспомнить работы Ж.Ле Гоффа, Ж. Дюби, К. Гинзбурга, Й. Хейзинги, Н.З. Дэвис, В. Вжозека, К. Томаса, П. Берка, Ж.-К. Шмитта и др. И когда зарубежная историография стала предметом пристального внимания, получила значительную литературу, было бы верхом несправедливости не обратить взоры на происходившее в этой области знания в отечественной науке. Оригинальные концепции, творческие достижения российских исследователей культуры до настоящего времени не обрели достойного места в истории культурологии². Преодоление такого несправедливого отношения возможно только в результате системной работы по осмыслению и популяризации наследия российских историков культуры, как в нашей стране, так и за рубежом.

Периферийное положение российской медиевистической культурологии³ стало результатов противоречивого развития историографического знания в советское время. Осмысление этой ситуации было предложено А.Я. Гуревичем, когда в начале 1990-х годов он поставил вопрос о кризисе исторической науки и обратил внимание на то, что в русской дореволюционной историографии существовали «две ведущие школы медиевистических исследований». Наряду со «школой аграрной истории» (П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Н.И. Кареев, А.Н. Савин и др.), которая имела «более счастливую судьбу», он выделил «шко-

¹ Цит по: Корзун В.П., Свешников А.В. Третий угол (И.М. Гревс в пространстве переписки «Из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 175–187.

² Или «культурального», как называют эту область гуманитарного знания на Западе. См.: Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

³ Подобные процессы происходили.

лу», «представители которой сосредоточивались на изучении истории религии и церкви, средневековой культуры...»⁴ и, создав оригинальные концепции, результатами изысканий «отчасти превосхитили то направление исследований, которое утвердилось на Западе после окончания второй мировой войны»⁵.

Естественно, что в новых условиях, начиная с 90-х гг. прошлого века именно творческое наследие представителей этой «школы» стало активно изучаться. С новаторскими работами выступили российские (А.Л. Ястребицкая, Б.С. Каганович, А.В. Свешников, Б.Е. Степанов, К.В. Бамбизова и др.), украинские (И.В. Голубович, О.А. Довгополова, Т.Н. Попова и др.), болгарские (М. Велева, Т.Н. Галчева и др.) историографы, но то были работы персоналистского характера⁶. Одновременно в исследованиях Ю.М. Лотмана, М.С. Когана, С.И. Иконниковой, Е.В. Устюговой, Ю.А. Муравьева и др. были предложены подходы, нормы и правила описания культурологических теорий.

Перед исследователем историографии темы истории культуры, прежде всего, предстает задача определить предмет исследования и его «идеологию». Главная трудность здесь – найти критерий различения и определения конфигурации того научного сообщества, работа которого – вернемся к определению А.Я. Гуревича – превосхитила направление исследований западноевропейских историков культуры в XX веке. Таким критерием – с точки зрения науковедения – может рассматриваться наличие или отсутствие единства / различия концепций ученых на основании того, как они в своем творчестве выдвигали и сознательно реализо-

⁴ Гуревич А. Европейское средневековье и современность // Европейский альманах. 1990. М., 1990. С. 139.

⁵ Там же.

⁶ Одним из своеобразных проявлений «антропологического поворота», актуализировавшего интерес к «человеческому измерению» в интеллектуальной истории, стало возникновение, говоря словами Т.Н. Поповой, «относительно автономных, полидисциплинарных по структуре и многонациональных по составу репрезентантов направлений в области гуманитаристики», обращающихся к изучению биографий и творчества отдельных ученых (Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. С. 277). В результате сформировалось бициллиеведение (см.: Попова Т.Н. Указ. соч. С. 277–327); утвердились и понятия ковелевскоеведение, карееведение и т. п.

ывали принцип синтетического рассмотрения культурных феноменов, т. е. во взаимодействии, взаимосвязи всех сфер духовной жизни, историческое бытование которых коррелируется целым комплексом факторов. При этом важно не просто «выхватить» наиболее значимые фигуры, а представить панораму процесса становления и развития российского историко-культурного знания. Важно проследить процесс превращения русской науки из «принимаемой» в «транслирующую» (категории Ю.М. Лотмана).

До сих пор поставленная проблема осмысливалась на уровне предчувствия, интуитивно, а потому – фрагментарно. Чтобы выйти на современный уровень развития историографии, надо держать в поле зрения и исследовать по меньшей мере две взаимосвязанные «сферы» культурологического знания: 1) западноевропейские историко-культурные концепции XIX – начала XX в.; 2) собственно отечественное культуроведение второй половины XIX – начала XX в. Разумеется, в поле исследователя оказывается невероятно большой объем исследовательских задач: реконструкция биографий ученых, выяснение интеллектуальных источников формирования концепций тех или иных гуманитариев, анализа процесса институционализации центров историко-культурной мысли и т. п. Такое понимание задач не может не нацеливать на значительную работу не только с текстами историков, но и на работу в архивах.

Русскую медиевистическую культурологию принято рассматривать как «отзвук» западноевропейской культурологической мысли. Цель данной статьи – напоминание о значении для мировой науки целой серии открытий и предвосхищений русских гуманитариев, сделанных в области медиевистики в течение короткого временного промежутка: приблизительно в 1910–1930-е гг.

Контекст русской медиевистики этого времени был гораздо шире узких предметных рамок, описываемых в советской историографии. Поскольку история культурологии – синтетическая область знания, то в нее, вероятно, следует включать не только концепции и достижения классических медиевистов (В.И. Герье, Н.И. Кареева, С.М. Корелина, И.М. Гревса, Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рожественской, Г.П. Федотова, П.М. Бицилли, А.Г. Вульфiusa, А.И. Хоментовской и др.), но и историософов (Н.А. Бердяева, А.В. Флоровского, С.Л. Франка, П.Б. Струве, М. Гершензона и др.), историков и теоретиков искусства

(Ф.И. Шмита, И.И. Иоффе, А.К. Дживелегов и др.), литературоведов (Александра и Алексея Веселовских, Ф.Ф. Зелинского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, В.Ф. Шишмарева, М.М. Бахтина и др.)⁷. Необходимо учитывать и то, что к рубежу XIX–XX в. набирает силу тенденция переориентации от изучения политической истории к изучению социальной истории и проблем культуры⁸. Заслуживает быть актуализированным зафиксированный в историографии факт, что «в 1896 г. два выдающихся историка, К. Лампрехт в Германии и П.Н. Милюков в России, независимо друг от друга объявили о новом направлении исторической науки. Для обозначения этого направления оба историка выбрали новый термин – "культурная история"»⁹.

Названное значительно раздвигает границы интеллектуального пространства, в пределах которого решались проблемы медиевистики, коррелирует сложившиеся представления о существовавших междисциплинарных связях в гуманитарном сообществе. Такой подход позволяет обратиться к именам ученых, предложивших синтетический подход при рассмотрении культурных феноменов прошлого, в том числе и западноевропейского Средневековья.

Ретроспективное осмысление особого этапа в развитии культурно-исторических исследований в России позволит доказать удивительное созвучие, совпадение, параллелизм в направлении исследований, а иногда – и значительное опережение русскими учеными достижений и открытий представителей знаменитых европейских научных школ¹⁰.

⁷ Нельзя не обратить на условность отнесения названных ученых к означенным дисциплинарным группам. Так, «литературовед» М.М. Бахтин (что верно: он исследователь языка, эпических форм повествования, создатель теории европейского романа и т. д.) – это и выдающийся русский философ, культуролог, теоретик и историк культуры и искусства.

⁸ Анализ возникновения и развития «культурно-исторического направления» см.: *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. М., 1974. С. 106–112, 125–127, 310–315.

⁹ *Корзун В.П., Вандалковская М.Г.* Исторические взгляды П.Н. Милюкова // *Очерки истории отечественной исторической науки XX в.* / под ред. В.П. Корзуна. Омск, 2005. С. 83.

¹⁰ Если согласиться с утверждением Б.С. Когановича о том, что «русскую медиевистическую культурологию первых десятилетий XX века (Бицилли, Кар-

Забытые концепции

Из всего спектра концепций, обогативших, на наш взгляд, медиевистическую культурологию в России, мы выбираем для анализа наследие авторов: Н.И. Кареева, И.М. Гревса, П.М. Бицилли, Ф.И. Шмита, И.И. Иоффе. Имена трех первых уже вошли в когорту российских медиевистов и русской историографии в целом, хотя их культурологические исследования, как теоретического, так и исторического плана, осмыслены с разной степенью полноты и глубины.

Наследие историка и теоретика искусства Ф.И. Шмита (1877–1937) и историка культуры И.И. Иоффе (1888–1947), с точки зрения их вклада в медиевистическую культурологию, практически не изучено¹¹. Оба были гуманитариями широкого научного диапазона и высокой эрудиции. Одной из особенностей их творчества являлась способность свободно «мигрировать» из византиноведения в искусствознание, из теории культуры в медиевистику в

савина, Добиаш-Рождественскую, Хоментовскую) следует включать в ...глобальный контекст "Анналов"» (*Каганович Б.С.* П.М. Бицилли и его книга // *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. XVI–XVII). Б.С. Каганович ссылается на книгу: *Burke P.* The French Historical Revolution. The Annales School 1929–1989. Stanford, 1990. См. также: *Ястребицкая А.Л.* Историк-медиевист – Лев Платонович Карсавин (1882–1952): аналитический обзор. М., 1991. С. 12.

¹¹ Надолго забытое, оно оставалось известным только узкому кругу специалистов. Как и труды П.М. Бицилли, книги Ф.И. Шмита и И.И. Иоффе не лежали в спецхранах библиотек, не были под запретом. Причины их невестребованности в советское время были связаны, говоря словами Т.Н. Поповой, с «трагическим модусом» их биографий (*Попова Т.Н.* Указ. соч. С. 276), в том числе с явлениями идеологического порядка: один из ученых – Петр Бицилли – эмигрировал по политическим соображениям в 1920 г. из России, второй – Федор Шмит – был расстрелян по ст. 58 УК как «враг народа» в 1937 г., третьему – Иеремии Иоффе – «повезло» чудом избежать репрессий и умереть «вовремя» – в 1947 г. По признанию Б.М. Бернштейна, «если бы Иоффе не умер от сердечного приступа в 1947 г., два года спустя ему бы, наконец, досталось за все хорошее. Порой даже ранняя смерть на фоне удавшейся карьеры – это подарок судьбы. ...Ставлю сто против одного, что в последующие годы И.И. был бы царской жертвой сразу на двух алтарях – идеологического террора и антисемитской истерии» (письмо Б.М. Бернштейна Л.А. Сыченковой от 28.02.2015 г. Лос-Анджелес (личный архив Л.А. Сыченковой). Другой причиной забвения и столь запоздалой научной реабилитации была «неактуальность» культурной тематики в советском гуманитарном знании до конца 1980-х гг.

процессе создания обобщающих теорий культурно-исторического развития. Так, Ф.И. Шмит начинал как византист, будучи учеником академика Ф.И. Успенского и одновременно исполняя обязанности ученого секретаря Российского Археологического института в Константинополе¹². Затем интерес к искусству и стремление установить законы, логику развития художественно-исторического процесса привели ученого к созданию новой теории эволюционно-циклического развития искусства¹³. И.И. Иоффе представил свою теоретическую концепцию в 1927 году. Говоря об интеллектуальных источниках, под влиянием которых формировалось научное мировоззрение И.И. Иоффе, следует указать, что в Психоневрологическом институте, в котором он учился в 1916–1918 годах, преподавали такие выдающиеся русские историки, как М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле. Психологию мифа и первобытных верований студентам читал Д.Н. Овсяннико-Куликовский, общую психологию – профессор А.Ф. Лазурский. Одновременно с И.И. Иоффе в институте учились П.А. Сорокин, Д.А. Кауфман (Дзига Вертов), М.Е. Кольцов, Исаак Бабель, Л.М. Рейснер и др. В 1933 году синтетическая теория развития искусства И.И. Иоффе была проиллюстрирована многочисленными примерами из истории мировой культуры. К конкретным проблемам позднего немецкого Средневековья Иоффе обратился в 1937 году, в это же время вышел в свет его «усовершенствованный» вариант теории «синтеза искусства»¹⁴.

Новаторская методология и культурно-исторические теории этих ученых соединяют почти незримые нити с оригинальной

¹² См.: *Шмит Ф.И.* Кахриэ-Джами. 1. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаика нарфигов. Альбом к XI тому. Худ. Н.К. Клуге // Известия русского археологического института в Константинополе. 1906.

¹³ Этапами становления и развития концепции ученого можно считать четыре произведения: *Шмит Ф.И.* Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусства. Вып. 1. Харьков, 1916; *Его же.* Искусство – его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919; *Его же.* Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925; *Его же.* Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1928.

¹⁴ См.: *Иоффе И.И.* Культура и стиль. Л., 1927; *Его же.* Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. Л., 1933; *Его же.* Мистерия и опера. (Немецкое искусство XVI–XVIII вв.). Л., 1937; *Его же.* Синтетическое изучение искусства и звуковое кино. Л., 1937.

медиевистической концепцией П.М. Бицилли (1879–1953), яркого представителя Новороссийского университета, «одесской школы историков» (определение В.И. Пичеты¹⁵). Хотя прямых контактов между этими учеными не было, жизненные пути их практически не пересекались, книги друг друга, вероятнее всего, они и не читали, но сравнительное рассмотрение системы доказательств их концепций позволяет установить удивительную филиацию идей. Трансляция мыслей и подходов, тем не менее, могла происходить через опосредованные связи. На формирование научного мировоззрения П.М. Бицилли значительное влияние оказал В.Э. Крушман: ученик И.М. Гревса, он не только заинтересовал П.М. Бицилли историей итальянской культуры, но и повлиял на выработку его исходных теоретических позиций¹⁶. Ближайшим же другом И.И. Иоффе на момент написания его главной книги по культуре позднего Средневековья в Германии был ученик П.М. Бицилли, известный советский медиевист и историограф О.Л. Вайнштейн (1894–1980)¹⁷. Аналогичные совпадения в примерах из художественной культуры Средневековья можно обнаружить в трудах Ф.И. Шмита и П.М. Бицилли.

Генетическая общность методологии гуманитариев – искусствоведов и медиевистов – проявлялась в том, что все эти исследователи разгадку своих научных проблем искали в *психологии мышления*. Надо сказать, что в этот период интеллектуальное пространство вокруг русских гуманитариев и медиевистов было заполнено неподдельным интересом к новейшим достижениям отечественной и зарубежной психиатрии и психологии. Объясняя причины удивительного соединения в историко-искусствоведческих исследованиях психологических подходов к изучению культурных феноменов, следует учитывать значительные успехи в развитии теоретической и экспериментальной психиатрии в Рос-

¹⁵ О нем см.: *Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009.

¹⁶ См.: *Попова Т.А.* Указ. соч. С. 58.

¹⁷ См.: *Сыченкова Л.А.* Петр Бицилли – Осип Вайнштейн – Иеремия Иоффе: линия преемственности культурологических идей в советской медиевистике и культурологии // Curriculum Vitae. Вып. 2. Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С. 71–79.

сии¹⁸. Бицилли и Иоффе считали изобразительное искусство «ключом» в понимании специфики средневекового мышления и культуры в целом¹⁹. Избранный ими путь позволял переводить способы осмысления прошлого с сугубо *рационального* на *эмоциональный* уровень, что обеспечило им прорывы и неожиданные объяснения важнейших феноменов средневековой культуры. Для доказательства предложенной гипотезы обратимся к фактам малоизвестным или недостаточно осмысленным отечественным гуманитарным знанием.

Особенностью российской исторической мысли конца XIX – начала XX вв. было то, что культурная детерминанта считалась большинством историков в качестве ведущей «силы истории», что игнорировалось в историографии при попытках отнесения тех или иных исследователей к различным историографическим направлениям. Фонообразующим началом раннего «культурологизма» российских историков являлась богатая философская традиция в России, особенно традиция универсалистской философии, философии космизма и т.д. (В.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, С.Н. Булгаков и мн. др.). «Русская социально-философская мысль первой половины XX в. – сделали принципиально важный вывод Б.В. Емельянов и А.И. Новиков, – глубоко исследовала проблемы культуры в целом, ее место в современном мире. Эти размышления о культуре были первыми в мировой философской мысли, они во многом предопределили культурологические работы виднейших западных мыслителей, таких как О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер»²⁰.

Современные историографы привычно обходят вниманием тот факт, что русские ученые почти одновременно с западными коллегами начали осваивать ментально-психологический метод изучения культурных феноменов. До сих пор неосмысленным историографическим феноменом остается сам факт использования российскими культурологами французского термина «менталь-

¹⁸ См.: Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951.

¹⁹ Очевидно, что И.И. Иоффе интерес к специфике художественного мышления вырабатывал под влиянием своего первоначального психиатрического образования, полученного, как указывалось, в Психоневрологическом институте.

²⁰ Емельянов Б.В., Новиков А.И. Русская философия серебряного века. Екатеринбург, 1995. С. 189.

ность» уже в начале XX века. Например, Н.И. Кареев предугадал проблематику, с блеском развернутую историками третьего поколения школы «Анналов», поставив на первый план для всякого историка изучение так называемой ментальности, психического строя личности и формирующейся на этой основе культуры. Он заговорил об исторической психологии и даже о ментальности²¹: «...духовная культура, – подчеркивал ученый, – имеет чисто ментальное (умственное) существование, т.е. имеет бытие лишь во внутреннем мире человека, в его уме»²². Субъективный духовный мир человека (т.е. интерментальный) – это представления, образы, понятия, и их знаки и символы. Новый подход к культуре был выражен в следующем примере: «Пусть не говорят, что носительницами его (мира представлений, образов и понятий – Г.М., Л.С.) бывают и книги, которые, в сущности, играют роль одного из способов интерментального общения: книга есть не что иное, как способ передачи одним человеком другому известного интерментального содержания»²³. В более ранних работах Н.И. Кареева²⁴ в предлагаемых определениях «культурной группы» в качестве структурообразующего элемента называл некое «духовное единство». Впоследствии это абстрактное понятие будет заменено на более емкое – «ментальность», которому Н.И. Кареев не находил эквивалента в русском языке.

Признание факта использования российскими историками термина «ментальность» уже в начале XX века меняет существующие представления о том, что понятие это появилось в российской научной и общественной лексике разве что в конце 1970-х гг. Современный французский историк Ж. Ревель утверждает, что понятие «ментальность» впервые употребил Л. Леви-Брюль в 1910–1913 гг.²⁵ Заметим, что во французской историографии, настаиваю-

²¹ См.: Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 11–18.

²² Там же. С. 16.

²³ Там же.

²⁴ См.: Кареев Н.И. Формула прогресса в изучении истории // Варшавские университетские известия. 1879. № 3. С. 1–14; *Его же*. Основы философии истории. Т. I–II. М., 1883; *Его же*. Философия культурной и социальной истории нового времени. СПб., 1893 и др.

²⁵ Ревель Ж. История ментальностей: Опыт обзора // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. М., 1993. С. 51. Ж. Ревель

щей на своем приоритете в разработке понятия «ментальность», нет единства по вопросу о том, когда и кем оно было введено в научный оборот²⁶.

В русской медиевистике тогда же И.М. Гревс предложил свое определение понятия «миросозерцание». Он формулирует его как «сложную систему взглядов и идей», отражающих разные формы (способы) мышления (религиозное, художественное, мифологическое, рационалистическое, обыденно-бытовое)²⁷ и типы мышления разных социальных групп (не только богословов и теоретиков, но и народных масс)²⁸. Именно в таком виде миросозерцание может стать объектом исследования. И.М. Гревс писал, что «внутри средних веков слагалось много типов мировоззрений, но... единого средневекового миросозерцания никогда не существовало ...параллельно развивались различные типы мышления, приводившие к неодинаковым построениям, работавшие неодинаковыми средствами и приемами»²⁹. Уже тогда он обращал внимание исследователей на то, что для создания более реалистично-

имеет в виду книги Л. Леви-Брюля «Ментальные функции в первобытном обществе» (1910) и «Первобытная ментальность» (1922) (см. рус. пер.: *Леви-Брюль Л. Первобытное мышление*. М., 1930; *Его же. Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1937).

²⁶ М. Вовель считает, что истоки этого понятия следует искать во французской романтической историографии XIX века в трудах И. Тэна и даже Ж. Мишле. Аргументация М. Вовеля, на наш взгляд, выглядит более убедительной, т.к. внедрение термина «ментальность» не могло произойти вдруг, а было в некотором смысле итогом развития психологического направления во французской историографии. См.: 50/50: Опыт словаря нового мышления. Москва; Париж, 1989. С. 18–20.

²⁷ И.М. Гревс упрекает Г. Эйкена, что им отбрасываются «продукты воображения или поэтического творчества, детища настроений и эмоций, мистическую интуицию, поверия и суеверия, фантазию, откровения и т. п.» (*Гревс И.М. Вступительная статья // Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания*. СПб., 1907. С. X).

²⁸ «Невозможно отрицать, – писал И.М. Гревс, – что религиозные движения масс, бессознательные искания смысла жизни..., инстинктивный опыт и народная мудрость, вдохновения сердца и чаяния совести, коллективный энтузиазм и его императивные эмоции, – все это, несомненно, могучие мотивы, напрягающие деятельность познания. Они порождают в душе личностей и групп обильные плоды, которые становятся важными камнями при построении образа мироздания» (*Гревс И.М. Указ. соч. С. XI*).

²⁹ *Гревс И.М. Указ. соч. С. X, XXX*.

го и точного образа Средневековья «необходимо привлекать не только трактаты мыслителей», но и «произведения поэзии, продукты народного творчества, вещественные памятники искусства и быта»³⁰. Другая важная идея И.М. Гревса состояла в том, что духовная культура средневековья была богата по содержанию и сложна по структуре: «В глубине ее (духовной культуры – Г.М., Л.С.) не прерывалась напряженная работа ума; она только сосредотачивалась в сузившемся кругу поредевшей интеллигенции; только была принуждена пользоваться недостаточным источником знаний и несовершенными методами исследования. Средневековые люди одушевлено и мучительно мыслили, страстно и упорно искали...»³¹.

Приведенные идеи были выражением как того, что сам И.В. Гревс проделал эволюцию: интересы ученого сместились от изучения социально-экономических проблем в область изучения культуры³², так и того, что новый интерес сплотил вокруг ученого группу молодых исследователей, избравших предметом изучения культуру средневековья³³.

При объяснении причин, позволивших русским историкам культуры и медиэвистам-культурологам осуществить интерпретацию визуальных источников почти также мастерски, как и профессиональным историкам искусства³⁴, следует вспомнить о системе классического исторического образования в дореволюционной России. Утраченный в советское время принцип универсальности образования гуманитариев, существовавший в дореволюционной России, предусматривал обязательное изучение наиболее важных

³⁰ Гревс И.М. Указ. соч. С. XXX.

³¹ Там же. С. VI.

³² Об обращении И.В. Гревса к изучению культуры в самых различных ее формах и проявлениях интереса к ней на протяжении всего его творчества см.: Корзун В.П., Свешников А.В. Третий угол (И.М. Гревс в пространстве переписки «Из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона // История и историки. 2001. Историкографический вестник. М., 2001. С. 176.

³³ См.: Бойцов М.А. Не до конца забытый медиэвист из эпохи русского модерн... // Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 7; Свешников А.В. Петербургская школа медиэвистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 52–54.

³⁴ Хотя следует отметить, что историки «задавали» этим источникам несколько иные вопросы, чем искусствоведы.

разделов истории искусства – античного и христианского. В рамках этой образовательной традиции, когда визуальным источникам оказывалось равное внимание, как и текстовым, у студентов развивалась ассоциативность мышления и формировалась эмоционально-окрашенная и целостная картина прошлого мира.

Практически все из упоминаемых ученых неоднократно путешествовали по Европе, познакомились с памятниками в музеях и при археологических раскопках³⁵. Известно, что в процессе подготовки материалов для диссертации по Салимбене П.М. Бицилли дважды выезжал в заграничные командировки: в 1913–1914 г. он подолгу работал в архивах Германии, Франции, Италии, особенно Парижа и Флоренции³⁶. Сильное потрясение увиденным – так отличались впечатления от «книжного образа» средневековой культуры, усвоенного им от европейских сочинителей³⁷, – позволило ему создать совершенно иной образ культурной истории Западной Европы эпохи Средневековья. Ф.И. Шмит долгие годы провел за границей, работая в экспедициях на Балканах, в Греции, жил несколько лет в Константинополе, побывал в Германии, Франции и других странах. Исключение составляет, пожалуй, только И.И. Иоффе, не выезжавший за границу, но и он скрупулезно изучил подлинники шедевров искусства Средневековья благодаря своей работе в Отделе западноевропейского искусства Эрмитажа. Тем не менее можно сказать, что у выделенной нами группе ученых эмоциональный подход в осмыслении художественных фе-

³⁵ О роли путешествий-«паломничеств» к «святыням средневековой культуры» (определение И.М. Гревса) как фактора развития исторической науки, как важной школообразующей практике см.: *Свейников А.В.* Указ. соч. С. 283–309.

³⁶ К сожалению, по свидетельству П. Майбороды (Одесса), отчетов о заграничных командировках П.М. Бицилли в архивах и библиотеке Одесского университета не сохранилось. Во всяком случае, пока они не обнаружены. Отсутствие отчетов и путевых дневников П.М. Бицилли выглядит странно, поскольку составление их было правилом для ученых того времени.

³⁷ «Кому случалось бывать на западе Европы, посещать музеи изящных искусств и старые церкви, конечно, помнит о тех странных впечатлениях, которые вызвали у него картины старинных мастеров» (*Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 4). Далее П.М. Бицилли констатирует: «У них немного поклонников. ...В самом деле, надо обладать очень серьезной эстетической подготовкой, чтобы уметь проникнуться очарованием этого искусства» (там же).

номенов Средневековья базировался на непосредственном, личном изучении памятников.

Визуальные источники и проблема культурно-исторического синтеза

Русские историки, искусствоведы, возможно, даже раньше французских коллег подошли к разработке проблемы культурно-исторического синтеза в процессе поиска новых методов описания культурных феноменов, преимущественно Средневековья, и создания на их основе новых обобщающих теорий развития. К идее синтеза подходили и Л.П. Карсавин, и П.М. Бицилли, и многие историки искусства, работавшие над близкой проблематикой и претендовавшие на создание обобщающих теорий.

Как подчеркивалось выше, И.И. Иоффе и П.М. Бицилли ставили перед собой общую задачу: раскрыть *механизм мышления*³⁸ на основании анализа отобранного ими изобразительного, философско-социологического, лингвистического, теологического и событийного материала. Каждый своим путем, они шли к одной цели: осмыслению культурных феноменов западноевропейской культуры через специфику мышления, раскрытие механизмов мышления, в которых определяющую роль играло искусство, запечатленное в художественных памятниках.

П.М. Бицилли был одним из первых российских медиевистов, кто свободно и убедительно использовал изобразительные тексты для аргументации своих наблюдений и выводов. В его работах встречаются мастерские данные описания и тонкий анализ произведений мастеров изобразительного искусства Средневековья и Ренессанса. Историком удалось задать настолько нетрадиционные вопросы изобразительным источникам, что и по сей день

³⁸ Эту особенность исследовательского подхода И.И. Иоффе отмечал и его ученик – профессор М.С. Каган, один из основателей современной культурологической школы в Санкт-Петербурге. В одном из своих последних очерков, посвященных Иоффе, он отмечал, что в своей позиции его учитель был ближе к «взглядам М. Дворжака – автора "Истории искусства как истории духа"», но вместо гегельянского понятия «дух», центрального в идеалистической философии, Иоффе использовал не заменившее ее в советской философии политически заостренное понятие «*идеологии*», а непривычное в искусствознании того времени понятие «*мышление*». См.: Каган М.С. О культурологической и эстетической концепции И.И. Иоффе // Иоффе И.И. Избранное 1920–1930-е гг. СПб., 2006. С. 38.

нельзя не изумляться точности его описания того впечатления, которое эти шедевры производят на неискушенного зрителя. Анализ картин и изобразительных произведений, памятников архитектуры, осуществленный П. Бицилли, заставляет по-новому «прочитать» эти тексты и совершенно доверять предлагаемой автором интерпретации.

«Почему средневековые художники рисовали человека выше дома?» – таким совершенно оригинальным вопросом Бицилли начинает свое исследование и продолжает:

«Неужто в самом деле творцы, пусть устарелых, но великих в свое время научных построений и грандиозных политических систем были в других отношениях столь "неразвиты"? Неужто не знали даже такой элементарной истины, что человек меньше дома? Если знали, то как могли удовлетвориться этим искусством? ...Быть может, их изображение мира было адекватно его восприятию? Как же они видели мир?»³⁹.

Постановкой столь парадоксального вопроса автор стремится активизировать мыслительный процесс даже самого неискушенного читателя, заставить его «включиться» вместе с автором в «поиск» ответа⁴⁰.

Если одессит Бицилли таким образом «разгадывает» тайную стилистику символического мышления, то петербуржец Шмит воспользовался примерами из средневекового искусства для характеристики «пятого цикла» развития искусства в Европе⁴¹. Осмыс-

³⁹ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 6–7.

⁴⁰ «Мир, открываемый старыми мастерами, выглядит так, что для приятия его приходится отрешиться от всех наших представлений о жизни, – продолжает М. Бицилли. – Художник заставляет вас обозревать одновременно настоящее, прошедшее и будущее, созерцать, сведенными вместе мешанскую повседневность городской жизни, трагическую буффонаду преисподней с ее смешными ужасами и экстазы блаженных в небесных чертогах... Целостного впечатления такая картина не оставляет вовсе. В ней невозможно ориентироваться; ...нередко фигуры переднего плана даже меньше помещенных на заднем. Во всяком случае, богородица с Младенцем всегда будет в несколько раз больше, обступивших ее святых, здания, храмы, замки – в несколько раз меньше, чем следовало бы по сравнению с человеческими фигурами» (Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1996. С. 5–6).

⁴¹ Этот цикл Ф.И. Шмит называет «иллюзионистическим, исторически соответствующим периоду средневековья» (Шмит Ф.И. Искусство, его психология,

ливая их он выделяет особый способ художественно-стилистического решения проблемы «пространства». Как и Бицилли, Шмит обращал внимание на те же самые «несуразности» и «неумелости» в средневековом искусстве. В качестве примера он приводит стенопись Джотто:

«Когда Джотто хочет изобразить спящего в своей спальне римского папу, то он изображает снаружи здание и, так сказать, вынимает переднюю, обращенную к зрителю, стенку, так что мы видим внутренность здания, папу лежащего на ложе и все прочее»⁴².

Открытие «прозрачных домиков» в средневековом изобразительном искусстве предвосхищает способы осмысления развития искусства Эриха Гомбриха⁴³. Приведем описание Шмита, раскрывающее эволюцию художественного мышления европейских мастеров:

«Европейское средневековье сначала совершенно отказывается от изображения внутренних помещений, вынося наружу все то, что должно было бы совершиться в комнате: византийский мастер, например, даже Рождество Богородицы представляет так, что ложе Анны стоит во дворике, ограниченном справа и слева двумя архитектурными «кулисами», и только перебрасывает от одной кулисы на другую какую-то драпировку (такой полог, "катапетасма", в жарких странах, действительно, служил для защиты внутренних двориков от слишком палящих лучей солнца); из Византии эти драпировки, обозначающие чисто условно именно внутренность дома, перешли и в древнерусскую иконопись.

Есть в средневековом искусстве и «прозрачные домики» — назову, для примера, общеизвестную у нас миниатюру Святославова Изборника 1073 года, где изображена церковь так, что западная стена ее как бы вынута, и видны все собранные в храме отцы.

его стилистика, его эволюция // Шмит Ф.И. Искусство: Проблемы теории и истории. СПб., 2013. С. 261, 479. См. также: Шмит Ф.И. Искусство. Основные проблемы теории и истории // Шмит Ф.И. Искусство: Проблемы теории и истории. СПб., 2013. С. 72.

⁴² Шмит Ф.И. Новые наблюдения в области изучения детского рисунка. Цит. по: Шмит П.Ф. Жизнь Ф.И. Шмита. Рукопись. (Копия) Л., 1977 / Личный архив Л.А. Сыченковой. С. 110.

⁴³ См.: Гомбрих Э. История искусства. 16-е изд. М., 1998. См.: Шестаков В.П. Интеллектуальная биография Э. Гомбриха. М. 2006.

Живописцы раннего Возрождения охотно пользовались этим приемом: Джотто (1276–1336), иллюстрируя в соборе в Ассизи житие св. Франческо, построил всю композицию в целом ряде сцен именно на допущении «прозрачности» здания; и еще гораздо позднее флорентинец Мазолино (1383–1447), расписывая церковь дель-Кармине повествованиями о св. Петре, перспективно правильно строил городской вид, с тем, чтобы в доме, где нужно показать внутреннее помещение, просто "вынуть" фасадную стену. Чтобы изобразить внутреннее помещение, нужно, чтобы живописец научился рассекать изображаемое помещение некоею воображаемою плоскостью, так чтобы границы картины (обрамление) совпадали с линиями пересечения этой плоскости и стен данного помещения. Вот если сам живописец остается по одну сторону этой плоскости, а все изображаемое – по другую, тогда все архитектурные линии проецируются на плоскость по всем правилам Евклидовых теорем о "конусах", имеющих свою вершину в глазу художника, и тогда на этой плоскости безболезненно размещаются в соответствующих сокращениях проекции и всех нужных для картины предметов – живописцу остается только фиксировать в своей картине в том или другом масштабе вот эту проекцию.

...Вооружившись теоретическою перспективою, европейское искусство, медленно и шаг за шагом, завоевывало в живописи третье измерение: суть и на сей раз оказалась не в том, чтобы овладеть теориею, а в том, чтобы перевоспитать себя на этой теории. Рафаэль (1483–1520) великолепно знал теоретическую перспективу, когда писал свое "Обручение Марии с Иосифом" (в миланской Брере), – и все-таки отвоевал себе только первый план, а всю даль просто к этому первому плану приписал. Микеланджело тоже знал перспективу, когда писал свой "Страшный суд" в Сикстинской капелле Ватикана (1535–1541), – и остался в плоскости, не дав иллюзии пространственной глубины»⁴⁴.

Совершенно аналогичные приемы средневекового решения проблемы «пространства» Ф.И. Шмит наблюдал и в детских рисунках: прозрачные домики, прозрачные юбки и т. д. Он убедительно доказывал соответствия мышления средневекового живо-

⁴⁴ Шмит Ф.И. Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925. С. 155.

писца определенным этапам в развитии изобразительных приемов детей 5–6 лет. Обнаруженное совпадение «приемов» в передаче иллюзии пространства на плоскости у детей и «взрослых» художников эпохи Средневековья, Ф.И. Шмит назвал «законом созвучий»⁴⁵. По существу, Шмиту удалось сделать важное открытие в области истории искусства, которое прошло практически незамеченным в истории отечественной гуманитарного знания.

Продвигаясь далее в сопоставлениях творческой лаборатории медиевистов и искусствоведов, можно также обнаружить весьма симптоматичные обращения П. Бицилли для доказательства своих теорий к детскому художественному мышлению. Практически одновременно и Ф.И. Шмит, и П.М. Бицилли⁴⁶ говорят о сходстве процессов мышления детей и механизма мышления средневекового человека. П.М. Бицилли делает гипотетические предположение:

«Ребенок довольствуется грубыми, первыми попавшимися аналогиями и частичными приближениями восприятий, разобраться в биологически-главном; он классифицирует накапливаемый им

⁴⁵ Ф.И. Шмит полагал, что в возрасте 5–6 лет в рисунках детей также наступает «*период домиков*»: они начинают осваивать проблему *пространства*: «Если ребенок, знает, что у мамы имеются ноги, но знает также, что у мамы одета юбка, он нарисует маму в юбке, а внизу отдельно прибавит к маминной юбке еще и мамыны ноги или нарисует их поверх юбки». Другой пример: «дочь служительницы гимназии Валя рисует "Гимназию" – большой четырехэтажный дом с многочисленными окнами и огромной входной дверью. В каждом окне стоят две гимназистки. Это хорошо, но недостаточно, через окна все не увидишь, и дом становится "прозрачным". Есть целые серии рисунков, дом по всем правилам, только стен нет» (*Шмит Ф.И. Новые наблюдения в области изучения детского рисунка // Шмит П.Ф. Воспоминания о моем отце. Рукопись (Копия). Л., 1977. С. 110*). На этом примере Ф. Шмит убедился, что дети используют те же способы передачи иллюзии пространства на плоскости, что и художники Древнего Египта и европейского средневековья.

⁴⁶ Книги обоих авторов были изданы одновременно, в 1919 году, в Харькове и Одессе. См.: *Шмит Ф.И. Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919; Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. Книга Ф.И. Шмита 1925 года «Искусство. Основные проблемы теории и истории» (Л., 1925)* – это, по сути, уточнение и более сжатое изложение его концепции 1919 года. Причинами неизвестности этих оригинальных теории для академической общественности России стали и сложное время гражданской войны, и удаленность от столичных центров места издания трудов ученых.

материал, руководствуясь критериями часто случайными, ибо он не знает предметов собственных возможностей...»⁴⁷.

Мыслительный процесс средневекового человека П.М. Бицилли (вслед за Ферреро⁴⁸) объясняет психологическим законом «остановки в размышлении» или «законом недодумывания»⁴⁹ (*arret mental* – остановка в размышлении). У средневекового человека, предполагает П.М. Бицилли, был ум, не умеющий следовать за сцеплением причин и следствий. «Закон недодумывания» раскрывает механизм возникновения символического мышления, которое образует внутреннее единство эпохи, определяет своеобразие, дух эпохи – *Leit geist*. Символическое мышление одинаково обнаруживается во всех продуктах эпохи: в морали, религии, в искусстве, в устройении гражданского и государственного быта, домашнего обихода.

Человеку XX столетия средневековое искусство было непонятно, поскольку он жил в другой системе восприятия мира и пространства. Для того, чтобы понять эти отличия, П.М. Бицилли приводит в качестве иллюстрации своей мысли фреску Амборджио Лоренцетти, которая «причиняет прямо-таки страдание современному глазу». Описывая фреску, П.М. Бицилли резюмирует:

«Сколько планов, сколько центров, и ни намека на общий центр! Для старых мастеров не существует главного и второстепенного, все одинаково ценно, все выписывается одинаково добросовестно, со всеми деталями; на деревьях можно пересчитать все листочки, на крыльях ангелов все перышки»⁵⁰.

По мнению современного французского историка Жан-Клода Шмитта, человеку новейшей эпохи в восприятии искусства средневековья мешал сформировавшийся шаблон визуальных образов, выстроенных по канонам прямой перспективы, в кругу которых он воспитывался с детства:

«Средневековое изображение не зовет нас в иллюзионистский мир искусства, на который мы смотрим через раму ренес-

⁴⁷ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 56–57.

⁴⁸ Гульельмо Ферреро (1871–1942), итальянский социолог, историк и государственный деятель, автор работы «Психологические законы символизма».

⁴⁹ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919. С. 52–54.

⁵⁰ Бицилли П.М. Указ. соч. С. 62–63.

сансной картины, как через окно. У миниатюры или фрески тоже может быть рамка, но в данном случае не мы движемся к образу, а он к нам, не только мы обращаемся к нему, но и он к нам. Поэтому ему не нужна столь привычная для нас перспектива, ставшая классической формой искусства начиная с Ренессанса до конца XIX века. Образ предъявляет нам в материальной форме невидимый физическим зрением архетип, который стоит за ним»⁵¹.

Русские исследователи обратили внимание на «застылость» средневековых картин. П.М. Бицилли отмечал противоречие между «повествовательностью» средневековых картин и статичностью изображенного мира:

«На картинах тянутся длинные процессии, рыцари скачут на свои конях, воины карабкаются на стены штурмуемых городов, блаженные возносятся на небеса, в то время как черти волокут грешников в преисподнюю, где заставляют их корчиться от различных видов мучений. Но все это неподвижно и мертво. Поднятые в прыжке ноги коня, кажется, никогда не опустятся; ангел, слетевший с неба в келью пречистой Девы, как будто прирос к полу; сцепившиеся в отчаянной схватке воины застыли в своих позах; руке, занесшей меч, не поразить врага. Как это далеко от искусства Ренессанса!»⁵².

Аналогичные примеры встречаются и в работах Ф.И. Шмита, который отмечал отсутствие способности (а возможно, и потребности) передавать изобразительными средствами иллюзию движения у средневековых мастеров. Согласно шмитовской концепции, проблема «движения» в средневековом искусстве не могла быть центральной, ибо она вообще не ставилась. Только позднее Средневековье начинает новую страницу в развитии художественного мышления, разрабатывая по-новому проблему «пространства». Средневековье как будто бы «забыло» о «летащем галопе»⁵³

⁵¹ См.: *Воскобойников О.С.* [рец.:] Шмитт Ж.-К. Воплощенные образы. Эссе о визуальной культуре средних веков. Париж, 2002; Обращение Германа Иудея. Автобиография, история и фикция. Париж, 2003 // *Одиссей*. 2004. М., 2004. С. 451–466.

⁵² *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 97.

⁵³ Формула «летающего галопа» была заимствована Ф. Шмитом из монографии французского искусствоведа Соломона Рейнака (1858–1932). В 1912 году Ф. Шмит опубликовал рецензию на его книгу. См.: *Шмит Ф.И.* С. Рейнак. Исто-

эпохи Мадлена, блестяще разрешавшего проблему движения, «забыло» о достижениях античной скульптуры и живописи.

Другая линия совпадений между медиевистами и искусствоведами связана с русской традицией осмысления Ренессанса. С того момента, как в середине XIX века А.Н. Веселовский заговорил о противоречиях Возрождения, началась десакрализация «образа» Ренессанса в российской историографии, причем произошло это на полвека раньше, чем на Западе началась ревизия буркхардтовской концепции. Специфика «русского взгляда» на Ренессанс обусловлена была их интуитивным желанием рассматривать этот феномен сквозь призму собственного национально-культурного опыта. Полемика 1920-х – начала 1930-х годов между П.М. Бицилли и Л.П. Карсавиным о значении Возрождения для западноевропейской культуры⁵⁴ вплетается в российскую традицию осмысления образа «Ренессанса», начало которой заложил А.Н. Веселовский.

С наибольшей убедительностью возможности культурно-исторического синтеза были продемонстрированы И.И. Иоффе при анализе культуры Германии позднего Средневековья в книге «Мистерия и опера» (1937). Концепция «синтетической истории искусства» И.И. Иоффе постепенно превращалась во всеобщую «историю культуры»⁵⁵. В процессе интерпретации феномена «Danse macabre» (иконографии «Плясок смерти») И.И. Иоффе мастерски раскрывает ее скрытый смысл – выражение идеи классового протеста, презентованной через философское осмысление образов.

Концепцию И.И. Иоффе (1937) о перерождении мистерии в оперу можно рассматривать как начало создания отечественного варианта типологии Возрождения⁵⁶. Культуролог пришел к выводу, что «сводить» Ренессанс только к освоению античности означало признать полную несамостоятельность и зависимость от Италии северо-европейских стран в культурном отношении. Хотя

рия пластических искусств (Аполлон). Пер. с шестого франц. издания В.С. Елпатьевского и Е.Н. Кольшкевича. СПб., 1912 // Гермес. 1913. Т. 12. № 1, 2. С. 1–3.

⁵⁴ Сыченкова Л.А. История западноевропейской культуры в российской культурологии. Казань, 2015. С. 92–133.

⁵⁵ Иоффе И.И. Новый стиль. М.; Л., 1932. С. 10–13.

⁵⁶ Иоффе И.И. Мистерия и опера (Немецкое искусство XVI–XVIII вв.). Л., 1937.

Франция, Англия и Германия приобщились к античному наследию опосредованно, через Италию, но их собственное национальное Возрождение началось гораздо раньше и практически самостоятельно. Ренессанс как общеевропейское явление не разделил культурный мир Европы, а напротив, соединил его в сообщество, разрабатывающее основы новой культуры⁵⁷. И.И. Иоффе сформулировал идею общеевропейского масштаба Ренессанса.

Четко идею о культурном единстве Европы выразил и П.М. Бицилли: «Европа, сколько бы она не делилась на православную и католическую, западную и восточную, германскую и романскую... Единство европейского культурного мира состоит не в параллельности рядов эволюции духа, не в поверхностном или пассивном усвоении чужих культурных ценностей, а в общности духовной атмосферы, единстве развития при всем многообразии судеб»⁵⁸.

Много общих моментов в концепциях И.И. Иоффе и П.М. Бицилли можно обнаружить, сравнивая проведенный ими анализ готики как архитектурного стиля Средневековья. Совпадения встречаются уже в трактовке образа готического собора как символа мира у П.М. Бицилли и интерпретации элементов стиля готических соборов И.И. Иоффе, который описывал храм как модель Вселенной:

«Пространство здесь понимается не как простая физическая протяженность с тремя одинаковыми значениями измерениями. Движение вверх и вниз, – это не просто механическое перемещение, а движение к одухотворенности или к материализации, к просветленности или к материализации. Пространство здесь – не однородная, безразличная, нейтральная Среда; оно дает своими ярусами верха низа, телам и движению смысл высокого и низкого. Мир имеет архитектурный характер, где верх – твердые сферы неба, небесная твердь, – сферы божества, а низ – тяжесть, земля, – сферы материи. Рай – небо, чистилище – земля, ад – подземный мир. Восток – место рождения солнца, страна света, жизни; запад –

⁵⁷ *Иоффе И.И.* Русский Ренессанс // Ученые записки Ленинградского университета. № 72. Серия филологические науки. Вып. 9. 1944. С. 263. В этой работе идея И.И. Иоффе о национальных моделях европейского Ренессанса получила окончательное оформление.

⁵⁸ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 267.

место захода солнца, страна теней, увядания, смерти. Север – страна холода, мрака, смерти, зла, печали; юг – страна солнца, света, жизни, добра и радости... Храм – дом Бога – должен был показывать победу духа над мистерией, неба над землей»⁵⁹.

Именно в этой области искусства мастера Средневековья создали самые совершенные образцы. В готической архитектуре, по мнению П.М. Бицилли, проявилась согласованность общего и частного, необычайно развитого абстрактного мышления, которое парадоксальным образом сочеталось со склонностью средневековых художников к подробному, детализированному и бессистемному изображению мира. Несоответствие невыразительной живописи и совершенной архитектуры П.М. Бицилли объяснял тем, что в готике средневековый человек сам «творил образ мира». Таким образом, через средневековую архитектуру раскрывается тайна и смысл эпохи европейской культуры. Готический собор как зримый образ и одновременно символ самого средневекового мышления рассматривался в работах других современников П.М. Бицилли: А.А. Богданова, О.А. Добиаш-Рождественской, Н.В. Покровского.

Анализируя творческую лабораторию Бицилли и Иоффе в рамках поиска иконологического метода, можно определить их подлинное место в ряду новаторских подходов в междисциплинарном пространстве искусствознания и медиевистики. Обычно эти открытия связывают с именами западных культурологов: считается, что именно они задавали вектор современным теоретическим поискам в этом направлении. На наш взгляд, процедуры исследований Бицилли и Иоффе предвосхитили «иктологический» метод западных ученых. Поиски российских искусствоведов и медиевистов в области междисциплинарной методологии культурологического знания вполне сопоставимы с иктологическим методом Аби Варбурга⁶⁰, идеи которого в свою очередь получили

⁵⁹ *Иоффе И.И.* Мистерия и опера... С. 35–36.

⁶⁰ Родоначальником иктологического метода считается немецкий историк искусства и культуры Аби Варбург (1866–1929). В 1898–1904 гг. он занимался изучением праздничной культурой Ренессанса, которую рассматривал как обмирщенный языческий вариант средневековой культуры. Осенью 1912 г. Варбург прочитал доклад на римском Международном конгрессе истории искусства о фресках в палаццо Скифанойя в Ферраре. Свой метод анализа содержания од-

развитие в трудах его более молодого современника и единомышленника Э. Панофского⁶¹.

В середине 1970-х гг. прошедшего века среди французских медиевистов, причисливших себя ко вновь образовавшемуся направлению исторической антропологии, появились исследователи, которые стали ратовать за право историков привлекать изобразительные источники для решения своих исследовательских задач. Этот междисциплинарный пафос вовсе не был новшеством в гуманитарном знании, в том числе и в медиевистике⁶². Такая «близорукость» позволяет упускать из виду громадный пласт достижений и соотечественников, и тем более инонациональных ученых. Сложившееся «клише» оценок не позволяет обнаружить разительные примеры умения российских ученых, отделенных в свое время от мирового научного сообщества «железным занавесом», тонко улавливать по едва различимым приметам новейшие тенденции развития проблемного поля историко-культурных исследований.

«Вброс» ряда блестящих идей и методологических новаций в интеллектуальное пространство России, произведенный П.М. Бичилли и И.И. Иоффе как представителями нарождавшейся в России медиевистической культурологии, произошел в неудачное время, злобу которого определяла цепь военных конфликтов и революционных событий. В этой ситуации идеи русских мыслителей не успели стать достоянием мировой научной общественности и получить международное признание. В 1920-е гг. ученые России

ного из самых притягательных живописных «календарей» в истории искусства Варбург назвал «иконологическим». Как искусствовед он прожил недолгую жизнь, во время Первой мировой войны его работу прервала душевная болезнь.

⁶¹ Эрвин Панофский (1892–1968), один из самых известных западных искусствоведов XX века. Блестящие иконологические работы Э. Панофского появляются уже в 1920-е гг., а методологическая статья «Иконография и иконология», где четко сформулировано понимание иконологического метода, вышла только в 1939 г. (в книге: *Studies in Iconology*. New York, 1939). В исследованиях Панофского (посвященных преимущественно искусству средневековья и Возрождения) анализ особенностей формы связан с филологическим и историко-философским истолкованиями содержания. При этом содержание искусства понимается как комплекс исторически обусловленных представлений, а в ряде работ сводится к сюжетным схемам. Наследие Э. Панофского находится в центре современных споров о методологии изобразительного искусства.

⁶² *Воскобойников О.С.* Указ. соч.

испытывали трудности двойного порядка. С одной стороны, они подвергались систематическому давлению и были задушены доктринальным террором, а с другой – изолированы от мирового научного сообщества почти непроницаемым кольцом идеологических запретов. Искусственно замкнутое пространство привело к прерыванию естественного хода развития русской медиевистической культурологии, а в дальнейшем – утрате лидирующих позиций.

В основе этой статьи лежало стремление восстановить в правах после многих десятилетий забвения достижения одного из перспективных направлений медиевистической науки России, формировавшегося в контексте «серебряного века» русской культуры и продолжавшего генерировать новаторские идеи даже в условиях господства моноидеологии 20–30-х гг. XX в. Наш анализ, полагаем, показал тот путь, каким, по «формуле» А.Б. Гофмана, «старое знание» *«может "впадать в сон", иногда даже в "летаргический", надолго выпадая из сферы актуального научного знания»*. Но глубокой закономерностью науки, утверждаемой во второй части цитируемой формулы, является наступление времени, *«когда научное сообщество вновь обращается к, казалось бы, навсегда похороненным идеям, и они вновь пробуждаются к жизни, актуализируются, становятся современными»*⁶³. Такой шанс связан с тем, что «старые» знания, теории, методы не вытесняются новыми, не упраздняются ими полностью и навсегда. Однако чтобы их *«пробудить»*, нужна специальная работа, прежде всего историографов, историков науки.

И верно. За прошедшие четверть века в России переведены и изданы десятки, если не сотни, книг по культурологии, которые ранее были неизвестны и недоступны отечественному читателю. Много книг почти забытых российских авторов культурологических концепций уже переиздано, возвращены в историю отечественной науки и сами имена этих ученых после забвения, вызванного в первую очередь, как отмечалось, идеологическими и политическими причинами⁶⁴. Но этого недостаточно, ибо мало делает-

⁶³ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1997. С. 16.

⁶⁴ Об этих работах см.: Свешиков А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб., 2016. С. 26–29.

ся для популяризации и пропаганды отечественного историко-культурного наследия за рубежом. Для этого нужны переводы русских авторов и значительные средства. До сих пор никто такой задачи не ставил, и потому наше культурологическое наследие будет оставаться на периферии мирового гуманитарного знания. Современные российские историки и культурологии в большом долгу перед памятью российских гуманитариев.

Берк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». М., 2015.

Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. 2-е изд-е. СПб., 1995.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919.

Бойцов М.А. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... // Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.

Burke P. The French Historical Revolution. The Annales School 1929–1989. Stanford, 1990.

Вовель М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.; Париж, 1989. С. 18–20.

Воскобойников О.С. [рец.:] Шмитт Ж.-К. Воплощенные образы. Эссе о визуальной культуре средних веков. Париж, 2002; Обращение Германа Иудея. Автобиография, история и фикция. Париж, 2003 // Одиссей. 2004. М., 2004. С. 451–466.

Гомбрих Э. История искусства. 16-е изд. М., 1998.

Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1997.

Гревс И.М. Вступительная статья // Эйкен Г. История и система средневекового мирозозерцания. СПб., 1907.

Гуревич А. Европейское средневековье и современность // Европейский альманах. 1990. М., 1990.

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1974.

Емельянов Б.В., Новиков А.И. Русская философия серебряного века. Екатеринбург, 1995.

Иоффе И.И. Культура и стиль. Л., 1927.

Иоффе И.И. Мистерия и опера. (Немецкое искусство XVI–XVIII вв.). Л., 1937.

Иоффе И.И. Новый стиль. М.; Л., 1932.

Иоффе И.И. Русский Ренессанс // Ученые записки Ленинградского университета. № 72. Серия «Филологические науки». Вып. 9. 1944. С. 236–286.

Иоффе И.И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. Л., 1933.

Иоффе И.И. Синтетическое изучение искусства и звуковое кино. Л., 1937.

Каган М.С. О культурологической и эстетической концепции И.И. Иоффе // Иоффе И.И. Избранное 1920–1930-е гг. СПб., 2006.

Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. XVI–XVII.

Кареев Н.И. Формула прогресса в изучении истории // Варшавские университетские известия. 1879. № 3. С. 1–14.

Кареев Н.И. Основы философии истории. Т. I–II. М., 1883.

Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени. СПб., 1893 и др.

Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919.

Корзун В.П., Вандалковская М.Г. Исторические взгляды П.Н. Миллюкова // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 59–89.

Корзун В.П., Свешников А.В. Третий угол (И.М. Гревс в странстве переписки «Из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. С. 175–187.

Левин-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.

Левин-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.

Попова Т.Н. П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009.

Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017.

Ревель Ж. История ментальностей: Опыт обзора // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. М., 1993.

Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб., 2016.

Сыченкова Л.А. История западноевропейской культуры в российской культурологии. Казань, 2015.

Сыченкова Л.А. Петр Бицилли – Осип Вайнштейн – Иеремия Иоффе: линия преемственности культурологических идей в советской

медиевистике и культурологии // Curriculum Vitae. Вып. 2. Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С. 71–79.

Шестаков В.П. Интеллектуальная биография Э. Гомбриха. М., 2006.

Шмит Ф.И. Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусства. Вып. 1. Харьков, 1916.

Шмит Ф.И. Искусство – его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919.

Шмит Ф.И. Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция // Шмит Ф.И. Искусство: Проблемы теории и истории. СПб., 2013. С. 196–533.

Шмит Ф.И. Искусство. Основные проблемы теории и истории // Шмит Ф.И. Искусство: Проблемы теории и истории. СПб., 2013. С. 7–195.

Шмит Ф.И. Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925.

Шмит Ф.И. Кахриэ-Джами. 1. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаика нарфиков. Альбом к XI тому. Худ. Н.К. Клуге // Известия русского археологического института в Константинополе. 1906.

Шмит Ф.И. Новые наблюдения в области изучения детского рисунка // Шмит П.Ф. Жизнь Ф.И. Шмита. Рукопись. (Копия). Л., 1977 / Личный архив Л.А. Сыченковой.

Шмит Ф.И. Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1928.

Шмит Ф.И. С. Рейнак. История пластических искусств (Аполлон). Пер. с шестого франц. издания В.С. Елпатьевского и Е.Н. Колышкевича. СПб., 1912 // Гермес. 1913. Т. 12. № 1, 2.

Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951.

**От «истории графств»
к «новой региональной истории»: пути
трансформации провинциальной историографии**

В статье рассматривается многовековая английская историографическая традиция «истории графства», сыгравшая важную роль в формировании социально-исторической памяти местного джентри, а также трансформация этой традиции в процессе профессионализации истории и изменений внутридисциплинарного статуса локально-региональных исследований с развитием исторической науки и методологическими поворотами во второй половине XX и начале XXI в. Особое внимание обращено на последствия так называемого пространственного поворота на рубеже XX–XXI вв., включая актуализацию локально-региональной истории в контексте трансдисциплинарных региональных исследований. Автор анализирует предметное поле «новой региональной истории», ее аналитические модели и базовые категории – региона, региональной культуры, региональной идентичности. Оценивается когнитивный потенциал сетевой модели исторического региона, направленной на выявление внутререгиональных и межрегиональных социальных сетей и на раскрытие конкретного содержания осуществляемых в них взаимодействий, в случае расширения ее теоретической базы с учетом социально-научной концепции "*path dependence*" и обуславливающей роли региональной культуры. В этом плане версии «областной истории» в духе "*county history*" донаучной эпохи, могут дать ценный материал не только для исследования механизмов формирования социальных и региональных идентичностей, но также для понимания процессов их актуализации, воспроизводства и трансформации.

Ключевые слова: история графств, культура региона, пространственный поворот, новая региональная история, историография, историческая память.

L.P. Repina

**From the "county history" to "new regional history":
ways of transforming of the provincial historiography**

The article considers the centuries-old English historiographic tradition of the "county history", which played an important role in the formation of the social and historical memory of the local gentry, as well as the transformation of this tradition in the process of profes-

sionalizing history and changing the intra-disciplinary status of local-regional studies with the development of historical science and methodological turns in the second half of the XX and beginning of the XXI century. Particular attention is paid to the effects of the so-called spatial turn on the border of the 20th and 21st centuries, including the actualization of local-regional history in the context of transdisciplinary regional studies. The author analyzes the subject matter of the "new regional history", its analytical models and basic categories – *region, regional culture, regional identity*. The cognitive potential of the network model of the historical region aimed at identifying intraregional and interregional social networks and disclosing the specific content of the interactions which are carried out in them is evaluated, in the case of an expansion of its theoretical base, taking into account the social-scientific concept of path dependence and the determining role of regional culture. In this regard, the versions of the "county history" of the pre-scientific era can provide valuable material not only for studying the mechanisms of the formation of social and regional identities, but also for understanding the processes of their actualization, reproduction and transformation.

Key words: county history, culture of the region, spatial turn, new regional history, historiography, historical memory.

Методологические повороты в исторической науке последней четверти XIX – начала 2000-х гг. привели к значительному расширению и трансформации ее предметного поля: появились новые аналитические категории и новые способы осмысления макроисторических процессов, «мемориальный бум» охватил практически всю «территорию историка», а в перспективе микроистории субъекты исторического действия стали приобретать все более индивидуализированные черты. Общие изменения, помимо прочего, вызвав некое подобие «броуновского движения» в пространстве современной историографии, не могли не сказаться на конфигурации исследовательских направлений и исторических субдисциплин, а также на повседневной деятельности научных сообществ. В сложившейся ситуации встал вопрос и о необходимости более точно определить предметную сферу и дисциплинарный статус локальных исследований, а также актуализировалась проблема разграничения любительского (в своей основе) краеведения, традиционной «местной истории» и профессиональной историографии, включая изучение соответствующих историографических

традиций и сообществ их носителей в режиме *longue durée*¹. Эти вопросы стали активно обсуждаться историками с рубежа XX и XXI вв., и особенно – во второй половине 2000-х гг.² На следующем этапе внимание ученых было переориентировано на анализ предметных полей и методов разномасштабных локальных исследований в рамках трансдисциплинарного взаимодействия, и в последнее десятилетие важным способом осмысления последствий

¹ См., например, важнейшие монографические исследования по истории провинциальной историографии на российском материале: *Бердинских В.А.* Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. М.; Киров, 1995; *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия Российской академии наук, 1998; *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. См. также: *Макарихин В.П.* Историческая мысль российских провинций на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 109–116.

² См., прежде всего, сборник материалов специального международного семинара: *Методология региональных исторических исследований: Российский и зарубежный опыт.* СПб.: Нотабене, 2000. См. также: *Корзун В.П.* К спору о провинциальной исторической науке // Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика / под ред. В.П. Корзун. Омск, 1998. С. 129–137; *Севастьянова А.А.* Регионология, краеведение и академическая наука // Вторые Яхонтовские чтения: материалы научно-практической конференции. Рязань, 23–25 октября 2002 г. Рязань, 2002. С. 5–10; *Булыгина Т.А.* Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад-Россия-Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Вып. 2. Ставрополь; М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. С. 415–420; *Попова Т.* Историографический процесс в региональном измерении: подходы и понятия // Историко-географічні дослідження в Україні. 2004. Вип. 7. С. 290–324; *Корзун В.П.* В поисках новой модели исследования региональной историографии // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: материалы научной конференции 28–29 апреля 2005 г. М., 2005; *Маловичко С.И.* Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. Вып. 7. Ставрополь, 2005. С. 5–31; *Мохначева М.П.* Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 202–216; *Маловичко С.И., Мохначева М.П.* Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости» // Харьківський історіографічний збірник. Вип. 8. Харьків, 2006; С. 23–37; *Попова Т.Н.* К анализу региональной историографии: институциональный подход // Регіональна історія України. Вип. 1. 2007. С. 47–66; и др. Ср.: *Шмидт С.О.* Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. СПб., 2000. С. 11–15.

«пространственного поворота» стало изучение теоретических и эпистемологических оснований «новой региональной истории»³. Общие изменения потребовали по-новому взглянуть на сложившуюся историографическую практику с учетом специфики предметной сферы различных способов познания истории, как с точки зрения совершенствования познавательного инструментария, так и в отношении способа мобилизации исторической памяти.

Именно в этой новой интеллектуальной ситуации мое внимание вновь привлекла тема английской истории графств, к которой я уже обращалась двадцать лет назад в книге «"Новая историческая наука" и социальная история»⁴ в связи с изучением проблемных полей и эвристического потенциала «новой социальной истории» 1970-х – 1980-х гг. Впрочем, к этому времени историографическая традиция "county history" уже прошла многовековой путь развития, о котором стоит хотя бы кратко напомнить⁵.

Отцом английской локальной истории, а правильнее – традиционных историко-топографических описаний, называют Джона Лиланда (1503–1552) (см.: *Itinerary*, ed. Toulmin Smith, I, p. VII sqq.). Совершив по поручению Генриха VIII туры по стране в 1534 и 1540 гг. и обследовав монастырские и коллегиальные библиотеки, Лиланд в 1546 г. доложил о своих находках королю. Он планиро-

³ См., напр.: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья первая // *Регіональна історія України*. Вип. 6. Київ., 2012. С. 9–22; *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья вторая // *Регіональна історія України*. Київ, 2013. Вип. 7. С. 39–54; *Ретина Л.П.* Теоретические основания и перспективы региональной истории // *Преподаватель XXI век*. 2013. № 3. С. 262–273.

⁴ *Ретина Л.П.* «"Новая историческая наука" и социальная история». М.: ИВИ РАН, 1998. 282 с.

⁵ Это удобно сделать с помощью специального справочного издания, в котором собрана обширная информация, фиксирующая эволюцию жанра *county histories* – особого рода исторических нарративов, всех т. н. «историй графств» (разных уровней – графства как целого, его округов, а также выходящих за его пределы культурно-исторических областей), начиная с местных эрудитов XVI в. (включая неопубликованные рукописи, завершенные и незавершенные, а также собранные антикварами коллекции документов и артефактов, предназначавшиеся для создания истории графства или его частей, или отдельных местных общин) и до профессионалов конца XX века. См.: *English County Histories. A Guide* // Ed. by C.R.J. Currie, C.R. Elrington. Stroud: Alan Sutton, 1994.

вал написать историю Британии, разделенную на столько книг, сколько было исторических графств в Англии и в Уэльсе, и добавить еще 6 книг по островным владениям королевства, но не успел это осуществить. Однако именно он ввел понятие *шайра* как объекта изучения истории Британии, и эта идея укоренилась. «Britannia, sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum adjacentum ex intima antiquitate Chorographia Descriptio» (1 изд. – 1586) Уильяма Кемдена (1551–1623) была работой иного класса, она отличалась от предшествовавших трудов антикваров. За первым латинским изданием последовало еще пять до кульминации в иллюстрированном фолио 1607 г. Английский перевод появился в 1610 г. В этой работе было несколько общих разделов, но ее ядро составило последовательное описание Британских островов графство за графством, опиравшееся не только на годы полевых обследований, но также на тщательно документированное исследование и на сведения от местных корреспондентов. «Britannia» представляет собой высшее достижение тюдоровских и раннестюартовских антикварных исследований. К середине XVII в. графство уже основательно закрепилось как главный объект локальной истории, и Томас Фуллер использовал его как базовую единицу классификации в своей «Истории достопримечательностей Англии» (*The History of the Worthies of England*, 1662)⁶.

Встает вопрос, почему графство, установившееся как единица английского местного управления примерно за 600 лет до этого, стало главным объектом интереса в ренессансных исторических штудиях. В комплексе причин центральное место занимает новое значение графства в управлении страной в Елизаветинскую эпоху и роль джентри в качестве мировых судей. Политическая власть и администрация были организованы на базе графства. Вполне прагматический интерес к своим родословным и титулам делал джентльменов поклонниками этого жанра антикварного историописания, а их регулярные собрания обеспечивали дальнейшие возможности для его распространения⁷. Так, например, первое пред-

⁶ *Greenslade M.W.* Introduction: County History // *English County Histories...* P. 9–15.

⁷ *Ibid.* P. 16–17. См. также: *Broadway J.* ‘No historie so meete’. Gentry Culture and the Development of Local History in Elizabethan and Early Stuart England. Manchester, 2006.

ложение написать историю Уилтшира было сделано на собрании джентри этого графства в марте 1660 г. Главной целью этого собрания было представить двух кандидатов от графства на выборы в парламент, но некоторые из числа присутствующих выразили желание, чтобы было составлено описание древностей Уилтшира, подобное иллюстрированному картами и гравюрами изданию «Древностей Уорикшира», опубликованному в 1656 г. Уильямом Дагдейлом⁸.

Действительно классический труд Дагдейла стал эталоном для современников и для следующих поколений, его «Уорикшир» создал модель для последующих историй графств. В этом труде каждый приход был описан отдельно, причем вводные заметки в каждом случае касались топографии, этимологии, археологии и значимых событий, а также включали экскурсии в общие темы, такие как рынки и ярмарки и местные обычаи. Большую часть объема этого труда составляли детальные описания маноров, бенефициев, церковных памятников, а также генеалогии и гербы лордов маноров и т. п., формирующие социально-историческую память местного джентри. При этом книгу отличал методически продуманный, избирательный подход к собранному материалу. Дагдейл открыто обозначил свою цель: «моей главной целью было представить вам благородные и выдающиеся деяния ваших достопочтенных предков с тем, чтобы побудить к добродетельному подражанию им в настоящие и будущие времена»⁹. Благодаря достоинствам этой истории графства она приобрела впоследствии статус юридического свидетельства и цитировалась в судебных тяжбах в качестве подтверждения благородного происхождения и права на титул.

Особый вклад в развитие истории графств внесли местные архивные, археологические и исторические общества, которые росли как грибы с середины XIX столетия. Собственно, именно изучение истории графства часто провозглашалось целью основания каждого из них. Это движение достигло своего расцвета со стартом в 1899 г. грандиозного проекта *Victoria History of the Counties*

⁸ *Rogers K., Crowley D. Wiltshire // English County Histories... P. 411.*

⁹ *Dedicatory Preface – "To My Honoured Friends the Gentry of Warws". Цит. по: Day C. Warwickshire // English County Histories... P. 399.*

of England (VCHE, «Викторианская история графств Англии»), нацеленного на создание энциклопедии исторических графств Англии в 160-ти томах. Первый том появился в 1900 г. К 1914 г. вышло 74 тома, но мировая война приостановила работу. В 1954 г. это издание представляло, по словам его главного редактора Ральф Пью (R.V. Pugh), «громадное, почти неуправляемое предприятие, которое могло быть задумано только в век оптимистического империализма»¹⁰. Впрочем, в 1989 г. уже праздновался выход в свет двухсотого тома.

Традиционная композиция *county history*, включавшая в XVIII–XIX вв. естественную историю, топографию и описание древностей, переживала уже начиная с последней трети XIX столетия замещение истории графства более локализованными историческими исследованиями на уровне прихода. С изменениями в политической и социальной структуре страны и растущим интересом к социально-экономической истории модель истории графства оказалась нерелевантна локальной истории эпохи модерна. Во второй половине XX в. V.C.H. стала частью той революции, которая произошла в локальной социальной истории, с ее новыми идеями и методами, новыми темами, а также с новыми пространственными горизонтами.

Этот переворот в британской локальной истории связан с именем Уильяма Джорджа Хоскинса, которого называют «гением локальной истории»¹¹. Хоскинс систематически использовал все виды архивных источников (инвентарные описи, завещания, налоговые списки, реестры горожан), «которые, попав в его руки, раскрывали неожиданно личную – и потому человечную – информацию о кажущихся обыденными вещами»¹². Он писал в своих неопубликованных заметках: «Локальная история вносит свой вклад в историю всеобщую, но она также существует сама по себе – локальный историк должен всегда помнить об уникальности своего предмета так же, как и всякий хороший художник-портретист, а

¹⁰ Greenslade M.W. Op. cit. P. 22.

¹¹ Фитьян-Адамс Ч. Англия Хоскинса: гений локальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире: сб. ст. / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 82–99.

¹² Там же. С. 83.

иначе у него получатся просто типажи»¹³. Местные сообщества он рассматривал «не на фоне более "высокой", превосходящей культуры, а в связи со сложившимся способом жизни, который получал разнообразные выражения в зависимости от различающихся региональных и социальных условий. Так начинается новая локальная история, которая оказалась, в идеале, способной к последовательному и сравнительному анализу трех взаимодействующих уровней»¹⁴. Речь идет о сообществах разного уровня, определяемых индивидуальной комбинацией пространственных, социальных и культурных характеристик, а именно: 1) *уровень отдельной общины* – сельской или городской (с учетом того, что само это сообщество разделяют на части интересы составляющих его групп, вступающих в союзы в зависимости от открывающихся и все время меняющихся возможностей). 2) *уровень регионального общества и его экономики* (я в свое время назвала социальные исследования этого уровня мезоисторией); 3) *уровень более широкой культуры* (т.н. «народной культуры»), которую «большинство населения, в противовес общенациональной элите, в течение столетий и разделяло, и развивало, с существенными региональными различиями»¹⁵. Работы У. Хоскинса, без сомнения, во многом способствовали росту престижа английской локальной истории и ее возвышению до статуса академической дисциплины.

Профессиональный вклад в историю графств и местную историю в 1970–1980-е становился с каждым годом все более масштабным. И не просто потому что все больше специалистов по национальной истории включали в поле своего исследования локальные примеры. Главная причина состоит в природе исследовательской работы для получения академической степени, которая могла быть формально квалифицирована как общая политическая, экономическая или религиозная история, часто фокусировалась на локальных сообществах с опорой на местные архивы. Фактически такая работа представляла собой локальную историю во всем, кроме названия.

¹³ Цит. по: *Фитьян-Адамс Ч.* Англия Хоскинса: гений локальной истории... С. 84.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же.

Интересно, что если в предшествовавший период история графства превратилась в сумму приходских историй, то затем, в 1990-е годы историки в поисках более масштабного пространства изучения разных сфер человеческой деятельности и социальных коммуникаций обратились к сетевой модели региона. И именно с деятельностью Чарльза Фитьян-Адамса, преемника У. Хоскинса в качестве директора Центра локальной истории в Лестерском университете, связан этот новый этап, на котором неизбежно отразились дискуссии вокруг разных версий микроисторического анализа и по вопросу о соотношении микроистории и макроанализа, а также разработки новых макроисторических моделей глобальной истории, «новой мировой истории» и «новой региональной истории». В разных их версиях объекты научного исследования и поставленные историками проблемы не укладываются в пространственно-временные рамки существования какого-либо государства и выводят на социально-территориальные структуры иных уровней, от локального до глобального¹⁶.

В сближающихся интерпретациях *глобальной и мировой истории* речь идет об активном взаимодействии между локальными и национальной культурами¹⁷. В этой ситуации особый интерес вызывает диалектика пересечений в модели обновленной региональной истории. Процессы регионализации (на разных уровнях и в различных конфигурациях), наблюдаемые, с одной стороны, в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы (на том самом, упомянутом выше *мезоуровне* «регионального общества и его экономики»), и, с другой – в сохранении культурных различий (как в рамках этих территориальных образований, так и между ними), привели к актуализации трансдисциплинарных региональных исследований.

¹⁶ Этой проблематике посвящена новая коллективная монография, в которой, в частности, подробно рассмотрены базовые принципы, теоретико-методологические проблемы и концептуальный аппарат «новой региональной истории». См.: Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / авт.: О.В. Воробьева, И.Н. Ионов, К.А. Панцеров, И.В. Побережников, Л.П. Репина, И.В. Следзевский, Я.Г. Шемякин; под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017.

¹⁷ *Лубский А.В.* Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 127.

В зависимости от специфики научной дисциплины в содержании «региона» акцентируются разные основания: например, экономисты определяют регион как хозяйственно-экономическую общность; географы подразумевают под ним административно-территориальную единицу; культурологи рассматривают регион как культурно-цивилизационное пространство и т. д. Наиболее осмысленная исследовательская модель опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединять несколько различных округов или существовать внутри одного из них, но, тем не менее, представляет собой определенную культурно-хозяйственную целостность на основе устойчивых связей, общих представлений, образа жизни, исторических традиций. Споры возникают и по вопросу определения, а точнее – конструирования границ изучаемых регионов. Трудность состоит в том, что понятия экономического, политического, культурного, информационного, ментального пространства, как правило, не являются четко локализованными. Возникает сложная проблема – соотношение регионального и общенационального, поскольку очевидно, что регион – это не просто уменьшенная копия страны, а страна не сводима к сумме своих регионов¹⁸.

Хотя в результате «культурного поворота», охватившего на исходе XX в. всю сферу социально-гуманитарного знания, приоритет в регионально-исторических научных исследованиях все больше переходит от сферы экономики к культурной специфике региональных сообществ, последние и сегодня нередко определяются по территориально-административным границам¹⁹ и номинируются по названиям соответствующих округов или исторических областей, причем, как правило, ретроспективно используются нынешние границы, без учета их подвижности и изменчи-

¹⁸ *Зубков К.И.* Структурный метод в региональных исторических исследованиях // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. Екатеринбург, 2000. С. 22.

¹⁹ См.: *Smith D., Wistrich E.* Collective Identities in a Changing World // Regional Identity and Diversity in Europe. L.; N.Y., 2007. P. 6–21. О теоретических подходах и концептуальных проблемах исторической лимнологии (исторической науки о границах и пограничных областях см.: *Верменич Я.В.* Историческая лимнология: проблемы концептуализации // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 5–26.

вой конфигурации. Имеющий многочисленных сторонников принцип комбинированности границ, отражающий поиски комплексного критерия вычленения региона (природно-географическая однородность, единообразие хозяйственной деятельности и культурной традиции, общность социальной структуры, населения, административно-территориальное оформление), даже с учетом процессов формирования и развития территориальных идентичностей, для региональной истории не является самодостаточным, поскольку не учитывает долгосрочной динамики.

Поскольку ни сугубо географические, ни административные таксономические единицы территориального членения не могут сегодня служить опорой теоретического «регионостроительства», споры вокруг дефиниций и критериев выделения изучаемых объектов остаются малопродуктивными и рискуют еще надолго затянуться. Так, известный британский ученый, видный теоретик локальной и региональной истории Джон Маршалл (1919–2008) полвека своей научной карьеры активно участвовал в дискуссиях по этим проблемам с представителями знаменитой «Лестерской школы», которые строили свои модели изучения локальной истории доиндустриального периода вокруг концепта «локального сообщества», а Маршалл отстаивал необходимость изучения более широких региональных контекстов для анализа реалий индустриальной эпохи²⁰.

Найти какой-то безупречно нейтральный термин невозможно, прежде всего, в силу историко-культурной «привязанности» всех понятий, имеющих хождение в мировой и отечественной историографии. Термин «регион/региональный» – наиболее нейтрален, он правомерно стал общепринятым в международном научном сообществе, так как дает возможность вербально предьявить отли-

²⁰ См. его убедительную аргументацию в пользу такого подхода: *Marshall J.D. The Study of Local and Regional "communities": some problems and possibilities // Northern History. 1981. Vol. 17. P. 203–230; Idem. Why Study Regions? // Journal of Regional and Local Studies. 1985. Vol. 5. P. 15–27; Idem. Why Study Regions? Some Historical Considerations // Journal of Regional and Local Studies. 1986. Vol. 6. № 1. P. 1–12; Idem. Communities, Societies, Regions and Local History: Perceptions of Locality in High and Low Furness // Local Historian. 1996. V. 26. № 1. P. 36–47; Idem. The Tyranny of the Discrete: a Discussion of the Problems of Local History in England. Aldershot: Taylor & Francis Ltd., 1997.*

чие научного подхода к изучению прошлого, обозначаемого данным термином, от традиционных для соответствующих национальных традиций историописания – «истории области/края» в России, «истории земли» в Германии, «истории провинции» во Франции (провинции в административно-территориальном значении, а не в значении периферии), «истории графства» в Англии, – оставив эти последние для обозначения объекта историко-историографического исследования и предмета изучения конкретных механизмов формирования культурно-исторической памяти.

Аллан Мегилл поставил вопрос о существующих формах региональной истории (от которых «новая региональная история» отталкивается), исходя из двух разных значений слова «регион»²¹. С одной стороны, «региональная история» берет в качестве объекта территорию внутри национального государства (Мегилл дал такой форме условное название «региональная история первого типа»). С другой стороны, иногда в качестве объекта региональной истории выступает территория, выходящая за пределы какой-либо суверенной целостности («региональная история второго типа»). Таким образом, получается, что «региональная история первого типа» существует между полюсами национальной истории и локальной истории, а «региональная история второго типа» – между полюсами национальной и мировой истории. Однако для исследований в парадигме «новой региональной истории» значимы не только пространственные, но также и временные измерения, и более того – как распределение или перемещения в первых, так и совпадение или расхождения в последних. В одних своих версиях региональная история смыкается с локальной историей, в других – дистанцируется от нее, причем границы между ними остаются неясными и зачастую просто не рефлексируются²². Здесь сразу же стоит уточнить, что речь все чаще идет не о территории, а именно о региональной культурной идентичности. Понятия «региональ-

²¹ Мегилл А. Границы и национальное государство: предварительные заметки // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 42–58.

²² Интересные примеры конструирования образов пограничья в северокавказском регионе приводит М.Е. Колесникова. См.: Колесникова М.Е. Образы границы и пограничья в сочинениях северокавказских исследователей XIX в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 306–314.

ной идентичности» и «региональной культуры» (или «культурной среды») трактуются в широком диапазоне, причем региональная культура определяется как «постоянно изменяющаяся культура, с глубокими корнями в прошлом и связями с природным окружением, но поддающаяся обновлению и изобретению традиций в настоящем»²³.

При высоком градусе терминологических споров представляется странным, что в них, как правило, обходится стороной вопрос содержательных различий локальной и региональной истории и связанный с ним вопрос о методологической трансформации наиболее продвинутых концепций «новой локальной истории»²⁴. Отсутствие четкого различения предметных полей локальной и региональной истории проявляется в их практическом отождествлении в учебных планах научно-образовательных центров. Показательна магистерская программа специализации по локальной и региональной истории Института исторических исследований Лондонского университета. Программа, в фокусе которой находится *история графств*, состоит из трех частей: общие подходы к региональной истории; пространственно-темпоральные определения регионов, миграция и этничность, экономика, политика и религия, культурная идентичность; внешние связи и влияния. При этом вводный курс включает базовую тему «Идентификация регионов». Магистерская программа в международном Центре региональной истории (Centre for Regional History) при Институте истории Северо-Восточной Англии (the North-East England History Institute) – предлагает более широкий подход к региональной истории, стимулируя применение в ней компаративного анализа в любом надрегиональном социально-пространственном контексте.

В плане концептуализации локальной и региональной истории передовые позиции принадлежат признанному специалисту Ч. Фитьян-Адамсу. Его известная концепция локальной соци-

²³ Royle E. Introduction: Regions and Identities // Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester, 1999. P. 10. См. также: Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003.

²⁴ О развитии концепций разных поколений представителей британской школы локальной истории см., напр.: The Changing Face of English Local History / Ed. by R.C. Richardson. Aldershot: Ashgate, 2000.

альной истории постепенно, но неуклонно расширялась и трансформировалась: от книги об отдельной городской общине через реконструкцию сельских сетей и взаимосвязей между городом и округой, и далее, через анализ региональной идентичности в пограничных областях и концепцию «культурных регионов», к обобщающему труду, в котором исследуется эволюция провинциальной Англии как целого, вместе с характерными для нее механизмами внутренней дифференциации, на историческом протяжении от Римской Британии до сегодняшнего дня, в широких контекстах всего Британского архипелага и континентальной Европы²⁵. Предложенная историком модель исследования, направленная на выявление локальных, региональных, межрегиональных социальных сетей и раскрытие конкретного содержания осуществляемых в них регулярных или спорадических взаимодействий (с учетом как интегрирующей деятельности «центра», так и собственного интегративного потенциала локальных структур) и выходами в транснациональное пространство, представляется самой многообещающей для развития современной региональной и транснациональной истории. Данная модель исторического исследования корреспондирует с концепцией регионов как серии связанных социальными отношениями перемежающихся пространств, разработанной британскими специалистами по географии регионов²⁶, но она заметно отличается от последней модели глубоко продуманным дополнением – включением, наряду с пространственным измерением, измерения темпорального – долговременной динамической составляющей. Вместе с тем, приходится признать, что от разработки модели до ее полноценной реализации «дистанция огромного размера».

²⁵ *Phythian-Adams Ch.* Re-thinking English Local History. Leicester, 1987; *Idem.* Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979; *Idem.* Introduction: An Agenda for the English Local History // *Societies, Cultures and Kinship 1580–1850: Cultural Provinces in English Local History* / Ed. by Ch. Phythian-Adams. L.; N.Y., 1993. P. 1–23; *Idem.* Land of the Cumbrians: A Study in British Provincial Origins AD 410–1120. Aldershot: Scolar Press; Brookfield, Vt.: Ashgate Pub., 1996.

²⁶ *Allen J., Massey D., Cochrane A.* Rethinking the Region. L.; N.Y.: Routledge, 1998.

На мой взгляд, для включения региональных исследований в сетевую структуру глобальной истории было бы полезно обратиться к социально-научной концепции "*path dependence*", подчеркивающей определенную зависимость результата динамических процессов от конкретной траектории пройденного исторического пути, по которому данный процесс следовал на протяжении известного периода времени, от событий, связанных с действиями различных групп акторов (в рамках данного социума) на предшествующих этапах развития соответствующего процесса, а следовательно, требующей от исследователя перехода от сверхшироких обобщений к глубокому пониманию конкретных характеристик культурного наследия изучаемого локального социума²⁷.

Профессиональный интерес к региональной истории во многом объясняется более общим процессом децентрализации исторической перспективы, разворачивающимся в разных направлениях, но не в меньшей степени и непосредственным усвоением социокультурного подхода в его различных предметных имплементациях. Как известно, региональный нарратив (как и любой другой исторический нарратив) может выступать объектом изучения в разных исследовательских контекстах: например, как форма исторической памяти, культурной идентификации локальных и региональных субъектов («региональной идентичности»), «историографического письма» или выражение исторического сознания²⁸. В этом плане представляется весьма важной задачей изучение опыта формирования представлений о прошлом в работах

²⁷ О теории "*path dependence*" см.: Норт Д. Институты и экономический рост // THESIS. 1993. № 2. С. 69–91; Афонцев С.А. Зависимость от пройденного пути, социальное действие и исторический процесс // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / ред.: Л.И. Бородин и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 21–36. Используя эту теорию («принцип колеи») в регионально-исторических исследованиях, нельзя, однако, забывать об экзогенных факторах, способных оказывать мощное воздействие на протекание региональных процессов, не только ускорять или замедлять, но даже решительно изменять траекторию развития.

²⁸ См., напр.: Deacon B. Regional identity in late nineteenth-century England: discursive terrains and rhetorical strategies / International Journal of Regional and Local History. 2016. Vol. 11. No. 2. P. 59–74; Мельникова О.М. История, историки и историческое сознание в региональном измерении // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 46–58.

региональных историков как носителей региональных культурных традиций²⁹.

В целом, в научных программах локальной и региональной истории (в том числе в *case studies*) превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии, выступающей в единстве своих социальных и когнитивных функций. В такой интеллектуальной атмосфере эффективное междисциплинарное сотрудничество может быть построено на разделяемой всеми его сторонами теоретической установке – приоритете социокультурного измерения и признании активной роли человека как в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого»), так и в формировании окружающей среды и пространства регионов³⁰. В связи с процессом регионализации, который является непосредственной реакцией на глобализационные процессы, чрезвычайно актуальной и критически важной задачей становится разработка проблемы межкультурного диалога вообще и, разумеется, диалога культур в его историческом измерении, в котором различные сценарии взаимодействия могут быть рассмотрены сквозь призму понимания «своего» и «чужого» прошлого. В этом плане любительские или полупрофессиональные / полупрофессиональные версии «областной истории», такие как "county history" донаучной эпохи, дают нам бесценный материал не только для исследования механизмов формирования социальных и региональных идентичностей, но также для понимания процессов их актуализации, воспроизводства и трансформации.

Афонцев С.А. Зависимость от пройденного пути, социальное действие и исторический процесс // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / ред.: Л.И. Бородин и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 21–36.

²⁹ См.: *Севастьянова А.А.* Формирование исторической памяти у провинциальных историков второй половины XVIII века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. 18–19 апреля 2018 г. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Book Jet, 2018. С. 424–428.

³⁰ Ср.: Place / Culture / Representation / Eds. J. Duncan and D. Ley. L., 1993; Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / под ред. А.С. Герца, Г.С. Лебедева. СПб., 1999.

Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. М.; Киров, 1995. 397 с.

Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.

Булыгина Т.А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад-Россия-Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Вып. 2. Ставрополь; М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. С. 415–420.

Верменич Я.В. Историческая лимнология: проблемы концептуализации // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 5–26.

Зубков К.И. Структурный метод в региональных исторических исследованиях // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. Екатеринбург, 2000. С. 19–27.

Колесникова М.Е. Образы границы и пограничья в сочинениях северокавказских исследователей XIX в. // Границы и пограничье в южно-российской истории: Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 306–314.

Корзун В.П. К спору о провинциальной исторической науке // Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика / под ред. В.П. Корзун. Омск, 1998. С. 129–137.

Корзун В.П. В поисках новой модели исследования региональной историографии // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: материалы науч. конф. 28–29 апреля 2005 г. М., 2005.

Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 341 с.

Макарихин В.П. Историческая мысль российских провинций на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 109–116.

Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. Вып. 7. Ставрополь. 2005. С. 5–31.

Маловичко С.И., Мохначева М.П. Регионалистика – историческое краеведение – локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости» // Харькiвський історіографічний збірник. Вип. 8. Харкiв, 2006. С. 23–37.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья первая // Регiональна історія України. Вип. 6. Київ., 2012. С. 9–22.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья вторая // Регiональна історія України. Київ, 2013. Вип. 7. С. 39–54.

Мегилл А. Границы и национальное государство: предварительные заметки // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 42–58.

Мельникова О.М. История, историки и историческое сознание в региональном измерении // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 46–58.

Методология региональных исторических исследований: Российский и зарубежный опыт. СПб.: Нотабене, 2000. 140 с.

Мохначева М.П. Провинциальная историография и историческое краеведение: предметные поля и дисциплинарные полномочия // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 202–216.

Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003. 206 с.

Норт Д. Институты и экономический рост // THESIS. 1993. № 2. С. 69–91.

Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / под ред. А.С. Герца, Г.С. Лебедева. СПб., 1999. 389 с.

Попова Т. Историографический процесс в региональном измерении: подходы и понятия // Историко-географічні дослідження в Україні. 2004. Вип. 7. С. 290–324.

Попова Т.Н. К анализу региональной историографии: институциональный подход // Регіональна історія України. Вип. 1. 2007. С. 47–66 и др.

Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / авторы: О.В. Воробьева, И.Н. Ионов, К.А. Панцерев, И.В. Побережников, Л.П. Репина, И.В. Следзевский, Я.Г. Шемякин; под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017. 560 с.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998.

Репина Л.П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 262–273.

Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия Российской академии наук, 1998. 239 с.

Севастьянова А.А. Регионология, краеведение и академическая наука // Вторые Яхонтовские чтения: материалы науч.-практ. конф. (Рязань, 23–25 октября 2002 г.). Рязань. 2002. С. 5–10.

Севастьянова А.А. Формирование исторической памяти у провинциальных историков второй половины XVIII века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: сб. ст. III Междунар. науч.-

практ. конф. 18–19 апреля 2018 г. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Book Jet, 2018. С. 424–428.

Фитьян-Адамс Ч. Англия Хоскинса: гений локальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире: сб. ст. / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 82–99.

Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. СПб., 2000. С. 11–15.

Allen J., Massey D., Cochrane A. Rethinking the Region. L.; N.Y.: Routledge, 1998. 342 p.

Broadway J. 'No historie so meete'. Gentry Culture and the Development of Local History in Elizabethan and Early Stuart England. Manchester, 2006. 252 p.

The Changing Face of English Local History / Ed. by R.C. Richardson. Aldershot, 2000. 218 p.

Day C. Warwickshire // English County Histories: A Guide / Ed. by C.R.J. Currie and C.P. Lewis. Stroud: Alan Sutton, 1994. P. 396–410.

Deacon B. Regional identity in late nineteenth-century England: discursive terrains and rhetorical strategies / International Journal of Regional and Local History. 2016. Vol. 11. No. 2. P. 59–74.

English County Histories: A Guide / Ed. by C.R.J. Currie and C.P. Lewis. Stroud: Alan Sutton, 1994. 483 p.

Greenslade M.W. Introduction: County History // English County Histories: A Guide / Ed. by C.R.J. Currie and C.P. Lewis. Stroud: Alan Sutton, 1994. P. 9–25.

Marshall J.D. The Study of Local and Regional "communities": some problems and possibilities // Northern History. 1981. Vol. 17. P. 203–230.

Marshall J.D. Why Study Regions? // Journal of Regional and Local Studies. 1985. Vol. 5. P. 15–27.

Marshall J.D. Why Study Regions? Some Historical Considerations // Journal of Regional and Local Studies. 1986. Vol. 6. № 1. P. 1–12.

Marshall J.D. Communities, Societies, Regions and Local History: Perceptions of Locality in High and Low Furness // Local Historian. 1996. Vol. 26. № 1. P. 36–47.

Marshall J.D. The Tyranny of the Discrete: a Discussion of the Problems of Local History in England. Aldershot: Taylor & Francis, 1997. 162 p.

Phythian-Adams Ch. Re-thinking English Local History. Leicester, 1987. 58 p.

Phythian-Adams Ch. Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979. 350 p.

Phythian-Adams Ch. Introduction: An Agenda for the English Local History // *Societies, Cultures and Kinship 1580–1850: Cultural Provinces in English Local History* / Ed. by Ch. Phythian-Adams. L.; N.Y., 1993. P. 1–23.

Phythian-Adams Ch. Land of the Cumbrians: A Study in British Provincial Origins AD 410–1120. Aldershot: Scolar Press; Brookfield, Vt.: Ashgate Pub., 1996. 207 p.

Place / Culture / Representation / Eds. J. Duncan and D. Ley. L., 1993. 341 p.

Rogers K., Crowley D. Wiltshire // *English County Histories: A Guide* / Ed. by C.R.J. Currie and C.P. Lewis. Stroud: Alan Sutton, 1994. P. 411–422.

Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester, 1999. 272 p.

Smith D., Wistrich E. Collective Identities in a Changing World // *Regional Identity and Diversity in Europe*. L.; N.Y., 2007. P. 6–21.

Стихи российских историков как исторический и историографический источник

Статья посвящена рассмотрению информационного потенциала стихотворных произведений отечественных историков XX в. как одного из видов эго-документов. Анализ предпринят на материалах стихов, принадлежащих перу выдающегося русского и советского историка Н.И. Кареева. Показано, что содержащаяся в них информация позволяет дополнять и уточнять прочие виды эго-документов, такие как переписка, дневники и воспоминания. Стихотворения историков дают возможность приоткрыть духовный мир историка, увидеть его нравственные и гражданские ориентиры. Вместе с тем, они в определенной степени характеризуют атмосферу, существовавшую в корпорации советских историков, показывают особенности ее восприятия отдельными учеными. В статье показано, что крайняя субъективность поэтического наследия историков не только требует особого к себе отношения, но одновременно позволяет полнее раскрыть индивидуальность ученого.

Ключевые слова: историческая наука России XX в., генерации советских историков, эго-документы, стихи историков, Н.И. Кареев, А.И. Неусыхин, А. Допш, Ф.Ф. Кокошкин, А.Ф. Шингарев.

L.A. Sidorova

Poems of Russian historians as a historical and historiographical source

The article is devoted to the consideration of the information potential of the poetic works of Russian historians of the 20th century as one of the types of ego-documents. The analysis is made on the materials of poems belonging to the pen of the outstanding Russian and Soviet historian N.I. Kareev. It is shown that the information contained in them makes it possible to supplement and refine other types of ego-documents, such as correspondence, diaries and memoirs. The poems of historians give an opportunity to reveal the spiritual world of the historian, to see his moral and civic guidelines. At the same time, they to some extent characterize the atmosphere that existed in the corporation of Soviet historians, show the peculiarities of its perception by individual scientists. The article shows that the extreme subjectivity of

the poetic heritage of historians not only requires special treatment, but at the same time allows fuller disclosure of the individuality of the scientist.

Key words: historical science of Russia of the 20th century, generations of Soviet historians, ego-documents, poems by historians, N.I. Kareev, A.I. Neusikhin, A. Dopsh, F.F. Kokoshkin, A.F. Shingarev.

В современной отечественной исторической науке значительно возросла доля и значение эго-документов при изучении проблем исторического прошлого, в том числе и истории самой исторической науки. Во многом это связано с возрастанием интереса к человеку как субъекту истории, к социальной психологии отдельных групп населения, к исторической антропологии в целом. Историки активно используют переписку, дневники и воспоминания известных политиков, военачальников, ученых, деятелей культуры. Многие из этих личных документов опубликованы. Интерес вызывают не только эго-документы, относящиеся к деятельности выдающихся личностей, но и свидетельства о жизни, оставленные частными лицами и даже детьми¹. Несмотря на присущую таким документам субъективность, а подчас и благодаря ей, они часто во многих отношениях становятся уникальными историческими источниками, не только дополняющими уже существующее знание, но и позволяющими взглянуть на многие проблемы с новой стороны.

Особое значение источники личного происхождения имеют для изучения истории исторической науки. Исследовательская деятельность требует от историка эрудиции и профессионализма. Одновременно ее характер и результаты во многом зависят от его представлений об окружающем мире и происходящих в нем событиях. Поэтому понимание личности историка помогает раскрыть побудительные мотивы научного творчества, более объективно оценить вклад в науку того или иного ученого.

Эго-документы, на которые современные историографы опираются в своей работе, увеличиваются не только количественно.

¹ Напр.: Дети эмиграции. Воспоминания. М.: Аграф, 2001; «Все, что я помню». Воспоминания Ираиды Белорусс-Белошевской о бегстве из России // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 15–30.

В их число, помимо названных выше переписки, дневников и воспоминаний, стали включаться, например, рисунки, выполненные историками. Так, основываясь на присутствующих в записях крупнейшего знатока русского феодализма С.В. Бахрушина графических зарисовках, исследователь его творчества А.М. Дубровский высказывает интересные суждения об особенностях межличностных отношений в корпорации советских историков².

Как справедливо отмечала О.М. Медушевская, произведенный автором интеллектуальный продукт становится источником информации о человеке и исторической культуре его времени³. В данной статье речь пойдет об эвристическом потенциале стихов, вышедших из-под пера самих историков. Разные по своим художественным достоинствам – от просто рифмованной реакции на события в их жизни до подлинных образцов высокой поэзии, они, тем не менее, в равной мере рассказывают о своих создателях, их мыслях, переживаниях и научных практиках и одновременно о культуре эпохи, им современной. Поэтому стихи историков можно рассматривать как исторический и историографический источник одновременно, добавив этот вид источника к уже традиционным обозначаемым видам источников⁴.

В этой связи велико значение изданного, к сожалению, недавно ушедшей из жизни А.А. Сванидзе сборника стихов русских и советских историков, которому она дала символичное название – «Вторая муза историка»⁵. Эта публикация стала результатом «продолжительной, хлопотливой и увлекательной работы»⁶ историка, плоды которой будут, несомненно, очень полезны историографам.

² Дубровский А.М. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Вып. 3. Брянск: БрГУ, 2004. С. 242–272.

³ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 54.

⁴ О видах историографических источников см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.] Вып. 11. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та, 2017. С. 77–99.

⁵ Вторая муза историка: Незученные страницы русской культуры XX столетия / сост., коммент. А.А. Сванидзе; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2003.

⁶ Там же. С. 6.

Обратимся, например, к стихотворениям Н.И. Кареева (1850–1931), известного русского историка и социолога, которые открывают данное издание. Николай Иванович, следуя давней традиции русской интеллигенции, писал стихи. Проанализируем содержание некоторых из них, оставив в стороне их всевозможные плюсы и минусы как литературных произведений.

Начнем со стихотворения Н.И. Кареева «Венцы мученья вы стяжали», которое датировано 26–28 января 1918 г. Оно было посвящено убийству деятелей партии кадетов Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, произошедшему в ночь на 7 (20) января 1918 г. Предыстория этого трагического события была такова. После взятия большевиками власти в октябре 1917 г. вместе с другими министрами Временного правительства они были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. По состоянию здоровья 6 (19) января 1918 г. Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев были переведены в Мариинскую больницу, где были убиты революционными матросами и солдатами.

В своей вступительной статье к публикации трудов Ф.Ф. Кокошкина, выдающегося российского специалиста в области государственного права, А.Н. Медушевский отмечает, что появившаяся вскоре после убийства официальная точка зрения на данное событие, признавшая его «случайным», вызывает ряд сомнений. Он пишет, что есть сведения, что В.Д. Бонч-Бруевич отговаривал жену Ф.Ф. Кокошкина от перевода мужа в больницу, и приводит его слова: «Ну так помните, что я сделал все, чтобы отговорить Вас»⁷. П.Н. Милюков, как и другие члены конституционно-демократической партии, прямо обвиняли большевиков в организации этого покушения. Не беря на себя задачи установления причин произошедшего, А.М. Медушевский подчеркивает, что «устранение Кокошкина – одного из лидеров кадетской партии и одновременно одного из руководителей подготовки к Учредительному собранию – было крайне целесообразно для формирующейся диктатуры»⁸. Все это в равной степени относится и к А.И. Шингареву.

⁷ Медушевский А.Н. Федор Федорович Кокошкин // Кокошкин Ф.Ф. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 54.

⁸ Там же. С. 55.

Стихотворение Н.И. Кареева состоит из четырех частей. Первая часть предваряет грядущее событие, вторая – повествует о нем. В третьей части автор дает свое видение случившегося, в четвертой – оценивает его в исторической перспективе. Описание той роковой ночи Н.И. Кареев начал с появления в Мариинской больнице Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева:

«Двух узников перевели
Вчера в больничные палаты,
И караулить их пришли
Вооруженные солдаты»⁹.

В немногих строках обрисовывая «за день уставшую больницу» как оазис мира и милосердия, Николай Иванович подчеркивает особый цинизм замышлявшегося преступления, нарушавшего все правила человеческого общежития:

«Недужный узник, дважды свят,
Лишен здоровья и свободы,
Его несчастья крепко чтят
С начала мира все народы»¹⁰.

Затем историк воспроизводит событийную канву убийства Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, называя случившееся «бессмысленной ужасной драмой»¹¹. Переживая и анализируя данное событие, Н.И. Кареев раскрывает свои общественно-политические взгляды, что очень важно, и вот почему. Публикатор воспоминаний Н.И. Кареева и исследователь его деятельности В.П. Золотарев писал, что очень мало известно о политической позиции историка в 1918 г., связывая такое положение дел с его пребыванием в 1918–1920 гг. в сельце Аносове Смоленской губернии¹².

В качестве «единственного пока свидетельства» он привел ссылку на газету «Наш век» от 11 (24) июля 1918 г., в которой бы-

⁹ Цит. по: Вторая муза историка. С. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² *Золотарев В.П.* Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. С. 28; *Золотарев В.П.* Николай Иванович Кареев // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Всеобщая история. С. 276–293.

ло напечатано изложение выступления Н.И. Кареева на собрании, посвященном 12-й годовщине I Государственной думы. «Если верить газете, – писал В.П. Золотарев, – то у Н.И. Кареева в первой половине 1918 г., т. е. в острый период гражданской войны в нашей стране, была уверенность на скорое окончание "лихолетья", причем окончание ему мыслилось в виде осуществления кадетских идеалов I Государственной думы»¹³.

Надо заметить, что Н.И. Кареева в целом отличала крайняя немногословность в изложении своих взглядов. В воспоминаниях он писал, что был всегда скрытен и не хотел, чтобы кому-либо когда-либо попадались его записи интимных переживаний, а когда же у него «завелись политические мысли и нигилистические знакомства, считал и небезопасным записывание многого при тех полицейских обысках, которые были столь обычным бытовым явлением»¹⁴.

Эти слова Николая Ивановича относились к условиям России самодержавной, однако нет никаких оснований полагать, что в послеоктябрьский период он стал откровеннее в выражении своих общественных взглядов. Имея в виду это обстоятельство, еще важнее становятся свидетельства его политических пристрастий, содержащиеся в стихотворении на смерть Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что в нем, написанном в момент эмоционального потрясения автора и не предназначавшемся для печати, Н.И. Кареев обнаружил свое подлинное отношение к ряду общественно-политических проблем России.

В двух последних частях своего стихотворения он поставил ряд существенных вопросов, касающихся судеб народа, власти, политиков в переломный момент истории России. Для него Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев – уже не просто общественные деятели и товарищи по кадетской партии. Трагическая смерть обоих поставила их в глазах Н.И. Кареева в разряд мучеников за свободу России:

¹³ Золотарев В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое». С. 28.

¹⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 175.

«Убитых кто из нас не знал –
Свободы рыцарей народной.
У них был в жизни идеал,
У них был подвиг благородный.
Завет священный им светил
Свободы, равенства и братства,
Поднятый ими идеал –
Все их духовное богатство»¹⁵.

Героям своего стихотворения Н.И. Кареев противопоставил их убийц. Хотя их имена были хорошо известны, историк не счел нужным конкретизировать их образы. Для него они были олицетворением «народа темной стихии»¹⁶. Их характеристика кратка, но выразительна:

«Пришли убивцы и ушли:
Ум мутен, чувство озверело.
За подвиг доблестный сочли
Свое убийство, право дело.
В их головах был полный мрак,
В сердцах у них играла злоба,
В убитых чудился им враг,
И был их лозунг – мстить до гроба»¹⁷.

В словах Н.И. Кареева нет интеллигентской идеализации народа, преклонения перед революционным натиском. Однако он не спешил возложить всю вину на этих красногвардейцев и матросов, убивших Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. Для Николая Ивановича они были слепым орудием большевистской диктатуры, разогнавшей Учредительное собрание и объявившее прочие партии «врагами народа». Он подчеркивал, что будущие убийцы были «зомбированы» большевистской пропагандой:

«Вокруг твердили им одно:
"Смотрите, вот враги народа,
Им если будет жить дано –
Погибла русская свобода!"»¹⁸

¹⁵ Цит. по: Вторая муза историка. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же.

Продолжая свою мысль, Н.И. Кареев обратился к библейским и историческим сюжетам, в изложении которых подчеркивал эффект толпы и одновременно всепрощение страдающей стороны. Он писал:

«Не так ли точно в оны дни
Толпа кричала пред Пилатом:
"Распни его, распни, распни,
Его мы не считаем братом!"
"Прости, не видят, что творят", -
Молился праведник распятый,
Своих убийц простивший брат,
За них весь кровию объятый»¹⁹.

Второй пример Н.И. Кареев взял из истории чешской Реформации, повествуя о сожжении Яна Гуса:

«Когда для Гуса на костер
Старуха дров несла слепая,
Как кроток был его укор:
"Какая простота святая!"»²⁰

В понимании Н.И. Кареева А.Н. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин – не единственные жертвы преступления. Люди, его совершившие, являются, в свою очередь, жертвами идеологической пропаганды, *sancta simplicitas* русской революции. Вина за случившееся возлагается, таким образом, на силы, ими руководившими.

Последние слова А.Н. Шингарева – «...что делаете, братцы?» – обращенные им к своим убийцам, Н.И. Кареев связывает с мировоззренческой позицией деятелей кадетской партии, от которых «не слышен зов к братоубийству в дикой мести»²¹, их надеждами на мирное, конституционное разрешение накопившихся в России социально-экономических и политических проблем.

В мольбе А.Н. Шингарева Н.И. Кареев слышит отзвук христианского отношения к народу. Историк подчеркивает, что Ф.Ф. Кокошкин и А.Н. Шингарев – не «враги», а «друзья народа и свободы»²².

¹⁹ Цит. по: Вторая муза историка. С. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 17.

В заключительных строках своего стихотворения Н.И. Кареев выражает уверенность, что эта тяжелая полоса в жизни России минует:

«Наступит день, и ваш завет
Узрит пречистая Россия,
Когда воспримет правды свет
Народа темная стихия»²³.

Таким образом, эти слова являются еще одним подтверждением мысли Н.И. Кареева о том, что «лихолетье» в России минует и страна встанет на конституционно-демократический путь развития, о котором мечтал сам автор и герои его стихотворения.

В стихах Н.И. Кареева можно отыскать интересные детали, касающиеся его профессиональной деятельности и сообщества историков в целом. В этом отношении весьма показательным его посвящение «Ивану Михайловичу Гревсу», сделанное им по случаю семидесятилетнего юбилея своего коллеги по историческому цеху 4 мая 1930 г. Это стихотворение не содержит превознесения научных заслуг ученого, которые были для его автора, конечно, несомненны, и что скорее отвечало бы жанру этого произведения.

Однако свое внимание Н.И. Кареев сосредоточил на другой проблеме – нравственной позиции ученого в условиях совершавшихся перемен в стране и науке на рубеже 1920–1930-х гг. И это не было случайностью. Избранный ракурс был предопределен: процесс Промпартии и особенно «Академическое дело» в исторической науке дали именно такое направление поэтической мысли Н.И. Кареева.

Прежде всего, его восхищала духовная стойкость И.М. Гревса. Обращаясь к своему товарищу-историку, он писал:

«Вступив в семидесятый год,
Ты юность духа сохраняешь,
И всем пример того являешь,
Чем стойкий человек живет»²⁴.

Называя время, переживаемое в тот момент советской исторической наукой, «днями окружающих шатаний», Николай Иванович выразил свое восхищение И.М. Гревсом, для которого до-

²³ Цит. по: Вторая муза историка. С. 16.

²⁴ Там же. С. 22.

роже всех благ были «заветы былых мечтаний»²⁵. Он отмечал ясность и определенность принципов, которыми Иван Михайлович руководствовался в своей деятельности:

«И прост твой признанный канон,
Когда долг совести и чести
Велит стоять тебе на месте:
"Ei omnes sic, at ego non!"»²⁶

Н.И. Кареев осознавал всю трудность жизненной позиции ученого, находящегося вне, говоря современным языком, *main stream*'а советской исторической науки, и, тем не менее, полагал, что «себе быть верным – добродетель»²⁷.

Однако за такую «добродетель» приходилось платить высокую цену. Развернувшаяся на рубеже 1920-х – 1930-х гг. кампания критики «буржуазных» историков-всеобщников (Е.В.Тарле, Д.М. Петрушевского, Н.И. Кареева и др.), свидетельствовала, что независимость в методах исторического исследования могла рассматриваться как «нелояльность советской власти». Об этом прямо заявил Н.М. Лукин в своем выступлении на открытом заседании методологической секции Общества историков-марксистов 18 декабря 1930 г. Он предложил «гораздо осмотрительнее и строже подходить к тем беспартийным ученым-специалистам, с которыми так или иначе приходится работать, которых нам так или иначе приходится использовать»²⁸.

Подобные высказывания чрезвычайно тревожили историков «старой школы», так как сулили им всевозможные осложнения в жизни и научной деятельности. Однако привычная сдержанность историков, получивших «черную метку», в реакции на такого рода руководящие указания затушевывает их действительное восприятия произошедшего. Именно в этих случаях наиболее искренним и информативным источником оказываются стихи историков, которых, к сожалению, чрезвычайно мало.

Например, о степени воздействия идеологических кампаний, осуществлявшихся историками-марксистами, на эмоциональное

²⁵ Цит. по: Вторая муза историка. С. 22.

²⁶ Там же. С. 22–23.

²⁷ Там же.

²⁸ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 46.

состояние «буржуазных» историков, можно судить по стихотворению Н.И. Кареева «Видали ль вы, как матерого зверя». Оно было написано историком, как полагает В.П. Золотарев, «в период тяжелейших переживаний, обрушившихся на Н.И. Кареева после грубой критики»²⁹.

В своем стихотворении Николай Иванович вопрошает своего заочного собеседника:

«Видали ль вы, как матерого зверя,
Беспомощно прижатого к стене,
Горячих свора прижимает псов»³⁰.

Далее он описывает переживания попавшего в безысходное положение зверя:

«Бедняга дрожит весь, трепещет и робеет
Перед отверстыми, зубастыми их ртами
И бесконечно яростным их лаем,
И вам беднягу делается жаль»³¹.

Продолжая эту тему, Н.И. Кареев предлагает пример города, осажденного врагом, жители которого также вызывают сочувствие. Далее он переходит к описанию собственного состояния духа, рассчитывая на сострадание читающего эти строки:

«Так пожалейте ж, о други, и меня,
Когда и я, к стене припертый,
Сижу, как неподвижный истукан,
Перед кружком ретивых живописцев,
Рисующих и ищущих добычи»³².

Вполне объяснимо, почему Н.И. Кареев изобразил себя изнемогавшим от позирования перед художниками. Эта ассоциация возникла не случайно: Николай Иванович жил вместе с семьей дочери, бывшей замужем за известным художником Орестом Верейским, и тяготы этого положения – долго находиться в предписанной позе – были ему знакомы.

Наибольший интерес представляет сама аллегория (автор – загнанный зверь), к которой Н.И. Кареев прибегает в своем стихо-

²⁹ Вторая муза историка. С. 28.

³⁰ Там же. С. 23.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же.

творении. Она расшифровывается довольно просто. Под «кружком ретивых живописцев» легко угадывается Общество историков-марксистов и поколение молодых историков-марксистов в целом, перед которыми маститый ученый чувствовал себя «затравленным медведем, иль городом, обложенным со всех сторон»³³. В этом стихотворении в художественных образах отражена вся суть происходившей на рубеже 1920–1930-х гг. схватки между двумя поколениями историков – «старой» и «красной» профессуры.

Не менее любопытно стихотворение Н.И. Кареева, в названии которого – только коротенькое слово «как» с вопросительным знаком на конце. Датировано оно 1930 г. В нем автор выражает свое отношение к методологическому монизму, утверждавшемуся в советской исторической науке. Стихотворение вводит читателя в атмосферу исторической науки того времени. Позволю себе высказать предположение, что его появление было связано с выходом в свет в 1929 г. книги ученика Д.М. Петрушевского А.И. Неусыхина (1898–1969) «Общественный строй древних германцев»³⁴.

В этой монографии тогда еще только начинавший свою научную деятельность исследователь проводил мысль, что движущей силой в древнегерманском обществе были дружины, окружавшие королей, и что в нем не было никаких следов общинной собственности.

Характеризуя подход к данной проблеме А.И. Неусыхина, А.Я. Гуревич отметил, что в нем историк проявил себя «последователем Маркса, испытавшим влияние взглядов Макса Вебера, Риккерта и Допша»³⁵. Однако эти влияния были уже неуместны, как и носившая их отзвук книга А.И. Неусыхина. Ее концепция противоречила оценкам древнегерманского общества К. Маркса и Ф. Энгельса, которые разделяли выдвинутую в первой половине XIX в. немецкой историографией общинную теорию (Markgenossenschaften).

В своей дальнейшей научной деятельности А.И. Неусыхин придерживался общепринятой в советской историографии общин-

³³ Вторая муза историка. С. 24.

³⁴ *Неусыхин А.И.* Общественный строй древних германцев. М.: Изд. ГПИБ, 2001.

³⁵ *Гуревич А.Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 90.

ной теории, хотя никогда от той книги «не отмежевывался», но, постоянно ссылаясь на свои прежние работы, все же ни разу не упомянул «Общественный строй древних германцев». А.Я. Гуревич усматривает в этой фигуре умолчания желание историка, чтобы данная монография изгладилась из памяти научного сообщества³⁶.

В стихотворении Н.И. Кареева, которое, как говорится в примечаниях к нему В.П. Золотарева, явно не дописано³⁷, сказано достаточно, чтобы ощутить разрыв, существовавший между историками «старой школы» и все увереннее позиционировавшей себя генерацией историков-марксистов.

Стихотворение небольшое и состоит из двух частей. Прочитируем первую из них:

«Как?! Допша нам к себе пустить,
Хоть и не жить, а только погостить?
Да разве это допустимо?
Пусть Допш проваливает мимо.
Конечно, в исторической науке
У Допша есть большой багаж.
И можем мы его читать без скуки,
Но облик-то его совсем не наш.
Он не купается лишь в нашей речке,
Да и танцует не от нашей печки»³⁸.

В ней хорошо прочитывается отношение к А. Допшу (1868–1953), известному австрийскому медиевисту, который отстаивал идею наличия частной собственности на землю у древних германцев. Причем одновременно видны два подхода к оценке предлагавшихся им выводов.

Повествование в первой части стихотворения Н.И. Кареев ведет от лица историков-марксистов, в представлениях которых «буржуазный» историк А. Допш не должен даже ненадолго поселиться на страницах марксистских исследований. Задиристый тон новой генерации историков России проистекал не только от их уверенности в универсальности и непогрешимости своих мето-

³⁶ Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 90.

³⁷ Вторая муза историка. С. 28.

³⁸ Там же. С. 23.

дов. Он подогревался также критическими высказываниями западных историков в адрес их коллег в СССР. На уже упоминавшемся заседании методологической секции Общества историков-марксистов Н.М. Лукин опротестовывал обвинения иностранных историков «против советских историков-марксистов, якобы превративших марксизм в догму, подчинивших свои научные выводы задачам текущей политики и ищущих классовую борьбу даже там, где нет никаких следов ее существования»³⁹.

В стихотворении Н.И. Кареева, все же отдавая дань стилю работ А. Допша, историки-марксисты признают его чуждым марксистской науке и лично, и по методу. Избранная автором сатирическая форма стиха с предельной ясностью показывает, что сам историк не разделял этого отношения к творчеству австрийского медиевиста.

Если героем первой части стихотворения является А. Допш, то герой второй части, по моему мнению, – А.И. Неусыхин. Приведем ее текст также полностью:

«В своем неведении счастливо
Он одного лишь М. зна[ва]л,
Который был издатель «Нивы»,
Другого ж не подозревал.
Октябрь ему открыл глаза,
И бывши прежде Октября,
Не знал он в Марксе ни черта,
Он⁴⁰ объявил себя марксистом»⁴¹.

Конечно, такая трактовка стихотворения Н.И. Кареева кому-то покажется спорной. Однако дискуссионной может быть, скорее, предложенная конкретная персона историка, но не собирательный образ молодого историка-марксиста, который угадывается в строках, приведенных выше. Любопытно, что заплутать «меж двух Марксов» случилось, вероятно, не одному представителю марксистской генерации. Юная М.В. Нечкина призналась в своем дневнике, что ее «довольно долго ставило в тупик часто попадав-

³⁹ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 45.

⁴⁰ «Он» – публикатор считает опиской. Предлагает – «но».

⁴¹ Вторая муза историка. С. 23.

шееся имя [К.] Маркса», которого она на первых порах «путала... с издателем "Нивы"»⁴².

В последних строках своего стихотворения Н.И. Кареев обозначил одну из интересных особенностей формирования кадров молодых историков-марксистов. Он уловил важную для отечественной исторической науки тенденцию, подтверждавшую, что развитие науки зависит не только от внешних вызовов, но обусловлено ее традициями и законами развития научного знания. Вокруг историков «старой школы», несмотря на все предпринимаемые руководством «исторического фронта» меры, образовывались неформальные научные кружки. «Буржуазным ученым, в особенности русским историкам (т. е. занимавшимся русской историей. – Л.С.) и Петрушевскому, удалось собрать вокруг себя группку молодежи, всецело стоящей на их позициях, защищающей буржуазную идеологию»,⁴³ – негодовал в 1928 г. непримиримый историк-марксист С.А. Пионтковский, в отношении которого к «старой» профессуре, как верно заметила В.П. Корзун, «не только сквозит ненависть к буржуазным историкам», «сколько проявляется кризис идентичности» самого историка, «его неумение войти в образ дореволюционной науки, наладить содержательный диалог с ее представителями»⁴⁴. В числе этих молодых людей был и ученик Д.М. Петрушевского А.И. Неусыхин.

Стоит заметить, что тон второй части стихотворения Н.И. Кареева также носит довольно-таки саркастический характер. Однако ее незавершенность не позволяет сделать окончательный вывод о его отношении к молодому историку-марксисту, оказавшемуся в центре его поэтического опуса. Но даже такой небольшой стихотворный фрагмент помогает лучше понять историка в конкретных условиях его времени.

⁴² «И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 81.

⁴³ Дневник историка С.А.Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань: Казанский ГУ, 2009. С. 116.

⁴⁴ *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* Историк на рубеже эпох: варианты личностной и профессиональной самоидентификации (М.А. Гудошников, С.А. Пионтковский, А.Г. Маньков) // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії: досвід переживання: [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. Д., 2017. С. 129–147.*

Таким образом, приведенные отдельные примеры поэтических занятий только одного историка, Н.И. Кареева, убедительно показывают, что использование этого вида эго-источников может расширить горизонты представлений о многообразном и меняющемся мире историков. Даже несовершенные по форме стихи становятся дополнительным источником информации о научной деятельности и общественных взглядах историков, об их духовно-нравственных ориентирах. Конечно, можно возразить, что образ стихотворца и образ историка не всегда совпадают, что субъективность таких источников очень высока и пр. Но при всех особенностях их использования, требующих от исследователя вдумчивого и профессионального подхода, эти стихи, несомненно, обогатят творческую палитру историков.

«Все, что я помню». Воспоминания Ираиды Белорусс-Белошевской о бегстве из России // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 15–30.

Вторая муза историка: Незученные страницы русской культуры XX столетия / сост., коммент. А.А. Сванидзе; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2003.

Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.

Дети эмиграции. Воспоминания. М.: Аграф, 2001.

Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань: Казанский ГУ, 2009.

Дубровский А.М. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: сб. ст. и материалов. Вып. 3. Брянск: БрГУ, 2004. С. 242–272.

Золотарев В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментарий В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990.

Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. Всеобщая история. С. 276–293.

И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М., 2013.

Колеватов Д.М., Корзун В.П. Историк на рубеже эпох: варианты личностной и профессиональной самоидентификации (М.А. Гудошников,

С.А. Пионтковский, А.Г. Маньков) // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Історик на зламах історії: досвід переживання: [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. Д., 2017. С. 129–147.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.] Вып. 11. Омск: Изд. Ом. гос. ун-та, 2017. С. 77–99.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.

Медушевский А.Н. Федор Федорович Кокошкин // Кокошкин Ф.Ф. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010.

Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М.: Изд. ГПИБ, 2001.

Мир историка и антропологизация историографии в XXI веке

В статье осмысливается антропологизация историографии в начале нового тысячелетия на пересечении философских и дисциплинарных трансформаций. Показано, что в антропологическом подходе важен не только интерес к человеку, но поиск способов мыслить и писать иначе, чем было принято раньше. Историки много сделали для переопределения исторической дисциплины в русле *истории историков* и *истории историографии*, но «тайна антропологии науки» до сих пор не расшифрована (Б. Латур). В XXI веке интенсификация исследовательского усилия в «многоликой» историографии проявляется в прагматической эпистемологии ученого, основанной на трансдисциплинарном способе проблематизации социокультурных практик.

Ключевые слова: субъектность историка, антропологизация историографии, междисциплинарность, мировая наука, эпистемология в истории.

Z.A. Chekantseva

The historian's world and anthropology of historiography in the 21st century

The article comprehends the anthropology of historiography at the beginning of the new millennium at the intersection of philosophical and disciplinary transformations. It is shown that in the anthropological approach, it is important not only to interest in a person, but also to search for ways to think and write differently from what was done before. Historians have done a lot to redefine the historical discipline in the history of historians and the history of historiography, but the "mystery of the anthropology of science" has not yet been deciphered (B. Latour). In the 21st century, the intensification of the research effort in the "multifaceted" historiography is manifested in the pragmatic epistemology of the scientist, based on the transdisciplinary method of problematization of sociocultural practices.

Key words: historian's subjectivity, anthropology of historiography, transdisciplinary, world science, epistemology in history.

К вопросу о трансдисциплинарных трансформациях на пороге XXI века

И.М. Савельева в недавней статье убедительно показала, что формы и способы историописания в новом тысячелетии радикально трансформировались. Такая трансформация порождена не только дисциплинарной логикой развития исторического познания, но и характером междисциплинарных альянсов истории с другими науками¹. Расширяется круг профессиональных историков, предпочитающих позиционировать себя вне дисциплины². Во Франции такое наблюдение справедливо по отношению к очень разным историкам интеллектуалам, труд которых обогатил все социальные науки, а не только историографию: М. Фуко, М. де Серто, П. Нора, Ж. Нуарьель и др. В то же время историки держатся на расстоянии от «философии истории» в классическом смысле этого слова, потому что она неразрывно связана с традиционной всеобщей историей, претендующей на универсальность и постулирует хронологию, этапы развития, целостность, системность, дисциплинарные нормы и стандарты, принятые в сообществе историков и пр.

В условиях глобализации и информационной революции, кардинально меняющих отношения между национальной и транснациональной историей, топографическая оптика и осмысление встречи миров в конкретном хронотопе порождает принципиально новые вопросы и требует интенсификации рефлексивного усилия при определении предмета исследования и выборе источников, а также обстоятельного изучения историографического материала в контексте междисциплинарного подхода. Обсуждение трансдисциплинарных проблем становится нормой не только в индивидуальных авторских текстах, но и в коллективных обращениях разного уровня. Например, в 1996 г. комиссия ученых во главе с И. Валлернстайном проанализировала новые тенденции в социогуманитарном познании и в специальном манифесте призвала

¹ Савельева И.М. Историческая наука XXI веке. Ключевые слова // Диалог со временем 58. М.: ИВИ РАН; Аквилон. 2017. С. 5–24.

² Boucheron P : "Les historiens se doivent d'être indisciplinés". Gilles Heuré Publié le 08/03/2015. Mis à jour le 01/02/2018 à 09h01. URL: <http://www.telerama.fr/idees/patrick-boucheron-les-historiens-se-doivent-d-etre-indisciplines,123682.php>.

переосмыслить отношения между наукой и социумом³. Главное в этих новых тенденциях: проблематизация границ между человеком и природой; восстановление в правах времени и пространства как переменных составляющих аналитического инструментария социальных наук; учет историчности явлений и перенос акцента на их сложность, темпоральность и нестабильность; пересмотр базовых дихотомий социальных наук: единичное/общее, индивидуальное/коллективное, микро/макро; интернационализация науки; преодоление государствоцентричного характера социальных наук и проблематизация естественности государства, длительное время считавшегося главным распорядителем границ, в рамках которых разворачивается действие и его анализ; смягчение демаркаций, установленных в XIX веке между экономическим, политическим и социальным в пользу поли дисциплинарных подходов.

Речь идет, по сути, о пересмотре эпистемологических основ социогуманитарного знания, выводящем на первый план двойное требование: плюрализма и открытости. За прошедшее время многое в этом диагнозе подтвердилось, и сегодня можно говорить о развитии социальных наук в духе «плюралистической универсальности», позволяющей учитывать концептуализации, родившиеся в разных национальных традициях и в соответствии с различными методологическими установками. При этом имеется в виду универсальность нового типа, при которой не только «части входят в целое, но и целое в части» (Э. Морен). Стержнем всех без исключения дисциплин является внимательное отношение к темпоральным и пространственным измерениям исследуемых явлений и процессов. Более тесными стали отношения между историей и другими социальными и гуманитарными науками. Уходит в прошлое недооценка связей с философией. В условиях рефлексивного поворота в социальных науках и кризиса нормативной классической эпистемологии развивается прагматически ориентированная историческая эпистемология.

³ Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par Immanuel Wallerstein. 1996. URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/> (дата обращения: 15.05.2013). См. также: *Cailié A., Dufoux S. (dir.) Le tournant global des sciences sociales. Paris. La Découverte, 2013.*

Эти перемены в международной науке связывают, прежде всего, с изменением режима историчности, а также с пробуждением памяти, породившей конкуренцию между историей и памятью, академической историей и мемориальной историей социальных групп, а также с переопределением базовых познавательных концептов: время, пространство, опыт, социум, социальное, историчность, причинность, культура и пр. Однако реабилитация субъектности историка, инициированная идеей о конструктивистской природе познания, остается важнейшей методологической новацией XX века, без которой рефлексивный поворот в исторической науке, одновременно историографический и эпистемологический был бы невозможен. В то же время на рубеже веков престиж истории как науки снижается, что объясняет интенсивность дискуссий об истории и историках.

О чем думают сегодня историки? Каким образом они обрабатывают тексты и изображения? Как понимают основы своего ремесла? Как обсуждают переход в XXI век? Ответы на эти вопросы волнуют ученых многих стран, в том числе потому что «тайна антропологии науки» пока не расшифрована (Б. Латур). Интерес к истории проявляется в пристальном внимании к ремеслу историка и его личности: письменные и устные интервью, публикации воспоминаний, эпистолярного наследия, монографии в жанре эго истории, биографии и т. д. Такие материалы становятся основой для разговора о ремесле историка, важного не только для профессионалов. Особенно интересны публикации, в которых своими воспоминаниями и размышлениями о пройденном пути делятся не только историки, но и антропологи, филологи, лингвисты, художники⁴. Эта статья текст не претендует на исчерпывающий анализ заявленной темы, речь пойдет о двух ее аспектах: содержании антропологического подхода и эпистемологических поисках в историографии.

Что такое историческая антропология?

Антропологический поворот в философии и науке длится уже более века. Его возможности и пределы многократно обсуж-

⁴ См. напр., История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого / сост. и отв. ред. С.Я. Карп. М.; СПб.: Университетская книга; Ферней-Вольтер; Международный Центр по изучению XVIII века. 2001.

дались⁵. Тем не менее содержание антропологически ориентированной истории остается дискуссионным. Историческая антропология нередко представляется как результат сближения истории с антропологией и перенесения на почву историографии антропологических методов. Однако я считаю более убедительным понимание исторической антропологии, предложенное немецким философом и антропологом К. Вульфом⁶. По его мнению, помимо философской антропологии и антропологически ориентированных исследований в русле конкретных дисциплин (история, психология, педагогика, лингвистика, литературоведение, география, политология, педагогика и пр.) существует Историческая антропология с большой буквы, которая не является отдельной дисциплиной, а формируется на пересечении разных дисциплин и философии. Исходя из признания множественности динамичных культур, прозрачных друг для друга и открытых к будущему она «перерабатывает результаты гуманитарных наук и критику антропологии, основанную на философии истории и философии культуры, и делает их плодотворными для новой постановки вопросов. В сердцевине ее усилий – беспокойство мышления, которое нельзя остановить»⁷. Исследования так понимаемой исторической антропологии не ограничиваются ни рамками определенной культуры, ни конкретной эпохой. Они представляет собой попытку «связать тематически и методически различные антропологические перспективы, учитывая их *историчность* и *культурность*»⁸ (*курсив мой* – З. Ч.).

Историчность нередко понимается как синоним *исторического*. Более того, с историчностью связывают «невидимый поря-

⁵ Бюргер А. Историческая антропология и школа «Анналов» // Антропологическая история: подходы и проблемы: материалы российско-французского научного семинара. Ч. II. М.: РГГУ, 2000; История ментальности. Историческая антропология. М.: РГГУ, 1996; Кром М.М. Историческая антропология: учебное пособие. 3-е изд-е. СПб., 2010; Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009; Чеканцева З.А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый обзор исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л.П. Ретиной. М.: ИВИ РАН, 2005.

⁶ Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб.: СПбГУ, 2007.

⁷ Вульф К. Указ соч. С. 109.

⁸ Вульф К. Указ соч. С. 88.

док и силу» истории (Ж. Рансьер). Насколько это верно сказать трудно, поскольку философский концепт историчность остается во многом не проясненным. Например, историчность исторической динамики обусловлена не только темпоральностью⁹. Тем не менее, присутствие исторического измерения в философии и во всех науках без исключения, по-видимому, объясняется именно явлением *историчности*. История, полагает Ж. Рансьер, – «это не просто дисциплина, это фигура мысли, которая в определенный момент устанавливает смысл историчности, доминирующий в качестве общей основы для схватывания объектов»¹⁰.

Для историка историчность – это принцип, позволяющий реализовать профессиональные амбиции по приручению прошлого. Однако принцип этот изменчив и во многом зависит от характера исторического познания, в русле которого историк работает. В классическом познании историчность понималась в детерминистском ключе: обнаружить и продемонстрировать историчность изучаемого фрагмента исторической реальности означало вписать его в исторический контекст эпохи. В таком случае историчность предстает как поток сменяющих друг друга событий и процессов. При этом преобладающая и линейная последовательность абсолютизируется, а разрывы нивелируются: прошлое не просто предшествует настоящему, но является его условием¹¹. В порядке времени эпохи модерна темпоральная дистанция между прошлым и настоящим, является важнейшим условием объективности полученных результатов. Наличие такой установки предопределило понимание предмета исторической науки как прошлого и породило недооценку истории современности.

В XXI веке историография все чаще обращается к прошлому не в поисках тождественности, первоначальности и непрерывности, но, напротив, – инаковости, различий, множественности. Когда историки изучают современность (прошлого или настоящего) они стремятся выявить не только последовательности, но

⁹ Шлыков В. Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания. Севастополь: СевНТУ, 2005.

¹⁰ Rancière J. Les mots de l'histoire du cinéma // Les Cahiers du Cinéma n° 496, 1995. P. 52.

¹¹ Бевернаж Б. Время, присутствие и историческая несправедливость // Гефтер. 17.08.2012. URL: <http://gefter.ru/archive/5835>.

разрывы и непрерывности, проходящие через мир сегодняшний. В таком поиске центральным понятием становится историчность, понимаемая как трансформация.

Французский мыслитель, поэт и переводчик А. Мешонник, обосновав концепт радикальной историчности дискурса (*le concept d'historicité radicale du langage*), предложил философии и всем дисциплинам без исключения переосмыслить понятие историчности. Ученый считал, что в истории «историчность – это не историцизм, который либо забывает наблюдателя (историка), либо все отдает ему, это скорее время отношения между субъектом истории и субъектом историописания»¹². Более того он был убежден, что отношения между языковой деятельностью и жизнью достигают максимума не в истории, а в поэзии: «Историчность – это не история. Это трансформация. Мерило неизвестного, которое остается неизвестным»¹³.

На изломе веков изучение темпорального опыта стало основой при разработке понятия *режим историчности*. В нашей традиции эту синтагму связывают как правило с именем французского историка Ф Артога, который действительно много сделал для прояснения этого полезного инструмента для обновления наших представлений о мире прошлого и настоящего¹⁴. При этом Ф. Артог подчеркивает, что понятие *режим историчности* не имеет ничего общего с историзмом. Ибо классический историзм телеологичен, вписывается в линейную динамику, предполагает выделение периодов и является эпистемологической доктриной, связанной с философией истории эпохи модерна¹⁵.

¹² Martin S. L'historicité radicale du langage. URL: <http://www.fabula.org/cr/278.php> (дата обращения: 15.07.2017).

¹³ Мешонник А. Рифма и жизнь 2014. С. 400. (фр. 1989).

¹⁴ См., напр., Dosse F. Les régimes d'historicité comme traces experientielles. URL: <https://www.oslo2000.uio.no/program/papers/m2a/m2a-dosse.pdf>; Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris. 2003. См. реферат В. Мильчиной «Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени» // Отечественные записки. 2004. № 5.

¹⁵ Hartog F. Historicité/régime d'historicité // Historiographies. II. Concepts et débats. Sous la dir. de C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia et N. Offenstadt. Paris. Gallimard. 2010. P. 766. Отмечу, что историзм XIX века и его модификации в первой половине века XX – это разные эпистемологические доктрины. Современные философы утверждают, что есть основания говорить, по крайней мере, о

П. Гарсия, анализируя труды французских историков первой половины XIX в. и их восприятие времени и истории, показал, что историки не просто фиксируют новый режим историчности, но сами являются создателями таких режимов, т. е. активно участвуют в формировании нового понимания соотношения времен¹⁶. Тем не менее во Франции убедительно обоснована трансдисциплинарная природа этой синтагмы, которая оформлялась несколько десятилетий не только в истории, но и в антропологии, политологии, социологии, географии, философии¹⁷. В конце 1980-х гг. *историчность* стала для «Анналов» теоретическим ресурсом, способным переопределить идентичность историка. В первом номере журнала 1994 г. с заголовком «История, социальные науки» в редакционной статье, предлагавшей обновленную программу журнала, одной из «амбиций» истории в условиях «критического поворота» стало «понимание режимов историчности в их многообразии». Как известно, «Анналы» в это время были озабочены не только защитой идентичности истории, но и обновлением познавательного статуса историописания в русле нового союза с другими дисциплинами и философией¹⁸.

Таким образом *исторический поворот* в познании заключается не только в том, что все дисциплины более активно стали всматриваться в мультитемпоральное содержание исследуемых явлений, но и обратили пристальное внимание на их историческое измерение, переопределив явление историчности.

Для качественного переосмысления роли культуры, по мнению Вульфа, решающее значение имеет «*антропологический способ рассмотрения*». Его обеспечивают лингвистический, иконический и перформативный повороты, обозначившие «языковую и

шесть разновидностей историзма. Поэтому ссылки на некий «универсальный» историзм следует, наконец, признать несостоятельными.

¹⁶ Garcia P. Les régimes d'historicité: un outil pour les historiens? Une étude de cas: la «guerre des races» // Revue d'histoire du XIXe siècle, 25 | 2002, [En ligne], mis en ligne le 07 mars 2008. URL: <http://rh19.revues.org/index418.html>. Consulté le 23 février 2009. Garcia 2002.

¹⁷ Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. (dir.) *Historicités*, Paris, Découverte, 2009.

¹⁸ Delacroix Ch. *Généalogie d'une notion* // Christian Delacroix et al., *Historicités*, La Découverte «Recherches», 2009. P. 29–45; Bantigny L. *Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion* // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/1 (N° 117). P. 13–25. DOI: 10.3917/vin.117.0013.

образную укорененность действия и познания». «В первом случае речь идет о зависимости человеческих взаимодействий и познания от языка, во втором – о конституирующей роли воображаемого для культуры, и в третьем – о форме и структуре человеческого действия, фокусирующего телесность»¹⁹. Филологи и литературоведы, сделав антропологический поворот предметом дискуссий, также признают, что особая исследовательская оптика сделала антропологический поворот мировым брендом и объясняет интерес к нему в XXI веке в историко-антропологических исследованиях²⁰. В содержании такой оптики доминируют установки на открытость мышления, рефлексии и критику. Можно сказать, что эпистемологическую основу антропологического подхода составляет проблематизация социокультурных практик. При этом культура в широком смысле является одновременно приоритетным объектом анализа и «опорной рамкой» во множественном числе.

Включение культуры в исторические исследования способствовало трансформации познавательных возможностей исторической науки²¹. «Новая культурная история» вобрала в себя все возможные культурные формы в узком смысле слова (совокупность культурных артефактов, знаний и ценностей конкретного сообщества) и в широком антропологическом смысле все то, что касается человека, его способов быть, чувствовать, думать. Что делает предметное такой история неохватным. Культуральная история или культурная история социального принципиально междисциплинарна: самое интересное в ней происходит по краям, на границе. Под этим зонтиком изобретательно развиваются история ментальности, новая интеллектуальная история, история репрезентаций и история памяти. Извлекая уроки из всех методологических поворотов в гуманитарии «новая культурная истории» спо-

¹⁹ Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 152; см. также: *The Anthropological Turn in Literary Studies, Yearbook of Research in English and American Literature* / Hrsg. Jürgen Schläger. Tübingen, 1996.

²⁰ Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100; 2013. № 112.

²¹ См., напр., Lévy-Dumoulin O. *Esquisse d'un bilan de l'histoire culturelle en France depuis 1995* // Jean-François Sirinelli et al., *Les historiens français à l'oeuvre, 1995–2010*, Presses Universitaires de France. Hors collection. 2010. P. 237–259. DOI: 10.3917/puf.gauva.2010.01.0237.

способствует антропологизации историографии и освобождению ее от детерминизма, упрощенного материализма и эмпиризма, а также структурализма и функционализма, длительное время определявших ее теоретические ориентиры.

Одновременно антропологическое понимание культуры резко усилило релятивистское начало в историографии. Когда историк переходит от истории рассказанной, которая всегда отчасти легендарна, к истории, которая имела место, его «труд становится событием» писал М. де Серто. В своей практике историк «не повторяет» (свидетельство, источник, документ. – *З. Ч.*), его задача заключается в том, чтобы «превратить историю-легенду в историю-труд»²². В этом замечании Серто важна мысль о неизбежной воображаемой установке в историческом исследовании, наличие которой позволяет понять, почему в истории историографии присутствует мифопоэтическая составляющая. Посредником в работе историка с источниками выступает культура, составной частью которой является коллективная память.

Не удивительно, что традиционно мыслящие историки осваивают этот объект с трудом, продолжая работать в контексте этажности исторических планов (экономика, социум, политика, культура), где культура далеко не самое интересное. На этом фоне понимание предметной области истории историографии как истории исторической культуры, утвердившееся и в отечественной науке предстает настоящим прорывом на пути к обновлению представлений о мире прошлого и настоящего²³. За последние десятилетия в России был создан весьма внушительный корпус наполненных рефлексией историографических исследований как в русле истории историков, так и в истории историографии²⁴.

²² Certeau M. de. L'Écriture de histoire. Paris: Gallimard, 1973; Certeau M. de. L'Écriture de histoire. Paris: Gallimard, 1973. P. 292.

²³ См. подробнее: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011; *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012.

²⁴ Перечень этих текстов можно найти в историографическом сборнике Мир историка. Вып. 11. 2017; См. также: *Хут. Л.П.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. Московский педагогический государственный университет; Адыгейский государственный университет. М.: Прометей, 2010.

Основной корпус текстов, образующих постоянно обновляющуюся вселенную исторического знания, создают историки. Однако, историческая культура формируется также литературой, фотографией, кинематографом, архивами, музеями, библиотеками, пластическими искусствами, сетевыми и медиа ресурсами, образовательными практиками, видеоиграми и даже музыкой. Все это помимо специальных дисциплин изучают преимущественно культурологи и антропологи, но к ним присоединяются и историки, обладающие полифоничным мышлением и нацеленные на получение принципиального нового знания, открывая новые возможности, как в предметном поле историографии, так и в способах постижения историко-культурных реалий в междисциплинарном режиме²⁵.

В поисках новых перспектив историографы изучают такие новые исследовательские направления как глобальная история в ее различных модификациях, история эмоций, история университетов, медицины; изучается визуальная культура, образы, воображаемое, запахи, тело, медиа, гендер, смерть, священное и чудесное, инаковость и множество иных сюжетов, пришедших в историописание из других дисциплинарных пространств. Эти пока еще недостаточно осмысленные теоретически области исторического знания остаются спорными, лишены привычных коннотаций, что делает их захватывающе интересными не только для профессионалов, но и для читателя.

От методологии истории к эпистемологии в историографии

Размышляя о будущем гуманитарных наук Х.У. Гумпрехт рассматривает их как «пространство рискованного мышления», т. е. мышления, «идущего навстречу интуиции». Иными словами, главный инструмент гуманитарного мышления, совпадающий с его целью – это интенсивное мышление, что сближает гуманитарное знание с искусством²⁶. «Подобно эстетическим суждениям, – пишет Гумпрехт суждение в гуманитарных науках – радикально

²⁵ См., напр.: Диалог со временем. Вып. 61. М.: Аквилон, 2018.

²⁶ См. напр.: Проект Удел человеческий. URL: <http://thehumancondition.ru/> Проект.

независимый акт, содержание которого не может быть выведено из каких бы то ни было стабильных базовых принципов»²⁷.

Историография, как известно, занимает большое место в гуманитарном пространстве²⁸. Еще П. Бурдьё писал, что «пересмотр вопроса об основаниях и есть само основание исторических наук», возможно поэтому «исторические науки не всегда могут на него ответить». «Специалисты в области социальных наук, особенно молодые, часто не подготовлены для противостояния философско-идеологическому натиску, который застаёт их врасплох настолько, что даже когда им говорят вещи, составляющие существо их профессии, они не могут их узнать»²⁹. В этой связи Бурдьё подчеркивал необходимость внятно объяснить основания исторических наук, но сделать это должны прежде всего сами историки.

С включением когнитивных аспектов в поле зрения историков отчасти связан историографический поворот в историописании конца XX в., одним из воплощений которого является *история истории*. Это сравнительно новый тип исторического знания, учитывающий не только исторические явления, но и их репрезентации в социуме, а значит и мемориальную слоистость объекта изучения³⁰. К. Помъян еще в середине 1970-х гг. писал о том, что время традиционной истории историографии, равнодушной к когнитивной составляющей исторического познания прошло: «Сегодня мы нуждаемся в *истории истории*, которая сделала бы центром своих исследований взаимодействие между познанием, идеологиями, письмом, короче, различные и дисгармоничные аспекты работы историка. Это такая история, которая смогла бы перекинуть мост между историей наук, историей философии и литера-

²⁷ Гумпрехт Х.У. Ледяные объятия «научности», или почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 1.

²⁸ По мнению И.М. Савельевой в познавательном поле истории доминирует гуманитарная составляющая, хотя важной характеристикой этого поля остается «социальность». Савельева И.М. Указ. соч. // Диалог со временем 58. М.: ИВИ РАН; Аквилон, 2017.

²⁹ Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма⁹⁷. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 9–29.

³⁰ Le Goff J. Histoire et mémoire, 1988 (1986). P. 172–173.

туры, а, возможно, и искусства. Точнее, между историей познания и историей различных способов его производства»³¹. В новых условиях переосмысление историографии как способа самопознания историков и истории стало самостоятельной исследовательской задачей³².

Э. Кассирер рассматривал науку как символическую форму, понимание которой предполагает ее включение в историю культуры³³. Историчность приглашает философа интересоваться историей и практикой науки. Эти требования важная составляющая современной исторической эпистемологии как философской дисциплины. Однако эпистемология истории, практикуемая философами и эпистемология историков – это, по словам Поля Рикера, «два мира очень разных дискурсов». Впрочем, в философии нового тысячелетия на смену классической эпистемологии идет неклассическая, формируются разные варианты культурно-исторической эпистемологии, в которой познавательная норма предстает не как стандарт, а как инструмент познания, обретающий смысл только в ходе конкретного исследования, где ученый использует ее лишь как ориентир³⁴.

Самоопределение дискурсивного мира историков происходит на наших глазах. В последнее десятилетие аналитики отмечают взрывное «обольщение историографии эпистемологией», проявляющееся во многих разделах истории. Речь идет о формировании в русле исторической дисциплины на стыке историографии и эпистемологии новой субдисциплины под названием «эпистемология историков».

В отличие от методологии науки, предписывающей как следует думать ученому, эпистемология историков направлена на понимание историографического дискурса о производстве истори-

³¹ Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 30^e année. № 5. 1975. P. 952. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657 (дата обращения: 01.05.2016).

³² Попова Т.Н. Пути и перепутья историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах» // *Мир историка*. 2017. Вып. 11. С. 122–157.

³³ Микешина Л.А. «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии // *Вопросы философии*. 2014. № 12. С. 14.

³⁴ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001; Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН. 2016.

ческого знания, осмысление форм и способов его бытования³⁵. За последние тридцать лет издано немало книг и статей, в которых анализируются не только историографические достижения по тем или иным проблемам, но и исследовательские практики с характерным набором процедур, вопросов, риторических стратегий и аргументов. Пересматриваются устоявшиеся стереотипы и предрассудки исторического мышления, анализируются дискуссионные проблемы на стыке историографии и эпистемологии. Историки обсуждают и изобретательно исследуют в материале такие темы как время, пространство, причинность, объективность, темпоральная дистанция, нарратив, язык историка и множество других, которые раньше практически не осмысливались. В ходе бесчисленных дебатов стало ясно, в частности, что метод, как писал еще Г. Башляр, превращаясь в привычку, утрачивает свои достоинства. Историческое знание не сводится к ремеслу, которое используют для того, чтобы изучать прошлое. Не сводимо оно и к «практическому смыслу», «габитусу» или «знанию–как». Слово историка, его мышление не менее важно, чем то, что он делает. Поэтому для понимания историографии как культурной практики большой интерес представляет то, что историки говорят и пишут о своем деле и как они думают или не думают³⁶.

Высказывается, впрочем, справедливое суждение, что изучение эпистемологии историографии вряд ли является наилучшим путем для понимания состояния исторической дисциплины, хотя бы потому, что историографический и теоретический дискурсы не прозрачны. В эпистемологии историков проявляется скорее идеал, некий горизонт, который историки формулируют в диалоге со своими предшественниками/коллегами и современниками, но этот дискурс не просто обогащает исследовательскую практику, но во многом ее конституирует. Можно сказать, что эпистемология историков – это стратегический медиум, с помощью которого

³⁵ См. также: *Иоффе Д.* Интервью с Н.Е. Копосовым. Философия от истории или Филология от социальной хабитуалогии? «Науки о человеке», типы «письма» историков, гуманитарная среда Санкт-Петербурга и представительство Западного академизма. URL: <http://www.netslova.ru/ioffe/koposov.html> (дата обращения: 12.05.2017).

³⁶ *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

выражается позиция специалиста по поводу различных вопросов исторического знания и, в конечном счете, складывается представление о дисциплинарной идентичности³⁷.

Кроме того, такой дискурс является важным познавательным ресурсом, с помощью которого формируется Идея истории, репрезентируется то, что на минимальном уровне объединяет всех историков. Выясняется, в частности, что это не только источник и исследовательская техника. Вот что пишет в этой связи В. Вжосек. «Культивирование нашего отношения к прошлому (истории как онтологического процесса) происходит в нас самих. Только в нас самих помыслы об источниках и источниковых данных. Они играют в нашем мышлении роль, какую мы им сегодня припишем. Они сами ничего нам не сообщают, если мы не захотим их спросить и не втянем в порядок конкретных дискурсов». Становятся ли исторические документы для нас «провокацией для стихийного испытания прошлого» или систематической его обработки в ходе историографической операции, зависит от выбора дискурса. «Именно избираемый нами дискурс определяет какие элементы мыслительного наследства утвердят нас в вере, что мы имеем дело с реальностью как таковой, несмотря на то, что ее нет»³⁸. Эти размышления польского историка направлены на преодоление накопившихся в историческом познании апорий, утверждение эпистемологической честности ученого как профессиональной нормы и пересекаются с похожими идеями в международной науке.

В XXI веке в условиях нового режима историчности и обновления трансдисциплинарности все более важное значение приобретает необходимость переосмысления предметности истории, поскольку стало ясно, что термин «прошлое» оказался важнее истории и вытесняет ее в качестве сложного знания из сознания людей. «Повсюду только прошлое, – пишет П. Нора, – истории больше нет нигде. История, т. е. организация прошлого в единый ан-

³⁷ *Gorman J. Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. Montreal/Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008; Noël P. M. Épistémologie, histoire et historiens : considérations conceptuelles, méthodologiques et empiriques autour du discours que les historiens tiennent sur leur savoir Thèse. Doctorat en histoire. Québec, 2014.*

³⁸ *Вжосек В. Исторический источник как реалистическое алиби историка // Мир историка. Вып. 6. С. 294.*

самбль, включение его в рассказ, динамичное выявление (*rassemblement*) его смысла, спорного в своей направленности, но бесспорного в наличии, такая история явно уходит на второй план; и это удаление особенно ясно ощущается в образовании»³⁹. Впрочем, еще Марк Блок, считавший историю не только наукой о людях во времени, но и наукой об изменениях, писал: «Прошлое это данность, которую никто уже не изменит. Зато познание истории – процесс, который без конца изменяется и совершенствуется»⁴⁰.

При этом аргументы ученых против понимания исторической науки как познания прошлого являются общим местом в интеллектуальной культуре последнего столетия. Один из самых распространенных аргументов заключается в том, что историческое знание рождается на стыке времен, как минимум это прошлое и настоящее. Но не менее существенна для становления и понимания *исторического* связь прошлого и будущего⁴¹.

В историографии основополагающей является мысль о ее документальной основе. Сегодня, укоренное в исследовательской и образовательной практике убеждение в том, что история пишется по следам, проблематизируется и в профессиональной среде. Приведу только два примера. Французский медиевист Ж. Морсель на основе большого лексического и историографического материала показал, что метафора следа является отнюдь не истиной, но соглашением, основанным на общей вере⁴². Изучив, как понятие следа было внедрено в язык историка, Морсель обнаруживает весьма активное использование синтагмы «исторический след» или «след прошлого» еще до Французской революции и анализирует эпистемологические последствия ее широкого распространения. Одним из таких последствий является восприятие истории как науки о прошлом.

Морсель полагает, что «прошлое» как объект историка, ценное само по себе или как способ понимания современности, представляется весьма проблематичным. В таком качестве этот объект

³⁹ Nora P. Présentation // *Le Débat*. 2013. № 5 (177). P. 3. URL: <http://le-debat.gallimard.fr/numero/2013-5-novembre-decembre-2013> (дата обращения: 20.12.2015).

⁴⁰ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973.

⁴¹ Ассман А. Распалась связь времен. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

⁴² Morsel J. Traces ? Quelles traces ? Réflexions pour une histoire non passiste // *Revue historique* 2016/4 (n° 680). P. 813–868. DOI: 10.3917/rhis.164.0813.

блокирует трансформации, скрывает конструктивистский характер исторического дискурса, составляет основу телеологического подхода⁴³ и нередко используется для легитимации настоящего.

Восприятие документа-следа как отпечатка неотделимо от надежд возродить прошлое: след работает как присутствующий в настоящем знак того, что отсутствует и как способ реконструкции прошлого в настоящем. Метафорическая натурализация потока времени и упрощенность процесса изменения, обеспечивается по мнению историка широким использованием термина «источники»⁴⁴. Это привело к утверждению мысли о том, что историк работает с обществами, которых больше нет. Но если учесть историчность истории, то историк изучает общества, которые *трансформировались*. В таком случае «прошлое» можно интерпретировать как «совокупность проблематичных трансформаций» (*l'ensemble des transformations en question*), хотя его как правило представляют, как «некое прошлое состояние» (*état passé*), статичное и завершенное⁴⁵.

У документа-следа, полагает Морсель, нет возможности воскрешать вещи, которые некогда были конкретными, видимыми и включенными в событийную жизнь, но сегодня их нет и об их существовании говорят лишь воспоминания в виде слов и изображений⁴⁶. Материальность документа сама по себе позволяет прояснить то, что хотел сказать автор только магическим или символическим образом. Документ-след, его форма и содержание возвращает не к автору, а главным образом в породившую этот документ социальную систему, в которой он был создан, и которая сегодня окаменела. Историчность, а не «знание по следам» поддерживает историю в ее отношении к прошлому, которое само по себе ничего не дает для объяснения социального изменения и да-

⁴³ А. Корбен недавно убедительно показал на конкретных исторических примерах, насколько телеологическое прочтение истории связано с риском неосознанного искажения, прошедшего знанием того, что случилось после. *Corbin A. Le risque, pour l'historien désireux de comprendre le passé, de savoir ce qui est advenu après la période qu'il étudie // Sociétés & Représentations 2015/2 (N° 40). P. 337–342.*

⁴⁴ *Morsel J. Op. cit. P. 847.*

⁴⁵ *Morsel J. Op. cit. P. 847–848.*

⁴⁶ *Morsel J. Op. cit. P. 863.*

же мешает или по крайней мере делает очень сложным его включение в социальные науки⁴⁷.

Схожие идеи высказываются и на другом эпохальном полюсе исторического познания. Историки настоящего времени, размышляя о современном статусе этой субдисциплины, существующей во Франции с конца 1970 гг., обосновывают мысль, что она больше не нуждается в особом положении, поскольку в течение полувека утвердилась как полноценная составляющая исторической науки⁴⁸. Аргументируя возможность отказаться от выделения такой специальной области исторического знания, они призывают обеспечить формирование *«истории как социальной науки настоящего»*.

Соприсутствие множества темпоральностей делает современность в разных ее проявлениях предельно гетерогенной, что очень затрудняет возможность ее адекватного постижения значительной частью живущих в этой современности людей. Ее переосмысление в трансдисциплинарном режиме ведет не только к новому пониманию общественной значимости истории, но и способствует пересмотру устоявшегося разделения наук на естественные и социальные/гуманитарные. Такая наука может родиться в результате переосмысления предметности исторического познания, выбора иных научно-исследовательских объектов и включения настоящего времени в изучение множества темпоральностей.

С укоренением так понимаемой *социальной истории настоящего времени* в пейзаже социальных наук современность станет исследовательским полем с очень высокой конкуренцией, поскольку с ней будут работать историки, этнологи, социологи, экономисты, политологи, географы, философы, лингвисты, специалисты по литературе и т. д. Отличие от привычного подхода заключается во взгляде на настоящее, способах его изучения, схватывания и объяснения. Такая история, по мнению авторов, способна вернуть в социальное познание интерес к объяснению, ко-

⁴⁷ Morsel J. Op. cit. P. 864.

⁴⁸ Droit E., Reichherzer F. La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2013/2 (N° 118). P. 121–145. DOI: 10.3917/ving.118.0121.

торый во многом был утрачен в последние десятилетия. Для историков это может послужить основанием для выявления историчности практик, институтов, групп акторов и пр. При этом главная забота авторов этой статьи заключается в том, чтобы включить более естественно и активно историописание в социальные науки (антропология, социология, политология, лингвистика, право).

Очевидно, что и в первом и во втором случае, речь идет об учете в исследовательской практике историков историчности, понимаемой как метаморфоза/трансформация, в которой исследователь может уловить феномен, некогда существовавший в прошлом, но изменившийся в современности. То, что изучаемое явление вызывает интерес и сегодня – главное свидетельство его историчности. На мой взгляд, эти аргументы представляют значительный интерес для переопределения не только научного статуса истории, но также роли науки и трансдисциплинарного познания в целом. Хотя их осмысление определено потребует времени.

Мечты историков о новой социальной истории настоящего пересекаются с междисциплинарными поисками «новых горизонтов» с целью понимания мира в его прошлом, настоящем и будущем. Например, материальная онтология и акторно-сетевая теория, активно обсуждаемые в философии и социологии, в историографии проявляются в материальном повороте, направленном на преодоление устоявшего рассмотрения взаимодействия на уровне слов и вещей сквозь призму субъект-объектной дихотомии. Идет процесс создания *симметричной* теории взаимодействия, в которой человеческое и нечеловеческое уравниваются в своих ролях на плоской поверхности опыта. Но это другая антропология науки, предполагающая иное понимание социального⁴⁹. В условиях кризиса антропоцентризма эвристический потенциал такой теории очевиден и для историков.

Ассман А. Распалась связь времен. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

⁴⁹ Колесник И.И. «Очарование вещами» как поворот в интеллектуальной истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 177–197. За сорок лет существования акторно-сетевой теории ее авторы перешли от изучения довольно узкой сферы науки и технических инноваций к широкой социальной теории.

Бевернаж Б. Время, присутствие и историческая несправедливость // Гефтер. 17.08.2012. URL: <http://gefter.ru/archive/5835>.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973.

Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос пост-модернизма '97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 9–29.

Бургьер А. Историческая антропология и школа «Анналов» // Антропологическая история: подходы и проблемы: материалы российско-французского научного семинара. Ч. II. М.: РГГУ, 2000.

Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012.

Вжосек В. Исторический источник как реалистическое алиби историка // Мир историка. Вып. 6.

Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб.: СПбГУ, 2007.

Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб.: СПбГУ, 2008.

Гумпрехт Х.У. Ледяные объятия «научности», или почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть "Humanities and Arts" // Новое литературное обозрение. 2006. № 1.

История ментальности. Историческая антропология. М.: РГГУ, 1996.

История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого / сост. и отв. ред. С.Я. Карп. М.; СПб.: Университетская книга; Ферней-Вольтер; Международный Центр по изучению XVIII века, 2001.

Колесник И.И. «Очарование вещами» как поворот в интеллектуальной истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 177–197.

Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Кром М.М. Историческая антропология: учебное пособие. 3-е изд.-е. СПб., 2010.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001

Мешонник А. Рифма и жизнь. 2014 (1989).

Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016.

Микешина Л.А. «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 14.

Мильчина В. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5.

Попова Т.Н. Пути и переулочки историографии, или как не заблудиться в «дорожных картах» // Мир историка. 2017. Вып. 11. С. 122–157.

Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100; 2013. № 112.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика.

Савельева И.М. Историческая наука XXI века. Ключевые слова // Диалог со временем 58. М.: ИВИ РАН; Аквилон, 2017. С. 5–24.

Хут. Л.П. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. Московский педагогический государственный университет; Адыгейский государственный университет. М.: Прометей, 2010.

Чеканцева З.А. Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005.

Шлыков В. Память прошлых других как трансцендентальная экпликация историчности к онтологии исторического сознания. Севастополь: СевНТУ, 2005.

Bantigny L. Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/1 (N° 117). P. 13–25. DOI: 10.3917/vin.117.0013 Nora 2013/5. № 177. P. 3.

Boucheron P. "Les historiens se doivent d'être indisciplinés". Gilles Heuré Publié le 08/03/2015. Mis à jour le 01/02/2018 à 09h01. URL: <http://www.telerama.fr/idees/patrick-boucheron-les-historiens-se-doivent-d-etre-indisciplines,123682.php>.

Caillé A., Dufoux S. (dir.) Le tournant global des sciences sociales. Paris: La Découvert, 2013.

Corbin A. Le risque, pour l'historien désireux de comprendre le passé, de savoir ce qui est advenu après la période qu'il étudie // Sociétés & Représentations 2015/2 (N° 40). P. 337–342.

Delacroix Ch., Dosse F., Garcia P. (dir.) Historicités. Paris: Découverte, 2009.

Delacroix Ch. Généalogie d'une notion // Christian Delacroix et al., Historicités, La Découverte «Recherches», 2009. P. 29–45; *Bantigny L.* Historicités du 20e siècle. Quelques jalons sur une notion // Vingtième Siècle. Revue d'histoire 2013/1 (N° 117). P. 13–25. DOI: 10.3917/vin.117.0013.

Delacroix Ch. Généalogie d'une notion // Christian Delacroix et al., *Historicités, La Découverte «Recherches»*, 2009.

Dosse F. Les régimes d'historicité comme traces expérimentelles. URL: <https://www.oslo2000.uio.no/program/papers/m2a/m2a-dosse.pdf>.

Droit E., Reichherzer F. La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2013/2 (N° 118). P. 121–145. DOI: 10.3917/ving.118.0121.

Garcia P. Les régimes d'historicité: un outil pour les historiens? Une étude de cas: la «guerre des races» // *Revue d'histoire du XIXe siècle*, 25 | 2002, [En ligne], mis en ligne le 07 mars 2008. URL: <http://rh19.revues.org/index418.html>. Consulté le 23 février 2009. Garcia 2002.

Gorman J. *Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice*. Montreal/Kingston: McGill-Queen's University Press, 2008.

Hartog F. *Historicité/régime d'historicité // Historiographies. II. Concepts et débats*. Sous la dir. de C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia et N. Offenstadt. Paris: Gallimard, 2010.

Hartog F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. Paris, 2003.

Le Goff J. *Histoire et mémoire*. 1988 (1986).

Martin S *L'historicité radicale du langage*. URL: <http://www.fabula.org/cr/278.php> (дата обращения: 15.07.2017).

Morsel J. *Traces? Quelles traces? Réflexions pour une histoire non passéiste // Revue historique* 2016/4 (n° 680). P. 813–868. DOI: 10.3917/rhis.164.0813.

Noël P.M. *Épistémologie, histoire et historiens: considérations conceptuelles, méthodologiques et empiriques autour du discours que les historiens tiennent sur leur savoir* Thèse. Doctorat en histoire. Québec, 2014.

Nora P. *Présentation // Le Débat*. 2013. № 5 (177).

Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par Immanuel Wallerstein. 1996. URL: <http://www.uqac.ca/jmt-sociologue/> (дата обращения: 15.05.2013).

Pomian K. *L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 30^e année. 1975. № 5. P. 952. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657 (дата обращения: 01.05.2016).

Pomian K. *L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 30^e année. 1975. № 5.

Rancière Rancière J. *Les mots de l'histoire du cinéma // Les Cahiers du Cinéma n° 496*, 1995. P. 52.

The Anthropological Turn in Literary Studies, Yearbook of Research in English and American Literature / Hrsg. Jürgen Schläger. Tübingen, 1996.

Раздел 2

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Н.П. Матханова

Так ли уж всё плохо? (Размышления оптимиста)

Рассмотрены основные варианты использования эпистолярно-мемуарного наследия историков: для изучения различных аспектов истории и воссоздания биографий авторов и современников, как историографический источник и как специфическая часть корпуса эго-документов. Отмечена недостаточность вовлечения в исследовательские практики текстов, созданных во второй половине XX в. Указаны основные факторы, способствовавшие публикации подобных сочинений и затрудняющие ее. Подчеркнуто значение этических и юридических аспектов обнародования эго-документов, а также качества самих публикаций.

Ключевые слова: археография, историография, источники мемуарно-эпистолярного характера, мотивы публикации.

N.P. Matkhanova

Is it Really All Really So Bad? (Reflections of an Optimist)

The main variants of the using of historians' epistolary-memoir heritage have been described. They include studying the various aspects of history and reconstruction of the biographies of authors and contemporaries, studying this heritage as a historiographical source and as a specific part of the corpus of ego-documents. The lack of involvement in research practice texts created in the second half of the 20th century has been marked. The main factors facilitating and hindering the publication of such works have been indicated. The importance of ethical and juridical aspects of the promulgation of ego-documents, as well as of the quality of the publications themselves, has been highlighted.

Key words: archeography, historiography, historical sources of memoir and epistolary character, motives of the publication.

© Н.П. Матханова, 2018

Не являясь специалистом в области историографии, все же хотела бы высказать свои соображения по некоторым из чрезвычайно интересных и актуальных вопросов, поставленных редколлегией. Особенно созвучным моим размышлениям оказался второй раздел «Источники личного происхождения: возможности и ограничения в изучении историографических процессов».

Первый вопрос, самый большой для археографа-публикатора: «Как широко вовлекаются опубликованные источники в исследовательскую практику современного историка?» Не пытаясь оценивать качество книг и статей, в которых используется мемуарно-эпистолярное наследие историков, характеризовать те или иные построения или интерпретации, укажу на предварительный результат своих наблюдений: в целом ситуация оказалась не столь печальной, как я предполагала. Кстати, первая же фраза в предисловии к «Письмам русских историков», справедливо опровергает пессимистические настроения: «Письма, написанные учеными-историками, давно и, в общем, вполне успешно используются в качестве одного из основных историографических источников»¹. Примерно то же можно сказать о дневниках и воспоминаниях.

Эго-документы историков обычно служат источниками, во-первых, для изучения общественно-политической и социальной истории, истории повседневности, интеллектуальной истории и т. д. Во-вторых, для воссоздания биографий, в том числе и интеллектуальных, для понимания не только научных, но и человеческих индивидуальностей ученых-историков. Оба эти подхода встречаются часто, останавливаться на них не буду.

В-третьих, они являются историографическими источниками. В монографиях и статьях В.П. Корзун, Е.А. Ростовцева, Л.А. Сидоровой, В.В. Тихонова переписка и воспоминания главных героев и их коллег эффективно использованы для изучения биографических и социально-психологических аспектов «истории историков», их общественно-политических взглядов, уточнения теоретических

¹ Корзун В.П., Свешников А.В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милоков) / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 3–36.

и методологических концепций и т. д.² Менее подробно, но в этом же ключе рассмотрены многие подобные сюжеты в книгах и статьях мэтров³, известных ученых и начинающих исследователей⁴, а

² *Корзун В.П.* Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004 с.; *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XIX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008; *Сидорова Л.А.* Советские историки: духовный и научный облик. М.; СПб., 2017; *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012.

³ *Дунаевский В.А.* «Прожитое и пережитое»: о жизни и творчестве академика Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 24–34; *Цамутали А.Н.* А.Е. Пресняков о А.А. Спицыне // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. С. 469–476; *Цамутали А.Н.* А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников // Клио. 2013. № 12 (84). С. 37–40; *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012; и др.

⁴ *Вахромеева О.Б.* И.С. Тургенев глазами Ивана Михайловича Гревса. СПб., 2014; *Долгова Е.А.* «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного профессора в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 4. С. 77–89; *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; *Жуковская Т.Н.* Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения // Древняя Русь. 2017. Вып. 7. С. 347–360; *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Историк в смутное время: 1917 год в дневниках М.М. Богословского и А.Н. Савина // Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия. Омск, 2017. С. 40–44; *Мамонтова М.А.* Антропологические поиски современной отечественной историографии // История и историки в прошлом и настоящем. М., 2013. М. 86–103; *Мяков Г.П., Сальникова А.А.* Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» и становление отечественной автобиографистики историка // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель: материалы Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 2012. С. 85–87; *Павловская С.В.* Общество и власть в оценках отечественных историков конца XIX – начала XX вв. // Иннов: электронный научный журнал, 2015. № 3 (24). URL: <http://www.innov.ru/economy/obshchestvo-ivlast-v-otsenkakh-ote/>; *Приймак Н.И.* А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях современников // Клио. 1997. № 3. С. 49–54; *Приймак Н.И.* И.М. Гревс как мемуарист // Петербургские исследования. 2006. № 1. С. 81–90; *Рыженко В.Г.* «Человечество состоит из отдельных людей»: М.В. Муратов. «Передуманное» // Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия. Омск, 2017. С. 58–61; *Севастьянова А.А.* Максими Александры Зимина: по поводу книги «Храм науки» // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2016. № 1 (50). С. 13–21; *Споров Д., Шокарев С.* Историк Московского государства в сталинской России: к биографии С.Б. Веселовского // НЛЮ. 2006. № 78. С. 125–141; *Кирьяш (Властьев) О.А.* «Повседневный мир» русских историков второй половины XIX в. // Новая локальная история. По следам Интернет-конференций. 2007–2014. Став-

также в ряде диссертационных исследований⁵. Особое внимание уделяется изучению коммуникативного пространства исторической науки, возможностей, значения и механизмов коммуникации, взаимоотношений отдельных историков и научных школ, а также «историографического быта». Эти сюжеты представлены практически во всех упомянутых выше книгах и статьях, почти в каждом выпуске «Мира историка». Все это не случайно. В.П. Корзун и В.Г. Рыженко более 10 лет тому назад отметили, что нарастает «интерес к творчеству историка и его лаборатории, к самому процессу создания исторического знания, внимание к социокультурному фону. Историографов все больше интересует не столько готовое знание, сколько способы его получения»⁶. Вовлечение эго-документов в исследовательские практики во многом зависит от установок лидеров той или иной научной школы.

В-четвертых, указанные источники используются как часть общего корпуса эго-документов с акцентом на специфике той части корпуса, которая отражает профессиональную принадлежность, интересы, навыки авторов. В информационном письме эта проблема сформулирована несколько иначе: «Какова специфика самоописания научного сообщества историков?» Мне кажется, что при обращении к эго-документам речь должна идти прежде всего о самоописании личности, а не сообщества, хотя неизбежно ос-

рополь, 2014. С. 143–149; *Кирьяш (Власюк) О.А.* «Новое Смутное время»: 1917 г. в дневниках и воспоминаниях русских историков // *Человек в революции 1917 года: взгляд из XXI столетия.* Омск, 2017. С. 50–54; *Гришин К.П.* М.А. Дьяконов и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории отношений историков // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева:* в 2 т. Т. 2. М., 2013. С. 163–177; и др.

⁵ *Базанов М.А.* Александр Александрович Зимин: биография историка в контексте развития исторической науки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009; *Бамбизова К.В.* Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника петербургской школы медиевистики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; *Власюк О.А.* Представления о пространстве русских историков второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009; *Черная Е.Ю.* Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014.; и др.

⁶ *Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // *Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной.* М., 2007. Т. 2. С. 269.

вещается и последний вопрос. Таких исследований гораздо меньше – это наблюдение относится к мемуарно-эпистолярному наследию не только историков, но и представителей других профессиональных сообществ.

Особенности воспоминаний и дневников историков специально рассматривались в диссертационных исследованиях и статьях Н.И. Приймак и С.В. Павловской. Среди высказанных ими соображений есть вполне ожидаемые. Н.И. Приймак замечает: «Общим и, очевидно, наиболее характерным именно для мемуаров историков является не только воспроизведение прошлого в лицах и событиях, но, в силу особенностей профессии, желание объяснить, углубить, уточнить то, что сохранила память», в них имеются «обобщающие характеристики времени с позиции как современников, так и ученых... Историки-мемуаристы стремились в отношении» своего времени «подняться на уровень теоретического осмысления и анализа»⁷. Примерно такой же вывод делает С.В. Павловская: особенностью таких текстов является наличие информации трех видов – личностной, общественно-политической и научно-историографической. «Специфика дневников, воспоминаний историка, в отличие от произведения любого другого мемуариста», заключается «в ярко выраженном профессиональном исследовательском подходе», в том, что автор анализирует события «с позиций ученого, пытаясь дать ответы на многочисленные вопросы современности, постоянно обращается к историческому прошлому»; «описывая событие как факт, историк не останавливается на этом, пытаясь выяснить его причину, поставить в системную связь с другими вопросами, которые требуют изучения»⁸. Д.Б. Споров и С.Ю. Шокарев вслед за А.Л. Юргановым считают

⁷ Приймак Н.И. Россия начала XX века в мемуарах историков // Плехановские чтения. Исторические судьбы России. СПб., 1999. С. 59, 60; см. также: Корзун В.П., Свейников А.В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир за зеркалем? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2003. С. 35.

⁸ Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 10, 14, 21.

уникальной чертой дневника С.Б. Веселовского то, что «он создавался автором – особенно в последние годы – по принципам исторического произведения»⁹. Мне кажется, что указанная особенность встречается в текстах и других историков. Более точными представляются многие из наблюдений Ю.М. Критского¹⁰, а также мысли, изложенные во вступительной статье к публикации переписки С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. Авторы ее пишут: «Письма, наряду с черновиками и дневниками, дают возможность понять, как психологически и исторически последовательно выстраивалась концепция, как и откуда возникали те или иные идеи (и в то же время забраковывались другие), каким образом и как изучались те или иные источники»¹¹. Замечу, что, за исключением последнего тезиса, все сказанное в статье (не только в процитированной фразе), может быть распространено на ученых других специальностей, уж во всяком случае – на гуманитариев.

Изрядное число историографических трудов, в которых более или менее широко используется эпистолярно-мемуарное наследие историков, с одной стороны, лишает меня (не историографа) уверенности в адекватном отборе упомянутых работ, а с другой, позволяет поставить вопрос о необходимости профессионального анализа с точки зрения характеристики, методов, классификации и эволюции исследовательских практик в этом, уже сформировавшемся предмете исследования.

Существует общее правило археографов: публикация источника и его исследование – две стороны одной медали, одно должно сопровождать другое. Часто так и бывает. Не случайно С.О. Шмидт заметил в Предисловии к письмам С.Ф. Платонова, что те, кто готовил их публикацию, выступали в печати с соответствующими статьями¹². В.П. Золотарев, издавший «Прожитое и пережитое» Н.И. Кареева, написал книги и статьи о его биогра-

⁹ Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в сталинской России. С. 128.

¹⁰ Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в. – 1917 г.) // История и историки: Историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 85–112.

¹¹ Корзун В.П., Свешников А.В. Историк в собственных письмах. С. 10.

¹² Шмидт С.О. Предисловие // Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт. М., 2003. С. 7.

фии и творчестве¹³. А.М. Дубровский явился исследователем творчества С.В. Бахрушина и подготовил к печати его воспоминания¹⁴. О.Б. Вахромеева опубликовала эго-документы И.М. Гревса и посвятила ему несколько работ¹⁵. Многочисленные варианты реализации этого принципа представлены на страницах ряда выпусков «Мира историка» и других изданий.

Примеры успешного решения проблемы можно множить, но нередко мы встречаемся со странной ситуацией: источник опубликован, но не введен в научный оборот – на него не ссылаются, он не используется для подтверждения или опровержения гипотез, не вписывается в контекст изучения различных сторон истории эпохи и т. д. Это относится к наследию не только историков, но и многих других мемуаристов. В то же время появляются все новые и новые публикации. Создается впечатление, что публикаторы порой опережают аналитиков.

Мне кажется, что одним из факторов, мешающих анализу созданных историками эго-текстов, является личное, чаще всего уважительное отношение к авторам. Должно пройти время, появиться некая отстраненность. Одно дело изучение и оценка творчества В.О. Ключевского и С.М. Соловьева, П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова, даже С.Б. Веселовского и М.В. Нечкиной, а другое – наших учителей и предшественников – Н.Н. Покровского и С.О. Шмидта.

Очень важным мне показался следующий вопрос: зачем же (или почему) мы продолжаем издавать мемуары и письма исто-

¹³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое: воспоминания / подгот. текста В.П. Золотарев. Л., 1990; Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988; Золотарев В.П. Об исследовательской лаборатории Н.И. Кареева (к постановке проблемы) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.). СПб., 2013. С. 267–272; и др.

¹⁴ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992; Бахрушин С.В. Из воспоминаний / публ., предисл. и примеч. А.М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск, 1995. С. 141–174.

¹⁵ Человек с открытым сердцем: автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса / автор-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004; Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб., 2005; Вахромеева О.Б. Иван Михайлович Гревс (1860–1941): портрет университетского профессора // Петербургские исследования. 2006. № 1. С. 52–70; и др.

риков? Именно поиски ответа на этот вопрос показались мне наиболее близкими, так как и сама я не раз предлагала публикации источников эпистолярно-мемуарного характера, а однажды – даже созданных историком¹⁶.

Итак, каковы же причины?

Поспешность таких действий в конце XX в. во многом объяснялась тем, что «архивная революция», открытие архивов вызвали бурный поток публикации ранее неизвестных или закрытых источников. Частично эта тенденция захлестнула и массив публикуемых эго-документов – их тоже порой не успевают «переварить».

С.П. Щавелев в рецензии на издание дневника известного ученого, нумизмата, ведущего научного сотрудника ГИМа А.В. Орешникова писал: «За 1990–2000-е годы российский книжный рынок обогатился множеством произведений мемуарного и дневникового жанра. И не вспомнить, когда прежде случалось такое изобилие. Причин тут несколько: общий подъем книгоиздания в стране (снизились тиражи отдельных книг, но выросло количество названий и жанров); отмена цензуры; понятная в эпоху перемен ностальгия»¹⁷. В рецензии на другое издание А.А. Тесля, объясняя интерес исследователей к истории науки вообще и исторической науки в частности, приводит следующие причины: во-первых, «изобилие материала» – «университеты, научные учреждения, Академия наук и конкретные ученые много сделали для сохранения своих архивов»; во-вторых, «расширение проблематики исторических исследований», развитие исследований «в области интеллектуальной истории и истории идей»; в-третьих, «вполне понятный собственный интерес исследователей – поскольку изучаемый объект оказывается одновременно и близок, и дистанцирован, позволяя... выстраивать и сложные рефлексивные программы... и мартирологи или святцы». По сути этими же причинами

¹⁶ *Васенко П.Г.* Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / вступ. статья, публ., коммент., указат. Н.П. Матхановой. Новосибирск, 2014.

¹⁷ *Щавелев С.П.* [Рец.] А.В. Орешников. Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко; отв. ред. П.Г. Гайдуков. Кн. 1. 1915–1924. 659 с.; Кн. 2. 1925–1933. 717 с. М., 2010–2011 (Научное наследство; Т. 34) // *Российская археология*. 2013. № 2. С. 170–175.

он объясняет и сам факт публикации подобных текстов, добавляя к ним еще один, чрезвычайно, на мой взгляд, серьезный: «еще один очень важный мотив подобных работ – ценность памяти самого исторического сообщества, его рефлексии»¹⁸.

Позволю себе дополнить вопрос о мотивах собственными размышлениями, они представляются мне не уникальными и относящимися не только к личному опыту.

Во-первых, почти рефлекторное желание поделиться интересным – сведениями, наблюдениями, мыслями, содержащимися в обнаруженном и/или известном, но не публиковавшемся тексте.

Во-вторых, понимание значения, ценности профессионального опыта, знаний, рассуждений о логике исследования, содержащихся в публикуемом сочинении.

В-третьих, поиск собственной профессиональной идентичности, своего научного происхождения – так, читая переписку академика М.Н. Тихомирова, я с радостью узнавания встречала знакомые мысли, а иногда и слова, слышанные от его ученика Н.Н. Покровского.

В-четвертых (поняла совсем недавно), – надо спешить, пока есть у кого узнать, уточнить, получить необходимую для комментария информацию. Так, собираясь опубликовать переписку Е.К. Ромодановской и В.И. Малышева, мы с коллегой, Л.В. Титовой, собирались расспросить о некоторых деталях Н.С. Демкову – ученицу Малышева и подругу Ромодановской, но увы... Не успели. Как хорошо, что Н.Д. Зольникова сумела организовать, записать и опубликовать совместные воспоминания Н.Н. Покровского и его сестры¹⁹, а В.Г. Рыженко – устные мемуары/интервью С.О. Шмидта²⁰.

¹⁸ *Тесля А.А.* Разные ракурсы. Рец.: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2015. 512 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 1(2). С. 78, 81.

¹⁹ *Покровский Н.Н., Покровская С.Н.* Мемуары // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. /серия «Археография и источниковедение Сибири». Вып. 24. Новосибирск, 2005. С. 525–579.

²⁰ «Прожив столько, отбираешь то, что в какой-то мере соответствует твоему настрою, твоим сегодняшним взглядам, твоим увлечениям...» (фрагменты беседы с Сигурдом Отговичем Шмидтом 16 мая 2012 г.) / вступ. статья, примечания,

Ответ на вопрос «Что не следует публиковать?» для меня имеет прежде всего этическое наполнение. Если речь идет об издании текстов XX века, особенно его второй половины, столь еще близкой нам, то недавно ушедшая от нас Н.Д. Зольникова (ученица и супруга академика Н.Н. Покровского), обдумывая вопрос о возможности издания его писем из лагеря, решила: нельзя обнародовать тексты, задевающие чувства конкретных людей, если живы не только сами упомянутые лица, но даже их дети. Мне подобная позиция казалась и кажется слишком радикальной – ригористической, как писали в XIX веке. Противоположный подход реализован ученицей А.А. Зиминой А.С. Хорошкевич, которая издала воспоминания и дневники своего учителя²¹. Это решение вызвало решительный протест семьи Зиминой, затем последовала бурная дискуссия, в ходе которой были поставлены и более общие вопросы юридического и этического характера. Источниковедческая и историографическая характеристика издания, а также суждения о ситуации приведены в статьях В.П. Козлова и – противоположная – М.А. Базанова²². Конфликт напомнил о существовании юридической стороны проблемы²³. Близкий, но иной аспект возник при обдумывании публикации писем из археографической экспедиции: можно ли указывать реальные адреса и фамилии владельцев раритетов? Прошло более пятидесяти лет, но

расшифровка текста, публикация В.Г. Рыженко // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. Вып. С. 455–479.

²¹ *Зимин А.А.* Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384.

²² *Козлов В.П.* О нетерпении в освоении документального наследия по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 134–138; *Козлов В.П.* О некоторых морально-этических вопросах публикации документальных источников по истории России XX в. // Творческое наследие А.А. Зиминой и современная российская историография. Доклады, статьи, воспоминания. М., 2017. С. 123–142; *Базанов М.А.* Мемуары А. А. Зиминой «Храм науки»: картина научной среды и набор ценностных ориентиров автора. Рец.: Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384 // Историческая Экспертиза. № 4. 2016. С. 232–247.

²³ *Козлова Н.А.* О пиратском издании книги А. А. Зиминой «Храм науки»: Завяление дочери и наследницы авторских прав ученого Н.А. Зиминной (2015). URL: <http://www.arran.ru/?q=ru%2Fnode%2F602> (дата обращения: 22.04.2018).

еще надо учитывать опасность – ведь можно «навести» «черных искателей».

Ответы на все эти и многие другие вопросы каждый ищет сам, но важно, чтобы рефлексия вообще присутствовала.

И, наконец, серьезнейшая проблема – качество публикаций. К счастью, она в меньшей степени касается эго-документов историков, хотя В.П. Козлов предъявляет серьезные претензии к археографическому уровню издания записок А.А. Зимина²⁴. Об остроте ситуации еще раз напомнило обсуждение мемуаров крупного государственного деятеля А.Н. Куломзина «Пережитое»²⁵, предпринятое журналом «Российская история»²⁶. Мне очень близки высказанные суждения²⁷, в том числе и критические – об огромном значении самого факта («через два-три поколения уже непросто бывает понять, о чем так азартно и ожесточенно спорили предшественники, а документы, опубликованные в то же самое время, по-прежнему формируют наши представления о прошлом»)²⁸, о необходимости «пользоваться уже сложившимися, признанными в историографии способами передачи текста и создания научно-справочного аппарата», включая «проработку личного архива мемуариста, связанных с его деятельностью материалов, выявление и сличение между собой всех вариантов публикуемого текста, их источниковедческое изучение и археографическое описание»²⁹.

В заключение вернусь к первому вопросу о вовлечении эго-документов в исследовательскую практику. В подкрепление своего преимущественно оптимистического настроения приведу слова Л.П. Репиной: «В истории науки проявляется закономерность: периоды, характеризующиеся главным образом накоплением (в

²⁴ Козлов В.П. О некоторых морально-этических вопросах публикации документальных источников по истории России XX в. С. 137–140.

²⁵ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. М., 2016.

²⁶ Диалог о книге. А.Н. Куломзин. Пережитое // Российская история. 2018. № 2. С. 140–176.

²⁷ Мне уже доводилось высказываться на схожую тему: Матханова Н.П. Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в. // Отечественные архивы, 2012, № 1. С. 16–23.

²⁸ Мамонов А.В. [Предисловие] // Российская история. 2018. № 2. С. 140.

²⁹ Шилов Д.Н. Переживая о «Пережитом» // Российская история. 2018. № 2. С. 140–150.

рамках определенной парадигмы) фактического материала, неизбежно сменяются периодами, когда на первый план выдвигается задача его научного осмысления и обобщения»³⁰.

Корзун В.П., Свешников А.В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков) / под ред. В.П. Корзун. Омск: ООО «Полиграфист», 2003. С. 3–36.

Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. Т. 2. С. 266–278.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: Трибунский П.А., 2004. 347 с.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XIX века: Синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 296 с.

Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.; СПб.: ИРИ РАН, 2017. 248 с.

Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М.: ИРИ РАН, 2012. 377 с.

³⁰ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 47.

**Институциональная структура
советской исторической науки 1920–1930-х гг.
по материалам источников личного происхождения
(заметки и размышления)***

Автор данной статьи рассматривает вопрос о границах использования источников личного происхождения для реконструкции институциональной истории советской исторической науки 1920–1930-х гг. Автор выделяет две проблемные ситуации. В рамках первой, связанной с изучением истории Коммунистической академии, он показывает, что незначительное число источников личного происхождения создает некоторые сложности для адекватного понимания механизмов функционирования «комакадемических» институтов. Для подтверждения этого тезиса приводится пример МО ГАИМК, особенности работы которого стали известны историографам благодаря публикации дневников В.А. Городцова. Вторая проблемная ситуация, напротив, свидетельствует о возможных искажениях наших представлений об институциональной структуре советской исторической науки 1920–1930-х, рассматриваемой сквозь призму мемуаров, дневников и материалов переписки. Автор приводит пример с воспоминаниями Д.П. Кончаловского, страдающими неточностями в отношении истории Института истории РАНИОН, и аналогичными текстами некоторых других авторов, романтизирующих годы своей учебы.

Ключевые слова: историография советская, институциональная история, источники личного происхождения, Коммунистическая академия, МО ГАИМК, Институт истории РАНИОН, Институт красной профессуры.

O.V. Metel'

**The institutional structure of the Soviet historical
science in the 1920s-1930s according to the materials
of the personal sources (notes and reflections)**

The author of this article considers the question of the boundaries of the use of sources of personal origin in the reconstruction of

* Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688.2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

the institutional history of Soviet historical science in the 1920s-1930s. The author identifies two problematic situations. In the framework of the first, connected with the study of the history of the Communist Academy, it shows that a small number of sources of personal origin creates some difficulties for an adequate understanding of the mechanisms of the functioning of "coma-academic" institutions. To confirm this thesis is an example of the MO GAIMK, the features of whose work became known to historiographers thanks to the publication of the diaries of V.A. Gorodtsov. The second problem situation, on the contrary, indicates possible distortions of our ideas about the institutional structure of Soviet historical science of the 1920s-1930s, viewed through the prism of memoirs, diaries and correspondence materials. The author gives an example with the memoirs of D.P. Konchalovsky, who suffer inaccuracies concerning the history of the Institute of History of the RANION, and similar texts of some other authors who have romanticized their years of study.

Key words: the Soviet historiography, the institutional history, the sources of personal origin, the Communist Academy, the MO GAIMK, the Institute of History of RANON, the Institute of Red Professors.

Человеческая память – ненадежный друг историка
В.И. Невский

В пространстве современной отечественной историографии положение источников личного происхождения во многом оказывается уникальным. С одной стороны, на теоретико-методологическом уровне им принято выражать глубокое недоверие, ставя под сомнение правдивость той информации, которую можно извлечь из столь субъективных текстов¹. В то же время, практика историографического письма нередко демонстрирует совершенно иной подход к сведениям, полученным из данных источников, когда суждения их авторов приобретают характер готовых объяснительных схем, не всегда критично используемых при построении нарратива. Корни подобной ситуации, вероятно, стоит искать в особенностях развития историографических исследований в нашей стране, когда повышенное внимание к источникам личного происхождения в постсоветский период являлось своеобразной

¹ Примечательно, что о специфике документов личного происхождения сегодня пишут не только историки и источниковеды, но и психологи. См., напр.: Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб.: Алетей, 2017.

«компенсацией» отсутствию такового у советских авторов, реконструирующих прошлое дисциплины на основании анализа готовых продуктов научной работы ученых². Одновременно, думается, что не стоит забывать и об особом качестве источников личного происхождения, заставляющих исследователей проникаться симпатией к их авторам и невольно принимать их точку зрения на события прошлого. Тем не менее, дальнейшее развитие отечественной историографии невозможно без широкого обсуждения эвристического потенциала мемуарной литературы и эпистолярных источников. Причем, полагаем, что последнее должно проводиться не столько в плоскости отвлеченных размышлений о возможностях и ограничениях использования эго-документов, сколько представлять собой анализ конкретных проблемных ситуаций, последовательно выявляющих особенности работы с подобными текстами. Именно такую задачу, в частности, преследует настоящая статья, посвященная рассмотрению проблемы использования источников личного происхождения для изучения институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг.³

Источниковая база исследований, проводимых в области изучения истории советских научных центров, является на сегодняшний день вполне устоявшейся. Она включает в себя несколько основных типов источников, решающая роль среди которых отводится партийно-правительственным постановлениям и делопроизводственной документации⁴. Безусловно, благодаря им историо-

² См. об этом, напр.: *Корзун В.П., Мамонтова М.А., Коновалова Н.А., Денисов Ю.П.* Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 69.

³ Принимая в расчет различные варианты толкования термина «институциональная структура», подчеркнем, что в настоящей статье мы будем говорить об официальных институтах – научных учреждениях исторического профиля, действующих в СССР в указанный временной период.

⁴ Наиболее показательными являются сборники документов, посвященные истории советской науки 1920–1930-х гг., в которых для характеристики деятельности научных центров (Академии наук СССР, Коммунистической академии) приводятся преимущественно партийно-правительственные постановления, уставные документы и другие подобные тексты. См.: *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): сборник документов / под ред. К.В. Островитянова и др.* Л.: Наука, 1968; *Организация советской науки в 1926–1932 гг.: сб. док. / под ред. Б.Е. Быховского и др.* Л.: Наука, 1974.

граф получает возможность реконструировать основные этапы истории научно-образовательных учреждений, охарактеризовать их кадровый состав и основные направления работы. Однако информационные возможности подобных текстов отнюдь не безграничны, а представляемая ими картина прошлого отличается целым рядом существенных искажений. Лучший пример в этом отношении демонстрирует Коммунистическая академия. Приступая к реконструкции основных этапов истории «главного марксистско-ленинского научно-исследовательского учреждения СССР», ученый, казалось бы, не может пожаловаться на скудость имеющихся в его распоряжении источников. По подсчетам Г.А. Савиной, только в Архиве РАН количество фондов, связанных с работой Комакадемии или ее отдельных подразделений, составляет порядка 60 единиц⁵, а ведь часть документов хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее – СПФ АРАН), Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГА РФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ)⁶. И это не принимая в расчет опубликованные материалы, которые регулярно появлялись или в виде са-

⁵ Савина Г.А. Создание электронной базы данных «Коммунистическая академия ЦИК СССР (1924–1936)» в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 78.

⁶ В СПФ АРАН документы Ленинградского отделения Коммунистической академии составляют отдельный фонд 225 «Ленинградское отделение Коммунистической академии при ЦИК СССР», включающий в себя материалы президиума и секретариата, сведения о личном составе, документы редакции журнала «Вопросы марксизма» и др.; в ГА РФ также имеется самостоятельный фонд Р-3415 «Коммунистическая академия при Центральном исполнительном комитете СССР», содержащий документы деятельности академии в 1918–1919 г., когда она носила наименование Социалистической академии общественных наук; в РГАСПИ же сведения о Комакадемии разбросаны по отдельным фондам, к примеру, материалам Агитпропа (Ф. 17) или М.Н. Покровского (Ф. 147). Заметим, что часть архивных документов уже была опубликована исследователями, см., напр.: Организация науки в первые годы Советской власти. С. 211–231; Бухерт В.Г. «Весь ход развития культурной революции перехлестнул нашу Коммунистическую академию»: к истории подготовки ликвидации Коммунистической академии при ЦИК СССР, 1934 г. // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы Междунар. науч. конф. М.: Архив РАН, 2013. С. 329–335 и др.

мостоятельных изданий, или на страницах официальных печатных органов академии – в журнале «Вестник Коммунистической академии» и ее информационных бюллетенях⁷. По своему характеру подавляющее большинство сохранившихся текстов относится к делопроизводственной документации. Мы располагаем протоколами и стенограммами заседаний различных органов Комакадемии, планами работы и отчетами ее подразделений, уставами, положениями и многочисленными регламентами, анкетами должностных лиц, статистическими сведениями, хозяйственными документами и другими подобными источниками. Их дополняют регулярно появлявшиеся постановления ЦК ВКП(б) по вопросам функционирования академии, также появлявшиеся на страницах указанных изданий и отложившиеся в фондах «комакадемических» учреждений⁸. Специфика всех этих текстов вполне очевидна – они фиксируют нормативную сторону деятельности Комму-

⁷ В «Вестнике Коммунистической академии», являвшемся официальным печатным органом данной организации в 1922–1935 гг., регулярно публиковались партийно-правительственные постановления по вопросам работы Комакадемии, резолюции, стенограммы заседаний ее президиума и других руководящих органов, планово-отчетные документы и др. См., напр.: Протокол общего собрания членов Социалистической академии 17 апреля 1924 года // Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. VIII. С. 373–393; Пленум Коммунистической академии при ЦИК СССР 17 июня 1930 г. (стенографический отчет) // Вестник Коммунистической академии. 1930. Кн. 39. С. 14–90; Современные задачи марксистско-ленинской философии (Резолюция президиума Коммунистической академии по докладом тт. Милютина и Деборина «О разногласиях на философском фронте», принятая 11/1-1931) // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1. С. 15–22; Постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. по докладу Президиума Коммунистической академии // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 2–3. С. 3–5 и др. Информационные бюллетени академии представляли собой отпечатанные на стеклографе брошюры, содержащие сведения о работе «комакадемических» подразделений за отчетный период. См., напр.: Информационный бюллетень № 6. Апрель – июнь. М.: Стеклограф «Красное студенчество», 1927. Также Коммунистическая академия публиковала в виде отдельных брошюр планы работы, сведения для поступающих в аспирантуру и др. См., напр.: План работ Коммунистической академии на 1928–1929 год. М.: Издательство Коммунистической академии, 1928; Справочник аспиранта Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР на 1930/31 г. Л.: Ленинградское отделение К.А., 1930.

⁸ См., напр.: Постановление ЦК ВКП(б) о мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 33. С. 282–283 и др.

нистической академии, свидетельствуя о «горизонтах ожидания» по отношению к ней со стороны властных институтов или ее собственных руководящих органов, но никак не о повседневной работе ее членов. Последняя остается нам практически неизвестна, и мы не располагаем другими источниками, которые бы могли позволить в полной мере восполнить этот пробел. Частично подобную функцию на себя могли бы взять стенограммы заседаний различных «комакадемических» структур, однако в атмосфере тех лет они отличались существенным своеобразием и постепенно приобретали все более «ритуальный характер», демонстрируя не частные мнения сотрудников по тому или иному вопросу, а коллективное согласие с партийным курсом. В результате, исследователю приходится быть весьма аккуратным не только в случае с указаниями на достижения академиков, но и при работе с их «критикой» и «самокритикой», нередко носившей декларативный и постановочный характер, ставший особенно заметным в период «обострения идеологической борьбы» на различных «научных фронтах» на рубеже 1920–1930-х гг.

Чем опасно невнимание к специфике делопроизводственной документации при использовании ее сведений для построения нарратива может продемонстрировать одна из недавних специальных работ по истории Комакадемии, авторы которой, поставив перед собой задачу изучить историю данного центра в системе взаимоотношений науки и власти, в действительности не только ограничились рассмотрением его организационной эволюции, но и последнюю представили лишь в виде констатации фактов открытия и закрытия новых «комакадемических» подразделений⁹. Сама по себе подобная модель работы с материалом имеет право на существование, но нуждается в серьезных пояснениях. Так, если Б.И. Козлов и Г. А. Савина указывают на то, что в 1931 г. Коммунистическая академия представляла собой объединение «десяти институтов; Ассоциации естествознания, которая в свою очередь складывалась из одиннадцати учреждений; девяти специальных научных

⁹ Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР в системе отношений науки и власти (1924–1936 гг.) // Институционализация отношений государства и науки в истории России (XVIII–XX вв.): сб. ст. / под ред. Б.И. Козлова. М., 2007. Вып. I. С. 121–148.

журналов; шестнадцать марксистских научных обществ; вновь вошедших в систему К[оммунистической] А[кадемии] институтов красной профессуры, насчитывающих около 2500 слушателей», то стоит хотя бы оговорить какие из этих структур являлись реально функционирующими, а какие действовали лишь на бумаге¹⁰. Тем более, что в более ранних публикациях Г.А. Савина подчеркивает подобную особенность «комакадемических» центров¹¹. Сомнения в продуктивности чрезмерным увлечением официальной документацией при работе с историей научных учреждений ранее высказывали и другие специалисты. К примеру, известный немецкий исследователь Т. Маурер обосновывала этот тезис на материале истории русских и немецких университетов, подчеркивая, что подчинение историографии университетов формально-юридическим критериям чревато опасными заблуждениями. «Если при написании истории университетов за отправную точку брать их "уставный образ", – утверждала Т. Маурер, – то велик риск исказить действительный ход развития»¹².

Одним из возможных решений, которое бы позволило избежать ошибочных интерпретаций, в случае с Коммунистической академией могло бы стать использование для реконструкции механизмов функционирования ее институтов источников личного происхождения – писем, дневников или мемуаров ее сотрудников. Однако мы располагаем лишь очень ограниченным числом таких. Особенно остро отсутствие эго-документов ощущается историографом в отношении Института истории Коммунистической академии, информация о котором крайне редко предстает на страницах дневников, воспоминаний или переписки. Полагаем, что виной тому – судьба большинства сотрудников института, неоднократно обвинявшихся в связях с оппозицией и в середине 1930-х гг. подвергшихся репрессиям, которые, как нам представляется, не

¹⁰ Козлов Б.И., Савина Г.А. Коммунистическая академия ЦИК СССР в системе отношений науки и власти (1924–1936 гг.) // Институционализация отношений государства и науки в истории России (XVIII–XX вв.): сб. ст. / под ред. Б.И. Козлова. М., 2007. Вып. I. С. 143.

¹¹ Савина Г.А. Указ. соч. С. 82.

¹² Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 27.

могли не оказать влияние на сохранность личных материалов арестованных специалистов¹³. В то же время, даже введенные в оборот источники, вышедшие из-под пера сотрудников Коммунистической академии, сообщают нам не так много новых сведений об особенностях функционирования интересующего нас центра. К примеру, в дневниках М.В. Нечкиной, являвшейся в первой половине 1930-х гг. сотрудником секции истории пролетариата СССР и библиографической комиссии Института истории Комкадемии, встречаются лишь беглые упоминания о выполнении ею плана работ института и некоторых обстоятельствах структурной перестройки академии в 1932 г.¹⁴. Более многословен по сравнению с М.В. Нечкиной оказался ее коллега С.А. Пионтковский, запечатлевший в своем дневнике атмосферу борьбы сначала внутри Института истории РАНИОН, а затем – Института истории Коммунистической академии. Правда, увлекшись обличением оппонентов, он практически не уделил внимания «профессиональным будням» «комакадемического» института, лишь вскользь упоминая некоторые обстоятельства его открытия (сопровождавшегося жаркими спорами М.Н. Покровского и Н.М. Лукина) и дальнейшей работы¹⁵. Безусловно, историограф может постараться компенсировать этот пробел в наличной источниковой базе за счет использования различных методов анализа имеющихся текстов. Однако полагаем, что многие как минимум любопытные детали все же останутся нам неизвестными.

Для подтверждения этого тезиса можно сослаться на пример Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (далее – МО ГАИМК), открывшегося в

¹³ Неслучайно сам Институт истории на несколько десятилетий оказался «вычеркнут» из истории советской исторической науки, а одна из первых попыток охарактеризовать его работу была предпринята в середине 1960-х гг. в связи с подготовкой очередного тома «Очерков истории исторической науки в СССР». См.: Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966. Т. 4. С. 201–209.

¹⁴ «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография / отв. ред. Е.Л. Рудницкая, С.В. Мироненко. М.: Новый хронограф, 2011. С. 799; «... И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. С. 330.

¹⁵ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вст. ст. А.П. Литвина. Казань: Казанский государственный университет, 2009. С. 252.

столице в 1932 г. и ликвидированного в 1937 г. На протяжении долгого времени об этом центре было известно немного¹⁶. По справедливому замечанию Т.Н. Кондратьевой, его детальному изучению препятствовало состояние имеющихся источников, разбросанных по нескольким архивам и отличающихся значительной степенью фрагментарности¹⁷. К примеру, в Архиве РАН можно обнаружить только сведения о личном составе МО ГАИМК (Ф. 478), тогда как в Архиве Института истории материальной культуры сохранились отдельные стенограммы научных заседаний секций отделения (Ф. 2). Сложившаяся ситуация изменилась в 2015 г., когда И.В. Белозеровой и С.В. Кузьминых были подготовлены к печати два тома дневников известного археолога В.А. Городцова, работавшего в МО ГАИМК с момента его основания¹⁸. Именно из названного текста мы узнаем детали открытия нового отделения, отношение к нему со стороны различных групп исследователей, механизмы кадровых назначений, известные В.А. Городцову, и многие другие сведения, при должной критике позволяющие пролить свет на многие обстоятельства работы московских специалистов в области докапиталистических формаций. Особенно показательным, в частности, является указание В.А. Городцова на наличие довольно мирных контактов между ним, «буржуазным историком» и «вещеведом», и марксистскими лидерами ГАИМК Ленинграда (А.Г. Пригожин), в одной из личных бесед высказывавших желание видеть его руководителем «московского филиала» академии¹⁹.

Помимо приведенного примера с воспоминаниями В.А. Городцова, можно сослаться на переписку А.Е. Преснякова с женой, сообщающую не менее любопытные подробности об открытии Ленинградского отделения Института истории РАНИОН, о котором также в историографии известно немного. Небольшие по объему

¹⁶ См., напр.: *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. С. 54–55.

¹⁷ *Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК // Европа: международный альманах. 2005. Вып. 5. С. 185.

¹⁸ Василий Алексеевич Городцов: дневники 1928–1941: в 2 кн. / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яковский. М.: Триумф-принт, 2015. Кн. I: 1928–1935.

¹⁹ Там же. С. 338–339, 436–437.

фрагменты писем 1927 г., отправленных ленинградским историком из Москвы, позволяют исследователю получить представление об особенностях согласования кандидатур будущих сотрудников отделения, выяснить роль отдельных историков (А.Е. Пресняков, Е.В. Тарле) и властных инстанций в данном процессе и пр.²⁰

Однако приведенные примеры, подтверждающие необходимость использования историографом источников личного происхождения для реконструкции истории отдельных советских институций исторического профиля, не должны скрывать от нас и возможные ограничения, которые неизбежно возникают при работе с подобными текстами. В качестве примера можно указать на случай с воспоминаниями историка античности Д.П. Кончаловского²¹. Судьба ученого сложилась непросто. Окончив в 1903 г. историко-филологический факультет Московского университета, он был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию, стажировался в Берлине, затем недолго преподавал в *alma mater* и других учебных заведениях Москвы, воевал на фронтах Первой мировой войны и в 1918 г. вновь вернулся к научным занятиям и преподавательской работе. В 1920-е гг. Д.П. Кончаловский являлся сотрудником секции древней истории Института истории РАНИОН, но после реорганизации института фактически потерял связь с научным сообществом, а в 1944 г., находясь на оккупированной территории, и вовсе покинул страну и поселился у сестры в Париже, где написал книгу своих воспоминаний. Не беремся судить о достоверности всех сведений, приводимых на ее страницах историком, однако в отношении интересующего нас предмета – Института истории РАНИОН – он оказывается крайне неточен. Причем, речь идет не только о фактологических ошибках, вполне объяснимых особенностями человеческой памяти и характером труда мемуариста, но и о немаловажных погрешностях в характеристике работы секции института, в которой, к примеру, по указаниям историка не велись исследования в области культуры, тогда как и стенограммы, и планово-отчетная документа-

²⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 803, 805, 813.

²¹ *Кончаловский Д.П.* Воспоминания и письма (От гуманизма к Христу). Paris: Librairie des Cinq Continents, 1971.

ция определенно свидетельствуют об обратном²². Невозможно согласиться и с утверждением Д.П. Кончаловского об отсутствии у институтов, вошедших в состав РАНИОН, средств для публикации научных трудов своих членов. Наглядным опровержением этого тезиса является каталог работ сотрудников РАНИОН, считающийся внушительное число позиций²³. В то же время, сказанное отнюдь не означает, что мы должны отказаться от воспоминаний Д.П. Кончаловского как от исторического источника. Полагаем, что приводимые им сведения могут быть полезны для знакомства с общей атмосферой тех лет, тем более, что его оценки вклада Института истории РАНИОН в развитие отечественной историографии разделяют и другие мемуаристы. Л.В. Черепнин, окончивший аспирантуру данного научного центра, в своих воспоминаниях также подчеркивал выдающееся место Института истории среди учреждений, занимавшихся научными изысканиями и преподавательской работой в этой области²⁴. Причем, в отличие от Д.П. Кончаловского, советский историк оказался более точным в приводимых сведениях, которые, вероятно, он проверял.

Немало хлопот исследователю может доставить и работа с воспоминаниями ученых о годах своего профессионального становления. С одной стороны, они будут весьма полезны для уточнения особенностей организации учебного процесса того или иного учреждения, дополняя информацию, полученную из его официальных документов (программ курсов, графиков учебного процесса и др.). Так, к примеру, благодаря воспоминаниям Э.Б. Генкиной мы узнаем об отсутствии в стенах Института красной профессуры (далее – ИКП) практики чтения систематических курсов, на наличие которой, как пишет мемуарист, указывают историографы, и практики написания и защиты диссертации, если верить учебному плану, завершающей обучение²⁵. Кроме того, мемуар-

²² Ср., напр.: *Кончаловский Д.П.* Указ. соч. С. 190; ГА РФ. Ф. А-4655. Оп. 1. Д. 182. Л. 13.

²³ Каталог изданий РАНИОН, 1926–1930. М.: РАНИОН, 1930.

²⁴ *Черепнин Л.В.* Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / сост., общ. ред. В.Д. Назарова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 101.

²⁵ *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 258–273.

ная литература позволяет уточнить бытовые подробности, определить настроения студентов и слушателей, показать их взаимоотношения друг с другом и др. Вновь ссылаясь на воспоминания Э.Б. Генкиной, укажем, что в них содержатся указания на относительный материальный достаток «икапистов», наличие у них возможности отдыхать в санаториях и выезжать в заграничные командировки²⁶. Эти сведения подтверждают воспоминания и другого выпускника ИКП А.Л. Сидорова, подробно характеризующего учебные корпуса, в которых проводились занятия²⁷. Однако, в то же время, нельзя не заметить, что воспоминания о периоде обучения историков окружены своеобразным романтическим ореолом, когда авторы вольно или невольно идеализируют годы своей молодости, нередко стараясь найти оправдание отдельным недостаткам того времени. Та же Э.Б. Генкина в своих воспоминаниях об ИКП пытается «компенсировать» пробел в подготовке будущих «красных профессоров», связанный с отсутствием у них систематических знаний, приобретаемых на лекциях, указанием на интенсивную самостоятельную работу слушателей, вынужденных в короткие сроки овладевать большим объемом информации²⁸. В дальнейшем, представление о напряженной работе «икапистов» прочно укоренилось в историографии, хотя, в свете архивных данных и некоторых других работ современников, оказывается, что оно нуждается в уточнении. К примеру, в статье, приуроченной к десятилетию ИКП, А.М. Панкратова и Т. Дубыня сообщают о нехватке преподавательских кадров, срыве учебной работы и других недостатках первых лет деятельности нового института²⁹. В еще более мажорном тоне написаны страницы воспоминаний студентов первых наборов исторических факультетов³⁰. Отчасти они

²⁶ Генкина Э.Б. Воспоминания об ИКП // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 271–272.

²⁷ Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005.

²⁸ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 266.

²⁹ Дубыня Т., Панкратова А. Десять лет Института красной профессуры // Борьба классов. 1931. № 8–9. С. 17–30.

³⁰ Гутнова Е.В. Пережитое. М.: Росспэн, 2001; Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: Росспэн, 2005. Нельзя сказать, что идеализированные воспоминания

идеализируют своих профессоров, которые традиционно делятся на два типа – «настоящих ученых» и легковесных «специалистов по марксизму»; отчасти – романтизируют сам процесс обучения. Вероятно, подобные тексты сыграли свою роль в утверждении представления об открытии истфаков в университетах и педвузах в 1934 г. как о своеобразном рубеже для развития советской историографии, отделяющем «хорошую» эпоху проведения планомерных исторических исследований от «плохого» времени невнимания к истории и социологизаторства в ее изучении и преподавании³¹.

Все сказанное нами в настоящем, безусловно, кратком и неполном обзоре, казалось бы, должно привести исследователя лишь к одному банальному выводу: источники личного происхождения могут, как существенно обогатить наше знание о прошлом, так и привести к значительным искажениям в его восприятии. Результат зависит лишь от методологических ориентаций историка и его умения извлекать информацию из сохранившихся материалов. Однако, полагаем, что за этим очевидным тезисом скрывается куда более важный вывод, напрямую связанный с вопросом редакционной коллегии «Мира историка» о специфике публикации источников личного происхождения. Полагаем, что в современной историографической ситуации необходимо обратить внимание на фигуру публикатора воспоминаний, дневников и писем, роль которого отнюдь не ограничивается базовой обработкой текста и «дежурными комментариями» событий, вполне доступными лю-

о годах учебы – это только примета прошлого. Недавние публикации автобиографических заметок современных историков обнаружили ту же черту, см., напр.: *Смышляев А.Л. О моих Учителях // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. Вып. 11. С. 348–358.*

³¹ В историографии воплощение указанной схемы см., напр.: *Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. Полагаем, что в основе подобного подхода лежат оценочные суждения, в том числе сформулированные властью, нуждавшейся в обосновании нового партийного курса в отношении исторической науки. Отчасти мы уже затрагивали данный сюжет в своих предыдущих работах, см.: *Метель О.В. О преподавании исторических дисциплин в коммунистических университетах советской России в 1920-е гг. // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность / под ред. Л.Р. Ротермель. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. Т. 3. С. 140–154.**

бому пользователю сети Интернет. Напротив, именно на публикаторе лежит задача определения эвристического потенциала избранного текста и глубокого анализа той информации, которая в нем представлена. Прочитывая документ с самых разных ракурсов, исследователь должен показать и обстоятельства создания этого материала, и целевую установку его автора, и характер приводимой информации и, наконец, степень ее достоверности. В противном случае, научное сообщество получит не материал, готовый к использованию, но документ, требующий повторной обработки и нового детального анализа.

О письмах Г.П. Федотова и не только

Данное эссе содержит ответы на вопросы, предложенные редакцией ежегодника для выяснения значения, принципов публикации и использования в историографических исследованиях эго-документов. Автор обсуждает позицию, занятую С.Б. Крихом и О.В. Метель, а также критикует основания видовой классификации источников, предложенной С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой. Особое внимание в эссе обращено на коммуникацию между авторами исторических нарративов и их читателями, обычно упускаемую из виду в историографических работах, предполагающих в качестве их адресанта только академическое сообщество.

Ключевые слова: концептуальная историография, эго-документы, видовая классификация источников, эдиционные практики в источниковедении историографии.

A.V. Antoshchenko

On George Fedotov's letters and beyond

This essay contains answers to the questions suggested by the editorial board of the yearbook for clarifying the meaning, principles of publication and use of ego documents in history of historiography. The author discusses the position taken by S.B. Krikh and O.V. Metel' in their article on two paradigms in history of historical writing, and also criticizes the foundations of the classification by species of historians' publications proposed by S.I. Malovichko and M.F. Rummyantseva. Particular attention is paid in the essay to the communication between the authors of historical narratives and wide circle of their readers, who are usually overlooked in historiographical works, which presume as historians' addressee the academic community only.

Key words: concepts in history of historiography, ego documents, classification of historians' publications, editorial practices in source study of historiography.

То, что история должна основываться на изучении документов, – мнение, спорить с которым было бы абсурдом. Ибо только они содержат свидетельство о том, что же действительно произошло; и ясно, что вымышленная история не может иметь какой-либо ценности. Более того, в одном документе жизни больше, чем в пятидесяти историях (за исключением очень немногих лучших), по той простой причине, что он содержит в себе то, что принадлежит этому действительному прошедшему, он имеет странно живительную жизнь-в-смерти, как будто принадлежит нашему собственному прошлому, которое порой способны пробудить определенный звук или аромат.

Виноградов П.Г. Об истории¹

В свое время, читая статью С.Б. Криха и О.В. Метель, призывавших к обсуждению современных парадигм в отечественных историографических исследованиях², я обратил внимание на один, как мне сразу показалось, странный пассаж о публикации источников. Авторы сетовали, что издается слишком много историографических источников личного происхождения³, с чем едва ли можно согласиться, как и со многими другими утверждениями упомянутой статьи⁴. Актуальность данной проблемы подтвердил недавний отказ ответственного (очевидно, бывают безответственные) редактора «Вестника Пермского университета. История» опубликовать письма известного историка, сопровождавшиеся следующей аргументацией: «...мы ранее действительно публиковали документы с комментариями. Но после того, как стали индексироваться в одной из баз WOS, теперь этого не делаем – абсолютным приоритетом теперь у нас исследовательские статьи и аналитические обзоры. Поэтому при всем желании и даже с учетом родственных связей семейства Струве и Перми опубликовать эти письма, увы, не сможем. Надеюсь на понимание». Понимание, в данном случае, позволяет реконструировать стоящее за отказом пред-

¹ Виноградов П.Г. Избранные труды. М., 2010. С. 83.

² Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

³ Там же. С. 161.

⁴ Наиболее обстоятельный разбор их позиции представлен пока в статье: Исаев Д.П. К вопросу о двух парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 92–104. Хотя мне не понятно стремление автора удержаться в рамках дуалистичности.

ставление: «престижность», определяемая включением в некий международный ресурс индексирования, признаваемый и почитаемый российскими министерскими чиновниками, делает публикацию историографических источников неразумной, т. к., очевидно, этот материал рассматривается как «второсортный» по сравнению с публикацией результатов исследований и аналитическими обзорами. Правда, за этим проглядывает парадокс: как мне представляется, одной из целей систем индексирования является учет востребованности изданий, а что может быть более востребованным для историков, чем публикация источников?

Однако такой взгляд, делающий вопрос риторическим, вероятно, становится все более наивным, а вопрос приобретает значимость. По крайней мере, мой личный опыт убеждает меня в этом все больше. В свое время, наткнувшись в коллекции Дмитриевых, хранящейся в Рукописном отделе ОГБ, на внушительный пласт эго-документов Г.П. Федотова и не имея достаточно времени для обработки его, я отказался даже от упоминания этих источников в докторской диссертации, т. к. не хотел, чтобы их «перехватили». Позже в 12-м томе «Собрания сочинений» Г.П. Федотова его письма Т.Ю. Дмитриевой были мной изданы⁵, но каково было мое удивление, когда вернувшись в Рукописный отдел РГБ через несколько лет после этого, я обнаружил, что после моей подписи на листах использования в делах с эго-документами Г.П. Федотова (сюда же к письмам можно добавить наброски историко-философских статей, эссе, стихотворения и т.п.) не появилось более никаких автографов. Я продолжил публикацию этих материалов. За эти годы было защищено более десятка кандидатских диссертаций, «посвященных» (как будто это стихи в альбом), как обычно пишут в таких случаях, творчеству этого историка, философа и религиозного мыслителя, в которых нет ссылок не только на архивные документы, но даже на опубликованные, хотя часть их легко доступна через Интернет. Получается, что «кандидатам в науку» (в том числе в историческую) источники личного происхождения не нужны...

⁵ См.: *Федотов Г.П.* Собр. соч. Т. 12: Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. М., 2008. С. 7–257.

Похоже, что не очень-то они нужны и некоторым состоявшимся в исторической науке исследователям. Подал в позапрошлом году впервые заявку на грант в поддержку изучения жизни и творчества А.В. Карташева в тогда еще существовавший самостоятельно РГНФ, я получил ответ эксперта с отказом. Понятно, что эксперты этого фонда, ныне кооптированные в экспертное сообщество РФФИ, – люди заслуженные и разбирающиеся в тонкостях исторических исследований. Так вот, в качестве недостатка он(а) отметил(а), что заявитель предполагает издание писем известного историка и политического деятеля А.В. Карташева (их предполагалось опубликовать около 10 п. л.) и нескольких исследовательских статей, тогда как лучше бы написать монографию (вполне понимаю в этой связи радость В.В. Кучурина, получившего грантовую поддержку для публикации документов С.М. Соловьева). Поэтому я с благодарностью отношусь к пониманию редакцией «Вестника Омского университета. Серия Исторические науки» значимости этих документов и готовности уделить им место на страницах своего журнала. Конечно же, я желаю журналу (точнее – редколлегии) остаться в ВАКовском списке и войти в другие «престижные» базы данных в надежде, что это не изменит их отношения к изданию исторических (в том числе и историографических) источников.

Дают ли эти публикации нам то, чего мы хотим? Данный вопрос предполагает, что публикация источников и, особенно, эго-документов направлена к самим себе или, взяв все же более широко, – к сообществу историков. В этом есть свой резон, хотя и ограничивающий «целевую группу», как пишут в таких случаях социологи. Занимаясь многие годы изучением и преподаванием историографии отечественной истории (да и всеобщей, поскольку их не следует отделять), я чувствую себя обязанным обращаться к такого рода источникам.

Во-первых, потому что не склонен разделять личную и научную жизнь историков (по какому критерию? С 9-00 до 17-00 – научная или преподавательская, а после – личная, а если лекция, не дай Бог, в первую смену в 8-00 или мысль в голову «взбредет» в неурочный вечерний или даже ночной час?-). К тому же считаю, что соперничают между собой не исторические концепции,

а люди, которые их создают и при этом не всегда стремятся исключительно к Истине. Иначе зачем нужны были бы упоминавшиеся фонды? (Как тут не вспомнить классика: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»?-) А, может быть, и С. Б. Крих с О. В. Метель опубликовали свою статью не в омском издании, а в «Вопросах истории» с целью не только затеять назревшую и нужную дискуссию, но и повысить показатель цитируемости (Хирша, по имени создателя;-)?

Во-вторых, потому что считаю, что для обучающихся будущих историков историография еще и дисциплина, формирующая их идентичность в этом качестве (нужно бы свериться с новейшим ФГОСом⁶;-), что невозможно без обращения к эго-документам предшественников, в которых проявляются их индивидуальные и личные черты, которые могут стать образцом для подражания, да и просто позволят понять, что ты такой (такая) не один (одна). Что особенно важно для студентов не «в часы забав или праздной скуки», а «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий».

Закавыченные цитаты из классиков – не случайны. Для меня они служат маркером аллюзий не то «на», не то «к» опыт(у), «друг(у) ошибок трудных». При подготовке части писем А.В. Карташева мне охотно и эффективно помогал студент, обучавшийся по магистерской программе. Как человек воцерковленный и знающий вопросы религии и церкви «изнутри», он легко ориентировался в связанных с этим «подводных течениях» корреспонденции, предлагая порой интересные и нетривиальные комментарии, но часто «налетал на рифы», когда встречались совершенно очевидные для меня аллюзии и реминисценции, основанные на обращении А.В. Карташева к русской классической литературе XIX в. Так что приходилось нередко ему объяснять, как мне казалось, достаточно простые и очевидные вещи. И это – не единичный случай, как показал ряд археографических практик, которыми мне пришлось руководить. Современные студенты, намного легче и эффективнее используя компьютер и Интернет, демонстрируют, увы, более низкий (а, может быть, просто иной?-) уровень культуры. Не удивительно, что современные исследователи не про-

⁶ Сверка дала отрицательный результат: такой профессиональной компетенции готовить не надо.

тестуют против помещения в комментарии переводов слов и фраз с латыни или древнегреческого языка, хотя для историков, получивших гимназическое образование в XIX в., это выглядело бы как *nonsense*. Так что, возможно, что со временем придется писать комментарии не только к имени Наполеона...

Стоят ли затраченные усилия тех выводов, которые получают читатели в результате ознакомления с новым материалом? Этот вопрос продолжает линию предыдущего, предполагая публикацию «для себя» или «для своих». Как читатель, я ценю затраченные усилия тех моих коллег, которые знакомят меня с новыми данными, тем более представляемыми в таком привлекательном, как правило, «формате», какой свойственен эго-документам. Соответственно, я надеюсь, что и мои усилия в этом направлении вызывают аналогичное отношение. Более того, учитывая специфику эго-документов, надеюсь, что такого рода источники могут быть интересны и «неспециалистам», поэтому с удовольствием подарил 12-й том собрания сочинений Г.П. Федотова своей сестре и кому-то из одноклассниц, не занимающихся не то что историографией, но даже историей. Прочитали, понравилось... Когда-то Н.М. Карамзин писал об удовольствии, а не только о пользе от чтения исторических сочинений. Остается только пожалеть, что рожденный перестройкой журнал «Наше наследие» канул в Лету. В отличие от «Вестника архивиста», «Исторического архива» или «Отечественных архивов» он был нацелен на *читающую публику*, а не только на специалистов.

И еще. Если «читатель» понимается как *implied reader*, то здесь уже возникает любопытная методологическая проблема, так как читатель, к которому обращался автор эго-документов, и читатель, на которого рассчитывает публикатор, не совпадают. Возможно, что автор эго-*документа* предполагал повлиять на восприятие читателем сообщавшегося ему (хотя мог создавать его и действительно только «для себя»: записная книжка все же служит тому, чтобы забыть;-). Тогда возникает целый ряд исследовательских вопросов, ответы на которые позволят прояснить авторскую позицию. Публикатор же может исходить из собственных интересов, которые, как правило, связаны с его исследованием, результат которого будет обращен к иным читателям, и уже от воспри-

ятия которых зависит успех или неудача публикатора (т. е. сумеет ли он(а) привлечь их внимание и донести до них значимость чужого *эго*-документа). А это делает также предметом историографического исследования историю публикации исторических (и историографических) источников как проявления изменений не только прикладного, но и теоретического источниковедения, т. е. изучение того, как менялись цели и принципы этой дисциплины⁷. В этой связи хочу отметить, что предлагаемый С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой принцип «видовой классификация» историографических источников в зависимости от целей их создания⁸, меня не удовлетворяет. Удивляет то, что представители настойчиво (или назойливо?-) «самопровозглашаемой» научной школы (что лишний раз указывает на конструктивистский характер этого понятия, не всегда учитываемый в «схоларной» историографии), постоянно подчеркивая свою приверженность взглядам русских неокантианцев (особенно А.С. Лаппо-Данилевского), упускают из вида то, что неокантианство решало проблемы, возникавшие в связи с признанием активной роли познающего субъекта. Достаточно вспомнить определение С.А. Лаппо-Данилевским «методологии источниковедения», которая «устанавливает *главным образом* те *производные* принципы и методы, на основании которых *историк* считает *себя вправе* утверждать, что факт, известный *ему* из данных источников, действительно существовал; она рассматривает, что именно источники дают для нашего знания об исторической действительности и в какой мере оно доступно нам *при данных условиях*»⁹ (курсив – мой. А. А.). Очевидно, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева в этом определении ориентируются на «факт» из «источника». Я бы переместил акцент на «историка» и «данные условия» и не стал бы отрывать «методологию источниковедения» от «методологии исторического построения». А то

⁷ См.: *Алеврас Н.Н.* Источниковедение историографии и историография источниковедения как междисциплинарные ракурсы // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Междунар. конф., Витебск, 8–9 октября 1915 г. Витебск, 2015. С. 61–63.

⁸ См.: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево, 20013.

⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М., 2010. Т. 2. С. 9.

получается, что и источники даны, и факты даны... Ну, хоть принципы и методы «производные»... Думаю, что сегодня никто не станет спорить с тем, что источником для историка является только то, что рассматривается им как источник, «факты» – (ре)конструируются на основании источников и приобретают значение только в соотношении (связи) с другими «фактами», именно так они становятся историческими в целостном и «замкнутом» (завершенном, а потому – историческом) повествовании, а не просто фактами прошлого, зафиксированными («данными») в источнике. «Источник» молчит в отношении «фактов», о которых его не спрашивают... Так что сегодня, мне представляется, важнее продолжение цитаты из книги А.С. Лаппо-Данилевского: «Методология исторического построения рассуждает о производных принципах и методах *построения истории из фактов*, данные о которых уже были предварительно истолкованы и проверены; она не задается вопросом о том, в силу какого соображения историк признает, что они действительно были, а предлагая его решенным в утвердительном смысле, только выясняет, каковы производные принципы и методы, которыми историк пользуется для того, чтобы научно *конструировать* историческую действительность»¹⁰ (курсив – мой. А. А.). Хотя я читаю «Методологию истории» А.С. Лаппо-Данилевского как историографический источник, учитывая его ограниченность пространством и временем (точнее, конечно же, ограниченность не источника, а автора... Заострим провокативно, используя коннотативные ресурсы языка;-), а не как руководство к действию.

Не склонен я и противопоставлять «строгую научную историю» и «социально ориентированное историописание» с соответствующей «видовой классификацией» источников по авторским целям. Коль скоро признается активная роль познающего субъекта (историка), то наиболее эффективными будут классификации (пережиток XVII–XVIII вв.? Такой же, как и эти римские палочки, явно маркирующие «научность» данного высказывания?-), построенные исходя из исследовательских задач, а потому в отличие от одномерной классификации предполагающие имплицитно

¹⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2010. Т. 2. С. 9.

иерархизацию источников, которую профессионально подготовленный историк обязан эксплицитно подтвердить и которая постоянно будет меняться в зависимости от изменения целей и задач исследования.

Такое противопоставление, как мне представляется, есть результат своеобразного понимания значения постмодернизма, который, очевидно, «напугал» С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцеву, как и многих других наших коллег-соотечественников и не только соотечественников, существующей якобы «угрозой» «ремеслу историка», возникающей в результате стирания грани между историей и литературой. Мне значение постмодернизма видится в чем-то другом, а именно: он довел до логического конца принцип историзации, который сначала был применен к объекту исследования историков (никак не могу сообразить: то ли в период классической рациональности, то ли в период неклассической рациональности? Или где-то посередине?-), потом был распространен на метод, который, как оказалось, не только «коренится» в источниках, но и активно формирует «предмет исследования» (здесь уж точно неокантианцы постарались, т. е. «неклассическая рациональность»), а затем наступил черед самого познающего субъекта (историка), который не только действует в определенных, но постоянно меняющихся условиях (да еще и создает их и меняет своей деятельностью), но и обязан осознавать эту изменчивость, а значит и свою ограниченность пространством и временем (отсюда, как я понимаю, столь высоко чтимый Х. Уайтом троп «Ирония»: нужно критически относиться к занимаемой позиции, которая выражается в дискурсе, понимая его ограниченность). Так что, развивая («оживляя», по П. Рикеру) веберовскую метафору расколдовывания мира путем его рационального познания, можно сказать, что на смену десакрализации истории как прошлого должна прийти (или уже пришла?-(десакрализация истории как его осмысления, т. е. историографии?.. Лучше заниматься (даже перед всеми студентами, и не только перед будущими историками) такой десакрализацией, чем утверждением новых пропагандистских идеологием, подавая их под соусом «научности».

Чего не стоит публиковать? Обычно ответ на этот вопрос сопровождается ссылками на этические нормы. При этом явно

или неявно (научно: «эксплицитно» и «имплицитно»;-) за такими ссылками проглядывает понятие «privacy» и связанные с ним юридические нормы. Само понятие, как и определяемые им явления, заслуживает, особенно в нашей стране, где оно все еще звучит «чужестранно», несомненного уважения. Однако эти нормы относятся, прежде всего, к современности и имеют определенный срок давности, что, кстати, определяется и законодательством. К тому же историки должны отдавать себе отчет, что сами этические нормы историчны. Поэтому, когда я получил отказ опубликовать анализ писем-исповеди Г.П. Федотова от редколлегии альманаха «Одиссей», я был весьма смущен замечаниями, что мое намерение напоминает желание «покопаться в чужом белье», сопровождавшимися при этом ремарками «типа», как любят говорить студенты, «любовь-морковь» и т. п. Я опубликовал эти письма¹¹ потому, что они не только раскрывают эмоциональный мир историка, но и позволяют понять формирование принципов исторического исследования, которые складываются, как выяснилось, не только в университетских аудиториях, во время работы в архивах или библиотеках (в «историографическом быту»?-), но и в межличностных отношениях, в том числе и в любви. А вот дневниковые записи П.Г. Виноградова о его знакомстве с будущей женой Луизой Станг-Харпет ничего подобного дать не могут¹². Возможно, публиковать их и не стоит, хотя несколько цинично-рациональные, они как нельзя лучше подходят к его портрету историка-позитивиста, оставившего свой романтизм в юности (как позже и цитирование стихов в статьях, в силу этого или их публицистичности – ненаучных? А ведь сколько мне пришлось «перелопатить», чтобы выяснить в чьем переводе он процитировал Гете¹³). Или язвительно-саркастические оценки З.Н. Гиппиус брака А.В. Карташева, который «ничего не может сделать, только *бле-*

¹¹ См.: Письма-исповедь Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой (1906–1907) // Мир историка. Историографический ежегодник. Омск, 2015. Вып. 10. С. 397–454.

¹² См.: Архив Московского университета. Ф. 213. Оп. 1. Д. 72. Записная книга 1895 г. (XXV год издания) с дневниковыми записями П.Г. Виноградова. Записи за ноябрь–декабрь.

¹³ См.: *Виноградов П.Г.* Россия на распутье. М., 2008. С. 68 и прим. 62 на с. 493.

стит обручальным кольцом»¹⁴... Они больше говорят о писательнице, чем об историке, нашедшем в Павле Полиевктовне (или, для комментариев, все же Полуэктовне?-) надежную спутницу, помогавшую ему и поддерживавшую в трудные минуты, о чем свидетельствуют ее письма к Евгению Исакиевичу Новицкому, отложившиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета. И многие ли исследователи, тем более начинающие, смогут доехать до этого архива (особенно сейчас) и узнать об этом, если я не напечатаю этих писем? Так что стоит публиковать все источники, которые позволяют прояснить процессы формирования и развития (а, может, и деградации, как знать?-(личности историка, если это не противоречит закону.

Ограничения или даже запреты на публикацию со ссылками на этические соображения могут исходить не только от родных авторов эго-документов, но и от институтов, с которыми они были связаны, или родственников тех, чьи нелицеприятные характеристики содержатся в такого рода источниках. В свое время не была опубликована рукопись исторического очерка А.В. Карташева, написанного в связи с двадцатипятилетним юбилеем Свято-Сергиевского института, в которой он дал честную характеристику конфликтных ситуаций, возникших в нем по поводу идей и действий о. Сергия Булгакова, В.Н. Ильина, Г.П. Федотова, поскольку выявление конфликтов могло подорвать престиж института¹⁵. Так что о наличии иной по сравнению с благостными юбилейными очерками истории института¹⁶ пока приходится узнавать лишь из писем историка. А обсуждавшиеся в корреспонденции во-

¹⁴ См.: Письмо Злобину (без даты) // *Pachmuss Temira*. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P. 186. Использовано для характеристики взаимоотношений З.Н. Гиппиус и Т.Н. Гиппиус с А.В. Карташевым в кандидатской диссертации С.П. Бычкова «Антон Владимирович Карташев – историк Русской Православной Церкви» (Омск, 1999. С. 135).

¹⁵ Письмо А.В. Карташева к Г.И. Новицкому от 30 апреля 1955 г. // *Bakmeteff Archive of Russian and East European Culture at Columbia University in New York*. Georgii Isakievich Novitskii Papers. Box 1. Folder: Kartashev, Anton Vladimirovich v.p., 1955 To Georgii Isakievich Novitskii; Письмо А.В. Карташева к Е.И. Новицкому от 1 мая 1955 г. // *Ibidem*. Folder: Kartashev, Anton Vladimirovich Roquebrune, France, & n.p., 1955 To Evgenii Isakievich Novitskii.

¹⁶ Ср., например: *Lowrie D.A.* Saint Sergius in Paris: Orthodox Theological Institute. New York, 1954. 119 p.

просы финансирования, поступавшего от протестантских организаций? Финансовые документы института мне не предоставили, сославшись на их отсутствие. Мне понятно почему: они могут дать «пищу» любителям раскрывать тайны всеобъемлющего «масонского заговора» не только в России, но и в Русском Зарубежье. Но почему исследователь должен нести ответственность за оценки, данные не им? А тем более за неблагоприятные поступки других? Коль скоро уж со времен Тацита повелось, что *historia magistra vitae est*, то, несмотря на неоднократные разоблачения этого тезиса, следует быть готовым отвечать за свои поступки не только перед современниками, но и потомками. Это в полной мере относится и к нам, и к историкам, чью жизнь и творчество мы изучаем.

Наконец, все же стоит сделать исключение из правила всеохватности источников при решении вопроса об их публикации. В архиве П.Г. Виноградова хранится более 400 записок в библиотеку Московского университета с просьбами выдать тому или иному его ученику ту или иную книгу. По своему характеру, несмотря на личное происхождение, этот источник напоминает «массовый». Конечно, обращение к нему позволит выявить круг чтения учеников, как и заботу учителя о них, но едва ли публикация таких записок станет интересным чтением для кого-то помимо специалиста. Хотя и не всякий специалист станет разбираться в достаточно сложном почерке историка, да еще с расшифровкой зачастую сокращенных названий книг на всех ведущих европейских языках.

Что обязательно должен делать публикатор (комментарии и описание источника не в счет), чтобы его материал нес очевидную пользу для научного сообщества? Это самый сложный вопрос... Иногда задаешься аналогичным вопросом в аудитории (сплясать, что ли, или спеть, как Х. Уайт, чтобы «навсегда запомнили», но музыкального слуха нет;-). Вроде бы на первом курсе на первом занятии Введения в историю все студенты клянутся, что пришли сюда из интереса, но... Потом наступает разочарование, так как учеба порой «каторжный труд».

А исследование? Может лучше переформулировать вопрос так, чтобы на него отвечали другие члены научного сообщества, а не публикатор?

Хотя *отрицательный* ответ очевиден: увы, *НЕ* прибегать к выбору или сокращению документов. Это сделают за тебя те, кто

к ним будет обращаться. А вдруг ты сократишь несущественную для тебя, но значимую для других часть?

Как широко вовлекаются опубликованные источники в исследовательскую практику современного историка? Отчасти ответ уже дан в начале этих рассуждений. Хотя несомненно, что серьезно относящиеся к своей деятельности исследователи очень внимательно следят за появляющимися публикациями источников, понимая, что без них невозможно создание стоящей и оригинальной работы (но оригинальность работы определяется не вновь введенными в научный оборот источниками, а способностью на этой основе по-новому поставить и решить исследовательскую проблему). Здесь сказывается понимание того, что собственно «введение в научный оборот» источников не означает только их публикацию, а предполагает обязательно интерпретацию, которая раскрывает не только значение, но и смысл источников. Отчасти, кстати, этим объясняется недостаток внимания к опубликованным эго-документам, так сказать, «со стороны». Обычно публикатор лучше разбирается в той проблеме, которую можно решить с помощью публикуемого источника (в случае с эго-документами речь, в первую очередь, идет о научных или интеллектуальных биографиях). Поэтому грамотные коллеги понимают, что с ним или нею (звучит, особенно с учетом гендерного аспекта, не очень красиво;-) им будет трудно конкурировать. Но это, как ни покажется странным, открывает новые перспективы при формировании *массива* опубликованных эго-документов, поскольку именно он (этот «массив») позволяет ставить и решать вопросы о социальных условиях исторического познания, понимаемых не только как нечто внешнее по отношению к деятельности историка, но включающих саму эту деятельность в их (условий) ткань с сохранением индивидуальных черт исследователей прошлого «тогдашних и нынешних». Кстати, прокламируемое С.Б. Крихом и О.В. Метель обновление концептуальной историографии не обязательно даст такой результат, как показывает, например, монография известного петербургского историка А.Ю. Дворниченко о Г.В. Вернадском¹⁷. Выбрав в качестве формы представления рассказ от «первого лица» или

¹⁷ Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский: Путешествие в мире людей, идей и событий. СПб., 2017. 724 с.

классический нарратив, при всей нелюбви к этому понятию¹⁸, петербуржец (или все же ставрополец?-) продемонстрировал искусство пересказа историографических источников (как эго-документов, собранных в Бахметевском архиве, так и изданных работ с изложением концепции российско-американского историка), дав, по-сути, образец «потребительского», как его раньше называли, отношения к ним. Так что широкий охват источников и акцент на исторические концепции не стал автоматически основой для оригинального решения проблемы, постановки которой, в отличие, скажем, от работ Ч.Дж. Гальперина¹⁹ или М.Ю. Сорокиной²⁰, изучающих жизнь и творчество этого же историка, нет в объемном по размеру труде А.Ю. Дворниченко. С ними хоть можно и есть о чем поспорить. В случае с книгой А.Ю. Дворниченко так и остается, в конце концов, без ответа вопрос: а в чем же все же феномен Г.В. Вернадского?

Какова специфика самоописания научного сообщества историков? Если этот вопрос воспринимать в обозначенных рамках эго-документов, да еще и в русле «видовой классификации», то эта специфика должна быть настолько индивидуализирована, что у меня не хватит ни времени, ни знаний, чтобы охарактеризовать ее. Если же отталкиваться от признания активной роли познающего субъекта (в данном случае можно сказать «историографа»; не знаю, уместен ли для удовлетворения протагонистов гендерного подхода такой неологизм как «историография?»), то в предложенную В.С. Степиным и развиваемую А.В. Лубским периодизацию-типологию стадий изменения рациональности в научном познании я бы внес существенную поправку. Согласен с ним в том,

¹⁸ Ср.: Дворниченко А.Ю. «Нарративы! Нарративы! До чего ж вы довели» – о кн. Видул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 408 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2001. № 4. С. 152–157.

¹⁹ Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 1985. Bd. 36. S. 55–194.

²⁰ Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С. 330–347; «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / публ. и прим. М. Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. Вып. 6. М., СПб., 2004. С. 620–696.

что нужно исходить из специфики характера деятельности историков: они занимаются историзацией прошлого, т. е. рассматривают прошлое *sub specie historiae*. Поэтому предметом историографии, очевидно, следует считать историческое мышление (в докторской диссертации пятнадцатилетней давности я использовал термин «историческое мировидение»), а периодизация, схватывающая «специфику самоописания научного сообщества» в конкретно-исторических условиях, будет представлять смену стилей исторического мышления. В соответствии с выделением наряду с типами научной рациональности особенностей ментальных программ историков А.В. Лубским²¹ последние (по определению, задаваемому этимологией слова «программа»), очевидно, лучше (или ярче? Четче?-) будут проявляться в эго-документах. К многочисленным критериям типологизации рациональности и ментальности историков я бы все же добавил те, которые позволят охарактеризовать коммуникацию историков с читателями (и не только с историками-профессионалами). Эту коммуникацию также можно разбить на несколько «шагов»: публикация, распространение, прочтение, отклики и т. д. Исходя из этого, я опубликовал в свое время письма П.Г. Виноградова редактору «Журнала министерства народного просвещения» Л.Э. Майкову, акцентировав внимание на продвижении им собственных результатов исследования в печать с учетом в данном конкретном случае важности сроков и места публикации, и письма А.Д. Семенова-Тян-Шанского Г.П. Федотову, из которых можно больше узнать о восприятии первым публикаций второго. Думаю, что не только меня, но многих коллег, волнует вопрос о гонорарах за публикацию статей в связи с извращенной (с точки зрения «здравого смысла» рыночных отношений) политикой многих журналов, которая, увы, поддерживается благотворительными фондами, предполагающими возможность покрытия расходов на публикацию (вроде бы автор статьи работал, и труд его должен быть оплачен, а не он должен покрывать издержки издателей, да еще и приносить им «в клювике» прибыль;-). Поэтому и письма П.Г. Виноградова к Л.Ф. Пан-

²¹ См.: Лубский А.В. Образы историков в интеллектуальном интерьере российской исторической науки fin de siècle // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11. Омск, 2017. С. 170.

телееву, где обсуждаются гонорары за переводы и публикации учебников и статей, опубликую. Для самосознания и, возможно, идентификации моих коллег-современников будет полезно. Хотя такого рода публикация, с точки зрения традиционного подхода С.И. Криха и О.В. Метель, ничего не даст для изучения зарождения или развития концепции этого известного историка.

В более широком плане, обращаясь к рассмотрению коммуникации между историком и читателем (именно этот аспект никак не представлен в типологии рациональности исторического познания, поскольку она заимствована А.В. Лубским из естественно-научной сферы, для которой идентификация читателей научных работ не имеет никакого значения²²), можно выдвинуть гипотезу, что открыто обсуждавшиеся в «предизвещениях» или введениях вопросы ее (коммуникации) направленности и значимости для читателя (в период господства классической рациональности) постепенно (в связи с утверждением объективистского взгляда на историю, не изменившего тип рациональности, но коренным образом изменившего понимание «истории» и ее значения для «современности») ушли в «частную сферу», поэтому именно в эго-документах нужно искать их «следы». Или все же автор, прокламируя объективизм, «ушел» из исторического нарратива в другие «источники» или даже умер, если верить Р. Барту?

²² В свое время неоднократно обращал внимание на изменение режима истинности в зависимости от явного присутствия/отсутствия автора в историческом нарративе (шире – позиции по отношению к нему) и реакции на это читателя (см., напр.: *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск, 2003. С. 100–102). Обращение осталось незамеченным, возможно, в силу восприятия меня, пользуясь терминологией А.В. Лубского, как «модника-подражателя, эпигона-транслятора».

**Юность историка:
неопубликованные письма М.А. Коростовцева***

В данной статье автор анализирует ранние личные письма советского египтолога, академика АН СССР, Михаила Александровича Коростовцева, на сегодняшний день хранящиеся в Архиве Российской Академии Наук в Санкт-Петербурге. На основе полученной информации автор дополняет биографию ученого новыми, ранее неизвестными, фактами, однако не это является основной целью работы. Представлена попытка вписать научные труды Коростовцева в общий контекст развития советской исторической науки, показать специфику взаимодействия ученого с коллегами и обозначить особенности его научно-исследовательского пути. В заключении автор останавливается на проблеме принципов публикации историографических источников, актуальной уже для современной исторической науки.

Ключевые слова: советская историография, источники личного происхождения, М.А. Коростовцев, АН СССР, египтология.

S.B. Krikh

**Historian's youth:
unpublished letters of M.A. Korostovtsev**

In this article author analyzes early personal letters of the Soviet Egyptologist, Academician of the USSR Academy of Sciences, Mikhail Aleksandrovich Korostovtsev, which currently stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences. Based on the received information, author elaborates the biography of the historian with new, previously unknown facts but this is not the main goal of the work. The article presents an attempt to involve Korostovtsev's historical writings into the general context of the development of Soviet historiography to show the specifics of the historian's interaction with colleagues and to outline the features of his research path. In conclusion, the author dwells on the problem of the principles of publishing historiographic sources, which is relevant for modern historical science.

Key words: Soviet historiography, sources of personal origin, M.A. Korostovtsev, Academy of Sciences of the USSR, Egyptology.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-223.2017.6.

Начнем с конкретики. В Архиве Российской Академии наук хранятся письма еще совсем не академика Михаила Коростовцева (1900–1980) – письма той поры, когда он был молод (1924–1928 гг.), с египтологией свою судьбу пока не связал, а заболел морем.

Писал он их родственникам, в основном тете, которая была ему как мать и постоянно помогала деньгами. Письма простые – об учебе в морском училище и планах дальнейшей карьеры¹, об отношениях с девушками², о большом плавании с посещением заморских стран³, о подготовке ко вступлению в партию⁴; наконец, одно из последних и самое прочувствованное – о ссоре с женой⁵. В письмах достаточно просьб: прислать денег на сапоги⁶, восстановить мореходную книжку⁷, помочь благодаря связям «дяди Коли» переводу на другой флот⁸. Еще Михаил тоскует по тетиной стряпне⁹ – такие детали легко запоминаются. Если взяться за то, чтобы издать эти письма, то можно было бы сказать, что в них чувствуется атмосфера старого Баку или что в них кратко, но рельефно передается ранний советский быт... вот только нужно ли их издавать?

Ценны ли эти письма как источник? Да, безусловно. Во-первых, мы можем убедиться, что когда, много десятилетий спустя, И.М. Дьяконов в своих воспоминаниях назвал Коростовцева «братишка в тельняшке», это было действительное впечатление от их первого знакомства, а не просто презрительный выпад (правда, и презрение тут выражено вполне определенно)¹⁰, хотя и намек на дворянское происхождение, почти забытое, у Коростовцева иногда проскальзывает в виде пережитков старого правописания¹¹.

¹ *Коростовцев М.* Письма // АРАН. Ф. 601. Оп. 3. Д. 22. Л. 1 об., 12.

² Там же. Л. 1 об.–2.

³ Там же. Л. 21 об.; Л. 19 об.: «Напиши, что тебе привезти из Аргентины – подробнее».

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 25–26. Письмо от 11 ноября 1928 г.

⁶ Там же. Л. 5–5 об.

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 24, 28.

⁹ «Я раскаиваюсь, что мало ел твоих тортов и пирогов, а главное – грибчюков». Там же. Л. 6.

¹⁰ *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 419.

¹¹ «Могу похвастаться, что совершенно бросил курить, а вкус вина и прочаго даже забыл». Там же. Л. 4 об. Письмо от 17 ноября 1927 г., и это не разовая опи-

Наверное, можем задуматься и о том, что тяга к новым странам могла зародиться у него еще в те ранние годы морских походов (что бы он там ни писал про бедноту и безработицу в Англии¹²), и позже, когда он упрямо не хотел покидать Египет, несмотря на требования советских партийных (и не только) органов, в нем жило то же самое чувство свободы человека, вырвавшегося из родной страны. Можем даже найти прямое указание на то, что он еще в молодости служил в этих самых органах – о чем, как о слухе, сообщает нам и Дьяконов¹³. Наконец, то, что он мог чувствовать сильное и яркое влечение к женщине, и оно могло им повелевать, тоже намекнет нам, что обвинение, будто в Египте он позволил завязаться одной интрижке, могло основываться на реальных фактах¹⁴.

Достаточно интересно для того, чтобы на основе этого набросать образ человека, который вполне доступно кинематографически воплотить на фоне эпохи с меняющимися задниками географических декораций: старый город Тифлиса, нефтяные вышки на Каспии, катерки близ Батума, бесконечные доки Саутгемптона. А потом будут еще окопы блокадного Ленинграда, пески Египта и снега Сибири – по обвинению в установлении во время египетской командировки преступной связи с рядом сотрудников иностранных разведок он будет осужден в 1948 г. на 25 лет лишения свободы¹⁵.

Прекрасно для склонного к ярким эффектам историка повседневности, но уместно ли для историка науки? Что все это скажет нам о Коростовцеве-египтологе? Опасаюсь произнести: ничего, но могу с большей смелостью сказать: я не нахожу ничего, что здесь

ска (Ср. Там же. Л. 5, 15). Коростовцев окончил Тифлисскую гимназию в 1919 г., уже при новой орфографии. Но усвоенное в раннем детстве исправляется с трудом, и время от времени дает о себе знать. В музее истории ГУЛАГа сохранили кусок бревна с надписью одного заключенного конца 1940-х гг., в которой после согласной на конце слова он вырезал еще и твердый знак.

¹² Там же. Л. 21 об.

¹³ Там же. Л. 11–12 об., 15. Ср. *Дьяконов И.М.* Указ. соч. С. 419.

¹⁴ См.: *Тимофеева Н.С.* Переписка М.А. Коростовцева и руководства АН СССР о перспективах его научной работы в Египте в 1946–1947 гг. (обзор архивных материалов) // *Восток*. 2011. № 2. С. 113.

¹⁵ Там же. С. 114. В 1954 г. по результатам проверки эти обвинения будут сняты, а Коростовцев и его жена (получившая 10 лет) – освобождены. В 1956 г. историк вернется к работе.

бы оказалось настолько важным, чтобы заслужить публикацию. Общеизвестной фигурой, о которой хочется всем все знать, он не стал, несмотря на широкую преподавательскую деятельность и популяризацию истории Египта¹⁶, да и решающего вклада в свою сферу знаний, которая бы позволила не только знать его труды, но и ориентироваться на них, как в случае с Ю.Я. Перепелкиным или О.Д. Берлевым, он не сделал. Не стесняющийся в резкостях Дьяконов пишет, что академиком он стал почти случайно, поскольку две борющихся группировки не смогли провести своих и сошлись на допустимой для всех кандидатуре¹⁷. Обычно такого рода ремарки воспринимаются как свидетельство слабых научных успехов, но гораздо лучше трактовать ее в данном случае как доказательство того, что историк оказался и не в лидерах «центра», и уж точно не на «периферии»¹⁸.

Наконец, сами труды. Наиболее заметный вклад Коростовцева относится к сфере изучения египетского языка¹⁹, прежде всего отмечаются его усилия по классификации новоегипетского глагола²⁰. Его же работы по религии и культуре гораздо менее яркие: это вполне добротные обзоры, опирающиеся на вариации теории рабовладельческого общества В.В. Струве²¹ (его научного руко-

¹⁶ См., например: *Коростовцев М.* Африка и древний Египет // *Азия и Африка сегодня*. 1965. № 12. С. 26–27; *Он же.* Две главы из «Книги мертвых» // *Наука и религия*. 1971. № 5. С. 46–49; *Он же.* Древний Египет и христианство // *Наука и религия*. 1972. № 3. С. 56–61; *Он же.* Религия древнего Египта: тотемизм и фетишизм // *Азия и Африка сегодня*. 1976. № 5. С. 57–60.

¹⁷ Дьяконов И.М. Указ. соч. С. 419, прим. 1.

¹⁸ Речь идет не о географии, а о положении в самой системе исторической науки. См.: *Крих С.Б.* Феномен периферийности в советской историографии // *Вопросы истории*. 2017. № 10. С. 164–169.

¹⁹ Например: *Коростовцев М.А.* Эргативный «падеж» в египетском языке // *Древний Египет и древняя Африка: сб. ст., посвящ. памяти академика В.В. Струве*. М., 1967. 83–93; *Он же.* Категория переходности и непереходности в египетском языке // *ВДИ*. 1968. № 4. С. 109–118.

²⁰ *Коростовцев М.А.* Опыт классификации сложных глагольных форм новоегипетского языка // *ВДИ*. 1964. № 4. С. 24–36. См. об этом: *Стучевский И.А.* Михаил Александрович Коростовцев (К семидесятилетию со дня рождения) // *Народы Азии и Африки*. 1970. № 3. С. 204.

²¹ *Коростовцев М.А.* О характере древневосточного общества // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 3. С. 74–78; *Idem.* Was ist ein Sklave? // *Altorientalische Forschungen*. Bd. V. Berlin, 1978. S. 5–15. Особенно: *Он же.* Опыт применения сис-

водителя) и дополненные стереотипическими представлениями о фетишизме и синкретизме в египетской религии. Правда, он не был сторонником прямолинейного представления о влиянии базиса на надстройку, что видно в его замечаниях о том, что в реформе Эхнатона есть собственно религиозная составляющая, основанная на личной монотеистической вере фараона, которая с позиций здравого расчета не только не помогала, но скорее даже препятствовала его политической победе²². Примечательно, однако, что при каждом принципиальном повороте мысли в своем обзоре религии Коростовцев апеллирует к Б.А. Тураеву – то есть, к тому египтологу, который мог себе позволить писать «живыми словами». В случае же с Коростовцевым перед нами как раз вполне обычная советская историческая наука позднего периода; несмотря на свою, как принято говорить, непростую судьбу, историк этот не может считаться автором, который писал «не так, как все»²³. Соответственно, искать ответа на этот вопрос в его «молодых» письмах нет необходимости.

И вот оно, это письмо от ноября 1928 г., где он просит тетю написать обиженной им жене, чтобы та простила его – потому что тетю она, как он уверен, послушает. Отчаянный поступок – женился он особенно тетю не спрашивая, и брак, судя по тону писем, она не то чтобы одобряла, а расстояние между той, кто должна примирить и той, кто в ссоре – тысячи километров. Но вот это измученное и с надеждой «напиши» – посмеяться над этим сможет лишь тот, чье сердце не знало любви. Наверное, историографу, который будет выстраивать для себя биографию Коростовцева, нужно знать это письмо. Но нужно ли его публиковать? Я могу ответить только отрицательно. По крайней мере, пока не появится исследова-

темного анализа в исследовании раннеклассовых обществ (Принципы построения модели «раннего рабства») // Народы Азии и Африки. 1973. № 6. С. 66–73.

²² Культура Древнего Египта. М., 1976. С. 200–201; Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976.

²³ Когда доминировала точка зрения Струве, он поддерживал ее, когда «ядро» советской историографии древности немного трансформировалось под влиянием таких ученых, как С.Л. Утченко, К.К. Зельин и И.М. Дьяконов, в своих взглядах на Восток эволюционировал «к Дьяконову». См.: *Он же*. Некоторые теоретические аспекты становления классового общества (Историческая преемственность в эпоху Древнего мира) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 59–69.

ние на тему «Любовные письма русских востоковедов» (надеюсь, эксперты РФФИ оценят эту шутку).

Теперь о принципах публикации историографических источников. Мне кажется, мы должны знать, зачем мы это делаем. Если мы хотим опубликовать только для того, чтобы опубликовать – мы обязательно найдем причину. Самая простая – недоступность найденного нами источника другим. Но даже если источник будет оцифрован и окажется в открытом доступе, можно сказать, что какой-нибудь юный египтолог не справится с рукописным почерком Коростовцева или не сможет найти сайт АРАНа, а наши малотиражные сугубо специальные сборники – сможет. Всегда можно найти множество причин, начиная с почти уже философского тезиса, что все источники полезны и потому их много не бывает – и пусть кто-нибудь попробует утверждать обратное...

Но если мы это делаем для того, чтобы понять что-то в истории науки и в себе самих, то, на мой взгляд, нам важно манифестировать, обосновать и донести до читателей именно это наше понимание. Бывают документы, которые настолько уникальны и хороши, что дополнительно расставлять в них акценты в преамбуле будет совершенно излишним, а иногда, если речь идет об очень известном историке – то и сомнительным, слишком уж много может быть разных взглядов на такую личность. Но в большинстве случаев это не так. Тогда именно комментарий, дальнейшее вписывание публикуемого источника в более широкий контекст, определяет его истинную ценность для нас. Если вся его ценность в наших глазах сводится к набору перечисленных выше общеизвестных аргументов, то можно, конечно, надеяться на то, что эту ценность обнаружат другие – коллеги нынешние или грядущие. Вот только перекладывать этот труд на плечи последующих поколений, для которых и сам этот источник может деактуализироваться – безответственно.

1. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.

2. Коростовцев М. Африка и древний Египет // Азия и Африка сегодня. 1965. № 12. С. 26–27.

3. Коростовцев М. Две главы из «Книги мертвых» // Наука и религия. 1971. № 5. С. 46–50.

4. *Коростовцев М.* Древний Египет и христианство // Наука и религия. 1972. № 3. С. 56–61.
5. *Коростовцев М.* Письма // АРАН. Ф. 601. Оп. 3. Д. 22. Л. 1 об., 12.
6. *Коростовцев М.* Религия древнего Египта: тотемизм и фетишизм // Азия и Африка сегодня. 1976. № 5. С. 37–60.
7. *Коростовцев М.А.* Категория переходности и непереходности в египетском языке // ВДИ. 1968. № 4. С. 109–118.
8. *Коростовцев М.А.* Культура Древнего Египта. М., 1976.
9. *Коростовцев М.А.* Некоторые теоретические аспекты становления классового общества (Историческая преемственность в эпоху Древнего мира) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 59–69.
10. *Коростовцев М.А.* О характере древневосточного общества // Народы Азии и Африки. 1966. № 3. С. 74–78.
11. *Коростовцев М.А.* Опыт классификации сложных глагольных форм новоегипетского языка // ВДИ. 1964. № 4. С. 24–36.
12. *Коростовцев М.А.* Опыт применения системного анализа в исследовании раннеклассовых обществ (Принципы построения модели «раннего рабства») // Народы Азии и Африки. 1973. № 6. С. 66–73.
13. *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976.
14. *Коростовцев М.А.* Эргативный «падеж» в египетском языке // Древний Египет и древняя Африка: сб. ст., посвящ. памяти академика В.В. Струве. М., 1967. 83–93.
15. *Крих С.Б.* Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164–170.
16. *Стучевский И.А.* Михаил Александрович Коростовцев (К семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 202–204.
17. *Тимофеева Н.С.* Переписка М.А. Коростовцева и руководства АН СССР о перспективах его научной работы в Египте в 1946–1947 гг. (обзор архивных материалов) // Восток. 2011. № 2. С. 106–115.
18. *Korostovtsev M.A.* Was ist ein Sklave? // Altorientalische Forschungen. Bd. V. Berlin, 1978. S. 5–15.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

В.Ю. Волошина, В.П. Корзун

**Классики в историографическом дискурсе
Е.Ф. Максимовича***

Представляется рукопись Е.Ф. Максимовича «Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», которая хранится в Литературном архиве Музея национальной литературы (Literarní archive Pamtníku národního písemnictví) в Праге (Fond Scheidze Konstantin Alexandrovič. № 230. С. 561). В вводной статье содержится анализ рукописи в контексте биографии автора, оказавшегося в эмиграции, и общих тенденций складывания историографических нарративов вдали от «метрополи». К рукописи составлен комментарий.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, историк, историография, историческая память, историческое сознание, классики, образ, культура, художественное творчество.

V.Yu. Voloshina, V.P. Korzun

**Classics in historiographical discourse
E.F. Maximovich**

The authors prepared for printing the manuscript of E.F. Maximovich "N.M. Karamzin – S.M. Soloviev – V.O. Klyuchevsky", which is stored in the Literary Archive of the Museum of National Literature (Literarní archive Pamtníku národního písemnictví) in Prague (Fond Scheidze Konstantin Alexandrovič. № 230. С. 561). The introductory article contains an analysis of the manuscript in the context of the biography of the author who found himself in emigration, and general tendencies in the folding of historiographical narratives far from the "metropolis". A comment has been compiled for the manuscript.

Key words: Russian Diaspora, historian, historiography, historical memory, historical consciousness, classics, image, culture, art creativity.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397.

В Литературном архиве Музея национальной литературы (Literární archive Pamtníku národního písemnictví), расположенном в древнем Страговском монастыре в Праге в фонде писателя К.А. Чхеидзе¹ находятся материалы профессора А.А. Кизеветтера и его зятя историка Е.Ф. Максимовича². Перу последнего принадлежит небольшая по объему рукопись (всего шесть страниц выцветшего машинописного текста, набранного на пергаментной бумаге): «М.Н. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», которую мы публикуем в данном выпуске «Мира историка». Так случилось, что обратив свой взгляд на процессы коммуницирования эмигрантских и советских историков в 1920–1930-е гг., мы вдруг обнаружили значительный интерес в Русском Зарубежье к проблемам как русской дореволюционной историографии, так и советской истории исторической науки, находящейся в процессе становления. Авторы известных нам историографических текстов в Русском Зарубежье (А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, П.Н. Миллюков, Г.В. Вернадский и менее известный в этом ряду И.И. Гапанович³), несмотря на принадлежность к различным поколениям русских историков были либо участниками, либо свидетелями бурного процесса институализации историографии как дисциплины в отечественной научной традиции, некоторые из них прошли непосредственную выучку у классиков русской историографии, некоторые сами стали «классиками», как, к примеру, П.Н. Миллюков. Для современного историографа представляется важным прояснить мотивы обращения историков-эмигрантов к историографии, проанализировать опыты осмысления историографического процесса, да собственно и сам историографический процесс в единстве и многосложности различных его потоков, особенности восприятия/преломления национальной научной традиции раз-

¹ Чхеидзе Константин Александрович (1897–1974) – русский писатель, философ, евразиец, лектор Евразийского семинара (с 1924), член Союза русских писателей и журналистов за границей. С 1923 г. жил в ЧСР. В 1945 г. был арестован СМЕРШем, вывезен в СССР и осужден на 10 лет лагерей. В 1955 г. вернулся в ЧСР. (Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Praha: Euroslavica, 1998. С. 64.)

² Památník národního písemnictví. Fond Ccheidze Konstantin Alexandrovič. № 230. С 561.

³ См. о нем: *Ковалев М.В.* От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И. Гапановича // Acta Slavica Iaponica. Tomus 34. P. 69–93.

личными его участниками, в том числе и малоизвестными современному читателю. К ним и относится наш герой – историк «второго плана» Е.Ф. Максимович. Что же толкало историков-эмигрантов к историографической рефлексии?

Представляется, что вписывание себя в российскую историографическую традицию в условиях изгнания и разрыва прежнего коммуникационного поля было способом самоидентификации в профессиональном плане. Презентация русской исторической науки международному научному сообществу – «Республике ученых», осмысливалась, как реализация задачи, поставленной еще накануне и в ходе Первой мировой войны – органически вписать русскую науку в мировое интеллектуальное пространство. Нужно иметь в виду и то, что историографический дискурс являлся серьезным инструментом внутренней консолидации как ученых историков, так и эмигрантского сообщества в целом, формируя и поддерживая культурную и корпоративную память. Обратим внимание на значимость психологического фактора в процессе самоидентификации, как отмечает психолог Роберт Возняк, здесь важно иметь представление о собственных корнях. Для ученого «задача заключается в том, чтобы найти собственного интеллектуального отца/мать, дедушку/бабушку и т. д.»⁴. Наконец, историографические штудии являлись естественной реакцией на раздражающее чужое – советскую историографию, ее методологические и институциональные эксперименты. Нельзя забывать и о житейской прагматике – хлебе насущном. Рецензии и библиографии (этот периферийный историографический жанр) являлись одним из важных способов заработка в эмиграции.

Итак, кто же такой Е.Ф. Максимович, и почему его текст заслуживает быть напечатанным и прочитанным?

Максимович Евгений Филимонович (1896–1965) родился в Харькове в семье директора Харьковской мужской гимназии. В 1913 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета⁵, который окончил в 1917 г. и был остав-

⁴ Цит по: *Савельева И.М.* «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 7. Омск: Изд-во Ом. гос.ун-та, 2011. С. 72.

⁵ Список студентов Императорского Харьковского университета на 1913–1914 академический год. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1914.

лен для приготовления к профессорскому званию, но обучение было прервано в виду начавшейся Гражданской войны⁶. Специализировался он по истории России и уже в студенческие годы проявил интерес к XVI веку. Его сочинение «Боярская Дума в 16 столетии по изданным Посольским книгам» было отмечено золотой медалью⁷ (он в это время студент 2-го курса!). Его научным руководителем был профессор В.И. Савва⁸, который, кстати, читал Максимовичу не только курс «Истории России», но и курс «Российской историографии». Историографическая традиция была мощно представлена в Харьковском университете, достаточно вспомнить имена В.П. Бузескула и Д.И. Багалей. Как отмечает в своей монографии украинская исследовательница Ю. Киселева, с 1909/10 учебного года вместо Д.И. Багалей чтение курса российской историографии в Харьковском университете продолжил преподаватель кафедры русской истории В.И. Савва. Рукописи лекций В.И. Саввы свидетельствуют о том, что и раньше историографические сюжеты входили в содержание его лекций⁹. Читаемый

⁶ Slovanská knihovna v Praze. Trezor – Ruský zahraniční historický archiv v Praze. T- RZIA-4-1-27; L. 24–25.

⁷ Отчет о деятельности Императорского Харьковского университета на 1914–1915 академический год. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1915. Кн. 4, ч. офиц. С. 5–8.

⁸ Савва Владимир Иванович (1865 – около 1920) воспитанник Нежинского историко-филологического института кн. Безбородько. Окончил его в 1888 г., преподаватель женской гимназии Оболенской в Харькове. С 1895 г. приват-доцент по кафедре русской истории в Харьковском университете. С 1900 г. преподаватель в Харьковском институте благородных девиц. В 1902 г. защитил магистерскую диссертацию «Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей». Считал своим учителем, по всей видимости, В.С. Иконникова, который ему советовал заняться изучением Карамзина после защиты магистерской диссертации, но эта идея не была реализована. В период примерно 1906–1908 гг. работал в Нежине. Затем вернулся в Харьковский университет. С 1912 г. профессор в Харьковском университете. В 1918 г. должен был состояться диспут В.И. Саввы по защите его докторской диссертации, сложно сказать какую именно работу он собирался защищать (сведения из его писем к В.С. Иконникову). Расстрелян большевиками.

⁹ Кисельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті: монографія. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. С. 152.

им курс «Российской историографии» состоял из «общей части» (то есть источниковедческой), которая читалась в первом семестре, и из «специальной части» – во втором семестре, в которой рассматривалась «разработка российской истории в XVIII–XIX вв.»¹⁰. В качестве рекомендованной литературы к курсу указывалась работа П.Н. Милукова «Главные течения русской исторической мысли» и «Опыт русской историографии» В.С. Иконникова. Судя по реестру курсов, которые читались в императорском Харьковском университете Максимович получает солидную источниковедческую и историографическую подготовку и в эмиграции приобретает репутацию не только хорошего исследователя, но и будет выступать как хранитель памяти о своих учителях¹¹.

Волею исторических судеб путь в науку оказался прерванным, не приняв большевистскую власть, он воевал против нее в рядах Добровольческой армии. С 1920 г. Е.Ф. Максимович в эмиграции. После эвакуации армии Врангеля был в Галлиполийском лагере. Здесь командование, желая не допустить морального разложения разгромленной армии, ужесточило дисциплину, регулярно проводило в лагере военные и штабные учения, парады и смотры, организовало работу 6 военных училищ, двух офицерских школ и нескольких, в том числе, общеобразовательных курсов. Для проведения последних в Галлиполи был создан «Союз бывших младших преподавателей русских высших учебных заведений», который стал фактически филиалом Русской академической группы в Константинополе. В состав Союза вошел Е.Ф. Максимович. В 1921 г. он прочел слушателям курс «Русская история в период Смуты» (31 час). Одновременно он преподавал историю в русской гимназии, созданной в Галлиополи по инициативе и под патронатом баронессы О.М. Врангель. После объявления Чехословацким правительством «Русской акции» члены Союза, в том числе, Е.Ф. Максимович, принимали участие в организации набора студентов для

¹⁰ Кісельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті: монографія. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. С. 152.

¹¹ В апреле 1930 г. на заседании Русского исторического общества в Праге он произнес речь «Памяти В.И. Саввы» (к 10-летию со дня смерти), а в ноябре 1931 г. в стенах этого же общества им был прочитан доклад «Академик В.П. Бузескул».

обучения в Чехословакии из числа галлиополитцев и проводили для них проверочные испытания¹².

С 1923 г. он живет в Чехословакии. В июле 1924 г. Е.Ф. Максимович женился на дочери А.А. Кизеветтера Екатерине Александровне. Известный историк был очень доволен выбором дочери. В письме к А.Ф. Изюмову от 17 июля 1924 г. он писал: «Катюша выходит замуж за молодого русского историка Максимовича, очень хорошего человека, так что я весьма доволен браком»¹³. Действительно, впоследствии А.А. Кизеветтер не раз писал о зяте с большой теплотой.

В 1926–1945 гг. Е.Ф. Максимович работал в отделе документов РЗИА, был ученым экспертом архива, хотя не входил в состав его Экспертной комиссии. Преподавал в Русском народном университете в Праге. Являлся членом правления Русского исторического общества, не раз выступал с докладами на его заседаниях. Был членом-сотрудником русской академической группы в Праге, входил в состав научно-исследовательского объединения при Русском Свободном университете. С 1945 г. до выхода на пенсию работал в Славянской библиотеке. Увлекался шахматами. В 1935 г. даже принимал участие в турнире на первенство Праги¹⁴. Умер в 1965 г. в Праге.

Работая с рукописью Максимовича мы столкнулись с трудностями атрибуции текста – с невозможностью определить время его создания и соответственно, публикуя его, мы рискуем натолкнуться на непонимание со стороны научного сообщества. Так что же нас подтолкнуло к публикации и не поторопились ли мы? В определенном смысле это текст на все времена, своего рода презентация сохраняющейся в эмиграции дореволюционной культурной научной традиции в рамках которой важная роль принадлежит интеллектуальным героям, признанным классикам отечественной гуманитаристики. Таковыми, безусловно, являются три интеллектуальных богатыря – Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключ-

¹² Доклад Академической группы в Константинополе и ее отделения в Галлиополи // Съезды русских академических организаций за границей. Прага. 1923. С. 44.

¹³ ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

¹⁴ Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под ред. Л. Белошевой. Прага: Славянский Институт АН ЧР. 2001. Т. II С. 306.

чевский. Вполне профессионально фиксируя научный вклад каждого из историков, Максимович в тоже время акцентирует внимание на их роли в формировании национального самосознания, в развитие отечественной культуры, в формировании исторической памяти народа. Собственно говоря, доклад/эссе Максимовича (так мы определяем жанр представляемого историографического текста, автор которого выступает как публичный историк) нацелен в первую очередь на формирование и закрепление исторической памяти русской эмиграции, акт наррации всегда ориентирован на другого и предполагает ответ, причем не всегда вербализованный. Интеллектуальные герои исторической науки рассматриваются Максимовичем как представители определенных этапов развития российской науки и культуры, даже типов научного творчества, а не как представители социально-классовых групп. Это, разумеется, не исключает, а скорее предполагает историческую обусловленность научного творчества историков. Так, например, по Максимовичу, Н.М. Карамзин – историк «ритор», его творчество всецело принадлежит «эпохе Александровского ампира, а корнями своими восходит к еще более блистательной Екатерининской эпохе», менее явственно такая обусловленность прослеживается у «мыслителя» С.М. Соловьева, и «художника» В.О. Ключевского, хотя социальная направленность концепции последнего определена достаточно четко. Высоко оценивая художественное мастерство, «живопись» историка и придавая большое значение образу в формировании исторической памяти, Максимович и сам стремится к художественному построению текста, создавая образы историков-классиков, в известном смысле, канонизируя их. Показательна в этом плане концовка его текста: «Ритор, мыслитель и художник – таковы были три крупнейшие индивидуальности, наложившие печать своего духа на видение нами исторического прошлого». Рукопись интересна и в плане фиксации и усвоения новых концептуальных подходов к историографии, сложившихся в Российской империи на рубеже XIX – начала XX вв., в частности включение ее в класс наук о культуре (В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский). Эта линия была надолго утрачена в советском историографическом нарративе, но продолжала жить в Русском Зарубежье. Почему и в каком виде? И развивалась ли она? Это предстоит выяснить исследователям, осмысливая исто-

риографические тексты эмигрантских историков в длительной хронологической перспективе и возможно открывая новые имена историографов.

При подготовке рукописи к печати сохранены стиль и орфография автора. Пунктуация приведена в соответствие с современными требованиями. Указания на неточности в цитировании и ошибки автора в датах даны в подстрочных сносках.

Авторы выражают огромную благодарность Ю.А. Киселевой и М.В. Ковалеву за консультации и помощь в подборе материалов для вводной статьи к данной публикации.

Е.Ф. МАКСИМОВИЧ

«М.Н. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский»

На май месяц приходится даты рождения или смерти Н.М. Карамзина (1766–1826), С.М. Соловьева (1820–1879), В.О. Ключевского (1841–1911)¹⁵, – обстоятельство, которое соблазняет сопоставить этих трех самых выдающихся русских историков и уяснить вклад каждого из них в сокровищницу русской культуры, их роль в формировании нашего национального самосознания, в создании живущего в нашей душе образа нашего исторического прошлого. В этом процессе роль больших историков вообще очень велика, но она редко оценивается по достоинству. Мало кто отдает себе отчет в том, что сложившаяся в его уме и часто оказывающая громадное влияние и на его общественно политические взгляды и даже на его поведение, как гражданина, картина исторического прошлого является, в сущности, лишь бледным и смутным отражением образа этого прошлого, некогда привидевшегося тому или другому крупному историку. Глубина мысли, богатство использованного материала, и в особенности, художественный и архетектонический талант историка определяют насколько сообщенный им образ оказывается живучим, насколько он запечатлевается не только в сознании современников, но и последующих поколений.

Первым во времени в приведенном выше ряду крупнейших русских историков был Н.М. Карамзин Прославленный писатель и популярный журналист, человек, стоящий на уровне высших достижений тогдашней европейской образованности, Карамзин не имел, однако, научной подготовки и к серьезным историческим занятиям

¹⁵ Н.М. Карамзин скончался 23(7 июня) мая 1826 г., В.О. Ключевский – 12 мая 1911 г.; С.М. Соловьев родился в 5(17) мая 1820.

приступил уже в зрелом возрасте. Зато последние 22 года своей жизни он отдал целиком напряженной работе; плодом ее явилась знаменитая «История Государства Российского»¹⁶, 12 – й том которой обрывается на смерти Ляпунова, т. е. на событиях лета 1811 года¹⁷. Карамзин, не будучи историком по профессии, ограничивался минимумом исторической критики и чуждался истории философской. Его произведениям была историческая живопись, и он стремился создать грандиозное полотно, достойное захватившей его великой темы. Надо признать, что с задачей, поставленной им самому себе, Карамзин справился блестяще. Ни один русский исторический труд не произвел такого захватывающего впечатления при самом своем развитии как «История Государства Российского». Когда в 1818 году появились на свет первые ее 8 томов, то издание, выпущенное в трех тысячах экземпляров, разошлось целиком за 25 дней, – явление до тех пор неизвестное русскому книжному рынку. Когда появился IX том, живописующий эпоху опричного террора Ивана Грозного, то, по словам одного современника, улицы столицы опустели, ибо все погрузилось в чтение захватывающей политики. «Карамзин открыл для русского читателя древнюю Россию, словно Колумб Америку» – таково известное афористическое определение значения «Истории Государства Российского» в процессе формирования русского национального самосознания¹⁸. Действительно, только Карамзин привил интерес к древней истории нашего отечества русскому образованному читателю, которого отпугивали от себя труды предшественников Карамзина, представлявшие собой или простые собрания выписок из летописей (Татищев), или неудобоваримые по неуклюжести и старомодности языка, фолианты (кн. Щербатов), или выс-

¹⁶ Общеизвестно, что получив в ноябре 1803 г. звание историографа, Н.М. Карамзин, по выражению П.А. Вяземского, «постригся в историки» и до самой смерти работал над «Историей государства Российского». Но в исследовательской литературе, еще в дореволюционной традиции указывается на обращение Н.М. Карамзина к разработке сюжетов отечественной истории с конца XVIII века. От 1798 г. сохранились его заметки к похвальному слову Петру I. В 1800 г. в письме к И.И. Дмитриеву Н.М. Карамзин писал: «Я по уши влез в русскую историю: сплю и вижу Никона с Нестором».

¹⁷ Скорее всего допущена опечатка в машинописи. XII-й том «Истории государства Российского» обрывается на событиях лета 1611 г.

¹⁸ Сравнение Н.М. Карамзина с Колумбом принадлежит А.С. Пушкину. Автор допускает неточность в цитировании. В оригинале цитата выглядит следующим образом: «Древняя Русь казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» // Пушкин А.С. Воспоминания / Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8 (Автобиографическая и историческая проза). С. 49.

пренное, но скудное фактами витийство (Ломоносов), или же не лишённые иногда остроты и глубокомыслия, но отрывочные рассуждения (Болтин).

Если в чисто научном отношении «История Государства Российского» не столько ставившая новые вехи, сколько подводившая итоги предшествующему научному развитию, в скором времени оказалась обогнанной быстрым поступательным ходом исторической науки, то в процессе выработки русского исторического самосознания значение ее оказалось более глубоким и прочным. В блестящую, отточенную форму Карамзин отлил те представления о нашем прошлом, которые бродили в головах его предшественников и современников, согрел их подлинным патриотическим и моральным пафосом и тем придал им почти магическую силу. Можно, конечно, утверждать, что великолепные карамзинские периоды, это сплошная риторика, это – чисто ораторский подход к событиям и людям. Но в этом еще нет беды. В настоящее время риторика не в моде, но так было не всегда. Исторический труд Карамзина целиком принадлежит эпохе Александровского ампира, а корнями своими восходит к еще более блистательной Екатерининской эпохе. В рамках стиля этих эпох звучная декламация Карамзина была так же законна, уместна и даже неизбежна, как торжественная ода Державина, как героическая поэма и классическая трагедия, непредставленные, к сожалению, на русской почве первоклассными образцами.

Голоса Карамзина заслушивались, и глазами его смотрели на историю своего отечества русские люди времен Бородина и Парижа, эпохи европейской гегемонии императора Николая I, эпохи Пушкина, Глинки, Брюлова. Как Пушкин был поэтом империи, так Карамзин был ее историком, объеенным ее величием, славой и великолепием. Но дело Карамзина не умерло с эпохой ампира и позднейшие поколения русских людей, в том числе почти все примечательные русские историки, приобщались к русской истории посредством все той же «Истории Государства Российского», заражавшей их своим пафосом, даже когда рост научной требовательности не позволял им удовлетвориться старомодным подходом Карамзина к истории, сводимой им к истории даже не столько государства, сколько государей.

Не менее 5 раз к 12 годам своей жизни перечел «Историю Государства Российского» и С.М. Соловьев¹⁹, крупнейший по ши-

¹⁹ Автор допускает неточность. По свидетельству С.М. Соловьева, он до 13 лет прочитал «Историю» «не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний». См.: *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 231.

роте охвата и глубине мысли русский историк, всей своей жизнью опровергающий общепринятое мнение об органической неспособности русского человека к размеренному, усидчивому труду. В 1851 году вышел в свет I-й том его «Истории России с древнейших времен» и с тех пор ежегодно в продолжении двадцати девяти лет, с машинной правильностью появлялся новый том оборванного на событиях 1774-го года грандиозного труда, потребовавшего от автора колоссальной работы над сырым архивным материалом, впервые введенным в научный оборот неумолимым Соловьевым, который, помимо «Истории России», написал еще большое количество других научных трудов. Соловьев никогда не пользовался в русском обществе такой популярностью, как его предшественник Карамзин или как его ученик Ключевский. Основные труды Соловьева или слишком громоздки и перегружены сырым, слегка лишь обработанным материалом, или слишком специальными по темам. Но влияние их на специалистов историков, а при их посредстве и на широкие круги общества было громадно. Основной порок Карамзина, как историка, присущий не столько ему лично, сколько всей современной ему стадии исторической науки, заключался в слабом развитии историзма, т. е. сознания и чувства вечной и непрерывной изменяемости жизни человечества, своеобразия и неповторимости каждой исторической эпохи. «Россияне» Карамзина были до известной степени отвлеченной категорией, они с одним и тем же запасом чувств, понятий и даже идей действовали, говорили и мыслили в эпоху Святослава так же, как и при Александре Невском или Борисе Годунове; их легко себе представить и на римском Форуме и на афинской агоре. Соловьев, напротив, весь пропитан не то что идеей, а непосредственным ощущением эволюции, непрерывного и органического развития. И если на русской почве эта идея, составляющая подлинную душу исторического знания, прочно овладела сознанием не только специалистов, но и просто исторически образованных людей, то это – заслуга в первую очередь Соловьева. Конкретное содержание эволюции может мыслиться новыми поколениями по иному (Соловьев видел основное содержание русского исторического процесса в переходе от быта родового к государственному и в дальнейшем торжестве государственного начала над всеми его врагами)²⁰, но самая идея эволюции неотменима. История отныне начинает трактоваться как органический процесс, имеющий свои

²⁰ В оригинале скобка отсутствует – В.В., В.К.

внутренние законы, в основе своей независимый от доброй или злой воли отдельных ее деятелей. Великие люди понимаются не как новые мироздатели, творящие из ничего, а как люди, лучше всего постигшие потребности своей эпохи и наиболее полно выражавшие их в своей деятельности. В частности, Соловьев заполнил пропасть, которую в продолжение 1 ½ веков вырывали между Петром В[еликим] и Московской Русью, и убедительно показал как уже в старой московской оболочке назрела петровская реформа.

Другой важный вклад Соловьева в сокровищницу русской национально углубленной мысли, это – выяснение роли географически условий в исторических судьбах русского народа и в процессе формирования русской государственности. Противопоставление европейского Запада, изрезанного морем, каменного, с резко намеченными самой природой гранями, разбивавшими его на мелкие, но прочно сложенные, рано сформировавшиеся марки, – России, бескрайной, равнинной, деревянной, бесформенной, вечно бродячей, вечно текучей; противопоставление леса и степи, как двух основных стихий русского ландшафта; вытекающая отсюда борьба ушедшей в леса Руси со степью, с Азией, как основная черта внешней истории России; значение колонизации, как одного из факторов русской народной жизни, – все эти темы четко намеченные Соловьевым, отчасти им самим блестяще развитые, отчасти завещанные им следующим поколениям русских историков. Всеми этими идеями, не говоря уже о великом множестве более частых исторических аксиом, обогатил русскую историческую мысль великий труженик и глубокий мыслитель Соловьев.

В.О. Ключевский, его ученик, вменял себе в особую заслугу, что он только хранил традицию Соловьева, развивал взгляды своего учителя и оттачивал его формулировки. Во многом он действительно сохранял верность заветам Соловьева и благодаря своему совершенному словесному мастерству способствовал их популяризации, облекая мысли учителя в такую нарядную оболочку, которая Соловьеву была недоступна. Но, конечно, значение Ключевского как историка этим не исчерпывается. Его исторические (слово неразборчиво) отличаются не только яркостью красок, но и дальнейшим осложнением композиции. «История государства Российского» Карамзина была по существу историей деяний государей. Если «История России с древнейших времен» Соловьева основной своей темой имела историю русской государственности, то в главных работах Ключевского внимание историка устремлено преимущественно на социальную ткань русского государствен-

ного организма, на выяснение взаимоотношения отдельных общественных групп и на их исторические судьбы. Крупнейшая его монография: «Боярская Дума Древней Руси» (1882) дают историю смены правящих общественных групп в допетровской Руси, его статьи по истории крепостного права проливают яркий свет на историю русского крестьянства; другие его работы выясняют значение православного духовенства в общем укладе исторической жизни русского народа. В его знаменитом университетском «Курсе русской истории» социальная тема тоже преобладает над всеми остальными, а несколько абстрактное у Соловьева понятие государства обрастает живой плотью и наполняется горячей кровью.

Но сила влияния оказанного Ключевским на несколько поколений русских историков и на русское общество, которое зачитывалось его Курсом, отбросив все прежние классические труды по русской истории, объяснялась, конечно, не столько этим усложнением композиции, сколько его [слово напечатано неразборчиво и зачеркнуто. – *В.В., В.К.*], несравненным литературным мастерством и величайшей силой исторической интуиции, даром вживания в историческое прошлое, который позволил ему оживить прошлое в такой мере, в какой не удавалось не одному из прочих русских историков. В особенности проявился этот дар Ключевского в отношении Руси Московской, к которой он чувствовал подлинное душевное влечение, тогда как Россию императорскую он чувствовал слабее. Многие теоретические концепции Ключевского уже поколеблены, завтра будут и вовсе отвергнуты, – это судьба каждого исторического построения, которые все более и менее не долговечны. Но привидевшиеся ему образы нашего прошлого живут и будут жить в сознании русских людей, как нестареющие плоды подлинного художественного творчества. Такие страницы его «Курса», как посвященные формированию национального характера великоросса на фоне суровой и капризной великорусской природы, как коллективный портрет московских князей – собирателей Земли Русской из потомства скопидомного Ивана Калиты, как личные характеристики Ивана Грозного, царя Алексея Михайловича или патриарха Никона, это – подлинные исторические прозрения и в то же время крупнейшие шедевры русской художественной прозы.

Ритор, мыслитель и художник – таковы были три крупнейшие индивидуальности, наложившие печать своего духа на видение нами исторического прошлого.

Památník národního písemnictví. Fond Ccheidze Konstantin Alexandrovič (№ 230). Maksimovic Jevgenij Filimonovic. č inv. 561.

А.В. Антощенко

**«Своими статьями я приобрел сейчас
так много врагов, что каждый друг
или единомышленник на счету»**

В публикации представлены письма историка Г.П. Федотова Г.П. Струве, хранящиеся в архиве Института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Большая часть писем была написана сразу же после окончания Второй мировой войны. Их содержание позволяет лучше понять отношение Г.П. Федотова к зародившимся в годы войны просоветским настроениям русских эмигрантов. Сам он отчетливо видел опасность распространения советского влияния после ее окончания на европейские страны, что стало причиной его критики Н.А. Бердяева, который позитивно оценивал вклад Красной армии в победу над нацистской Германией и ее сателлитами. Учитывая международный авторитет русского философа-эмигранта, Г.П. Федотов стремился противодействовать его влиянию. Важным средством такого противодействия было распространение в англоязычных странах собственных оценок сталинизма, укрепившегося на родине в ходе войны. Поэтому историк уделял большое внимание возможности перевода своих публицистических статей, который мог осуществить живший в Англии Г.П. Струве. В свою очередь Г.П. Струве после избрания на должность профессора Калифорнийского университета в Беркли был заинтересован в консультациях известного специалиста по истории русской религиозности. Письма содержат значимую информацию, которая позволяет охарактеризовать слабо изученный так называемый «американский период» жизни Г.П. Федотова и его взаимоотношения с известным среди русских эмигрантов литературоведом Г.П. Струве. Текст писем приведен в соответствии с современными нормами правописания при сохранении некоторых особенностей стилистики и пунктуации автора.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, Г.П. Струве, русские эмигранты в США после Второй мировой войны.

A.V. Antoshchenko

**«As a result of publishing my articles i acquired so many
enemies that every friend or associate is in my account»**

Publication by A.V. Antoshchenko presents the letters of historian G.P. Fedotov to G.P. Struve, which are stored in the archives of Hoover Institution on War, Revolution and Peace at Stanford Univer-

© А.В. Антощенко, публикация, вступительная статья и комментарии, 2018

sity. Most of the letters were written shortly after the end of World War II. Their content makes it possible to understand better the attitude of Fedotov to the pro-Soviet sentiments of Russian emigrants that aroused in the war years. He clearly saw the danger of spreading Soviet influence after the end of the war to European countries, which was the reason for his criticism of N.A. Berdyayev, who positively assessed the contribution of the Red Army in the victory over Nazi Germany and its satellites. Knowing the international authority of the Russian emigre philosopher, Fedotov strove to counteract Berdyayev's influence. An important means of such counteraction was the spread in the English-speaking countries of Fedotov's own assessments of Stalinism, which was strengthened in the homeland during the war. Therefore, the historian paid much attention to the possibility of translating his journalistic articles, which could have been carried out by Struve, who lived in England. In turn, Struve, after his election to the position of professor at the University of California in Berkeley, was interested in consulting by the recognized expert on the history of Russian religious mind. Letters contain meaningful information that allows us to characterize the poorly studied so-called "American period" of Fedotov's life and his relationship with the well-known among Russian emigrants literary critic Struve. The text of letters is brought into line with modern spelling norms while preserving some features of the author's style and punctuation.

Key words: G.P. Fedotov, G.P. Struve, Russian emigrants in the US after the WWII.

Творческое наследие известного историка, религиозного мыслителя и публициста Георгия Петровича Федотова (1886–1951) за последнее время было возвращено на родину и стало предметом пристального исследовательского внимания. Правда, биографические данные о нем все так же неполны (особенно это относится к последнему десятилетию, так называемому «американскому периоду» его жизни), что обусловлено малодоступностью архивных материалов, находящихся в США. Частичному устранению этого препятствия призвана служить данная публикация.

В своей итоговой работе о литературе Русского Зарубежья Глеб Петрович Струве (1898–1985) уделил достойное место журнальным статьям Г.П. Федотова, назвав его «одним из самых блестящих публицистов Зарубежья»¹. Он заметил уже первые публи-

¹ См.: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. 3-е изд-е, испр. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь, 1996. С. 41, 50–51 и др.

кации оказавшегося в 1925 г. в Париже Георгия Петровича в евразийских «Верстах», подписанные псевдонимом «Е. Богданов». В последующем Г. П. Струве продолжал следить за его творчеством и даже состоял с ним в переписке, хотя документальных свидетельств об их личном знакомстве не известно.

Особенно интенсивной переписка оказалась в то время, когда Г.П. Федотов жил в Америке, куда вскоре после Второй мировой войны перебрался и его корреспондент. Ведущая роль СССР в поражении гитлеровской Германии и ее союзников порождала у многих эмигрантов гордость за свою родину и примиренческое отношение к усилению ее международной роли. В этих условиях все сильнее ощущались разногласия Г.П. Федотова с бывшими парижскими друзьями, прежде всего с Н.А. Бердяевым. Георгий Петрович не мог принять его позитивных оценок Советского Союза, основанных на признании особой заслуги Красной армии в разгроме нацизма в Европе. Напротив, он видел в этом новую угрозу распространения «сталинокрапии» на территории тех восточноевропейских стран, которые оказались в зоне советского влияния².

Различие в оценках роли родной страны в международных делах лежало и в основе расхождения с молодыми литераторами, перебравшимися из Франции в США, с которыми когда-то в Париже у Г.П. Федотова были весьма хорошие отношения. В созданном В.С. Яновским, Е.А. Извольской, И.В. Манциарли журнале «экуменического и пореволюционного толка» «Третий час» Г.П. Федотов печатать свои статьи не захотел.

Наиболее прочными оказались его связи с социалистами. В их журналах «За свободу», «Социалистический вестник» и газете «Народная правда» он опубликовал ряд политических статей. Однако важнейшие историко-философские работы Георгий Петрович помещал на страницах «Нового журнала», с редактором которого М.М. Карповичем у него сложились добрые, дружеские отношения.

Острые публикации вызвали споры и критику в эмигрантской среде, поэтому заинтересованное и доброжелательное отношение Г.П. Струве было очень важно для него. «Моя последняя

² Волкогонова О.Д. Образ России в философии Русского Зарубежья. М.: РОССПЭН, 1998. С. 117–119.

статья в “Н[овом] Ж[урнале]” принесла мне 4 сочувственных и даже восторженных письма от читателей, чего раньше никогда не бывало, – писал Г. П. Федотов своей жене 31 июля 1945 г. – Из знакомых писала Булатовская (мать) – кстати, напиши, как ее зовут, – Глеб Струве из Лондона и Жарковский, к[оторы]й просил даже тебе передать что-то вроде того, что ты напрасно презираешь “Н[овый] Ж[урнал]” и мою публицистику. Струве пишет, что какая-то общая знакомая, ездившая в Париж, говорила ему, что там страстно спорят о моей статье “С Востока тьма”. Значит, не только ругают»³. В свою очередь Г.П. Федотов после переезда Г.П. Струве в США оказался очень полезен последнему при наведении исторических справок, необходимых ему как начинающему преподаванию на новом месте.

Автографы писем хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США) в фонде Г.П. Струве (HIA Gleb Struve Papers, box 83, folder 8). Они написаны по правилам дореволюционной орфографии, что потребовало привести их в соответствие с современными нормами правописания. Встречающиеся в письмах сокращения расшифрованы в квадратных скобках.

Письма Г.П. Федотова Г.П. Струве. 1931–1950 гг.

1.

10 ноября 1931

Глубокоуважаемый Глеб Петрович,
Профессор Антон Владимирович Карташев⁴ передал от Вас в нашу библиотеку книгу: Fortescue A. The Orthodox Eastern Church.

³ Письмо Г.П. Федотова жене от 31 июля 1946 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York. Ms. Coll. George Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his wife, 1946.

⁴ *Карташев Антон Владимирович* (1875–1960) – богослов, историк церкви, библиист, церковный и общественный деятель. Один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925–1960). Г.П. Федотов знал А.В. Карташева еще с 1916 г., когда он поступил «вольнотруждающимся» в Публичную библиотеку в Петрограде, где А.В. Карташев заведовал религиозным отделом.

[London, 1929] Правление Института поручило мне выразить Вам глубокую благодарность за этот дар.

Член Правления, заведующий библиотекой Г. Федотов

2.

29 июля [19]45

Многоуважаемый Глеб Петрович,

Только что получил Ваше письмо, за которое сердечно благодарен. Своими статьями⁵ я приобрел сейчас так много врагов, что каждый друг или единомышленник на счету. Впрочем, в редакции «Нового журнала» я не чувствую себя чужим. Большинство разделяет мою точку зрения.

Пишу я также в маленьком журнале «За свободу», издаваемом С.-Р. (соц[иалистами]-рев[олюционерами]). Там я могу высказываться по острым политическим вопросам, а историю и философию оставляю для «Нового ж[урнала]». В последнем № «За свободу» и была напечатана моя небольшая статья «С Востока тьма»⁶, которая наделала много шума во Франции. К сожалению, я не могу указать Вам сейчас адреса редакции, я сам в деревне⁷, в глуши, и не могу скоро навести справки. Но вот адрес Зензинова (Владимира Михайловича)⁸, через которого Вы могли бы выписать журнал: Mr. Zenzinov. 294 Riverside drive. New York City.

Кстати, вот и мой личный адрес: 328 West 108 st[freet] NYC

Еще раз спасибо.

Ваш Г. Федотов

Ни одна моя русская статья не была переведена.

3.

13 фев[раля] 1946]

Многоуважаемый Глеб Петрович,

Я Вам очень благодарен за лестный отзыв о моей статье и еще более за сочувствие моим мыслям. Я ничего не имею против

⁵ Имелись в виду статьи: *Федотов Г.П.* Рождение свободы // Новый журнал. № 8. New-York, 1944. С. 189–218; *Его же.* Россия и свобода // Новый журнал. № 10. New-York, 1945. С. 189–213.

⁶ *Федотов Г.П.* С Востока тьма // За свободу. № 15. New-York, 1945. С. 13–16.

⁷ В это время Г.П. Федотов отдыхал на даче у М.М. Карповича в Вест Вардборо, штат Вермонт.

⁸ *Зензинов Владимир Михайлович* (1880–1953) – российский политический деятель, член ЦК партии социалистов-революционеров, с 1919 г. в эмиграции во Франции, в 1940 г. переехал в США.

перевода ст[атьи] «Рождение свободы»⁹ в журнале «Transformation»¹⁰ при условии, что его выступление в защиту свободы не направлено против социализма вообще или современного рабочего правительства. Надеюсь также, что они платят гонорары. По счастью, на этот раз не выйдет недоразумения с двойным переводом. Было бы лучше заранее списаться со мной. Дело в том, что некоторые мои друзья в Америке, как Вы в Англии, стараются о переводе моих статей. На днях только что вышла на английском «Россия и свобода» в журнале «Review of Politics» 1946 № 1 (изд[ание] катол[ического] универс[итета] Notre Dame)¹¹. Последняя статья «Запад и СССР» свободна, и я охотно предоставляю Вам право перевода, но только если Вы найдете издателя и обещаете мне наверное. Когда Вы меня об этом известите, я пришлю Вам рукопись с концом и многочисленными пассажирами, выброшенными редакцией¹². Под редакцией следует понимать в данном случае не Карповича¹³ и Алданова¹⁴, а покойного Цейтлина¹⁵. Они оба отличались пугливостью перед общественным мнением, к[отор]ое здесь, как и везде, хромает в пользу Советской России. Официальное же несогласие редакции вызвано пассажем об Англии, к[отор]ая сейчас вызывает ненависть сионистов. Как видите, у нас тоже немало своих трудностей.

Еще раз спасибо. Хочется сказать, что связь с Англией, в плане сердечном, для меня дороже и американской аудитории, хотя последняя и важна для хлеба насущного.

Жму Вашу руку через океан. Ваш Г. Федотов

⁹ Федотов Г.П. Рождение свободы // Новый журнал. № 8. New-York, 1944. С. 198–218.

¹⁰ В библиографиях работ Г.П. Федотова такой перевод не упоминается.

¹¹ Fedotov G.P. Russia and Freedom // Review of Politics. Vol. 8. No. 1. South Bend, Indiana, 1946. P. 12–36.

¹² Рукопись хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира. См.: Федотов Г.П. Запад, Россия и атомная бомба // Hoover Institution Archives. Gleb Struve Papers. Box 83. Folder 10.

¹³ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, профессор Гарвардского университета, редактор «Нового журнала» (1943–1959, до 1945 г. совместно с М.О. Цейтлиным). Поддерживал дружеские отношения и переписку с Г.П. Федотовым.

¹⁴ Алданов (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886–1957) – писатель, издатель «Нового журнала». Был знаком и состоял в переписке с Г.П. Федотовым.

¹⁵ Цейтлин Михаил Осипович (1882–1945) – поэт, беллетрист, меценат, основатель, издатель и редактор «Нового журнала» (с 1942 по 1945 г.).

4.

23 апр[еля] 19[46]

Дорогой Глеб Петрович,

Я давно не имел от Вас известий относительно моих статей. Вы писали мне, что одна из них переводится для сборника о свободе, а другую собирались переводить Вы лично. Я думаю, что теперь, с назначением Вас профессором¹⁶ (кстати, поздравляю Вас от души), у Вас нет свободного времени. Во всяком случае, мне хотелось бы знать о судьбе обеих статей. То, что я писал Вам о желательности гонорара, теперь не имеет для меня большого значения. Я согласен и без гонорара (Я получил на 1 год Гугенгеймовскую стипендию и не беспокоюсь о будущем¹⁷).

Одна из моих статей «Россия и свобода» появилась по-английски в «Review of Politics», и я, помнится, послал Вам экземпляр. На всякий случай, посылаю второй. Вот за что я был бы Вам благодарен, если бы Вы могли найти издателя для серии 4 или 5 статей на эту тему (свобода, фашизм, Россия), в виде маленькой книжки.

Иногда мне кажется странным думать о литературных предприятиях, когда будущее так мрачно. Я слышал, что и в Англии подавленное настроение – после всего удивительного героизма этих лет. Меня сейчас это волнует больше, чем коммунизация Франции.

Хотя это письмо дойдет до Вас и поздно, но позвольте кончить его пасхальным приветом: Христос воскрес!¹⁸

Искренне Ваш Г. Федотов

5.

24 июня [1946]

Дорогой Глеб Петрович,

С большим опозданием посылаю Вам рукопись статьи «Запад и СССР» в том виде, какой он был до редакторской цензуры. Вы сами увидите в ней то, что в ней вычеркивал или исправлял покойный Цейтлин своей рукой. Погибла целая 4 часть, но я боюсь, что в своей хроникерской части она невозможно устарела. Сделайте из статьи то употребление, какое сочтете нужным.

¹⁶ Г.П. Струве стал профессором кафедры славянских языков и литературы Калифорнийского университета в Беркли.

¹⁷ 16 апреля Г.П. Федотов писал своей приемной дочери Нине: «Я получил Гугенгеймовскую стипендию – 3000 [долларов] в год, начиная с 1 мая. Чувствую себя богачем» (см.: BAR. Ms Coll G.P. Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G.P. Fedotov to his daughter, 1943–1951).

¹⁸ В 1946 г. православная Пасха совпадала с католической и отмечалась 21 апреля.

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы меня держали в курсе о переводах моих статей в Англии. Один знакомый говорил мне, что он читал какую-то мою статью в «Religious Readers Digest»¹⁹, выходящем в Англии. Здесь я не могу достать этого журнала, не знаю даже, есть ли такой. Хотелось бы знать, что это за статья. Будто бы он читал о ней и в Times Literary Supplement.

Я очень переутомился весной и давно ничего не писал. Летом в деревне думаю продолжить серию статей для «Нового журнала»²⁰. А сейчас кончаю свой ответ Н. А. Бердяеву²¹ для «За свободу»²².

Меня удивляет, как русская группа английского Fellowship of St. Alban and St. Sergius²³ могут сейчас вести грубо-промосковскую линию? Как это совместимо с общим отрезвлением в Англии? А Зернов²⁴ достаточно практичный человек, чтобы идти против общественного мнения своего нового отечества. Что Вы об этом думаете – если Вы принимаете участие в делах Fellowship'a?

Если видите с Франком²⁵, передайте ему мой сердечный привет.

Искренне Ваш Г. Федотов
P. S. Простите за кляксу.

¹⁹ В библиографиях работ Г.П. Федотова такой перевод не упоминается.

²⁰ *Федотов Г.П.* Между двух войн // Новый журнал. № 14. New-York, 1946. С. 154–169.

²¹ *Бердяев Николай Александрович* (1874–1948) – философ. Живя в Париже, Федотовы постоянно бывали в гостях в доме Бердяевых в Кламаре. После окончания Второй мировой войны Н.А. Бердяев подчеркивал решающую роль СССР в разгроме фашизма и освобождении Европы. Г.П. Федотов, переехавший в начале войны в США, критически оценивал эти заявления, указывая на то, что наступление Красной армии несло порабощение народам Европы и способствовало распространению сталинской тирании на них.

²² *Федотов Г.П.* Ответ Бердяеву // За свободу. № 17. New-York, 1946. С. 57–69.

²³ Содружество (братство) Святого Албания и Святого Сергия (англ. *Fellowship of Saint Alban and Saint Sergius*) – английская организация, созданная в 1928 г. с целью сближения англиканской и православной церквей. Г.П. Федотов до отъезда из Парижа принимал участие в работе содружества.

²⁴ *Зернов Николай Михайлович* (1898–1980) – философ, богослов, исследователь православной культуры, общественный деятель. Г. П. Федотов был знаком с ним еще с 1930-х гг. по Содружеству свв. Албания и Сергия, иногда обменивался письмами.

²⁵ *Франк Семен Людвигович* (1877–1950) – философ и религиозный мыслитель. Г.П. Федотов знал его еще со времени учебы в Петербургском университете.

Дорогой Глеб Петрович,

Спасибо Вам за письмо и сообщение о лондонских делах. В Париже, по письмам оттуда²⁶, положение удовлетворительное. Огромное большинство приходов высказалось за Константинополь, а не за Москву²⁷. Да и вообще, настроение резко изменилось, даже у Бердяева.

Сюда собирается Н. М. Зернов для работы по делам англо-православного Fellowship. По этому случаю я возобновил с ним переписку, советуя ему воздержаться в Америке от выступлений по вопросам юрисдикции.

Здесь занята подготовкой к собору. Не знаю, дошла ли до Вас напечатанная в «Русском слове» (26 окт[ября]) декларация «пяти», которую и я подписал²⁸.

У меня есть к Вам просьба. Не можете ли Вы сообщить мне подробности о кафедре по русской духовной культуре в Оксфорде (Сполдинга²⁹), о которой Вы мне говорили³⁰? Открыта ли она офи-

²⁶ Наиболее обстоятельные характеристики содержались в письмах секретаря Свято-Сергиевского богословского института Ф.Г. Спасского, отложившихся в коллекции Г.П. Федотова в Бахметевском архиве. BAR. Ms. Coll. G.P. Fedotov. Box 3. Folder: Incoming correspondence – F.G. Spasskii.

²⁷ Речь шла о решении съезд клира и мирян, состоявшегося 16–20 октября 1946 г. в Париже. Съезд большинством голосов принял резолюцию ходатайствовать перед Константинопольским Патриархом о сохранении Экзархата в его юрисдикции, которая была установлена в 1931 г., и об утверждении архиепископа Владимира (Тихоницкого) экзархом. Данное решение было ответом на постановление Священного Синода РПЦ о воссоединении приходов, управляемых митрополитом Евлогием (Георгиевским), с Московской Патриархией.

²⁸ Упоминалась «Записка о положении русской православной церкви в Америке», датированная 18 октября и подписанная пятью профессорами – П.П. Зубовым, М.М. Карповичем, Г.И. Новицким, Н.С. Тимашевым и Г.П. Федотов. 27 октября (а не 26-го, как в письме) она была опубликована под заголовком «Записка “пяти” признает зависимость Русской Православной Церкви в Америке от Московской Патриархии, но требует от нее широкой автономии». О значении документа см.: *Курков Н.В.* Всеамериканский православный церковный Собор 1946 г. и «записка пяти профессоров» // *Американский ежегодник 1999*. М.: Наука, 2001.

²⁹ *Сполдинг (Spalding) Генри Норман* (1877–1953) – английский филантроп и литератор. Г.П. Федотов знал его с середины 1930-х гг., когда начал посещать конференции Содружества свв. Албания и Сергия, членами которого были дочери Г.Н. Сполдинга – Энн и Руфь. В письме жене от 20 июля 1937 г., посланном из Оксфорда, он упоминал, что приглашен к Сполдингам (Благодарю В.В. Ян-

циально. Каковы условия конкурса и кому надо посылать кандидатуры? Если Вы не знаете сами, то кто бы мог дать эти справки?

Крепко жму руку. Шлю привет Ледницкому³¹.

Ваш Г. Федотов

7.

11 нояб[ря] 19[46]

Дорогой Глеб Петрович,

Только вчера я добрался до книги, где можно найти интересующую Вас справку. Это П. Строев³² Списки иерархов [и настоятелей монастырей Российской Церкви]. СПб., 1877. Здесь под Екатеринославской епархией находится список еп[ископов] Херсонских. С титулом архиеп[ископ] Славянский и Херсонский

1. Евгений Булгарис³³ 1775–79

2. Никифор Феотоки³⁴ 1779 – ноябрь 1786

Оба греки: первый ученый-богослов.

С 1786 титул меняется на Арх[иепископа] Екатеринославского и Херсонского

цена за возможность ознакомиться с содержанием копий писем, хранящихся в его архиве. Оригиналы хранятся в архиве Центра русской культуры в Амхерсте (США). Во время моей работы в архиве они еще не были каталогизированы). В письме от 21 октября 1941 г. из Нью-Хейвена Г.П. Федотов благодарил Г.Н. Сполдинга за стремление помочь ему. См.: Manuscripts and Archives. Sterling Memorial Library. Yale University Libraries. MS 299: Anson Phelps Stokes family papers. Part 1. Series 1. Box 107.

³⁰ Очевидно, речь шла об основанном в 1945 г. в Оксфордском университете, на факультете средневековых и современных языков и литературы, русском отделении, приписанном к Новому колледжу (New College), одному из старейших и крупнейших в Оксфорде.

³¹ *Ледницкий Вацлав Александрович* (1891–1967) – российский, польский и американский литературовед. С 1940 г. жил в США, преподавал в Гарвардском и Калифорнийском (в Беркли) университетах. По предложению А.В. Ледницкого Г.П. Федотов в апреле 1948 г. был избран в члены Польского научного института в Америке. См.: BAR. Ms. Coll. G.P. Fedotov. Box 3. Folder: Incoming correspondence – V. Lednitskii.

³² *Строев Павел Михайлович* (1796–1876) – российский историк, археограф и библиограф, ординарный академик Петербургской АН (1849).

³³ *Архиепископ Евгений* (в миру *Елевферий Булгарис* или *Булгар*, греч. *Ελευθέριος Βούβλαρης* или *Βούβλαρης*, 1715–1806) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Славянский и Херсонский, почетный член Петербургской АН (1776).

³⁴ *Архиепископ Никифор* (греч. *Νικηφόρος*, в миру *Николай Феотоки*, греч. *Νικόλαος Θεοτόκης*, 1731–1800) – греческий и российский богослов и педагог.

3. Амвросий Серебряников³⁵ с 28 ноября 1786 по 13 окт[ября] 1792

Ничего кроме голых имен и дат у Строева нет. Краткие биографии можно найти у Амвросия «История российской иерархии»³⁶, для некоторых, конечно, в «Русском биографическом словаре»³⁷.

Благодарю Вас за справку об оксфордской лектуре. Мне было приятно оказать Вам маленькую услугу. Пожалуйста, не стесняйтесь и впредь обращаться ко мне с такого рода поручениями.

Искренне преданный Вам Г. Федотов

8.

3 дек[ября] 19[46]

Дорогой Глеб Петрович,

По интересующему Вас вопросу я могу сообщить (все из того же Строева), что оба первых греческих епископа Херсона в 1787 г. были живы. Евгений Булгарис оставил епархию в 1779 г. и жил «по покою» в Александро-Невской Лавре в Петербурге († 1806). Никифор Феотоки был переведен в 1786 г. в Астрахань и скончался в 1800 г. на покое в Московском Даниловом монастыре.

Если мне позволено высказать свое предположение, учителем англичан в Греции скорее мог быть Булгарис. Это очень видный богослов и писатель; самый крупный богослов новой греческой церкви. О нем см[отрите] в словаре Брокгауза (Новое изд[ание])³⁸. К сожалению, в «Рус[ском] биогр[афическом] словаре» нет тома на букву Е (по край[ней] мере в Нью-Йорке).

Адрес Степуна³⁹ я получил от Зензинова: Prof. Fedor Stepun. Rottach am Fegernsee, Obb Hochbauern st. 120 ½, bei Mildner. Germany

³⁵ *Архиепископ Амвросий* (в миру *Авраам Никитич Серебряников* или *Серебряков*, 1745–1792) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Екатеринбургский и Херсонско-Таврический. Член Петербургской АН (1785).

³⁶ *Епископ Амвросий* (в миру *Андрей Антипович Орнатский*, 1778–1827) – историк Русской православной церкви, автор труда «История российской иерархии» (1807–1815).

³⁷ Русский биографический словарь издавался Санкт-Петербургским Императорским Русским историческим обществом под наблюдением его председателя А.А. Половцова. С 1896 по 1918 гг. было выпущено 25 томов.

³⁸ «Новый энциклопедический словарь» выпускался акционерным издательским обществом Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в 1911–1916 гг. Из намеченных 48 томов вышло только 29.

³⁹ *Степун Федор Августович* (1884–1965) – философ, историк, литературный критик, общественный деятель, писатель. Друг Г.П. Федотова. Вместе с И.И. Фондаминским они издавали в Париже журнал «Новый град» в 1931–1939 гг.

Но для посылок, которые в Германию не разрешены, есть другой адрес, без упоминания имени Степуна: Mrs Jiparis, UNRA, Team 547, A.P.O. 757 U.S. Army (никакой страны и города). Это русская знакомая Ст[е]пуна].

Ремизов⁴⁰ взял советский паспорт, но в Россию не едет. Он вообще очень слаб и болен и никуда не может ехать.

Крепко жму руку. Ваш Г. Федотов

9.

8 дек[абря 19]48

Дорогой Глеб Петрович,

Не нахожу никакого извинения в таком запаздывании с моим ответом. Я просто засунул письмо и долго не мог найти его. Сейчас, случайно разыскав его, я обнаружил, что ваше дело не так плохо. В Колумбийской Библиотеке имеется «Москвитянин» за 1844–45 г., следовательно, и статья Струдзы⁴¹ (057 M853). «Иерархи Астр[аханской] церкви» Любарского⁴² была напечатана в «Чтениях Общ[ества] Ист[ории] и Древ[ностей Российских]» том 20⁴³ (947 O67 v. 20).

Ни «[Православного] Странника», ни «Трудов Киев[ской] А[кадемии]» за 1861 г., ни «Херсон[ских] епарх[иальных] вед[омостей]» не имеется.

Еще раз простите.

Ваш Г. Федотов

10.

[1950]

Поздравляю Вас и с Новым годом и с Вашим новым счастьем.

Преданный Вам Г. Федотов

⁴⁰ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – российский писатель. С 1921 г. в эмиграции в Германии, с 1923 г. – во Франции.

⁴¹ Упоминалась статья: Струдза А.С. Нечто о философии христианской // Москвитянин. 1844. Ч. 1. № 1. С. 174–218. Струдза Александр Скарлатович (1791–1854) – российский политический деятель, философ ортодоксального христианства.

⁴² Архиепископ Платон (в миру Петр Иванович Любарский, 1738–1811) – епископ Русской православной церкви, архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический, духовный писатель.

⁴³ Речь шла о статье: Иерархия Вятская и Астраханская, соч. преосвященного Платона Любарского, с предисловием П. Казанского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1848. № 7 (Кн. XX). С. 45–84.

**«Он действительно фанатик науки
в буквальном смысле этого слова»**

Публикуются письма известного советского партийного и государственного деятеля и ученого В.Д. Бонч-Бруевича, адресованные В.М. Молотову, Л.П. Берия, В.С. Абакумову. Они посвящены трагическому периоду в судьбе известного советского историка А.И. Клибанова.

Ключевые слова: биография и научное творчество историка А.И. Клибанова.

V.G. Bukhert

**"He really is a fanatic of science
in the literal sense of the word"**

Published letters of the famous Soviet party and state figure and scientist V.D. Bonch-Bruevich, addressed to V.M. Molotov, L.P. Beria, V.S. Abakumov. They are dedicated to the tragic period in the fate of the famous Soviet historian A.I. Klybanov.

Key words: biography and scientific work of the historian A.I. Klybanov.

Важную и, вместе с тем, роковую роль в судьбе известного советского историка А.И. Клибанова¹, специалиста по истории реформационных движений в России, исследователя религиозного сектантства² сыграло его знакомство с ученым-этнографом

¹ Клибанов Александр Ильич (1910–1994) – историк, ст. научный сотрудник Института истории АН СССР (1947–1948, 1955–1993 г.).

² О нем см.: *Буганов В.И.* Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова // Исторические записки. М., 1977. Т. 98. С. 257–275; *Логашева Б.Р.* Русское народное свободомыслие в трудах А.И. Клибанова // Религии мира. История и современность. Ежегодник. М., 1982. С. 256–262; *Дмитриев М.В.* История отечественной духовной культуры в исследованиях А.И. Клибанова // История СССР. 1990. № 6. С. 124–136; *Буганов В.И.* А.И. Клибанов – историк общественной мысли // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 148–155; *Горшков П.Д.* Мастера русской историографии: Александр Ильич Клибанов (1910–1994) // Исторический архив. 2008. № 4. С. 54–69.

Н.М. Маториным³, который с осени 1928 г. был в Ленинграде «главным организатором и вдохновителем исследований в области религии»⁴. Будучи в 1929–1932 гг. студентом Ленинградского государственного университета, А.И. Клибанов участвовал в работе созданного на историческом отделении факультета языкознания и материальной культуры по инициативе и под руководством Н.Н. Маторина семинара⁵ «по изучению истории и современного состояния религиозного сектантства»⁶. Еще студентом, А.И. Клибанов стал работать в Ленинградском государственном антирелигиозном музее, который для него стал школой научно-атеистического образования, и работа в нем явилась «активной формой усвоения начальных знаний по истории религии»⁷. В 1933 г. А.И. Клибанов становится заведующим отделом агитации и пропаганды Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников, в 1934 г. состоялось знакомство А.И. Клибанова с В.Д. Бонч-Бруевичем⁸, к которому он обратился с предложением о переиздании листка для сектантов «Рассвет», издававшегося в 1904 г. по постановлению II съезда РСДРП⁹.

³ Маторин Николай Михайлович (1898–1936) – этнограф, религиовед и фольклорист, директор Института антропологии и этнографии АН СССР (1933), председатель Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников СССР (1929–1934). (См. о нем: *Носова Г.А.* Н.М. Маторин как исследователь религии // Вопросы научного атеизма. 1969. Вып. 7. С. 366–386; *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин: Опыт портрета ученого в контексте времени // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 132–155).

⁴ *Шахнович М.* Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2013. № 1 (31). С. 203.

⁵ См.: *Маторин Н.* Кузница безбожников. (Студенты-антирелигиозники ЛГУ на непрерывной производственной практике) // Антирелигиозник. 1929. № 4. С. 32–33.

⁶ *Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства. М., 1974. С. 26–27.

⁷ Так же. С. 10.

⁸ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – управляющий делами Совета народных комиссаров РСФСР (1917–1920), директор Государственного литературного музея (1933–1939). Музея истории религии и атеизма АН СССР (с 1946 г.).

⁹ См.: *Клибанов А.И.* К истории одной резолюции II съезда РСДРП // Наука и религия. 1983. № 10. С. 26–29; *Его же.* Из бесед с П. А. Красиковым // Там же. С. 29–30.

Весной того же 1934 г. А.И. Клибанов был принят в докторантуру Историко-археографического института АН СССР и приступил, под руководством Б.Д. Грекова¹⁰, к исследованию темы «Средневековые ереси русских городов»¹¹. Темой своей кандидатской диссертации он, однако, избрал другую: «Меннонитская колонизация на юге России в XVIII–XIX вв.». Оппонентами на защите согласились быть В.Г. Богораз-Тан¹² и В.Д. Бонч-Бруевич¹³. Кандидатскую диссертацию А.И. Клибанов защищал в 1935 г. в Историко-археографическом институте АН СССР.

К началу 1935 г. А.И. Клибанов уже «отстал» от антирелигиозной пропаганды и больше, как он сам впоследствии считал, к ней не возвращался, однако он сохранил интерес к религии «во множестве ее аспектов»¹⁴. Будучи доцентом Коммунистического политико-просветительного института им. Н.К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств) А.И. Клибанов читал студентам и аспирантам этого института лекционный курс «История старообрядчества и сектантских движений»¹⁵.

А.И. Клибанов был арестован по «делу Н.М. Маторина» и находился в заключении в 1936–1941 гг. Вернулся Александр Ильич из лагеря буквально накануне войны, а, после ее начала, был отправлен в эвакуацию: сначала в Омскую область, а затем в Красноярск, где он до 1945 г. преподавал в Красноярском государственном педагогическом институте.

Вернувшись в Москву, А.И. Клибанов поступает на работу в Музей истории религии АН СССР, а после его закрытия и передачи экспонатов этого музея в Музей истории религии АН СССР

¹⁰ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, академик АН СССР (с 1935 г.).

¹¹ *Клибанов А.И.* Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче (к 110-летию со дня рождения) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 70.

¹² Богораз Владимир Германович (псевдоним Н.А. Тан, В.Г. Тан) (1865–1936) – этнограф, писатель.

¹³ *Клибанов А.И.* Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче (к 110-летию со дня рождения) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. С. 83.

¹⁴ *Клибанов А.И.* О моей библиотеке // Библиотека профессора Александра Ильича Клибанова. Каталог / сост. А.Ю. Бородихин и др. Новосибирск, 1996. С. 11.

¹⁵ *Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства. С. 214.

в Ленинграде, с осени 1947 г. становится старшим научным сотрудником Сектора истории религии Института истории АН СССР¹⁶. В 1948 г. А.И. Клибанов был снова арестован органами и находится в заключении до 1954 г., когда был освобожден, реабилитирован и в январе 1955 г. вернулся в Москву. Он вновь стал работать в Институте истории АН СССР, где в 1961 г. защитил докторскую диссертацию «Реформационные движения в России в XIV в. – первой половине XVI в.»¹⁷. В 1968 г. А.И. Клибанов становится старшим научным сотрудником Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В последний период своей жизни А.И. Клибанов в своих устных выступлениях и опубликованных работах, в том числе в воспоминаниях не раз возвращался к личности В.Д. Бонч-Бруевича: к той роли, которую он сыграл в развитии науки и культуры, и к его влиянию на судьбу самого А.И. Клибанова. В 1980 г. Александр Ильич дважды публично выступал с воспоминаниями о В.Д. Бонч-Бруевиче: на вечере в Малом зале Центрального дома литераторов (17 января)¹⁸ и в Институте истории АН СССР (15 апреля)¹⁹. Текст второго выступления был положен в основу воспоминаний, опубликованных в «Записках Отдела рукописей ГБЛ»²⁰.

В 1983–1985 гг. А.И. Клибанова публикует статьи мемуарного характера²¹, в том числе и посвященные В.Д. Бонч-Бруевичу²²,

¹⁶ Сектор истории религии и атеизма Института истории АН СССР был создан по постановлению Президиума АН СССР от 20 марта 1947 г. Тем же постановлением ликвидирован Музей истории религии АН СССР в Москве с передачей его экспонатов в Музей истории религии АН СССР в Ленинграде (АРАН. Ф. 615 (Ученый секретариат Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 131. Л. 52).

¹⁷ См.: *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 648 (А.И. Клибанов). К. 75. Д. 16. Л. 1–12.

¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 1–29.

²⁰ *Клибанов А.И.* Из воспоминаний о В. Д. Бонч-Бруевиче (к 110-летию со дня рождения) // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 66–88.

²¹ *Клибанов А.И.* В двадцатые годы: [Воспоминания] // Наука и религия. 1985. № 11. С. 29–34; № 12. С. 15–18.

²² *Клибанов А.И.* Воспоминания о Бонч-Бруевиче (к 110-летию со дня рождения) // Наука и религия. 1983. № 11. С. 18–22; *Его же.* Из воспоминаний о В.Д. Бонч-Бруевиче (к 110-летию со дня рождения) // Вопросы научного атеизма. М., 1983. Вып. 31. С. 269–295.

однако в них он не упоминал о своих арестах и ссылках. Впервые Александр Ильич написал об этом, только в предисловии к публикации каталога своей библиотеки, датированным маем 1993 г. и увидевшим свет в 1996 г., уже после смерти А.И. Клибанова. Но и в этой своей работе, носящей характер исповеди перед читателем, он умолчал о настойчивых попытках В.Д. Бонч-Бруевича, пытааясь добиться освобождения А.И. Клибанова. Об этом А.И. Клибанов, безусловно, знал, но видимо сама тема арестов и ссылок была для него столь тягостна, что развивать ее, вдаваясь в подробности, Александр Ильич не хотел. Между тем, публикуемые письма В.Д. Бонч-Бруевича о А.И. Клибанове 1948–1953 гг., адресованные В.С. Абакумову²³, В.М. Молотову²⁴, Л.П. Берия²⁵ ценны не только как источник по биографии А.И. Клибанова, важны они и для характеристики В.Д. Бонч-Бруевича²⁶.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами правописания, при сохранении их стилистических особенностей. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Письма хранятся в личном фонде В.Д. Бонч-Бруевича (Ф. 369) в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

²³ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – советский государственный и военный деятель, генерал-полковник, министр государственной безопасности СССР (1946–1951).

²⁴ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – политический деятель, председатель СНК СССР (1930–1941), 1-й заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941–1957), нарком (министр) иностранных дел (1939–1949 и 1953–1956), почетный член АН СССР (1946–1959).

²⁵ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – советский государственный и партийный деятель, маршал Советского Союза, нарком внутренних дел (1938–1945), зам. председателя СНК СССР (с 1941 г.).

²⁶ Свой архив А.И. Клибанов передал в Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ, а личную библиотеку подарил Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения РАН в Омске.

**Письма В.Д. Бонч-Бруевича о А.И. Клибанове.
1948–1953 гг.**

№ 1

В.Д. Бонч-Бруевич – В.С. Абакумову

16 марта 1948 г.

Министру государственной безопасности СССР
В.С. Абакумову

Глубокоуважаемый Виктор Семёнович.

В конце февраля с.г. был задержан представителями Вашего министерства старший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР, – Сектора истории религии этого же института – кандидат исторических наук, профессор Александр Ильич Клибанов.

Его самая главная специальность – изучение древнерусских рукописей XIV, XV, XVI, XVII столетий, которые до сего времени лежали под спудом и не были никем изучены и обнародованы. В этом изучении он достиг большого успеха и открыл целый ряд крайне нужных, важных и интересных рукописей нашей истории – истории свободомыслия русского народа, по преимуществу принадлежавших выдающимся писателям и учёным того отдалённого от нас времени, которых реакционные силы самодержавного правительства и особенно господствовавшей православной церкви, предавали всевозможным судам и казням, сожжениям и вечным заключениям в монастырских тюрьмах.

Все свои работы проф. Александр Ильич Клибанов за последние годы делал исключительно по планам, утверждённым Отделением истории и философии Академии наук, или утверждённым дирекцией Института истории Академии наук СССР. Все эти работы, таким образом, по правилам Всесоюзной академии наук принадлежат Академии наук, как таковой.

В 1945–46 гг. проф. А.И. Клибанов работал над темой «Лаодикийское послание Фёдора Курицына²⁷ и его идеи» и над темой «Средневековые ереси русских городов».

Фёдор Курицын – это один из крупнейших писателей XV века, оставивший целый ряд очень важных рукописных сочинений.

²⁷ Курицын Федор Васильевич (? – после 1550) – дьяк, писатель.

За своё свободомыслие был крайне преследуем и, в конце концов, сожжён рукой палача в смоляном срубе на Красной площади Москвы, по приговору духовных и светских властей²⁸.

Эта работа проф. А.И. Клибанова даёт много новых сведений об этой эпохе, а исследования его над рукописными сокровищами, до сих пор сокрытыми от глаз исследователей, дали нам новые сведения о вновь открытых произведениях этого учёного средних веков. Аннотацию этой работы А.И. Клибанова при сём прилагаю.

С 1947 г. проф. А.И. Клибанов посвятил себя работе над большим исследованием, которое он назвал: «Написание о грамоте» (из истории гуманистически идей в России в XVI веке)²⁹. Основное заглавие дано согласно заглавия одного из сочинений той эпохи. Эта рукопись, равная десяти с лишком печатным листам, им совершенно приготовлена к печати на основании вновь открытых источников³⁰. Она должна быть напечатана в сборнике, который выходит под моей редакцией в АН СССР³¹. Она даёт нам очень много новых данных о литературе, общественном движении и философии наших средних веков.

В 1948 г. проф. А.И. Клибанов делал по плану Института истории Академии наук громадное исследование, которое им названо «Опыт русского перевода Библии в XV в.». Оно является первым исследованием этого памятника, игравшего громадную общественно-политическую роль в средние века. О его значении Вы найдёте сведения в графе «Аннотация» выписки из производственного плана Сектора истории религии на 1948 г. Института истории Академии наук. Выписку эту я при сём Вам прилагаю.

Таковы огромные научные работы проф. А.И. Клибанова в той области, на которую он посвятил всё своё время и где сделано им очень много больших открытий. Последнее его открытие, сделанное им недели за две до его, совершенно для нас непонятного, задержания, – это было открытие рукописи русского учёного

²⁸ Имеется в виду казнь не Ф. Курицина, а его брата – Ивана-Волка Курицына и других еретиков, состоявшаяся в конце 1504 г.

²⁹ *Клибанов А.И.* «Написание о грамоте»: Опыт исследования просветительно-реформационного памятника конца XV – первой половины XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма: сборник. Вып. 3. М., 1955. С. 325–379.

³⁰ Далее зачеркнуто: «и она также всецело принадлежит Академии наук СССР».

³¹ Далее зачеркнуто: «и мне хотелось бы получить ее как можно скорее».

средних веков Ивана Чёрного³². Этот учёный страшно преследовался властями того времени, и, особенно, высшим духовенством и патриархом³³. Так что он должен был бежать из России того времени, поселиться в Литве и оттуда изобличать самодержавное правительство и его гражданские и духовные власти. Его трактаты совершенно замечательны, и они были уничтожаемы рукой палача, где только их могли найти в России. И они считались нашей наукой, до открытия проф. А.И. Клибанова, совершенно уничтоженными, исчезнувшими. После длительного анализа рукописей средних веков, на которые проф. А.И. Клибанов потратил чрезвычайно много времени, работая в архивах над ними с утра до поздней ночи, – ему удалось установить, что некоторые рукописи этого замечательного писателя древней России всё-таки сохранились в наших книгохранилищах и значились под другими именами, причём они имеют в себе так называемую «тайнопись», которую проф. А.И. Клибанов обнаружил и расшифровал, и именно поэтому ему совершенно точно удалось установить, что эти рукописи принадлежат знаменитому учёному, пропагандисту и агитатору XV века – Ивану Чёрному. Конец этой работы, имеющей бесценное значение для русской истории, к сожалению, так неожиданно был прерван и дальнейшее её продвижение теперь находится в распоряжении Вашего учреждения.

Эти последние работы, делаемые проф. А.И. Клибановым по плану Института истории Академии наук и сверх плана, конечно, всецело также принадлежат Академии наук СССР.

Помимо этого, проф. А.И. Клибанов неустанно трудился над другими научными работами. – Так им было сделано прекрасное исследование открытых им писем декабристов. Он занят был написанием подробной биографии декабриста Пущина³⁴, – друга А.С. Пушкина, для чего и собрал значительные материалы³⁵.

Кроме того, им за всё последнее время было написано очень много ценных научных работ, а в том числе курс «Лекций по исто-

³² Иван Черный (?–?) – писец при дворе московского великого князя Ивана III, активный член секты жидовствующих. (См.: *Клибанов А.И.* Книги Ивана Черного. (К характеристике мировоззрения новгородско-московских еретиков) // Исторические записки. М., 1958. Т. 62. С. 198–244).

³³ Явная ошибка, патриаршество было учреждено в 1589 г. Вероятно, имеется в виду митрополит московский Симон.

³⁴ Пущин Иван Иванович (1798–1859) – декабрист, судья Московского надворного суда.

³⁵ См.: *Клибанов А.И.* Сибирские письма И.И. Пущина // Енисей. 1945. Кн. 2. С. 135–154.

рии СССР (с древнейших времён по начало XVI века)». Список этих его научных работ, сделанных с 1928 г. по сие время, я также Вам при сём прилагаю. Думаю, что он будет весьма полезен следователям, очевидно проверяющим личность проф. А.И. Клибанова, всецело, с утра до ночи непрерывно занятого самыми глубокими научно-исследовательскими работами.

Просьба моя, обращённая к Вам, как к министру госбезопасности СССР заключается в следующем:

1. Я прошу это моё письмо передать тому следователю, который ведёт дело А.И. Клибанова.

2. Вас убедительнейше прошу сделать распоряжение охранить все эти бесценные исторические работы проф. А.И. Клибанова, и как только они не будут нужны следователю, после того, как он с ними, вероятно, подробно ознакомится, – приказать всё вложить в конверты, или запаковать одной общей посылкой, обязательно опечатать, и всё это, целиком и полностью доставить в Институт истории Академии наук СССР (Волхонка, 14, 2-й этаж) и сдать ответственному секретарю, или заместителю директора Института истории Академии наук СССР под расписку. Причём я очень прошу Вас также сделать распоряжение, чтобы на все эти научные труды проф. А.И. Клибанова, принадлежащие Академии наук СССР, была бы сделана опись и по этой описи они были бы представлены в Академию наук СССР, как только в них минет надобность, и чем скорее, тем лучше.

К этому присовокупляю, что я лично знаю проф. Александра Ильича Клибанова, как человека учёного и глубоко занимающегося теми самыми научными вопросами по истории древней и средней³⁶ России, которыми я занимаюсь вот уже более 50 лет, – очень хорошо знаю. Если это Вам потребовалось бы, я мог бы написать его подробную характеристику, как учёного и общественного деятеля, охарактеризовав его мирозозерцание, которое я совершенно выяснил из больших бесед с ним по разным политическим и историческим вопросам; охарактеризовать его личность, как таковую, его стремления, поскольку всё это мне известно при очень частых сношениях с ним по делам Музея и Сектора [истории] религии Института истории Академии наук. Мне известны все его научные работы, а его диссертация³⁷, за которую он полу-

³⁶ Так в тексте.

³⁷ В 1935 г. А.И. Клибанов защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию «Меннонитская колонизация на юге России в XVIII–XIX вв.».

чил кандидатскую степень, была посылаема мне на рецензию, по которой я и сделал моё строго научное заключение.

Лично Вас очень прошу об одном: – посмотреть самому это дело, в чём оно состоит – (мне, конечно, решительно ничего не известно по этому поводу) – и, если Вы найдёте возможным, как можно скорей вернуть этого фанатически преданного науке учёного в архивохранилища и библиотеки, в которых он сидел с утра до ночи, осуществляя те многообразные научные исследования, которые он уже сделал и, несомненно, сделает ещё больше, если ему будет Вами предоставлена для этого полная возможность.

С коммунистическим приветом

Заведующий Сектором истории религии Института истории АН СССР.

Доктор исторических наук

Влад. Бонч-Бруевич

НИОР РГБ. Ф. 369 (В.Д. Бонч-Бруевич). К. 174. Д. 8. Л. 8–10.
Машинописная копия, подпись – автограф.

№ 2

В.Д. Бонч-Бруевич – В.М. Молотову

22 марта [1948 г.].

Зам. председателя Совета министров СССР В.М. Молотову

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Михайлович.

Ко мне поступило письмо, обращённое на Ваше имя.

Письмо это принадлежит Н.В. Ельциной³⁸, – научному работнику, кандидату наук, работающей очень усердно в Медицинской академии наук над проблемой рака. Её постигло величайшее несчастье: её муж, Александр Ильич Клибанов, профессор, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук по Сектору истории религии 28 февраля с.г. был задержан органами Министерства безопасности.

Я хорошо знаю этого А.И. Клибанова. Он действительно фанатик науки в буквальном смысле этого слова, с утра до ночи

³⁸ Ельцина Наталья Владимировна (1913–1989) – жена А.И. Клибанова, исследователь в области раковых заболеваний, сотрудник академика В.А. Энгельгардта, работала во Всесоюзном институте экспериментальной и клинической онкологии старшими научным сотрудником.

проводивший время в библиотеках над исследованиями рукописей XIV, XV, XVI и XVII вв. В этой области он за последние 2-3 года сделал очень много замечательных открытий, определив рукописи, письма наших предков, которых русское царское правительство, вместе с духовенством православной церкви инквизиционно преследовало и, как Вы знаете, беспощадно сжигало на Красной площади в Москве, в смоляных срубях. Все эти лица, принадлежавшие к так называемой Новгородской ереси (также их называли жидовствующими), – все они были чисто русские люди, гуманисты, учёные, поднимавшие целый ряд вопросов, которые были ужасны для представителей реакционно настроенной православной церкви и самодержавного правительства.

Вот здесь Александр Ильич Клибанов, благодаря великолепным его знаниям, открыл целый ряд новых рукописей, которые должны были печататься в сборниках. Но его работа так неожиданно была прервана этим трагическим случаем.

Ели Вы спросите у меня, как я понимаю этот случай, то я должен по совести Вам ответить, что это, несомненно, недоразумение, сопряжённое с обстоятельством, для меня совершенно ясным. – А.И. Клибанов переживал жилищную трагедию: будучи прописан у своей родственницы здесь, в Москве, он не мог там находиться или ночевать, так как комната очень маленькая, а эта его родственница, находящаяся уже в преклонных летах, к тому же тяжело больна специальными женскими болезнями, и его присутствие там стесняло и его родственницу, и его самого. Вот почему он часто должен был оставаться без крова в буквальном смысле слова. Я знаю несколько случаев, когда ему пришлось всю ночь ходить по Москве, или сидеть на лавочке бульвара. Нынешней осенью, когда он провёл там весьма холодную ночь, засидевшись в Рукописном отделении Ленинской библиотеки, почему он уже не мог никуда попроситься на ночлег к своим знакомым, – он ужасно простудился и так тяжело заболел, что его жизни угрожала прямая опасность. Совсем недавно, кажется, 25-го февраля, он точно такую же ночь провёл на ступеньках одного дома, где он рассчитывал найти себе ночной приют, но так как опять запоздал уйти из архива, то он решил звонить к знакомым, у которых были уже погашены огни, и бедняга опять должен был, после трудового научного дня, всю ночь просидеть на ступеньках. Несколько раз я ему давал приют у себя для ночлега, когда знал наверное, что ему некуда пойти приклонить голову. Я хлопотал о нём, чтобы ему дали площадь; об этом было им подано заявление в Управление делами Академии

наук, где ему было обещано дать первую комнату, как только она освободится в одном из домов Академии наук. Причём жена его хотела переехать в Москву (работа ей это позволяла). И она предложила Управделами Академии наук взять её комнату ленинградскую, которая Академии наук нужна для переселяющихся туда работников Академии, взамен той, которую дадут им в Москве. Это дело уже почти сложилось, и он вот-вот думал, что у него будет приют, где он может спокойно заниматься, как случилось это великое несчастье. О его несчастном положении с площадью известно также и Институту истории АН СССР, и Жилищному отделу Академии наук. Он подавал заявления в разные районы, прося себе комнату. Искал комнату, чтобы снять, но, к сожалению, комнаты сдаются за баснословно дорогие цены: с него требовали 500, 600 и даже 700 р. за очень маленькую площадь в месяц, причём он должен был иметь эту площадь, как в Москве говорят, «на птичьих правах», т. е. до тех пор, пока хозяин не скажет ему, что он больше сдавать не желает эту комнату, и он должен её покинуть, по условиям, в течение трёх дней. Платить такие баснословные деньги А.И. Клибанов никак не мог, так как того заработка, который он получал, хватало лишь на содержание его самого, помощь его жене и, главное, на содержание его двоюродной сестры, женщины преклонного возраста, которая, как он говорил, была ему вместо матери, ибо он остался сиротой, когда ему было 1 ½ года. Эта женщина его воспитала, дала ему образование, и он считал себя обязанным теперь, когда она не может себя содержать, – помогать ей.

Вот какие были обстоятельства этого крупного учёного, который сделал и может сделать очень много для нашей науки.

Беда его заключается в том, что ещё в [19]28 году, когда он только что окончил Университет, он был репрессирован, как человек имевший связь с проф[ессором] Маториным, который в чём-то обвинялся, а его связь, – как он мне это рассказывал, когда я его с пристрастием допрашивал о его прошлой жизни – заключалась только в том, что он занимался одним и тем же предметом по русской истории, как и проф[ессор] Маторин, и был с ним связан, насколько бывает связан аспирант со своим учителем – профессором.

Я полагаю, что наши органы, заметившие его такое непостоянство в месте жительства, а он действительно всё время странствовал, чтобы найти себе место, где преклонить голову и переночевать, – решили проверить его как личность, которая у них была на примете, что, конечно, по существу своему очень правильно, но вместе с тем, мне кажется совершенно необходимо учесть те дей-

ствительные обстоятельства суровой, трагической жизни этого учёного человека, не умеющего заботиться, как следует, о себе самом и всё время находящегося то в архивах, то в библиотеках, – и разрешить ему продолжать его весьма полезную работу, а может быть и помочь ему, через соответствующие органы, найти самую небольшую площадь, где бы он мог постоянно ночевать и работать.

Наблюдая его три года, я с совершенной твёрдостью заявляю, что по своим убеждениям он является действительно беспартийным большевиком-марксистом, прекрасно знающим теорию Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, прилагающим эту теорию для весьма полезных анализов в своих очень серьёзных исторических исследованиях, выступающий всегда на всех общих собраниях, как настоящий партиец и ведущий в себя и в личной, и в общественной жизни, как преданный советский гражданин – патриот.

Прошу Вас на судьбу этого молодого учёного особое внимание и, насколько возможно, облегчить его участь, а главное, – допустить его поскорей до рукописей, книг, архивных документов и материалов, чтобы он мог продолжать свои замечательные исследования по изучению рукописей XIV, XV, XVI и XVII вв.

Пожалуйста, извините меня за беспокойство, но совесть моя требовала Вам сказать всю чистую правду об этом человеке, с которым мне пришлось в жизни столкнуться на научной почве.

С глубоким к Вам уважением.

Доктор исторических наук

Влад. Бонч-Бруевич

НИОР РГБ. Ф. 369. К. 175. Д. 31. Л. 67–71. Машинописная копия, подпись – автограф.

№ 3

В.Д. Бонч-Бруевич – Л.П. Берия

Санаторий «Барвиха» Санупра Кремля. 15 июня 1953 г.

Министру внутренних дел СССР

Обращаюсь к Вам с этим письмом, касающимся не меня лично, а другого, несправедливая судьба которого крайне трагична.

Прошу извинить меня, что приходится писать более подробно, но так как здесь идёт дело о физической и моральной жизни или смерти человека, то нельзя ничего упустить.

Когда мне восемь лет тому назад было поручено партией и правительством, и Академией наук организовать Музей истории религии АН СССР с научно-исследовательской частью, а потом сектор истории религии при Институте истории АН СССР, я, принимая ранее набранные кадры, оставшиеся ещё от «Союза безбожников», нашёл нужным обновить их, пригласив новые молодые силы хорошей квалификации. Уже несколько лет до этих пор обращал моё особое внимание, ранее мне малоизвестный, молодой учёный Александр Ильич Клибанов, прекрасные работы которого появлялись в печати. Они почти всегда касались древней и средневековой русской истории, написанные по первоисточникам и, что для меня было особо важно, по древним рукописям, хранящихся в наших архивах, по рукописям им обнаруженным, причём всё это было действительно первоклассно представлено и совершенно ново для нашей науки. Крайне для меня было важно и то, что все эти исследования производились на высоком уровне знания, освещаясь глубоко марксистски.

Я решил привлечь А.И. Клибанова к новому ответственно-му делу исследования по установленной широкой программе, дав ему задания по разысканию и исследованиям над учениями и рукописями русских гуманистов XIV–XVI веков, ведших своё научное пропагандистское и исследовательское дело в глубокой тайне, жестоко преследуемых великокняжеской и царской властью того времени, а также высшим духовенством православной церкви, при помощи иезуитов и инквизиторов католической церкви. Большинство этих наших предшественников – русские гуманисты того отдалённого времени – были истреблены рукою палача на плахе или живыми сожжены в смоляных бочках и срубах, как на местах, так особенно в Москве на Красной площади. Их сочинения разрывались и уничтожались, и сжигались на кострах руками палачей, монахов и духовенства. Но всё-таки в тайне сохранились единичные экземпляры этих замечательных сочинений. Они были почти недоступны никому до Октябрьской революции и сохранились в неразобранных архивах Тайной канцелярии прошлых веков и в других недоступных архивах. Обнаружить их было также очень затруднительно ещё и потому, что подписи их во многих случаях были зашифрованы особой тайнописью, а также, не скрою от Вас и того, что многие современные учёные, выросшие в традициях старого дореволюционного времени, всячески отстраняли всех от этих разысканий, ибо вновь открытые рукописи разоблачали гнусную историю и деятельность духовенства православной церкви и его

ужасную подлую роль гасителя просвещения и всякого стремления народа русского освободиться от цепей давящего духовного гнёта и выйти на широкое поле действительной свободы творчества, знания, жизни и общественной деятельности.

Должны были прийти новые люди, просвещённые светом марксистской истины, окрылённые могучим творческим анализом современных классиков марксизма Ленина – Сталина, проникнутые пафосом Великой Октябрьской социалистической революции, приверженцы истинного патриотизма нашего социалистического отечества, партийные и беспартийные большевики, – чтобы поднять на высоту социалистического знания это великое дело исторического разыскания и исследования сочинений прогрессивных деятелей, русских гуманистов прошедших веков, несомненных наших предшественников в борьбе за настоящую свободу.

С трудом подбирал я человека к человеку для этой огромной работы, надеясь на этом достойном поприще, порученным мне партией, правительством и Академией наук закончить свою жизнь, наметив пути дальнейших исследований в этой области.

Одним из замечательных исследователей, приглашённых мной, был молодой (36 лет) профессор, кандидат исторических наук. Александр Ильич Клибанов, пламенный и убеждённый беспартийный большевик, прекрасно марксистски образованный, защищавший свою диссертацию в Институте истории Академии наук, работавший там ранее аспирантом под руководством известного историка, академика Б.Д. Грекова. Он был утверждён, по моему представлению, в должности старшего научного сотрудника сначала Музея, а потом Сектора истории религии Института [истории] Академии наук СССР. Он немедленно, по разработанному мною и Институтом плану, деятельно принялся за разыскание намеченных рукописей, за изучение и исследование их. Результаты его пламенной работы, продолжающейся буквально с раннего утра и до самой глубокой ночи, превзошли все ожидания.

Его огромные знания, его совершенно изумительная интуиция, проникновение в отдалённые века нашей истории, его совершенно необычайное трудолюбие и величайшая скромность, так всегда свойственная большим и особо одарённым людям, – дали блестящие результаты. Им открыты и расшифрованы, узнаны и доказаны десятки новых рукописей, извлечённых из-под пыли веков.

За неполные три года (1946–1948 гг.) им сделаны следующие научные исследования, вполне оформленные и подготовленные к печати. В 1945–1946 гг. проф. А.И. Клибанов работал над те-

мой «Лаодикийское послание Фёдора Курицына и его идеи» и над темой «Средневековые ереси русских городов».

Фёдор Курицын – это один из крупнейших писателей XV века, оставивший целый ряд очень важных рукописных сочинений. За своё свободомыслие был крайне преследуем и, в конце концов, сожжён рукой палача в смоляном срубе на Красной площади Москвы, по приговору духовных и светских властей.

Эта работа проф. А.И. Клибанова даёт много новых сведений об эпохе, а исследования его над рукописными сокровищами, до сих пор скрытыми от глаз исследователей, дали нам новые сведения о вновь открытых произведениях этого учёного средних веков.

В этой работе А.И. Клибанов впервые за всю нашу историю расшифровал глубокий смысл этого послания, явно революционный для своего времени, трактующий об утверждении «самовластного человека», т.е. освобождающегося от церковно-общественных форм жизни в борьбе за свободу человека, как такового. Работа написана на основе первоисточников и архивных документов и получила высокую оценку. Известный специалист по истории феодальной Руси, проф. Н. Сидоров³⁹ пишет о работе А.И. Клибанова, что он «первый до конца расшифровал «Лаодикийское послание», из которого исследователи, такие как Н.С. Тихонравов⁴⁰, Ф.И. Успенский⁴¹, В.С. Иконников⁴², брали лишь одну первую строчку, к тому же неправильно её освещая». «Работа А. И. Клибанова, – писал мне проф. Н. Сидоров, свидетельствует о том, что в лице А.И. Клибанова мы имеем исследователя, который с любовью к кропотливому и тонкому текстологическому анализу преимущественно рукописных памятников соединяет широту обобщающей мысли и строгость марксистско-ленинской методологии».

³⁹ Сидоров Николай Павлович (?–1948) – профессор, историк русской литературы. (См. о нем: *Клибанов А.И. Встречи и переписка с Н.П. Сидоровым // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1977. Вып. 38. С. 224–235.*)

⁴⁰ Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – литературовед, археограф, профессор Московского университета (с 1859 г.), академик Петербургской АН (с 1890 г.).

⁴¹ Успенский Федор Иванович (1845–1928) – историк, директор Русского археологического института в Константинополе (1894–1914) академик Петербургской АН (с 1900 г.).

⁴² Иконников Владимир Степанович (1841–1923) – историк, профессор киевского Университета св. Владимира (с 1870 г.), академик Петербургской АН (с 1914 г.).

Кроме этой огромной работы, в 1947 году проф. А.И. Клибанов посвятил себя работе над большим исследованием, которое он назвал: «Написание о грамоте» (из истории гуманистических идей в России в XVI веке). Это заглавие дано согласно заглавия одного из сочинений той эпохи. Эта рукопись, равная десяти с лишком печатным листам, – им была совершенно подготовлена к печати на основании вновь открытых источников. Она должна была быть напечатана в сборнике, который тогда выходил под моей редакцией в Академии наук СССР. Она даёт нам очень много новых данных о литературе, общественном движении и философии средних веков.

В конце 1947 и 1948 [г.]г. проф. А.И. Клибанов плодотворно работал, делал по плану Академии науке громадное исследование, которое им названо «Опыт национального русского перевода Библии в XV веке». Оно является первым исследованием этого памятника, игравшего громаднейшую общественно-политическую роль в средние века. Общественно-политический смысл этой работы заключается в том, что на основании сравнительного изучения всех рукописных библий (кроме юго-славянской XV в. и первой половины XVI в. (в пределах Моисеева Пятикнижия)) устанавливается и исследуется попытка, предпринятая реформаторскими кругами на Руси в XV в., дать новый перевод Пятикнижия, основывающегося не на греческом тексте 70 толковников, а на еврейском подлиннике и пользующийся не церковно-славянским, а живым великорусским языком. Это перевод, аналогичный по типу переводов Лютера, общин «чешских братьев» и т. д. Здесь же объясняется культурно-историческое значение этого перевода.

Я не буду писать Вам о других его поистине замечательных работах по нашему средневековью, лишь упомяну о последнем его большом открытии.

Среди писателей того времени сильнейшим образом преследовался талантливый публицист, некто Иван Чёрный, который прозывался знатью и верхушкой духовенства «Ивашкой Чёрным», ибо он был из простого звания. Он был большим и весьма демократическим писателем; его рукописи распространялись тайно. Это была своеобразная нелегальная литература того времени. Его арестовали, пытали, но ему всё-таки удалось бежать из тюрьмы в Ливонию. За что он был приговорён у смертной казни, а его рукописи к сожжению рукою палача. За хранение его рукописей полагалась смертная казнь.

Наши учёные предполагали, что из его работ ничего не сохранилось, и лишь за рубежом, может быть, можно было бы оты-

скать его эмигрантские писания, но этим никто не занимался. Проф. А.И. Клибанов, имея особое какое-то интуитивное чутьё, долгое время искал его рукописи и он, наконец, обнаружил одну рукопись, где тайнописью и шифром была дана подпись. Изучив её, он расшифровал всё это, и оказалось, что это полная подпись «Ивана Чёрного». Изучив его почерк, он открыл целый ряд его сочинений, хранившихся в различных архивах того времени.

Это его открытие произвело целую сенсацию в научном мире. Он усиленно разрабатывал этот вопрос и готовил своё исследование к опубликованию и вдруг неожиданно был арестован органами безопасности по приказу Абакумова⁴³. Это было в самом конце февраля 1948 г.

Следствие его быстро закончили, решительно все рукописи его вернули, – по моей просьбе, которую я послал на имя Абакумова, – ко мне в Академию наук, не найдя там ничего предосудительного, а он сам был переведён в Бутырки, где сидел среди уголовных, очень страдая морально и физически, к тому же будучи сильно больным: он болел грудью, благодаря незалеченному туберкулёзу.

Я стал допытываться, в чём же дело, так как наверно знал, что А.И. Клибанов не мог, по своим убеждениям, ничего сделать предосудительного.

Его двоюродной сестре, заменившей ему мать – он остался трёхлетним сиротой – дали свидание с её нареченным сыном в тюрьме. Он объяснил ей, что он решительно ни в чём не обвиняется, и что у него никакого дела нет, но так как он был репрессирован Ягодой⁴⁴ в 1936 г. когда путём насилия его заставили подписать бумагу, что он будто бы с кем-то был знаком из врагов народа, и от чего он сейчас, откровенно рассказав, что с ним проделали агенты фашистов, пробравшиеся при покровительстве Ягоды в НКВД того времени, – наотрез отказался, так как это была неправда, подписанная им почти под пыткой. Он был приговорён снова за одно и то же, по приказу Абакумова административным заседанием к 10 годам лагеря, как ему сказали «за старое», от которого он отказался, и за которое он уже претерпел мужест-

⁴³ Об участии В.С. Абакумова в борьбе с религией см.: *Курляндский И.А.* Виктор Абакумов против религии и церкви // *Церковь в истории России: сборник.* М., 2010. Вып. 9. С. 230–268.

⁴⁴ Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершенович) (1891–1938) – советский государственный деятель, генеральный комиссар ГБ, нарком внутренних дел (1934–1936), нарком связи (1936–1937).

венно пятилетнее заключение, вернувшись к свободной жизни в 1941 г., т.е. семь лет тому назад до его вторичного ничем не обоснованного ареста.

Что же делал за эти семь лет проф. А.И. Клибанов?

Вот выписка из его биографии, находившейся при его анкете, когда он принимался на работу в АН СССР.

А.И. Клибанов вернулся из конц[ентрационного] лагеря в 1941 г. перед самой войной и поселился в г. Луге. Через 2 месяца началась война, ж[елезно]д[орожное] сообщение Луга – Ленинград было быстро прервано. А.И. Клибанов пешком пробирался в Ленинград, чтобы не остаться в оккупированной немцами территории и эвакуируется в Сибирь.

Наркомпрос направляет А.И. Клибанова на преподавательскую работу в десятилетку Омской области, в которой он преподаёт историю с августа 1941 г. по август 1942 г.⁴⁵

В августе 1942 г. Наркомпрос направляет А.И. Клибанова в педагогический институт г. Красноярска, в котором он до 1945 г. включительно заведует кафедрой истории и читает курс истории СССР на историческом и литературном факультетах.

Лекции А.И. Клибанова, читаемые на высоком идейно-политическом уровне, яркие по изложению, богатые по содержанию, пользовались очень большой популярностью среди студенчества (см. характеристику Красноярского педагогического института).

Одновременно А.И. Клибанов читает курс истории СССР для слушателей краевой партшколы и также лекции по военной истории нашей родины.

Все три года в Красноярске А.И. Клибанов вёл большую общественную работу, помогая работе городского партийного комитета, им были прочитаны десятки лекций в различных аудиториях города для учителей школ Красноярска, для пропагандистского актива горкома и крайкома партии, в госпиталях, на предприятиях и т. д. о военном прошлом нашей родины (см. справку парткабинета горкома ВКП (б) и справку крайкома партии).

За этот период А.И. Клибановым проведена большая научно-исследовательская работа – им написаны оригинальные работы: «Боевой порядок у древних славян», «Славянские поселения в свете Маврикиева “Стратегикона”⁴⁶», «Педагогические идеи Яна

⁴⁵ А.И. Клибанов работал учителем средней школы в селе Ольгине Полтавского района Омской области.

⁴⁶ См.: *Жебелев С.А.* Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI–VII вв. // Исторический архив. М.; Л., 1939. Т. II. С. 33–37.

Гуса⁴⁷», «Речь Багратиона⁴⁸ перед вступлением в сражение». Им найдено 70 неопубликованных писем декабристов в местном архиве и написано большое исследование по вопросу [о] политической роли декабристов в ссылке и т. д.

В день победы над Германией – 9-го мая – Клибанов, по поручению краевого комитета партии, произносит яркую речь на собрании интеллигенции города Красноярска.

С осени 1945 г. Клибанов читает курс истории СССР в Калининском педагогическом институте.

С конца 1945 г. проф. А.И. Клибанов в Москве и начинает свою работу в Музее истории религии АН СССР, а с августа 1947 года в Секторе истории религии Института истории Академии наук, о которой я писал выше.

Таким образом, он совершенно, казалось бы, за эти семь лет установил своё алиби, посвятив всецело себя весьма серьёзной, полезной, нужной и важной исторической науке, крепко её связывая с современностью.

Просто не хочется верить, что за одно и то же в нашем правовом социалистическом государстве могли два раза взыскивать, причём за то, что явилось результатом того, что проделано с этим учёным шпионами различных государств с негодяем Ягодой во главе, этим истинным вредителем, сверхъестественным подлецом, настоящим исчадьем ада и губителем нашей родины.

Я прошу Вас обратить внимание на последнее письмо Клибанова ко мне за несколько недель до ареста, которое он написал мне по делу Сектора истории религии, который консервативные элементы Академии наук хотели похоронить и чему воспрепятствовали соответствующие отделы ЦК партии. Вот это письмо:

«Лично. Секретно.

Москва. 12/II – [19]48 г.

Дорогой Владимир Дмитриевич.

Если вопрос о ликвидации (переводе) сектора всё же встанет, то перед ЦК и другими партийными инстанциями следует обнажить всю суть вопроса. Я бы предложил следующую формулу: от нас избавляются не просто, как от сектора истории религии, но как от сектора боевой, наступательной воинствующей науки среди мирка прочих застоявшихся и рутинных беззубых секторов. Им

⁴⁷ Гус Ян (1371–1415) – национальный герой чешского народа.

⁴⁸ Багратион Петр Иванович (1765–1812) – князь, генерал от инфантерии.

противен наш дух. Они бояться нас потому, что бояться партийной науки. Они бояться умножить фактом нашего существования силы сектора истории Октябрьской революции, который они тоже с радостью перевели бы в Ленинград или в Ашхабад, или куда-нибудь дальше. В этом и только в этом вопрос. Их шокирует наша резкость, когда мы разоблачаем Ватикан, они предпочитают, чтобы мы замолчали русских гуманистов, лишь бы не был потревожен покой Московской патриархии, они хватаются за голову, когда слышат о борьбе большевиков за свободу совести и т. д.

Мы и сектор истории Октябрьской революции – вот те физические силы, на поддержку которых в первую очередь может рассчитывать призыв Жданова⁴⁹ о наступательном и партийном духе советской исторической науки. Именно потому с нами хотят расправиться, да ещё и потому, что не могут простить нам нашего антирелигиозного прошлого. Таково моё мнение о нашей принципиальной позиции перед ЦК. Думаю, что это позиция самая сильная в настоящий момент, когда совершается перестройка науки для наступления. Не знаю, согласитесь ли Вы со мной, но, во всяком случае, обо всём этом подумайте, что и требуется. А может быть Вы и сами давно уже пришли к этим выводам.

Привет сердечный
А.И. Клибанов».

Ведь так болеть за дело, порученное партией и правительством, может только или вполне сознательный партиец или беспартийный большевик.

Ведь так писать, искренне, честно, по-коммунистически, может только настоящий большевик, которым по своей сущности и является А.И. Клибанов.

Такие люди как он, нам очень нужны. Ведь он, несмотря на его жестокую, случайную и незаслуженную аварию в 1936 г., остался твёрд не только советски, но и партийно-настроенным, что свидетельствуют Вам партийные документы о нём, которые я прикладываю к этому моему докладу.

За что же, за что его так карать, когда он может принести нашему государству, и партии, и правительству огромную пользу.

Здесь несомненная ошибка, которая может быть теперь исправлена Вами.

⁴⁹ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – советский государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП (б) (с 1939 г.).

Вы знаете, вероятно, что через мои руки прошли сотни дел всяких людей, когда я председательствовал в 75-й комнате Смольного, где помещался Комитет по борьбе с пьяными погромами, контрреволюцией и саботажем, и, по совести моей, я был всегда беспощаден к тем, кто хоть чем-нибудь проявлял себя противником партии, правительства, государства.

В данном случае, не будучи ничем связанным с проф. А.И. Клибановым как только научной деятельностью, я твёрдо, убеждённо заявляю Вам и в лице Вашего директивным органам партии и правительства, и, положа руку на сердце, говорю Вам, что он, А.И. Клибанов ни в чём не виновен и его надо освободить и дать возможность продолжать работу в Москве в тех же архивах, где он так плодотворно работал. Арест, по приказу врага народа Абакумова, этого передового учёного уже сам по себе наводит на многие печальные размышления, весьма схожие с теми, которые были при известии о процессе врачей.

Если бы это потребовалось, я охотно готов взять его на мои поруки.

Прошу Вас пересмотреть это дело возможно скорей, ибо каждый день можно ждать его гибели, так как здоровье его очень хрупкое.

Прилагаю при нём список его других работ, которых, как Вы видите, достаточно много и все очень интересные.

Также прилагаю документы с места его работ во время войны.

Прошу Вас извинить меня за беспокойство, причинённое Вам этим моим большим письмом, но я счёл себя партийно-обязанным немедленно довести до Вашего сведения об этом чрезвычайном происшествии, которое и до сих пор не даёт мне покоя своей ужасной несправедливостью и совесть моя повелевает решительно всё откровенно рассказать Вам, в строгой справедливости которого я – да и все – совершенно уверены.

С коммунистическим приветом.

Председатель Комиссии
по изучению истории религии
и атеизма при Институте истории
АН СССР,

Доктор исторических наук

Влад. Бонч-Бруевич

Приложения:

1) Список работ А.И. Клибанова;

2) Письмо Красноярского краевого комитета ВКП (б) от 7 июня 1943 г. за № 61-70;

3) Отзыв Красноярского государственного педагогического института от 1/VI – [19]44 г. № 0-55;

4) Отзыв парткабинета Красноярского горкома ВКП (б) об А.И. Клибанове от 2/VI – [19]44 г.;

5) Характеристика выданная Красноярским государственным педагогическим институтом от 13/II – [19]43 г.;

6) Отзыв об А.И. Клибанове Государственного музея Красноярского края от 30 мая 1944 г. № 205;

7) Характеристика, выданная директором и секретарём первичной парторганизации Красноярского госуд[арственного] педагогического института.

НИОР РГБ. Ф. 369. К. 174. Д. 5. Л. 7–13об. Машинописная копия, подпись – автограф. На бланке В.Д. Бонч-Бруевича

Таня Галчева, М.В. Ковалев

**Переписка А.П. Мещерского
с А.В. Флоровским (1956–1967)***

Публикуется переписка выдающегося историка, профессора Императорского Новороссийского университета в Одессе и Карлова университета в Праге Антония Васильевича Флоровского (1884–1968) с князем Андреем Павловичем Мещерским (1915–1992). Она относится к тому периоду, когда история первой волны эмиграции, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е годы русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них сложилось ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому так важно казалось зафиксировать его и сохранить для будущего. Переписка рисует образы довольно разных людей, живших и работавших в разных условиях, но их интеллектуальные горизонты совпадали. В их письмах отражались образы друзей и коллег, образы ушедшей Зарубежной России и, вместе с тем, потерянной Родины.

Ключевые слова: А.В. Флоровский, А.П. Мещерский, П.М. Бичилли, Болгария, Чехословакия, русская эмиграция, историография.

Tanya Galcheva, M.V. Kovalev

**Correspondence of A.P. Meshchersky
with A.V. Florovsky (1956–1967)**

The correspondence of an outstanding historian, Professor of the Imperial Novorossiysky University in Odessa and Charles University in Prague Anthony Vasilyevich Florovsky (1884–1968) with Prince Andrey Pavlovich Meshchersky (1915–1992) is published. It refers to the period when the history of the first wave of emigration, in fact, ended. But it was in the 1950s and 1960s that Russian intellectuals abroad made numerous attempts to meta-comprehend their own history. They have a feeling that the past is gone, disappears without a trace. Therefore, it seemed so important to fix it and keep it for the future. Correspondence show the images of quite different people who lived and worked in different conditions, but their intellectual horizons coincided. Their

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-01-00236а).

letters reflected images of friends and colleagues, images of the gone Russia Abroad and, at the same time, the lost homeland.

Key words: A.V. Florovsky, A.P. Meshchersky, P.M. Bitsilli, Bulgaria, Czechoslovakia, Russian emigration, historiography.

Переписка выдающегося историка, профессора Императорского Новороссийского университета в Одессе и Карлова университета в Праге Антония Васильевича Флоровского (1884–1968) с не особенно известным библиографом из Софии Андреем Павловичем Мещерским (1915–1992) привлекла внимание исследователей еще двадцать лет тому назад, когда впервые вводилась в научный оборот та часть из архива А.В. Флоровского, которая оказалась в Москве¹. Затем она стала предметом специального научного анализа². Интерес к ней вполне обоснован: корреспондентов объединяла принадлежность к русской послереволюционной эмиграции, а их переписка возникла и строилась именно из-за желания сохранить память о людях, создававших в 1920–1930-х гг. русскую науку в изгнании. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что эпистолярные собеседники, которые, впрочем, никогда не были лично знакомыми и не встречались друг с другом, оставили заметный след в сохранении истории и культуры того общества, к которому они принадлежали.

Князь Андрей Павлович Мещерский – библиофил и профессиональный библиотекарь, зять выдающегося историка профессора П.М. Бицилли (1879–1953) – оставил заметный след в истории Зарубежной России, став одним из хранителей ее исторического наследия. После смерти своего знаменитого тестя именно А.П. Мещерский занялся упорядочением его архива и библиотеки. В процессе этой работы у него возник интерес к судьбам русских ученых в Болгарии. Заслугой А.П. Мещерским было сохранение многих личных документов преподавателей-эмигрантов в Софии. Благодаря его усилиям до нас дошли материалы профессора

¹ См.: Аксенова Е.П., Горяинов А.Н. Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 9–10.

² Галчева Т.Н., Ковалев М.В. «...Чтобы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему». Переписка А.П. Мещерского с А.В. Флоровским (1956–1967) // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 84–99.

С.С. Демосфенова, Ф.Г. Александрова, Кл.В. Флоровской и т. д. Все они находятся в личном архиве А.П. Мещерского, часть которого он подарил в 1991 г. Т.Н. Галчевой. Результатом многолетней работы А.П. Мещерского стало исследование «Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944» (1955). К сожалению, большая часть его осталась до сих пор неопубликованной и хранится в рукописном виде. В предисловии А.П. Мещерский отметил:

«Насколько мне известно, это первая попытка своего рода охватить путем сбора био-библиографических материалов, всю научно-педагогическую и общественно-политическую деятельность тех русских ученых, которые оказались к 1920 г. за рубежом России.

Мысль о том, что со временем, при равнодушии одних и при пристрастном потакании других, вероятно, исчезнет не только память, но и плоды всех трудов и знаний этих людей, заставила меня приступить к этому неблагодарному труду.

Сохранить память о русских ученых, работавших в Болгарии, сохранить путем сбора и библиографической обработки их научное наследство – вот моя непосредственная задача».

Научные поиски и скрупулезный сбор информации привели А.П. Мещерского к знакомству с Антонием Васильевичем Флоровским, который в то время был профессором Карлова университета. До революции он жил и работал в Одессе. В 1922 г. ученый был выслан из Советской России, оказался сначала в Болгарии, а затем перебрался в чехословацкую столицу, с которой будет связана вся его последующая жизнь. В 1920–1930-х гг. он принимал активное участие в жизни эмигрантских научных организаций и учебных заведений, и, кроме того, с 1933 г. читал лекции по русской истории в Карловом университете. В 1946 г. А.В. Флоровский принял советское гражданство, но остался при этом жить в Чехословакии. В послевоенный период ученый много сил отдал налаживанию контактов с советскими учеными³. Именно в 1950–

³ См.: *Ковалев М.В., Лантева Т.Н.* «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминым и Е.П. Подьяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87; *Ковалев М.В.* Неизданная рецензия А.В. Флоровского на книгу Л.В. Че-

1960-е гг. начинается, пусть и поначалу едва заметно, культурный диалог между русской эмиграцией и СССР. В Софию приезжают Д.С. Лихачев и Н.И. Толстой, где их встречает А.П. Мещерский. А.В. Флоровский же переписывается с крупнейшими советскими историками (С.С. Дмитриев, А.А. Зимин, В.И. Малышев, В.Т. Пашуто и др.), а в 1967 г. посещает Минск, Москву и Ленинград. Поэтому во много закономерно, что и эпистолярное общение А.В. Флоровского и А.П. Мещерского пришлось на годы «оттепели».

Их переписка дает возможность по-новому взглянуть на Западную Россию, ибо относится она к тому периоду, когда история первой волны эмиграции, по сути, закончилась. Но именно в 1950–1960-е годы русские интеллектуалы за границей делают многочисленные попытки метаосмысления собственной истории. У них сложилось ощущение, что прошлое уходит, исчезает без следа. Поэтому так важно казалось зафиксировать его и сохранить для будущего.

Опыт А.П. Мещерского по написанию истории русской академической эмиграции в Болгарии вписывается в этот контекст. Он по крупицам собирал информацию через знакомых ему людей. Знакомство же с А.В. Флоровским состоялось через его сестру Клавдию, которая долгое время жила в Болгарии. Обращение к пражскому историку было, конечно, не случайным. Сам он еще в довоенные годы пытался осмыслить феномен развития русской исторической науки за границей и собирал материалы по этой теме.

Переписка рисует нам образы довольно разных людей, живших и работавших в разных условиях. А.П. Мещерский был исключен из академической жизни и не имел должной методологической и источниковедческой подготовки. Но он осознавал важность взятой на себя ноши. Поэтому он обратился за помощью к А.В. Флоровскому, который в итоге с пониманием отнесся к просьбам софийского коллеги и стал посылать необходимую информа-

репнина // Мир историка: историографический сборник. Вып. 10. Омск, 2015 С. 463–468; *Он же*. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105; № 5. С. 84–97; № 6. С. 98–113; *Он же*. А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и Новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140.

цию. Таким образом, интеллектуальные горизонты А.В. Флоровского и А.П. Мещерского совпадали. В их письмах отражались образы друзей и коллег, образы ушедшей Зарубежной России и, вместе с тем, потерянной Родины.

Значение переписки А.В. Флоровского с А.П. Мещерским как источника биографических сведений о русских историках и филологах, работавших за рубежом, уже отмечалась исследователями. Однако тот факт, что одна большая часть рукописей библиографа была опубликована лишь недавно, причем частично, а другая – вообще остается неизвестной в научных кругах, сказался на судьбе этой корреспонденции: до сих пор не были предприняты усилия восстановить ее полностью. Вполне возможно, это произошло и из-за разбросанности источников: письма находятся в двух разных архивах А.В. Флоровского – в РАН и в Славянской библиотеке в Праге.

Помимо представлений о том, как устанавливались и развивались персональные связи между обоими корреспондентами, научная реконструкция переписки важна с точки зрения целостного восприятия того, как и когда в Болгарии возник интерес к русской послереволюционной эмиграции. Без особого переувеличения можно сказать, что хотя большинство рукописей А.П. Мещерского остались в стол, князь был одним из первых исследователей, кто понимал значимость эмигрантской темы, и кто стал прилагать все усилия, чтобы сохранить разные материалы, относящиеся к ней. Просмотр его архива сегодня показывает, что в нем с особой бережностью много лет собирались документы, книги и фотографии русских ученых-эмигрантов. Письма к А.В. Флоровскому свидетельствуют о том, как долго и терпеливо длилась эта работа, несмотря на ограниченные ресурсы, которые к этому времени имелись в Софии.

Реконструируемая переписка свидетельствует еще об одном существенном факте: из нее выясняется, что интерес к наследию П.М. Бицилли существовал и в Советском Союзе. Его работы были известны в кругах и историков, и филологов, а для краткого опубликованного изложения его биографии в 60-х гг., как мы предположим дальше, понадобились снова факты, собранные и описанные А.П. Мещерским.

Не исключено, что наши комментарии, как и сами письма, на сегодняшний день могут показаться относящимися исключительно к микроистории. Но объективное освещение процесса становления и развития истории русской эмиграции как предмета изучения заслуживает приложенных усилий.

При публикации мы старались сохранить все особенности авторского стиля в письмах князя А.П. Мещерского. Поэтому все болгаризмы и языковые неточности не устранялись – они тоже являются свидетельством о том, как оберегается и одновременно изменяется родное слово в чужой среде. Там, где нам не удалось полностью реконструировать смысл выражения из-за неразборчивости почерка А.В. Флоровского, мы отметили это специально.

Выражаем свою благодарность единственному наследнику А.П. Мещерского – Н.А. Галь – за разрешение полностью опубликовать письма ее отца.

Публикуемые оригиналы и черновики писем хранятся в фондах А.В. Флоровского в собрании Славянской библиотеки в Праге (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-Flor) и Архиве Российской академии наук (Ф. 1609). Они публикуются с сохранением всех стилистических особенностей (подчеркиваний, выделений и т. д.).

1.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 26 февр[аля] 1956

Глубокоуважаемый Антон Васильевич, я получил с очень большой благодарностью Вашу открытку⁴.

Как Вам писала (по моей просьбе) еще из Софии Клавдия Васильевна⁵, я уже несколько лет как собираю био-библиографи-

⁴ Можно предположить, что переписка между А.П. Мещерским и А.В. Флоровским началась именно с этой, несохранившейся открытки, отправленной из Праги в Софию. Перед этим, как выясняется из настоящего письма, была предпринята попытка наладить связь с А.В. Флоровским через его сестру К.В. Флоровскую, проживающую до августа 1955 г. в Софии. По всей вероятности, одно из писем А.В. Флоровского сестре, содержащее сведения о Н.С. Трубецком, затерялось.

⁵ Флоровская Клавдия Васильевна (1883-1965), сестра Г.В. и А.В. Флоровских. В 1909 г. окончила С.-Петербургские Высшие Женские (Бестужевские) кур-

ческий материал о русских ученых, чья научная и педагогическая работа была так или иначе связана с Болгарией.

Так мне удалось более или менее полно охватить научное наследство 4-х историков, пребывавших в Болгарии в период, который я сейчас охватываю: 1920/1944. Это: Grimm⁶, Кондаков⁷,

сы, после чего была оставлена при них для подготовки к профессуре. Ее научным руководителем был И.М. Гревс. В 1914 г. Кл. Васильевна вернулась в Одессу, где в 1917 г. сдала магистерский экзамен. Была первой женщиной приват-доцентом Императорского Новороссийского Университета. В 1920 г. вместе с родителями и младшим братом Г.В. Флоровским уехала из России и остановилась в Болгарии, где у ее отца были знакомые. В Софии Кл. Васильевна преподавала латинский язык в разных школах, после 1944 г. ее приглашали в несколько учебных заведений, в том числе и в Софийский университет, в качестве преподавателя русского языка. В 1955 г. Кл. Васильевна уехала из Болгарии на постоянное местожительство в СССР. Более подробно о ней см.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосабливаюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015.

⁶ Grimm Эрвин Давидович (1870–1940), историк, профессор, ректор Петербургского (Петроградского) университета в 1911–1918 гг. В 1920 г. занял кафедру новой и новейшей истории в Софийском университете. В 1922 г. был арестован болгарскими властями и выслан в Россию. Работал в Институте востоковедения АН СССР, Институте истории материальной культуры, Ленинградском институте истории, филологии и лингвистики. В 1937 г. подвергся репрессиям. Очерк о Гримме из «Заметок» является одним из трех опубликованных частей рукописи А.П. Мещерского. Нужно отметить, что это единственная публикация, которая снабжена подробным комментарием: *Мещерский А.П.* Из «Заметок и материалов к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии» / Вступ. ст. и примеч. А.Н. Горяинова // *Славянский альманах* 2005. М., 2006. С. 443–462. О Гримме см. также: *Беляева О.М.* Академическое сообщество в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* М., 2011. Вып. 34. С. 215–235.

⁷ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), византист, историк искусства, академик Петербургской академии наук. Преподавал в Новороссийском университете в Одессе, Санкт-Петербургском университете. С 1920 г. в эмиграции. Профессор Софийского университета и Карлова университета в Праге. Биографический очерк А.П. Мещерского о Кондакове доступен в качестве электронного ресурса по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/nikodim-pavlovich-kondakov> (дата обращения: 27.06.2014). См. также: *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. Ф.И. Буслаев и Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории. М., 1985; *Она же.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы (по материалам архивов). М., 2000; *Foletti I.* Da Bisanzio alla santa Russia: Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia, Roma, 2011.

Мякотин⁸, Бицилли⁹. Сейчас я заканчиваю группу филологов¹⁰. Вот почему я Вам так благодарен за сведения о Н.С. Трубецком¹¹.

⁸ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937), историк, общественный деятель. Один из основателей Партии народных социалистов. В 1922 г. выслан из Советской России. Жал в Берлине, Праге, Софии. Профессор Софийского университета. Часть из «Заметках», посвященная В.А. Мякотину доступна по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/v-a-miakotin> (дата обращения: 27.06.2014). См. также: *Цепилова В.И., Ковалев М.В.* «Пишу всякую всячину только для заработка»: письма А.А. Кизеветтера к В.А. Мякотину и К.Н. Гулькевичу. 1923–1932 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 87-98; *Гирич И.Б.* Венедикт Мякотин и украинская историография // *Історіографічні дослідження в Україні*. 2012. № 22. С. 541 – 564; *Галчева Т.Н., Голубович. И.В.* Письма П.М. Бицилли к Н.И. Астрову о В.А. Мякотине // *Славяноведение*. 2014. № 4. С. 48–56.

⁹ Бицилли Петр Михайлович (1879–1953), историк, культуролог, доцент Императорского Новороссийского университета, профессор филиала Белградского университета в Скопье и Софийского университета (с 1924 г.). А.П. Мещерский разрабатывал в двух вариантах единственно биографический очерк о П.М. Бицилли. Первый из них датирован июнем 1955 г. и классифицирован автором в качестве составной части «Заметках». Он доступен по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/p-m-bicilli> (дата обращения: 27.06.2014). Второй вариант, более расширенный, не датирован, но согласно указанию, о том, что в нем используются выдержки из писем П.М. Бицилли Кл.В. Флоровской, переданные при отъезде последней в «августе этого года», можно допустить, что он является более поздним и возник не ранее августа 1955 г. Именно этот вариант опубликован в качестве приложения в сборнике: *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии / сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М., 2000. Неосуществленным, по всей вероятности, остался первоначальный замысел А.П. Мещерского добавить к историкам, перечисленные в письме к А.В. Флоровскому, еще П.Н. Милокова и М.П. Драгоманова. Об этом своем намерении библиограф заявил в 1954 г., в авторском экземпляре «Био-библиографии П.М. Бицилли», который можно увидеть по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/bio-bibliografiia-profpmbicilli-chast-pervaia> (дата обращения: 27.06.2014); <http://www.savedarchives.net/ru/article/bio-bibliografiia-profpmbicilli-chast-vtoraia> (дата обращения: 27.06.2014).

¹⁰ К этому времени в «Заметки» входили биографические очерки о следующих филологах: К.В. Мочульский, И.П. Созонович, И.А. Бунин, В.А. Погорелов, С.Г. Вилинский, Н.А. Котляревский, И.П. Нилов, Ф.Г. Александров, М.Г. Попруженко, Н.М. Дылевский, Н.С. Трубецкой. К этой группе была причислена часть о Кл.В. Флоровской, поскольку А.П. Мещерский считал, что большая часть ее профессиональной жизни прошла скорее в качестве преподавателя-филолога, чем историка.

¹¹ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938), лингвист, философ, общественный деятель. В эмиграции с 1920 г. Один из основоположников евразийства. В 1923–1938 гг. жил в Вене. Преподавал в Венском университете. Очерк о Трубец-

К сожалению, те сведения, о которых Вы пишете[,] что послали через Кл[авдию] Вас[ильевну] я не получил: вероятно это письмо уже не застало Вашу сестру в Софии¹².

Но так или иначе, я был-бы Вам очень признателен если Вы нашли-бы возможным ответить мне на следующие вопросы:

1. – жива-ли В.П. Трубецкая¹³ и каков ее адрес;
2. – какова судьба проф[ессора] С.Г. Вилинского¹⁴. Из Болгарии он переехал в Братиславу. Приезжал в Софию на V-ый

ком стал единственной прижизненной публикацией из «Заметках»: *Меццерский А.П.* Опыт за библиография на професор Н.С. Трубецкой / Превод на български език и публикация Т. Галчева // Литературна мисъл. София, 1991. № 4. С. 138–151. Оригинал рукописи находится по адресу: <http://www.savedarchives.net/ru/article/kn-n-s-trubeckoi-s-20-sentiabria-1920-do-1-oktiabria-1922> (дата обращения: 27.06.2014). См. также: *Серуо П.* Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М., 2001; *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003.

¹² См. сноску № 6.

¹³ Вера Петровна Трубецкая (1892–1968), жена профессора-лингвиста Н.С. Трубецкого.

¹⁴ Вилинский Сергей Григорьевич (1876–1950), историк литературы. До революции преподавал в Новороссийском университете в Одессе, в 1915–1917 гг. – проректор. В 1920 г. эмигрировал, отчаянно пытался устроиться на подходящей работе в Болгарии. В архиве болгарского ученого В.Н. Златарского (Научен архив на БАН. Ф. 9. А.е. 1601; А.е. 2758) сохранились его письма 20-го года, в которых подробно описываются бегство из Одессы и тяжелые первые месяцы в чужой стране. Преподавал в средних школах Пловдива, Плевны и Софии. В 1920 г., по поручению историко-филологического факультета Софийского университета, началась процедура по назначению ученого в составе преподавателей. В личном архиве А.П. Меццерского сохранился подписанный профессором М.Г. Попруженко документ от 31 мая 1920 г., в котором описывается научная деятельность С.Г. Вилинского: к этому времени он был автором около 50 работ: «Я скажу лишь, что С.Г. Вилинский своими работами давно снискал себе в России положение одного из крупных работников в области истории русской литературы. Прекрасно излагая свой предмет, ясно и доступно, он считается выдающимся лектором и умелым руководителем практическими занятиями студентов. Говорить это я могу с полным правом, потому что вся учено-педагогическая деятельность С.Г. Вилинского прошла на моих глазах. С 1914 г. С.Г. Вилинский, которому ныне 44 года от роду, – состоит ординарным профессором по кафедре истории русской литературы в Новороссийском университете». С.Г. Вилинский принимал активное участие в научной и общественной жизни русской эмиграции. В середине 1920-х гг. читал лекции в Русском педагогическом институте имени Я.А. Коменского в Праге. С 1923 по 1949 г. был профессором в Масариковом университете в Брно. Специализировался на исследовании старорусской церковной ли-

съезд русских ученых¹⁵. Выступал с 2-мя докладами¹⁶. Научное его наследство, кажется, очень не велико.

Но с 1923/1924 у него были все условия для научной работы. Так вот:

а) – жив ли он? Если умер – дата смерти. б) – Писал ли он, издавал-ли что в Чехословакии. в) – Если жив он – может быть с ним можно связаться?

3. – В Софии работал с 1920/1923 проф[ессор] Валерий Погорелов¹⁷. Служил он в Госуд[арственной] Библиотеке, издал уникальный и по сей день труд – опись болг[арских] инкунабул¹⁸.

тературы, а также русской и болгарской литератур XIX в. См.: *Mandát J. Vzpomínka na S.G. Vilinského // Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Řada literárněvědná. Brno, 1986. Díl. 33. S. 125–126; Pospíšil I. Zakladatel literárněvědné rusistiky na Masarykově univerzitě // Universitas. Brno, 2000. № 1. S. 36–38.*

¹⁵ Имеется в виду V съезд Союза русских академических организаций за границей, прошедший в Софии с 14 по 21 сентября 1930 г. и ставший последним общеэмигрантским научным форумом. См.: *Ковалев М.В.* «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // *Россия XXI*. 2013. № 5. С. 101–107.

¹⁶ *Вилинский С.Г.* Петко Тодоров, как народный поэт; его же: К вопросу о преемстве художественного творчества (из наблюдений над русской литературой нового времени) // *Труды V-го съезда русских академических организаций за границей. Часть I. София: Издание Русских академических организаций в Софии. 1932. С. 245–258.*

¹⁷ Погорелов Валерий Александрович (1872-1955), филолог, историк языка и литературы. До революции преподавал в Варшаве и Ростове-на-Дону. В 1919 г. эмигрировал. В 1920–1923 гг. был преподавателем в Первой мужской гимназии в Софии, в это же время был откомандирован в Народную библиотеку Болгарии, где занимался упорядочиванием болгарских старопечатных книг. 9 апреля 1923 г. принял предложение Чехословацкого Министерства народного просвещения и переехал в Братиславу, где занял должность экстраординарного профессора, преподавателя русского, сербохорватского и болгарского языков на философском факультете Университета им. Коменского. В 1940–1944 г. – ординарный профессор. С 1945 г. жил в Мюнхене, где и умер. Живя в Чехословакии, специализировался, в основном, по староболгарской и карпаторусской тематике.

¹⁸ Инкунабула (лат. *incunabula* – «колыбель»), всякая книга, напечатанная на начальном этапе книгопечатания. А.П. Мещерский имеет ввиду следующее издание: Погорелов, В. Опис на старите български печатни книги (1802–1877). София: Народна библиотека. 1923. 796 с. Мнение Мещерского о значимости этой работы разделяли и другие профессионалы. В 1948 г. в лондонском журнале отмечено, что составленная Погореловым опись, насчитывающая 1646 заглавий, является лучшим аннотированным изданием, благодаря точности (проверке *de visu*) ее автора.

Написал две статьи¹⁹. Я даже не знаю (в Софии не осталось никаких следов о нем²⁰) его отчества. Он был профессором Донского У[ниверсите]та (очевидно в Ростове н[а]Д[ону])²¹.

Мне необходимо собрать о нем хотя-бы минимум биографич[еских] данных.

О его научном наследстве в Болгарии абсолютно ничего неизвестно.

С 1923 – и он преподавал в Братиславе. И вот я принужден задать Вам те же вопросы: жив-ли он? Есть-ли возможность добраться мне до его научных трудов.

Как мне быть? Что посоветуете Вы мне в этом случае. Я понимаю сам насколько беспомощно звучит этот мой вопрос, но из Софии до чего нибудь добраться (в смысле библиографическом) – иногда просто невозможно.

В свою очередь, я буду очень рад, если смогу быть Вам полезным в области библиографич[еских] справок в местных библиотеках.

Готовый к услугам,
Ваш А. Мещерский.

Письмо, рукопись.

Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Ед. хр. 311. Л. 1–2об.

¹⁹ Трудно предположить, какие именно статьи В.А. Погорелова имел в виду А.П. Мещерский: публикации ученого во время его пребывания в Софии или вообще изданные в Болгарии работы филолога. Можем указать на следующие данные: *Погорелов В.А.* Народные источники рассказа «Живые мощи» Тургенева // Памяти проф. А.К. Медведева. Русско-болгарский сборник. София. 1922; *Погорелов В.А.* Даниловият четиризичник // Сборник на Българската академия на науките. Клон Историко-филологичен и философско-обществен. София, 1925. Кн. XVII. № 11; *Погорелов В.А.* Употребление граматического члена в говор Киевской Руси домонгольского периода // Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината от рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 169–179.

²⁰ В Болгарском историческом архиве к Национальной библиотеке им. Св. Кирилла и Мефодия под номером 418 обособлен фонд В.А. Погорелова. В нем, однако, хранятся только два документа 1923 г.

²¹ В.А. Погорелов занимал должность профессора Донского университета с 1915 г. по 1920 г. В это время опубликовал следующую работу: *Погорелов В.А.* Разбор памятников сербской письменности по хрестоматии С.М. Кульбакина: практические занятия, вед. проф. Погореловым с словесниками 2 курса Имп. Варшавского ун-та в 1915/16 гг. Ростов-на-Дону, 1916.

2.

А.В. Флоровский – А.П. Мещерскому

21.III.56

Многоуважаемый Андрей Павлович,
с удовольствием исполняю Вашу недавнюю просьбу и общаю те сведения, какие имею под рукою относительно работ интересующих Вас ученых, когда-то работавших в Софии.

Что касается Сергея Григорьевича Вилинского, то он действительно не был слишком активным и продуктивным. Я его знал еще с 1905 г., я был студентом в Одессе, он тогда начинал свою академическую деятельность и как раз в 1906 г. защищал свою магистерскую диссертацию о старце Артемии XVI века²². Затем он написал большую книгу, мало удачную, о Житии Св. Василия Нового в славянских литературах, кажется в 1911 г., это была его докторская диссертация²³. В 1920 г. он уехал в Болгарию, где оставался до 1923 года, когда получил кафедру договорного профессора в Университете в Брно на Мораве. Здесь он оставался до своей смерти, умер он 15 января 1950 г. в Праге, где живет его сын, тоже писатель²⁴. За время брненского пребывания С.Г. Вилинский написал лишь одну более или менее крупную работу – книгу о Салтыкове-Щедрине – по-чешски²⁵. А затем он много лет посвятил на изучение одного болгарского писателя Петко Тодорова и кажется успел о нем что-то напечатать²⁶, но я точно этого еще не знаю. Думаю, что в софийских библиотеках должна бы быть эта его работа по болгарской литературе²⁷. Список его работ за первые годы эмигра-

²² *Вилинский С.Г.* Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1906.

²³ *Вилинский С.Г.* Житие Святого Василия Нового в русской литературе: в 2 ч. Одесса, 1911–1913. Автор изучил различные греческие и славянские редакции жития, известного подробным описанием частного суда при мытарствах. Во второй части своей работы им были опубликованы изучаемые тексты.

²⁴ Вилинский Валерий Сергеевич (1903–1955), историк и публицист. В Чехословакии с 1923 г. Служил в различных государственных ведомствах. Выступал за сближение православной и католической церквей. В годы Второй мировой войны был информатором Гестапо, а после нее – Штати. См. о нем: *Hultsch A.* Ein Russe in der Tschechoslowakei: Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955). Köln, 2010.

²⁵ *Vilinskij S.* O literární činnosti M. Jev. Saltykova-Ščedrina. Brno, 1928.

²⁶ *Vilinskij S.* Petko Jur. Todorov: život a dílo. Brno, 1931.

²⁷ В Университетской библиотеке им. Св. Климента Охридского в Софии хранятся указанные в предыдущих сносках книги С.Г. Вилинского.

ции – до 1930 года имеется в белградских материалах о деятельности русских ученых за рубежом²⁸, это издание наверное есть у Вас в Софии. К сожалению, второй том этого издания, отпечатанный в Белграде перед самой последней войной²⁹, погиб при погроме Белграде, и его экземпляры – большая редкость, в Праге его нет.

Материал о литературной деятельности Валерия Александровича Погорелова за первые годы эмиграции имеется также в этой белградской книге. В.А. Погорелов начал свою деятельность в Москве в Синодальной типографии, где участвовал в описании рукописных и книжных собраний этого учреждения³⁰, а затем защитил маг[истерскую] диссертацию за книгу о Чудовской псалтыри или что-то подобное³¹. Из Болгарии он переехал в Братиславу, где пробыл до 1945 года, когда уехал в Австрию или в Баварию, дальнейшая судьба его мне неизвестна, но кажется он где-то на Западе и умер – он был бы теперь далеко за 80 лет. Погорелов писал довольно много, последнее время – главным образом по истории славянских переводов Священного писания в Кирилло-Методиевскую эпоху. Список его работ по этим вопросам имеется в вышедших в Софии книгах: Ильинский, Опыт систематической Кирилло-Методиевской библиографии, София, 1934³², см. по указателю и Попруженко – Романски, Кириллометодиевска библиография за 1934 – 1940 год, София, 1942³³, тоже по указателю. Работы Погорелова по истории переводов Св[ященного] писания

²⁸ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930). Выпуск I. Белград, 1931.

²⁹ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940). Выпуск II. Белград, 1941.

³⁰ В 1903 г. за описание рукописного собрания Московской Типографской библиотеки В.А. Погорелов получил почетный отзыв Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук: *Погорелов В.А.* Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 2: Сборники и Лексиконы. М., 1899; Вып. 3. Псалтыри [Московской синодальной типографии]. М., 1901; Вып. 4. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1727 гг. М., 1903. Больше о награждении Погорелова см.: *Басаргина Е.Ю.* Ломоносовская премия – первая государственная премия России (1865–1918). Справочник-путеводитель. Санкт-Петербург, 2012. С. 88–89.

³¹ *Погорелов В.А.* Чудовская псалтырь XI в. Отрывок толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе. С приложением двух фототипических снимков // Памятники старославянского языка. СПб., 1910. Т. III. Вып. 1.

³² *Ильинский Г.А.* Опыт систематической кирилло-методиевской библиографии. София, 1934. 302 с.

³³ *Попруженко М., Романски С.* Кириллометодиевска библиография за 1934–1940 год. София, 1942.

были представлены и защищены, как его докторская диссертация в Праге в 1929³⁴, кажется, году – я был председателем комиссии по защите, но точно у меня записей и дат нету.

Печатал ли Погорелов что-либо позже – не знаю, вот последняя по времени справка, которую нашел: *Studi byzantini e neoellenici*, vol. V = *Atti del V Congresso di studi bizantini* (Roma, 1936), напечатана статья Погорелова: *Importance de la forme des mots grecs dans la traduction Cyrillo-Méthodienne*, Roma, 1939, 534-540³⁵.

Это как бы синтез всех его частных исследований по этому вопросу. Писал ли он что-либо в Чехословакии в 1945 и сл[едующих] гг. не знаю.

Насколько знаю, вдова Н.С. Трубецкого³⁶ живет и сейчас в Вене. Адрес попытаюсь узнать и сообщу Вам дополнительно.

*Черновик письма, машинопись с рукописными вставками.
Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Ед. хр. 58. Л. 1–1об.*

3.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 13 января 1957

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,
очень я виноват перед Вами за долгое молчание. Одно скажу в свое оправдание: сильно я болел (почки). И теперь еще далеко не здоров, но внутренне чувствую, что и на этот раз – выскочил. Я прошу Вас простить меня: впредь буду всегда аккуратен в ответах.

Статьи, которая интересуется Вас, у меня нет. И до скорого времени я не знал о ней ничего.

Примерно месяца два-три назад, проф[ессор] Иван Дуйчев³⁷ указал мне, что в «Визант[ийском] Временнике» (IX, 1956, с. 171,

³⁴ Имеется в виду работа В.А. Погорелова «Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы» (Братислава, 1925–1927. В 2 ч.), защищенная в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора славянской филологии на заседании Русской академической группы в Чехословакии в 1929 г.

³⁵ *Pogorelov V. Importance de la forme des mots grecs dans la traduction Cyrillo-Méthodienne // Atti del V Congresso Internazionale di Studi bizantini. Studi byzantini e neoellenici*, Roma, 1939. Vol. V. P. 534–540.

³⁶ См. сноску № 12.

³⁷ Дуйчев Иван (1907–1986), выдающийся болгарский историк, византист, академик Болгарской академии наук. Был студентом П.М. Бицилли, особенно во

цит. 6) в статье моего однофамильца³⁸ (Н[икиты] А[лександровича] Мещерского³⁹) есть упоминание на статью П.М. Бицилли⁴⁰, которой у меня нет в «Библиографии»⁴¹.

Бицилли, П.М. Новгородское сказание о IV крестовом походе. – Историч[еские] Известия. Москва, 1916, кн. 3-4, с. 55.

Но, просмотрев статью Мещерского, я понял, что сам-то он этой интересной статье под рукой не имеет, а цитирует по двум известным книгам А.А. Васильева (М., 1923 и Paris, 1932)⁴².

время его специализации в Италии профессор оказывал ему всестороннюю помощь. См.: *Галчева Т., Петкова Г.* Писма на проф. П.М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». София, 2011. Т. 97(16). С. 337–353. Ив. Дуйчев всегда поддерживал тесные связи с русскими учеными.

³⁸ Имеется в виду статья: *Мещерский Н.А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // Византийский временник. 1956. Т. 9 (54). С. 170–185.

³⁹ Мещерский Никита Александрович (1906–1987), советский филолог, исследователь древнеславянской письменности и древнерусской литературы. Профессор Ленинградского государственного университета. См.: *Бегунов Ю.К.* Никита Александрович Мещерский: (К 60-летию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. 1966. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 1. № 2. С. 159–162.

⁴⁰ Н.А. Мещерский, действительно, указал на публикацию в «Исторических известиях» статьи о древнерусской повести. Но при этом он подчеркнул, что работа осталась ему недоступной. По этой причине он не привел ни точного названия статьи, ни даже имени ее автора! Таким образом, фамилия П.М. Бицилли в исследовании Н.А. Мещерского не упоминалась.

⁴¹ А.П. Мещерский имеет в виду составленную им «Библиографию трудов проф. П.М. Бицилли», один экземпляр которой он подарил в 1954 г. проф. Ив. Дуйчеву. На нее тот же день, 4 января, историк откликнулся в письме автору: «...А Вы, сегодня, сделали для Него все, что только было возможно. Это подлинный и, действительно, нерукотворный памятник Его жизненному делу. Он ушел от нас неуясненным и непонятым и, потеряв Его, мы сможем оценить Его по достоинству. И основой этому станет именно эта библиография, подготовленная Вами с такой любовью и заботой. А для меня, сегодня, она является самым дорогим подарком. Потому что Вы свершили то, что должны – обязаны – были сделать мы, Его ученики и духовные чада. Целую Вас по-братски за это дело! [...] П.П. Сделаю все от меня зависящее, чтобы дополнить некоторые библиографические мгновения. Но об этом поговорим попозже». Цит. по: *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «собрать все, что возможно, воедино» (неизвестное об А.П. Мещерском) // Свидетельство: традиции, формы, имена / сост. К.Б. Сигов. Киев, 2013. С. 596.

⁴² Вероятно, речь идет о первых двух частях «Истории Византии», вышедших в Петрограде в 1923 г. (*Васильев А.А.* История Византии. Ч.1: Византия и Крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Ч. 2: Латин-

Конечно, я бросился по библиотекам. Но я упустил из вида, что 1916 год – год войны между Россией и Болгарией.

Вообще, в местных библиотеках этот период 1915–1918 так и остался незаполненным.

«Историч[еские] изв[естия]» за эти годы найти в Болгарии нельзя. Вот почему я немедленно предпринял через нашу Госуд[арственную] Библиотеку в Софии шаги, чтобы мне выслали из Москвы микрофильм с статьей Петра Михайловича.

Как только я получу микрофильм, (а его я жду к концу февр[аля] 1957) я отпечатаю фото-снимок и отправлю его Вам.

Н.М. Дылевский⁴³ вполне благополучен: он – профессор и зав[едующий] кафедрой русского яз[ыка] на ист[орико]-филол[огическом] ф[акультете] Соф[ийского] У[ниверситета].

С 1943 г. он напечатал несколько незначительных статей, кот[орые] не имеют особого значения. Из более крупных вещей, упоминаю:

1. «Ратаев кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того по-трепати» в «Слово о полку Игореве». – Годишник [на] Соф[ийския] у[ниверситет]. Ист[орико]-филол[огически] ф[акультет]. Т. XI, кн. 2. 1945/1946, с. 1-19.

2. Рыльский монастырь и Россия в XVI–XVII вв. София, 1946. 8°.

3. «Бусым» или «босым волком» в «Слово о полку Игореве» – Известия на Камарата на народната култура. София. Серия: хуманитарни науки. № 5. Т. IV, 1947, с. 1-25.

ское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261). Пг., 1923), и их французском переводе (*Vassiliev A. Histoire de l'Empire Byzantin. Vol. 1–2. Paris, 1932*).

⁴³ Дылевский Николай Михайлович (1904–2001), филолог-славист. В эмиграции с 1921 г. Профессор Софийского университета. См.: *Филкова П., Градинарова А. Профессор Николай Михайлович Дылевский // Acta Linguistica. Sofia, 2008. Vol. 2. № 1. P. 97–104. В 1955 г. А.П. Мещерский включил в «Заметки» библиографический очерк о Н.М. Дылевском. Судьба его рукописи «в стол» не помешала библиографу до конца жизни собирать материалы для своего исследования. В личном архиве Андрея Павловича сохранилось письмо с почтовым штемпелем от 12 марта 1991 г., из которого видно, что Н.М. Дылевский выслал Мещерскому «Библиографию научных публикации» за время от 1955 до 1991 гг. Эту свою библиографию профессор оформил в нескольких разделах: I. Неозаглавленный; II. Русская и славянская лексикология; III. Русская акцентология; IV. Статьи с различной тематикой; V. Болгарская иконография; VI. Рецензии; VII. Отзывы о публикациях Н. М. Дылевского; VIII. Учебники и учебные пособия.*

4. «Стязи глаголють» в «Слово о полку Игореве». Сборник статей по славяноведению, посвященных 50-летию науч[ой] деятельности акад[емика] Н[иколая] С[евастьяновича] Державина. М.-Л., 1948.

5. Предаване на падежните отношения в руски език и трудности при изучаването им. – журн[ал] Език и литература. София, IV, 1949, кн. 3, 4 и 5.

6. Бележки върху «Слово о полку Игореве». – Известия на И[нститу]та за бълг[арски] ез[ик] при Бълг[арската] акад[емия на] науки[те]. София, III, 1955. кн. 3, с. 97-112.

7. «О некоторых особенностях словарного состава современного болг[арского] яз[ыка] (сравнит[ельно] с русским)». – Юбилеен сборник в чест на акад[емик] А[лександр] Тедоров-Балан. София, БАН, 1955.

К этому списку необходимо добавить и 10 изданий (самостоятельных и в соавторстве) (из кот[орых] 4 переизд[ания]) посвященных русской грамматике. Эти изд[ания] – учебники и разговорники русского яз[ыка], ровно как и хрестоматии по отдельности не упоминаю.

Затем, только что вышла в свет книга «Слово о полку Игореве» на болг[арском] яз[ыке]. Изд[ательство] БАН. Перевод акад[емика] Людмила Стоянова⁴⁴. В этом изд[ании] Н.М. Дылевский имеет 2 печ. листа комментариев к болг[арскому] переводу.

Знаю, что сейчас Н.М. Дыл[евский] готовит к печати свою докторскую диссертацию. (Приблизительное загл[авие]: о значении префиксальных глаголов в современном русском языке)⁴⁵.

Я буду Вам особенно благодарен, если Вы мне укажете где, в каком точно франц[узском] журнале появилась статья В.А. Погорелова⁴⁶. Обнаружить ее в Софии пока что я не сумел.

⁴⁴ Стоянов Людмил (1886–1973), болгарский писатель, переводчик, общественный деятель, академик Болгарской академии наук. См.: *Злыднев В.И.* Людмил Стоянов // Очерки болгарской литературы XIX–XX веков. М., 1959. С. 364–465.

⁴⁵ В своем био-библиографическом очерке о проф. Н.М. Дилевском из «Заметки» А.П. Мещерский отмечает под № 31 следующую работу: *Дылевский Н.М.* О значении префиксальных глаголов в современном русском языке. Докторская диссертация.

⁴⁶ Нельзя утверждать какую статью В.А. Погорелова имел в виду А.В. Флоровский. Нам удалось найти лишь небольшую заметку, опубликованную во французском журнале: *Pogorelov V.* Une injure russe d'origine hongroise: обормот // *Revue des études slaves.* Paris, 1953. Т. XXX. Fasc. 1–4. P. 102–103.

Кроме того, не могли-бы Вы указать мне, существует-ли где либо библиография трудов проф[ессора] Драгоманова⁴⁷, как и источники для его биографии.

На днях получил письмо от Клавдии Васильевны. Она чувствует себя много лучше и пишет, что планирует 2 путешествия: в Одессу и в Ленинград. Мне кажется, это значит, что она уже поправилась. Не правда-ли? Искренно уважающий Вас:

А. Мещерский.

Письмо, рукопись.

Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (Далее – SK. T-Flor). Krab. 7. Inv. č. 175. № 1.

4.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

ČSR

Н[ародная] Р[еспублика] Чехословакия

Praha, XIX

17, tř[ída] Jugosláv[ských] partyzánů, 17

Prof[essor] D[okto]r A. Florovsky

София

ул. Славянска № 32

А[ндрей] П[авлович] Мещерский⁴⁸

София, 25. VII. 1957⁴⁹

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,

Только на этих днях мне прислали из Москвы копию-негатив интересующей Вас статьи П.М. Бицилли «Новгородское сказание

⁴⁷ Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), украинский историк, общественный и политический деятель, один из основателей украинского социализма.

⁴⁸ Внизу, на лицевой странице открытки, под именем А.П. Мещерского карандашом добавлено: «Mariánské Lázně dům [нрзб.]». Упомянутое имя чехословацкого курорта (более известного как Мариенбад) может быть отмечено с учетом того, что во время получения открытки, ее адресат не был найден на указанном месте. Возможно, что почтовый служитель отметил информацию о местонахождении получателя, которую стала известна дополнительно. Если это предположение обосновано, можно допустить и что вставленная на обороте открытки рукой А.В. Флоровского дата 3.VIII. относится к моменту действительного получения известия А.П. Мещерского.

⁴⁹ На оборотной стороне в левом верхнем углу содержится карандашная пометка, сделанная рукой А. В. Флоровского: «3.VIII – [нрзб.] привет всем». На лицевой стороне – штампель получения в Праге от 30.VII.1957 г.

о IV-ом крестовом походе» (оттиск из «Историч[еских] изв[естий]», Москва, 1916, № 3-4). Статья эта охватывает 7 стр[аниц] т[ома] 4.

Если Вы еще не имеете этой интересной статьи (и хотите ее иметь) – я вышлю Вам копию (переписанную на пиш[ущей] машинке).

Очень прошу Вас уведомить меня хотите Вы ее получить или нет.

Недавно имел открытку от Кл[авдии] Вас[ильевны] (из Ленинграда).

Правда всего лишь несколько строк, но бодрых, радостных. Желаю Вам всего самого лучшего. Искренно уважающий Вас
А. Мещерский

*Почтовая карточка, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 2.*

5.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 22 сент[ября] 1957

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,

Я был очень рад получить от Вас вести. Статью П.М. Бицилли, переписанную (безграмотно переписанную, – простите за все ошибки!) на пишущей машинке вкладываю в конверт.

Ваше обещание выслать мне кое-какие материалы о Н.С. Трубецком и М.П. Драгоманове меня очень обрадовали.

Разрешите мне напомнить, что Вы обещали мне (в одном из предыдущих писем) прислать адрес В.П. Трубецкой.

На днях ко мне заходил Н.И. Толстой⁵⁰, канд[идат] филологич[еских] наук, научн[ый] сотр[удник] АН СССР. Он мне сказал, между прочем, что И[нститу]т языковедения при АН СССР готовит к изданию какую-то рукопись покойного ученого.

Я буду с большим нетерпением ждать Вашего письма.

Искренно уважающий Вас,
А. Мещерский.

*Письмо, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 3.*

⁵⁰ Толстой Никита Ильич (1923–1996), российский филолог, славист, академик АН СССР и РАН, профессор МГУ.

6.

А.В. Флоровский – А.П. Мещерскому

Глубокоуважаемый Андрей Павлович,
Только сегодня получил я нужный Вам адрес княгини Веры Петровны Трубецкой в Вене и поэтому только сейчас пишу Вам.

Большое спасибо за присылку копии статьи покойного Петра Михайловича о взятии Царьграда в 1204 г. Если для русских исследователей она оказалась затерянной, то конечно на западе ее и совсем никто не знает. При случае попытаюсь ввести указания на ее выводы в какую нибудь статью для информации западных ученых.

Из работ кн. Н.С. Трубецкого, напечатанных теперь после его смерти, я знаю еще одну, изданную под редакцией венского профессора Ягодича⁵¹ в Грац-Кёльне, ее заглавие – *Trubetzkoj, N.S. Die russischen Dichter des 18 und 19-ten Jahrhunderts, Graz – Köln, 1956.*

Книжки этой я не видел и не знаю, велика ли она и сколько в ней страниц.

Что касается биографии М.П. Драгоманова то много материала о нем содержится в книжке М.П. Драгоманов. 1841-1895. Его юбилей, смерть, автобиографія и спіс творув. Зладив і видав М. Павлик. Львів, 1896.

Далее о Драгоманове имеется ценное издание П.Б. Струве, Драгоманов, Собрание политических сочинений, два тома, Париж, 1905 – 1906. Тут имеется и очерк Струве⁵² о Драгоманове.

А в 1930 году в Праге был издан на машинке большой сборник статей о Драгоманове по украински –

Драгоманівський Збірник, I (но второго тома не было!) Праці українського високого педагогічного інституту імені Мих. Драгома-

⁵¹ Ягодич Рудольф (1892–1976), австрийский языковед, славист, профессор Венского университета.

⁵² Струве Петр Бернгардович (1870–1944), русский историк, философ, общественно-политический деятель. В своем личном архиве А.П. Мещерский сохранил документы проф. Семена Семеновича Демосфенова (1886–1966). Среди них находится удостоверение, подписанное П. Струве. В 17/30 января 1921 г. он представил как: «Действительный член /ординарный академик/ Российской академии наук по кафедре политической экономии и статистики, ординарный профессор Петроградского политехнического института по той же кафедре, доктор политической экономии и статистики Киевского университета Св. Владимира, почетный доктор прав /LLD/ Кембриджского университета /Англия».

нова у Празі, Прага, 1930, стр. VI-319И редактор В. Сімович. Тут
існують і статті біографічного характеру.

І далі існують видання переписки Драгоманова, напр[и-
мер] с Ів. Франко⁵³, с Павликом⁵⁴ і др., издавалась головним об-
разом во Львові в 1901 і сл. г.⁵⁵

Наскільки знаю, с Драгомановим був близько пов'язаний со-
фійський професор болгарин Шишманов⁵⁶, можливо, що у нього
в бібліотеці були всі необхідні матеріали про Драгоманова.
Не знаєте, де тепер ця бібліотека? Напевно де-небудь в госу-
дарственому зібранні або в Академії наук.

Ну, ось, поки все, що можу повідомити Вам. Від сестри маю
частенько звістки, тримається, хоча після інфаркту і потрібна ос-
торожність, особливо в нашому віці.

Чи є у Вас випадково зайвий екземпляр однієї з остан-
ніх робіт П.М. Біцилли – про Чехова⁵⁷? Вона до нас в Прагу вже не
доїшла. Був би дуже Вам вдячний за неї.

Передайте низький поклон і найкращі побажання Марії
Тимофєєвній⁵⁸.

Дружески жму Вашу руку і шлю найкращі побажання всім
– до нового 1958 року!

19.XII.57

А[нтоній] Ф[лоровський]

Адрес В.П. Трубецької – Wien VIII, Laudongasse 49.

*Черновик листа, машинопис з рукописними вставками.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 4.*

⁵³ Франко Іван Яковлевич (1856–1916), український письменник і громадський діяч.

⁵⁴ Павлик Михайло Іванович (1853–1915), український публіцист і громадський діяч.

⁵⁵ Існують ввиду видання: *Драгоманів М.П.* Листи до І. Франка і інших (1881–1886): в 2 т. Львів, 1906–1908; Переписка Михайла Драгоманова з Мелітоном Бучинським. 1871–1877. Львів, 1910; Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895): в 8 т. Чернівці, 1910–1912 і др.

⁵⁶ Шишманов Іван (1862–1928), болгарський літературознавець, політичний діяч, дипломат. Професор Софійського університету. Був одружений на дочці М.П. Драгоманова Лідмилі.

⁵⁷ *Біцилла П.М.* Творчість Чехова: Співвідношення стилістичного аналізу // Годишник на Софійський університет. Історико-філологічний факультет. Софія, 1941/1942. Т. XXXVIII. С. 1–138.

⁵⁸ Біцилла Марія Тимофєєвна (1878–1959), вдова професора П.М. Біцилли.

7.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 6 января 1958

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,

Очень Вам признателен за адрес В.П.Трубецкой⁵⁹ и за библиографические данные о трудах проф[ессора] М.П. Драгоманова. Ни одно из указанных Вами изданий у нас неизвестны (и они, конечно, отсутствуют в наших библиотеках).

Часть личного архива проф[ессора] М.П. Драгоманова находилась в Болгарской академии наук (в Архивном И[нститу]те), как часть архивов покойного проф[ессора] Ивана Шишманова (зятя М.П. Драгоманова).

⁵⁹ Мы приложили немало усилий, чтобы установить воспользовался ли А.П. Мещерский адресом В.П. Трубецкой. К сожалению, – безрезультатно, вопреки любезному содействию ее наследниц В.А. Кюнельт-Ледин и Д. Литон (выражаем свою благодарность А.Е. Климову за помощь в осуществлении этих контактов). Внимательное рассмотрение биографического очерка о Н.С. Трубецком в «Заметках» приводит нас к предположению, что все-таки корреспонденция между Софией и Веной велась. Перечислим некоторые детали из очерка, которые, нам кажется, вряд ли были бы известны А.П. Мещерскому при ином раскладе. Во-первых, подробно излагаются обстоятельства смерти Н.С. Трубецкого: рак желудка, арест и особенно: «скончался после мучительного сердечного припадка» (с. 5 рукописи). Во-вторых, как бы с позицией очевидца, что исключено, комментируются трудные личные отношения между князем Н.С. Трубецком и болгарскими профессорами Стояном Романским (1882–1959) и Любомиром Милетичем (1863–1937). Особенно интересна приписываемая русскому лингвисту цитата: «По отрывочным рассказам самого Н.С. Трубецкого, через много лет после его отъезда из Софии, эти два человека весьма упорно содействовали тому, чтобы научная и преподавательская работа Н.С. Трубецкого часто тормозилась под всевозможными предлогами и по разным поводам» (с. 4 рукописи). Кто мог бы рассказать биографу, непрерывно жалующемуся недостаточность информации в Софии, о том, что вспоминал о событиях 1921–1922 г. много лет позже проживающий в Вене лингвист? В-третьих: в своем биографическом очерке А.П. Мещерский приводит весьма конкретные факты об «организационном собрании» (отметим, что в рукописи это выражение «закавычено», что указывает на употребляемую автором цитату) евразийской группы, состоявшейся: «в октябре 1921, на квартире у Трубецких» (с. 7 рукописи). Далее биограф утверждает: «Я не смогу назвать всех присутствовавших, но некоторых я знаю твердо». Нет в рукописи никаких указаний на источников всей этой информации, но нельзя исключить, что одним из очевидцев, который мог бы рассказать А.П. Мещерскому свои воспоминания, была В.П. Трубецкая.

К моему великому несчастью, именно эту часть архива недавно передали в АН СССР в дар (по случаю октябрьской революции 1917), но уже задолго до этого (ввиду его обработки) архив фактически был мне недоступен⁶⁰. Я просмотрел только опись этих материалов – очень ценные и интересные (для моей работы) документы.

Высылаю Вам оттиск работы П.М. Бицилли – «Заметки о Чеховском «Рассказе неизвестного человека». София, 1948⁶¹.

К моему сожалению, у меня нет его оттиска «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа». София, Придворна п[ечатни]ца, 1942, 138 с. 8°.

Если Вы можете найти в Праге «Годишник на Софийския Университет. Историко-филологич[ески] ф[акулте]т. Том XXXVIII, 1941/1942» – в нем Вы прочтете это исследование Петра Михайловича.

Я сделал заявку в местную Антиквариатную лавку – обещали найти. Во всяком случае, если доставят мне этот оттиск – немедленно вышлю Вам.

На днях имели письмо от Клавдии Васильевны – здорова, бодра, полна новых планов. Меня всегда порожала (и удивляла) в ней такая огромная зарядка энергии и жизненности.

Вся наша семья благодарит Вас за благопожелания к Новому году. Со своей стороны все мы шлем Вам и Вашей супруге самые искренние поздравления. Желаем Вам здоровья, благополучия и новых научных успехов в новом 1958 году.

Искренно уважающий Вас,
А. Мещерский.

*Письмо, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 5.*

⁶⁰ Часть архива М.П. Драгоманова была куплена Русским заграничным историческим архивом в Праге у Л.М. Драгомановой-Шишмановой в 1932 г. при посредничестве В.А. Мякотина. Однако в Прагу были переданы не все материалы. Часть из них оставалась в Софии в собрании Шишмановых. Затем документы были переданы на хранение в Болгарскую академию наук и долгое время оставались научно невостребованными. В итоге Президиум Болгарской академии наук решил подарить эти материалы СССР, и в начале 1954 г. они были перевезены в Москву. См.: *Ковалев М.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы собирания документов по истории освободительного движения // Освободительное движение в России. Саратов, 2013. Вып. 24. С. 73–74.

⁶¹ *Бицилли П.М.* Заметки о чеховском «Рассказе неизвестного человека» // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. София, 1947/1948. Т. XLIV. Ч. 4. Езикознание и литература. С. 1–13.

8.

А.В. Флоровский – А.П. Мещерскому

Многоуважаемый Андрей Павлович,

За последнее время мне встретились некоторые литературные указания, которые может быть окажутся интересными и для Вашей библиографической работы.

Во первых – Н[иколай] С[ергеевич] Трубецкой. В номере журнала «Новый журнал», издаваемого в Нью Йорке за 1957 г., напечатана его лекция о Достоевском – из оставшихся после его смерти неопубликованных материалов: О методах изучения Достоевского, стр. 109 – 121⁶².

Во вторых М[ихаил] П[етрович] Драгоманов. В номере 8 за 1944 год того же журнала «Новый журнал» на стр. 323-332 были напечатаны воспоминания о Драгоманове Александры Васильевны Гольдштейн⁶³. Эти воспоминания в извлечениях перепечатаны по украински – «Нові спогади про М. Драгоманова» в парижском журнале «Україна, українознавство и французьке культурне життя[.]». ред. И. Борщака, Париж, 1950, номер 3, стр. 170-173.

А я продолжаю заниматься Петром Великим, правда – попутно нашел новый ценный материал о Пушкине, Лескове и под[обное], надеюсь скоро это опубликовать.

Кстати – удалось ли Вам где либо опубликовать полный список работ покойного Петра Михайловича?

Моя сестра, как Вы наверно уже знаете, побывала недавно в Одессе, это после 38 лет отлучки! Интересно!

Передайте наш низкий поклон Марии Тимофеевне!
27.V.58

*Черновик письма, машинопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 6.*

⁶² Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Кн. XXXXVIII. С. 109–121. О лекциях Трубецкого, опубликованных в «Новом журнале», см. Чижевский Д.И. Трубецкой и Достоевский / Публикация и примечания В. Янца // Достоевский и мировая культура. Альманах. М., 2013. № 30. Часть I. С. 439–447.

⁶³ Гольдштейн Александра Васильевна (1850–1937), русская писательница, журналистка, общественный деятель. Была знакома с М.А. Бакуниним, В.И. Засулич, Н.П. Огаревым и другими видными революционерами. См.: Гольдштейн А.В. Воспоминания о М.П. Драгоманове // Новый журнал. Нью-Йорк, 1944. Кн. VIII. С. 321–333.

9.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 6 июня 1958

Глубокоуважаемый Антон Васильевич, простите меня, что так долго задержался с ответом: был нездоров. Почки в последнее время очень мешают мне жить.

Очень благодарен Вам за новые сведения о статье Н.С. Трубецкого. К сожалению, этот журнал в Софию не доходит и я лишен возможности эту интереснейшую статью Трубецкого прочесть. Но я, конечно, ее отмечу и упомяну⁶⁴.

О воспоминаниях А.В. Гольдштейн – и говорить нечего: они мне недоступны. Материалы архивного характера о М.П. Драгоманове частью находились, как Вам известно, в Софии. Они представляли собою составную часть архивного фонда покойного проф[ессора] Ив.Д. Шишманова, зятя М.П. Драгоманова. Всю «Драгомановскую» часть этого архива Болг[арская] Академия наук передала, как дар, в АН СССР. Об этом есть и краткое упоминание:

Дар Болгарской Академии Наук. (По материалам научных архивов). – В: Вестник АН СССР. 1958, № 3, с. 104.

Из этой заметки я узнал, что успел (несколько лет тому назад) просмотреть далеко не весь архив (напр. пропущены часть воспоминаний и ряд писем).

Я огорчен тем, что эти архивные материалы много десятков лет пролежали в Софии и вот теперь, когда понадобились мне – ушли навсегда из моих рук. Очень жалею, что я упустил эту возможность.

Очень давно нет никаких новостей от Клавдии Васильевны. Любоцинские⁶⁵ тоже не писали. Надеюсь, что все они благополучны.

Клавдия Васильевна писала нам о своих впечатлениях об Одессе и др. городах, которые она посетила, после 40 лет отсутствия. Ее впечатления, встречи со своими знакомыми – очень, очень интересны.

Желаю Вам здоровья и всего самого хорошего.

⁶⁴ В био-библиографии Н.С. Трубецкого статья о Достоевском из «Нового журнала» не упомянута.

⁶⁵ Кл.В. Флоровская, после 1945 г., много лет жила вместе с семьей Сусанны Николаевны (1919–2012) и Павла Марковича (1906–1992) Любоцинских. Они все уехали вместе из Болгарии в СССР в 1955 г.

Буду Вам очень признателен, если уведомите меня о новых Ваших находках в интересующей меня области.

Наши возможности здесь очень бедны и незначительны в этом отношении.

Искренно уважающий Вас,
А. Мещерский.

*Письмо, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 7.*

10.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

19 марта 1960

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,
я пользуюсь счастливой оказией: податель этого письма, мой добрый знакомый, г[осподин] Георгий Топалов⁶⁶, по служебным делам едет в Прагу и был так любезен, что согласился передать Вам эти несколько строк.

Давно не писал Вам, знаю от Клавдии Васильевны о болезни Вашей супруги, о том что Вы вышли на пенсию, что работаете над новыми чешскими материалами, посвященными имп[ератору] Петру I.

Со своей стороны, я продолжаю свою весьма кропотливую работу, которая продвигается очень медленно. Наши софийские библиотеки безмерно бедны и я все время нахожусь в трудностях, попадая из тупика в тупик.

⁶⁶ Георгий Топалов, юрист. Работал в юридическом отделе Болгарской торгово-промышленной палаты. Был мужем общей знакомой А.П. Мещерского и А.В. Флоровского Хедвигой (Хети) Борисовой Топаловой (Дучевской). В 50-х; 60-х и 70-х гг. болгарская служба Госбезопасности последовательно ставила на учет, а потом снимала с учета А.П. Мещерского из-за распространения вражеской литературы. Сведения о семье Топаловых почерпнуты из материалов Комиссии по доступу к документам и раскрытию сведений о принадлежности граждан Болгарии к Государственной безопасности и разведывательным службам Болгарской народной армии (Архив на Комисията за разкриване на документите и обявяване на принадлежност на български граждани към Държавна сигурност и разузнавателните служби на Българската народна армия (АКРДОПБГДСРСБНА). Ф. III раз, А.е. 33068. Л. 9–19) В связи с требованиями болгарского законодательства мы не отмечаем годы рождения лиц, упомянутых в этом архиве.

В прошлом году, проездом через Софию, здесь побывали и проф[ессор] Р.О. Якобсон⁶⁷ и проф[ессор] А.Н. Грабарь⁶⁸. Они были добры ко мне и мило помогли мне рядом ценных указаний.

Роман Осипович мне выслал дополнительно некоторые оттиски своих работ и в том числе отпечатанную библиографию своих трудов (которая, вероятно, и Вам известна)⁶⁹ с несколькими весьма интересными (для меня) темами.

В Софийском университете он выступал с интересной (и оригинальной) мотивировкой для обоснования своих, конечно, анти-Мазоновских позиций о [«]Слове о полку Игореве[«]]. В итоге, вопреки его великолепной и уничтожительной для проф[ессора] А. Мазона⁷⁰ аргументации, в личном разговоре с ним, я упрекнул его, что в библиографии к [«]Слову[«]] (составленную им к Славянскому съезду в Москве⁷¹) не оказалось такого труда как исследование проф[ессора] Е.А. Ляцкого⁷² и уничтожающего всю «тео-

⁶⁷ Якобсон Роман Осипович (1896–1982), выдающийся лингвист, литературовед. Один из основателей Пражского лингвистического кружка. Профессор Масарикова университета в Брно, Гарвардского университета и Массачусетского технологического института.

⁶⁸ Грабарь (Грабар) Андрей Николаевич (1896–1900), историк средневекового искусства, византист. Член ряда научных академий. С 1920 по 1922 гг. жил в Болгарии. В 1922 г. переехал во Францию. Профессор Страсбургского университета и Коллеж де Франс. С 1958 г. жил в США, был научным сотрудником Думбартон-Окс Института при Гарвардском университете.

⁶⁹ Можно предположить, что А.П. Мещерский получил от Р.О. Якобсона оттиск следующей библиографии: *Bibliography of the Publications of Roman Jakobson // For Roman Jakobson. Essays on the occasion of his sixtieth birthday. 11 October 1956. The Hague, 1956. P. 1–12.*

⁷⁰ Мазон Андре (1881–1967), французский славист, фольклорист. Профессор Страсбургского университета и Коллеж де Франс. Директор Института славянских исследований в Париже. Иностраный член-корреспондент АН СССР. Известен скептическим отношением к вопросу об авторстве и древности «Слова о полку Игореве».

⁷¹ Р.О. Якобсон участвовал в работе IV Международного съезда славистов в Москве в 1958 г.: *Якобсон Р.О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. Библиография работ по «Слову о полку Игореве» (1943–1956) // Труды отдела древнерусской литературы. 1958. Т. XIV. С. 102–121.*

⁷² Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942), историк литературы, критик, писатель, издатель. С 1917 г. в эмиграции. С 1922 г. поселился в Праге, где возглавил издательство «Пламя». Читал лекции в Русском народном университете и Карловом университете. См.: Евгений Ляцкий: материалы к биографии / подгот. текстов и публ. *С.И. Михальченко*. Брянск, 2000. А.П. Мещерский имеет в виду книгу: *Ляцкий Е.А. Слово о полку Игореве: повесть о князьях Игоре, Святославе*

рию» Мазона исследования покойного Петра Михайловича⁷³. К моему удивлению, Р[оман] О[сипович] не знал о существовании этого исследования⁷⁴.

К слову, он сказал мне, что собирается издать письма кн[язя] Н[иколая] С[ергеевича] Трубецкого относительно языковедческих проблем⁷⁵ (Март⁷⁶, анти-Март и пр.). Эта идея мне показалась очень интересной.

А[ндрей] Н[иколаевич] Грабарь рассказал много интересного о своих исследованиях (нам совершенно неизвестных). Вы же его помните: он прекрасный и занимательнейший рассказчик.

и исторических судьбах русской земли (очерк из истории древнерусской литературы: композиция, стиль). Прага, 1934. Об этой работе см. подробнее: *Жигалов А.Ю.* Взгляд на «Слово о полку Игореве» из русской Праги // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 6. С. 273–280.

⁷³ *Бицилли П.М.* К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» (по поводу исследования проф. А. Мазона) // *Annales de l'Institut Kondakov*. Белград, 1941. Т. XII. С. 1–20. Упрек А.П. Мещерского Р.О. Якобсону не особенно основателен. Во-первых, библиография, представленная на Четвертом съезде славистов, включала исследования 1943–1956 г. Работы Е.А. Ляцкого и П.М. Бицилли выходили за рамки этого периода. Во-вторых, составитель в самом начале уточнил, что предмет его интереса составляют: «книги, статьи и рецензии: а) написанные в США, где бы они ни были напечатаны, и б) опубликованные в США, где бы они ни были написаны» (*Якобсон Р.О.* Изучение «Слова о полку Игореве»... С. 112). Ни одно из этих двух условий нельзя также применить к вышеуказанным работам.

⁷⁴ Вопрос о личных взаимоотношениях между П.М. Бицилли и Р.О. Якобсоном, как и о «диалоге» между их работами, до сих пор не рассматривался в истории бициллиеведения. В личном архиве профессора новой и новейшей истории зафиксировано одно письмо, 1940 г., от Якобсона (см. *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 66).

⁷⁵ Издание было осуществлено много лет позже: N.S. Trubetzkoy's letters and notes / Prepared for publication by R. Jakobson, with the assistance of H. Baran, O. Ronen and M. Taylor. The Hague; Paris, 1975.

⁷⁶ Март Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед, лингвист, академик РАН. Автор «яфетической теории» о языке. Утверждал, что никакого праязыка не существовало (в отличие от теории индоевропейского происхождения языка), а развитие языков закончится созданием единого языка единого человечества, как результата скрещивания языков и движения от множества языков к их единству. Согласно его учению, языки появились в классовом обществе и поэтому отражают классовую сущность, они отражают стадийные изменения общества. Именно это утверждение подвергалось особой критике.

По старой (и очень порочной) привычке позволяю себе обратиться к Вам с просьбой: можно было-бы найти в Праге (хотя бы и через антиквариат) вып. II (1930-1940, №№ 2551 и след.) Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1941.

Вып. I – у меня, слава Богу, есть, а вот вып. II вообще в Софии нет. Это просто ужасно! Я буду Вам очень, очень признателен, если Вы найдете возможным помочь мне в этом деле. Стоимость книги я Вам возьму по Вашему усмотрению (в кронах или левах).

Если можно будет передать ее на руки г[осподину] Г[еоргию] Топалову – это будет лучшим выходом (из всех возможных).

Есть-ли у Вас какиенибудь новые (биографические сведения) о проф[ессоре] В. Погорелове. Жив-ли он?

Я прошу Вас еще и еще раз простить меня за все беспокойства, которыми (так бесцеремонно) затрудняю Вас.

Искренно уважающий Вас,
А. Мещерский.

*Письмо, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 8.*

11.

А.В. Флоровский – А.П. Мещерскому

Христос Воскресе!
[12 апреля 1960 г.]⁷⁷

Глубокоуважаемый Андрей Павлович!

Был очень рад получить от Вас вести через Вашего болгарского друга⁷⁸, который оказался весьма симпатичным мужем нашей старой знакомой Хети⁷⁹! Давно перед тем я не имел от Вас

⁷⁷ Письмо датируется, согласно содержанию ответа А.П. Мещерского: см. первое предложение следующего письма в переписке.

⁷⁸ См. сноску № 67.

⁷⁹ Хедвига (Хети) Борисова Топалова (урожд. Дучевской) была дочерью выдающегося болгарского инженера-химика Бориса Дучевского. Семья была близко знакомой со сестрой А.В. Флоровского – Кл. Васильевной, не исключаем, что Хети была ее ученицей (аргументом в пользу этого утверждения является факт, что письма молодой женщины Флоровскому написаны по-русски, в то время как письма ее отца – по-болгарски). 5 лет Хети, будучи студенткой в Праге, жила в доме Флоровских. По окончании учебы вернулась в Болгарию дипломированным химиком, много лет работала в Институте органической химии к Болгарской академии наук.

вестей, – и понятно, Вашу семью постигла новая тяжелая утрата⁸⁰! Увы, старая генерация уходит..., оставляя тяжелые сердечные раны у остающихся...

К сожалению, я никак не могу исполнить Ваше желание получить II том белградских Материалов о работах русских ученых. Эта книга – огромная редкость, едва не весь ее запас был уничтожен во время бомбардировок Белграда в 1940 г. В Праге нет ни одного экземпляра этой книги.

Для ознакомления с нею здешняя Славянская библиотека выписала из Ленинграда заказанный оттуда микрофильм с редчайшего мюнхенского экземпляра этой книги! Я лично так и не видел это издание, хотя даже давал для него в свое время – перед войной – материал о ряде пражских историков – и о себе лично.

О судьбе В.А. Погорелова ничего нового не знаю. Из литературного неизданного тоже наследия кн[язя] Н.С. Трубецкого до сих пор [нрзб.] кое-что. Вас, вероятно, интересуют и работы С.Г. Вилинского, одно время работавшего в Софии?

Был ли где-либо издан полный обзор написанного и напечатанного Петром Михайловичем? Из его сохранившихся статей в «Совр[еменных] записках»⁸¹ и др. можно было бы собрать целую книгу, – правда, едва ли подходящую к современным требованиям.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш А. Флоровский]

*Черновик письма, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 9.*

12.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 24 мая 1960

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,

Ваше письмо от 12 апреля получил, но задержался с ответом – недомогался, дурно себя чувствовал. Простите меня, пожалуйста, что не сразу смог ответить Вам.

⁸⁰ 18 сентября 1959 г. не стало Марии Тимофеевны Бицилли, вдовы П.М. Бицилли.

⁸¹ «Современные записки» – самый долголетний «толстый» журнал русской эмиграции. Издавался в Париже с 1920 по 1940 гг.

Как это странно («и страшно!»), что II-ой выпуск «белградских материалов» уже в наше время (т.е. через 20 лет со дня издания: 1940 г.!) – библиографическая редкость.

Узнав из Вашего письма, что почти весь тираж этого издания уничтожен во время бомбардировки Белграда, я написал моим друзьям (в Париж) с мольбой о микро-фильме. Сейчас я пребываю в трепетном ожидании. Это издание мне (действительно) крайне необходимо.

Вы спрашиваете, – интересуют-ли меня работы С.Г. Вилинского? – Очень. Буду очень признателен, если пришлете мне какие нибудь библиографические (и биографические!) данные.

К сожалению, никаких материалов о Петре Михайловиче (кроме одного незначительного и неправдивого некролога, написанного его учеником – ныне профессором – Христо Гандевым⁸² в журн[але] Исторически преглед, 1953, кн. X) – нет напечатанного⁸³.

Я составил более или менее полный свод его библиографического наследства (27 книг и оттисков, 144 статьи и 118 рецензий, критических заметок и пр.). Эту библиографию я напечатал на пишущей машинке в 4 – 5 экз[емплярах]. Один экз. я пере-

⁸² Гандев Христо (1907–1987), болгарский историк, автор работ по Новой истории Болгарии. Профессор Софийского университета. Директор Этнографического института и Музея Болгарской академии наук.

⁸³ Опубликованный в указанном А.П. Мещерским журнале (С. 560–561) некролог подписан представителями Института болгарской истории к Болгарской академии наук и членами редколлегии журнала «Исторически преглед». Можно предложить, что столь неприкрыто-резкая реакция, выраженная в письме к А.В. Флоровскому, была вызвана некоторыми утверждениями: «Проф. П. Бицилли был одним из выдающихся представителей русской буржуазной дореволюционной науки. Его научные руководства и монографические исследования отличались эклектичным и идеалистическим характером» (с. 560). Особое недовольство у родственников вызвало, вероятно, утверждение о том, что после политических изменений в Болгарии 9 сентября 1944 г. профессор сам решил, «хотя он уже покинул университет» пересмотреть свое политическое мировоззрение (здесь и дальше все переводы с болгарского на русский принадлежат публикаторам). Нельзя отрицать, однако, что в некрологе содержались и искренние оценки качеств П.М. Бицилли: были признанными его широкая историческая культура, высокий уровень исследований, отличная преподавательская работа. Написанное сообразно требованиям конкретного исторического момента, посмертное воспоминание не скрывало симпатии подписавшихся: «Несмотря на то, что он не смог сформировать верное историческое мировоззрение у своих студентов, он [Бицилли] пробуждал у них глубокий и долговечный интерес к истории».

дал в Болг[арский] библиографич[еский] и[нститу]т⁸⁴ (он пользуется там некоторой известностью среди специалистов[]). По этому экз. делают справки для специалистов в Болгарии и за границей⁸⁵. Затем 2 экз. я подарил двум любимым ученикам Петра Михайловича – Ивану Дуйчеву и Хр. Гандеву. И последний экз. достался мне.

Сейчас что либо издать из наследства Петра Михайловича нельзя и думать⁸⁶. Но собрать все что возможно воедино (и не только его наследство научное, но многих других русских ученых)

⁸⁴ В биографическом очерке о П.М. Бицилли (более позднем, расширенном) А.П. Мешерского, содержится указание на то, что рукопись была записана в инвентарной книге Болгарского библиографического института в Софии под № Д-1880/54. Институт был сформирован в 1941 г. и просуществовал до 1964 г., когда все его материалы были переданы в фонд Государственной (Национальной) библиотеки.

⁸⁵ Вероятно этот экземпляр был использован и при подготовке сл. издания: *Bicilli P.M. Anton P. Čechov. Werk und Stil. Forum Slavicum. Herausgegeben von Dmitrij Tschizewskij. Munchen, 1966*, где в разделе «Vorbemerkungen» сказано, что использованы данные из анонимной библиографии П.М. Бицилли, хранящейся в Национальной библиотеке Болгарии.

⁸⁶ В 1948 г. по причине предельного возраста П.М. Бицилли был освобожден из состава преподавателей Софийского университета. Так как он не был болгарским гражданином, Университет периодически заключал с ним контракты на должность профессора по кафедре новой и новейшей истории. Согласно болгарскому законодательству, «контрактные» (договорные) лица не вносили пенсионных отчислений, и им, соответственно, не выплачивалось пенсионного пособия, в результате чего, в течение нескольких лет семья Бицилли находилась в очень тяжелом материальном положении. (Подробнее об этом см.: *Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное: Историко-культурологические работы: в 2 т. / сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. София, 1993. Т. I. С. 39*). Одновременно с этим, началась и травля по Бицилли идеологическим причинам. Некоторые издания профессора были включены в списки запрещенной литературы. В авторитетном болгарском журнале была опубликована статья, в которой после «анализа» работ историка, был вынесен приговор: «Считать писания Бицилли наукой является кощунством. [...] Белогвардейское бесновение Бицилли достигает своей вершины, когда он начинает говорить по большевикам и о Советском Союзе. [...] Использование его работ может нанести только вред нашей борьбе за социалистическое воспитание молодежи и народа». См.: *Несторов Хр. Бележки върху българската буржоазна историография на нова и най-нова история // Народна просвета. София, 1950. VI. Вып. 10. С. 60–61*, а также и как электронный ресурс: <http://savedarchives.net/article/p-m-bicillikato-balgarski-burzhoazen-istoriograf> (дата обращения: 07.07.2014).

мне бы очень хотелось. Для грядущего. Интерес к наследству этих прекрасных – и увы! – полностью исчезающих поколений – уже сейчас – велик. Этому я рад и буду делать все от меня зависящее, что бы сохранить, собрать и (своевременно) передать будущему эти культурные ценности, еще неоцененные (как следуют) в наше время.

Клавдия Васильевна писала нам, что Вы с супругою собираетесь посетить Москву – осенью этого года. Как это было бы Вам важно и интересно.

В Софию приезжал на короткий срок проф[ессор] Д.С. Лихачев⁸⁷ (Спб). Он интересовался Вашими исследованиями. Все, что у меня было собрано (из библиотеки П[етра] М[ихайловича], от Клавдии Васильевны и мои экз.) я ему дал для ознакомления. Интерес к Вашим исследованиям в России – несомненен. Вот почему (я глубоко в этом уверен) Ваша поездка (если только она состоится) даст много впечатлений, будет важна своей полезностью и (вероятно) очень интересна.

Если поедете – не откажите уведомить меня, у меня будет к Вам несколько (необременительных) просьб (кое-какие библиографич[еские] подробности). Буду очень, очень признателен и благодарен.

Искренно уважающий Вас,
А. Мещерский.

*Письмо, рукопись.
SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 10*

13.

А.В. Флоровский – А.П. Мещерскому

Мещерск[ому]. 2.XI.67

Многоуважаемый Андрей Павлович,

После долгого перерыва – шлю Вам искренний привет. Был бы Вам весьма признателен, если бы Вы сообщили мне – были ли в Болгарии опубликованы более или менее подробные статьи о проф[ессорах] В.А. Мякотине и П.М. Бицилли после их смерти. В [нрзб.] мне очень важно иметь также даты рождения и смерти Мякотина. Сейч[ас] здесь готовят к будущему конгрессу слави-

⁸⁷ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999), выдающийся российский филолог, литературовед, крупнейший специалист по древнерусской литературе. Академик АН СССР (РАН).

стов в Праге (июль 1968)⁸⁸ словарь славистов, работавших в ЧСР⁸⁹ и нужны эти точные даты, а я иначе их не могу найти.

Как идут Ваши библиограф[ические] разыскания?

С большим интересом читал Вашу статью о переписке П.М. Бицилли с И.А. Буниным⁹⁰. Очень ценно.

При встрече – передайте наш привет Хети Дучевской и ее супругу.

С наилучшими пожеланиями, А. Ф[лоровский]

Черновик письма, рукопись.

SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 11.

14.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 15 ноября 1967

Многоуважаемый Антон Васильевич, на днях получил Ваше письмо от 2.XI. и спешу ответить на поставленные вопросы:

П[етр] М[ихайлович] Бицилли род[ился] 13.IX.1879 г. в Одессе, скончался 25. VIII.1953, в Софии.

По поводу его смерти (с неприличным опозданием) был напечатан некролог: П.М. Бицилли – Исторически преглед, София, 1953, № 5, с. 560-561.

(Некролог не подписан. Его написал ученик Петра Михайловича, занявший еще при жизни его кафедру – проф[ессор] Христо Гандев.

⁸⁸ Имеется в виду VI Международный съезд славистов, проходивший с 7 по 13 августа 1968 г. в Праге.

⁸⁹ Сборник не был издан в 1968 году, он был опубликован значительно позже: Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

⁹⁰ Неизвестные письма И.А. Бунина / Публ. А. Мещерского // Русская литература. 1961. № 4. С. 152–158. В архиве А.П. Мещерского сохранился еще один его авторский материал, названный «И.А. Бунин в Болгарии». Машинопись не датирована, но возможно, что она была подготовлена в 1961 г.: в ней цитируется вышеуказанная работа о письмах И.А. Бунина П.М. Бицилли. Следует полагать, что в том же году рукопись была отправлена в редакцию журнала «Русская литература», потому что письмом № 338/14 февраля 1962 г. ответственный секретарь редакции подтвердил, что «Сообщение «Бунин в Болгарии» по-прежнему интересует журнал». Мы не нашли информации о том, что эта работа А.П. Мещерского была напечатана, таким образом судьба его текстов на много лет впредь осталась неизменной: «в стол».

Написанное весьма нископробно и нам было неприятно читать.

Других публикаций в Болгарии не было. О некрологах о Петре Мих[айловиче] заграницей – если и были такие – мне ничего не известно).

В[енедикт] А[лександрович] Мякотин род[ился] 6.IV.1867 г. в Гатчине, скончался 5.X.1967⁹¹ в Праге.

Мне неизвестны статьи, написанные о нем в Болгарии. Думаю, что таких не было.

У меня есть составленные био-библиографии этих наших ученых и они всегда к Вашим услугам.

Я передал Хети Дучевской Ваш привет. Ей стало совестно, что так долго не писала Вам (и она обещала немедленно сесть за письмо).

Прошу Вас передать Вашей супруге мой почтительный поклон.

Искренно уважающий Вас,

А. Мещерский.

P. S. Мой новый адрес:

А[ндрей] П[авлович] Мещерский

София – 21

бул. Христо Смирненски, 22

V эт[аж]⁹²

Письмо, рукопись.

SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 12.

15.

А.В. Флоровский – А.П. Мещерскому

Мещерск[ому]

Многоуважаемый Андрей Павлович,

Большое спасибо за сообщение нужных мне дат о П.М. Бицилии и В.А. Мякотине.

⁹¹ А.П. Мещерский перепутал год смерти В.А. Мякотина – 1937 г.

⁹² В конце 1961 г. произошли изменения в личной жизни А.П. Мещерского: он повторно женился – на болгарке Славке Тодоровой (1920–2012), в связи с чем поменял адрес. Тот факт, что новый адрес был сообщен А.В. Флоровскому так поздно, может послужить косвенным подтверждением того, что в 1960 г. переписка между обоими корреспондентами прервалась на 7 лет.

Вам вероятно будет интересно узнать, что недавно в России были в одной статье опубликованы некоторые биографич[еские] данные о покойном Петре Михайловиче. Имею в виду статью московск[ого] проф[ессора] С.С. Дмитриева⁹³ «К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн (1897-1963)», Ученые Записки Горьковского Государственного Университета им[ени] Лобачевского, отдел историко-филологический, 1964, вып. 72⁹⁴. Это – [нрзб.] московск[ого] профессора по русск[ой] истории Николая Леонидовича Рубинштейна⁹⁵, который был в годе 1917–1921 слушателем и учен[иком] П[етра] М[ихайловича] и моим. В связи с этим Дмитриев остановился на сюжете с влиянием П[етра] М[ихайловича] на развитие научных взглядов Рубинштейна. В связи с этим Дмитриев от имени Моск[овского] Университета обратился в Софийский университет с просьбой сообщить ему данные о Бицилли – и опубликовал полученные им оттуда сведения (стр. 428 и сл[едующих]), – их готовили проф[ессоры] Хр. Христов⁹⁶ (февраль 1964) и Х. Гандев. Дмитриев приводит целиком очень краткую биограф[ическую] справку Христова и список книг П[етра] М[ихайловича] (всего 12 назв[аний])⁹⁷; а значение некоторых строк из

⁹³ Дмитриев Сергей Сергеевич (1906–1991), советский историк, профессор МГУ, автор работ по истории общественной мысли и культуры России в XVIII–XIX вв.

⁹⁴ *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: историк Н.Л. Рубинштейн (1897–1963) // Ученые записки Горьковского государственного университета. Сер. ист.-филол. Горький, 1964. Вып. 72. С. 415–471.

⁹⁵ Рубинштейн Николай Леонидович (1897–1963), советский историк, профессор, автор работ по русской историографии XVIII – начала XX вв., социально-экономическому развитию России в XVI–XVIII вв. Преподавал в университетах Москвы, Одессы, Саратова.

⁹⁶ Христов Христов (1915–1992), болгарский историк, профессор Софийского университета, академик, директор Института истории Болгарской академии наук, автор работ по Новой и Новейшей истории Болгарии.

⁹⁷ Внимательное ознакомление с опубликованной Дмитриевым краткой библиографией П.М. Бицилли (о которой сообщается, что она была прислана профессором Хр. Христовым; см. цитированную в сноске № 95 статью (С. 430)) ведет к предположению, что она представляет собой отрывок из био-библиографии Мещерского. Кроме полного совпадения в изложении биографических сведений, бросается в глаза точное цитирование установленного Мещерским числа работ П.М. Бицилли: 27 отдельных монографий, 144 журнальных статей и 118 заметок. Иронией судьбы можно назвать, с сегодняшней точки зрения, авторскую судьбу первого биографа профессора. Ему выслали в виде новых сведений именно те материалы, которые он сам собирал. Работа, созданная еще в

письма Гандева (12.II.1964) – его [нрзб.] – очень важно [нрзб.] читают болгарские историки новейшего времени. Знаете ли Вы, что на Западе вышла в свет по-немец[ки] книга П[етра] М[ихайловича] о Чехове?

Еще раз спасибо за неизвестные сведения.

Ваш А. Ф[лоровский]

P.S. Спасибо за присылку письма Х. Дучевской.

24.XI.67

Черновик письма, рукопись.

SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 13.

16.

А.П. Мещерский – А.В. Флоровскому

София, 21 дек[абря] 1967

Глубокоуважаемый Антон Васильевич,

Поздравляю Вас и Вашу супругу с наступающим Новым Годом и Р[ожеством] Х[ристовым].

Желаю вам здоровья, бодрости и благополучия.

Очень благодарен Вам за присланные библиографич[еские] данные о П.М. Бицилли. К сожалению, в Софии этого издания Горьковского у[ниверсите]та нет. Я сделал попытку через Библиотеку Болг[арской] академии наук выписать нужный том. Очень надеюсь на успех.

Буду признателен, если при случае Вы уведомите меня о других новых материалах, посвященных П.М. Бицилли, В.А. Мякотину, Э.Д. Гримму, Н.А. Кондакову⁹⁸.

Искренно уважающий Вас,

А. Мещерский

Письмо, рукопись.

SK. T-Flor. Krab. 7. Inv. č. 175. № 14.

1954/1955 году не только не была опубликованна, она еще при жизни автора начала распространяться как в Болгарии, так и за рубежом, использовалась, но не цитировалась в соответствии с научной этики, помимо прочего и из-за того, что была неподписанной.

⁹⁸ А.П. Мещерский допускает ошибку. Настоящие инициалы академика Кондакова – Н.П.

«...убить Виппера»: рецензия Н.М. Никольского на монографию Р.Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы» (М.; Л., 1946)

Настоящая статья представляет собой публикацию рецензии Н.М. Никольского на монографию Р.Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы» (М.; Л., 1946). Данный документ хранится в фонде Н.М. Никольского в Архиве РАН. Белорусский историк подготовил ее в 1947 г. для журнала «Вопросы истории», однако рецензия так и не появилась в печати. Ее настоящая публикация имеет важное значение для изучения феномена «классики» в советской историографии, демонстрируя механизмы формирования конвенции в отношении способов интерпретации наследия Ф. Энгельса по вопросу возникновения христианской религии. При подготовке текста к печати мы сличили его машинописную и рукописную версии, привели его в соответствии с правилами орфографии и пунктуации современного русского языка и снабдили необходимыми комментариями.

Ключевые слова: Н.М. Никольский, Р.Ю. Виппер, А.Б. Ранович, Ф. Энгельс, советская историография, раннее христианство, классика в историографии.

O.V. Metel'

"...kill the Whipper": N.M. Nikol'skii`s review in the monograph of R.Yu. Vipper "The Emergence of the Christian literature " (M.; L., 1946)

This article is a publication of the review of N.M. Nikolsky on R.Yu. Vipper's monograph "The Emergence of Christian literature" (M.; L., 1946). This document is in N.M. Nikol'skii`s collection in the archive of the Russian Academy of Sciences. The author prepared it in 1947 for the journal «The Questions of the history». However, the review was not published in any scientific publication during the life of the scientist. Its present publication is important for the study of the phenomenon of "classics" in the soviet historiography, demonstrating the mechanisms of formation of the convention in relation to the methods of interpretation of heritage F. Engels on the origin of the Christian religion. In preparing the text for printing, we compared its typewritten and hand-

written versions, brought it in accordance with the rules of spelling and punctuation of the modern Russian language and provided the necessary comments.

Key words: N.M. Nikolsky, R.Yu. Vipper, A.B. Ranovich, F. Engels, the Soviet historiography, the early Christianity, the classics in the Soviet historiography.

В документах, хранящихся в архиве РАН, есть любопытный материал – рецензия Н.М. Никольского на работу Р.Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы»¹. Сохранившаяся в виде автографа и машинописной копии, правленной автором, она, как следует из общего списка трудов Н.М. Никольского и его переписки с А.Б. Рановичем, была подготовлена в 1947 г. для журнала «Вопросы истории». Однако ей так и не суждено было выйти из печати: редакция названного издания не только не опубликовала отправленный Н.М. Никольским текст, но и отказалась пояснить автору причину своего решения². Для современного историографа этот казус с «молчаливым отказом» в публикации в ведущем советском издании исторического профиля рецензии члена-корреспондента АН СССР на монографию академика АН СССР представляет особый интерес, вскрывая целый ряд механизмов формирования советской исследовательской традиции.

Сам Н.М. Никольский в письмах к А.Б. Рановичу утверждал, что подобное решение, вероятнее всего, было вызвано тем, что он отказался «расшаркиваться» перед Р.Ю. Виппером и открыто обвинил его в дилетантизме и антимарксизме³. По словам белорусского историка, его московский коллега провозгласил верность идеям Ф. Энгельса только во введении, тогда как в основном тексте монографии полностью их отверг и, следовательно, под видом марксизма представил совершенно чуждую ему теорию. В глазах Н.М. Никольского, выдвинутые им обвинения были настолько серьезны, что грозили «разоблачениями» не только самому автору, но и всей Академии наук СССР. «Ибо напечатать ее [моногра-

¹ АРАН. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 48.

² Абрам Борисович Ранович: документы и материалы: сборник документов / сост. А.И. Ключев, О.В. Метель. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. Письмо от 03/1 1948.

³ Там же. Письмо от 14/IV 1947.

фию], – утверждал Н.М. Никольский, – значит убить Виппера и оскандалить АН СССР, выпустившую антимарксистскую книгу»⁴.

Полагаем, что отчасти Н.М. Никольский был прав, указывая на серьезный характер своих замечаний, далеко выходящих за рамки узкоспециального спора двух ученых. Однако, на наш взгляд, он не до конца оценил масштаб возможных последствий своих обвинений, которые были опасны не для конкретных лиц и институций, а для базовой конвенции, негласно принятой советскими исследователями по отношению к наследию основоположников марксизма. Последняя не только допускала тот декларативный марксизм введений, на который обрушивался Н.М. Никольский, но и принимала его как должное, в условиях, когда марксистско-ленинское учение нужно было постоянно адаптировать к требованиям текущего момента. В результате, обвиняя Р.Ю. Виппера в нежелании «следовать за Ф. Энгельсом» в вопросе возникновения христианства, Н.М. Никольский невольно «разоблачал» всех советских ученых и, в первую очередь, А.Б. Рановича, нашедшего в конце 1930-х гг. путь согласования выводов «основоположника» с потребностями советской антирелигиозной пропаганды⁵. Не случайно последний в своей рецензии на новый труд Р.Ю. Виппера счел возможным не согласиться с ним лишь в историко-ведческих вопросах, тогда как марксистско-ленинский характер выводов коллеги он под сомнение не ставил⁶.

В данной связи оказывается особенно примечательным еще и тот факт, что конкретно-исторические идеи самого Н.М. Никольского в советской историографии 1940-х гг. выглядели явным анахронизмом. Все его специальные работы, посвященные истории раннего христианства, были опубликованы в 1900–1920-е гг., и в дальнейшем он к этой теме практически не возвращался⁷. Со-

⁴ Абрам Борисович Ранович. Письмо от 09/IX 1947.

⁵ См. об этом: *Метель О.В.* «Поиски классики» в советской историографии первоначального христианства 1920–1930-х гг.: Ф. Энгельс против К. Каутского // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2016. № 2. С. 107–130.

⁶ *Ранович А.Б.* Рец. на: Виппер Р.Ю. Возникновение христианской литературы. М.; Л., 1946 // *Вестник древней истории*. 1947. № 3. С. 140–150.

⁷ *Никольский Н.М.* Раннее христианство // *Критическое обозрение*. 1908. Вып. 3. С. 13–22; *Его же.* Вавилон и Библия // *Критическое обозрение*. 1909. Вып. 8. С. 5–15; *Его же.* Иисус и первые христианские общины. М.: Денница,

держание же данных трудов отчетливо демонстрирует приверженность Н.М. Никольского идеям так называемой «исторической школы», подвергавшейся в советской науке серьезной критике. Р.Ю. Виппер, напротив, еще в начале XX в. поддержал выводы сторонников «мифологической школы», усомнившихся в реальности новозаветной истории, и, в результате, сохранив верность данным постулатам до середины 1940-х гг., он, несмотря на свое эмигрантское прошлое и критику В.И. Ленина⁸, оказался ближе к ключевым идеям советских ученых, чем «правoverный марксист» Н.М. Никольский⁹.

В Архиве РАН сохранились два экземпляра интересующей нас рецензии. Первый – это рукопись Н.М. Никольского, подготовленная автором для последующего перепечатывания. Она выполнена на двенадцати листах, исписанных автором с двух сторон синими чернилами, и содержит значительное количество исправлений. Последние можно разделить на две большие группы. В первую войдут зачеркнутые Н.М. Никольским слова и фрагменты текста, во вторую – выполненные им же вставки на полях (рукописные дополнения на листах основного текста рецензии и рукописные фрагменты, выполненные на отдельных листах и вклеенные в основной текст рецензии) и внутри предложений. Второй экземпляр – это машинописная версия рецензии, представленная на девятнадцати листах, отпечатанных с одной стороны и имеющих нумерацию в верхнем правом углу. Она является неполной, в ней отсутствуют листы под номерами 4–6, 12–14, 16–19. Кроме того, при нумерации листов дела архивистом лист под номером 18 получил ошибочный номер, что привело к нарушению авторской логики повествования. В машинописном варианте

1918; *Его же*. Талмудическая традиция об Иисусе // Труды БГУ. Минск, 1925. № 7. С. 138–161; *Его же*. Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства. М.: Мир, 1922.

⁸ В.И. Ленин обвинял Р.Ю. Виппера в том, что он не только не воевал с пред-рассудками, но и высказывал смешную и прямо реакционнейшую претензию подняться выше обеих крайностей: идеалистической и материалистической. См.: *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // ПСС. Т. 45. С. 27.

⁹ О давнем увлечении Р.Ю. Виппера идеями мифологистов см.: *Bunper P.Ю.* С Востока свет: публичная лекция, прочитанная в Москве 2 ноября 1906 г. М.: Типография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1907.

рецензии встречаются карандашные пометы на полях и в основном тексте (горизонтальные и вертикальные подчеркивания) и рукописные вставки двух видов: иностранные термины и имена собственные, вписанные в текст от руки синими чернилами, и дополнительные фрагменты размышлений Н.М. Никольского, вклеенные на листах 26 и 28.

При подготовке материала к публикации версии автографа и машинописи были сличены и представлены в виде целостного текста. Основой для его построения стал рукописный вариант рецензии Н.М. Никольского, являющийся, как мы говорили ранее, наиболее полным. В публикуемый документ были включены все пометы автора в основной части текста и на полях и все фрагменты, вклеенные в рукописную и печатную версии рецензии; слова и предложения, зачеркнутые автором, были нами опущены за исключением карандашных помет в машинописи, характер которых точно не был установлен. При публикации рецензии мы сочли возможным специально отметить лишь те фрагменты, которые отсутствуют в машинописной версии рецензии, лишенной десяти страниц, их границы были выделены знаком «/»; указания на остальные исправления, дополнения и пометы автора были нами опущены, т.к., в виду их количества, подобные комментарии привели бы к значительной перегруженности текста и сложностям его восприятия. Орфография и пунктуация автора были приведены в соответствие с современными нормами. Имевшиеся в тексте ошибки исправлены. Ссылки Н.М. Никольского на литературу даны, как и в авторском варианте, в тексте в круглых скобках, однако оформление библиографических ссылок, за исключением отдельных случаев, было максимально приближено к современному. Ссылки на исторические источники даны в соответствии с современными правилами цитирования. Варианты их наименования в тексте упорядочены. Термины и имена, способные вызвать затруднение у читателя, снабжены необходимыми комментариями, приведенными в виде подстрочных сносок.

Рецензия

Новая работа акад[емика] Р.Ю. Виппера не является его первой работой в области истории раннего христианства. Еще в 1918 году он выпустил небольшую и неудачную книжку о возникновении христианства¹⁰, в которой заявил, по выражению [В.И.] Ленина, «претензию подняться выше обеих крайностей» – «идеалистической и материалистической» (Ленин В.И. Собр. соч. Т. XXVII. С. 185) и охарактеризовал христианство как религию богатых с самого начала. Рассматриваемая сейчас работа, написанная в совершенно иных условиях, чем в 1918 году, посвящена специальной теме – вопросу о возникновении христианской литературы. Это чрезвычайно важная тема, поскольку наши сведения о первоначальном христианстве мы вынуждены почерпнуть почти исключительно из произведений христианской новозаветной литературы. Но это также и чрезвычайно трудная тема, поскольку ее разрешение должно базироваться на каком-то совершенно определенном и бесспорном исходном пункте. Таким пунктом может быть точно датированный и бесспорно исходящий из христианской среды литературный памятник, опираясь на который мы могли бы не только ориентироваться в вопросах времени и среде происхождения других памятников христианской литературы, но также – и это особенно важно – получить надежную базу для определения социального характера и идеологии этой среды в это время. Только таким путем мы можем и должны идти, так как, к сожалению, для точной датировки подавляющей части произведений ранней христианской литературы у нас не имеется никаких непосредственных надежных данных. Трудности такого пути усугубляются еще тем обстоятельством, что исследование над текстами произведений новозаветной и другой раннехристианской литературы велось преимущественно богословами всех мастей, и что даже самые критические из них не могли целиком отрешиться от религиозных и идеалистических презумпций и стать на вполне объективную научную почву. Поэтому эта новая работа такого крупного историка, каким является Р.Ю. Виппер, была особенно интересна, но и весьма ответственна, поскольку советские историки и советские читатели были вправе ожидать, что в ней автор учтет свои прежние ошибки, отрешится от своей прежней колеблющейся позиции между «идеализмом и материализмом» и при разрешении поставленной им проблемы пойдет в одном ряду со всем коллективом

¹⁰ *Bunneper P.Ю.* Возникновение христианства. М.: Фарос, 1918.

советских историков, руководящихся марксистско-ленинским методом исторического исследования и работами классиков марксистско-ленинизма.

Становясь на такой путь, акад[емик] Р.Ю. Виппер сразу выиграл бы надежную исходную позицию для разрешения поставленной им проблемы. Как известно, [Ф.] Энгельса также занимала проблема раннего христианства, и при рассмотрении ее он также стремился найти прочный исходный пункт в виде надежно датированного и действительно христианского литературного произведения. [Ф.] Энгельс считал, что «единственная до сих пор научная основа наших познаний в области истории раннего христианства» это – «немецкая критика библии», но что ее основное направление, Тюбингенская школа¹¹, идет лишь «настолько далеко, насколько это возможно для теологической школы», и пытается «спасти все, что еще возможно спасти»¹². В противоположность этой школе [Ф.] Энгельс указывал на другое направление, представленное Бруно Бауэром¹³, и отметил огромную заслугу последнего в привлечении к исследованию чисто греческих и греко-римских элементов, «которые и проложили для христианства путь к превращению его в мировую религию»¹⁴. Однако [Ф.] Энгельс также отметил, что [Б.] Бауэр «как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, хватил в этом деле через край, – отодвинув возникновение новой религии на 50 лет вперед, ко времени Флавиев, а возникновение христианской литературы – к эпохе Антонинов и Марка Аврелия»¹⁵. Таким образом, остались еще спорные вопро-

¹¹ Тюбингенская, или новотюбингенская, школа – немецкая рационалистическая протестантская школа экзегетики, сложившаяся в Тюбингенском университете в первой половине XIX в.

¹² Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 473.

¹³ Бауэр Бруно (1809–1882) – немецкий протестантский теолог, принадлежавший изначально к правому крылу гегельянства, но перешедший на позиции борьбы с религией и превративший всю историю первоначального христианства в миф.

¹⁴ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. С. 473.

¹⁵ В данном случае Н.М. Никольский соединил в одну цитату несколько фрагментов предложений из работы Ф. Энгельса «К истории первоначального христианства». Во втором издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса этот текст звучит следующим образом: «Разумеется, Бауэр, как и все, кто борется с закоренелыми предрассудками, во многом хватил через край. Чтобы установить на основании также и литературных источников влияние Филона и особенно Сенеки на формирующееся христианство, а новозаветных писателей представить прямыми плагиаторами упомянутых философов, Бауэру пришлось отнести возник-

сы, и, по мнению [Ф.] Энгельса, весьма сомнительно, можно ли установить «действительную истину при нынешних условиях»¹⁶. «Новые находки в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте, дадут здесь гораздо больше, чем какая угодно критика»¹⁷ (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI – II. С. 414–416).

Однако, по мнению [Ф.] Энгельса, критическая работа немецких теологов дала два весьма важных и бесспорных достижения: она показала, что «в Новом завете есть одна единственная книга, время написания которой можно определить с точностью до нескольких месяцев»¹⁸ – «Откровение Иоанна», написанное между июнем 67 г. и январем или апрелем 68 г., и кроме того, установила хронологическую последовательность и взаимную зависимость друг от друга евангелий. Решающее значение имеет дата «Откровения». Эта книга, по выражению [Ф.] Энгельса, «относится к самым ранним временам христианства»¹⁹, и при чтении этой книги можно составить «представление о том, как выглядело христианство в своем первоначальном виде»²⁰ (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI – II. С. 414, 416; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XV. С. 605). Таким образом, в «Откровении Иоанна» мы не только имеем точно датированный исходный пункт для разрешения проблемы о возникновении христианской литературы, но и находим аутентичный материал для характеристики первоначального христианства со стороны его социальной основы, его идеологии, его организации. Пользуясь этим материалом и привлекая к его освещению и толкованию данные о социальных отношениях, социальном кризисе и острой классово- и национальной борьбе в Римской импе-

новение новой религии на полсотни лет позже, отбросить не согласующиеся с этим сообщением римских историков и вообще позволить себе большие вольности при изложении истории. По его мнению, христианство как таковое возникает только при императорах из династии Флавиев, а новозаветная литература – только при Адриане, Антонине и Марке Аврелии». См.: *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства. С. 474.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Во втором издании эта цитата дана несколько иначе: «Новые находки, в особенности в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте помогут в этом вопросе гораздо больше, чем какая угодно критика». См.: *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства. С. 474.

¹⁸ Там же. С. 475.

¹⁹ Там же.

²⁰ Заметим, что приведенная цитата характеризует мнение Б. Бауэра, переданное Ф. Энгельсом. См.: *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 309.

рии I в. н. э., [Ф.] Энгельс дает сжатое, но конкретное, яркое и законченное изображение причин возникновения христианства, его первоначального харак²¹тера и его последующей судьбы. Два очерка [Ф.] Энгельса, посвященные этому вопросу, являются как бы программой больших исторических исследований, завещанных нам великим учителем²².

Поэтому вполне естественно, что мы, советские историки, обращаясь к новой книге академика Р.Ю. Виппера, прежде всего интересуемся вопросом как отозвался ее автор на заветы [Ф.] Энгельса. Однако первые же страницы повергают нас в этом отношении в большое недоумение. Автор заявляет, что «документы раннего христианства были до сих пор предметом почти исключительно теологического и только отчасти философского изучения, что они «совсем не изучались как отражение социальных сознаний и социальных настроений известного века»²³, что ученые XIX века, «за исключением только Бруно Бауэра и Фридриха Энгельса принимали всю конструкцию новозаветных книг» и «не выполнили научной задачи, поставленной веком просвещения»²⁴. Перелом дали исследователи XX века – [Б.] Смит, [Дж.] Робертсон,

²¹ Начинается фрагмент текста, отсутствующий в рукописной версии.

²² Речь идет о двух небольших статьях Ф. Энгельса, посвященных вопросу происхождения христианства: «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» и «К истории первоначального христианства». См.: *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство. С. 306–314; *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства. С. 465–492. Любопытно, что Н.М. Никольский, как и А.Б. Ранович в монографии «Очерк истории раннехристианской церкви», не называет еще одной статьи Ф. Энгельса – «Книга откровения», которая к моменту подготовки рецензии была опубликована в первом издании собрания сочинений «классиков». См.: *Энгельс Ф.* Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. С. 7–13.

²³ В оригинале цитата выглядит следующим образом: «Документы раннего христианства были до последнего времени предметом почти исключительно теологического и только отчасти философского изучения; как произведения текущей литературы своей эпохи, как отражение социальных состояний и социальных настроений известного века, ни апокалипсы, ни послания, ни евангелия совсем не изучались». См.: *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1946.

²⁴ В монографии Р.Ю. Виппера приведенные Н.М. Никольским предложения идут в обратной последовательности: «Ученые XIX века, работавшие по большей части методами рационалистической школы, не исполнили научной задачи, поставленной веком просвещения. За исключением только Бруно Бауэра и Фридриха Энгельса, они принимали всю конструкцию, созданную авторами новозаветных книг». См.: *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 4.

[А.] Дреус, [М.] Фридендер, [А.] Немоевский²⁵ – которые «работая иными методами», показали, что эпоха «возникновения новой религии должна быть перенесена с первой половины I в. на вторую половину II в.»²⁶. Но это только общий отрицательный итог, положительную работу – показать подготовку раннего христианства – надо еще сделать. Р.Ю. Виппер приступает к рассмотрению этой проблемы и, прежде всего, ставит на новую почву вопрос о возникновении христианской литературы, поднимает вопрос о хронологическом первенстве «Учения двенадцати апостолов» и «Пастыря» Гермы (апокрифов первой половины II в.) перед новозаветными сочинениями и некоторые историко-литературные вопросы (С. 3–5). Другими словами, акад. Р.Ю. Виппер солидаризируется не с [Ф.] Энгельсом, а с «новаторами» XX в., и древнейшим произведением того комплекса, который обычно называется христианской литературой, считает не «Откровение Иоанна», а «Учение двенадцати апостолов». Мы ожидаем критики положений [Ф.] Энгельса; но наше недоумение только еще более увеличивается, когда мы на последующих страницах вместо критики [Ф.] Энгельса встречаем восхваление последнего: [Ф.] Энгельс дал «две замечательные»²⁷ даже «классические» работы²⁸, в которых видно «гениальное прозрение глубоко научного ума»; к «блестяще развитым и доказательным тезисам» [Ф.] Энгельса [Р.Ю.] Виппер «по-

²⁵ Речь идет об исследователях, относимых в советской историографии к так называемой «мифологической школе». Являясь преимущественно не историками, они отвергли достоверность свидетельств источников о раннем христианстве. См. об этой школе, напр.: *Лившиц Г.М.* Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск: Высшая школа, 1970.

²⁶ У Р.Ю. Виппера этот фрагмент текста выглядит следующим образом: «Исследователи XX века (Смит, Робертсон, Дреус, Фридендер, Немоевский), работая иными, можно сказать, противоположными прежним методами, действительно развеяли вековую легенду о происхождении христианства. Они показали, что унаследованная нами, прожившая 1800 лет конструкция возникновения новой религии должна быть перенесена с первой половины I века на вторую половину II века». См.: *Bunneper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 4.

²⁷ Р.Ю. Виппер ссылается в данном случае на «Книгу откровения» и «К истории первоначального христианства» Ф. Энгельса, добавляя, что «очень ценную характеристику раннего христианства мы находим также в статье Энгельса "Бруно Бауэр и раннее христианство"». См.: *Bunneper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 94.

²⁸ «Классической» Р.Ю. Виппер называет только одну работу Ф. Энгельса – «К истории первоначального христианства». См.: *Bunneper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 119.

зволяет себе сделать лишь несколько добавлений» (С. 94, 97, 119) и (добавим мы) одну весьма важную оговорку: «Энгельс не был специалистом в вопросах критики Н[ового] З[авета] и отдавал им внимание только как любитель, предоставляющий этим вопросам свои досуги» (С. 119). Но и «несколько добавлений», которые хочет сделать Виппер к тезисам [Ф.] Энгельса, носят также несколько неожиданный характер: эти «добавления» касаются не каких-либо деталей, но распространяются на протяжении всей книги и в итоге дают совершенно иную концепцию социальных основ возникновения христианства, социального состава первых христианских общин, хронологии и самого христианства, и христианской литературы. Для [Ф.] Энгельса «Откровение» – «самая старая книга из всей христианской литературы», «несомненно самый древний христианский документ», который вскрывает «святую святых раннего христианства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI – II. С. 419, 422²⁹). «Откровение», по [Ф.] Энгельсу, отражает веру новых, возникших среди малоазийского иудейства общин «страждущих и обременённых», общин, члены которых еще называют себя иудеями, но не сознают, что они уже нечто иное, чем иудейство, что они уже христиане, но еще не осознавшие себя таковыми (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI – II. С. 419, 430). Это вера воинствующих общин, которая «испытывается только в деятельной пропаганде, в неустанной борьбе внешними и внутренними врагами, в горделивом признании своей революционной точки зрения перед лицом языческих судей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI – II. С. 422, 430)³⁰. Напротив, [Р.Ю.] Виппер считает, «Откровение» возникло среди палестинского иудейства и носит чисто иудейский характер, что его автору «ближе всего интересы иудейского купечества» в борьбе последнего с «коммерсантами [(εμπτοροι)] и мореходами (ναύκληροι) торжествующей языческой нации» (ссылаясь при этом на 18 главу «Откровения», которая, как общепризнано, является перефразой пророчества о падении Тира в 23 главе книги Исая)³¹. Однако [Р.Ю.] Виппер выводит, что «Откровение» отра-

²⁹ Характеристика «Откровения» как «самой старой из всей христианской литературы» приводится на другой странице первого издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. См.: *Энгельс Ф. К истории раннего христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Т. XVI – II. С. 430.*

³⁰ Приведенный фрагмент цитаты находится на с. 430 работы Ф. Энгельса.

³¹ *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 99.

жает «настроения и чувства зажиточного городского общества иудейской народности» (С. 98–101³²) и, кроме того, замечает, что «Откровение» является также «памфлетом великого иудейского восстания»³³ (С. 106). Тем самым, [Р.Ю.] Виппер отвергает всю концепцию «Откровения» у [Ф.] Энгельса и на ее место ставит свою, противоположную по существу концепцию, принимая только дату «Откровения» и отрицая начисто характер и содержание этой книги как самого раннего произведения христианской литературы, которое по [Ф.] Энгельсу, «отражает представление первых христиан с правдивостью»³⁴. По мнению [Р.Ю.] Виппера «Дидахэ» («Учение двенадцати апостолов») и «Пастырь» Гермы, которые, по его мнению, древнее «Откровения», также не являются произведениями христианской литературы, это – только «предшественники христианства». «Пастырь» отражает идеологию представителей «стерилизованного иудейства»³⁵, «классовая манифестированность которых находит себе границу снизу на черте перехода к бедности», а сверху опирается в богатых³⁶ (С. 35–38, 47–48). «Дидахе» – также иудейский памятник, вышедший посреди египетской иудейской секты иисуситов, не имевшей ничего общего с беднотой (С. 55 и след.). Если [Ф.] Энгельс датирует первые христианские общины, возникшие на иудейской почве, серединой I в., то [Р.Ю.] Виппер полагает, что вплоть до Антонина Пия (138–161 гг.) существовал только «иудейский мессианизм», отчасти националистически революционный, отчасти мистический, и, только в свя-

³² Приведенная Н.М. Никольским цитата находится на с. 101 монографии Р.Ю. Виппера.

³³ Н.М. Никольский не вполне точен в передаче мысли цитируемого автора. На странице 106 упомянутой ранее монографии Р.Ю. Виппер указывал, что «памфлетом эпохи великого иудейского восстания» является только первая часть «Апокалипсы», тогда как дошедший до нас текст представляет собой механическое соединение двух документов. См.: *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 106.

³⁴ Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. С. 475.

³⁵ По оценке Р.Ю. Виппера, в «Пастыре» мы видим «стерилизованный, абстрактный иудаизм, главная черта которого – отсутствие какой бы то ни было национальной окраски, иудаизм, растворившийся в космополитизме». См.: *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 36.

³⁶ На указанных страницах мы не найдем приведенной Н.М. Никольским цитаты. По смыслу ближе всего оказывается следующий фрагмент работы Р.Ю. Виппера: «Его классовая заинтересованность находит себе границы снизу на черте перехода к бедности». См.: *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 48.

зи с политикой Антонина Пия, произошел переворот, приведший к образованию христианской церкви на греко-римской почве. Таким образом, если [Ф.] Энгельс строит³⁷ историю христианства как непрерывный трехвековой процесс превращения возникших на почве иудейства первоначальных христианских общин в мировую христианскую церковь Никейского собора, то [Р.Ю.] Виппер разделяет четкой разграничительной чертой дохристианские чисто иудейские общины I [в.] и первой половины II в. и христианскую церковь с эпохи Антонина Пия на греко-римской почве.

Возникает вопрос: как же при таком коренном принципиальном расхождении [Р.Ю.] Виппера с [Ф.] Энгельсом надо понимать ту оценку, которую дает работам [Ф.] Энгельса [Р.Ю.] Виппер. Если работы [Ф.] Энгельса «замечательные», «классические», похваливающие «гениальное прозрение глубоко научного ума», содержащие в себе «блестящие развитые и доказанные тезисы», то ведь остается только признать эти тезисы бесспорными и руководится ими в исследовании истории раннего христианства. Однако, академик [Р.Ю.] Виппер поступает как раз наоборот и следует тезисам совсем других авторитетов, названных им в предисловии к его книге. Нельзя не отметить такого же странного отношения академика [Р.Ю.] Виппера и к первой пока советской работе в области истории раннехристианской церкви профессора А.Б. Рановича, в которой автор дает очерк истории раннехристианской церкви, руководствуясь тезисами [Ф.] Энгельса³⁸. По поводу этой книги [Р.Ю.] Виппер пишет, что «факт позднего составления новозаветных сочинений, далеко отстоящего от официальной церковной даты, а также определение манеры евангелистов, как метода компиляторского, [–] превосходно обоснованы в книге А.Б. Рановича» (С. 130). Отсюда можно было бы заключить, что академик [Р.Ю.] Виппер согласен и с той «превосходно обоснованной» датировкой, какую дает проф[ессор А.Б.] Ранович. Однако из дальнейших глав работ академика [Р.Ю.] Виппера обнаруживается, что академик [Р.Ю.] Виппер резко расходится и с проф[ессором А.Б.] Рановичем. Вот сравнительная таблица³⁹:

³⁷ Завершается фрагмент текста, отсутствующий в печатной версии.

³⁸ *Ранович А.Б.* Очерк истории раннехристианской церкви. М.: ОГИЗ; ГАИЗ, 1941.

³⁹ В оригинальном тексте Н.М. Никольского материал был оформлен в виде отдельных предложений. При подготовке публикации, для удобства восприятия информации, мы привели их в табличный вид.

	Послания Павла		Синоптические евангелия	Деяния
	подлинные	остальные		
Р.Ю. Виппер	130–140 гг.		160–170 гг.	170–180 гг.
А.Б. Ранович	конец I – начало II в.	120–150 гг.	первая четверть II в.	начало II в.

Мы видим, что проф[ессор А.Б.] Ранович располагает новозаветные сочинения (кроме «Откровения») между концом I в. и 150 г., а [Р.Ю.] Виппер – между 130 и 180 гг. В чем же тогда «превосходное обоснование» хронологии [А.Б.] Рановича, если оно так резко расходится с хронологией [Р.Ю.] Виппера? Нам кажется, что можно дать только одно объяснение таким с первого взгляда непонятым заявлениям акад[емика Р. Ю.] Виппера по адресу [Ф.] Энгельса и [Р.Ю.] Рановича. Это объяснение заключается в том, что фактически акад[емик Р.Ю.] Виппер, как это совершенно очевидно, не согласен с концепцией [Ф.] Энгельса и не может, конечно, согласиться с выводами [А.Б.] Рановича, основанными на тезисах [Ф.] Энгельса; но в Советской стране «долг вежливости» обязывает выразить почтение и уважение по отношению к принятым в ней идеологическим авторитетам. Однако ученые Советской страны не признают условностей вежливости и предпочитают открытое выражение мнений.

С этой стороны акад[емик Р.Ю.] Виппер сделал крупную тактическую ошибку. Ведь ему должно быть известно, что, как не раз указывали В.И. Ленин и тов[арищ] И.В. Сталин, нельзя смотреть на «теорию [К.] Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное»⁴⁰. [В.И.] Ленин говорит: «Мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех отношениях» (Ленин В.И. Собр. соч. Т. II. С. 492)⁴¹. И еще совсем недавно тов[арищ И.В.] Сталин еще раз напомнил, что «нельзя двигаться вперед и двигать науку вперед без того, чтобы не подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторитетов»,

⁴⁰ Н.М. Никольский в данном случае цитирует фрагмент фразы В.И. Ленина, приводимый в работе И.В. Сталина «Ответ товарищу Разину». См.: *Сталин И.В. Ответ товарищу Сталину* // Сталин И.В. Сочинения: в 16 т. М.: Писатель, 1997. С. 23.

⁴¹ Н.М. Никольский приводит не вполне точную цитату В.И. Ленина, заимствованную из работы И.В. Сталина: «мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни». См.: Там же.

указал, что это относится также и к классикам марксизма, и в качестве примера привел одно устаревшее ошибочное высказывание [Ф.] Энгельса (Сталин И.В. Ответ тов[арищу] Разину // Большевик. [1947]. № 3. С. 7–8)⁴².

Отсюда совершенно ясно, что отнюдь не возбраняется и не исключается критический подход к статьям [Ф.] Энгельса по истории раннего христианства. Основная статья «К истории раннего христианства» написана в 1894 г., и вполне естественно задать вопрос, не устарели ли те или иные ее положения, касающиеся конкретной, фактической стороны дела. За полвека, прошедшие со времени написания этой статьи, новозаветная наука не стояла на месте, и, как указывает [Р.Ю.] Виппер, появилось новое направление, представленное [А.] Древсом, [У.Б.] Смитом, [Дж.] Робертсоном и другими⁴³. Может быть, действительно, в связи с этими и другими работами надо внести те или иные коррективы в положения [Ф.] Энгельса? Поэтому академик [Р.Ю.] Виппер имел право пересмотреть решение вопроса у [Ф.] Энгельса, но при двух обязательных условиях. Первое условие заключается в том, чтобы показать наличие новых фактических данных, заставляющих пересмотреть те или иные положения, характеристики и даты [Ф.] Энгельса. Второе условие заключается в том, чтобы не отклоняться при этом от принципов марксистско-ленинского метода исторического исследования. Что касается до последнего условия, то оно у академика [Р.Ю.] Виппера отсутствует: как будет видно ниже, он придерживается формалистического метода, не имеющего ничего общего с марксистско-ленинским методом исследования. Вопрос о первом условии не так ясен с первого взгляда и на нем мы остановимся в первую очередь.

⁴² В оригинале цитата И.В. Сталина вновь выглядит несколько иначе: «Нельзя двигаться вперед и двигать вперед науку без того, чтобы не подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторов». См.: Там же. С. 22. Заметим также, что упомянутая Н.М. Никольским критика одной из цитат Ф. Энгельса касается его оценки русских полководцев времен Отечественной войны 1812 г. И.В. Сталин писал, что «Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая-де-Толли. А ведь могут найтись в наше время люди, которые с пеною у рта будут отстаивать это ошибочное высказывание Энгельса». См.: Там же. С. 23.

⁴³ Под новым направлением здесь подразумевается «мифологическая школа».

Основные расхождения [Р.Ю.] Виппера с [Ф.] Энгельсом по фактической линии сводятся к двум пунктам. Во-первых, [Ф.] Энгельс читает, что христианство возникло в иудейской среде, и там же возникли первые произведения христианской литературы, а [Р.Ю.] Виппер считает как христианство, так и новозаветную литературу, кроме «Откровения», продуктами греко-римской среды. Во-вторых, [Ф.] Энгельс считает, что христианство при своем возникновении было движением угнетенных, рабов, пролетариев, вольноотпущенных и других «страждущих и обремененных», а [Р.Ю.] Виппер считает, что как «дохристианские» иудейские секты, так и христианские общины II века, состояли из людей с достатком и их «граница снизу» проходила выше бедности. В неразрывной связи с этими различиями находятся также и разногласия хронологические.

Свои положения [Ф.] Энгельс основывал на данных, почерпнутых из новозаветной литературы, которые он сопоставлял с общей картиной социального строя и классовой борьбы в Римской империи I в. н. э., конечно, эта последняя картина осталась неизменной и для историков нашего времени; но толкование и датировка новозаветных данных могли измениться за полвека после статьи [Ф.] Энгельса 1894 г.⁴⁴ [Р.Ю.] Виппер ссылается на работы [А.] Дрекса, [Дж.] Робертсона, [У.Б.] Смита, [А.] Немоевского и [М.] Фридендера. Однако четверо первых занимаются проблемой Иисуса и доказывают, каждый своим особым методом, что Иисуса нельзя считать исторической личностью, что это очеловеченный Бог либо иудейский, либо восточный. Но проблема исторического существования Иисуса – не новая; она была поставлена еще задолго до авторитетов [Р.Ю.] Виппера, впервые французом [Ш.Ф.] Дююи⁴⁵ в 1794 г., затем неоднократно вновь поднималась, Бруно Бауэром в 1850–1852 гг., голландскими богословами в начале 80-х годов [XIX века] и, наконец, [А.] Кальтгофом⁴⁶ в 1902 г. С другой стороны, надо подчеркнуть, что решение проблемы возникновения и социальной основы христианства не зависит от при-

⁴⁴ Речь идет о цитируемой ранее статье Ф. Энгельса «Первоначальное христианство и его историческая роль», которая была впервые напечатана в «Neue Zeit» в № 1–2 за 1894 г.

⁴⁵ Дююи Ш.Ф. (1742–1809) – французский философ, автор астральной теории возникновения христианства. Полагал, что в Новом завете представлена история движения небесных светил.

⁴⁶ Кальтгоф А. (1850–1906) – немецкий протестантский теолог, автор трудов о происхождении христианства.

знания или отрицания исторического существования Иисуса, ибо христианство имело, несомненно, не одного, а многих основателей, и сущность дела заключается не в них, а в образованных ими новых религиозных общинах. Что касается до [М.] Фридлиндера, то и его работа, даже если мы признаем ее правильность, не может опорочить точки зрения [Ф.] Энгельса⁴⁷. [М.] Фридлиндер считает, что Иоанн Креститель и Иисус были чисто иудейскими проповедниками, вдохновителями движения иудейской народной массы (*`am ha`arez*) против фарисейского «ига закона». Но ведь Иисус по христианской традиции не имел никакого отношения к образованию первых христианских общин, появившихся не в самой Палестине, а в иудейской диаспоре. Таким образом, новые авторитеты [Р.Ю.] Виппера не дают ничего такого нового, что могло бы поколебать точку зрения Энгельса на иудейскую основу первых христианских общин. [Р.Ю.] Виппер и сам, по-видимому, понимает это и потому пытается самостоятельно обосновать свое стремление исключить иудейский элемент из раннего христианства путем анализа содержания посланий Павла и евангелия от Луки. Он приходит к выводу, также не новому, что автором посланий Павла был гностик середины II в. Маркион, и выдвигает новое положение, что автор евангелия от Луки был подражателем Плутарха. Но при этом [Р.Ю.] Виппер, однако, почему-то обходит молчанием евангелия от Марка, от Матфея и от Иоанна, а по отношению к евангелию от Луки останавливается только на нескольких чисто формальных моментах и отдельных выражениях, упуская из виду содержание евангелия от Луки в целом и его источники. Тут мы подходим к важнейшему моменту, который подрывает в корне попытку ревизии положений [Ф.] Энгельса. Этот момент заключается в существовании обширнейшей литературы, посвященной критическому анализу содержания евангелий, их языка и литературного жанра, о существовании которой академик [Р.Ю.] Виппер почему-то не упоминает. В составе этой литературы⁴⁸ имеются капитальные работы не только XIX [века], но и в особенности XX века; последние дают новые чрезвычайно веские аргументы в пользу концепции Энгельса по основным вопросам – об иудейской родине христианства и о социально составе и идеологии первоначальных христианских общин.

⁴⁷ Вероятно речь идет о следующем сочинении исследователя: *Friedländer M. Zur Entstehungsgeschichte des Christentums, Wien, 1894.*

⁴⁸ Начинается фрагмент текста, отсутствующий в рукописной версии.

Акад[емик Р.Ю.] Виппер замечает, что во всех новозаветных произведениях за исключением «Откровения», имеются некоторые общие черты, сближающие их с античностью, что суждения евангелий о Галилее и Иисусе сделаны «понаслышке»⁴⁹, что авторы их «стараятся как можно теснее примкнуть к группе греко-римских просветителей»⁵⁰, и что «на широкую арену мировой религии биографии Иисуса помог выйти изумительный художественный талант Плутарха⁵¹» – без Плутарха, «без его βίοι παράλληλοι не было бы и евангелий»⁵² (стр. 143–144, 146). [Р.Ю.] Виппер не без основания ожидает, что это последний его тезис многим покажется парадоксом. Мы можем к этому добавить, что этот тезис действительно является парадоксом, и полагаем, что акад[емик Р.Ю.] Виппер и сам никогда бы его не выставил, если бы не отнюдь не столь резко пренебрежительно к вековой почти критической работе над проблемой литературной истории евангелий немецких ученых- богословов. В этом отношении [Р.Ю.] Виппер также разошелся с [Ф.] Энгельсом и вообще с общеизвестным тезисом марксистско-ленинской методологии, гласящим, что мы должны взять у буржуазной науки и культуры все ее положительные и крупные достижения, конечно, с критической их проверкой. Для акад[емика Р.Ю.] Виппера наиболее важными, типичными работами «ученых XIX века» являются давно устаревшие и «по возрасту», и по содержанию работы [Д.Ф.] Штрауса, Кейма, Таусрата и [Э.] Ренана⁵³. Акад[емик Р.Ю.] Виппер, по-видимому, не осведомлен о том, что новозаветная критика во второй половине XIX в. и в XX в. не стояла на месте, но двигалась вперед и что кроме его

⁴⁹ Доказательства незнания авторами евангелий палестинских реалий I в. н. э. приводятся Р.Ю. Виппером в отдельной главе. См.: *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 119–130.

⁵⁰ *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 144.

⁵¹ В оригинале эта фраза звучит несколько иначе: «На широкую арену мировой религии ей помог выйти изумительный талант уроженца беотийской Хероней, в котором соединился как бы весь цвет греческого философско-эстетического гения». См.: *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 146.

⁵² У Р.Ю. Виппера эта фраза представлена иначе: «без его βίοι παράλληλοι, его жизнеописаний богочеловеков, героев, возведенных в ранг божеств – Тесея, Ромула, Исиды и Осириса – не было бы и евангелий». См.: *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 146.

⁵³ Наиболее известными из перечисленных являются немецкий протестантский теолог и философ, превративший новозаветную историю в миф, Д.Ф. Штраус (1808–1874) и французский филолог и религиовед Э. Ренан (1823–1892), представивший историю возникновения христианства как борьбу конкретных личностей.

пары авторитетов, из которых [Дж.] Робертсон и [А.] Немоевский вряд ли могут вообще быть названы подлинными учеными, в XX веке были еще и другие ученые, более скромные, не гонявшиеся за сенсациями, но проделавшие огромную кропотливую работу, давшую чрезвычайно важные и бесспорные результаты. Говоря конкретно, всякий ученый, приступающий к изучению проблемы возникновения христианской литературы и тем более выдвигающий при этом совершенно новую принципиальную точку зрения, должен, прежде всего, определить свое отношение к так называемой синоптической теории⁵⁴, которая приобрела всеобщее признание, и рядом с решением проблемы «Откровения» дает надежный исходный пункт для разрешения как хронологических, так и литературных вопросов по отношению ко всем остальным произведениям новозаветной литературы. Эта синоптическая теория, отмеченная как неопровержимое достижение и [Ф.] Энгельсом (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. XV. С. 603), коротко говоря, заключается в следующем. Из четырех канонических евангелий первые три составляют более или менее однородную группу, а четвертое и по литературной композиции, и по содержанию, как с повествовательной, так и идеологической стороны, стоит совершенно особняком. Еще в 1838 г. Христиан Готлеб Вильке выступил с работой, в которой показал, что «первоначальным евангелистом» (Urevangelist) надо считать Марка, и что Матфей и Лука были его продолжателями, лишь дополнившими и частично видоизменившими евангелие от Марка⁵⁵. Последующие исследования в этом направлении, в особенности Бруно Бауэра, доказали правильность этого положения с полной наглядностью⁵⁶. Весь текст евангелия от Марка содержится в евангелии от Матфея за исключением 35 стихов и в евангелии от Луки за исключением 90 стихов. Но эти

⁵⁴ Под синоптической теорией понимают положение о текстуальной и смысловой близости первых трех канонических евангелий, тогда как евангелие от Иоанна рассматривается как самостоятельный документ, представляющий иную традицию.

⁵⁵ Х. Г. Вильке (1769 – 1848) – немецкий протестантский теолог, автор упоминаемой Н. М. Никольским работы «Праевангелист». См.: Wilke Ch. G.. Der Urevangelist oder exegetisch kritische Untersuchung über das Verwandtschaftsverhältniss der drei ersten Evangelien. Drezden ; Leipzig: Gerhard Fleischer, 1838.

⁵⁶ Стремление подчеркнуть вклад Б. Бауэра в развитие новозаветной критики являлось отличительной чертой советской науки, для которой маргинальная фигура немецкого теолога, с легкой руки Ф. Энгельса, стала ключевой при рассмотрении историографии XIX в.

два других евангелиста расширили свои евангелия в 1 ½ раза против Марка, введя целый ряд добавлений и частично видоизменив редакцию материалов Марка. Отсюда вытекает, что существовала некоторая основная устная (или письменная?) традиция о жизни и проповеди Иисуса, обработанная автором евангелия от Марка, и что кроме нее существовали другие традиции и вновь скомпонованные или сфабрикованные материалы, которые были использованы авторами евангелий от Матфея и Луки. Последнее надо считать третьим по времени происхождения и литературно наиболее оформленным; его более поздняя датировка подтверждается также и тем обстоятельством, что в то время как Марк и в особенности Матфей стоят в основном на иудейской точке зрения (Иисус послан к «заблудшим овцам дома Израилева», но не к язычникам- псам»), Лука стоит уже на интернациональной и даже «языческой» точке зрения. Четвертое евангелие, от Иоанна, является произведением совершенно независимым от трех «синоптиков»: Иисуса оно изображает не рожденным чудесно от девы обещанным спасителем мессией, а сошедшим прямо с неба божеством-Логосом, принявшим вид человека. Именно в этом евангелии сказывается филоновское влияние в христианской идеологии, которое особенно подчеркивает [Ф.] Энгельс. Четвертое евангелие по всеобщему признанию появилось позже синоптиков, поскольку в нем совершенно отсутствует учение о втором пришествии Христа, пропагандируемое в синоптиках. Общей чертой всех четырех евангелий является их иудейская сцена, в особенности четко выступающая в евангелии от Матфея и от Марка. Что⁵⁷ касается до датировки этих евангелий, то опорным пунктом для синоптиков является имеющееся у всех трех синоптиков *vaticinium post eventum* о втором пришествии Иисуса и суде его над миром, предвестником которого якобы будет разрушение храма и Иерусалима римлянами в 70 г. Отсюда вытекает, что синоптики – позже Откровения, но не позднее начала II в., поскольку в них еще жива память о катастрофе 70 г. и живы эсхатологические ожидания. Что касается до четвертого евангелия, то надежный опорный пункт для его датировки дает найденный в 1935 г. один египетский папирус с отрывками неизвестного евангелия, и в том числе отрывок из семи стихов V главы евангелия от Иоанна. По палеографическим данным этот папирус точно датируется 150 г. н. э., и отсюда следует, что в это время евангелие от Иоанна было уже известно в Египте

⁵⁷ Заканчивается фрагмент текста, отсутствующий в печатной версии.

и послужило одним из источников для составления нового евангелия; следовательно, евангелие от Иоанна появилось на 10–15 лет раньше. Так оправдалось ожидание [Ф.] Энгельса, что данные для окончательного решения проблемы новозаветной литературы дадут новые находки, прежде всего в Египте. При этом открытый в 1935 г. папирус дает объективную точку опоры для датировки других евангелий в соответствии с теми предположениями, какие делались по этому вопросу наиболее объективными немецкими учеными. Таковы выводы критического изучения евангельской проблемы, основывающиеся не на богословских презумпциях, а на объективных данных, добытые путем обычного критического метода исследования, применяемого одинаково ко всем произведениям древних литератур. Нельзя не признать странным что акад[емик Р.Ю.] Виппер, выдвигая свою новую точку зрения как будто считает эти выводы не стоящими ни критике, ни даже упоминания. ⁵⁸ Далее мы должны остановится еще на одном весьма важном, спорном по [Р.Ю.] Випперу, моменте, именно, на вопросе о «иудейской сцене» евангелий. [Р.Ю.] Виппер считает, что авторы евангелий рисуют эту сцену «понаслышке», что она введена искусственным образом. Надо отметить, что аналогичная точка зрения была высказана еще в 1902–1904 г[г.] крупным немецким библеистом [А.] Кальтгофом, который доказывал, что христианство возникло в Италии в связи с движением бесправной массы рабов и разоренных свободных, и что в евангельских повествованиях «проецированы» в Иудею римские хозяйственные и правовые отношения (Kaltgoff A. *Das Christus problem* и *Die Entstenung des Christentums*⁵⁹). Не совсем понятно почему акад[емик Р.Ю.] Виппер умолчал об этом своем предшественнике по линии перенесения колыбели христианства и христианской литературы в греко-римский мир. Может быть, здесь играл роль тот момент, что социальную основу христианства [А.] Кальтгоф, как и [Ф.] Энгельс, находит среди «страждущих и обремененных», что [А.] Кальтгоф все же допускает влияние иудейского мессианизма. Но надо сказать, что и [А.] Кальтгоф, и [Р.Ю.] Виппер одинаково ошибаются, пытаясь опорочить подлинность иудейской сцены в евангелиях. Правда, [А.] Кальтгоф не мог убедиться этой ошибке, поскольку умер

⁵⁸ Начинается фрагмент текста, отсутствующий в печатной версии рецензии.

⁵⁹ *Kaltgoff A. Das Christus problem. Grundlinien zu einer Sozialtheologie*, Leipzig: Eugen Diederichs, 1902; *Idem. Die Entstenung des Christentum. Neue Beiträge zum Christusproblem*, Leipzig: Eugen Diederichs, 1904.

в 1906 г.; но [Р.Ю.] Виппер имел полную возможность избежать этой ошибки, ибо в 20-х гг. вышел давно ожидавшийся монументальный комментарий к Новому Завету из Талмуда и Мидраша (Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch, 4 тома⁶⁰), составленный крупнейшими специалистами в этой области [Г.Л.] Штраком и [П.] Биллербеком ([Н.] Strackund и [Р.] Billerbeck⁶¹). В этом комментарии к соответствующим отрывкам и отдельным стихам новозаветных книг даются параллели из Талмуда и Мидрашей, причем Матфею посвящен целый том. Даже для тех специалистов, которые ранее занимались выделением в евангельской традиции иудейских элементов, этот комментарий принес ряд неожиданностей, обнаружив многочисленные заимствования из Талмуда и Мидрашей в таких книгах, как четвертое евангелие, почти все послания и, в значительной степени, увеличив число таких параллелей и заимствований в трех синоптиках. Эти параллели и заимствования касаются самых различных вопросов экономики, социального быта идеологии, обычаев и фольклора. Если прибавить сюда появившиеся в XX веке лингвистические работы о языке книг Нового завета как со стороны этимологической, так и со стороны синтаксической и лексической, показавшие огромное влияние арамейской речи, то вопрос будет исчерпанным: иудейская сцена евангелий – это не проекция, а реальность.

В связи с этим мы должны остановиться на концепции синоптиков у акад[емика Р.Ю.] Виппера, как подражателей Плутарха. Акад[емик Р.Ю.] Виппер считает, что «[иудейская литература и] иудейская традиция не давали никакой опоры, никаких образцов» для авторов трех первых евангелий, и что без Плутарха, без его βίαι παρὰλλήλοι не было бы евангельской биографии Иисуса, и что последний помог выйти на широкую арену мировой религии, помог выйти «изумительный художественный талант Плутарха»⁶² (С. 146). Мы ожидали бы, что для доказательства этого положения акад[емик Р.Ю.] Виппер даст прежде всего сравнительный обзор синоптической традиции об Иисусе в целом с какими-либо

⁶⁰ Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch. München: Beck, 1922. 4 vol.

⁶¹ Г.Л. Штрак (1848–1922) и П. Биллербек (1853–1932) – немецкие протестантские гебраисты, авторы комментария к Новому Завету.

⁶² У Р.Ю. Виппера на с. 146 читаем: «На широкую арену мировой религии ей помог выйти изумительный художественный талант уроженца беотийской Херонеи, в котором соединился как бы весь цвет греческого философско-эстетического гения».

биографиями Плутарха также в целом или же по крайней мере в основном. Но акад[емик Р.Ю.] Виппер ограничивается весьма немногими мало характерными, часто случайными сопоставлениями отдельных мотивов или выражений, при том таких, какие на поверку говорят против его концепции. Вместе с тем, акад[емик Р.Ю.] Виппер совершенно неправильно полагает, что иудейская традиция не давала евангелистам никаких образцов. Это тем более удивительно, что с этой стороны материал синоптиков досконально изучен целым рядом библеистов, начиная со [Д.Ф.] Штрауса и кончая [Г.Л.] Штраком и [П.] Биллербеком.

Рассмотрим аргументацию и сопоставления [Р.Ю.] Виппера. Прежде всего, остановимся на двух главнейших моментах повествования синоптиков: как рождение Иисуса и на его смерти, воскресении и вознесении. Эти моменты являются определяющими для всего промежуточного повествования, которое стремится показать, что Иисус был действительно богочеловек, мессия, явление которого было предсказано древнеизраильскими пророками. Здесь евангелия, в особенности от Матфея, сами неоднократно ссылаются на определенные места израильско-иудейской традиции, подгоняя под них и канву своего рассказа, и содержание речений Иисуса. Вполне естественно, что и образцы для начала и конца «биографии» Иисуса предшественники [Р.Ю.] Виппера искали и находили в израильско-иудейской традиции. [Р.Ю.] Виппер не обратил внимания на такие не сравнимые ни с каким местом из Плутарха моменты, как родословие Иисуса у Матфея и Луки, составленные на основе родословных еврейской библии, и как обоснование у Матфея рассказа о чудесном рождении Иисуса от девы цитатой из книги Исаии, а места рождения – цитатой из книги Михея. Что касается до рассказа о спасении младенца Иисуса от смерти при избииении младенцев по приказу Ирода, то этот рассказ скопирован с рассказа книги Исход о спасении от такой же смерти новорожденного Моисея. Идея зачатия «от бога» или «от духа» по признанию самого [Р.Ю.] Виппера не принадлежит Плутарху, а заимствована им с Востока; мы же прекрасно знаем, что такая идея была распространена во всех древних религиях, и Плутарх здесь не при чем. Вознесение Иисуса – его апофеоз, – сопоставляемое Виппером с путаной традицией об исчезновении Ромула, также навеяно израильско-иудейской традицией, отчасти библейской легендой о взятии Богом на него живым пророка Илии, а главным образом созданной в позднюю иудейскую эпоху легендой о вознесении на небо Моисея.

Столь же бездоказательны другие сопоставления отдельных моментов традиции с «параллелями» из Плутарха. Так, [Р.Ю.] Виппер особенно подчеркивает наличие представления о «голосе свыше» и у Плутарха, и в евангелиях. Но, во-первых, это представление не является какой-то специфической принадлежностью греческой религии или Плутарха, и, во-вторых, и это самое главное, оно искони существовало в еврейской религии и получило особенное распространение именно в позднеиудейскую эпоху; для обозначения этого «голоса свыше» издревле существовал и специальный термин – «bath gol». [Р.Ю.] Виппер считает, что и демонологию, эту обязательную составную часть любой религии, евангелия заимствовали из Плутарха. Но ведь в евангелиях демоны или бесы выступают как специфически иудейская разновидность этой категории – они скрываются в пустыне, и главой их является Вельзевул, восходящий к израильской эпохе. Кроме того, в евангелиях это не случайность или ⁶³ второстепенный момент, как у Плутарха, а основной: бесы – это враги и людей, и Иисуса, который побеждает их чуть ли не ежедневно или ежечасно. Правда, и сам [Р.Ю.] Виппер вынужден отметить специфические черты демонологии евангелий и допускает здесь влияние религии Заратустры; но и это неудачно, ибо если искать наиболее близкие параллели, то мы найдем их в ассирийско-вавилонской демонологии. По этому вопросу имеется несколько весьма обстоятельных специальных работ, с которыми необходимо ознакомиться всякому, кто занимается изучение евангельской демонологии. Наконец, [Р.Ю.] Виппер ссылается на пример терминов «δαίμονια», «δαίμονες», «πνεῦμα» и др[угих], но с таким же успехом можно ссылаться и на термин «θεός». Столь же мало доказательно предположение Виппера, что евангельский рассказ о распятии Иисуса копирует рассказ Плутарха о повешении трупа Клеомена⁶⁴. В действительности между этими рассказами по содержанию имеется весьма существенная разница: Клеомен пошел на смерть добровольно, вместе со всеми своими сторонниками, которые убили его и себя, и труп его был повешен через два дня после смерти, а Иисус был распят по приговору Пилата живым на кресте. Но даже если допустить здесь влияние рассказа о судьбе Клеомена, то надо учесть, что и в данном случае посредничество Плутарха совершенно излишне, ибо

⁶³ Заканчивается фрагмент текста, отсутствующий в печатном варианте рецензии.

⁶⁴ *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 238.

рассказ о конце Клеомена с чудесным змеем в заключении есть не что иное как александрийская легенда, восходящая к III в. до н. э. и, судя по Плутарху, хорошо известная в Александрии, а, следовательно, и в тамошней иудейской общине. Совершенно бездоказательны такие замечания [Р.Ю.] Виппера, что выражение «много званых, но мало избранных» является «каламбуром», заимствованным, «быть может, из греческого драматурга», или что выражение Иисуса «лисицы имеют норы и птицы свои гнезда, а сын человеческий не имеет, где преклонить голову» воспроизводит выражение Тиберия Гракха у Плутарха⁶⁵. И здесь, если признать заимствование, Плутарх не нужен, ибо дело может идти о ходячей поговорке, которая могла бы сложиться в Италии и оттуда пошла бродить по всему римскому миру. Наконец, совсем непонятно, как можно сопоставлять политический призыв Тесея к соседним племенам о вступлении на равных правах в созданную им общину «сюда идите все народы»(πάντες λέω) с призывом Иисуса «придите ко мне все трудящиеся и обремененные, и я успокою вас» т. д. (Мф. 9: 28–30)⁶⁶. Общего здесь только слово πάντες в начале обращения Иисуса, которое по существу радикально отличается от обращения Тесея и является формой пропаганды нового религиозного учения.

[Р.Ю.] Виппер прав, что существует весьма интересное сходство между «предисловием» к евангелию от Луки и «предисловием» Плутарха к биографии Тесея⁶⁷. Но вся суть дела в том, что здесь мы имеем дело лишь с формальным стилистическим приемом, наличие которого вовсе не превращает третьего евангелиста в подражателя Плутарху по существу. «Литературная манера» для [Р.Ю.] Виппера является первостепенным, решающим моментом (С. 145), но нет надобности доказывать, что для характеристики идеологического и фактического содержания любого литературного произведения этот момент является второстепенным. Если же мы обратимся к существу, к содержанию сравниваемых произведений, то обнаружится, что сами авторы их в своих предисловиях определяют свои задачи различно и это видно из цитат, приводимых самим [Р.Ю.] Виппером. Плутарх будет говорить о «посторонних вещах, чудесах и трагедиях, занимающих поэтов и биографов, неясных и не вызывающих доверия»; автор евангелия

⁶⁵ *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 158, 237.

⁶⁶ Там же. С. 247.

⁶⁷ Там же.

от Луки хочет «по тщательном исследовании всего с начала» дать повествование о совершенно известных между нами событиях в том виде, как нам передали то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова». Таким образом, автор ев[ангелия]от Луки хочет передать уже установившуюся традицию об Иисусе, закрепленную до него «многими», но «по тщательном исследовании», т. е. дать ее в своем понимании. И никакие казуистические рассуждения [Р.Ю.] Виппера на стр[анице] 238 не могут убедить читателя в том, что даже такое «только внешнее, стилистическое подражание» весьма доказательно. Мы не хотим при этом сказать, что стилистический и другие формальные моменты не имеют вообще никакого значения. Напротив, и этот момент учитывается евангельской критикой; однако она подходила к нему не так поверхностно или «с налета», как это делает [Р.Ю.] Виппер, а более глубоким и широким методом, и потому достигла и в этом отношении весьма важных результатов, на которые акад[емик Р.Ю.] Виппер к сожалению также не обратил своего внимания. Было уже давно отмечено, что по своему языку и по лексике, и по грамматическим формам, и по синтаксическому построению – синоптики, также как и «Откровение», весьма отличаются от произведений греческой литературы конца I [в.] и начала II в. В области лексики это имеет отношение вообще ко всей новозаветной литературе, ибо в ней имеется много речений, не встречающихся в «большой» литературе, весьма многие слова употребляются в другом, специфическом значении, и встречаются образцы отличной от общегреческой своеобразной фразеологии. Эти обстоятельства потребовали составления спец[иальных] словарей для новозаветной литературы, без которых чтение и толкование последней затруднительно. Также давно уже отмечен тот факт, что в синоптиках и «Откровении», а также частично в других новозаветных книгах, синтаксический строй речи иудизирован – строение следует образцам речи либо библейских, либо позднеиудейских произведений. А в XX в. вышла еще одна работа, выдержавшая несколько изданий и являющаяся бесспорно одной из значительнейших работ в области литературной проблемы новозаветных произведений. Это работа – «Zichrom Osten» [Г.А.] Дейсмманна ([G.A.] Deissmann)⁶⁸, в которой автор, пользуясь обширными папирологическими египет-

⁶⁸ Вероятно, речь идет о следующей работе немецкого протестантского теолога Г.А. Дейсмманна (1866–1937): *Deissmann G.A. Licht vom Osten. Das Neue Testament und die neuentdeckten Texte der hellenistisch-römischen Welt* Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1909.

скими материалами на греческом языке, вышедшими из среды средних и низших общественных слоев, и заключавшимися в письмах, мелких литературных отрывках, разного рода отрывках морального, религиозного и магического содержания, совершенно наглядно показал самое близкое родство новозаветной литературы по языку и стилю с этой, как [Г.А.] Дейсманн выражается, «малой литературой» (*klein litteratur*) на греческом языке. После этого весьма подробного и тщательного исследования были исчерпаны многие спорные вопросы лингвистического и стилистического характера, и наука получила еще один надежный опорный пункт для определения классового характера той среды, в которой создавались произведения новозаветной литературы, а, следовательно, и раннехристианской общины.

Переходя теперь к этому вопросу, напомним прежде всего, что акад[емик Р.Ю.] Виппер в противность [Ф.] Энгельсу считает «Откровение» произведением, отражающим настроения иудейского купечества и иудейских националистов, поднявших восстание 60–70 гг. Такую же, даже еще более решительную характеристику он дает евангелию от Луки, которое, по его мнению, является одним из первых произведений подлинно христианской литературы⁶⁹. Он ополчается против существующего, по его мнению, взгляда на евангелие от Луки, как на «самое демократическое», и доказывает, что это евангелие, наоборот, утверждает права рабовладельцев и ростовщиков и по существу является «руководством для владельческой преимущественно денежной аристократии»⁷⁰ (С. 267–274). Акад[емик Р.Ю.] Виппер остерегается сделать прямо вывод, что христианство как таковое было с самого начала религией владеющих, рабовладельческих классов, но его вращающиеся вокруг этого вопроса сентенции на последних страницах его книги не оставляют у читателя никаких сомнений в том, что концепция акад[емика Р.Ю.] Виппера в этом отношении осталась неизменной с 1918 г. Вновь и здесь возникает вопрос, имеет ли акад[емик Р.Ю.] Виппер достаточные основания для ревизии концепции [Ф.] Энгельса. Основные аргументы в пользу своей концепции акад[емик Р.Ю.] Виппер почерпает из евангелия от Луки и отчасти из поздних новозаветных посланий. Бесспорно, что все цитаты, которые он приводит, говорят о примиренческом или даже покровительственном отношении к богатым. Но, как всегда,

⁶⁹ Хронологию раннехристианских сочинений у Р.Ю. Виппера см.: *Bun-
ner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 143.

⁷⁰ *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 274.

акад[емик Р.Ю.] Виппер оставляет без должного внимания имеющиеся в евангелии от Луки, а особенно в евангелиях от Марка и Матфея и в первом послании к Коринфянам изречения и притчи, осуждающие богатство и признающие достойными «царства божия» только обездоленных, бесправных, нищих. Кроме ряда общеизвестных мест такого содержания в евангельской традиции, особенно важно в этом отношении выражение из первого послания к коринфянам: в коринфской общине было «мало мудрых по плоти, мало могущественных, мало благоразумных; но глупое мира избрал бог, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал бог, чтобы посрамить сильных, и безродное мира и униженное избрал бог и нестоющее, чтобы посрамить стоящее» (1 Кор. 1: 28)⁷¹. Акад[емик Р.Ю.] Виппер почему-то проходит мимо всех подобных изречений и притч, не интересуется вопросом, откуда в евангельской и другой новозаветной традиции произошло такое бросающееся в глаза противоречие, и чем оно объясняется. Между тем, для всякого серьезного историка этот вопрос является основным; он не остался без решения, и основу для этого решения дает ясная концепция [Ф.] Энгельса. Христианство зародилось в среде «страждущих и обремененных»; с течением времени, к середине II в., когда первоначальные эсхатологические ожидания не оправдались, начался процесс изменения и перерождения христианских общин, выразившийся в проникновении туда богатых, в изменении идеологии, обрядности и организации христианства. Наиболее характерные признаки происходивших изменений заключаются в затухании эсхатологических ожиданий и в выступлении владеющих элементов на руководящее место в христианских общинах. Это ясно, без всяких обиняков отмечается в последних новозаветных посланиях (2 Петр. 3: 3 и Иак. 2: 1–6). Евангелия создавались одновременно и в связи с этим процессом, и отсюда противоречивость их классово направленной. Эту сторону дела акад[емик Р.Ю.] Виппер оставляет совершенно без внимания, целиком отдавшись задаче построить свою собственную концепцию происхождения христианства. Во главу угла этой концепции им положены «Учение двенадцати апостолов» и «Пастырь» Гермона, которые он относит к первой половине I в., и история термина

⁷¹ В синодальном переводе Библии отрывок из этого послания звучит следующим образом: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее» (1 Кор. 1: 27–28).

«христиане». В заключение нашей рецензии мы должны остановиться на этих вопросах.

«Дидахе» («Учение...») и «Герма», которые [Р.Ю.] Виппер выдвигает в качестве древнейших образцов иудейской дохристианской литературы (ранее «Откровения»), принадлежат по их стилю и языку к той же категории «малой литературы». Это не значит, что нельзя вообще ставить вопрос о датировании их первой половиной I в., как это предлагает [Р.Ю.] Виппер; напротив, материалы, использованные [Ф.] Дейсманном, восходят именно к эпохе от I в. до н. э. – до II в. н. э. Но и в данном случае датировка и характер должны быть определены на основании содержания этих документов. Обычно «Пастырь» Гермы датируют 140–170 г[г.] и местом его написания считают Рим, поскольку это произведение обращается к римской общине, к которой принадлежит ее автор, и ко всему христианскому миру для чтения в собраниях. Книга получила широкое распространение наряду с каноническими книгами Нового завета, и найденный в Египте текст ее фигурирует в рукописи вместе с другими отрывками из Нового завета. По «Пастырю» $\epsilon\kappa\kappa\lambda\eta\sigma\iota\alpha$ существует «от начала мира», строится в виде башни [Вид[ения]. III, 2; Подоб[ия]. III, 13⁷²]; в церкви есть «апостолы, учителя, епископы» [Вид[ения]. III, 5]; члены церкви носят имя «сына божия», которое служит опорой всему миру, в церкви есть и богатые, и бедные, причем богатые уподобляются круглым белым камням с белой горы, символизирующих людей чистой жизни [Вид[ения]. III, 6; Подоб[ия]. IX, 31]; есть и бедные, которым богатые должны оказывать помощь милостыней [Вид[ения]. III, 9]; и те, и другие «делают дело: бедные – молитвой, а богатые – милостыней» [Подоб[ия]. II]. Таким образом, здесь оправдывается необходимость существования классов, подобно тому, как в конце II в. Климент оправдывал богатство, из которого можно сделать правильное употребление и, тем самым, «средством обрести спасение»⁷³. Уже этот момент указывает на ту эпоху, когда мог появиться «Пастырь» Гермы. Но еще более надежный опорный пункт для датировки

⁷² Здесь и далее цитаты из «Пастыря» Гермы проверены и указаны по русскому переводу. См.: Пастырь Ерма // Писания мужей апостольских. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. С. 129–247.

⁷³ Наиболее полно идею о возможности спасения богатых Климент Александрийский развил в своем сочинении «Кто из богатых спасется», датированном началом III в. См.: Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется / пер., вст. ст., коммент. и указ. А.Ю. Батрухина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010.

дает сравнение некоторых специфических символов Гермы с символикой учения Монтана из Мизии, образовавшего в 60–70 гг. II в. секту монтанистов.

Акад[емик Р.Ю.] Виппер игнорирует все эти объективные данные. По его мнению, книга была написана в Египте, в среде иудейских сектантов, отражает идеологию «стерилизованного иудейства», а «строящуюся церковь» надо понимать как обозначение «иудейской теократии», мыслимой в качестве организации «избранного богом, предназначенного господствовать во всем мире народа»⁷⁴. Датировать книгу надо первой половиной I в. н. э., поскольку в ней «нет ни звука о Христе, помазаннике божием, как он представляется в 66 г.» (С. 52). Этот вывод делается без всяких оговорок или попыток доказать несостоятельность общепринятого толкования и датировки. Основной и единственный в пользу иудейского происхождения Гермы аргумент, заключающийся в толковании «строящейся церкви» в смысле иудейской теократии, не выдерживает критики, поскольку в I в. н. э. иудейская теократия насчитывала уже более двух веков своего существования, объединяя под организационным, правовым, финансовым и идеологическим руководством иерусалимского центра (первосвященника) иудейские общины диаспоры, рассеянные по всему греко-римскому миру.

Столь же коротко и просто решается вопрос об «Учении двенадцати апостолов», которое по [Р.Ю.] Випперу также из иудейского Египта и также ранее «Откровения». Совпадение первой части «Учения...» с евангельскими текстами [Р.Ю.] Виппер объясняет тем, что евангелия заимствовали этот материал из учения и считает, что под Иисусом надо разуместь не евангелие Иисуса Христа, а дохристианского иудейского бога Иисуса, а под апостолами – иудейских сборщиков храмовых доходов или других «иудейских чиновников» (С. 55–57). Но в «Учении...» упоминаются специфически христианские элементы: крещение, евхаристия, епископы, диа-

⁷⁴ *Bunner P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 49–51. Последнюю цитату, приведенную Н.М. Никольским, мы вновь вынуждены уточнить, т.к. автор рецензии внес изменения в порядок слов в предложении: «В данном случае идея церкви, как тесной организации избранного богом, предназначенного господствовать во всем мире народа, идет от традиции иудейской теократии, сложившейся со времени возвращения из вавилонского плена и имевшей свою конституцию в виде священного кодекса (изложенного в книге Левит, третье по счету Моисеева пятикнижия): иудейское жречество пыталось тут отгородиться от остального мира, замкнуться в особую привилегированную касту наподобие индийских брахманов». См.: Там же. С. 51.

коны, выражения «евангелие господа», «церковь господа», «заповеди господа»; все эти затрудняющие автора элементы он объявляет «позднейшей добавкой» (С. 76). Присоединяя по времени и происхождению «Учение...» к «Пастырю» Гермы, [Р.Ю.] Виппер конструирует «иисуситский» «период иудейского египетского сектанства»⁷⁵. По этому поводу надо отметить, что в иудействе конца I в. до н. э. и I в. н. э., кроме палестинских ессеев, не было других сект. Существующие в раввинистической литературе термины «*minim*», «*minuth*» (еретики, ересь) применяются исключительно к иудеям, перешедшим в христианство или в язычество, и поэтому положение [Р.Ю.] Виппера о развитии в среде иудейства после Маккавеев сектанства является его субъективной гипотезой. Единственный пункт в котором можно согласиться с [Р.Ю.] Виппером по отношению к «Учению...», это предположение, что «Учение...» быть может древнее евангелий и в первой своей части является отрывком из тех многочисленных, разнообразных и противоречивых записей «слов господних», какие ходили в конце I в. среди христиан и послужили одним из источников для евангелистов. Но и это предположение не может считаться доказанным. Поскольку в «Учении...» мы находим ту же позицию по отношению к богатым, как и в «Пастыре», это произведение датируется и должно датироваться самое раннее началом II в.

Наконец, чрезвычайно характерен тот аргумент, который акад[емик] Р.Ю. Виппер считает сильнейшим доводом в пользу своего положения, что христианство появилось только во II в., дав обзор употребления термина «христиане» в римской литературе, где оно появляется впервые, возможно еще при Нероне, и в христианской литературе, где его впервые употребляет Юстин около 150 г., [Р.Ю.] Виппер отмечает положение, что этим термином римляне обозначали и рабов, и разных сектантов, и считает, что именно христиане обозначаются этим термином только с половины II в., а, следовательно, ранее христиан и не было⁷⁶. Термин этот дан

⁷⁵ Реконструкция «иисусизма» как этапа предшествующего появлению собственно христианства была заимствована Р.Ю. Виппером, и он сам это не раз подчеркивал (С. 55, 77), у Дж. Робертсона и У.Б. Смита, а благодаря «Пастырю» Гермы и «Учению двенадцати апостолов» советский автор смог реконструировать идеологию египетских иудейских сектантов, ставших предшественниками будущей мировой религии. См.: *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 79–90.

⁷⁶ Употреблению термина «христиане» в литературе I–II вв. посвящена отдельная глава монографии Р.Ю. Виппера. См.: *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 18–32.

со стороны, был сначала «одиозным», ибо во II в. имя «Мессия – Христос» стало символом антиимперской революционной опасности. До 130–140 гг., – говорит Виппер, – когда по [А.] Гарнаку появились послания Павла, термин «христиане» совершенно в христианской литературе отсутствует: есть только «братья во Христе», «святые во Христе», «принадлежащие Христу» и т. д.⁷⁷ (С. 24). Отсюда [Р.Ю.] Виппер делает вывод, что название «христиане» было дано «могущественно развивающейся секте со стороны» (С. 19), и что поэтому до усвоения этого термина последователями нового учения в половине II в. христиан еще не было. Но мы не можем не спросить академ[емика Р.Ю.] Виппера как же он понимает приведенные им вышеуказанные термины из посланий Павла? Если члены Павловых посланий называют себя «братьями во Христе», «святыми во Христе», «принадлежащими Христу», то почему это должно обозначать что-то другое, чем короткий, пускай римский, термин «христиане»? Следуя своему обычному формалистскому методу, академик Р.Ю.] Виппер и в данном случае совершает ошибку. Римские господа могли под кличку «христиане» валить всех своих классовых и национальных врагов, как сейчас империалисты делают то же самое с термином «коммунисты». Но отсюда не следует, что «братья во Христе» не были такими же христианами, как Юстин и его сотоварищи по вере во второй половине II в. Таким образом, и эта аргументация [Р.Ю.] Виппера столь же мало убедительна, как и все другие.

Мы подходим теперь к заключительному моменту нашей рецензии. Все те неожиданные парадоксы, странное пренебрежение к изучению положительных результатов науки XIX и XX вв., и получающиеся отсюда бездоказательные утверждения и просто ошибки объясняются в конечном счете порочностью метода исторического исследования, применяемого академиком Р.Ю.] Виппером. Это – метод формалистический и метод субъективных гипотетических и поспешных построений. Пользуясь им, академик Р.Ю.] Виппер показывает, что он не только не порывает с антинаучными традициями буржуазной историографии, но, более того, как бы выдвигает их в противовес диалектическому методу [К.] Маркса, [Ф.] Энгельса, [В.И.] Ленина и [И.В.] Сталина. Когда-то, еще

⁷⁷ «Итак, до 130–140 гг., когда «Послания апостола Павла» впервые появились в литературе (как это доказал Гарнак), термин «христиане» совершенно отсутствует: есть только «братья во Христе», «святые во Христе», «принадлежащие Христу» и т.п.». См.: *Bunper P.Ю.* Возникновение христианской литературы. С. 24.

до революции, акад[емик Р.Ю.] Виппер в своем учебнике новой истории, говоря о [К.] Марксе, охарактеризовал его как «левого гегельянца»⁷⁸. Конечно, такая характеристика свидетельствовала, что в то время Р.Ю. Виппер еще не имел и, пожалуй, не мог иметь правильного представления о марксизме. Теперь по адресу [Ф.] Энгельса акад[емик Р.Ю.] Виппер применяет уже другие эпитеты, весьма лестного характера. Но это – только эпитеты, ибо [Р.Ю.] Виппер и теперь не пошел за [Ф.] Энгельсом, а остался на своих странных позициях 1918 г.

Как прежде, так и теперь Р.Ю. Виппер, по-видимому, не разумеет самой сущности марксистской теории – теории диалектического материализма, не имеющей ничего общего с «левым гегельянством», и не овладевает марксистско-ленинским методом исследования. Как тогда, в своем учебнике, Р.Ю. Виппер не дал правильной оценки истории революционной борьбы пролетариата во второй половине XIX в. и вращался по преимуществу вокруг политики капиталистических господ тогдашних государств, так и теперь, при работе над фактами и процессами истории древности, которые [Ф.] Энгельс в своей, восхваляемой [Р.Ю.] Виппером статье, сравнивает с борьбой рабочих в капиталистических странах, он проходит мимо «трудящихся и обремененных», угнетенных рабов, пролетариев, экспроприруемых крестьян, не видит их борьбы, не хочет вслед за [Ф.] Энгельсом вдуматься в их настроения, ожидания и их организации, и интересуется только «просветителями», всюду, где [Ф.] Энгельс видит борющихся, угнетенных, видит обиженных и «разнервничавшихся» (С. 259) богатых и образованных людей, объятых страхом перед возможной катастрофой. Неудивительно, что при таком методе он строит свое здание на песке. Проблема раннего христианства и раннехристианской церкви правильно поставлена и принципиально разрешена [Ф.] Энгельсом. Мы пойдем по его пути и доведем до конца завещанную им важнейшую задачу изучить во всех подробностях историю возникновения христианства и первых трех веков истории христианской церкви.

⁷⁸ Прямой такой характеристики в учебнике Р.Ю. Виппера нами обнаружено не было. См.: *Виппер Р.Ю.* Новая история 1500–1917 гг. 6-е изд. М.: Мирь, 1918. С. 470–471.

**«...Древний восток в своих пережитках
встречается на каждом шагу»: письма египтолога
В.И. Авдиева из Ташкента (1941–1943 гг.)**

В публикации представлены письма известного египтолога В.И. Авдиева из эвакуации в Ташкенте, написанные в 1941–1943 гг. Документы показывают будни жизни ученых в эвакуации, демонстрируют формы и содержание их коммуникации с оставшимися в Москве коллегами, также их можно анализировать как проявление дискурса советского (или шире – русского) «ориентализма».

Ключевые слова: В.И. Авдиев, советская историческая наука, египтология, ориентализм, эвакуация.

V.V. Tikhonov

**"...The ancient East meets in its remnants
at every step": letters of Egyptologist
V.I. Avdiyev from Tashkent (1941-1943)"**

The publication presents the letters of the famous Egyptologist V.I. Avdeev from evacuation in Tashkent, written in 1941-1943: Documents show the everyday life of scientists in the evacuation, demonstrates the form and content of their communications with the Moscow colleagues, as they can be analyzed as the manifestation of discourse of the Soviet (or wider – Russian) "Orientalism".

Key words: V.I. Avdiyev, Soviet historical science, Egyptology, Orientalism, evacuation.

Эвакуация ведущих советских ученых из Москвы и Ленинграда в годы Великой Отечественной войны носила массовый характер. Институт истории АН СССР не был исключением, многие его сотрудники оказались в Алма-Ате (Казахская ССР) и Ташкенте (Узбекская ССР). Среди них был и известный историк-египтолог Всеволод Игоревич Авдеев (1898–1978), который вынужден

был переехать в Ташкент¹. В последнее время опубликовано немало материалов, освещающих жизнь историков в эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее, каждая новая публикация дополняет новые штрихи в общую картину и позволяет выявить важные биографические факты.

До войны В.И. Авдиев уже являлся известным ученым и преподавателем ведущих московских вузов. Его вынужденный переезд в Узбекистан привел к отрыву от привычной научной и образовательной среды, архивов и библиотек. Рукописи уже законченных и начатых научных трудов остались в Москве, также как и личная библиотека.

В столице остался хороший друг и коллега В.И. Авдиева – специалист по истории России член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.) Алексей Иванович Яковлев (1878–1951)². Следует отметить, что А.И. Яковлев помогал многим коллегам, уехавшим из Москвы. В фонде А.И. Яковлева, хранящемся в Архиве Российской академии наук (ф. 665), отложились письма В.И. Авдиева. В них красочно и с интересными подробностями описываются тяготы жизни египтолога в Ташкенте, где климат был непривычно жарким и плохо сказывался на здоровье.

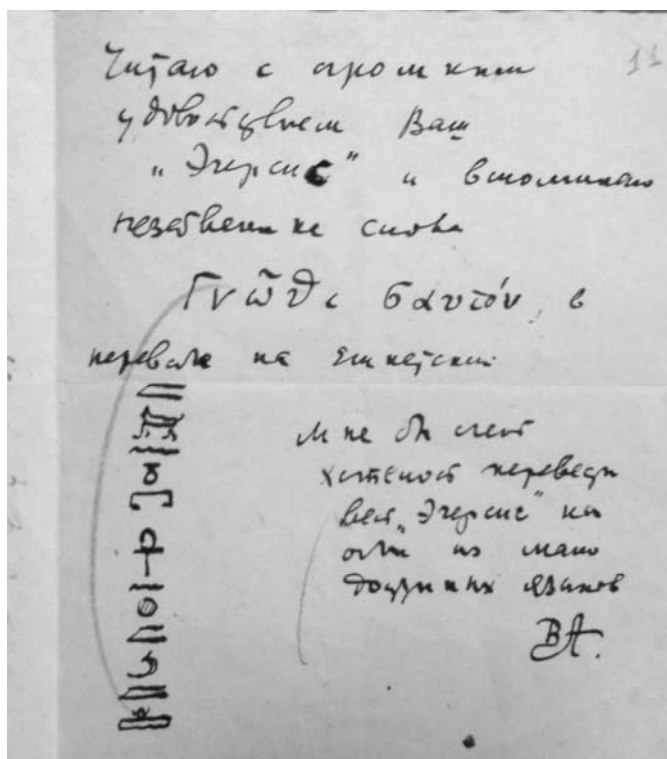
В то же время проживание в среднеазиатском городе рассматривалось им как погружение в восточное общество и его исто-

¹ О нем см.: *Архипова С.В.* Всеволод Игоревич Авдиев и его время: начало научной деятельности (20–30-е гг.) // Древний Египет: язык – культура – сознание. М., 1999. С. 232–246; *Соловьев С.С.* Авдиев Всеволод Игоревич // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 6–7; *Тимофеева Н.С.* Египтолог В.И. Авдиев: неизвестные документы о пути в науку // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141). С. 66–77; *Осипова Н.М.* Мастера российской историографии: Всеволод Игоревич Авдиев (1898–1978) // Исторический архив. 2016. № 2. С. 119–134; *Тимофеева Н.С.* «Моя партийная совесть не позволяет мне молчать...»: Инициативы В.И. Авдиева и Н.С. Петровского по организации советского научного присутствия в Египте в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2. С. 320–349; и др.

² О нем см.: *Бочкарев В.Н.* Алексей Иванович Яковлев // Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1952. № 15. С. 101–120; *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012; и др.

рию. Письма В.И. Авдиева можно рассматривать как проявление дискурса советского (или шире – русского) «ориентализма»³. Историк рассматривает советский Восток как продолжение древнего Востока, фактически как неподвижное и экзотическое явление.

Не затихла и научная жизнь эвакуированных ученых. Несмотря на это, пожалуй, главным лейтмотивом писем является стремление В.И. Авдиева вернуться в Москву, к коллегам, студентам, библиотекам и архивам. Переписка шла между высокообразованными людьми, владевшими как древними, так и современными иностранными языками. Поэтому в ней не редкость фразы на латыни или французском языке. В последнем письме есть запись, сделанная при помощи древнеегипетских иероглифов (см. фото).



³ См. дискуссии о «русском ориентализме»: Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005. Раздел III.

В личном фонде В.И. Авдиева сохранилось три письма к А.И. Яковлеву (Архив РАН. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 333). Они датированы 30 января 1942 г., 19 марта 1942 г. и 16 июня 1942 г. Сравнение с письмами в фонде А.И. Яковлева позволяет утверждать, что перед нами документы идентичного содержания, но в сокращенной форме. Вероятнее всего, их следует рассматривать как первые, неоправленные версии писем. Документы публикуются по автографам, хранящимся в фонде А.И. Яковлева, при сохранении их стилистических особенностей. Разночтения с первоначальными версиями указываются в примечаниях в ссылках через звездочку. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Ответных писем А.И. Яковлева обнаружить не удалось.

№ 1

Телеграмма

Ташкента 24/1 201 45 9 12 30 = ПП ТШК 21/12 Москва Горького сто четыре квартира шесть Яковлевым

Эвакуирован с Институтом истории Академии наук, распоряжение ЦеКа Узбекистана. Прошу оказать помощь охране квартиры, библиотеки, рукописей броней Президиума Академии ключи квартиры оставил Феоану⁴ Литусу Станкевича двадцать квартира три телеграфируйте ответ Ташкент девятого января шестнадцать квартира семь = привет Авдиев

Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.

№ 2

Ташкент. 1 января 1942 г.

Дорогой Алексей Иванович,

Сегодня в день Нового года получил от Вас телеграмму. Приятно было от Вас получить весточку, которая оказалась для меня настоящим новогодним подарком. Не знаю, как и благодарить Вас за Ваши любезные хлопоты о моей квартире.

Вот уже два с половиной месяца как я был принужден уехать из Москвы. Все это время я живу в Ташкенте, но все еще не

⁴ Так в тексте.

могу привыкнуть к своему новому положению полу-командированного и полу-эвакуированного. Все время думаю о Москве и о своих московских друзьях. Конечно, как и все здешние москвичи, мы очень жалеем о том, что были вынуждены уехать из Москвы..... *Alea iacta est*⁵ и теперь остается лишь ждать того дня, когда мы снова сможем вернуться в свою родную Москву.

После некоторых трудностей и испытаний мы довольно прилично устроились в Ташкенте, получив хорошую комнату в милой и гостеприимной семье. Работаю я, как и в Москве, в Институте истории Академии наук, который почти переведен в Ташкент. Остро смущало здесь отсутствие своих рукописей, которые я оставил в Москве. Недавно и писал директору библиотеки Академии наук Д.Д. Иванову⁶ и просил мне выслать 4 моих чемодана с рукописями и грузом книг из библиотеки в Ташкент. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы присмотрели бы за отправкой моих чемоданов. Ведь мои рукописи – это вся моя работа за 20 лет.

Простите мне, что я Вас об этом прошу, но больше просить мне в Москве некого. Напишите мне, как Ваше здоровье и какживает Ваша семья. Сердечный привет от меня, жены и Сусанны Вашим супруге, Ольге Алексеевне⁷, и Ивану Алексеевичу⁸.

Благодарный и искреннее преданный
В. Авдиев.

Л. 2-2 об.

№ 3

Ташкент. 30 января 1942 г.

Дорогой
Алексей Иванович,

Послал Вам с оказией письмо и не дождавшись ответа, пишу второе. Объясняется это тем, что хочется лишний раз побеседовать с Вами, хотя бы письменно и от всего сердца* поблагодарить Вас

⁵ Жребий брошен (лат.)

⁶ Иванов Дмитрий Дмитриевич (1896–1980) – специалист по библиотечному делу, директор Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР (1940–1949). Освобожден от должности в результате кампании по борьбе с «безродным космополитизмом».

⁷ Яковлева Ольга Алексеевна (1908–1995) – дочь А.И. Яковлева, историк, кандидат исторических наук.

⁸ Яковлев Иван Алексеевич (1912–2000) – сын А.И. Яковлева, доктор физико-математических наук, профессор МГУ.

* поздравить Вас с крупными победами наших войск (Л. 1).

за хлопоты и заботы, которые Вы так любезно проявили по отношению ко мне. Я знал, что в память старой дружбы Вы не откажетесь принять некоторые меры к охране моей квартиры и библиотеки.

Здесь, вдали от Москвы чувствуешь себя как-то на отлете «sur la branche⁹». Не хватает московских друзей, привычной работы, не чувствуешь вокруг себя московского воздуха, не чувствуешь теплой атмосферы дружеских отношений.

Правда, у нас здесь образовалась своего рода «московская группа» историков, которая теперь уже стала «ташкентской», в отличие от «казанской» и «алмаатинской»¹⁰. Понемногу начинается что-то похожее на восстановление научной работы. Читаются отдельные эпизодические лекции. Р.Ю. Виппер¹¹ довольно смело начал читать курс «Введение в историю Средних веков» (на самом деле поздней римской империи, Bas-Empire¹²). Возможно, что в начале февраля будет историческая сессия, на которой будут выступать местные историки и один из наших понтификов. Лично я продолжаю работу по военной истории Древнего Египта, кроме того усердно учу «узбекчи», т.е. узбекский язык и понемногу начинаю заниматься историей Узбекистана в древности. Между делом написал методическое пособие для школы по заданию Наркомпроса¹³. Увы! «Après l'Agésilas, Hélas!»¹⁴ – пришлось согрешить в области педагогики. Но все же очень не достаёт мне постоянной педагогической работы со студентами и аспирантами. Ведь Моск[овский] Университет и МИФЛИ¹⁵ вне пределов моей досягаемости – в Ашхабаде!

⁹ На ветке (франц.).

¹⁰ Другая часть сотрудников Института истории АН СССР находилась в эвакуации в Казани и Алма-Ате.

¹¹ Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, академик АН СССР (1943).

¹² Поздняя империя (франц.).

¹³ *Авдиев В.И.* Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы. Уз. ССР. Вып. 1: Древняя история. Ташкент, 1952.

¹⁴ Цитата из остроты французского поэта и критика Н. Буало, который в 1666 г. написал по случаю постановки трагедии П. Корнеля «Агезилай»: «J'ai vu l'Agésilas, Hélas!» («Я смотрел „Агезилая“, увы!»), а на следующий год после представления «Аттилы» того же П. Корнеля прибавил: «Après l'Agésilas, Hélas! Mais après l'Atilla, Holà!» («После „Агезилая“ – увы! Но после „Аттилы“ – ого!»).

¹⁵ Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ) – высшее учебное заведение гуманитарного профиля, существовал с 1931 по 1941 г. Был объединен с МГУ.

А здесь в Ташкенте на историю древнего востока смотрят, как на возмутительную роскошь, хотя древний восток в своих пещерах встречается на каждом шагу.

Весь «махалля¹⁶» (старый город) со своими чайхонэ¹⁷ и минаретами¹⁸, со своими арыками¹⁹, [неразб.] домиками, глиняными стенами и внутренними двориками, где в сумерках мелькают редкие и таинственные силуэты гаремных затворниц, закутанных паранджой²⁰ – все это живой восток, хранящий глубочайшие пласты скрытых сил и подземных [неразб.], уходящих в седую даль тысячелетий.

Родной моему сердцу восток окружает меня со всех сторон. Но все же сердце рвется в Москву. Вчера в Москву поехала Анна Михайловна²¹. Не знаю, чья будет следующая очередь. Надеюсь, что наши войска скоро окончательно разобьют проклятых германских фашистов, и что мы скоро встретимся с Вами.

Позвольте Вас еще раз поблагодарить за внимание, которое Вы оказали мне и всей моей семье.

Я думаю, что мое беспокойство Вам понятно. Ведь в Москве остаются мои ближайшие родственники, моя квартира, библиотека и все мои научные рукописи – результат моих 20-летних научных работ. А сколько моих работ лежит дома в рукописи и все еще не напечатанных.

Очень рад был бы получить от Вас письмо, хотя бы краткое. Напишите мне, как Вы себя чувствуете и как живут все члены Вашей семьи.

Шлю сердечный привет Вам, Вашей супруге и всей Вашей семье,

Искренне преданный Вам и всегда о Вас помнящий
В. Авдиев.

Л. 3–4 об.

¹⁶ В исламском мире городской квартал, обладающий самоуправлением. Как правило, центром является мечеть.

¹⁷ Чайная.

¹⁸ Башня, с которой муэдзин призывает верующих мусульман на молитву.

¹⁹ Оросительные каналы.

²⁰ женская верхняя одежда в мусульманских странах.

²¹ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – историк, академик АН СССР (1953).

Ташкент. 19 марта 1942 г.

Дорогой Алексей Иванович,

Позвольте Вас поблагодарить за те хлопоты и за те заботы, которые Вы проявили по отношению ко мне и к моей семье. Находясь вдали от Москвы особенно остро чувствуешь каждое доброе слово, будь то в телеграмме или в письме. Нам здесь очень не достает наших московских друзей. Однако, я уверен в том, что мы снова скоро встретимся в Москве.

Нас всех очень огорчило сообщение о Вашей болезни. Я узнал об этом из любезного письма Ольги Алексеевны и из Вашего письма, которые дошли до нас почти одновременно. Я надеюсь, что Вам теперь уже лучше и что к весне Вы совсем поправитесь. Мы все искренне желаем Вам возможно скорого выздоровления и, главным образом, облегчения Ваших болей. Я Вам особенно сочувствую, т.к. я сам все это время основательно хворал. Моя сердечная болезнь настолько обострилась, что меня положили в больницу, и мне пришлось ровно месяц пролежать в так называемом Институте методов физического лечения в строгой изоляции, соблюдая строгий «постельный режим». Тягостно было быть в постельном окружении тяжелобольных. Так, например, неподалеку от меня лежал И.А. Каблуков²², который сильно ослабел и уже давно лежит. У меня врачи нащупали расширение аорты, придумали моей болезни звучное название и велели мне лежать неподвижно. Однако, следуя Вашему примеру, я работал у себя в комнате за столом, или лежа (конечно, втихомолку) и написал за это время методическое пособие по древней истории для школы, статью для «Исторического журнала» и подготовил научный доклад о древностях Узбекистана, которые тесно связаны с археологическими памятниками сев[еро]-зап[адной] Индии и сев[еро]-вост[очного] Ирана. Ведь мы здесь находимся en plein orient²³ и я имею возможность наблюдать здесь пережитки далекого прошлого. К сожалению, болезнь мешает мне передвигаться и я не могу расширить своих наблюдений за пределами Ташкента. Может быть, когда я поправлюсь, я съезжу в Самарканд и в Ашхабад. Меня привлекает к себе Памир и Бухара, но увы...

²² Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) – физикохимик, почетный член АН СССР (1932). Умер в эвакуации.

²³ Открытый восток (франц.).

Eheu, fugaces, Postume, Postume
Labuntur anni...²⁴

идут года, и силы все слабеют.

Со всех сторон до меня доходят слухи о том, что в Москве разворачивается научно-педагогическая работа. Мне писали о том, что Исторический факультет Университета и [М]ИФЛИ слились вместе и регулярно читаются лекции и идут занятия. А.М. Панкратова, наверное приехала в Москву, вскоре туда направляются и некоторые другие наши сотрудники. Весьма возможно, что впоследствии очередь дойдет и до меня. Я думаю, что в этом отношении многое будет зависеть от Президиума Академии Наук и в частности от О.Ю. Шмидта²⁵.

Во всяком случае, мы все здесь охвачены одной мыслью о том, чтобы наша доблестная Красная Армия скорее уничтожила злых врагов и прогнала их не только «за Можай», но и куда Макар телят не гонял. У нас у всех здесь настроение бодрое и твердое. Все спокойно переносят любые трудности и верят в конечную победу над фашистами, твердо зная, что фашизм будет полностью искоренен.

Шлю Вам лично от себя, от Зинаиды Стефановны и от Су-санны сердечный привет и пожелания скорого выздоровления. Прошу передать мой привет Вашей супруге, Ольге Алексеевне, и Ивану Алексеевичу.

Прошу Вас писать нам. Каждая весточка от Вас нас очень радует.

Искренне преданный

Ваш В. Авдиев.

Ташкент. Улица 9-го января, дом Специалистов № 16, кв. 7.

Л. 5–6 об.

№ 5

Ташкент. 16 июня 1942 г.

Дорогой Алексей Иванович,

Ваши письма меня всегда радуют. Из них я узнаю о том, что Вы живы, что Ваша семья с Вами и что Вы, как всегда, бодро смот-

²⁴ О, Постум, Постум, быстротекущие / Проходят годы (лат., пер. – К. Кожурина). Цитата из стихотворения Горация.

²⁵ Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, физик, астроном, полярный исследователь, академик АН СССР (1935), вице-президент АН СССР (1939–1942).

рите в будущее. Я очень благодарен Вам за то, что Вы нас не забываете и проявляете к нам столь большое внимание. Из Вашей телеграммы я узнал, что Институт ходатайствует о моем возвращении в Москву. Вскоре после этого я получил телеграмму от Панкратовой, в которой она мне сообщает, что меня через президиум вызывают в Москву. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне в письме подробности этого дела, и в каком оно сейчас находится положении. Само собой разумеется, что я в случае необходимости обращусь с запросом к В.П. Волгину²⁶.

Работать в Ташкенте мне очень трудно. Я уже исчерпал все свои возможности. Статья в «Историческом Журнале» уже напечатана²⁷. Вчера вышел сигнальный экземпляр методического пособия по древней истории (4 печ[атных] листа), написанного мною в Ташкенте. Наконец, я уже заканчиваю маленькую монографию «Средняя Азия и древний Восток»²⁸. Не знаю, что буду делать дальше. Все мои материалы исчерпаны. У меня нет необходимой научной литературы для продолжения моих работ; как Вы правильно отметили, весь мой «научный арсенал» остался в Москве. И кроме того, меня угнетает жара. В мае и в начале июня стояла настоящая субтропическая жара. В темных комнатах и «прохладных» помещениях t доходила до 30. Испепеляющий солнечный зной был невыносим. Мне невольно вспоминались древневосточные мифы о грозном солнечном боге (Мардуке²⁹), который убивает титанов – «детей земли». Я вспоминал древнеегипетскую молитву у пальмы близь ручья, молитву о ниспослании «прохладного северного ветра» и «изобилия воды истечений Озириса». Но обо всем этом хорошо читать в книжке, сидя за удобным письменным столом. А когда почувствуешь эту дикую жару на собственной шкуре, то тогда поневоле начнешь жаловаться на судьбу.

Под влиянием жары обострилась моя сердечная болезнь и здешние врачи (проф. М.И. Слоним³⁰) мне строго наказали уехать

²⁶ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик АН СССР (1930).

²⁷ Имеется в виду статья «Фашистская фальсификация древневосточной истории» (Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 41–53).

²⁸ В библиографии В.И. Авдеева работы с таким названием не числятся (*Авдеев В.И.* Лирика. М., 1998. С. 133–153.)

²⁹ Мардук – верховное божество в Древней Месопотамии (вавилонского пантеона).

³⁰ Слоним Моисей Ильич (1875–1945) – врач, один из основателей Ташкентского университета.

из Ташкента на север и даже дали мне соответствующую официальную справку. Вот те причины, которые заставляют меня просить о разрешении вернуться в Москву.

Зинаида Стефановна и Сусанна много работают по хозяйству и во многом облегчают мне условия домашней жизни. Сусанна окончила десятилетку с хорошими и отличными отметками в аттестате и теперь чувствует себя «взрослым человеком», хотя мы с Зинаидой Стефановной еще не очень верим в ее самостоятельность. После длительных домашних обсуждений вопроса об ее будущем Сусанна подала заявление на историко-филологический факультет Ташк[ентского] Университета. Ее больше всего интересует история литературы и искусства.

Позвольте Вас еще раз поблагодарить за эту заботу, которую Вы проявили ко мне. Из Вашего письма я узнал о том, что М.М. Зайцев и моя сестра предпринимали какие-то шаги для сбора и отправки в Ташкент моих рукописей. Пожалуйста, напишите мне, что Вам об этом известно. Сам я никаких сведений об этом не имею. Я думаю, что теперь для меня важнее вернуться в Москву, чем получить оттуда мои рукописи. Кроме того, меня беспокоит возможность того, что рукописи мои приедут в Ташкент после моего отъезда отсюда.

Я буду очень рад познакомиться с Вашим учителем Н.Г. Маллицким³¹, труды которого я не раз читал в здешней библиотеке. При первой возможности я буду у него. Прошу передать мой сердечный привет Вашей супруге, Ольге Алексеевне и Ивану Алексеевичу.

Зин[аида] Стеф[ановна] и Сусанна шлют привет всей Вашей семье. Искренне Вам преданный

В. Авдиев.

Ташкент. Улица 9-го января, дом Специалистов № 16, кв. 7.

Л. 8–9 об.

³¹ Маллицкий Николай Гурьевич (1873–1947) – географ, городской глава Ташкента (1907–1917).

23 апреля [19]43

Глубокоуважаемый Алексей Иванович,
Простите, что пишу Вам, отнимая у Вас Ваше драгоценное время... Посылаю Вам на память Аристотелю³² «Физику» и очерк М.К. Любавского³³ из истории Моск[овского] главного суда.

Вам шлют поздравления из трех Институтов!

Читаю с огромным удовольствием Ваш «Эгерсис»³⁴ и вспоминаю незабвенные слова Γνώθι σεαυτόν³⁵ в переводе на египетский (см. фото).

Мне бы очень хотелось перевести весь «Эгерсис» на один из малодоступных языков.

В.А.

Л. 10–11

³² Аристотель (384 до н. э. – 322 до н. э.) – древнегреческий философ.

³³ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – историк, академик АН СССР (1929).

³⁴ Эгерсис (Пробуждение) – неопубликованная книга А.И. Яковлева по теории и методологии истории. Распространялась историком среди своих коллег в рукописном виде.

³⁵ Познай самого себя (древнегреч.) – надпись на стене древнегреческого храма Аполлона в Дельфах, где находился Дельфийский оракул.

А.А. Попова

Две беседы об А.С. Шофмане

Казанские историки Е.А. Чиглинцев и Г.П. Мягков рассказывают в интервью о роли историка античности А.С. Шофмана в развитии антиковедения в Казанском государственном университете, его личности и стиле работы с молодым поколением.

Ключевые слова: А.С. Шофман, Е.А. Чиглинцев, Г.П. Мягков, Казанский государственный университет, советская историография, антиковедение.

А.А. Попова

Two talks about A.S. Shofman

Kazan historians E.A. Chiglintsev and G.P. Myagkov told in an interview about the role of the historian A.S. Shofman in the development of antiquity in Kazan State University, his personality and work style with the younger generation.

Key words: A.S. Shofman, E.A. Chiglintsev, G.P. Myagkov, Kazan State University, Soviet historiography, antiquity.

Аркадий Семенович Шофман (1913–1993) – историк-антиковед, автор работ по истории античной Македонии¹, много лет возглавлявший кафедру всеобщей истории в Казанском университете, справедливо считается главным источником развития современного казанского антиковедения. Во многом это произошло потому, что А.С. Шофман создал еженедельный семинар «Античный понедельник», работающий и в настоящее время. Опубликованы частично мемуары А.С. Шофмана², его вкладу в науку и созданному им «Античному понедельнику» посвящена обширная

¹ Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 1–2. Казань, 1960–1963; *Его же*. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976; *Его же*. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.

² Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея (из истории советского антиковедения) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 370–410.

литература³. Поэтому цель наших бесед с ныне ведущими казанскими историками – Евгением Александровичем Чиглинцевым и Германом Пантелеймоновичем Мягковым – заключалась не в получении уже известных сведений об А.С. Шофмане, а в том, чтобы показать, как историк воспринимался новым, тогда еще молодым поколением, и в том, чтобы увидеть, каким образом оцениваются практики создания научной школы, выработанные в Казани более полувека назад, современными учеными, обладающими уже собственным весомым вкладом в науку и большим опытом работы с несколькими поколениями молодых исследователей. Интересовала нас также оценка специфики развития исторической науки в Казанском университете самими ее представителями. Иными словами, речь идет о конструировании коллективной памяти и поиске самоидентификации конкретным научным сообществом.

Оба интервью были взяты автором во время поездки в Казань в октябре 2017 г. и авторизованы респондентами в июне 2018 г.

Интервью с Е.А. Чиглинцевым

– Вы помните Вашу первую встречу с Аркадием Семеновичем? Какие у Вас были впечатления?

Я не помню первой лекции, самые яркие впечатления были от «Античного понедельника». Лекции он именно читал, с выражением, с модуляциями. На лекциях, помню, что у Аркадия Семеновича все шутки и анекдоты были записаны на полях текста. Почерк у него был ужасный, он находил нужную вставку и медленно прочитывал про себя, а затем уже рассказывал вслух.

На «Понедельник» я пошел на первом курсе. На собеседовании при поступлении говорил о возможности выбора: заниматься современностью у Уманского⁴, либо заниматься древно-

³ См. раздел In Memoriam // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013 г. Казань, 2013. С. 5–61; *Кащеев В.И.* Антиковедение в Казанском университете как предмет исследований А.С. Шофмана // Известия Саратовского университета. Т. 5. Сер. История, право, международные отношения. 2005. Вып. 1/ 2. С. 82–92.

⁴ Уманский Петр Борисович (1930–1993) – историк, в Казанском университете вел курс новейшей истории. См. о нем: *Кабытов П.С.* Судьба-Эпоха: авто-

стью у Шофмана. Я выбрал древность, возможно, интуитивно, как стало ясно позже, прежде всего потому, что это была возможность сохранить себя от влияния политической обстановки и сиюминутных актуальных вещей, которые на «современщиков» влияли больше. Аркадий Семенович всегда говорил: «Если хочешь сохранить себя – занимайся античностью». И как только появилось объявление о «Понедельнике», я сразу туда пошел. Аркадий Семенович всегда требовал читать на языках, книги чаще всего брали из московских библиотек, также библиотека Казанского университета обладала некоторыми изданиями, и Шофман в большинстве случаев ориентировался на их наличие. У меня был международный библиотечный абонемент, я получал фотографические копии книг, например, из США.

– *Как происходило распределение тем работ на семинаре?*

Я получил свою первую тему в декабре. Аркадий Семенович сам выдавал тему, потом нужно было сделать доклад, часто он засчитывался как курсовая работа. Но в таком подходе были свои недостатки: одно дело устный доклад, а другое дело письменная курсовая работа, и иногда люди, делая устный доклад и получая за него оценку как за курсовую, не оформляли это в письменном виде, а в результате к концу обучения они не умели правильно оформить свою письменную работу. С другой стороны – это хорошо, потому что человек делал два доклада в год, что было очень полезно для студентов.

У Аркадия Семеновича была своя выработанная метода проведения «Понедельников», он никогда не выступал первым в качестве рецензента, и он принципиально занимал позицию, как он говорил, «генерального штаба», ведь в штабе офицеры высказываются последовательно от младших к старшим, так же было и здесь, поэтому все, что можно было услышать плохого о своей работе, ты слышал от своих товарищей, а Аркадий Семенович выступал уже в виде этакого умиротворителя, взвешивал все «за» и «против» и уравнивал оценки, давал советы, а также подводил итоги с точки зрения того, как дальше развивать тему.

биография историка. Самара. 2008. С. 114–115. Его труды: *Уманский П.Б.* Из истории борьбы негров США за свободу. Казань, 1963; *Его же.* Американская революция в буржуазной историографии США (конец XVIII в. – 60-е г. XX в.). Казань, 1988.

– *Историография была главной темой работ на семинаре?*

В общем, да. «Понедельник» начинался под названием «Античность и современность», поэтому в принципе основной упор делался именно на историографию. Но если человек интересовался конкретной историей, то ему такая возможность предоставлялась. Были доклады по истории эллинизма, истории международных отношений в античности, истории христианства.

– *Насколько активно А.С. взаимодействовал с антиковедами из других регионов страны?*

Очень активно. Его знали все, и он знал всех. Помимо всего прочего, в Казани был совет по защитам, поэтому сюда приглашались самые ведущие специалисты-антиковеды из Москвы и Ленинграда (меньше из Ленинграда, потому что там, у Аркадия Семеновича, были сложные отношения, он считал, что его там много придерживали на личностном уровне), из других республик (Украины, Беларуси). Они писали отзывы на диссертации, выступали оппонентами.

Но надо сказать, что в то время существовало более надменное отношение к провинциальным исследованиям, особенно историографическим, потому что Москва и Петербург специализировались все-таки на конкретной истории, и к историографии там относились с предубеждением, считая, что это не отдельная отрасль знания, а вспомогательная, и ей может заниматься совершенно любой человек, который занимается конкретной историей. Но лично это практически никак не отражалось, кроме того, сам Аркадий Семенович занимался в основном конкретной историей.

– *Был ли А.С. марксистом?*

Да, конечно. В 80-е он уже практически не читал лекций, общий курс по античности читал В.Д. Жигунин⁵, он же вел только спецкурсы, но то, что он был приверженцем марксизма это абсолютно точно. Он вообще считал себя большевиком. Но нужно учесть, что он из мелкого еврейского поселения в Беларуси, его родственники-евреи пострадали во время репрессий, и он всегда

⁵ Жигунин Владимир Данилович (1943–2001) – д.и.н., специалист по эллинизму и проблемам периодизации всемирной истории. Его работы: Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980; «Древность и ее место в историческом процессе. Самара, 1996; Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань, 2000.

опасался, что это могло коснуться и его. Когда стало ясно, что уже можно жить по-другому, он не мог выйти из этого состояния. У меня с ним как-то был спор, он давал мне рекомендацию в партию, а было уже время либерализации в 80-е годы, и он мне говорил: «Я думаю, вы будете настоящим большевиком», на что я ему отвечал: «Извините, я на это не претендую». В лекциях он воспроизводил марксистскую концепцию, но не вульгаризированную, созданную Сталиным.

При этом нужно заметить, что коллективная монография о периодизации всемирной истории, собранная Шофманом и Жигуниным, вызвала критику со стороны партийных органов, отчасти потому что там наблюдался отход от устоявшихся догматических схем в пользу конкретных фактов⁶.

«Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым

Г.М.: Прежде чем Вы зададите вопросы, хочу подчеркнуть два момента. Во-первых, мы беседуем спустя ровно четверть века как не стало Аркадия Семеновича Шофмана. И за этот уже немалый исторический период стал понятнее и вклад ученого в науку, и его роль в судьбах тех, кого он учил, воспитывал. А потому многие его коллеги и ученики оставили свои воспоминания о нем. Особенно ценными, полагаю, являются воспоминания Василия Ивановича Адо (1905–1995), коллеги и друга Аркадия Семеновича, с которым они вместе шли по жизни⁷. Также важным событием стало празднование столетия со дня рождения А.С. Шофмана в 2013 г. и проведение юбилейной конференции, ее материалы изданы⁸. Пусть небольшой, но все же опыт составления воспомина-

⁶ Периодизация всемирной истории: учебное пособие / науч. ред. А.С. Шофман. Казань, 1984.

⁷ Адо Василий Иванович (1905–1995), историк, с 1946 г. преподавал в КГУ: ст. преп. (1946–1970), с 1970 г. – доцент кафедры всеобщей истории КГУ. Осн. соч.: *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное мнение России // Исторические записки. Т. 69. М., 1961; *Его же.* Вспоминая о прошлом... записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7–10 и др.

⁸ Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013 г. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2013.

ний об Учителе есть и у меня⁹. При этом, естественно, заинтересованно читаешь, что написали мои коллеги и исследователи постшофмановского поколения. Вот перед нами издания с такими публикациями. Потому, во-вторых, *volens nolens*, читая эти воспоминания, сравнивал изложенное с тем, что помню, как результат – происходит актуализация – память подсказывает что-то новое и даже «присвоение». Феномен этот описан в научной литературе. Ваши вопросы, полагаю, обратят внимание «допрашиваемого» на какие-то новые моменты.

– *Помните ли Вы Вашу первую встречу с Аркадием Семеновичем?*

Первые об Аркадии Семеновиче я узнал во время поездки на «картошку», на осенние работ в далекой Бугульминской район. В сентябрьские дни 1964 года мне, только что поступившему на первый курс историко-филологического факультета КГУ, довелось работать в паре со студенткой третьего курса Надеждой Талашовой¹⁰. Оказалось, что она ученица А.С. Шофмана, от нее я услышал о факультете, его структуре, составе, об ученых, об известных людях. Особенно много она говорила об Аркадии Семеновиче, ведь она входила круг его учеников и занималась германским антиковедением. Тогда-то я и «познакомился» с ним. С точки зрения Надежды, именно на кафедре всеобщей истории были наиболее яркие преподаватели. А поскольку мне были ближе проблемы зарубежной истории, интерес к которым взращивался участием в политинформационной работе в школе со специализацией по международным отношениям, то, естественно, казалось, было специализироваться на кафедре всеобщей истории.

⁹ *Мягков Г.П.* Мы зажигаем свои свечи от их творческого огня: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009.

¹⁰ Талашова Надежда Степановна (1942–2000) – специалист по истории и историографии античности, окончила КГУ (1967), аспирант кафедры всеобщей истории (1970–1972), д.и.н. (1998), доцент, профессор Ивановского государственного университета (1974–2000). Осн. соч.: *Талашова Н.С.* Восточные походы Александра Македонского в германской буржуазной историографии новейшего времени: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972; *Ее же.* Культурно-исторический опыт античности в научной и общественной деятельности Карла Маркса: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1998; *Ее же.* Избранные труды. Т. 1–2. Иваново, 2001.

В числе первых предметов, изучением которых началась учеба, был и курс по первобытной истории. Его читал тогда еще доцент А.С. Шофман. Курс был небольшой, к тому же у меня не было опыта, чтобы оценить мастерство лектора. Параллельно начал читать курс истории СССР Шамиль Фатыхович Мухамедьяров¹¹, вот это был яркий лектор, как говорят ныне, он зажигал. Запомнились лекции по психологии – их читал тогда доцент Евгений Александрович Климов¹², и по этнографии Евгения Прокопьевича Бусыгина¹³. Лекции Аркадия Семеновича были доступны, прозрачны и логичны. Пожалуй, можно отметить эффект «личного присутствия», как будто лектор видел и переживал то, о чем говорил. Увлекали ли лекции? Скорее, привлекали, их можно было записать и положить в основу при подготовке к экзамену. В проблематику курса я погрузился и оценил его, когда в 1966 г. вышла увлекательнейшая книга Ю.И. Семенова «Как возникло человечество». Более запомнилась сдача экзамена, о чем я написал в своих воспоминаниях¹⁴. А потом перед студентом первого курса Германом Мягковым встал вопрос, на какой кафедре и под чьим руководством писать первую курсовую работу.

– *Насколько А.С. Шофман был авторитарен в выборе темы для студента?*

На этот вопрос отвечать мне трудно. Сам Аркадий Семенович, сужу по его воспоминаниям¹⁵, был убежден, что «все начи-

¹¹ Мухамедьяров Шамиль Фатыхович (1923–2005) – историк, востоковед, тюрколог. В 1956–1965 работал в Казанском государственном университете, с 1959 – зав. кафедрой истории СССР.

¹² Климов Евгений Александрович (1930–2014) – психолог, психофизиолог, д.психол.н. (1969), академик АПН СССР (1985), в 1953–1968 гг. преподавал в КГУ, в последующем – в ЛГПИ, профессор МГУ (с 1980 г.).

¹³ Бусыгин Евгений Прокопьевич (1913–2008) – этнограф, историк, д.и.н. (1963), профессор Казанского университета (1964), руководитель казанской этнографической школы, специалист по русской традиционной культуре Среднего Поволжья, истории этнографии и географии.

¹⁴ *Мягков Г.П.* Мы зажигали свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 77.

¹⁵ Здесь Г.П. Мягков показывает пятый выпуск «Мира историка» (Омск, 2008), в котором опубликована часть первой главы воспоминаний А.С. Шофмана «Не угаснет огонь Прометей» (с. 369–410), и цитирует.

нается с учителя. Он вводит человека в светлый мир знаний, он их носитель... Учитель наращивает в ученике новые знания, комментирует их и анализирует. Он не только формирует тягу к знаниям, но показывает пути к их более быстрому и эффективному приобретению...». Важность первых встреч, первых разговоров как существенного элемента и в деле поиска учеников, и в деле включения их в лабораторию научного поиска несомненна, что могу подтвердить теперь и своим опытом. Готов согласиться, что и первая лекция могла определить выбор, как это случилось с Элеонорой Борисовной Петровой¹⁶.

К сожалению, мой случай совсем не типичен. К Аркадию Семеновичу как возможному руководителю меня привела Антонина Дмитриевна Константинова¹⁷. Она же «рекрутировала» для Аркадия Семеновича, в последующем – для «Античного понедельника», многих, в том числе примерно тогда же и Владимира Жигунина¹⁸, самого известного ученика А.С. Шофмана. Проявил ли

¹⁶ См.: *Петрова Э.Б.* Вспоминая с радостью и грустью... // Историк в историческом и историографическом времени... С. 9. Петрова Элеонора Борисовна (р. 1950), историк, выпускница КГУ 1972 г., аспирант кафедры всеобщей истории КГУ (1972–1975 гг.), к.и.н. (1975), д.и.н. (2001). С 1975 г. – преподаватель, с 1982 г. – доцент, с 2002 г. – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Симферопольского (Таврического) университета. Осн. труды: *Петрова Э.Б.* Античный Кипр (основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени): дис. ... канд. ист. наук, 1975; *Ее же.* Феодосия и Юго-Восточный Крым в античную эпоху (середина VI в. до н. э. – IV в. н. э.): дис. ... д-ра ист. наук. Симферополь, 2001.

¹⁷ Константинова Антонина Дмитриевна (1922–2013) – историк, к.и.н, доцент кафедры всеобщей истории КГУ. В середине октября 1964 г. А.Д. Константинова, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, работавшая на диссертацией «М.С. Куторга как историк античности» под руководством А.С. Шофмана, приступила к чтению курса истории Древнего мира (Греция и Рим), поскольку Аркадий Семенович готовился к защите докторской диссертации (она состоялась в ноябре 1964 г. в МГУ. См.: *Алмазова Н.С.* «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «античный понедельник» в контексте понятия научной школы // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2. С. 138. В последующем, уже на следующий учебный год, сложилось такое разделение: Аркадий Семенович читал историю Древней Греции, а Антонина Дмитриевна – историю Древнего Рима.

¹⁸ Жигунин Владимир Данилович (1943–2001), историк, студент (1963–1967), аспирант кафедры всеобщей истории (1967–1970) КГУ, к.и.н. (1970), д.и.н. (1990), профессор (1992), зав. кафедрой всеобщей истории (1986–1991), с 1991 г. – ка-

Аркадий Семенович ко мне интерес? Чего-то необычного о первых встречах не запомнилось. Какого-то списка тем, к которому отсылают, мол, посмотри и выбери, не было. Тема курсовой рождалась из разговора. Естественно, Аркадий Семенович хотел, чтобы его ученики занимались близкой ему проблемой – более всего его интересовала эпоха эллинизма – время расцвета Македонского государства, деятельность Александра Македонского и его преемников-диадохов, что и вылилось в создании таких фундаментальных книг, как «Восточная политика Александра Македонского», «Распад империи Александра Македонского». И уловив мой интерес к становившейся тогда модной социальной психологии, сформулировал тему работы так: «Психологический портрет Александра Македонского». Потом было успешное, как представлялось, выступление с докладом на существовавшем на кафедре студенческом научном кружке в апреле 1965 г. Оно совпало со временем подведения итогов работы последнего за год и решением оргвопросов. Меня избрали председателем кружка. Первым делом стал выпуск бюллетеня – это 5–6 листов ватмана с текстами докладов участников кружка, отпечатанных на машинке. Произошел даже такой курьез: художник, оформлявший номер (мой одногруппник Дамир Загидуллин), исполнил заголовок бюллетеня так: «Вестник кружка всеобщей истощей». Все радовались выпуску, и он недели две висел с таким названием, пока кто-то не вчитался в название. Работа кружка в 1965–66 учебном году проходила традиционно как тематические заседания, а также в виде дискуссий. Особенно запомнилась организованная под руководством П.Б. Уманского дискуссия на тему «Существует ли угроза фашизма?».

Однако все чувствовали кризис существующей формы, и потому весной 1965 года на кафедре обсуждался вопрос о специализированных кружках и было объявлено о записи в научный семинар по историографии античности под руководством профессора А.С. Шофмана. В сентябре 1966 г. начали при кафедре рабо-

федрой истории древнего мира и средних веков. Осн. соч.: *Жигунин В.Д.* Международное положение Македонии в период развитого эллинизма (70-е – 20-е гг. III в. до н. э.). Казань, 1970; *Его же.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980; *Его же.* Древность и современность: человечество на пути к синтезу. Казань, 2000 и др.

тать несколько кружков, произошла перестройка студенческой научной работы: студенты и их руководители разошлись по проблемно-временным «квартирам»: антиковедов – учеников А.С. Шофмана – объединил «античный понедельник», специализировавшихся по славяноведению – «славянские среды», по истории Востока – «восточная пятница», а также была группа по новой и новейшей истории, привлекательная своим руководителем ученым-американистом П.Б. Уманским¹⁹. Ему удалось создать свою школу исследователей Американской буржуазной революции XVIII в.²⁰

– *Аркадий Семенович требовал перевода текста?*

Учившиеся у Аркадия Семеновича отмечали, что, начиная читать курс по истории древней Греции, он буквально, как писал в лучших воспоминаниях о том студенческом времени мой друг Петр Серафимович Кабытов, «сразу же забрасывал нас вопроса-ми: “Кто хорошо владеет английским языком? Кто хочет изучать латынь и древнегреческий?”»²¹. И действительно, знание языков, упорная работа над их изучением отличала, как правило, учеников Аркадия Семеновича. Сам он знал языки, поскольку был филологом-«классиком» – он окончил и даже преподавал латинский и древнегреческий языки, работая в начале преподавательской карьеры в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена. О переводческой работе Аркадия Семеновича свидетельствует то, что в его личном фонде в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ сформирован раздел «Переводы А.С. Шофманом исследований на иностранных языках». С 1963 года кафедра всеобщей истории стала центром преподавания классических языков в КГУ после того, как на нее перешли сотрудники кафедры классической филологии М.Д. Блохина, М.А. Галеева, А.Д. Константинова. Пожалуй, именно от-

¹⁹ Уманский Петр Борисович (1930–1993), историк, выпускник КГУ 1952 г. С 1960 г. на кафедре всеобщей истории КГУ: ассистент, ст. преп., доцент. Осн. соч.: *Уманский П.Б. Ф. Дуглас и аболиционистское движение США в 30–50-е гг. XIX в. Л., 1962; Его же. Американская революция XVIII в. в буржуазной историографии США. Казань, 1988 и др.*

²⁰ См.: *Бодров О.В.* Новистика в Казанском университете. 1943–2003. Казань, 2004. С. 26–33.

²¹ *Кабытов П.С.* Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. С. 114–115.

ношение и способность реализовать задачу овладения языками «развели» меня и Аркадия Семеновича в научном отношении, определив иную, не антиковедческую стезю моих штудий. Здесь и моя неудача с переводом полученной после окончания первого курса на «лето» книги Ф. Шахермайера «Александр Великий. Гений и власть», и неосуществленный проект изучения древнегреческого языка.

Для Аркадия Семеновича, как я понял, желательно было, чтобы перевод текста книги зарубежного ученого, чье творчество изучалось, был написан, что становилось основой взаимно полезной работы. Тексты обсуждались, проходила верификация правильности интерпретаций, понимания и текста, и контекста. Со своими учениками Аркадий Семенович написал ряд статей, ставших путевкой его соавторам в большую науку. Это тоже объясняло, почему в «Античном понедельник» основным направлением стала историография. Казанская школа не столько антиковедческая вообще, сколько историографическая, конкретно, по историографии античности, если судить по тематике диссертаций, которые были защищены при Шофмане и после него.

А о роли учителя и конкретных бесед-разговоров по душам в условиях готовности слышать надо добавить следующее. Несмотря на мои «путешествия» и поиски научной судьбы на стороне, отношения со стороны Аркадия Семеновича были всегда дружеские, проникнутые желанием содействовать. Вообще таким был в целом дух кафедры, моих учителей. С высоты времени можно полагать, что многое для меня определил, казалось, очередной разговор с Аркадием Семеновичем осенью 1973 г., когда он предложил участвовать в очередном выпуске кафедрального сборника «Критика буржуазных концепций всеобщей истории», и в тот момент, по сути, совершился уже подготавливаемый подспудно разворот моих интересов к теме «русской исторической школы», приведший к тому, что завершал я свою диссертацию под руководством Аркадия Семеновича.

– Так каким руководителем был Аркадий Семенович?

Как Вы заметили, мне трудно говорить о повседневной работе Аркадия Семеновича с учениками. Поэтому я и в своих воспоминаниях «предоставил» слово Владимиру Даниловичу Жигуни-

ну, он, по-моему, наиболее емко охарактеризовал его, сумел схватить суть. Прежде всего, Аркадий Семенович «никогда не стеснял творческую свободу молодых исследователей, не “давил” авторитетом, не устраивал разносов»²². Он ведь в то непростое время, пытаясь по-своему решать задачу формирования учеников как методологов и историографов. По мнению Владимира Даниловича, «умел как никто другой» «найти нужный тон в... критике, дать направление размышлениям в сфере теории исторического процесса...»²³. Поскольку я достаточно много занимался изучением биографий российских историков дореволюционной эпохи, то невольно приходило на ум сравнить Аркадия Семеновича с ними. Так вот на фоне и дореволюционных, и «московских», столичных профессоров, которых мы могли видеть в конце 60-х–70-е годы, Аркадий Семенович гляделся как профессор именно «старой» школы. И это закономерно. Он учился у ученых, которые получили школу еще в дореволюционных университетах, став носителем подлинной интеллигентности, порядочности, что стремился передавать и нам.



*Профессор А.С. Шофман с выпускниками 1968 года.
Фото Г.П. Мяжкова, 1978 г.*

²² Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. С. 156.

²³ Жигунин В.Д. Шофман Аркадий Семенович (1913–1993) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1999. С. 156.

– Сам Аркадий Семенович ведь занимался конкретной историей, почему он в итоге сделал упор на историографию в своем кружке? Выбор историографического направления исследований был связан с тем, что Казанский университет – периферийный?

У Аркадия Семеновича среди учеников были специалисты по конкретной истории, начиная с Владимира Даниловича Жигунина, занимавшегося непосредственно историей античности. Была защищена диссертация Э.Б. Петровой по истории античного Кипра, И.Г. Гуриным по истории серторианского движения в Испании, М.Ш. Садыковым о дипломатической истории в Западном Средиземноморье в эпоху эллинизма и др. Но если брать количественно, то превалировала историографическая тематика.

Почему? Это было связано с определением направления развития кафедры всеобщей истории: ориентировать ли студентов и аспирантов на изучение проблем всеобщей истории или на ее историографию? Конечно, противопоставления не было, скорее, работал принцип дополнительности. Но Аркадий Семенович хорошо знал специфику кафедры всеобщей истории, когда каждый сотрудник являлся представителем самостоятельной научной дисциплины, что влекло дробность научной тематики, распыление научных сил и даже мелкотемье. И согласитесь, не каждый историк-новист может быть специалистом в области востоковедения или античности, а потому А.С. Шофман был сторонником разделения кафедры всеобщей истории, что и было реализовано позже, в 1991 г. К слову, этого не видят или не хотят видеть современные «реформаторы», ради «оптимизации» сливающие кафедры и создающие трудноуправляемые коллективы.

В ситуации середины 60-х годов, понимая, что для судьбы кафедры особое значение приобретает проблематика, которая бы объединила весь коллектив, привлекла молодежь, ее заведующий предложил историографию. Это соответствовало и традиции, которая восходила к исследованиям самого Аркадия Семеновича, и доцента Г.Ф. Шамова²⁴, а также к деятельности профессора А.И. Да-

²⁴ Шамов Георгий Федорович (1921–1984), историк, к.и.н., ассистент, доцент кафедры всеобщей истории (1947–1965), кафедры истории СССР (с 1965), проректор КГУ (1960–1965). Осн. соч.: *Шамов Г.Ф.* Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая. (Первая половина XIX в.): автореф.

нилова²⁵ (1916–1980), работавшего на кафедре в 1958–1961 г. и в течение полугода возглавлявшего ее. Усилиями А.С. Шофмана и членов кафедры в условиях «пересечения» ряда долговременных и конъюнктурных тенденций рождается новая историографическая наука. В основу историографических исследований ученых кафедры, приглашаемых и рекрутируемых кафедрой студентов и аспирантов была положена историография нового и новейшего времени применительно к различным разделам всеобщей истории.

В центре внимания стояли методологические проблемы исторической науки и критика концепций отечественных и зарубежных, «буржуазных», ученых. Последнее актуализировали постоянно возобновляемые кампании идеологической борьбы. Шофман чутко уловил и то, что по сравнению с областью конкретно-исторических исследований источниковый корпус для историографии был более широк и доступен (разумеется, не так как ныне, все же это было «доинтернетовское» время). При этом он давал темы как по отечественной, так и по зарубежной историографии. Уже первые ученики Аркадия Семеновича продемонстрировали это: А.Д. Константинова защитила диссертацию про антиковеда М.С. Куторгу, а Геннадий Атласов²⁶ – по французскому македоноведению. Добавлю, большинство учеников писали по зарубежной историографии.

... канд. ист. наук. Казань, 1956; *Его же*. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983.

²⁵ Данилов Александр Иванович (1916–1980), историк, государственный деятель, д.и.н., профессор, министр просвещения РСФСР (1967–1980). С 1960 г. – зав. кафедрой всеобщей истории КГУ. В 1961 г. назначен ректором Томского государственного университета. Осн. соч. (казанский период): *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв. М., 1958; *Его же*. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // *Вопросы истории*. 1961. № 3 и др.

²⁶ Атласов Геннадий Васильевич (1939–2002), историк, к.и.н.; аспирант кафедры всеобщей истории КГУ (1965–1968); в 1969–1999 гг. – ст. преп., доцент (с 1975) кафедры истории Мурманского государственного педагогического института. Осн. соч.: *Атласов Г.В.* Проблемы античной Македонии в современной французской буржуазной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968; *Его же*. К характеристике некоторых тенденций в современной французской буржуазной историографии // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Вып. 5. Томск, 1967.

Что касается «периферийности», то здесь дело обстояло даже иначе: «столицы» в известном смысле были ведомым звеном. Насколько я мог наблюдать (и даже слышал), в «центре» считалось, что историографией можно заниматься, когда ты чего-то добился по конкретной истории; мы же эту пирамиду переворачивали, то есть Аркадий Семенович, а вослед ему и его ученики считали и считаем, что можно лучше понять историю, если знать, что сделали исследователи до нас. Поэтому центрами историографии, то подготовки историографов-профессионалов, в то время стали Томск, возглавить университет которого уехал в 1961 г. А.И. Данилов, и Казань. И в том, и в другом случае это в целом зависело от личности лидера, основателя школы.

– *Как сегодня относиться к трудам, посвященным критике «буржуазных» историков?*

Если ответить одним словом, то исторически, в полном соответствии с принципами научного познания. Разумеется, на всех исследованиях лежит печать времени, той методологии, с позиций которой они выполнены. Актуальность диссертаций аргументировалась, как закливание, задачами критики буржуазных концепций. Но следует особо подчеркнуть, происходило знакомство с выдающимися трудами – как правило, изучалось творчество ученых, составивших «эпоху» в науке. И даже на сегодняшний день наиболее полными исследованиями о таких историках, как Б.Г. Нибур, В. Тарн, Э. Мейер, Т. Момзен, У. Митфорд, А. Валлон, Дж. Грот, Р. Сайм, М. Финли, М.С. Куторга, М.М. Хвостов, Ф.Г. Мищенко и др., остаются труды учеников А.С. Шофмана. Многие диссертации были посвящены проблемной историографии: предлагались крупные, мало- и неизученные в отечественной историографии темы. В результате обретался опыт отнюдь не зряшной, а научной критики, и позитивные знания, происходило знакомство с тенденциями развития мировой историографии. Например, можно сказать, что творчество школы «Анналов» в числе первых предметно рассмотрел именно в Казани уже названный аспирант Аркадия Семеновича Г.В. Атласов. Читая его статьи, сегодня можно восхититься, по сути, позитивной и сочувственной оценкой, данной вступающим на стезю большой науки исследователем в адрес Л. Февра и М. Блока. Другое дело, что само-то научное сообщест-

во не было готово тогда «слышать» такие оценки. Искренне сожалею, что большинство диссертационных исследований не изданы как монографии – в те времена это не было принято.

Важно подчеркнуть, что, говоря современным языком, Аркадий Семенович разработал парадигму историографического исследования, характерную для него самого и создаваемой им школы. Ее важнейшие черты, по-моему, лучше всего охарактеризовали прошедшие школу Шофмана ныне известные ученые В.И. Кашеев²⁷ и Т.А. Сидорова²⁸. Дорога примитивной критике, методом которой было сопоставление с «классиками марксизма-ленинизма», заступалась работой с источниками: «обязательной», подчеркивает Т.А. Сидорова, была «опора историографа на «многослойные» источники – труды изучаемых источников и те источники, на которых они базировались, с неременным требованием анализа степени достоверности и объективности использования свидетельств в работах, являющихся предметом исследования». Слагаемой этой парадигмы было то, что «personalia не пребывала в блестящем уединении; личность историка, его взгляды, убеждения, заблуждения, труды и творческая лаборатория органично вплетались в интеллектуальный процесс и пространство эпохи, спрягаясь с предшественниками и последователями».

В этой плоскости, представляется, лежат и известные различия казанской и томской историографических школ. Они не только проблемно-тематические. Томск был далеко от Москвы, Ленинграда (Петербурга), томским историографам сложнее достать источники, в том числе и поэтому под историографическим

²⁷ Кашеев Владимир Иванович, историк, д.и.н., выпускник КГУ 1980 г., 9 сентября 1985 г. преподает в Саратовском государственном университете. Д.и.н. (1993), профессор (1998). Осн. труды: *Кашеев В.И.* Борьба Рима за господство на Балканах в англо-американской историографии новейшего времени: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983 (науч. рук. проф. А.С. Шофман); *Его же.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993.

²⁸ Сидорова Тамара Анатольевна, историк, историограф, д.и.н. (2004), профессор Российского государственного социального университета, филиал в г. Сочи (информ. на 2016 г.). Осн. соч.: *Сидорова Т.А.* Уильям Митфорд и начало английской историографии античности в Англии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1980; *Ее же.* Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. СПб., 2014.

источником они понимают прежде всего труды, которые изданы. У нас же Аркадий Семенович интуитивно дошел до мысли, что необходимо выяснять жизненный путь историка, и как этот путь проявлялся в его трудах, таким образом как бы предвосхищал антропологический поворот. Шофман нацеливал своих учеников-историографов на поиски источников личного происхождения, на постижение духа времени, когда жили ученые, на показ их в «человеческом» измерении. В этом лежали и истоки моих поисков научных коммуникаций, прямо выведивших на проблему научных сообществ.

– *Почему среди работ учеников Аркадия Семеновича нет работ по культуре? Это была непопулярная тема?*

В подтексте Вашего вопроса мне видится проблема специализации региональной школы, какой является «Античный понедельник». Надо учитывать, что мы говорим о большом временном периоде. В рамках его были годы, даже десятилетия, когда тема культуры, пожалуй, была непопулярной. Тогда ситуация в науке вообще к ней не располагала, изучение искусства и культуры лежало вне традиционного круга проблем марксистской историографии. И сам Аркадий Семенович больше интересовался политической историей. Механизмы истории в то время понимались достаточно однозначно, особую роль отводили классовой борьбе. Но в процессе преподавания обращение к вопросам и темам культуры не было редкостью, что, скорее, определялось желанием и культурой преподавателей и читаемыми курсами... Многим запомнился А.С. Шофман, читавшим по памяти «Илиаду»; я сам слышал, как на протяжении академической лекции доцент А.С. Сергеев декламировал целые страницы дантовской «Божественной комедии». Великолепный блок по культуре всегда входил в лекционный курс по средним векам А.З. Ханиной²⁹, и по новой исто-

²⁹ Ханина Ася Зиевна (р. 1929 г.), выпускница КГУ 1952 г., старший научный сотрудник Музея Салиха Сайдашева (1990–2008 гг.). Осн. соч.: *Ханина А.З. В.К. Пискорский (К столетию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. III. Казань, 1968. С. 65–81; Ее же. Некоторые вопросы теории в творчестве В.К. Пискорского // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1973. С. 130–150 и др. Читала курс истории средних веков.*

рии, читаемый М.Г. Юнусовой³⁰. Писались по истории культуры и курсовые, и дипломные работы. Вот спецкурсов, верно, до конца 70-х годов не было. В то время проблемы культурологии больше полагались сферой интереса философских дисциплин.

На этом фоне, пожалуй, опять-таки особое место принадлежало Аркадию Семеновичу. Он много внимания уделял истории Казанского университета. И в связи с ней – историографы обратили на это внимание – он, например, впервые ввел в научный оборот имя известного своими трудами по истории греческого и русского театра профессора Б.В. Варнеке (1878–1944). Его интересовала деятельность известных казанских филологов-классиков Д.И. Нагуевского, С.П. и Д.П. Шестаковых, историка античного изобразительного искусства А.М. Миронова, историка античной философии А.О. Маковельского. Потому когда сложилась более благоприятная ситуация в 80-е годы интерес к истории античной культуры и историографии ее изучения быстро сформировался. Сужу по тем материалам, которые были представлены на научной конференции «Античная история и современная историография», посвященная 25-летию кружка. Они составили целую секцию, с докладами выступили А.А. Безгубенко, М.А. Бухараева, Ю.А. Окунь, Э.Б. Петрова, Л.А. Сыченкова, М.Г. Юнусова – «выпускники» и участники «Античного понедельника» разных лет.

Сегодня, когда мы отметили полувековой юбилей, можно говорить, что казанские антиковеды, подготовленные в «Античном понедельнике», внесли значительный вклад в изучение античной культуры, ее историографию. После защиты докторской диссертации в 1989 г. к вопросам истории культуры, ее изучения в вузе обратился В.Д. Жигунин, он опубликовал ряд статей, казалось, не связанных тематически. Однако разрабатываемые идеи

³⁰ Юнусова Махаббат Гумеровна (р. 1946), историк, к.и.н., выпускник КГУ 1969 г., аспирант (1969–1972), доцент (с 1985 г.) кафедры всеобщей истории КФУ. Осн. соч.: *Юнусова М.Г.* Б.Г. Нибур и критический метод в исследовании проблем древнеримской истории. Казань, 1973 (науч. рук. проф. А.С. Шофман); *Ее же*. Понятие «диалог культур» в контексте дискретно-циклической типологии Н.Я.Данилевского // *Историки в поисках новых смыслов*. Казань, 2003. С. 135–145; *Ее же*. Греко-римская мифология и понятие «политико-инструментальный миф» // *Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 106–113.

легли в основу его книги «Древность и современность» (Казань, 2000), явившей по словам Л.П. Репиной «эскиз картины всемирной истории» и представившей «конкретный образ всемирной истории культуры». Недооценен, к сожалению, ни историками науки, ни культурологами последний труд ученого «Очерк античной естественной истории (от Гомера до Анаксагора и его последователей).

Особо отмечу деятельность принявшего эстафету руководства и кафедрой истории древнего мира и средних веков (с 2016 г. – кафедра всеобщей истории), и «Античным понедельником» в 2001 г. Е.А. Чиглинцева. Ему удалось объединить занятия «античностью» и «современностью», предложить научному сообществу целостную концепцию рецепции античности в культуре конца XIX – начала XXI вв., которую разрабатывают уже его ученики, научные «внуки» профессора Шофмана. М.Г. Юнусова одной из первых в Казани разработала и стала читать курсы по истории и теории мировой культуры, обратилась к проблеме межкультурного диалога в культуре и искусстве, подготовила 9 кандидатов наук. Ее первые ученики прошли школу в организованном ею кружке «ИКС» («История культуры и современность»). Плодотворно в области историографии истории культуры работает Л.А. Сыченкова³¹, много сделавшая для возвращения в пространство современного гуманитарного знания наследия русских медиевистов-культурологов. Написанные ею воспоминания как раз проливают свет на истоки и развитие интереса Аркадия Семеновича к проблемам истории культуры³².

– *Давайте поговорим о случае с рецензиями на книгу Аркадия Семеновича. В 1965 году в «Вестнике древней истории» вышло сразу две рецензии на книгу об античной Македонии, причем*

³¹ Сыченкова Лидия Алексеевна (р. 1960), историк, д.и.н., выпускница КГУ 1983 г. С 1993 г. в КГУ ст. лаборант, ст. преп., доцент (2016). Осн. соч.: *Сыченкова Л.А. Проблемы западноевропейской культуры в советской историографии 20-х – 30-е гг. XX в.*: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989 (науч. рук. проф. А.С. Шофман); *Ее же. Культура Западной Европы: рос. опыт историографического осмысления (вторая пол. XIX в. – 30-е гг. XX в.)*: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

³² *Сыченкова Л.А. «Опрокидон с пирамидоном», или Неофициальный портрет Аркадия Шофмана.* URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-nau-10107599/>.

*первая была довольно критической*³³. *Вам известно что-нибудь о личной реакции А.С. Шофмана на эту ситуацию, насколько он ее тяжело переживал?*

Это была не единственная критика на эту книгу, но Аркадий Семенович не реагировал на нее. «Вестник древней истории» мы тогда особо не читали. Аркадий Семенович любил жаловаться, но вот об этом случае он никогда не говорил.

*– Вы читали статью Н.С. Алмазовой об «Античном понедельник»*³⁴. *Ваши впечатления отличаются от ее выводов? Как бы Вы, со взглядом представителя другого поколения, прокомментировали ее содержание?*

Статья Натальи Сергеевны Алмазовой мне понравилась, это взгляд на «Античный понедельник» представителя поколения уже не учеников, а «внуков», и тем ценен он. Но это, подчеркну, взгляд представителя казанской школы антиковедения, прошедшего школу описываемого научного семинара. Можно согласиться и с «технологией», с тем приемом, который лег в организацию структуры статьи, помог собрать материал и его осмыслить. Ценность статьи в том, что она построена на добротной источниковой базе, прежде всего на протоколах заседаний «Античного понедельника». Конечно, не обошлось без редукции, а любая редукция влечет неизбежные потери. Главное, автор показал: профессору Шофману удалось создать научное сообщество, которое можно признать научной школой.

Заключая статью, автор поставил важный вопрос о судьбе «первого поколения “понедельниковцев”». Мне представляется, что вопрос о «судьбе» шире и, главное, требует объяснения: как, насколько успешно «понедельниковцы» переживают, приспосабливаются, включаются в процесс методологической революции начала XXI века, реагируют на различные эпистемологические по-

³³ Прушакевич Т.В., Фролов Э.Д., Шифман И.Ш. А.С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I. Доэллинистическая Македония. Казань, 1960; Ч. II. Македония и Рим. Казань, 1963 // ВДИ. 1965. № 2. С. 131–137; Бокцанин А.Г., Лившиц Г.М. А.С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960; Ч. II. Казань, 1963 // ВДИ. 1965. № 2. С. 137–141.

³⁴ Алмазова Н.С. «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы. С. 131–160.

вороты? В условиях кризиса, когда по определению Аркадия Семеновича, *«идеалы... померкли, а их кумиры... сброшены с пьедестала»*, воспитанный в кружке профессионализм, знание языков, той литературы, по крайней мере, ее части, которая хлынула в страну с начала 90-х годов, помогли его ученикам решить ту задачу, которую провидчески поставил Учитель: «научиться жить в обстановке плюрализма мнений в сфере истории и в ее методологии».

– *А.С. Шофман стал организатором науки в области истории в Казанском университете. Какие качества и условия помогли ему основать свою школу?*

Мы уже, по сути, обсуждение этого вопроса начали, говоря о том, каким руководителем был Аркадий Семенович. Добавлю, особое значение надо признать за таким качеством, как профессионализм. А он связан и с пройденной им питерской школой, и с постоянной работой с научной и художественной литературой, и теми коммуникациями, которые ими создавались и поддерживались. Он вел интенсивную переписку: сегодня письма – бесценный источник; все, что я здесь говорю, можно проверить, обратившись к ним. Аркадий Семенович был очень уважаем в среде историков.

Немаловажен и тот факт, что в руках руководителя «Античного понедельника» на всем протяжении его существования, до недавнего времени, был и такой «административный» рычаг, как руководство кафедрой.

Надо подчеркнуть и то, что сами люди, которые приходили на кафедру, были незаурядными; да, они обладали разными качествами и разными достоинствами, но все в итоге, кто прошел школу Шофмана, стали профессионалами. Вот скажу, что он *по-настоящему* помогал своим ученикам, относился к ним по-товарищески, при этом проявлял человечность в мелочах. Может, наверное, предложить такую формулу: он имел дар соединить науку и учительство, в том числе через постановку научной проблемы перед учеником.

Но само понимание «*по-настоящему*» опять-таки исторично, сегодня так «помогать» не выйдет. Аркадий Семенович работал в условиях, когда был иной уровень самостоятельности студентов, да и, смею думать, ответственности. Он был руководите-

лем той поры, которая, по куновской характеристике, обеспечивала «нормальное» развитие науки. К сожалению, наступавшие перемены начала 90-х годов серьезно сокращали жизнь поколения Аркадия Семеновича. Как-то совпало, что в те же дни кафедра проводила в последний путь Петра Борисовича Уманского, Александра Васильевича Сергеева...

Заключая, благодарю за интересные вопросы. А еще хочу напомнить одну мысль Аркадия Семеновича. В своих мемуарах он совершенно в духе постнеклассического этапа развития науки подчеркнул роль субъекта познания в определении, что есть научная школа. Он подчеркивал, что круг его учителей определяется отнюдь не фактом слушания лекций. Важно ученику еще самому «захотеть учиться» у учителя, захотеть учиться «жить и работать». Пожелаю вступающим на стезю науки это помнить. По крайней мере, все те люди, имена которых я упомянул в разговоре, и те, о ком сказать не смог, сделали в свое время выбор. И не ошиблись. Спасибо нашим учителям.

Адо В.И. Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное мнение России // Исторические записки. Т. 69. М., 1961.

Адо В.И. Вспоминая о прошлом... записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7–10.

Алмазова Н.С. «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 131–160.

Атласов Г.В. К характеристике некоторых тенденций в современной французской буржуазной историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 5. Томск, 1967.

Атласов Г.В. Проблемы античной Македонии в современной французской буржуазной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968.

Бодров О.В. Новистика в Казанском университете. 1943–2003. Казань, 2004.

Бокцианин А.Г., Лившиц Г.М. А.С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I. Казань, 1960; Ч. II. Казань, 1963 // ВДИ. 1965. № 2. С. 137–141.

Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 216–217.

Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв. М., 1958.

Жигунин В.Д. Древность и ее место в историческом процессе. Самара, 1996.

Жигунин В.Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань, 2000.

Жигунин В.Д. Международное положение Македонии в период развитого эллинизма (70-е – 20-е гг. III в. до н. э.). Казань, 1970.

Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.

Жигунин В.Д. Шофман Аркадий Семенович (1913–1993) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань, 1999.

Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013 г. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2013.

Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008.

Кащеев В.И. Антиковедение в Казанском университете как предмет исследований А.С. Шофмана // Известия Саратовского университета. Т. 5. Сер. История, право, международные отношения. Вып. 1/ 2, 2005. С. 82–92.

Кащеев В.И. Борьба Рима за господство на Балканах в англо-американской историографии новейшего времени: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.

Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993.

Константинова А.Д. М.С. Куторга как историк античности: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966.

Лукиянов Ю.В. Проблемы античной Македонии в итальянской буржуазной историографии новейшего времени: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1977.

Мягков Г.П. Мы зажигали свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 72–99.

Периодизация всемирной истории: учебное пособие / научный ред. А.С. Шофман. Казань, 1984.

Петрова Э.Б. Античный Кипр (основные черты социально-экономического и политического развития доримского времени): дис. ... канд. ист. наук, 1975.

Петрова Э.Б. Вспоминая с радостью и грустью... // Материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013 г. / сост. и отв. ред. Г.П. Мяков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2013. С. 9–11.

Петрова Э.Б. Феодосия и Юго-Восточный Крым в античную эпоху (середина VI в. до н. э. – IV в. н. э.): дис. ... д-ра ист. наук. Симферополь, 2001.

Прушакевич Т.В., Фролов Э.Д., Шифман И.Ш. А.С. Шофман. История античной Македонии. Ч. I. Доэллинистическая Македония. Казань, 1960; Ч. II. Македония и Рим. Казань, 1963 // ВДИ. 1965. № 2. С. 131–137.

Сергеев С.А. Проблемы античной Македонии в современной англо-американской историографии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1992.

Сидорова Т.А. Уильям Митфорд и начало английской историографии античности в Англии: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1980.

Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. СПб., 2014.

Сыченкова Л.А. «Опрокидон с пирамидоном», или Неофициальный портрет Аркадия Шофмана. URL: <http://rt-online.ru/p-rubgr-nau-10107599/>.

Сыченкова Л.А. Проблемы западноевропейской культуры в советской историографии 20-х – 30-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.

Сыченкова Л.А. Культура Западной Европы: рос. опыт историографического осмысления (вторая пол. XIX в. – 30-е гг. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

Талашова Н.С. Восточные походы Александра Македонского в германской буржуазной историографии новейшего времени: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972.

Талашова Н.С. Избранные труды. Т. 1–2. Иваново, 2001.

Талашова Н.С. Культурно-исторический опыт античности в научной и общественной деятельности Карла Маркса: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1998.

Уманский П.Б. Из истории борьбы негров США за свободу. Казань, 1963.

Уманский П.Б. Американская революция в буржуазной историографии США (конец XVIII в. – 60-е г. XX в.). Казань, 1988.

Уманский П.Б. Ф. Дуглас и аболиционистское движение США в 30–50-е гг. XIX в. Л., 1962.

Ханина А.З. В.К. Пискорский (К 100-летию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. III. Казань, 1968. С. 65–81.

Ханина А.З. Некоторые вопросы теории в творчестве В.К. Пискорского // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1973. С. 130–150.

Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983.

Шамов Г.Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая. (Первая половина XIX в.): автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 1956.

Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 1–2. Казань, 1960–1963.

Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.

Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.

Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея (из истории советского антиковедения) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 370–410.

Юнусова М.Г. Б.Г. Нибур и критический метод в исследовании проблем древнеримской истории. Казань, 1973.

Юнусова М.Г. Греко-римская мифология и понятие «политико-инструментальный миф» // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 106–113.

Юнусова М.Г. Понятие «диалог культур» в контексте дискретно-циклической типологии Н.Я. Данилевского // Историки в поисках новых смыслов. Казань, 2003. С. 135–145.

In Memoriam // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Междунар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013 г. Казань, 2013. С. 5–61.

К.В. Федосеева

**«...Как вы живете в Горьком
и не собираетесь ли все-таки в Ленинград?..»
(переписка Сергея Ивановича Архангельского
с Инной Ивановной Любименко. 1933–1945 гг.)**

В статье и публикуемой переписке историков И.И. Любименко и С.И. Архангельского представлен период с 1933 по 1945 гг. Сама переписка велась до 1958 г. Основной задачей ввода первой части этого источниковедческого комплекса является знакомство читателя с яркими представителями отечественной исторической науки, с кругом обсуждаемых ими тем, главным образом, по английской истории. Во вступительной статье акцент сделан на биографиях историков, их жизненном и творческом пути до 1933 г.

Ключевые слова: И.И. Любименко, С.И. Архангельский, С.Н. Чернов, Горьковский педагогический институт, Великая Отечественная война, историческая наука в СССР, история повседневности, переписка историков.

K.V. Fedoseeva

**"... How do you live in the Gorky
and don't you get all the such in Leningrad?.."
(correspondence of Sergey Ivanovich Arkhangelsky
with Inna Ivanovna Lyubimenko. 1933–1945)**

In the article and published correspondence of historians I.I. Lyubimenko and S.I. Arkhangelsky presented the period from 1933 to 1945. The correspondence was conducted until 1958. The main task of entering the first part of this complex is to acquaint the reader with prominent representatives of the national historical science, with the range of topics they discuss, mainly in English history. The introductory article focuses on the biographies of historians, their life and creative path to 1933.

Key words: I.I. Lyubimenko, S.I. Arkhangelsky, S.N. Chernov, Gorky Pedagogical Institute, World War II, historical science in the USSR, history of everyday life, correspondence of historians.

На наш взгляд, переписка вполне подробно отражает событийную сторону жизни ученых, поэтому вместо предисловия предлагаем расширенный комментарий к ней.

Приведем краткие биографические сведения об историках. Инна Ивановна Любименко родилась 1 (13) апреля 1878 г. в Петербурге в дворянской семье¹. Крещена 6 апреля 1878 г.² Отцом И.И. Любименко являлся профессор ботаники Лесного института Иван Парфентьевич Бородин (1847–1930)³, матерью – Александра Григорьевна Перетц (1846-?)⁴, внучка декабриста Григория Абрамовича Перетца (1788–1855)⁵. Григорий Абрамович являлся старшим сыном Абрама Израилевича Перетца (1771–1833), поставщика армии и флота, сделавшего карьеру в царствование Павла I. Инна Ивановна была старшим ребенком в семье, ее сестра Мирра Ивановна (1882–1957) была младше ее на 4 года. В 1891 г. Инна Ивановна поступила в гимназию княгини Оболенской, которая считалась одной из лучших частных гимназий⁶. В те годы историю преподавал там Георгий Васильевич Форстен (1857–1910) – выдающийся историк, член Русского исторического Общества, специалист в области международных отношений⁷. Именно влияние Г.В. Форстена определило выбор будущей профессии. В 1897 г. она поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов (Бестужевских). На курсах Инна Ивановна училась до 1899 г. В эти годы она познакомилась с будущим мужем – Владимиром Николаевичем Любименко⁸. Они поженились в 1899 г., и

¹ С.Н. Валк, как показано в статье А.М. Дубровского и С.И. Науменко, указал неверную дату рождения.

² *Дубровский А.М., Науменко С.И.* И.И. Любименко: новые материалы о жизни и деятельности // Государство и общество в России XV – начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 491.

³ В метрическом свидетельстве отцом Любименко назван первый муж матери – библиотекарь С.Н. Степанов. См.: *Дубровский А.М., Науменко С.И.* ... С. 491.

⁴ Там же.

⁵ *Румынская М.Н.* Любименко Инна Ивановна. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/lyubimenco_i_i/ (дата обращения: 12.05.2018 г.).

⁶ *Дубровский А.М., Науменко С.И.* ... С. 492.

⁷ *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884; *Форстен Г.В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса. СПб., 1889–1893. Вып. 1–2; *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб.: Балашев и К^о, 1893–1994. Т. 1–2.

⁸ *Дубровский А.М., Науменко С.И.* ... С. 493.

«по настоянию мужа» в тот же год Инна Ивановна «ушла с Высших курсов»⁹. Но И.И. Любименко, в выборе между материнством и наукой, сделала выбор в пользу последней¹⁰. После прохождения курсов в 1904 г., И.И. Любименко по рекомендации И.М. Гревса, была оставлена при кафедре средних веков. Вскоре И.М. Гревс посоветовал ей продолжить обучение во Франции в иностранном университете. Выбор Любименко пал на «Практическую школу высших наук», «Школу хартий» и Сорбонну, где она начала обучение осенью 1905 г. Там ее научным руководителем стал французский медиевист Шарль Бемон (1848–1939)¹¹. Через три года, в 1908 г., Инна Ивановна защитила диссертацию о члене парламента и королевского совета при дворе английского короля – Жане Бретанском на степень доктора словесных наук¹². Диссертация получила высокую оценку ведущих медиевистов из Франции, Англии, Германии и Дании¹³. Для работы над диссертацией И.И. Любименко выезжала в Англию¹⁴.

Следующий этап жизни и творчества И.И. Любименко связан с ее решением продолжить научную работу, главным направлением которой стали англо-русские отношения. Развитие научных интересов И.И. Любименко совпало с развитием двусторонних отношений между Англией и Россией. В 1907 г. в Санкт-Петербурге было заключено соглашение между Англией и Россией¹⁵, которое послужило толчком к многочисленным публикациям политиков, общественных деятелей, журналистов и ученых-истори-

⁹ Дубровский А.М., Науменко С.И. ... С. 493.

¹⁰ Во многом на нее повлияла смерть ее полугодовалого ребенка. После этого трагического события И.И. Любименко приняла решение заниматься наукой и отказалась от рождения детей.

¹¹ Бемон Ш. История Европы и преимущественно Франции в средние века. (IV–XIV вв.). Пер. с фр. слушательниц С.-Петербур. Высш. жен. курсов. Санкт-Петербург, 1894. 454 с.

¹² *Luibimenko I. Jean de Bretagne comte de Richmond. Sa vie et son activite en Angleterre, en Ecole et en France (1266–1334).* Lille, 1908.

¹³ Дубровский А.М., Науменко С.И. ... С. 494.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Со стороны России соглашение было подписано министром иностранных дел А.П. Извольским, со стороны Англии – британским послом А. Никольсоном. Историография, посвященная Соглашению, достаточно обширна. Исследователи по-разному оценивают его значение. Сама Инна Ивановна придерживалась положительной оценки.

ков по данной теме. Историк И.И. Любименко решила изучить весь ход развития англо-русских отношений с момента возникновения до современного ей этапа¹⁶. Первое же знакомство с историографией по избранной теме вскрыло целый ряд проблем: отсутствие специальных исследований по избранной теме, скудный перечень общих трудов, и, наконец, малая доля исследований отечественных историков в общей массе исторических поисков. Наиболее пристальное внимание И.И. Любименко привлекли работы И.Х. Гамеля¹⁷, Ю.В. Толстого¹⁸, Н.И. Костомарова¹⁹ и В.О. Ключевского²⁰. Этим объемом, по сути, был ограничен круг отечественных работ, материалы которых можно было использовать в исследовании. Ситуация в зарубежной историографии была схожа с отечественной, поэтому за консультацией она обратилась к А.С. Лаппо-Данилевскому и П.Г. Виноградову. В письме к А.С. Лаппо-Данилевскому, написанному в 1908 г., Инна Ивановна сообщала: «... в Москве я имела удовольствие беседовать ... с профессором Виноградовым, который дал мне интересные сведения о существовании архива... в Лондоне»²¹. И.И. Любименко к тому времени уже была знакома с работой лондонских архивов, где ранее работала над диссертацией: Public Record Office, British Museum и Оксфордский архив Бодлеянской библиотеки. Там Инна Ивановна приступила к изучению материалов дипломатической переписки, писем русских

¹⁶ Любименко И.И. История торговых сношений России с Англией. Вып. I. XVI в. Юрьев, 1912. 192 с.

¹⁷ См.: *Hamel J. Tradescant der aeltere 1618 in Russland (1843); Гамель И.Х.* История железного производства в России. СПб., 1833; *Он же.* Обзор торговых и политических сношений Англии с Россией в XVI и XVII вв. СПб., 1865, 1869; *Он же.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865–1869: в 2 т.; *Hamel J. England and Russia: comprising the voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson, and others to the White Sea.* London: Bentley, 1854. XI, 422 с. и др.

¹⁸ См.: *Толстой Ю.В.* «Московия» Джона Мильтона. М., 1875; *Толстой Ю.* Обзор первых сорока лет сношений между Россиею и Англиею (1553–1593). СПб., 1875 и др.

¹⁹ Любименко И.И. выделяла прежде всего его работу: *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. СПб.: Издание Николая Тиблена, 1862. 299 с.

²⁰ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг.: Первая гос. тип., 1918. 333 с.

²¹ Цит. по: *Дубровский А.М., Науменко С.И.* ... С. 494.

царей к английской королеве Елизавете и других документов. Для восстановления картины двухсторонних англо-русских контактов, дополнения работы документами английской стороны, Инна Ивановна обратилась в Архив Министерства иностранных дел.

Изданию первой части исследования об англо-русских отношениях предшествовала публикация ряда статей: в 1911 г. вышла первая работа «Английская торговая компания в России в XVI в.»²², в 1912 г. опубликованы «Les marchands anglais en Russie au XVIIe siècle»²³, «Первая английская торговая компания в России»²⁴, «Английский ввоз в Россию в XVI в.»²⁵, «Английский вывоз из России в XVI в.» (продолжение)²⁶. В 1912 г. опубликована монография «История торговых сношений России с Англией»²⁷. Как мы видим, И.И. Любименко интересовали, прежде всего, торговые отношения Англии с Россией. В 1914 г. ее интересы сместились в сторону изучения и критики источников: вышла важная работа «The First relations of England with Russia»²⁸, «A Project for the acquisition of Russia by James I»²⁹, «The Correspondence of queen Elizabeth with the Russian czars»³⁰, «Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I»³¹, где были показаны главные противоречия в намерениях английской

²² Любименко И.И. Английская торговая компания в России в XVI в. // Историческое обозрение. Т. 16. СПб., 1911. С. 1–23.

²³ *Luibimenko I.* Les marchands anglais en Russie au XVIIe siècle // *Revue historique*, 1912, t. 109. P. 1–26.

²⁴ Любименко И.И. Первая английская торговая компания в России // Вестник Русско-английской торговой палаты. 1912, № 4. С. 132–134.

²⁵ Любименко И.И. Английский ввоз в Россию в XVI в. // Там же. 1912. № 5–6. С. 209–211.

²⁶ Любименко И.И. Английский вывоз из России в XVI в. // Там же. 1912. № 7. С. 269–279.

²⁷ Любименко И.И. История торговых сношений России с Англией. Вып. I. XVI в. Юрьев, 1912. 192 с.

²⁸ *Luibimenko I.* The First relations of England with Russia // *Russian Review*, 1914, Febr. P. 54–73.

²⁹ *Luibimenko I.* A Project for the acquisition of Russia by James I // *English Historical Review*, 1914, April. P. 246–256.

³⁰ *Luibimenko I.* The Correspondence of queen Elizabeth with the Russian czars // *American Historical Review*, 1914, v. XIX, №3. P. 525–542.

³¹ Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. 1914. № 5. С. 1–16.

стороны по отношению к русской. В 1915 г. опубликована критика источников из английских архивов: «A Suggestion for the publication of the correspondence of queen Elisabeth with the Russian czars»³². В 1916 г. – историографическая статья «Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией»³³. Параллельно публиковались исследования о предыстории возникновения первых англо-русских союзов: «Проекты англо-русского союза в XVI и XVII вв.»³⁴ и «Первая попытка заключения англо-русского союза»³⁵. Успеху способствовали достаточно широкие научные связи Инны Ивановны. Она была знакома и сотрудничала как с отечественными историками-медиевистами (Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, А.С. Лаппо-Данилевским, Д.Н. Егоровым, Е.В. Тарле), так и ведущими зарубежными учеными. Инна Ивановна оставила о себе яркое воспоминание М.М. Богословского. М.М. Богословский и Д.Н. Егоров были близкими друзьями, часто ходили друг к другу в гости. Вероятно, для обсуждения публикации своей работы в журнале «Исторические известия»³⁶, редактируемом Д.Н. Егоровым, И.И. Любименко приехала к нему из Петрограда в Москву, там произошла ее встреча с М.М. Богословским, который впоследствии записал в своем дневнике: «17 декабря 1916 г. ... Обедал у Д.Н. Егорова с приехавшей из Петрограда ученой дамой И.И. Любименко, очень живой и интересной особой. Мы беседовали между прочим о предмете ее занятий: отношения Англии с Россией в XVI и XVII вв.»³⁷.

Взлет научной карьеры И.И. Любименко прервала Революция 1917 г. В 1917–1918 гг. ей удалось опубликовать лишь несколько

³² *Luibimenko I.* A Suggestion for the publication of the correspondence of queen Elisabeth with the Russian czars // Transactions of the Royal Historical Society, ser. 3, v. IX, London, 1915. С. 108–122.

³³ *Любименко И.И.* Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией // Исторические известия. 1916. № 2. С. 14–26.

³⁴ *Любименко И.И.* Проекты англо-русского союза в XVI и XVII вв. // Там же. 1916. № 3–4. С. 29–53.

³⁵ *Любименко И.И.* Первая попытка заключения англо-русского союза // Биржевые ведомости, утр. вып. 1916, 19 окт.

³⁶ *Любименко И.И.* Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией // Исторические известия. 1916. № 2. С. 14–26.

³⁷ *Богословский М.М.* Дневники 1913–1919 / М.М. Богословский – «Web-Kniga», 2011. С. 279.

ко статей по тематике исследования³⁸ и одну статью о врачебном деле в Московском государстве³⁹. До Революции И.И. Любименко могла себе позволить заниматься только научным творчеством, опираясь на материальную поддержку мужа, то после Революции она была вынуждена пойти работать в образовательные учреждения: школы Петроградского района (где преподавала английский язык и географию), Археологический институт (читала курс об английских архивах). Также она преподавала по совместительству в Географическом институте (где читала курс «История ранних путешествий иностранцев в России»). Благодаря работе в институте ей удалось поехать во Францию в 1922 г. с целью изучения того, как там поставлено географическое образование⁴⁰. С 1921 по 1926 гг. Инна Ивановна работала архивистом в Главархиве (Ленинградском отделении Центрархива). Большую роль в творческой судьбе И.И. Любименко в эти годы сыграл С.Ф. Платонов: в ее трудоустройстве, направлении работ, командировках в Европу, участии в научной и общественной жизни. «Летом 1925 г. по заданию Центрархива» Инна Ивановна «была отправлена с целью изучения постановки архивного дела заграничных архивов и закупки архивной литературы в Латвию, Германию, Францию и Англию»⁴¹. С.Ф. Платонов высоко оценивал работу И.И. Любименко. Современный исследователь Р.Я. Солодкин отмечал, что «С.Ф. Платонов в докладе на «исторической неделе» в Берлине (1928 г.) подчеркнул, что «И.И. Любименко смогла внести много свежих деталей в историю торговли англичан в устье Северной Двины и их поездок в Москву»⁴². Однако, как следует из его переписки, работа, сделанная архивистами в те годы, его в целом не удовлетворяла. В письме к С.Ф. Ольденбургу от 18 июня 1928 г.

³⁸ *Luibimenko I. Letters illustrating the relations of England and Russia in the XVIIe century // English historical Review, 1917, Jan. С. 92–103; The Correspondence of the first Stuarts with the first Romanovs // Transactions of the Royal Historical Society. 4 ser., v. 1, London, 1918. С. 77–91.*

³⁹ *Любименко И.И. Врачебное и лекарственное дело в Московском государстве // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3–4. С. 1–36.*

⁴⁰ *Дубровский А.М., Науменко С.И. ... С. 497–498.*

⁴¹ *Румынская М.Н. Любименко Инна Ивановна. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/lyubimenko_i_i/ (дата обращения: 12.05.2018).*

⁴² *Солодкин Р.Я. Жизнь и творчество И.И. Любименко в Отечественной исторической науке // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 11. С. 325.*

С.Ф. Платонов указывал: «Я, конечно, с полным пониманием и искренней признательностью готов был бы отнестись к совету Отдела произвести «детальное изучение этого вопроса» (не знаю, «физиономии ли русской торговли» или же «спорадических случаев экспорта») по материалам Археографической комиссии. Но, к сожалению, я уверен, что, с одной стороны, для изучения физиономии русской торговли в XVII в. достаточно и печатного материала, который не раз с успехом усваивали в моих семинарах студенты, а с другой стороны, для изучения вывоза русского зерна в XVII в. в гавани Балтики, Немецкого моря и Ла-Манша, кроме рекомендуемых справок в Археографической комиссии, желательно начать справки во французских архивах и специальной французской литературе, ибо нельзя довольствоваться тем, что мы знаем из недавних почтенных работ И. Любименко, В. Кордта и др»⁴³. Таким образом, деятельность, начатая С.Ф. Платоновым и сотрудниками Центрархива, не была завершена. Инна Ивановна, осознавая все противоречия в своей работе, еще 20 декабря 1925 г. писала С.Ф. Платонову: «... Архив я готова покинуть в любое время, и, если получение нового места затянется, все равно уйду, не дождавшись его, так как уже очень больно смотреть на разрушение всего, что когда-то было создано знающими людьми, и участвовать, хотя бы и пассивно, в таком деле, особенно после того как я посетила ряд архивов в Германии, Франции, Англии и ознакомилась там с постановкой дела»⁴⁴. Следствием неприятия ею происходящего в Центрархиве стало ее увольнение в 1926 г. А.М. Дубровский и С.И. Науменко связывают ее уход также с тем, что Инна Ивановна стремилась работать за границей, однако власти не пошли ей навстречу⁴⁵.

Если мы обратимся к библиографии опубликованных работ И.И. Любименко, написанных с 1920-го по 1931-й гг., обнаружится, что тематика ранних ее работ, посвященных англо-русским отношениям, хотя и была продолжена, но постепенно начала замещаться исследованиями, посвященными изучению иностранных

⁴³ Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2 т. / отв. ред. С.О. Шмидт; Ин-т славяноведения. Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. С. 269.

⁴⁴ Цит. по: *Дубровский А.М., Науменко С.И.* С. 498.

⁴⁵ Там же.

и отечественных архивов. Любименко изучала: архивное образование⁴⁶, постановку архивного дела⁴⁷ (включая работу с читателями⁴⁸), достижения и нововведения иностранных коллег⁴⁹. Одна из статей Инны Ивановны была посвящена даже такой теме как «Новейшие архивные постройки на западе и их оборудование»⁵⁰. География изучения постановки архивной работы в зарубежных странах охватывала Великобританию, Францию, Германию, Прибалтийские страны, Голландию, Бельгию.

Благодаря заграничным командировкам И.И. Любименко продолжала работу по изучению англо-русских отношений, публиковала результаты исследований в иностранных изданиях (главным образом, в Англии и Франции)⁵¹. На протяжении 1920-х гг. она вела переписку с иностранными учеными. Ее работы были хорошо знакомы Европе. Итогом работы по англо-русским отношениям, стало издание в 1933 г. в Париже монографии И.И. Любименко «Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand»⁵² («Торговые и политические отношения Англии и России до Петра Великого»). А.М. Дубровский и С.И. Науменко воссоздали хронологию публикации работы, предположив, что Инна Ивановна могла вывести рукопись моногра-

⁴⁶ Любименко И.И. Новое архивное образование в Бельгии // Архивное дело. 1928. Вып. 1. (№ 14). С. 97–99.

⁴⁷ Любименко И.И. Архив немецкого Рейха в Потсдаме // Архивное дело. 1926. Вып. 5–6. С. 185–188.

⁴⁸ Любименко И.И. Насколько доступны архивы различных стран исследователю? // Архивное дело. 1931. Вып. 3–4 (24–25). С. 105–111.

⁴⁹ Любименко И.И. Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем // Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920. Кн. 1. С. 217–303.

⁵⁰ Любименко И.И. Новейшие архивные постройки на западе и их оборудование // Архивное дело. 1926. Вып. 8–9. С. 132–138.

⁵¹ *Luibimenko I.* The Struggle of the Dutch with the English for the Russian market in the seventeenth century // Transactions of the Royal Historical Society, 4th series, v. VII, London, 1924. P. 27–51; *Luibimenko I.* Les relations diplomatiques de l'Angleterre avec la Russie au XVIIIe s. // Revue historique, 1926, t. 153. P. 1–39; *Luibimenko I.* England's part in the Discovery of Russia // Slavonic Review. 1927. № 6; *Luibimenko I.* Anglo-russian relations during the first English revolution // Transactions of the Royal Historical Society, 4th series, v. XI, London, 1928. P. 39–59 и др.

⁵² *Luibimenko I.* Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933.

фии еще в 1928 г. Работа включала результаты исследований историка по теме англо-русских отношений с 1912 г.

«В декабре 1932 г. она поступила в Институт истории науки и техники, сначала на договорных условиях, а с февраля 1934 г. зачислена на должность ученого специалиста, впоследствии ученого секретаря секции истории АН, но в основном работала в Архиве АН»⁵³. 1 ноября 1935 г. за цикл трудов по истории дипломатических и торговых связей России с государствами Западной Европы состоялось присуждение И.И. Любименко ученой степени доктора исторических наук. Любименко на момент получения ученой степени было 57 лет⁵⁴. Однако, эти внешние «успехи» И.И. Любименко таили целый ряд скрытых проблемных вопросов, с которыми она столкнулась: многие из ее работ не были опубликованы. В 1936 г. И.И. Любименко приступила к работе в качестве старшего научного сотрудника Комиссии по истории АН. Вектор ее научных интересов снова был изменен. И снова с присущей ей тщательностью и добросовестностью Инна Ивановна приступила к совершенно новой для нее теме – истории Академии Наук⁵⁵. Одним из итогов этой работы стал выход обширного труда «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание. 1766–1782» в 1937 г.⁵⁶

В эти годы происходит знакомство Инны Ивановны с горьковским ученым-историком, специалистом по истории Англии, Сергеем Ивановичем Архангельским (1882–1958)⁵⁷. Еще в 1933 г.

⁵³ Румынская М.Н. Любименко Инна Ивановна. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/lybimenko_i_i/ (дата обращения: 12.05.2018).

⁵⁴ В 1933 г. И.И. Любименко было присуждено почетное звание члена Парижской Школы высших наук, в трудах которой была напечатана на французском языке ее монография «Торговые политические отношения Англии и России ранее Петра Великого» (Paris, 1933), ставшая итогом многолетних занятий по этой теме.

⁵⁵ Любименко И.И. К вопросу об изучении истории академий наук во Франции и в Германии // Архив истории науки и техники. Л., 1936. Вып. 8. С. 405–415; Любименко И.И. К вопросу об изучении истории академий наук во Франции и в Германии // Там же. Л., 1936. Вып. 8. С. 405–415.

⁵⁶ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание. 1766–1782. М.; Л., 1937. 606 с.

⁵⁷ См. Кузнецов А.А. С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // Пиррен Анри. Средневековые города и возрождение торговли / пер. с англ. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. С. 146–168.

между ними завязалась переписка, которая продолжалась до кончины историков. Материалы переписки вносят существенные дополнения как к биографиям ученых, так и картине советской научной жизни 1930–1950-х гг.

Сергей Иванович Архангельский родился 10 января 1882 г., также, как и Любименко, в дворянской семье. Родителями Сергея Ивановича являлись Коллежский Секретарь Семеновской Дворянской ОпекИ Иван Андреевич Архангельский и дворянка Вера Константиновна Архангельская⁵⁸. Родственники по отцовской и материнской линии, как следует из биографических документов, являлись священнослужителям⁵⁹. Известно также, что С.И. Архангельский в раннем возрасте остался сиротой (мать умерла, когда ему было 7 лет, отец – 14 лет). Официальным опекуном Сергея Ивановича был родной брат отца – Андрей Андреевич Архангельский. Фактически же воспитанием занималась его тетьа – Варвара Андреевна. Его детство и юность проходили в уездном г. Семенове и в губернском г. Нижнем Новгороде. С юности ему привили любовь к чтению и языкам. Среднее образование С.И. Архангельский получил в Нижегородском Дворянском Институте Александра II, который закончил в 1900 г. с «золотой медалью». В том же году он поступил на историко-филологическое отделение Московского Императорского университета, который окончил в 1907 г., также «с отличием». Его учителями были такие выдающиеся историки как Р.Ю. Виппер, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин, В.О. Ключевский и др. Наибольшее влияние на него оказали, как отмечал позднее в автобиографиях С.И. Архангельский, Р.Ю. Виппер и А.Н. Савин. Его интересы, таким образом, были связаны с изучением всеобщей истории. Одной из первых работ, опубликованных С.И. Архангельским, стал труд «Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли»⁶⁰, опубликованный в ЖМНП. В годы учебы в Московском Университете он женился на тамбовской дворянке Александре Владимировне Давыдовой. В браке у них родились двое детей – Константин Сергеевич и Наталья Сергеевна.

⁵⁸ ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 314. Д. 36.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Архангельский С.И.* Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли // ЖМНП. часть XXI, январь 1911.

После окончания Университета, С.И. Архангельский вернулся в Нижний Новгород, где начал преподавать в средних учебных заведениях. В 1907–1917 гг. Архангельский преподавал историю и русскую литературу в Нижегородской Мариинской женской гимназии, в 1912–1917 гг. – в губернской гимназии. Одновременно он готовился к магистерскому экзамену и работал в Нижегородской ученой архивной комиссии⁶¹. В 1917–1934 гг. С.И. Архангельский преподавал на литературно-историческом факультете Нижегородского (Горьковского) педагогического института. В должности профессора ученый читал лекционные курсы по истории стран Западной и Восточной Европы, по истории западных и южных славян, по истории арабов и арабского халифата. В 1934 г. С.И. Архангельский выступил одним из инициаторов создания исторического факультета Горьковского педагогического института и стал первым его деканом.

Научная работа С.И. Архангельского в эти годы была связана с его деятельностью в краеведческих организациях, тематика исследований во многом определялась повесткой дня и условиями жизни в провинции. Так, с 1915 по 1925-е гг. он занимался введением в научный оборот переписки С.В. Ешевского с К.Н. Бестужевым-Рюминым (совместно с нижегородским архивистом А.К. Кабановым), представлением научной биографии С.В. Ешевского, изучением различных аспектов аграрного движения в Нижегородской губернии⁶², истории промышленного пролетариата Нижегородского края, развитием краеведческой мысли в Нижнем Новгороде, разработкой методологии исторических исследований (результатом исследований стал предложенный Архангельским «локальный метод»)⁶³ и др. Параллельно с этими темами С.И. Архангельский подготовил работу «Разбор сочинения Адама Шлейсинга: «Описание Московского государства в царствование Петра и

⁶¹ Архангельский Сергей Иванович. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=D67603C2-857D-27CD-F811-9F4E6962C255&ida=1> (дата обращения: 12.05.2018).

⁶² *Архангельский С.И.* Аграрное движение в Нижегородской губернии 1861–1906 гг. // Материалы по истории революционного движения. Н. Новгород, 1922. Т. IV.

⁶³ *Архангельский С.И.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. М., 1926. № 2.

Иоанна с прибавлением описания Сибири»⁶⁴ для НГУАК. Впоследствии эта работа была опубликована в местном издании – «Действиях Нижегородской Губернской Архивной Комиссии».

С.И. Архангельский в эти годы также занимался изучением трудов зарубежных историков. Наиболее пристальный интерес С.И. Архангельского вызвали труды бельгийского историка Анри Пиренна, посвященные истории средневековых городов. В середине 1920-х гг. он подготовил перевод его книги для публикации⁶⁵. Сергей Иванович неоднократно обращался за помощью к столичным историкам (Н.И. Карееву и Д.М. Петрушевскому) при публикации перевода работы Пиренна⁶⁶.

На базе разработанных им курсов по всеобщей истории, в частности по истории Французской революции, он приступил к разработке темы, посвященной истории Английской Революции XVII в. На протяжении 1920–1930-х гг. он изучал источники и историографию по избранной им теме, работая в московских и ленинградских библиотеках и архивах. По этой теме С.И. Архангельский также консультировался с Д.М. Петрушевским⁶⁷, Н.И. Кареевым⁶⁸, Е.А. Косминским и другими историками⁶⁹. Итогом изыска-

⁶⁴ *Архангельский С.И.* «Описание Московского государства в царствование Петра и Иоанна с прибавлением описания Сибири» // Сб. ст. Действия НГУАК. Н. Новгород. 1905. Т. 6. С. 1–9.

⁶⁵ *Архангельский С.И.*, Пиренн, в кн.: А. Пиренн. Средневековые города и возрождение торговли, Г., 1941; Позднее этот труд был переиздан А.А. Кузнецовым. См. работу: *Кузнецов А.А.* С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Н. Новгород: Изд-во ННГПУ, 2009. С. 146–168.

⁶⁶ *Федосеева К.В.* «Шлю Вам наилучшие пожелания и маленький подарок на добрую память о провинциальном историке»: к публикации переписки С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Н. Новгород: М-Принт, 2013. С. 128.

⁶⁷ *Федосеева К.В.* ... С. 118–128.

⁶⁸ *Кузнецов А.А.* Письма Н.И. Кареева к С.И. Архангельскому // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 88–105.

⁶⁹ *Кузнецов А.А.* Письма Н.И. Кареева к С.И. Архангельскому // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010. С. 294–295; *Кузнецов А.А.* Отзывы Н.И. Кареева, Е.А. Косминского, В.Н. Бочкарева в 1929 г. о научных работах С.И. Архангельского // История и историки в пространстве национальной культуры XVIII – начала XXI вв.: сб. ст. Челябинск, 2011. С. 245–253.

ний по истории Англии стали статьи (также Архангельский публиковал текст своей работы по главам в «Известиях Нижегородского гос. ун-та») и монография, посвященная теме «Аграрное законодательство Великой Английской революции». В это время произошло его знакомство с И.И. Любименко.

Переписка Сергея Ивановича Архангельского с Инной Ивановной Любименко длилась 24 года с февраля 1933 г. по декабрь 1957 г. При этом следует отметить, что первое письмо И.И. Любименко от 9 февраля 1933 г. является письмом-ответом. Таким образом, переписка началась ранее. В феврале 1938 г. С.И. Архангельский упоминает И.И. Любименко в переписке с Д.М. Петрушевским в связи с уже помянутой монографией Любименко, изданной в Париже⁷⁰: «...Надо ему (В. Бочкареву. – Ф.К.) указать адрес И.И. Любименко, – писал Архангельский, – которая написала ряд работ о торговле Англии с Москвой в XVI–XVII вв. и о дипломатических отношениях этих государств. Последняя ее работа, которую она мне презентовала, вышедшая в Париже, называется «Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand». Это книга в 300 страниц с указаниями на литературу и источники. Она, правда, не использовала коллекцию бумаг Thurloe, на которых я основывался, делая свой доклад, но эта единственная работа, охватывающая такой большой период дипломатических отношений. Адрес Любименко...»⁷¹. Также в середине 1930-х гг. фамилии С.И. Архангельского, И.И. Любименко и Д.М. Петрушевского встречаются рядом при перечислении участников прений, имевших место после выступления Е.А. Косминского⁷² с докладом «К истории генезиса денежной ренты в Англии».

За весь период переписки историки обменялись 101 письмом, не считая посылок отписок статей, из которых 75 писем принадлежат И.И. Любименко (написаны с 09.02.1933 г. по де-

⁷⁰ Содержание письма, обороты речи Архангельского, свидетельствуют о том, что историки давно и хорошо знали друг друга.

⁷¹ Федосеева К.В. ... С. 135.

⁷² В 1935 г. вышла в свет монография «Английская деревня в XIII в.», за которую Академия наук СССР присудила Е.А. Косминскому 5 августа 1936 г. степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

кабрь 1957 г.) и только 27 писем – С.И. Архангельскому (написаны с 18.09.1937 г. по декабрь 1955 г.). Первая их часть, 53 письма, датированные 09.02.1933–09.06.1952 гг., были переданы в ЦАНО (г. Нижний Новгород)⁷³, а вторая часть, 22 письма, датированные 03.11.1952 – декабрь 1957 гг., были переданы в АРАН (г. Москва)⁷⁴. Письма Архангельского, все сохранившиеся 27 писем, написанные с 18.09.1937 г. по декабрь 1955 г., хранятся в СПФ РАН⁷⁵ в личном фонде И.И. Любименко (г. Санкт-Петербург). Таким образом, сегодня с перепиской историков в целом можно ознакомиться только при посещении всех трех архивов в трех разных городах России – Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода⁷⁶.

Тексты писем приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией авторов.

Переписка С.И. Архангельского с И.И. Любименко (1933–1945)

№ 1

09.02.1933 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,
Большое спасибо за присланные отски, которые читала с большим интересом, вместе⁷⁷ это дает более цельное впечатление.

⁷³ Центральный Архив Нижегородской Области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Письма Любименко Инны Ивановны к Сергею Ивановичу Архангельскому.

⁷⁴ Архив РАН (АРАН). Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Любименко И.И. Историк, сотрудник Ленинградского института истории А.Н. СССР 30 ноября 1952–1957 г. 40 л.

⁷⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 885. Оп. 1. Д. 250. 18 сентября 1937–1955 г. 29 л. Личный Фонд Любименко Инны Ивановны. Архангельский С.И., письма к И.И. Любименко, г. Горький.

⁷⁶ Логику формирования фондов С.И. Архангельского (распределение его документов между ЦАНО и АРАН довольно трудно понять. С одной стороны, хронологически более ранние документы хранятся в ЦАНО, они более многочисленны и могли быть по-разному истолкованы и использованы. С другой стороны, наследники передали в АРАН большую часть материалов по его докторской диссертации, работ по истории Англии, общественной деятельности С.И. Архангельского в последние годы жизни, контактам с московскими и ленинградскими историками. Эти источники характеризуют его как члена-корреспондента АН СССР, крупного медиевиста.

⁷⁷ Работа С.И. Архангельского «Экономическое положение Англии в 50-е гг. XVII в.» была составной частью его труда «Аграрное законодательство Английской революции 1640–1660 гг.».

Что касается нашей статьи, то я сейчас работаю над ней, надеюсь дней через 10 кончить свою часть и выслать Вам для осведомления, чтобы не оказалось несколько больше 1 листа.

С искренним уважением,
Инна Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 1.

№ 2

02.03.1933 г.

Ленинград, 22
Аптекарский остр[ов]
Песочная 2а, кв. 7
Ботанический Ин[ститу]т

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Посылаю Вам свою рукопись; прочтите, чтобы удобнее было согласовать продолжение; второй экземпляр остался у меня, но я думаю лучше дать Томсинскому⁷⁸ все целиком. Когда кончите, пришлите мне обратно, мое и свое, я согласую в свою очередь свое с Вашим, если нужно будет. Имейте в виду, что «Крепостная Россия»⁷⁹ по видимому не выйдет, а Томсинский предлагает напечатать нашу статью в Известиях Академии⁸⁰: сообщите по прочтении Ваши критические замечания, я всегда это ценю и готова платить тем же. Черкните к какому времени Вы надеетесь кончить, будете ли весной в Ленинграде и во всяком случае, сообщите о получении рукописи.

Рязанова-Марковскую полемику⁸¹ я предоставляю Вам.

С искренним уважением,
Инна Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.

⁷⁸ Томсинский Семен Григорьевич (1894–1938) – российский и советский историк, археограф. Член-корреспондент АН СССР по Отделению общественных наук (история) с 1 февраля 1933 до 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием).

⁷⁹ Крепостная Россия: сборник статей / Ленинградское отделение Коммунист. акад., Ин-т истории. Ленинград: Прибой, 1930. 268 с.

⁸⁰ «Известия Академии наук СССР» – научные журналы секций и отделений АН СССР.

⁸¹ Давид Борисович Рязанов (1870–1938) – историк-марксовед, основатель и первый руководитель Института Маркса и Энгельса (ИМЭ).

03.04.1933 г.
 Ленинград 22
 Песочная 2а. кв. 7
 Ботанич[еский] Ин[ститу]т,
 Академия Наук

Многоуважаемый Сергей Иванович,

По зрелом размышлении я в сущности склоняюсь к Вашей мысли, а именно, что для Известий статья в таком виде, в каком она была задумана нами для Крепостной России, не годится. Томсинский не может печатать моего сборника из за недостатка бумаги и усиленно предлагает мне использовать его, как материал для статьи в Известия⁸². Я думаю, что при таких условиях нам с Вами удобнее будет разделиться и разрабатывать каждому свои темы самостоятельно, сообщив друг другу предварительно о выборе таковых, чтобы избежать дублирования. Вы писали, что у Вас намечаются вопросы, мож[ет] б[ыть] Вы сообщите мне, каковы они. Что касается меня, то я в первую очередь интересуюсь формами торговли компании⁸³ и классовой борьбой внутри и в связи с намечавшимися реформами в торговле⁸⁴.

Сейчас я занята другой работой по истории Академии⁸⁵, т.е. разрабатывать эту тему начну не сразу, интересно было-бы до сих пор узнать Вашу установку.

С совершенным уважением,
 Инна Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 5.

⁸² «Известия Академии наук СССР»

⁸³ Английская торговая компания. – К.Ф.

⁸⁴ И.И. Любименко изучала капиталистическую форму торговли компаний. Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. // Известия АН СССР. 1933. Сер. 7: Отд. обществ. наук. № 10. С. 729–754. Эта же работа продублирована автором во французском издании *Lubimenko I. Relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris 1933. XX + 310.*

⁸⁵ В связи с переводом Института истории науки и техники в Москву, И.И. Любименко продолжала научную работу по договору в Архиве АН и работала по заданию Комиссии по истории Академии наук (КИАН). Основным предметом ее занятий в это время была история Академии наук и просвещения в России XVIII в., по этой теме ею опубликован цикл научных статей. См., подробнее: http://www.spbiiiran.nw.ru/lybimenko_i_i/

№ 4**26.04.1933 г.**

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Все поджидала Вашу рукопись, относительно которой Вы написали⁸⁶, что ее заканчиваете. Пока еще не дождалась. Надеюсь, что, как было установлено, Вы пришлете ее вместе с моей, мне бы хотелось кое-что дополнить в моей, а, может быть, немножко и переделать, причем ...⁸⁷ Вашу часть для согласования. Затем я передам все Томсинскому, посмотрим, какое будет это решение. Что касается...⁸⁸, то, к сожалению, ни с кем там не связана и не могу Вам помочь.

Очень заинтересовало меня сведение о раскопках в Архангельске. Если Вам не трудно, сообщите, где о них читали⁸⁹, я как-то пропустила; я уверена, что место англо-голландской деятельности еще хранит не мало любопытного⁹⁰. Итак, буду ждать Вашей статьи вместе с моей. Заранее интересуется ее почитать.

С искренним уважением,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.**№ 5****07.05.1933 г.**

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Сегодня пришла Ваша рукопись; видела Томсинского, но он еще не получил; я сообщила ему, что доставлю свою часть через недельку, могу ее немножко дополнить и расширить, а то по сравнению с Вашей она уже очень куцая, я строго рассчитывала на 1. Печ. Лист, а у Вас значительно больше; но для Известий, я думаю, это не имеет значения.

Спасибо за замечания, когда прочту, сообщу свои.

Уважающая Вас,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 8.

⁸⁶ Не установлена – *Ф.К.*

⁸⁷ Далее неразборчиво – *Ф.К.*

⁸⁸ Далее неразборчиво – *Ф.К.*

⁸⁹ Из-за отсутствия писем С.И. Архангельского, остается только догадываться, о каком издании могла идти речь. Но в эти годы активно публиковался А.В. Арциховский, так в 1930 г. вышла его работа: Арциховский А.В. Раскопки 1929 г. в Новгородской округе // Материалы и исследования [Новгородского государственного музея]. Вып. 1. Новгород. 1930.

⁹⁰ *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год ... С. 729–754.

№ 6

21.05.1933 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Хотя мне не удалось поймать Томсинского, но в ИАИ⁹¹ я узнала, что рукопись Ваша получена, что обе наши рукописи собираются рассматривать сначала Томсинский, а потом Греков⁹² и что предполагается печатать их чуть ли не отдельным оттиском, если сочтут их подходящими.

Однако ...⁹³ меня предупреждали, что порядки в АИА таковы, что потеря рукописи или части ее – вещь вполне возможная. Лично у меня нет полного ...⁹⁴, т.к. я в спешном порядке дополняла перепечатанный машинный экземпляр и вторично переписывала в 1 экз. за неимением бумаги. Отослать ли Вам имеющийся у меня дублет Ваш или временно оставить? Мои заметки прилагаю. Сама я уезжаю в начале июня на 2 мес. ...⁹⁵, вероятно, вернусь к 1-му августа.

Думаю, что до тех пор вряд ли соберутся печатать.

Примите уверение в искреннем уважении,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 9.

№ 7

21.12.1933 г.

Ленинград, 22

Песочная 2а. кв. 7

Ботанический Ин[ститу]т

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Очень извиняюсь, что не сразу ответила на Ваше письмо, но сильно замоталась за последнее время. Благодарю Вас за присланный оттиск.

⁹¹ Историко-археографический институт. С.Г. Томсинский был директором Историко-археографического института в 1933–1935 гг.

⁹² Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) – советский историк и общественный деятель, основатель и заведующий кафедрой русской истории историко-филологического факультета Пермского университета (1916–1918), член-корреспондент АН СССР (с 12 февраля 1934 г.), академик (с 1 июня 1935 года), член Болгарской и Польской АН (с 1947 г.).

⁹³ Далее неразборчиво – Ф.К.

⁹⁴ Далее неразборчиво – Ф.К.

⁹⁵ Далее неразборчиво – Ф.К.

Я откладывала ответ еще потому, что все рассчитывала поговорить на счет наших статей с Томсинским, но до сих пор не пришлось. Я не помню, писала ли я Вам, что они уже были сданы в типографию, вместе с некоторыми другими, но потом, вследствие того, что цензура раскритиковала статью Кашина⁹⁶, Томсинский поспешил взять обратно наши, хотя против них, кажется, не было в то время возражений. Я слышала, что он решил пустить их через Волгина⁹⁷, а не от Археогр[афического] И[нститу]та⁹⁸, насколько это верно, не знаю; лично его мне все не удается поймать.

Здесь последнее время заметно оживилась историческая атмосфера; была 3 дня истор[ическая] конференция по крестьянскому вопросу⁹⁹; делали доклады Томсинский – общего характера, Тихомиров¹⁰⁰ (из Баку) о крестьянстве в Смуту и Симонов¹⁰¹ (из Москвы) о крестьянстве в Пугачевском движении¹⁰². Прения были весьма жаркие и направленные как будто острием против Томсинского; впрочем я не слышала, т.е. может быть у меня создалось неправильное впечатление¹⁰³.

⁹⁶ Владимир Николаевич Кашин (1890–1938) – историк, профессор Ленинградского университета. См.: «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб.: Нестор-История, 2006. 270 с.

⁹⁷ Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962, Москва) – советский историк, общественный деятель.

⁹⁸ Историко-археографический институт.

⁹⁹ Возможно речь идет о созданном Институтом истории ЛОКА и Историко-археографическим институтом АН СССР совещании по основным проблемам истории крестьянских движений в России 9–11 декабря 1933 г. в Ленинграде. Краткий обзор по нему был опубликован в «Проблемах марксизма», 1934 г. № 1. С. 162–169.

¹⁰⁰ Тихомиров Борис Николаевич (1898–1937) – профессор, декан исторического факультета.

¹⁰¹ Симонов С. – историк.

¹⁰² См. например: Симонов С. Пугачевщина: Третья крестьянская революция в России. Харьков, 1931.

¹⁰³ В книге «50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни 1917–1967 гг.» (Москва, 1971 г.) присутствует такая формулировка с ввязи с освещением совещания: «Развернулась дискуссия по вопросам: о своеобразии русского исторического процесса; о феодализме; периодизация феодализма; характер и идеология крестьянских движений; правильность термина «крестьянская революция»; стрелецкие восстания и др.».

Затем в Акад[емии] матер[иальной] культуры¹⁰⁴ был интересный доклад Некрасовой¹⁰⁵ о торговом доме Фуггеров¹⁰⁶; в прениях выступали Кашин¹⁰⁷, Щеголев¹⁰⁸, Эрв. Grimm¹⁰⁹, Вознесенский¹¹⁰, Гуковский¹¹¹ и многие другие; доклад основан на большой работе автора в 5 печатн[ых] листов, которая должна появиться; интересно будет почитать.

Архивные новости: вышли два путеводителя: кратенький по Ленингр[адским] фондам Центрархива и более обстоятельный по фондам Академ[ического] архива с французским резюме, составленным мною¹¹².

Наконец в качестве последней исторической новости: в Париже вышла в издании Bibl. de l'École des hautes études моя книга:

¹⁰⁴ После революции в 1918 г. на основе Императорской археологической комиссии, созданной в 1859 г., была создана Российская Государственная Археологическая комиссия. В 1919 г. она была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК), а затем, после образования СССР, в 1926 г. она переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК).

¹⁰⁵ Некрасова Е.К. – историк. См.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества: Пленум ГАИМК 20–22 июня 1933 г. М.; Л., 1934. С. 11–27.

¹⁰⁶ *Некрасова Е.К.* Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества: Пленум ГАИМК 20–22 июня 1933 г. М.; Л., 1934. С. 11–27. Фуггеры (нем. Fugger) – крупнейший, наряду с Вельзерами, купеческий и банкирский дом Германии XV–XVII веков, который вёл дела по всей Европе и за её пределами. По мнению ряда исследователей, деятельность Фуггеров – высшая точка в развитии раннего европейского капитализма.

¹⁰⁷ Владимир Николаевич Кашин (1890–1938) – историк, профессор Ленинградского университета.

¹⁰⁸ Павел Павлович Щеголев (1903–1936). См.: *Молок А.И.* Научные труды и педагогическая деятельность П.П. Щеголева (1903–1936) // История и историки. Историографический ежегодник. 1971 / Академия наук СССР, Институт истории; отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1973. С. 237–251.

¹⁰⁹ Эрвин Давидович Grimm (1870–1940) – российский историк, доктор всеобщей истории.

¹¹⁰ Сергей Валерианович Вознесенский (1884–1939) – историк.

¹¹¹ Матвей Александрович Гуковский (1898–1971) – советский историк, искусствовед, специалист по Итальянскому Возрождению.

¹¹² Архивы СССР. Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Путеводитель по фондам Ленинградского отделения Центрального исторического архива / под ред. А.К. Дрезена. Подготовили к печати М. Ахун, В. Лукомский, С. Розанов и А. Шилов. Л., Лениблиздат, 1933. 280 с.

«Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. 310 с.»¹¹³. Ценна она главным образом, как сводка всех моих старых работ, рассыпанным по всяким журналам и, такой заказ мне и был сделан. Писался он еще в 1924 г. и почетный диплом присужден в январе 1926 г. а печатались даже без моей корректуры, что, конечно, отразилось на тексте.

Есть и библиография, но в которую не попали, или почти не попали, последние работы. Пока у меня всего один экземпляр; если расщедрятся и пришлют достаточно, то, конечно, пришлю Вам.

Примите уверение в искреннем уважении.

Инна Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 10-10а.

№ 8

24.09.1933 г.

Ленинград, 22

Песочная 2а. кв. 7

Ботанический И[нститу]т

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Относительно нашей с Вами работы могу сообщить, что она сдана в издательство и будет печататься в «Известиях». Недавно Томсинский собирал совещание в Ист[орико]-Арх[ивном] И[нститу]те, просил давать темы докладов, а также статьи в печать, ибо предполагается печатание периодических сборников, есть бумага и даже сулят гонорар; но что из этого выйдет, пока неясно; писать можно обо всем, кроме революции и XX^{го} ст[олетия], что очевидно не входит в программу И[нститу]та¹¹⁴. Что касается несогласованности, то мне о ней говорил Греков. Я дала дополнительно, в виду перемены. в характере статьи, некоторые цифры оборотов компании для XVI ст[олетия] и Грекова смутило несовпадение с Вашими, хотя я объясняла ему, что Вы писали исключительно о XVII-м. Как они вышли из этого затруднения, не знаю. Надеюсь, что корректуру я получу; не знаю, посылали ли Вам; как делали «Известия» раньше?

¹¹³ *Lubimenko I. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. 310 с.*

¹¹⁴ Историко-археографического института Академии Наук СССР.

Недавно Волгин и Державин¹¹⁵ делали доклады о Варшавском конгрессе¹¹⁶, было 6 человек наших делегатов, хотя заявлено было сначала 14 докладов.

С искренним уважением,
Инна Любименко
ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 12.

№ 9

03.11.193_¹¹⁷ г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,
Большое спасибо за присланный оттиск, который пока все некогда прочесть. Не ответила сразу на Ваше письмо, т.к. болела гриппом. Сегодня видела Сергея Николаевича¹¹⁸ и он сказал, что ...¹¹⁹ Вам и даст нужную информацию о Пединституте, с которым у меня нет контактов.

Я знаю только одного историка, который работал в Пединституте (но не знаю в этом ли) – Кудрявцева¹²⁰, знаю его очень мало, слушала в 20-х гг. его доклад об Ост. Инд. Компании англичан¹²¹, на редкость слабый, но может быть он с тех пор усовершенствовался.

По моему предложению интересное пренебрегать им не следовало бы.

Что касается нашего климата, то право он сейчас расплачивается плохой репутацией за старые грехи. В последние годы он удивительно изменился. Зимы у нас мягкие, лета чудесные, даже сейчас здесь очень неплохая погода (все время немного выше 0),

¹¹⁵ Николай Севастьянович Державин (1877–1953) – советский филолог-славист и историк, академик АН СССР (1931).

¹¹⁶ Состоявшемуся VII-му Международному конгрессу историков в Варшаве 21–28 августа 1933 г. позднее было посвящено особое заседание Историко-археографического института Академии Наук СССР, на котором сделаны были доклады членами Советской делегации на Конгрессе акад. В.П. Волгиным и акад. Н.С. Державиным.

¹¹⁷ Невозможно уточнить дату – *Ф.К.*

¹¹⁸ Сергей Николаевич Чернов (1887–1941) – историк.

¹¹⁹ Далее неразборчиво – *Ф.К.*

¹²⁰ Александр Евгеньевич Кудрявцев (1880–1941) – русский и советский историк-медиевист, переводчик, педагог.

¹²¹ См. *Кудрявцев А.Е.* Ост-Индская проблема XVII в. // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. Т. XI. Л.: Лениздат, 1938. С. 87–112.

тогда как с Кавказа ...¹²² слякоть и гололедица, чего у нас совершенно нет, грипп теперь повсеместен.

Что-то неладное творится с Сергеем Николаевичем¹²³: с работой он совсем застрял, жалуется на нервное заболевание и я думаю, что ему действительно следует лечиться в этом направлении.

Я очень боюсь, чтобы он подведет все наше предприятие с историей АН XVIII¹²⁴. – столетие должно было быть закончено к 17 января 1940 г. Я сдала гл. 1. и в конце этого месяца сдам гл. 4.

Гл. 2 и 3 у Сергея Николаевича, причем эту эпоху он великолепно знает, он не раз писал, и все же он уже на месяц опаздывает и как-то нет уверенности, что вообще даст обещанное. Пожалуй ему лучше сосредоточиться на профессуре, он легче говорит, чем пишет, а между тем он так богат знаниями и мыслями, что прямо иногда обидно за него становится. В XVIII в участвует еще Андреев,¹²⁵ пишет гл. 5 и редактирует весь этот период ...¹²⁶.

Завтра собираюсь на защиту докторской диссертации Матвея Гуковского¹²⁷; очень сожалею, что не пришлось быть на Вашей,¹²⁸ говорят, была блестящая защита, что, конечно, и следовало ожидать.

Пользуясь случаем поздравляю Вас с праздником и пожелаю всего наилучшего.

С искренним уважением,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 14.

№ 10

23.11.1933 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Работа наша была сдана в типографию, но Томсинский взял ее обратно для вторичной правки и, боюсь, замаринует. Может

¹²² Далее неразборчиво – Ф.К.

¹²³ С.Н. Черновым.

¹²⁴ См. подробнее о ходе подготовки истории АН XVIII в. в работе Татьяны Чумаковой «Выбор ученого. Наука и политика в тоталитарном обществе» URL: <http://gefter.ru/archive/10614> (дата обращения: 12.05.2018). Заметим, в данной статье неверно указана фамилия С.Н. Чернова (вместо Чернов написано Лернов).

¹²⁵ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) – историк.

¹²⁶ Далее неразборчиво – Ф.К.

¹²⁷ Матвей Александрович Гуковский (1898–1971) – историк, искусствовед, специалист по Итальянскому Возрождению.

¹²⁸ 2 июня 1938 г. С.И. Архангельский защитил диссертацию на степень доктора исторических наук.

быть если Вы напишите лично ему, это окажет некоторое воздействие. Я при встрече буду напоминать, но ...¹²⁹ его мне трудно, т.к. я днем работаю в другом месте.

Журнал должен выйти...¹³⁰.

С совершенным уважением,

И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 16.

№ 11

21.05.1935 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Примите мою искреннюю благодарность за любезно присланный оттиск. Жаль, что Ваша столь широко задуманная работа печатается в отдельных отрывках; непременно надо было бы объединить ее в целую книгу. Вполне понимаю, что Вы завалены учебной работой¹³¹, сейчас все историки – педагоги на это жалуются, приходится восполнять старые лакуны по части подготовки кадров историков. Я от души радуюсь, что служу по исследовательской части. Правда, мне пришлось, работая в Институте Истории Науки и Техники, переключиться на XVIII^й век и с экономической истории на историю просвещения¹³², но работа эта меня увлекла своей новизной, богатством неиспользованных архивных фондов, большими удобствами, представляемыми исследователям Архивом АН. Сейчас я подготовила издание (около 30 печатных листов) Ученой Корреспонденции (преимущественно иностранной) Академии¹³³; оно будет состоять из моей вступительной статьи (по русски и по французски), научного описания 2117 писем за 1766–83 годы и приложения в виде 30 писем in extenso¹³⁴ с переводами и комментариями. Здесь есть письма Дидро¹³⁵, Кон-

¹²⁹ Далее неразборчиво – Ф.К.

¹³⁰ Далее неразборчиво – Ф.К.

¹³¹ С.И. Архангельский преподавал на литературно-историческом факультете Нижегородского (Горьковского) педагогического института.

¹³² См. например, Просвещение и наука при Петре I и основание Академии наук // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1945. № 3. С. 169–182.

¹³³ См, например: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII ст. (1766–1782) // Книжные новости. 1937. № 6. С. 26–27; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание. 1766–1782. М.; Л., 1937. 606 с.

¹³⁴ В несокращенном виде, полностью.

¹³⁵ Дени Дидро (1713–1784) – французский просветитель.

дорсе¹³⁶, Лапласа¹³⁷, Лагранжа¹³⁸, Л. Эйлера.¹³⁹ Много ценного для истории Академии, математики, физики. К работе по комментированию этих писем привлечены соответствующие специалисты. Сборник иллюстрируется фотографиями ученых и снимками с документов. Общим редактором состоит Акад[емик] Рождественский¹⁴⁰. Гудмаг Архив и ИИНИТ сообщают.

Кроме того по согласованному мною плану намечено написание научно-популярной истории АН в XVIII в. Я уже заключила договор на 2 главы; в общем мне отводится около половины 1^{го} тома, который посвящается истории Академии, а 2^й том, посвященный истории научных дисциплин в Академии, будет писаться различными специалистами. В Вестнике АН мною напечатан ряд мелких статей.

По истории Академии XVIII^{го} ст[олетия], а в Архиве Ист[ории] Науки и Техн[ики] печатается моя статья об основании Росс[ийской] Академии;¹⁴¹ кроме того одна статья будет печататься по французски в *Revue d' Hist. Mod*¹⁴².

В общем результаты не плохие, но зато англо-русские отношения отложены в долгий ящик.

От души желаю, чтобы Ваша жена поправилась¹⁴³. Болезнь близких всегда тяжелое испытание. В 1929-30 годах у меня 8 месяцев тяжело болел отец и я знаю, что это значит. Но ему было 82 года и утешало сознание, что он взял от жизни все, что она могла ему дать.

С искренним уважением,
Инна Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 17.

¹³⁶ Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де Кондорсе (1743–1794) – французский философ.

¹³⁷ Пьер-Симон, маркиз де Лаплас (1749–1827) – французский математик.

¹³⁸ Жозеф Луи Лагранж (1736–1813) – французский математик.

¹³⁹ Леонард Эйлер (1707–1783) – швейцарский, немецкий и российский математик.

¹⁴⁰ Дмитрий Сергеевич Рождественский (1876–1940) – физик

¹⁴¹ Об основании Российской Академии // Архив истории науки и техники. Л., 1935. Вып. 6. С. 97–116.

¹⁴² *Un académicien russe à Paris // Revue d'histoire moderne*. 1935, Nov.-Déc. С. 415–447.

¹⁴³ Анна Богумиловна Архангельская, супруга от второго брака Архангельского, скорострительно скончалась от рака в конце 1936 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Большое спасибо за отклик и открытку, полученные вчера. Сегодня у меня как раз вечер свободный, так что решила написать сразу. Ирландией заниматься мне не приходилось. Среди деятелей англо-русских отношений большую роль играли шотландцы.

Сейчас волею судеб я совсем отстала от этих вопросов и завязала в XVIII ст. Печатаю несколько статей в Архиве Истории науки и техники; по одной получила вчера отклики (об основании Российской Академии)¹⁴⁴, но Вам это вряд-ли интересно?

Французская статья печатается в ...¹⁴⁵¹⁴⁶, откликов еще нет. Кроме того довольно медленно идет печатание моего огромного кирпича научного описания Ученой корреспонденции XVIII ст. (ок. 50 печ. листов говорят) и пишем коллективную краткую историю АН XVIII в.

В историческом мире не мало перемен. Чернов¹⁴⁷ уезжает повидимому в Фергану¹⁴⁸. Появился на горизонте А.И. Андреев¹⁴⁹, работает по истории Сибири. Шебунин¹⁵⁰ участвует в нашей истории АН. По-видимому АН сливается с Коммунистической академией.¹⁵¹ Исторический институт¹⁵² все формируется, но так что-то всякие собрания заглохли здесь.

Умер неожиданно на днях П.П. Щеголев¹⁵³, Вы, вероятно, уже знаете.

Преподавание и здесь у многих отнимает массу времени. Я рада, что в этом деле безгрешна и смогу спокойно работать.

¹⁴⁴ Об основании Российской Академии // Архив истории науки и техники. Л., 1935. Вып. 6. С. 97–116.

¹⁴⁵ Далее неразборчиво – Ф.К.

¹⁴⁶ Un académicien russe à Paris // Revue d'histoire moderne. 1935, Nov.-Déc. С. 415–447.

¹⁴⁷ С.Н. Чернов.

¹⁴⁸ Город в восточном Узбекистане.

¹⁴⁹ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) – российский историк.

¹⁵⁰ Шебунин Андрей Николаевич (1887–1937) – историк.

¹⁵¹ В 1934 г. Совнарком СССР принял постановление о переводе АН из Ленинграда в Москву. В 1936 в состав АН вошла Коммунистическая академия.

¹⁵² В 1936–1937 гг. философский и исторический факультеты института объединены с воссозданным (в 1934 г.) историческим факультетом Ленинградского университета, на базе двух других факультетов ЛИФЛИ образован филологический факультет Ленинградского университета.

¹⁵³ 13 января 1936 г. на 33-м году жизни скончался Павел Павлович Щеголев.

Примите наилучшие пожелания по случаю Нового года.

С искренним уважением,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 20.

№ 13

24.03.1936 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Примите искреннюю благодарность за присланную книгу¹⁵⁴.

Мне давно хотелось, чтобы Ваш ценный труд вышел целостном виде. К сожалению, я сейчас могу только с вожделием смотреть на Ваш дар, а читать, его, увы, не имею времени, т.к. помимо работы по истории АН приходится читать с апреля в Центрархиве курс по истории архивного дела на Западе¹⁵⁵ и мне надо успеть к нему подготовиться. Но, как только стану свободнее, прочитаю с полным вниманием и тогда только сообщу Вам свои критические замечания, если таковы будут.

С искренним уважением,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 22.

№ 14

18.09.1937 г.

Горький, ул. Ошарская, д. 27 кв. 1

Дорогая Инна Ивановна!

Только что прочитал в газетах сообщение о смерти академика Любименко¹⁵⁶. Это известие поразило меня. Выражаю Вам свое искреннее сочувствие. Я хорошо знаю по личному опыту, что значит лишиться близкого человека¹⁵⁷. Желаю вам душевной бодрости, чтобы перенести этот удар и продолжить свою полезную и ценную работу.

Уважающий вас С. Архангельский.
СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 250. Л. 1.

¹⁵⁴ *Архангельский С.И.* Аграрное законодательство великой английской революции 1643–1648 годов. М.; Л., 1935.

¹⁵⁵ См. Государственные архивы Бельгии с 1930 по 1936 // Архивное дело. 1939. № 51. С. 136–139.

¹⁵⁶ Речь идет о муже Инны Ивановны – Владимире Николаевиче Любименко (1873–1937).

¹⁵⁷ С.И. Архангельский пережил смерть двух своих детей и двух жен.

№ 15**04.10.1937 г.**

Дорогой Сергей Иванович,

Я очень тронута Вашим откликом на постигший меня удар. Он был совершенно неожиданным. Муж не болел и буквально никто не хотел верить разразившейся катастрофе. Конечно так лучше для него, он всегда хотел именно такой смерти, но так терять дорогого человека, с которым прожил 38 лет, особенно тяжело. Мы ведь потеряли единственного сына совсем маленьким и он был для меня здесь единственным по настоящему близким человеком. По счастью он оставил учеников¹⁵⁸, которые считают себя его духовными сынами и оказывают мне большую помощь. Сейчас у меня много всяких сложных дел и не знаю, когда удастся войти в научную работу из нее выйдет.

Будьте добры, передайте Сергею Николаевичу¹⁵⁹ прилагаемое письмо, т.к. я не знаю его адреса.

С искренним уважением
и сердечной благодарностью,

И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 23.

№ 16**19.10.1937 г.**

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Согласно Вашей просьбе посылаю Вам свою книгу об англо-русской торговле и два иностранных оттиска¹⁶⁰, составляющих до некоторой степени продолжение ее. Передайте их в Ваш исторический кабинет. Большое спасибо за Ваш оттиск (еще его не читала, но скоро надо прочесть) и за поздравление к празднику; ...¹⁶¹. За последние 2 месяца я отстала от исторической работы, но ско-

¹⁵⁸ Среди учеников В.Н. Любименко часто указывают А.А. Кузьменко. См.: *Кузьменко А.А.* Памяти Владимира Николаевича Любименко (1873–1937) // Природа. 1938. № 1.

¹⁵⁹ С.Н. Чернову. С 1937 г. он стал профессором кафедры истории СССР Горьковского педагогического института. Инна Ивановна не знала адрес С.Н. Чернова в г. Горьком.

¹⁶⁰ *Любименко И.И.* История торговых сношений России с Англией. Вып. I. XVI в. Юрьев, 1912. 192 с.

¹⁶¹ Далее неразборчиво – Ф.К.

ро надо будет заставить себя за нее взяться. Привет Сергею Николаевичу¹⁶². Собирается ли он в Ленинград?

С искренним уважением,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 25.

№ 17

02.04.1938 г.

Я несколько виновата перед Вами, не поблагодарила Вас за присылку Вашего последнего оттиска. Делаю это теперь задним числом. Уж Вы простите, очень я замоталась за последнее время со всякими личными делами, связанными со смертью мужа, а тут еще имела неосторожность взяться за писание трех тем для пятитомника *Истории народов СССР*¹⁶³. Думала, что это мне поможет отвлечься и упокоиться, но, кажется, только надорвалась. Сейчас остался месяц до подачи всего, а у меня все написано вчерне и все мне не нравится. К тому же организация этого дела отвратительная¹⁶⁴.

Программы подавали к 15-му февраля, а лишь сейчас пришли на них критические замечания, да и то лишь по XVI ст. У меня три темы.

1) В главе об Иоанне IV «Рынок и торговые связи с Зап. Европой и Востоком»¹⁶⁵; 2) в Крестьянской войне¹⁶⁶ «Проект англий-

¹⁶² С.Н. Чернову.

¹⁶³ «С начала 1930-х гг. была провозглашена задача изучения «истории народов СССР». Собственно говоря, это и стало первым и главным направлением работы ИАИ». См. подробнее: *Вовина-Лебедева В.Г.* Историко-археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 45–49. См. также: ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 43, 99.

¹⁶⁴ См. подробнее: 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917–1967 / сост.: А.И. Алаторцева, Г.Д. Алексеева. М., 1971. С. 210; *Вовина-Лебедева В.Г.* Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 45–49. См. также: ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 43, 99.

¹⁶⁵ Для 12-томника «История СССР» (позднее названного «Очерками истории СССР») И.И. Любименко подготовила раздел «Рынок и торговые сношения с Западом и Востоком при Иване IV», который остался в рукописи (ПФА. Ф. 133. Оп. 3. Д. 170. Л. 6). См. *Солодкин Р.Я.* И.И. Любименко: основные направления научного творчества (из истории отечественной исторической науки первой половины – середины XX в.). Нижневартовск, 2010.

ской интервенции»¹⁶⁷, и наконец 3) в Империи Екатерины II в главе о Просвещении «Наука». Все ужасно кратко; в 1) и 3) по 8 стр., а во 2) – 2 стр., требования же, чтобы было и интересно, и популярно, и научно, чтоб были лица, и факты и пр. и пр. При всей моей привычке коротко писать я теряюсь; напишу длиннее, сокращу, не нравится, опять пишу уже не знаю которые варианты. Интересно знать пишет-ли Серг. Ник.¹⁶⁸ Сколько я знаю, у него наука или вообще просвещение при Петре¹⁶⁹ и позднее, словом я должна его продолжить.

Страшно неудобно, что масса авторов, часто по разным городам и никакого контакта.

Кстати я хочу задать Вам один вопрос. В главе о XVII ст. есть такой раздел «Образование «всероссийского рынка». Экономическая политика». Пишет кто-то в Москве. Может быть я страшно невежественна, но Вам я признаюсь, что мне неясно, что это за «всероссийский рынок»¹⁷⁰ в кавычках и это меня как-то смущает. Вы занимались торговлей XVII ст. и наверное в этом смысле осведомленнее меня; а т.к. Серг. Ник. читает лекции, то наверное может дать разъяснение этих кавычек. Меня это мучает и очень хочется просветиться; буду очень благодарна, если кто-нибудь из вас двоих возьмет на себя эту функцию. Я вообще чувствую, что, занявшись XVIII ст., отстала от XVI и XVII¹⁷⁰ и немножко жалею, что взялась за разные темы».

Недавно был в последнем номере «Историка-марксиста» отзыв о моей «Ученой корреспонденции» очень хвалебный и это меня порадовало. Правда меня там не называют, а лишь редактор ак. Рождественский¹⁷¹, но т.к. вся работа, в сущности, лежала на мне, то я могу с чистой совестью принять это на свой счет.

¹⁶⁶ Речь идет о крестьянской войне 1667–1671 гг. в России.

¹⁶⁷ См. более позднюю опубликованную работу И.И. Любименко: Планы английской интервенции в России в начале XVII ст. // Советская наука. 1941. № 2. С. 12–27.

¹⁶⁸ С.Н. Чернов

¹⁶⁹ Речь идет о Петре I.

¹⁷⁰ См., например: *Тихонов Ю.А.* Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 220.

¹⁷¹ «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века» (1766–1782 гг.). Научное описание. С. 262 // Историк-марксист. 1937. № 5–6; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII ст. (1766–1782) // Книжные новости. 1937. № 6. С. 26–27.; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание. 1766–1782. М.; Л., 1937. 606 с.

Как Ваши дела, не собираетесь ли Вы в наши края? Если приедете, не забудьте позвонить, приятно будет повидаться. Я в квартирном отношении устроилась прекрасно, адрес старый и телефон. Точнее, мне перегородили квартиру, т. ч. получилась совершенно отдельная квартира со всеми удобствами; тихо, спокойно и можно работать без помехи. Я написала биографию мужа¹⁷², которая всем очень нравится и будет помещена в двух сборниках его памяти: русском и украинском.

В ожидании от Вас ответа и с просьбой передать Вам привет Сергею Николаевичу.

Искренне Вас уважающая,
И. Любименко

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 26–26а об.

№ 18

17.03.1940 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

На этот раз я оказалась, против своего обыкновения, перед Вами невежей – не поблагодарила сразу за присланные научные работы. Произошло это отчасти благодаря нашему общему приятелю, Сергею Николаевичу, который утверждал, что Вас ждут в Ленинград, почему я отложила писание, а затем пришлось спешно кончать главу по истории Академии¹⁷³ к 1-му марта, после чего после усиленного писания разболелась рука и вот только сейчас я наконец пишу Вам сердечную благодарность за присланные очерки. Конечно мне особенно интересны ...¹⁷⁴ «Дипломатические агенты Кромвеля»¹⁷⁵, т.к. у меня ведь есть английская статья на ту же тему, но Вашего материала я не знала и он безусловно богаче моего. Кстати я не помню, есть ли у вас эта моя статья «Anglo-Russian relations during the first English revolution» // Roy. Hist. Soc. Frans. 4 ser, v. XI»¹⁷⁶ спрашиваю потому, что Вы цитируете

¹⁷² Любименко И.И. Биография В.Н. Любименко // Збірник праць присяячений пам'яті ака-демика В.М. Любименка. Київ, 1938. С. 5–13.

¹⁷³ Академии наук.

¹⁷⁴ Далее неразборчиво – Ф.К.

¹⁷⁵ Архангельский С.И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки. Т. 5. 1939.

¹⁷⁶ Anglo-Russian relations during the first English revolution // Transactions of the Royal Historical Society, 4th series, v. XI, London, 1928. P. 39–59.

мою книгу¹⁷⁷, а не эту статью. Если у Вас ее нет, могу Вам ее прислать, она от 1928 г.

Сергей Николаевич почему-то решил, что Вам надо было непременно напечатать материал в переводах, но я с ним в данном случае не согласна, ведь материал печатный, а рукописный, да по-видимому и довольно объемистый.

Что то с Сергеем Николаевичем делается совсем неладное. 1^{го} мая будет год, как ему передала свою штатную должность¹⁷⁸, а он до сих пор не дал для нашей книги ни одной полной главы. Я за это время успела, не смотря на то, что сознательно перешла на договорную 1/2 – ставку, дать 2 главы, да еще обе в двух редакциях – более краткой и более распространенной. Тоже, оказывается, происходит и в И[нститут]е Народов Севера¹⁷⁹, где он должен прочесть курс по XVI – XVIII ст., а в данное время дошел лишь до Грозного. Интересно, как было у вас в Горьком? Есть сведение, что семья сильно мешает его трудоспособности. Он такой талантливый и интересный ученый, что прямо обидно за него становится. Я от души хотела, чтобы он остался здесь и радовалась, что содействовала этому, а теперь я почти жалею о своем поступке и для дела. Для него самого, т.к. это может кончиться каким-нибудь очень неприятным для него образом. Нельзя сказать, чтобы он не работал, по-видимому у него масса набрана материалов, но результата от этого как-то не получается.

Как Вы живете в Горьком и не собираетесь ли все-таки к нему в Ленинград? Так очевидно Вы и отделились от профессуры здесь, жаль!

Я прожила три месяца на положении полукрота, т.к. в темноту из Сада¹⁸⁰ трудно было выползать – боялась ужасно. Теперь

¹⁷⁷ *Lubimenko I. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie. P. 241.*

¹⁷⁸ *Кузнецов А.А., Соломонов В.А. «Люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей» (Из эпистолярного наследия С.Н. Чернова) // История и историческая память: межвуз. сборник научных трудов. Вып. 5. Саратов, 2012. С. 221–240; Кузнецов А.А. «Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей»: материалы к биографии С.Н. Чернова в 1937–1941 годы // Русское средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 39–54.*

¹⁷⁹ С 1940 г. С.Н. Чернов стал заведующим кафедрой Института народов севера. Более подробно об институте см. на его сайте: <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/ins/1390565482/>

¹⁸⁰ Ботанического сада.

дело идет к свету, да и маскировка наконец снята, благодаря нашей блестящей победе. Но холода у нас до сих пор упорно держаться, т.ч. вечером прямо не хочется вылезать. Днем на солнышке -5-10. У меня в квартире тепло, что является большим плюсом.

Недавно получена интересная для нас с Вами американская книга D.R. Reading The Anglo-Russian commercial treaty of 1734, вышедшая в 1938 г.¹⁸¹

Я собиралась писать на нее рецензию, но не очень знаю, куда ее помещать, сейчас мало где их печатают, а с другой стороны намерение оставить книгу на такую тему вне поля зрения наших историков. Ведь в провинции ее наверное нет. Думаю, что Историк-марксист напечатает.

В надежде все-таки увидеть Вас в скором времени у себя, очень с дружеским приветом, И. Любименко.

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 28–29.

№ 19

03.10.1940 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Примите большую благодарность за присланный Вами т. II Вашего интересного исследования¹⁸², следовало бы мне собраться написать отзыв о Вашей работе (реферат для Историка-марксиста), но не знаю, соберусь ли, как-то совершенно не нахожу времени.

Нас очень загрузила меня история АН. Сергей Николаевич нас крайне подвел¹⁸³. Из 3-х порученных ему глав, он написал лишь одну, но т.к. вместо главы он дал в сущности «материалы и соображения» на 23 п. лл., которые редактор, друг его Андреев¹⁸⁴, отказался редактировать без него, а он сам так и не собрался, то в результате Сергея Николаевича сократили при сокращении штатов в Архиве и он теперь у нас не работает и я его совершенно не вижу.

Я – же погружена теперь в XIX столетие (эпоха Александра II) и от всего этого как-то отстала. Только придется еще в связи с

¹⁸¹ *Reading D.K.* The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. Yale Historical Publications. New Haven; London, 1938. 301 p.

¹⁸² *Архангельский С.И.* Аграрное законодательство английской революции 1649–1660 гг. М.; Л., 1940.

¹⁸³ О моральном состоянии С.Н. Чернова смотрите в работе: *Кузнецов А.А., Соломонов В.А.* «Люблю Горький ... С. 221–240.

¹⁸⁴ Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) – российский историк.

Лепехинским юбилейной датой¹⁸⁵ подготовить к ноябрю доклад для Географического общества¹⁸⁶.

Здоровье мое неважно и я кроме архива почти нигде не бываю. Что касается Дохтурова¹⁸⁷, то в Английских делах в Москве, сколько я помню, кое-что есть.

Жаль, что Вы не попали в Ленинград. Я летом никуда не ездила и даже сократила свой отпуск до 1 месяца, лучше когда кончу главу, отдохну еще 2 недели; пока совершенно некогда.

Ваша книга должна быть готова вчерне к 1 дек[абря], и окончательно отредактирована в первый квартал 1941 г. А у меня в ней три совсем разные эпохи: Петра I, Екат. II и Алекс. II. Будет 2 тома до Советского периода в 1941 г. и том 3-й, советский пер. в 1942-м.

С сердечным приветом уважающая Вас,
И. Любименко.
ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 31–31об.

№ 20

01.09.1941 г.
Ленинград 22
Ул. Проф. Попова 2, кв. 7

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Сегодня получила Ваше письмо и спешу на него ответить, так как мы сейчас живем настоящим днем и стараемся ничего не откладывать.

Я в Ленинграде, как и большинство ленинградских ученых. Правда нас двух членов Комиссии по истории АН приписали к Историческому ин-ту на эвакуацию¹⁸⁸, но пока что ничто не двигается. Лично мне очень бы хотелось избежать этого; ведь Ленинград мой родной город и очень не хочется бросать его в тяжелый исторический момент. К тому же у меня старушки родственницы¹⁸⁹,

¹⁸⁵ Иван Иванович Лепёхин (1740–1802) – русский учёный-энциклопедист.

¹⁸⁶ Речь идет о Русском географическом обществе.

¹⁸⁷ Герасим Семёнович Дохтуров ум. 1677 г. См. также: *Рогинский З.И.* Лондон 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Г.С. Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960.

¹⁸⁸ В соответствии с решением Президиума АН СССР.

¹⁸⁹ Опубликованы воспоминания И.И. Любименко, в частности, она упоминает в них свою сестру Т.С. Яникову, которой было 70 лет. <http://ranar.spb.ru/rus/books6/id/678/>

которых двинуть невозможно для которых являюсь опорой. Архив наш все принимает и принимает дела и двигаться не может. Пока работаем по прежнему. В моем возрасте и положении особенно оберегать свою жизнь было бы странно. Мой прадед брал Ахалцих¹⁹⁰ и я, по уверению покойного мужа, унаследовала от него некоторую долю физической храбрости. Конечно в старости нервы уже не те, но в данном случае сама судьба решает за нас.

Что касается моих англо-русских работ, то довольно полный список их имеется в библиографии моей франц. книге 1933 г. «Les relations commerciales ex politiques de L'Angl coss la Russie ...le grand»¹⁹¹. Кажется у Вас она есть? Статья же в Reon d'hishure e'rew ex soc¹⁹² касается франко-русских отношений.

Из статей главные Вам хорошо известны. Не помню, есть ли у Вас статья в Rome d'Eutdex slaus IV 1924 г.¹⁹³ общим заглавием «Les exangers on Russie amont Pieri le...». Наиболее интересная сейчас статья о проектах союзов (...по русски Историч. Изв. 1916 г.)¹⁹⁴, «The Correspondence of a Elisabeth with the Russian Czars»¹⁹⁵ печатана впервые в Americ. Hist. Rew. 1914, April; «Englands part in the discovery of Russia» Slovenic Reo 1927¹⁹⁶. Несколько статей в Ray Hist. Soc. Tran...¹⁹⁷, вероятно, известны. Вообще думаю, что Вы основные знаете, а если что пропустите, то это, конечно, не существенно.

¹⁹⁰ Ахалцихе – город на юге Грузии. Находится на реке Поцховис-Цкали (приток Куры).

¹⁹¹ Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. 310 p.

¹⁹² Contribution à l'histoire des relations commerciaux Franco-Russes au XVIe siècle // Revue d'histoire economique et sociale. 1929. № 3. P. 18–40 (оттиск).

¹⁹³ Les étrangers en Russie avant Pierre le Grand: marchands, travailleurs, techniques, artisans, agriculteurs // Revue des Etudes slaves. T. IV. 1924. Fasc. 1–2. P. 263–281.

¹⁹⁴ Любименко И.И. Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией // Исторические известия. 1916. № 2. С. 14–26.

¹⁹⁵ The Correspondence of Queen Elizabeth with the russian czars // American Historical Review. 1914, v. XIX. № 3. P. 525–542.

¹⁹⁶ England's part in the Discovery of Russia // Slavonic Review. 1927. № 6 (оттиск).

¹⁹⁷ Вероятно, Contribution à l'histoire des relations commerciales franco-russes au XVIe siècle // Revue d'histoire economique et sociale. 1929. № 3. P. 18–40 (оттиск); La rôle comparatif des différents peuples dans la découverte et la description de la Russie // Revue de Synthèse historique. 1929, t. 48. P. 38–56.

Имейте в виду, что в Ленингр. Ун-те молодой историк Яков Лурье¹⁹⁸ занимался англо-русскими сношениями и напечатал переводы писем Горсея¹⁹⁹. Он сын профессора древней истории²⁰⁰ и повидимому довольно способный. Вообще в последние два года не мало людей обращалось ко мне за консультацией по этим вопросам, но их работы находились повидимому еще в стадии созидания.

Как удачно для Вас, что Вы не перебрались в Ленинград. Для Сергея Николаевича²⁰¹ тоже было бы лучше, если б, он оказался в Горьком, тем более, что живет он за городом и материально, кажется, устроен плохо²⁰². Я теперь редко его вижу.

История Академии до 1917 г. написана, но с редактированием предстоит не мало работы. Я сейчас занята приложениями: библиографией и пр.

В надежде, что судьба еще готовит нам встречу остаюсь с искренним уважением Инна Любименко.

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 33–34об.

№ 21

19.03.1942 г.

Ленинград 22

Ул. Проф. Попова 2, кв. 7

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Ваше письмо от 6/XII41 г. получила лишь на днях, хотя живу по прежнему на старом месте. Наверно Ваши родные за это время уже переехали в Горький.

Что касается Сергея Николаевича, то никто у нас о нем ничего не знает; он был в Пушкине (б. Царское село) во время наступления туда немцев и с тех пор никаких вестей о нем нет, что естественно наводит на печальные мысли.

Я продолжала работу при Архиве по Комиссии АН, а сейчас повидимому перейду в Историч И-т, ряды которого здесь сильно поредел.

¹⁹⁸ Яков Соломонович Лурье (1921–1996) – советский и российский филолог.

¹⁹⁹ Сэр Джером Горсей (1550–1626) – английский дворянин, дипломат.

²⁰⁰ Соломон Яковлевич Лурье (1891–1964) – советский филолог-эллинист и историк античности и науки.

²⁰¹ С.Н. Чернова.

²⁰² Во время Великой Отечественной войны С.Н. Чернов не успел эвакуироваться из Пушкина. Скончался 26 декабря 1941 г.

²⁰³ сейчас мы пытаемся наладить работу. Я выдвигаю англо-русские сношения 18^{го} стол., а Андреев русско-американские; через 10 дней должна делать доклад в предполагаемой работе; пока я была в Комиссии по истории АН, я мыслила ее лишь в узких рамках научных сношений, но теперь хочется ее расширить; весь вопрос, конечно, в том, как сложатся возможности работы летом и насколько выдержит у меня здоровье. Настроение у меня не плохое; в длинные темные вечера поднимала его писанием стихов; приведу Вам, пожалуй одни, т.к. они хорошо характеризуют настроение осажденного ленинградца, а кто знает, мож. б. Вам придется писать мой некролог! Ведь мне скоро 64 года и жила я в эпоху, когда годы можно вполне считать вдвое.

«Есть жизни серые, счастливые быть может

Но не познавшие ни бури, ни огня;

Ничто их в жизни сильно не тревожит

И не отличен им день ото дня.

Они пройдут как тени над землю,

Они угаснут, в сущности ни жив

²⁰⁴

Мы рождены под ²⁰⁵

Нам суждено страданье и борьба;

Под грохот выстрелов, в снарядов вое

Куется наша жуткая судьба.

И пусть тяжел и труден путь наш

Крестный,

Пусть кубок жизни через край бежит –

– Он полон был и даже самый безызвестный

Из нас не будет скоро позабыт

Потомки наши предков не забудут,

В сказаньях, песнях будут вспоминать,

И наша жизнь для них примером будет

Того, что жизнь не значит прозябать»

Я твердо решила сидеть в Ленинграде до конца и никакие планы эвакуации меня пока не соблазняли. Уверена, что мы отстоим наш чудный город от немцев^{206 207}.

²⁰³ Замазаны 1, 8 верхние строки.

²⁰⁴ Вырезаны три строки из листа.

²⁰⁵ Вырезан конец строки.

²⁰⁶ Блокада Ленинграда длилась с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г.

²⁰⁷ Вырезано.

На мое счастье эту зиму наш дом отапливался, т.к. вся работа Ботан. И-та²⁰⁸ перенесена была в него и здесь-же помещен стационар²⁰⁹. Думаю, что за пределами Ленинграда не может не сказываться нашествие фашистских гуннов.

У нас до сих пор большие морозы и вообще зима холодная и ровная. Все же сейчас идем к теплу и свету, и солнце некоторые дни очень дает себя знать.

С сердечным приветом и благодарностью за память,
Инна Любименко.

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 36–37об.

№ 22

04.12.1944 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович,

Давно ничего не слышала о Вас. Хотелось бы знать, что Вы здоровы и по прежнему энергично работаете. Я только на днях прибыла из Ташкента домой, пока вся в хлопотах, часть нашего института еще там, т.к. общей реэвакуации еще не было. В кв. у меня все в порядке и даже действует центральное отопление. Черкните о себе. Сергея Николаевича считали погибшим, но недавно я слышала, будто он жив где-то за пределами нашей досягаемости.

ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 39.

²⁰⁸ В 1931 г., в результате слияния Ботанического сада с Ботаническим музеем АН СССР образован Ботанический институт АН СССР.

²⁰⁹ В годы Великой Отечественной войны сотрудники института работали в помощь фронту и осажденному городу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алеврас Наталия Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

Антощенко Александр Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Бухерт Владимир Генрихович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук.

Вишленкова Елена Анатольевна – д-р ист. наук, ординарный профессор Школы исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Волошина Валентина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Галчева Таня – независимый исследователь, основатель и руководитель Общества "Saved Archives" (София, Болгария).

Ильина Кира Андреевна – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, старший преподаватель Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ковалев Михаил Владимирович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук.

Корзун Валентина Павловна – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Крих Сергей Борисович – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Кузнецов Андрей Александрович – д-р ист. наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Лубский Анатолий Владимирович – д-р филос. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологий региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Мамонтова Марина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Матханова Наталья Петровна – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН.

Метель Ольга Вадимовна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Мягков Герман Пантелеймонович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского (Приволжского) государственного университета.

Попова Алиса Андреевна – магистрант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Репина Лорина Петровна – д-р ист. наук, профессор, член-корр. РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), зав. кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института философии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Сидорова Любовь Алексеевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва).

Сыченкова Лидия Алексеевна – д-р ист. наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета.

Тихонов Виталий Витальевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Федосеева Ксения Владимировна – независимый исследователь (г. Нижний Новгород).

Чеканцева Зинаида Алексеевна – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Научное издание

МИР ИСТОРИКА
Историографический сборник

Выпуск 12

Издается в авторской редакции.
Макет подготовлен в издательстве ОмГУ

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*
Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 08.02.2019. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 32,0. Усл. печ. л. 29,7. Уч.-изд. л. 30,3. Тираж 50 экз. Заказ 22.

Издательство Омского государственного университета
644077, Омск, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск, пр. Мира, 55а